ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

«НАУКА»

2012

Индекс 70119

ПОДПИСКА-2012
ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
1 том Российские и зарубежные газеты и журналы
2 том Книги и учебники
ПРЕС
1 том РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России **по объединенному Каталогу** Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге **в разделе "АПР"**

«НАУКА»

ISSN 0321-0391 Вестник древней истории, 2012, № 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1 (280)

Январь–Февраль–Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА 2012 «НАУКА»

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова

Редакционный совет

член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский* (председатель),
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, д.и.н. *А.О. Большаков*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
акад. РАН *Н.Н. Казанский*, д.и.н. *В.И. Кузищин* (зам. председателя),
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*, д. филол. н. *В.А. Лившиц*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
акад. РАН *В.С. Мясников*,
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский*, д.и.н. *М.К. Трофимова*

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (главный редактор)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев*, д. филол. н. *Д.Е. Афиногенов*, д. филол. н. *Л.С. Баюн*,
д.и.н. *М.Д. Бухарин*, д.и.н. *А.А. Вигасин*, к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора),
д. филол. н. *Н.П. Гринцер*, член-корр. РАН *М.А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
д.и.н. *М.М. Дандамаева*, д.и.н. *С.Г. Карпюк*,
член-корр. РАН *Г.А. Кошеленко* (зам. главного редактора),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (ответственный секретарь), к.и.н. *И.А. Макаров*,
д.и.н. *А.И. Павловская*, д.и.н. *А.В. Подосинов*, д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин*,
д.и.н. *А.В. Седов*, к.и.н. *А.Л. Смышляев*, к. филол. н. *С.А. Степанцов*, д.и.н. *И.Е. Суриков*,
к.и.н. *С.Р. Тохтасьев*, д.и.н. *В.И. Уколова*, д.и.н. *Н.А. Фролова*, д.и.н. *Э.Д. Фролов*,
д.и.н. *Л.Т. Яблонский*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

A.I. Ivantchik (Editor-in-Chief),

D. Afinogenov, A. Alekseev, M. Bukharin, L. Bayun, M. Dandamayev,
M. Dandamayeva, N. Frolova, E. Frolov, V. Golovina, N. Grintser, S. Karpyuk,
G. Koshelenko, E. Lyapustina, I. Makarov,
A. Pavlovskaya, A. Podosinov, S. Saprykin, A. Sedov, A. Smyshlyaev, S. Stepantsov,
I. Surikov, S. Tokhtasyev, V. Ukolova, A. Vigasin, L. Yablonsky

Head of the Editorial Office *I. Malkova*

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редколлегия журнала "Вестник древней истории" (составитель), 2012 г.

© 2012 г.

И. А. Ладынин

«СТЕЛЫ СЕСОСТРИСА»: ТОПОС АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ РЕАЛИИ

В статье автор показывает, что сюжет античной традиции о «стелах Сесостриса» – памятниках завоеваний великого египетского царя, поставленных им в покоренных странах, – который с наибольшей подробностью передан Геродотом (Herod. II. 102), может восходить к воспоминаниям о надписях Сенусерта III на границе египетского влияния в Нубии, контаминированным (при подверстывании в позднеегипетской историографии к фигуре Сенусерта III/Сесостриса всех этапов внешней экспансии Египта II тыс. до н.э.) с воспоминаниями о сходных памятниках царей XVIII династии на рубежах их продвижения в Азии.

Ключевые слова: античная традиция, Геродот, позднеегипетская историография, Сесострис, Сенусерт III, XVIII династия, завоевания, стелы, Нубия, Азия, Евфрат.

Одним из наиболее запоминающихся компонентов античной традиции о великом египетском царе-завоевателе, известном прежде всего под именем Сесострис[1], является рассказ о памятниках, оставленных им там, где он одерживал победы со своим войском. Впервые этот рассказ появляется во II книге «Истории» Геродота, в изложении им истории Египта по царствованиям его правителей (II. 99–110). Согласно Геродоту, Сесострис, покорив сначала с флотом народы, обитавшие по берегам Эритрейского моря, двинулся с большим войском по суше в Азию и подчинял себе все народы, бывшие на его пути, пока не переправился в Европу и не достиг земель скифов и фракийцев. «Когда среди них (завоевываемых народов. – *И.Л.*) он встречал (людей) храбрых, твердо державшихся за свободу, то он воздвигал в их странах столпы (στήλας), сообщавшие в надписях имя его, его родины и как он подчинил их силой; о тех же, чьи города он брал не встречая сопротивления и легко, он писал на столпах так же, как и о тех, кто среди (покоренных) народов оказывались мужественными, но добавлял к надписи (изображение) женских половых органов, желая показать, что они были трусами» (II. 102: ὁτεοίσι μέν νυν αὐτῶν ἀλκίμοισι ἐνετύγχανε καὶ δεινῶς γλιχομένοισι περὶ τῆς ἐλευθερίης, τούτοισι μὲν στήλας ἐνίστη ἐς τὰς χώρας διὰ γραμμάτων λεγούσας τό τε ἑωυτοῦ οὔνομα καὶ τῆς πάτρης, καὶ ὡς δυνάμι τῇ ἑωυτοῦ κατεστρέψατο σφέας· ὅτεων δὲ ἀμαχητὶ καὶ εὐπετέως παρέλαβε τὰς πόλιας, τούτοισι δὲ ἐν ἐγραφε ἐν τῇσι στήλῃσι κατὰ ταὐτὰ καὶ τοῖσι ἀνδρηίοισι

Ладынин Иван Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

[1] Sethe 1900; 1904; Kees 1923; Malaise 1966; Lloyd 1988, 16–37 (см. теперь также Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 313–320); Obsomer 1989; Иванчик 1999; 2005, 190–219.

τῶν ἐθνέων γενομένοισι, καὶ δὴ καὶ αἰδοῖα γυναικὸς προσενέγραφε, δῆλα βουλόμενος ποιέειν ὡς εἴησαν ἀνάλκιδες). Наличие, по мнению Геродота, подобных памятников во Фракии показывало, что египетское войско Сесостриса действительно там побывало (Urk. II. 103); кроме того, хотя, согласно «отцу истории», к его времени большинства этих памятников уже не было, он все же утверждает, что сам видел стелы с изображениями женских половых органов в «палестинской Сирии» (ἐν δὲ τῇ Παλαιστίνῃ Συρίῃ), и описывает два рельефа с изображением Сесостриса и иероглифической надписью «Я покорил эту землю своими плечами» (Εγὼ τήνδε τὴν χώρην ὤμοισι τοῖσι ἐμοῖσι ἐκτησάμεν), якобы находящиеся в Ионии («на пути из Эфеса в Фокею» и «из Сард в Смирну» (Urk. II. 106). Этот же рассказ мы встречаем у Диодора Сицилийского, чьи сведения о Египте восходят к автору последней четверти IV в. до н.э. Гекатею Абдерскому (Diod. I. 55)[2], у Манефона (*Manetho* / Ed. W.G. Waddell, frg. 34. 3, 35. 3, 36. 3) и в схолиях к Аполлонию Родосскому (Schol. Apoll. Rhod. IV. 272–274). Согласно Гекатею и Диодору, которые именуют этого египетского царя Сесоосис, надписи на его памятниках гласили: «Эту землю царь царей и владыка владык Сесоосис подчинил собственным оружием» (Diod. I. 55. 7: Τήνδε τὴν χώραν ὅπλοις κατεστρέψατο τοῖς ἑαυτοῦ βασιλεὺς βασιλέων καὶ δεσπότης δεσποτῶν Σεσόωσις)[3]; кроме того, во всех этих источниках, кроме схолий, имеется понятное по своей логике искажение рассказа Геродота, согласно которому египетский царь изображал на своих памятниках не только женские половые органы в знак побед над трусливыми противниками, но и мужские – в знак побед над противниками храбрыми. «Знаковость» восходящего к Геродоту сюжета о стелах для представления античной традиции о Сесострисе проявилась в том, что именно он в качестве не только главной, но, по сути дела, единственной подробности о завоеваниях Сесостриса, пересказывается у Манефона и в схолиях к Аполлонию Родосскому.

Естественно, что рассказ о «стелах Сесостриса» достаточно подробно обсуждался и в научных публикациях, посвященных сведениям античных авторов, прежде всего Геродота, о великом египетском царе-завоевателе. Наиболее резко в плане отрицания его достоверности высказался автор египтологического комментария ко II книге Геродота А.Б. Ллойд: по его мнению, египтянам в принципе

---

[2] О зависимости сведений I книги Диодора Сицилийского, посвященной Египту (Burton 1972), от труда Гекатея Абдерского см. Murray 1970, 144 ff.; Burstein 1992, 45–49.

[3] О коннотациях титула βασιλεὺς βασιλέων в античной традиции см. Bevan 1902, 241–244; Griffiths 1953, 145–154. В процитированных нами фрагментах Геродота и Диодора выражение ὤμοισι τοῖσι ἐμοῖσι может быть сопоставлено с египетскими пропагандистскими клише, утверждающими совершение завоеваний «руками» или «обеими руками» (*ʿw, ʿwy*) или «дланью» (*ḫpš*) царя (см. применительно к Позднему времени: Blöbaum 2006, 82–85); дуализм же выражения βασιλεὺς βασιλέων καὶ δεσπότης δεσποτῶν может вызвать ассоциацию с базовым египетским термином, обозначающим легитимного царя-ритуалиста, «царь Верхнего и Нижнего Египта» (*nsw-bity*; *cf.* Beckerath 1999, 15–16; Blöbaum 2006, 62–63 – с отсылками к новой литературе) либо же с дихотомией терминов *nsw-bity* или *nsw* («царь»), которые могли относиться только к египетскому царю-ритуалисту, и *ḥḳ3* («властитель») – обозначения любого фактического правителя (Blöbaum 2006, 48; Дж.Гв. Гриффитс считал возможным интерпретировать данное именование египетского царя у Диодора, сопоставляя его с эпитетом *nsw nsww ḥḳ3 ḥḳ3w*, впервые употребляющимся применительно к Аменхотепу II (Griffiths 1953, 150; Blasius 2003, 332); ср., кстати, необычный пассаж «Стелы сатрапа», содержащий – правда, в применении к божеству, а не к земному царю – эпитет *ḥḳ3 ḥḳ3w nsw nsww bity bityw* – «властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта»; Urk. II. 17. 17).

было несвойственно возвеличивать доблесть своих врагов, а знак, символизирующий женское лоно, хотя и имеется в иероглифической письменности (GG(SL) N_{41}[4]), но был бы неопознаваем в этом смысле для неегиптянина; сообразно этим замечаниям, Ллойд предлагает считать данный сюжет Геродота чистой фикцией[5]. Прямо противоположную позицию занял бельгийский исследователь памятников египетской XII династии и традиции о ней Кл. Обсоме[6]: по его мнению, сведения Геродота о Сесострисе следует рассматривать в прочной связи с реалиями царствования Сенусерта III (1862–1843 гг. до н.э.). Само соответствие грецизированной формы имени «Сесострис» египетскому «Сенусерт» не вызывает сомнений у исследователей по крайней мере с начала XX в.[7]; следовательно, соотнесение рассказа Геродота и других авторов с деятельностью Сенусерта III – крупнейшего царя-воителя с этим именем – совершенно естественно, тем более что именно на его место в последовательности XII династии «определяет» царя с именем Сесострис и Манефон (*Manetho* / Ed. W.G. Waddell, frg. 34–36). Как считает Обсоме, сведения о войнах Сесостриса, перешедшие к Геродоту из египетской жреческой традиции, необходимо возводить к данным стел Сенусерта III из крепости Семне и с острова Уронарти о его войне в Нубии на 16-м году его царствования (см. ниже), а упоминаемые Геродотом памятники отождествить с самими этими стелами; при этом направленность сухопутного похода Сесостриса в Азию и Европу представляется бельгийскому египтологу интерпретацией, исходящей от Геродота, а не от его египетских информаторов. Наконец, надо заметить, что описанные Геродотом «памятники Сесостриса» в Азии получили весьма, даже, может быть, излишне, уверенную идентификацию со стороны современных исследователей: если стелы в «палестинской Сирии» предлагалось отождествлять с памятниками Рамсеса II в Нахр эль-Кельбе к северу от Бейрута или в Бет-Шеане в Палестине, то изображение «на пути из Эфеса в Фокею» получило гораздо более точное соответствие в одном из хеттских рельефов в проходе Карабель в Западной Малой Азии[8]. В целом же о попытках Геродота «подтвердить» предание о стелах реальными памятниками А.И. Иванчик, занимавшийся в нашей историографии сюжетом о Сесострисе больше всех, заметил, что историк «готов был приписать египетскому завоевателю едва ли не любые древние стелы и даже наскальные рельефы», применительно к европейским территориям скифов и фракийцев, включая, возможно, и «каменные бабы» кочевников[9].

Подобное суждение кажется совершенно справедливым в том, что касается метода Геродота; однако оно едва ли объясняет само происхождение сюжета о походе Сесостриса в Азию и Европу. Предположение Кл. Обсоме, что сама подобная направленность сухопутных (διὰ τῆς ἠπείρου) походов Сесостриса есть интерпретация Геродота, которую он распространил на полученные от египтян данные о нубийском походе Сенусерта III, выглядит сугубо произвольным: учиты-

---

[4] Изображение наполненного сосуда, служащее, как подтверждают написания Древнего царства, закономерной заменой *vulva*, с употреблением в качестве корневого знака в слове *ḥmt* («жена») и в качестве фонетического знака *ḥm* в большинстве слов с данным сочетанием согласных звуков (Gardiner 1957, 492).

[5] Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 314.

[6] Obsomer 1989.

[7] Sethe 1900, 4–9; 1904, 43–57; Malaise 1966, 244–249.

[8] См. об этом с отсылками к литературе: Иванчик 1999, 8–9; 2005, 193–195, рис. 13 (наскальный рельеф в проходе Карабель).

[9] Иванчик 1999, 10; 2005, 194.

вая подробность сведений Геродота о делах Сесостриса в Азии и в Европе, трудно представить, чтобы они были целиком измышлены греческим историком. Кроме того, деяния исторического Сенусерта III включали, как известно, и поход, хотя и сравнительно недальний, в Азию (его упоминает стела Хусебека из Абидоса – Manchester 3306[10]); и, допуская сохранение до времени Геродота детальных реминисценций о нубийской войне 16-го года Сенусерта, нельзя исключать того же самого и для его азиатского похода. Что касается пресловутого поиска Геродотом памятников Сесостриса в Азии, опять же, трудно представить, чтобы сама его идея исходила полностью от «отца истории»; несравненно логичнее считать, что он отталкивался при этом от изначальной уверенности в наличии там этих памятников, также почерпнутой от своих египетских информаторов. Сообразно этому, первооснову представления о том, что некий царь-завоеватель, тождественный Сесострису, воевал в Азии и оставил там свои памятники, стоит поискать собственно в египетской традиции.

Прежде чем приступить к этому поиску, попробуем независимо от него оценить, какие основания имелись к тому, чтобы к середине I тыс. до н.э. в принципе сохранилась живая память о Сенусерте III как о царе, оставившем свои памятники за пределами Египта. Мы имеем в виду прежде всего уже упоминавшееся мнение Кл. Обсоме, что эта память была связана с реминисценциями нубийской войны его 16-го года, запечатлевшейся в его стелах из Семне и Уронарти. Скажем сразу, что предполагать прямое знакомство информаторов Геродота с этими памятниками in situ, на территории Нубии было бы наивно; очевидно, что они могли отпечатлеться подобным образом в исторической памяти египтян только в случае, если получили определенное бытование в неэпиграфической историко-литературной традиции и, более того, были восприняты в ее рамках как нечто «знаковое» для самого представления о времени Сенусерта III. Основания для такого предположения весьма серьезны: в связи с этим нужно обратиться к подробно обоснованному мнению А.Е. Демидчика о том, что надписи с описанием деяний царей Среднего царства за пределами Египта, помещавшиеся на его рубежах и периферии, были важнейшими инструментами их пропаганды внутри Египта[11] (естественно, что при этом они должны были переписываться и читаться на папирусе или иных неэпиграфических носителях). Подобное значение явно следует признать и за надписями Сенусерта III от 16-го года в Семне (Berlin 1157)[12] и Уронарти (Khartoum 3)[13]: эти совпадающие тексты описывают военные предприятия названного царя, существенно продвинувшие границу Египта на юг, констатируют, что эта граница установлена прочно, и связывают это свершение, что характерно не с содействием Сенусерту III со стороны богов, а с его собственными превосходными качествами полководца и правителя[14]. Весьма важен и еще один момент: согласно данным текстам, важнейшая заслуга царя на момент их создания и на обозримую перспективу состоит не в дальнейшей экспансии, а прежде всего в удержании сформированного им нубийского рубежа[15]; таким образом, в его сознании и пропаганде четко разделены чисто теоретическое преобладание Египта надо всем миром и реальное подчине-

---

[10] Garstang 1901, 32–33; pl. IV–V; Sethe 1928, 82–83; пер. О.Д. Берлева: Хрестоматия 1980, 38–39.

[11] Демидчик 2005, 158–167.

[12] Sethe 1928, 83–84; Barta 1974; пер. У.К. Симпсона: Literature 2003, 337–338.

[13] Janssen 1953 (с переводом).

[14] Демидчик 2005, 171.

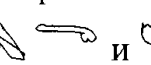
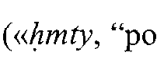
[15] Демидчик 2005, 173.

ние территорий в его сфере влияния политическими и в особенности военными средствами. Как раз в этой связи в надписях 16-го года Сенусерта III появляется своего рода «военное морализирование», вложенное в уста самого царя: «...смолчать после нападения – значит укрепить сердце нечестивца; ярость – это доблесть, а отступление – это убогость; оттесненный со своей границы – (трусливая) баба, ибо нубиец становится смирным по первому слову; (достойный) ответ ему заставляет его отступить: яростно (бьются) против него, и он обращает спину, отступают, и он впадает в ярость» (пер. А.Е. Демидчика[16]; стки. 9–12 стелы из Семне = стки. 6–10 стелы из Уронарти: *...ḏr-ntt ir gr m-ḫt pḥ śśḥm-ib pw n ḫrw ḳnt pw 3d ḫst pw ḥm-ḫt ḥm pw m3ᶜ rwd ḥr t3š.f ḏr-ntt śḏm n3ḥś r ḫr n r in wšb.f dd ḥm.f 3dt r.f dd.f ś3.f ḥm w3.f r 3d*). Собственно говоря, именно здесь мы и видим противопоставление военной силы, способной противостоять чужому натиску, и силы, несостоятельной перед ним, хотя это противопоставление и прилагается к египтянам, а не к их врагам; замечательным образом этот пассаж содержит пейоратив *ḥm* (Wb. III. 80. 7), переведенный А.Е. Демидчиком как «баба»[17]: данное по сути обсценное слово пишется с использованием пресловутого иероглифического знака GG(SL) N_{41}, связанного с семантикой женских половых органов, и, похоже, еще и связано игрой слов с омонимичным ему и повторяющемся в этом же пассаже причастием *ḥm* – «отступающий» (*cf.* Wb. III. 79).

Совпадение рассмотренного пассажа нубийских стел 16-го года Сенусерта III по семантике и, фактически, по смыслу с пресловутым «оформлением» «стел Сесостриса» согласно Геродоту столь полно, что, как представляется, не может считаться случайным, тем более что данный текст, как показывает его наличие сразу на двух стелах, явно тиражировался в пропагандистских целях. По-видимому, он приобрел известность в неэпиграфических списках в пределах Египта и содействовал тому,

---

[16] Демидчик 2005, 171–172.

[17] *ḥm pw m3ᶜ rwd ḥr t3š.f* – стки. 10–11 стелы из Семне (Literature 2003, 338: «One who is driven from his border is a real coward») = стк. 8 стелы из Уронарти (Janssen 1953, 54: «Really unvirile is he who is debarred from his frontier»). На присутствие этого слова в данном пассаже обратил внимание А. Блазиус (Blasius 2003, 331), указывая, однако, неверно его транслитерацию (*ḥmty*, а не *ḥm*) и соответствующую ему глоссу берлинского «Словаря...» (Wb. III. 80. 8, а не 80. 7) и отчасти ошибаясь при указании его местонахождения в надписи (он дает отсылку к стеле из Семне и стк. 8, что, как видно, соответствует месту этого слова в стеле из Уронарти). Кроме того, он не обнаруживает в разбираемом пассаже игры омонимами, о которой мы говорим чуть ниже. В написаниях и семантика знака GG(SL) N_{41} и само употребление данного слова по отношению к воинам-мужчинам акцентированы наличием в нем же детерминатива D_{52} (изображение фаллоса). В Позднее время чрезвычайно близкое словоупотребление обнаруживается в одной фразе «Стелы Пианхи»: «не совершает [ничего] войско, командир которого – баба» (стк. 15: *n km.n mšᶜ ṯsw.f m ḥmty*; Демидчик 2000, 27–31; см. комментарий Н.-Кр. Грималя в связи с употребленным здесь с ловом : Grimal 1981, 33, comm. 75 («*ḥmty*, "poltroon", plutôt qu' "eunuque" ...le mot étant une denomination péjorative à rapprocher de *ḥmt* ("mignon" (?)...»). В рамках того же семантического горизонта можно рассмотреть и фразу той же «Стелы Пианхи» «превращаешь ты (Пианхи. – *И.Л.*) мужчину (букв. "самца") в женщину» (стки. 157–158: *ir.k k3 m ḥmt*): смысл ее, по сути, тот же (имеется в виду способность Пианхи, как легитимного правителя, находящегося под покровительством богов, повергать в бессилие противников на поле боя: Демидчик 2000, 27–31; 2005, 146), но *ḥmt* здесь – это уже не рассмотренный нами пейоратив, а просто слово «женщина».

чтобы сформировать (если не просто сформировал) представление о Сенусерте III как о выдающемся воителе (напомним, что в этом тексте была акцентирована связь успехов этого царя с его личными качествами, а не с его сакральным статусом и не с помощью ему богов – при том что другие цари-воители были склонны, как минимум, не забывать именно эти аспекты!). Очевидно, при этом оставалось известно и происхождение данного текста – сам факт того, что его «официальной публикацией» были памятники Сенусерта III в Нубии. При прочном закреплении в памяти о Сенусерте III ассоциации с его памятниками на чужой земле (повторим еще раз, что в сущности обо всем необходимом для этого постарался сам этот царь и его пропагандисты) механизм его дальнейшего проникновения в античную традицию о Сесострисе в общем не вызывает вопросов. Вместе с тем пока для нас остается неясно, каким образом этот топос оказался проассоциирован с пресловутыми войнами Сесостриса в Азии: для самого Сенусерта III его кампания в Сирии-Палестине явно была менее важна, чем расширение и закрепление египетского присутствия в Нубии, а масштабы ее не давали никаких оснований воспринять ее как глобальное предприятие, каким рисует войны Сесостриса Геродот.

В то же время свидетельства о сооружении в Азии памятников завоеваний одного из фараонов в древнеегипетской традиции имеются, хотя они и связаны не с Сенусертом III и не со Средним царством, а со следующей большой эпохой египетской истории. Поистине удивительно, что, кажется, ни один из исследователей, занимавшихся сюжетом о «стелах Сесостриса», не уделил внимания упоминаниям о пограничных стелах, возведенных Тутмосом I у достигнутого к его времени рубежа азиатских владений Египта по Евфрату[18]. Между тем в «Анналах» Тутмоса III содержится упоминание о том, что во время его похода 33-го года против Митанни (1457 г. до н.э.[19]) этот царь, переправившись через Евфрат, возвел стелу «рядом со стелой отца его царя Верхнего и Нижнего Египта Аахеперкара», т.е. Тутмоса I (Urk. IV. 697. 3–5: *ḏ3t Pḫr-wr n Nhryn3 in ḥm.f r-ḫ3t mšˁ.f r i3bty mw pn śmn.n.f ky r-gś wḏ n it.f nśw-bity ˁ3-ḫpr-k3-Rˁ*; см. сообщение об этом же деянии в стеле Тутмоса III из Джебель-Баркала: Urk.II. 1232. 11; краткое сообщение о нем же и отсылку к нему в связи с установкой Тутмосом III победной стелы в районе 4-го порога в Нубии – в стеле из Арманта: Urk. IV. 1246. 2, 6[20]). Обращаясь к Томбосской стеле Тутмоса I, возведенной им в Нубии в районе 3-го порога, мы видим в ней описание его военных свершений (конкретно – похода в Нубию на 2-м году его царствования, т.е. около последних десятилетий XVI в. до н.э.[21]) и суммарную характеристику

---

[18] Helck 1975; Meyer 1986, 536; Gundlach 2003, 153, Abb. 1; Redford 2003, 222, n. 8 (с отсылками к старой литературе).

[19] Мы придерживаемся так называемой «средней» хронологии новоегипетской истории, в рамках которой 1-й год Тутмоса III = 1490 г. до н.э. (Ладынин, Немировский 2001, 216–217 (прим. 9), 220, 222–223).

[20] Helck 1975, 897, Anm. 9; Redford 2003, 107, 155.

[21] Абсолютная хронология начала XVIII династии (по царствование Тутмоса II включительно) устанавливается с очень большой долей предположительности. Согласно Ю. фон Бекерату, Тутмос I вступил на престол ок. 1508 или 1501 г. до н.э. и царствовал 10–15 лет (Beckerath 1997, 121); учитывая, что этот исследователь принимает так называемую «короткую» хронологию новоегипетской истории (1-й год Тутмоса III = 1479 г. до н.э.; см. наше предыдущее примечание), «конвертация» его выкладок в систему «средней» хронологии приведет к повышению его дат примерно на 11 лет. Новейшая работа по хронологии Древнего Египта, как представляется, чрезмерно занижает датировки царствований Тутмоса I (1493–1483 гг. до н.э.) и II (1482–1480 гг. до н.э.; Ancient Egyptian Chronology 2006,

его владений. Их точные географические границы описываются фразой: «Южная граница его вплоть до южных пределов земли этой (т.е. Нубии. – *И.Л.*), северная – вплоть до воды этой перевернутой, текущей вниз в южном направлении» (букв. «в течении вверх»; как известно, это обозначение относилось именно к Евфрату, как к первой встретившейся египтянам реке, которая текла в направлении, противоположном Нилу[22]; Urk. IV. 85. 13–14: *t3š.f rsy r ḫntyw t3 pn mḥy r mw pf ḳd ḫdd m ḫnty*). Характерно, что эта конфигурация границ утверждается в Томбосской стеле как уже сложившаяся на начало правления Тутмоса I и подкрепленная его действиями в Нубии; в этом смысле данный текст очень близок стелам Сенусерта III, поскольку, хотя в нем и говорится о некотором расширении сферы египетского влияния, главной задачей Тутмоса здесь все же оказывается прежде всего закрепление и удержание ее границ. Сооружение Тутмосом I маркирующих эти границы стел у Евфрата (как, кстати, и Томбосской стелы на рубеже египетской Нубии, находящемся теперь южнее, чем в Среднее царство) оказывается таким образом полностью аналогично акции Сенусерта III, и вряд ли будет ошибкой считать, что Тутмос I попросту воспроизвел ее, зная о ней из пропагандистских текстов его предшественника. Заметим, что уже само сходство этих акций создавало определенную предпосылку для контаминации в позднейшей исторической памяти этих двух этапов египетских завоеваний, с подтягиванием их к фигуре наиболее знаменитого из царей-завоевателей, т.е., несомненно, Сенусерта III/Сесостриса. В то же время у подобной контаминации были и более серьезные основания, связанные со спецификой египетских источников о времени Нового царства и с некоторыми закономерностями восприятия египтянами своего прошлого.

Некоторое время назад наш коллега А.А. Немировский заметил в распределении египетских источников о завоеваниях времени Нового царства[23] следующую закономерность: от времени, непосредственно примыкающего к изгнанию из Египта гиксосов – царствований Яхмоса I и Аменхотепа I – практически не осталось царских памятников, делающих акцент на их внешнеполитических свершениях, при том что свершения эти были необычайно масштабными (по существу после изгнания гиксосов в середине XVI в. до н.э. египтяне автоматически унаследовали всю их сферу влияния в Восточном Средиземноморье, до Центральной Сирии включительно[24]). Первым царем, который начинает прославлять свои военные свершения (причем, в сравнении с последующими эпохами, делает это хотя и броскими, но изолированными штрихами, в частности в Томбосской стеле), оказывается в конце XVI в. как раз Тутмос I. Лишь через три десятилетия после него, в середине XV в. до н.э., начинается время, когда цари – Тутмос III и

199–201, 492), преимущественно за счет принятия ее авторами минимальных из возможных продолжительностей царствования Тутмоса II (соответственно 10 лет и 3 года, в отличие от 10–15-ти и не менее чем 13-ти, согласно Ю. фон Бекерату: Beckerath 1997, 120–121; ср. с возможностью помещения «Эберс-даты» 9-го года Аменхотепа II на конец 1540-х–1530-е годы до н.э., согласно А.А. Немировскому: Ладынин, Немировский 2001, 223).

[22] Helck 1977; ср. с мнением Кл. Вандерслейена, как это часто в его работах, гиперкритическим в отношении традиционной трактовки древнеегипетского термина: Vandersleyen 1998, 17–25.

[23] См. для начала Нового царства их сводку, чрезвычайно удобную своей компактностью и насыщенностью отсылками к источникам: Redford 2003, 185–194. Мы благодарны А.А. Немировскому за подробное обсуждение источников по данному периоду, в ходе которого им и было сформулировано это ценное наблюдение.

[24] Немировский 2001, 130–131.

его сын Аменхотеп II – начинают воспевать свои войны, не жалея усилий, с беспрецедентной подробностью в описании и военных кампаний, и эпизодов собственного геройства на поле боя[25]: по существу именно к образцам этого времени восходит и вся последующая традиция военных текстов Нового царства. Если мы обратимся теперь к картине, запечатленной спустя более чем тысячелетие столь ярким представителем позднеегипетской историографии, как Манефон, то увидим следующее: Манефон приписывает изгнание гиксосов не одному Яхмосу I, как это было в исторической реальности, а двум царям, один из которых запер их в их нижнеегипетской столице Аварисе, а другой – его сын и преемник – попытался взять эту крепость, не преуспел в этом и заключил договор об их уходе из Египта, после чего они создали собственное царство вблизи Иерусалима (*Manetho* / Ed. W.G. Waddell, frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 86–90). Манефон при этом на редкость не тверд в именованиях этих царей: по сути дела к обоим из них в разных местах и изводах его труда прилагаются деривативы имен исторических Яхмоса I, Тутмоса III и, возможно, Тутмоса IV, при том что Манефон прямо оговаривает эквивалентность и взаимозаменяемость этих имен[26]. Уже давно замечено, что описание осады Авариса у Манефона очень близко описанию осады Мегиддо в «Анналах» Тутмоса III и эти события контаминированы[27]; если же говорить о пресловутом договоре с гиксосами царя, при котором они ушли из Египта, то в истории XVIII династии в этой связи возникает невольная ассоциация с соглашением Тутмоса IV и государей Митанни и касситского Вавилона, которое прекратило войны в Восточном Средиземноморье и открыло так называемую амарнскую эпоху в международных отношениях на Ближнем Востоке[28]. Как видно, Манефон полностью «подверстал» к эпизоду изгнания гиксосов весь период активных войн Египта и Митанни в середине XV в. до н.э., заодно и «лишив» Египет его территориальных приобретений: результатом этих войн, по Манефону, становится соседство Египта с «новогиксосским» государством с центром в Иерусалиме, которое оказывается тем самым на его ближайшей азиатской периферии[29].

Как представляется, подобное искажение Манефоном истории XVIII династии напрямую связано с неравномерностью в ее освещении собственно египетскими источниками этого времени. Очевидно, из всего массива их данных в памяти египтян Позднего времени удержался лишь сам выход их предков на некие азиатские рубежи, оформленный сооружением пресловутых пограничных стел, – событие, примечательное своим сходством с необычайно распропагандированной акцией Сенусерта III и, не в малой степени поэтому, отложившееся в памяти. В то же время было забыто, что обретение этих рубежей было не разовым событием, а содержанием нескольких больших этапов новоегипетской истории. Собственно говоря, современные исследователи установили – и устанавливают – это при помощи тщательного анализа географических и иных реалий, содержащихся в египетских царских текстах, и их сопоставления с реалиями и событийными рядами, известными по клинописным источникам; нет нужды говорить, что египтяне I тыс. до н.э., даже самые образованные из них, были несравненно более ограничены в возможностях такого анализа. При этом следует вполне оценить тот факт, что о

---

[25] См. кроме упомянутой работы Д.Б. Редфорда: Der Manuelian 1987; Spalinger 1982; Большаков, Сущевский 1991, 14–16; Дейнека 1992.

[26] Немировский 2001, 132–135.

[27] Тураев 1935, 258, 267; Redford 1986, 245 (косвенно); 1997, 25.

[28] История древнего Востока 1988, 242; ср. Немировский 1999, 157–158.

[29] Ладынин 2009, 168 (с отсылками к А.А. Немировскому).

приобретении Египтом азиатской сферы влияния непосредственно при изгнании гиксосов современникам и коллегам Манефона было не просто трудно узнать; учитывая отмеченные нами особенности египетских источников этого времени, взять эту информацию в «готовом», эксплицитном, виде им, как и современным исследователям, было попросту негде! Реально из новоегипетских источников они могли взять отдельные эпизоды, «прописанные» в них наиболее подробно и впечатляюще, например, то же описание битвы при Мегиддо, известное по «Анналам» Тутмоса; но в таком случае они должны были именно «подверстывать» их к тем значимым военным событиям Нового царства, о которых знали наверняка, а единственным, по сути дела, таким событием для них и было изгнание гиксосов из Египта. Сообразно этому, именно в этом событии, представленном как целый этап начала XVIII династии, и были растворены все так или иначе уцелевшие реалии военной истории этого времени.

Думается, связь этих наших рассуждений с сюжетом о «стелах Сесостриса» стала уже достаточно прозрачной. Мы полагаем, что факт выхода египтян на некий азиатский рубеж, оформленный воздвижением пограничных стел, оказался в исторической памяти I тыс. до н.э. оторван от времени начала XVIII династии и переассоциирован с царствованием Сенусерта III/Сесостриса, воспринятым даже не просто как пик и/или эталон наступательных военных успехов Египта, а как единственный их эпизод за весь период египетской истории, соответствующий историческому II тыс. до н.э. Мы уже называли целый ряд предпосылок для подобной реинтерпретации: это и явная ориентация царей, возводивших свои стелы на Евфрате, на образец, заданный Сенусертом III; и несомненный успех этого царя в пропаганде своего имиджа самого успешного воителя; и тот элементарный факт, что в исторической реальности он тоже воевал в Азии; и прочное забвение в историографии I тыс. до н.э. того, что внешняя экспансия Египта на данном направлении имела место не только при этом царе, но и в эпоху Нового царства. Стоит отметить и такую деталь, как сохранение в позднеегипетской традиции реминисценции о том, что сам предел азиатских завоеваний Египта при Сесострисе пролегал именно по реке, только в рецепции Геродота и других античных авторов этой рекой был уже не Евфрат, а Фасис (Herod. II. 103; Iord. Get. 6; ср. Iust. II. 2. 1) или Танаис (Diod. I. 55. 4; ср. II. 43. 4–6), которые представляются границей между Европой и Азией, а также между оседлыми народами и кочевым скифским миром[30].

В заключение мы остановимся именно на этой детали античного сюжета о завоеваниях Сесостриса и ее возможных соответствиях в собственно египетской традиции. Выше мы уже говорили, что и нубийские стелы Сенусерта III, и Томбосская стела Тутмоса I проводят довольно отчетливое различие между *всем* кругом земель, существующих в мире, и собственно территорией, находящейся под политическим господством египетского царя. При этом, несмотря на присутствие этого различия в Томбосской стеле, на терминологическом уровне в ней все же прослеживается стремление отождествить египетские владения со всем миром и одновременно с Египтом как его ключевой частью. О Тутмосе I говорится, что он «собрал пределы всей земли целиком и соединил оба конца ее мощной дланью своей» (Urk. IV. 85. 7–8: *in.n*[*.f*] *ḏrw tȝ ḥr nbd.f ḫnd*[*.n.f*] *pḥwy.fy m ḫpš.f nḫt*); в данной фразе принципиально употребление по отношению ко всей совокупности владений Египта термина «земля» (*tȝ*), который, с одной стороны, является космологиче-

[30] Иванчик 1999, 17, 22–29; 2005, 203, 208–214.

ским обозначением всего земного мира (Wb. V. 212. 6 и др.), но, с другой, вызывает отчетливую ассоциацию с представлением о Египте как о *t3*, особой «земле» par excellence, предназначенной для служения богам и отличной в этом от «нагорий»-*ḫ3śwt*[31]. «Оба конца земли» в таком случае – это и опять же космологическое по своему смыслу обозначение рубежей этой особой части мироздания и, вместе с тем, вполне прагматическое указание на границы владений Тутмоса I: собственно говоря, они и описываются чисто географически в следующем за данной фразой пассаже Томбосской стелы (см. выше). О таком же прагматическом понимании этого термина свидетельствует и фраза из начала «Анналов» Тутмоса III, содержащая упоминание о мятеже в египетских владениях в Азии «от Иурсы вплоть до пределов земли» (Urk. IV. 648. 6: *...š3ʿ-m Yrḏ3 nfryt-ir ṯḥw-t3*), где под «пределами земли» имеются в виду, несомненно, прежние, уже утраченные к началу мятежа, рубежи египетских владений в Северной Сирии и у Евфрата[32]. Что касается космологического значения этого географического рубежа, то в этом смысле для эпохи Нового царства весьма показательна «Сказка об обреченном царевиче»[33]: ее действие разворачивается в Нахарине, т.е. в коренных землях Митанни, как раз лежавших за Евфратом, и эта страна характеризуется, с одной стороны, просто как чужая по отношению к Египту (со своей спецификой, воспроизведенной достаточно отчетливо[34]), но вместе с тем это еще и мир, в значительной мере противоположный обычному земному, где вступают в действие законы волшебной сказки. Отталкиваясь от сравнения с этим мотивом, можно считать, что, пройдя свой путь до Фасиса или Танаиса и выйдя на соприкосновение с кочевым миром, Сесострис интересующего нас античного сюжета в принципе достиг пределов «нормального» мира, заселенного оседлыми «цивилизованными» народами; дальше начинался принципиально иной мир кочевников, противоположный тому, который был им покорен, и несущий в себе для него угрозу. Аналоги подобному космологическому противопоставлению легко найти в исконных древнеегипетских представлениях о разнице между обитателями «земли», т.е. собственно Египта, и окружающих ее «пустынь»[35] при том, что предпосылку к некоему «подключению» к «земле» еще и ее внешних владений мы видели в новоегипетских текстах; однако предполагаемое нами противопоставление конгломерата владений Сесостриса окружающему его миру кочевников – это несомненная новация I тыс. до н.э.[36] Такой же, толь-

---

[31] Демидчик 2005, 18–19; 137 (со ссылкой на диссертацию Т.А. Дейнеки – об именовании в эпоху Нового царства чужеземцев, подвластных Египту, термином *rmṯ* – «люди», – в норме употреблявшимся по отношению к египтянам, и о презентации египетского царя как «пастыря доброго, бодрствующего для всех людей» как в долине Нила, так и за ее пределами).

[32] Учитывая, что Иурса находится в Южной Палестине (Redford 2003, 12–13), подобное широкое обобщение заведомо не было бы употреблено в связи с небольшой территорией между ней и Египтом.

[33] Gardiner 1932, 1–9; Сказки и повести 1979, 78–83, 236–241.

[34] Helck 1987, 218–222; Loprieno 2003, 44.

[35] Демидчик 2005, 133 сл.

[36] Невольно ассоциируется с этим мотивом знаменитое противопоставление Ирана и Турана в сознании иранских оседлых земледельческих народов (Фрай 2002, 66–80). Непосредственное влияние иранских представлений на сюжет о Сесострисе теоретически допустимо, особенно учитывая, что его кодификация Геродотом приходится как раз на время персидского владычества в Египте; однако более существенно, что нашествия кочевников евразийской степи – киммерийцев и скифов – были бедствием, с которым в конце VIII – VII в. до н.э. столкнулись все народы Ближнего и Среднего Востока, не исключая и египтян

ко, видимо, более конъюнктурной, новацией следует считать и «подключение» к сюжету о Сесострисе фикции его проникновения на земли Европы и победы над скифами (Herod. II. 110), построенной, как уже совершенно справедливо отмечалось исследователями, чтобы представить его в выгодном свете по сравнению с не сумевшими победить скифов Ахеменидами[37].

Литература

Большаков А.О., Сущевский А.Г. 1991: Герой и общество в древнем Египте // ВДИ. 3, 3–27.

Дейнека Т.А. 1992: Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии. Автореф. ... к.и.н. СПб.

Демидчик А.Е. 2000: Древнеегипетский фразеологизм *jtj... mj jgp n mw* на стеле кушитского царя Пианхи // Чуждое-Чужое-Наше: Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск, 20–31.

Демидчик А.Е. 2005: Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.

Иванчик А.И. 1999: Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 4, 4–36.

Иванчик А.И. 2005: Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история (Pontus septentrionalis, 3). Москва– Берлин.

История древнего Востока 1988: История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия, Египет. М.

Ладынин И.А. 2009: Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго томоса труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007–2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады (Труды Государственного Эрмитажа, 45). СПб., 164–180.

Ладынин И.А., Немировский А.А. 2001: Рец. на: *Beckerath J. von.* Chronologie der pharaonischen Ägypten. Mainz, 1997 // ВДИ. 2, 216–227.

Немировский А.А. 1999: Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское (ахламейское) переселение // ВДИ. 1, 146–162.

Немировский А.А. 2001: Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 100–138.

Сказки и повести 1979: Сказки и повести древнего Египта / Пер. и коммент. И.Г. Лившица. Л.

Тураев Б.А. 1935: История древнего Востока. Т. 1. М.–Л.

Фрай Р.Н. 2002: Наследие Ирана[2]. М.

Хрестоматия 1980: Хрестоматия по истории древнего Востока / М.А. Коростовцев, И.С. Кацнельсон, В.И. Кузищин (ред.). Т. 1. М.

Ancient Egyptian Chronology 2006: Ancient Egyptian Chronology / E. Hornung, R. Krauss & D. Warburton (eds.) (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). Leiden–Boston.

Asheri D., Lloyd A., Corcella A. 2007: A Commentary on Herodotus' Books I–IV / O. Murray and A. Moreno (ed.). Oxf.

Barta W. 1974: Das Terminus *twt* auf den Grenzstelen Sesostris' III in Nubien // Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptisches Museums (Staatlichen Museen zu Berlin, Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung, VIII). B., 51–54, Taf. 1–2.

Beckerath J. von 1997: Chronologie der pharaonischen Ägypten (Münchner Ägyptologische Studien, 46). Mainz.

Beckerath J. von 1999: Handbuch der ägyptischen Königsnamen. 2. Aufl. (Münchner ägyptologische Studien, 49). München.

Bevan E.R. 1902: Antiochus III and His Title 'Great-King' // JHS. 22, 241–244.

Blasius A. 2003: Das Königtum der Ramessiden im Spiegel der griechisch-römischen Überlieferung: Geschichte im Spannungsfeld von Tradition und Konstruktion // Das Königtum der Ramessidenzeit:

(*Herod.* I. 105).

[37] Иванчик 1999, 10–12; 2005, 196–198.

Voraussetzungen – Verwirklichungen – Vermächtnis. Akten der 3. Symposiums zur ägyptischen Königsideologie in Bonn 07.–10. Juni 2001 (Ägypten und Altes Testament, 31.4). Wiesbaden, 306–348.

Blöbaum A.I. 2006: «Denn ich bin ein König, der Maat liebt»: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten (Aegyptiaca Monasteriensia, 4). Aachen.

Burton A. 1972: Diodorus Siculus: Book I (Études preliminaires des religions orientales, 29). Leiden.

Burstein S. 1992: Hecataeus of Abdera's History of Egypt // Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond / J.H. Johnson (ed.) (Studies in the Ancient Oriental Civilisations, 51). Chicago, 45–49.

Der Manuelian P. 1987: Studies in the Reign of Amenophis II (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 27). Hildesheim.

Gardiner A.H. 1932: Late Egyptian Stories (Bibliotheca aegyptiaca, 1). Bruxelles.

Gardiner A.H. 1957: Egyptian Grammar[3]. Oxf.

Garstang J. 1901: El Arábah. L.

Griffiths J.Gw. 1953: βασιλεὺς βασιλέων: Remarks on the History of the Title // ClPh. 48, 145–154.

Grimal N.-Chr. 1981: La stèle triomphale de Pi('ankhy) au Musée du Caire JE 48862 et 47086–47089 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 105). Le Caire.

Gundlach R. 2003: Thutmosis III und die Mitanni-Frage // Festschrift für Burkhart Kienst zu seinem 70. Geburtstage / G.J. Selz (ed.). Münster, 153–182.

Helck W. 1975: Grenzsteine // LÄ. I, 897.

Helck W. 1977: Euphrat // LÄ. II, 47.

Helck W. 1987: Die Erzählung vom Verwunschenen Prinzen // Form und Mass. Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst des Alten Ägypten. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65, Geburtstag am 6. Februar 1987 / J. Osing and G. Dreyer (Hrsg.). Wiesbaden, 218–222.

Janssen J.M.A. 1953: The Stela (Khartoum Museum No. 3) from Uronarti // JNES. 12, 51–55, pl. LXV.

Kees H. 1923: Sesostris // RE. 2. Reihe. 4, 1862–1876.

Lloyd A.B. 1988: Herodotus, Book II. Commentary 99–188 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 43/3). Leiden.

Literature 2003: The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry W.K. Simpson (ed.). 3rd. ed. New Haven.

Loprieno A. 2003: Travel and Fiction in Egyptian Literature // Misterious Lands / D. O'Connor and St. Quirke (eds.) (Encounters with Ancient Egypt). L., 31–52.

Malaise M. 1966: Sésostris, Pharaon de légende et d'histoire // CdÉ. 41, 244–272.

Manetho / Ed. W.G. Waddell – *Manetho* / W.G. Waddell (ed.). Cambridge–London, 1980 (Loeb Classical Library, 350).

Meyer Ch. 1986: Thutmosis I. // LÄ. VI, 536–539.

Murray O. 1970: Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // JEA. 56, 141–171.

Obsomer C. 1989: Les campagnes de Sésostris dans Hérodote. Bruxelles.

Redford D.B. 1986: Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History (Society of the Studies of Egyptian Antiquities' Publication, 4). Missisauga.

Redford D.B. 1997: Textual Sources for the Hyksos Period // The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives / E.D. Oren (ed.) (University Museum Monograph, 96). Philadelphia, 1–44.

Redford D.B. 2003: The Wars in Syria and Palestine of Thutmose III (Culture and History of the Ancient Near East, 16). Leiden.

Sethe K. 1900: Sesostris (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, 2.1). Lpz.

Sethe K. 1904: Der Name Sesostris // ZÄS. 41, 43–57.

Sethe K. 1928: Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch im akademischen Unterricht. Texte der Mittleren Reiches. Lpz[2].

Spalinger A. 1982: Aspects of the Military Documents of Ancient Egyptians (Yale Near Eastern Researchs, 9). New Haven–London.

Vandersleyen Cl. 1998: Oublier l'Euphrate // Les voyages dans les civilizations orientales / Travel in the Oriental Civilizations (Acta orientalia belgica, 11). Bruxelles, 17–25.

«THE ARROWS OF SESOSTRIS»: A *TOPOS* OF ANCIENT HISTORIOGRAPHY AND THE REALITY OF ANCIENT EGYPT

I. A. Ladynin

The article deals with the famous *topos* of the classical historiography about the stelae erected by the legendary Egyptian king-conqueror Sesostris wherever he waged war. The stelae bore an inscribed account of the war if the people subdued in it had been valiant; female genitalia were added to the account if the foe had shown cowardice. The earliest and the lengthiest evidence of the fable is Herodotus' narration (II. 102). The prevailing opinion that the prototype for Sesostris was Senwosret III is undoubtedly true; further reasons to connect Herodotus' account with the background of his reign can be found in his Nubian inscription of the year 16 (the Semna Stela BM 1157, ll. 9–12 = the Uronarti Stela Khartoum 3, ll. 6–10), where any unhelpful general retreating from Nubian foes is described as *ḥm* (Wb. III. 80. 7; actually, an obscenity written with the hieroglyphic sign GG(SL) N_{41} that symbolized exactly female genitalia and is likely to be translated as «effeminate», «unvirile»; note the root *ḥm* «to retreat» – *cf.* Wb. III. 79, similar in phonetics and writing and also present in the same passage of the inscription). There are reasons to believe that the Nubian inscriptions of Senwosret III praising his military effort were widely propagated during his reign, which contributed to shaping his image of the great conqueror (not quite up to reality, as his effort was certainly greater than the extent of his conquests). Eventually, Late Egyptian historiography contaminated the reminiscences of all the stages of Egyptian expansion in the 2nd millennium BC within the story of Senwosret III/Sesostris and probably attached to it the recollections about the stelae erected at the Euphrates frontier by Thutmosis I and III. Hence the inclusion in Sesostris' story of his vast conquests in Asia, as well as of his advent to Europe (Thrace and Scythia), probably, as it has been suggested by the students of the *topos*, under the influence of the Persian time, in order to position Sesostris as a much more successful conqueror than the Achaemenids.

© 2012 г.

Э.В. Рунг

ТИССАФЕРН И ГИДАРНИДЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ в V в. до н.э.

В статье рассматриваются ключевые аспекты политической карьеры персидского сатрапа Тиссаферна и рода Гидарнидов в целом в контексте политической истории Ахеменидской державы. Исследуется вопрос о происхождении и родственных связях Тиссаферна, выясняются наиболее важные моменты его деятельности и деятельности его предков.

Ключевые слова: греки, персы, Ахемениды, сатрап, каран, Тиссаферн, Гидарниды, Кир Младший.

Проблема происхождения знаменитого персидского сатрапа Тиссаферна содержит еще немало загадок, не проясненных аспектов, «белых пятен». Многие выводы здесь строятся на гипотезах и предположениях, причиной чему является явно недостаточная источниковая база. Начало же политической деятельности этого сатрапа освещено в источниках гораздо лучше, но, тем не менее, оставляет еще нерешенные вопросы. Один из таковых: какими причинами было обусловлено назначение Тиссаферна сатрапом Лидии – его личными заслугами, родственными связями и/или его «малоазийскими» корнями. Надо думать, что его происхождение и причины, обусловившие его неожиданное (или вполне закономерное?) «возвышение», наложили свой отпечаток на всю его последующую политическую деятельность. И этот фактор представляется очень важным проследить в рамках данной статьи[1].

О происхождении и родственных связях Тиссаферна известно не много. Собственно говоря, в источниках можно найти только два упоминания о родственных связях этого сатрапа, которые в какой-то степени могут претендовать на достоверность. Во-первых, это упоминание Ксенофонта (Anab. II. 5. 35) о некоем брате Тиссаферна. Во-вторых, сообщение Диодора (XIV. 26) о том, что в 401 г. Тиссаферн в качестве награды за участие в подавлении мятежа Кира Младшего получил в жены дочь царя Артаксеркса II. В обоих случаях, как видно, нет никаких конкретных фактов: ни имя брата Тиссаферна, ни имя его жены – дочери Артаксеркса II, не упоминается. Более того, эллинские историки, писавшие о нем с той или иной степенью подробности, ничего не говорят о его роде, его предках.

Рунг Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета.

[1] В предыдущей публикации мы только наметили «тему Тиссаферна», и теперь предложенные в ней наблюдения требуют дальнейшего развития (см. Рунг 1999, 60–67).

Это странно, учитывая эллинский обычай называть патронимик. И только лишь в ликийском тексте на знаменитой стеле из Ксанфа Тиссаферн назван сыном Видарны/Гидарна[2] – *kisaprñna/kizzaprñna widrñnah* (TAM. I. 44. b 64 – c 1–3; c 11–12) при описании совместных военных действий спартанцев, их союзников и Тиссаферна против афинян на последнем этапе Пелопоннесской войны (имя Тиссаферна без патронимика встречается и в других частях текста: TAM. I. 44. c 14, 15). Значительные части текста остаются неясными, однако прочтение некоторых фрагментов, в которых упоминается Тиссаферн, принимается в историографии без возражений[3].

Таким образом, после прочтения патронимика Тиссаферна на ксанфийской стеле исследователи получили основание для отнесения этого сатрапа к знаменитому персидскому роду Гидарнидов[4]. Правда, против того, чтобы на основании данных ликийского текста делать далеко идущие выводы предостерегал еще Д. Льюис. Исследователь считал вполне здравым суждение, что Тиссаферн происходил от одного из семи персов, убивших мага Гаумату, но он фактически отрицал возможность дальнейшей реконструкции родственных связей сатрапа. Он подкреплял свое мнение тем аргументом, что само имя Видарна/Гидарн было не только известным, но и широко распространенным в Персидской державе. Исследователь отмечал, что персепольские тексты упоминают несколько людей с именем Гидарна (известных по эламитской версии текстов как Митурна/Митарна: PFT. 940: 2; 1135: 2; 1150: 2; 1151: 2; 1483: 5; 1545: 2; 2009: 22; 2055: 8, 13; 2070: 21)[5].

РОД ГИДАРНИДОВ

Итак, имя Гидарна встречается в Бехистунской надписи по отношению к видному представителю этого рода – одному из царских приближенных – Видарну/Гидарну (I), сыну Багабигны (DB. II. 19, 21; IV. 84). Он упомянут в Бехистунской надписи (II. 19, 21; IV. 84), в труде Геродота (III. 70; VI. 133) и в труде Ктесия Книдского (Persica. F. 13 § 15) как один из семи персов, составивших заговор против Гауматы и способствовавших воцарению Дария I.

Гидарн (II), сын Гидарна (I)[6], командовал подразделением «бессмертных» в армии царя Ксеркса в 480 г. и участвовал в сражении при Фермопилах (Herod. VII.

---

[2] О различных вариантах передачи персидского имени Видарна: Justi 1895, 368; Mayrhofer 1979, 29; Tavernier 2007, 21.

[3] TAM. I. 44. b 64 – c 1–3: «спартанцы… и Тиссаферн, сын Видарны, и персы в Кавне, и союзники спартанцев сражались против Афин»; TAM. I. 44. 11–12: «Тиссаферн, сын Видарны, и Гиерамен». Перевод с ликийского на английский см. Melchert 1993, 85; ср. Kuhrt 2007, 339; историческую интерпретацию текста см. Childs 1981, 63–70; Bryce 1986, 108–109; Keen 1998a, 137–138; Hyland 2005, 8–11. Опубликованная О. Мёркхольмом и Г. Нойманом монета содержит легенду на реверсе: имя Тиссаферна в его ликийском написании – *zisa[prñ]na* (Mørkholm, Neumann 1978, 25, m. 221, pl. 3, fig. 4). Известны упоминания нескольких людей с именем Тиссаферн, однако их родство с Тиссаферном, сыном Видарны/Гидарна, не может быть определено: на одной из цилиндрических печатей V в. до н.э. прочитывается имя Тиссаферн на эламском языке как *Ziššabarna* (Garrison, Root 2001, 71), имя Тиссаферн в виде *ziutrabarna/ziiššábarna* присутствует на двух неопубликованных табличках из персепольского архива, но документы также датируются периодом между 509 и 494 годами (Hyland 2008, 17–18, n. 9).

[4] См., например: Schaefer 1940, 1580; Olmstead 1950, 358 ff.; Cook 1983, 208; Gomme, Andrewes, Dover 1981, 13; Petit 1981, 3; Walser 1984, 83; Westlake 1985, 43, n. 6.

[5] Lewis 1977, 84.

[6] Геродот (VII. 83) называет его Ὑδάρνης ὁ Ὑδάρνεος.

83, 211, 215, 218), отвел часть войска в Азию по приказу Ксеркса после поражения персов при Саламине (Herod. VIII. 118).

Кроме того, некий Гидарн, без указания патронимика, согласно Геродоту (VI. 133; VII. 135), был персидским военачальником в Малой Азии в 490–480 годах. Его иногда идентифицируют с Гидарном (II), сыном Гидарна (I)[7].

Еще одного Гидарна (III) упоминает Ктесий Книдский (Persica. F. 15. § 55) в качестве отца Статиры – супруги персидского царя Артаксеркса II, и именно его в историографии иногда признают отцом Тиссаферна[8].

Особенно смелой выглядит реконструкция Р. Шмитта: во-первых, он отождествляет Гидарна (II), сына Гидарна (I), – командира «бессмертных» с «малоазийским» Гидарном, а во-вторых, он считает Гидарна (III) – отца Статиры, сыном Гидарна (II) и отцом сатрапа Тиссаферна[9]. В то же время Т. Пти допускает возможность, что Тиссаферн мог приходиться внуком Гидарну (II), сыну Гидарна (I), но в то же время являться сыном «другого» Гидарна (III) – не отца Статиры[10]. Другие современные историки, хотя и считают Тиссаферна так или иначе связанным с родом Гидарна (I), все же весьма осторожно подходят к перспективам реконструкции родственных связей этого сатрапа[11].

1. Гидарн (I), сын Багабигны

Одни исследователи полагают, что Дарий I назначил Гидарна (I) сатрапом Мидии[12], другие – что сатрапом Армении[13]. На чем базируются эти мнения?

На основании данных Бехистунской надписи известно, что Гидарн руководил армией в войне против восставших в Мидии под предводительством Фравартиша/Фраорта и добился успеха в разгроме войска мятежников: «Говорит Дарий царь: *персидское и мидийское войско, которое находилось при мне, было немногочисленно*. Затем я послал войско. Их главой я сделал перса по имени Видарна, моего раба, и сказал им: "Идите, разбейте мидийское войско, которое не называет меня своим". После этого Видарна отправился с войском. Когда прибыл в Мидию, у города по названию Маруш в Мидии он дал сражение мидийцам...» (перевод М.А. Дандамаева) (DB. II. 18–29).

---

[7] Petit 1981, 5; Schmitt 2004, 589 ff.

[8] Justi 1895, 368; Olmstead 1950, 364. Возражения см. Lewis 1977, 84, n. 13; Nichols 2008, 186.

[9] Schmitt 2004, 589 ff.

[10] Впрочем, Т. Пти предлагает и альтернативную возможность: Тиссаферн, сын Гидарна (III), мог приходиться внуком не Гидарну (II), а его родному брату Сисамну, сыну Гидарна (I), командовавшего во время экспедиции Ксеркса отрядами ариев (*Herod.* VII. 66). Основание для такого предположения исследователь видит в имени самого Тиссаферна – имя в иной передаче с древнеперсидского на греческий могло звучать как Σισαφέρνης (от др.-перс. Čiçafarnāh: Justi 1895, 164), – по мнению Т. Пти, очевидно созвучие с именем Σισάμνης/Τισσάμνης (Petit 1981, 6).

[11] Lewis 1977, 84; Briant 2002, 136; Hyland 2005, 9, n. 20; 2008, 17–18, n. 9 (Дж. Хайлэнд замечает, что имя Гидарн было распространенным иранским именем, и нет конкретных свидетельств в отношении связи между Тиссаферном и более ранними представителями семьи); Klinkott 2005, 56, Anm. 48.

[12] Lewis 1977, 84–85, n. 14; 1997, 357; Briant 2002, 136.

[13] Balcer 1993a, 125, № 114; Schmitt 2004, 89; Bowie 2007, 204. Собственно говоря, в Бехистунской надписи слово сатрап (*xšaçapāvā*) используется только дважды, но ни одно *из них не относится к Гидарну* (DB. III. 13–14: Дадаршиш, сатрап Бактрии; DB. III. 55–56: Вивана, сатрап Арахозии).

Страбон же заявляет (XI. 14. 15 p. 531), что Гидарн (I), сподвижник Дария I и один из семи персов, убивших мага Гаумату, приходился предком Оронту, последнему ахеменидскому сатрапу Армении[14]. Однако сообщение Страбона прямо не предполагает, что и Гидарн (I) был сатрапом Армении. В посвятительных надписях Антиоха I Эпифана из Коммагены родословная армянских царей Коммагены возводится к Дарию I, сыну Гистаспа, Ксерксу и Оронту, сыну Артасира, а одна надпись считает предком коммагенских царей отца Оронта – Артасира (OGIS. 388–393), но нет указаний на Гидарна (I), сына Багабигны. В Бехистунской надписи (II. 19) сделана ссылка на этническую принадлежность Гидарна (I): он назван «персом» – *Vidarna nāma Pārsa*, однако указание Павсания (X. 22. 8) на мидийские корни Гидарна (II), сына Гидарна (I), таким образом, вероятно, означает, что последний был выходцем из сатрапии Мидии; Геродот же называет его γένος Πέρσης (VI. 133; VII.135).

2. Гидарн (II), сын Гидарна (I)

Прежде всего, хотя и очень вероятно, что «малоазийский» Гидарн был представителем известной семьи, его идентичность с сыном Гидарна (I) не представляется вполне очевидной и требует дополнительных аргументов. К сожалению, свидетельств в пользу указанной идентификации явно недостаточно и она может быть сделана только с предельной осторожностью, исходя из того, далеко не всегда уместного предположения, что едва ли в Ахеменидской империи могли быть современниками два известных из источников Гидарна. В дополнение к этому, однако, можно привести свидетельство, предполагающее, что «неожиданное» появление Гидарна в Малой Азии было связано не с назначением его сатрапом, а с выполнением военных поручений царя как наиболее доверенного военачальника – а это является еще одним аргументом, пусть косвенным, в пользу идентичности «малоазийского» Гидарна с Гидарном (II) – командиром персидских «бессмертных».

Геродот (VII. 135) называет упомянутого Гидарна командующим войсками на азиатском побережье – «военачальником прибрежных народов в Азии» – στρατηγὸς δὲ τῶν παραθαλασσίων ἀνθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ. Вполне определенно, что слово στρατηγός не является здесь эквивалентом слова «сатрап» («отец истории» все же использует для этого ὕπαρχος – наместник: Herod. III. 120, 126; IV. 166; V. 25. 73, 123; VI. 1, 30, 42; IX. 113)[15]. Очевидно, что в нашем случае должен подразумеваться персидский термин *каран* (греч. κάρανος, др.-перс. *kārana*, от *kāra* – «войско, народ»). Ксенофонт – единственный автор, который употребляет термин каран и

---

[14] Об этом Оронте, вероятно, кратко упоминает Арриан в своем описании похода Александра, где тот назван сатрапом Армении в 331 г. (*Arr.* Anab. III. 8. 5), а также Диодор применительно к 316 г. (*Diod.* XIX. 23. 3).

[15] Собственно, еще один случай употребления Геродотом (V. 25) аналогичного определения относится к Отану, зятю царя Дария I (он охарактеризован как στρατηγὸς τῶν παραθαλασσίων ἀνδρῶν); другой случай употребления Геродотом (V. 30) похожего выражения (τῶν δ' ἐπιθαλασσίων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ ἄρχει πάντων) связан с Артаферном (I), сыном Гистаспа, который уже занимал должность сатрапа Сард (*Herod.* V. 25. 73, 123). Причем, из текста Геродота создается впечатление, что Отан и Артаферн одновременно оба были военачальниками, однако каждый в своей области: «Затем царь (Дарий. – *Э.Р.*) поставил сатрапом Сард своего младшего брата Артаферна… Отана же он назначил начальником войска в приморской области». С учетом отмеченного невозможно, чтобы оба были сатрапами в Сардах, и, таким образом, Отан скорее всего был сатрапом в Даскилии (об этом см. Debord 1999, 93).

переводит его в одном месте как κύριος – «повелитель» (Hell. I. 4. 3), в других двух местах как στρατηγός (Anab. I. 1. 1, 9. 7), также с указанием полномочий, которые распространялись на военные отряды, собирающиеся на Кастолопедии (Hell. I. 4. 3). И именно Ксенофонт показывает возможность совмещения одним лицом (Киром Младшим) должностей карана и сатрапа во время его пребывания на территории Малой Азии с 408 по 405 г.[16]

В историографии существуют две точки зрения по вопросу о функциях персидского карана. Так, согласно первой из них, караном следует считать персидского военачальника, который имел в своем подчинении сатрапов, – т.е. просто представителя администрации рангом выше сатрапа[17]. Согласно другой, караном называли любого персидского военачальника, назначенного царем для руководства в той или иной военной кампании[18]. О последнем фактически также могут свидетельствовать и комментарии Д. Третена и Н. Секунды в связи с термином κάρανος/*kārana*[19].

Некоторые сторонники первой точки зрения полагают, что Ахеменидская империя делилась не только собственно на сатрапии, но и на более крупные военно-административные единицы во главе с каранами, которые исследователи называют *топархиями* (при Ксерксе было семь топархий, а при Артаксерксе II – только четыре[20]),

---

[16] Согласно Ксенофонту, Дарий Кира σατράπην ἐποίησε καὶ στρατηγὸν δὲ αὐτὸν ἀπέδειξε ... (Anab. I. 1. 1); Кир κατεπέμφθη ὑπὸ τοῦ πατρὸς σατράπης... στρατηγὸς δὲ καὶ πάντων ἀπεδείχθη... (Anab. I. 9. 7). Собственно говоря, К. Таплин справедливо замечает: «Внимательное прочтение (Ксенофонта. – *Э.Р.*) предполагает, что титул «каран» определяет должность Кира как "правителя тех народов, которые у моря"... а совокупность сатрапий – совсем особое дело; каран не должен был возглавлять эти сатрапии (так что говорить о Кире как каране Лидии и т.п. неправильно)...» (Tuplin 2007, 12).

[17] Так, например, Й. Визехёфер видел в каране «военного главнокомандующего западной Малой Азии с особыми полномочиями»: «mit speziellen Vollmachten ausgestatteter Militarbefehlshaber des westlichen Kleinasiens» (1994, 60); «a military commander-in-chief of western Asia Minor who is vested with special powers» (1996, 61). С. Ружичка считает карана «высшим военным командиром» (supreme military commander) (1985, 204). По мнению П. Бриана (2002), каран был сатрапом или высшим чиновником, который являлся главнокомандующим (с. 321), уполномоченным собирать войска на большей территории (с. 340), военачальником с исключительно широкими полномочиями (с. 878). Э. Кин стремится доказать, что сатрапы действовали в пределах области, управляемой караном (1993, 88–95).

[18] Petit 1983, 35–45; 1990, 136–144; Klinkott 2005, 320–330.

[19] По мнению Д. Третена (1994, 174), каран – это просто командир кары; слово же *kārana* образовано от *kāra* путем присоединения суффикса *-no* по правилам индоевропейского словообразования для обозначения лица во главе того или иного социального института (исследователь приводит аналогии, среди которых он называет, например, латинские tribunus от tribus; dominus от domus). Н. Секунда (1988a, 74) замечает, что в санскрите глагол *nay* означает «вести», и таким образом выводит слово «каран» от *kāra-naya* – «предводитель войска». Это мнение представляется более верным. Подобным образом ведь и слово στρατηγός образовано от слова στρατός и глагола ἄγω, и это могло побудить античных авторов переводить *kārana* именно как στρατηγός. В древнеперсидских царских надписях это слово не встречается, но дважды присутствует в эламских табличках в PFT. 1300: 3; 1384: 3 – в них делается ссылка на человека с ЛИ *Kārana/Kārina* – несомненно, производное от др.-перс. *kāra* (см. Tavernier 2007, 226 ff.).

[20] Основанием для вывода о количестве топархий являются сведения Геродота (VII. 82) и Ксенофонта (Anab. I. 7. 11): во главе всего сухопутного войска Ксеркса находились семь военачальников (Мардоний, Тритантехм, Смердомен, Масист, Гергис, Мегабиз и Гидарн), а во главе армии Артаксеркса II было четыре командира (Аброком, Тиссаферн, Гобрий и Арбак) и каждый из них возглавлял по 300 000 человек.

и одной из таких топархий была Малая Азия[21]. Однако далее подобных предположений исследователи не идут и оставляют непроясненными некоторые вопросы: вся ли Малая Азия входила в топархию, или же состав областей и/или сатрапий, которые находились под контролем персидского карана, не оставался постоянным и мог периодически изменяться, например, по решению самого Великого царя. Кроме того, ряд исследователей приводят аргументы против гипотезы о существовании топархий. Дж.М. Кук, в частности, полагает, что концентрация значительных военных сил Персии не была связана с постоянным территориальным командованием, но с кампаниями, для которых армии были собраны (таким образом, он присоединяется к альтернативной точке зрения о функциях карана)[22].

Эти две точки зрения не представляются мне взаимоисключающими. Дело в том, что исследование системы персидского военного командования показывает, что, во-первых, сатрапы осуществляли руководство войсками, но далеко не все персидские военачальники обладали статусом сатрапа[23], а во-вторых, кроме того, существовала практика назначения главнокомандующих, руководивших объединенными силами военачальников и/или сатрапов[24]. Но назначение карана на время военной экспедиции для руководства войсками совсем не исключает того факта, что тот же самый военачальник/каран должен был сам заниматься комплектованием своей собственной армии на той или иной территории, активно привлекая под свое начало военные силы местных династов и/или сатрапов. И в таком случае, конечно, размер полномочий карана определялся не самой этой должностью, но указанием территории, на которую распространялась власть персидского командира[25]. Но насколько правомочно называть эту территорию топархией? Дело в том, что, хотя такие регионы, в которых происходило комплектование войска, действительно существовали в Ахеменидской империи, их обозначение неизвестно, и слово «топархия» в данном контексте однозначно не terminus technicus.

На мой взгляд, вполне определенно, что стратег/каран «приморских народов» Азии мог осуществлять руководство войсками ряда малоазийских сатрапий Персии, и таковым в некий период времени был Гидарн. Однако практически невозможно установить, какие именно малоазийские сатрапии входили в область, находившуюся под контролем карана Гидарна.

---

[21] Дандамаев, Луконин 1980, 228–229; Dandamaev, Lukonin 2004, 221.

[22] Cook 1985, 268–269.

[23] Это видно хотя бы по Геродотову списку персидских командиров (VII. 61–83), стоявших во главе тех или иных этнических контингентов в армии Ксеркса в 480 г. (подробнее см. Barkworth 1993, 149–167). Следовательно, каждый сатрап мог быть караном, но далеко не каждый каран мог обладать сатрапскими полномочиями.

[24] О делении всех персидских должностных лиц на сатрапов и военачальников/стратегов см., в частности: *Arist.* De mundo. 398a: «А власть над всей Азией – от Геллеспонта на западе до Индии на востоке, – делили между собой, управляя каждый своим народом, стратеги, сатрапы и цари – все рабы великого царя» (διειλήφεσαν κατὰ ἔθνη στρατηγοὶ καὶ σατράπαι καὶ βασιλεῖς, δοῦλοι τοῦ μεγάλου βασιλέως).

[25] Что касается Кира Младшего, то его официальный статус определялся должностью κάρανος/στρατηγός тех, которые собираются в долине Кастола: τῶν εἰς Καστωλὸν ἀθροιζομένων (*Xen.* Hell. I. 4. 3), πάντων ὅσοι ἐς Καστωλοῦ πεδίον ἀθροίζονται (*Xen.* Anab. I. 1. 1), οἷς καθήκει εἰς Καστωλοῦ πεδίον ἀθροίζεσθαι (*Xen.* Anab. I. 9. 7). Ксенофонт (Oec. IV. 5–7) поясняет с большой степенью подробности порядок сбора войска по приказу персидского царя: эти войска сатрапы должны были созывать в «сборное место» (σύλλογος), где их инспектировал либо сам царь лично, либо его доверенный представитель. Надо думать, что долина Кастола, расположенная в Лидии, и была таким «сборным местом».

Кроме того, Геродот не определяет точное место пребывания Гидарна, где вскоре после восшествия на престол Ксеркса его застали спартанские послы, отправленные в Персию «во искупление» за расправу в Спарте над глашатаями Дария I. Однако, по предположению некоторых исследователей, выражение «приморские народы» в данном контексте соответствует древнеперсидскому *tayaiy drayahyā*, а поэтому должно относиться к сатрапии в Даскилии[26].

Между тем Д. Льюис замечал, в частности, в отношении Гидарна: «Обычно считается, что этот второй Гидарн (сын Гидарна. – *Э.Р.*) был военачальником "прибрежных народов" в конце царствования Ксеркса. Выражение "прибрежные народы" должно указывать на Даскилейскую сатрапию, но трудно найти место для Гидарна среди предков Фарнабаза, и я должен предпочесть поместить Гидарна в Сарды, возможно, с некоторым расширением командования на западе»[27]. Собственно и Т. Пти и С. Хорнблауэр также полагали, что Гидарн пребывал в Сардах[28]. Причем первый вполне убедительно показывает, что Гидарн не имел должности сатрапа там, а будучи царским военачальником – караном, занимался вопросами подготовки вторжения Ксеркса в Грецию во временном промежутке с 484 по 480 г.[29]

Действительно, является широко распространенным мнение, что древнеперсидское *tayaiy drayahyā* обычно относилось к Геллеспонтской Фригии, а Р. Шмитт обратил внимание на то, что под словом *draya-* – «море» должна была пониматься Пропонтида[30]. Следует, однако, возразить на это, заметив, что в персидских царских надписях едва ли само слово «море» имело столь конкретную географическую привязку (на что обратила внимание Х. Сансизи-Веерденбург)[31]. Тем не ме-

---

[26] Olmstead 1950, 148. Дополнительные аргументы в пользу Даскилия как резиденции Гидарна приводит П. Дебор. По мнению исследователя, a priori можно предположить, что местом встречи спартанских послов с Гидарном были Сарды, но Геродот не говорит об этом прямо, и более вероятно, что многочисленные посольства в Восточную Азию проследовали через Даскилий. Другой аргумент, как считает П. Дебор, состоит в том, что пребывание Гидарна в Малой Азии нужно относить к тому моменту, когда Артаферн (II) сменил своего отца в Сардах (Debord 1999, 93). В первом случае можно было бы согласиться с Дебором, что спартанцы чаще всего совершали поездки в Азию через Даскилий, однако в период Пелопоннесской войны это было связано главным образом с господством Афин в Восточном Средиземноморье; в начале же V в. до н.э. ничто не препятствовало спартанцам морским путем достичь Малой Азии и прибыть в Сарды (Геродот сообщает о таком маршруте спартанских послов применительно к 545 году, когда они вели переговоры в Сардах с Киром Великим). Во втором случае можно было бы согласиться с Дебором о том, что Гидарн едва ли мог быть сатрапом Сард до 480 г., но это в том случае, если считать его именно сатрапом.

[27] Lewis 1977, 83–84.

[28] Petit 1990, 138, n. 130; Hornblower 2008, 765–766.

[29] Petit 1990, 138, n. 130.

[30] Schmitt 1972, 522–527. См. также Weiskopf 1982, 15; Sekunda 1988b, 176.

[31] Sancisi-Weerdenburg 2001a, 2. Собственно говоря, во всех персидских надписях, собранных в классическом издании Р. Кента (Kent 1950), выражение *tayaiy drayahyā* встречается при перечислении стран и народов в составе Ахеменидской державы в следующих выражениях: 1) собственно *tyaiy drayahyā* (DB. I. 15); 2) *tyaiy uškahyā utā tyaiy drayahyā utā dahyāva tyā para draya* – «те, которые на материке, те, которые у моря, и те, которые за морем» (DPe 12–14); 3) *tyaiy drayahyā utā tyaiy paradraya* – «те, которые у моря, и те, которые за морем» (DSd. 27–29; XPh. 23–24). В двух последних примерах перед этими выражениями стоит слово *Yaunā* – «ионийцы» (греки). По общепринятому мнению, деление

нее, можно согласиться с тем, что *tayaiy drayahyā* почти дословно соответствовало греческим παραθαλάσσιοι/ἐπιθαλάσσιοι ἄνθρωποι/ἄνδρες[32]. Поэтому сама должность «военачальник приморских народов» не имела какой-то строгой привязки к сатрапии, этой должностью мог обладать как сатрап в Даскилии, так и сатрап в Сардах (в частности тот же Артаферн).

Но был ли Гидарн сатрапом Сард или сатрапом Даскилия? Совмещал ли он вообще должность карана и сатрапа (как это делал Кир Младший, а до него и Тиссаферн)? С одной стороны, возможность того, что он занимал должность сатрапа, не следует совсем исключать, принимая во внимание значительные «временные лакуны» в истории указанных малоазийских сатрапий. Но, тем не менее, существуют скорее соображения против такого варианта.

Terminus post quem встречи спартанских послов с Гидарном является 486 год – год вступления на престол царя Ксеркса, поскольку, как это недвусмысленно свидетельствует Геродот, именно с этим персидским царем послы позднее встретились в Сузах. Terminus ante quem труднее определить, но мы согласны здесь с мнением Р. Сили о хронологии спартанской дипломатической миссии в Азию: «Дата перед 480 годом намного более вероятна, чем более поздняя, так как спартанцы имели больше причин добиваться персидской дружбы перед тем, как Ксеркс потерпел поражение в своей попытке завоевания европейской Греции»[33]. Теперь необходимо определить личности сатрапов в Сардах и в Даскилии в указанном временном диапазоне – с 486 по 480 г.

В 512 г. сатрапом в Сардах[34] был назначен Артаферн (I), сын Гистаспа, брат царя Дария I (Herod. V. 25), который оставался им даже после поражения Ионийского восстания, в 492 г. (Herod. VI. 42)[35]. Однако накануне 490 г. сатрапом Лидии стал

на народы «на материке», «на море» и «за морем» относится именно к ним. В первом же случае такого не наблюдается, и слово *Yaunā* не выглядит связанным с *tayaiy drayahyā*. Мы здесь не будем вдаваться в сложную и неоднозначно решаемую в историографии проблему географической локализации различных категорий *Yaunā* (о чем см., например, подробнее: Seager, Tuplin 1980, 148–149; Sancisi-Weerdenburg 2001b, 323–346; Klinkott 2001, 107–148). Заметим лишь, что если в этом месте подразумевается некая этническая общность (те же *Yaunā* – греки), то возникает вопрос: почему она не названа в тексте? Х. Сансизи-Веерденбург считает, что *tayaiy drayahyā* в DB. I. 15 могло относиться к народам ближневосточного побережья от Египта и до Малой Азии (2001a, 11).

[32] Сансизи-Веерденбург, правда, пытается оспорить связь греческих географических ориентиров с древнеперсидскими (2001a, 11), однако мне думается, что такая взаимосвязь вполне очевидна, учитывая то обстоятельство, что греки действительно часто переводили древнеперсидские обозначения, как, например, об этом можно судить по терминам οἶκος βασιλέως или δοῦλος βασιλέως (подробнее см. Missiou 1993, 378).

[33] Sealey 1976a, 201–202; 1976b, 18. В пользу такой датировки см. Cartledge 1979, 73. Д. Кинаст, Д. Хэдьи и Л. Митчелл относят миссию Булиса и Сперфия в Персию к 481/490 г. (Kienast 1973, 619; Hegyi 1985, 113; Mitchell 1997, 76). В пользу 477 года до н.э. как даты миссии Сперфия и Булиса см. Hofstetter 1972, 98.

[34] Геродот (III. 20) называет первым сатрапом Сард Оройта, назначенного на эту должность еще Киром Великим. Далее, после умерщвления Оройта, вероятно, Дарий назначил сатрапом в Сарды своего брата – Артаферна (I), сына Гистаспа (*Herod.* V. 25).

[35] М.-Л. Шомон считает, что в 493 или в 492 г. на короткий период сатрапом в Сардах стал Мардоний, который в таком качестве провел «конституционный переворот» в Ионии – заменил тиранические режимы в городах демократическими (Chaumont 1990, 588). С этим мнением трудно согласиться. Геродот (VI. 42) вполне ясно называет сатрапом в Сардах Артаферна и приписывает ему реформы в Малой Азии. Об этом сообщает также и Диодор Сицилийский (X. 25. 4).

уже Артаферн (II), сын Артаферна (I), – он был одним из военачальников в походе против Эретрии и Афин, принял участие в битве при Марафоне (Herod. VI. 94). Обращает внимание и тот факт, что Артаферн (II) в войске Ксеркса возглавлял лидийцев и мисийцев (Herod. VII. 74), а это предполагает, что он оставался сатрапом в Сардах по крайней мере в 480 г., совмещая, таким образом, должности сатрапа и военачальника/карана[36].

Что касается сатрапов в Даскилии в указанный исторический период, то остаются неустановленными наместники в этой области со времени Эбара, который возглавлял сатрапию еще в 494 г. (Herod. VI. 33) и вплоть до назначения сатрапом Мегабата в 479 г. (Herod. V. 32; Thuc. I. 129)[37].

С другой стороны, представляется вероятным, что Гидарн только временно находился в Малой Азии в качестве карана с определенными административными поручениями от царя (не будучи там сатрапом). В этом случае напрашивается предположение: не мог ли он занимать должность хилиарха (*hazarapatiš*) при царском дворе? Это тем более вероятно, что в армии Ксеркса Гидарн (II), сын Гидарна (I), командовал «бессмертными», и на это особенно акцентирует внимание Геродот (VII. 83). Конечно, он мог получить должность хилиарха и после встречи со спартанскими послами, однако некоторый намек на привилегированное положение Гидарна при царском дворе присутствует у Плутарха (Mor. 236 a), который передает иную версию встречи спартанских послов Сперфия и Булиса с Гидарном, отличную от Геродотовой. Так, Геродот (VII. 135) рассказывает, что Гидарн безуспешно уговаривал спартанцев перейти на сторону царя и получить, таким образом, в награду должности наместников в Греции. Плутарх же замечает: «Полководец Индарн (вариант греческой передачи имени Видарна/Гидарн[38]. – *Э.Р.*) долго их уговаривал, обещая приравнять к "друзьям царя" (φίλοι τοῦ βασιλέως)[39], занимавшим у персов наиболее высокое положение» (Plut. Mor. 236 a) – эпизод демонстрирует его полномочия при царском дворе. Насколько мы знаем из источников, хилиарх не только командовал царскими телохранителями – «бессмертными», но исполнял и другие важные функции по поручению царя: руководство частью армии, а также заведование дворцовым церемониалом[40].

---

[36] См. Debord 1990, 119.

[37] Т. Бакыр в эту временную лакуну в истории сатрапии в Даскилии помещает деятельность в качестве сатрапов как Мардония, так и Гидарна (Bakir 2001, 170). Однако Х. Клинкотт помещает в этот временной диапазон Артаикта, который, согласно Геродоту (VII. 33, 78; IX. 116, 118–120), был наместником на Геллеспонте и владел Сестом (последнее обстоятельство смущает, ибо резиденцией сатрапа Геллеспонтской Фригии должен быть Даскилий, а отнюдь не Сест) (Klinkott 2005, 459).

[38] Justi 1895, 368; Mayrhofer 1979, 29.

[39] О «друзьях царя» как придворной категории в Ахеменидской державе см. Wiesehöfer 1980, 7–21; Briant 2002, 308, 348.

[40] Подробный разбор функций хилиарха см. Briant 1994, 293–297; Collins 2001, 259–283; Meeus 2009, 287–310; Keaveney, 2003, 119–129; 2010, 499–508. Гидарн (II) мог быть хилиархом в первые годы царствования Ксеркса, в последние годы правления Ксеркса и в начале правления Артаксеркса I (вплоть до его восстания против царя: *Ctes.* Persica. F. 14. § 35) хилиархом был Артабан (*Diod.* XI. 69.1; *Plut.* Them. 27. 2). Статус Гидарна (II) в начале V в. до н.э. можно сравнить со статусом другого известного персидского хилиарха – Тифравста (II), жившего сто лет спустя. Последний не только заведовал придворным церемониалом (*Ael.* Var. hist. I. 21; *Nep.* Conon. 3), но исполнял и функции главнокомандующего в 395 г. по решению царя Артаксеркса II (*Diod.* XIV. 80. 7: καταστήσας οὖν Τιθραύστην ἡγεμόνα), а так-

Приведенное свидетельство косвенно может предполагать идентичность «малоазийского» Гидарна с Гидарном (II), но его родство с Тиссаферном все еще остается под вопросом, его нельзя ни доказать, ни полностью исключить.

3. Гидарн (III)

Как уже было упомянуто выше, некоторые современные исследователи предполагают, что Тиссаферн был сыном Гидарна (III), названного Ктесием Книдским в связи с его рассказом о заговоре Теритумха против царя Дария II. Из этого сообщения понятно, что Гидарн исполнял должность сатрапа, однако Ктесий не указывает его патронимика, не называет и сатрапию, которой он управлял[41]. Историк начинает свой рассказ со следующего замечания: «Арсак, сын царя, затем названный Артаксерксом, был женат на Статире, дочери Идерна» (Ctes. Persica. F. 15, § 55). Следуя мнению, что этот Идерн/Гидарн и был отцом Тиссаферна, мы должны были бы допустить, что его родной сестрой была Статира – жена Арсака, будущего Великого царя Артаксеркса II Мнемона. Однако, по справедливому мнению Т. Пти, источники фактически не поддерживают непосредственно мнение о родстве Статиры с Тиссаферном. В качестве одного из аргументов в пользу своей точки зрения исследователь приводит сообщение Ксенофонта (Anab. II. 3. 17), из которого вполне очевидно следует, что Тиссаферн не мог быть братом жены царя.

Ксенофонт начинает рассказ о встрече Тиссаферна и его спутников со стратегами Кира Младшего после битвы при Кунаксе в 401 г. со следующего замечания: «... от великого царя прибыли Тиссаферн и брат жены царя и другие три перса». «Женой царя» в этот период могла быть только Статира, ибо ее смерть датируется уже периодом после мятежа Кира (Plut. Artax. 17, 19). При перечислении участников персидской делегации к грекам всего названо пять человек, и историк полагает, что Тиссаферн и брат жены царя – это два разных лица. Другой аргумент против отождествления Гидарна, отца Статиры, с отцом Тиссаферна основывается на описании Ктесием Книдским (FGrH. 688. F. 15) заговора Теритумха. По сообщению историка, Идерн/Гидарн был убит своим собственным сыном Теритумхом, который вместо своего отца стал сатрапом; далее он покушался также и на убийство своей жены Аместриды, дочери царя Дария II, воспылав страстью к ее сестре по отцу Роксане. Помогать ему в убийстве собственной жены должны были триста человек, с которыми он хотел поднять восстание против царской власти. Однако Дарий обратился к некоему персу Удиасту с просьбой спасти его дочь. Удиаст, надеясь на царскую награду, напал на Теритумха и убил его, когда тот поднял мятеж. Парисатида, жена царя, обрушила свою месть на семью Теритумха: его мать, братья Митрост и Геликон и две сестры были жестоко убиты. В живых осталась Статира, пощадить которую просил мать ее сын Арсак/Артаксекс II. Правда, Ксенофонт (Anab. II. 3. 17) в приведенном отрывке упоминает о брате жены царя (Статиры?), а это, в свою очередь, может поставить под сомнение заявления Ктесия и

же был одним из трех персидских военачальников в кампании против Египта в 380-е годы (*Isocr.* IV. 140). Тифравст прибыл в Малую Азию с тайным царским заданием умертвить Тиссаферна (*Xen.* Hell. III. 4. 25; *Ages.* I. 35; *Diod.* XIV. 80. 7; *Plut.* Artax. 10. 4; *Paus.* III. 9. 7; *Polyaen.* VII. 16. 1). Всем городам и сатрапам царь отправил послания с повелением исполнять приказания Тифравста (*Diod.* XIV. 80. 7).

[41] Petit 1981, 5. Х. Клинкотт (2005, 471) предполагает, что сатрапией Гидарна (III) была Мидия – владение Гидарнидов.

Плутарха (Artax. 2) о том, что были истреблены все родственники Теритумха, за исключением Статиры[42].

Таким образом, мы не может сказать, в каком родстве Гидарн (III) был как по отношению к Гидарну (II), так и по отношению к Тиссаферну. Реконструкция же Р. Шмиттом родства Тиссаферна с другими Гидарнидами не находит ни прямых, ни даже косвенных подтверждений в источниках. Единственное, что мы можем полагать с некоторой долей уверенности, так это то, что Тиссаферн принадлежал к той самой знаменитой персидской семье, наиболее известными представителями которой и были Гидарны (I, II, III).

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ ТИССАФЕРНА

Предшественник Тиссаферна, Писсуфн, сын Гистаспа, занимал должность сатрапа Лидии с центром в Сардах на протяжении нескольких десятилетий. По крайней мере, впервые о нем мы узнаем от Фукидида (I, 115, 4), который говорит, что он «владел Сардами» в связи со знаменитым Самосским восстанием против афинян в 441 г.: в этих событиях Писсуфн занял сторону мятежных самосцев[43]. Но когда и при каких обстоятельствах Писсуфн стал сатрапом? На этот вопрос определенно ответить довольно сложно.

Не исключена возможность того, что Артаксеркс I назначил его сатрапом еще в 465 г., после своего воцарения[44]. Причинами этого назначения могли быть, во-первых, родственные связи Писсуфна с Ахеменидами (его отец, Гистасп (II), возможно, приходился сыном Дарию I, а следовательно, и дядей новому царю Артаксерксу I[45], – таким образом, сам Писсуфн приходился ему двоюродным братом), а во-вторых, личная преданность новому монарху, а возможно, и поддержка, оказанная после его вступления на престол.

---

[42] По мнению Г. Уэстлейка, «...все свидетельства, относящиеся к его карьере, особенно, его близких связей с персидским двором, предполагают, что он принадлежал к ограниченному кругу аристократов, которые были главным образом ответственны за управление империей». В то же время этот исследователь считает сомнительной гипотезу, что Тиссаферн был внуком Гидарна (I), и отвергает, вслед за Д. Льюисом, предположение, что он был братом восставшего Теритумха (Westlake 1985, 44, n. 6), не предложив, впрочем, своего объяснения его происхождения и родственных связей.

[43] По сообщению Плутарха (Per. 25), Писсуфн сначала предложил Периклу в обмен на свободу города 10 000 золотых дариков, а когда тот отказался взять деньги, выкрал самосских заложников с Лемноса и сделал все приготовления к войне. Фукидид (I. 116. 1) и Диодор (XII. 27. 3) отмечают, что сатрап предоставил изгнанникам с Самоса отряд в 700 наемников, с которым они под покровом ночи высадились на свой остров и напали на вождей местных демократов. В результате на острове была восстановлена олигархия. Кроме того, они пленили и отправили в Сарды афинский гарнизон вместе с начальниками, которые были назначены Периклом. Это первое упоминание о сатрапе Писсуфне в античных источниках, которое свидетельствует о его роли в греко-персидских отношениях.

[44] Х. Клинкотт (2005, 469), например, в своем списке сатрапов Лидии помещает Писсуфна сразу же после Артаферна (II).

[45] Так, в частности, считают Д.М. Льюис и Дж. Балсер (Lewis 1977, 55, 80; Balcer 1993a, 105. № 80). Как известно, Гистасп (I) был отцом Дария I, Гистасп (II) – сыном Дария I (*Herod.* VII. 64), Гистасп (III) – младшим, третьим, сыном Ксеркса (*Ctes.* Persica. F. 13, § 24; *Diod.* XI. 69. 2). Последние два Гистаспа занимали должность сатрапа Бактрии; характерно, что Писсуфн (как и позднее Тиссаферн) до своего назначения сатрапом Сард не был связан непосредственно с Малой Азией.

1. Назначение Тиссаферна сатрапом Лидии, ок. 420 г.

О ранней карьере Тиссаферна рассказал Ктесий Книдский: Тиссаферн получил свою сатрапию за заслуги перед царем. Ктесий отмечает, что ключевым моментом в карьере сатрапа было участие в разгроме мятежа Писсуфна. Восстание произошло при помощи греческих наемников, которых возглавлял афинянин Ликон. Восстание Писсуфна относится Ктесием к начальным годам правления Дария II, хотя точную дату установить, разумеется, невозможно[46]. Вероятно, мятеж представлял серьезную угрозу для персидского царя, который направил на его подавление трех военачальников: Тиссаферна, Спифрадата и Пармиса. Роль Тиссаферна в разгроме мятежа Писсуфна неясна, но она, вероятно, не была малой. Сразу после пленения и казни восставшего сатрапа Дарий II предоставил Ликону, перешедшему со своими наемниками на сторону царских военачальников, «за предательство» города и земли в Азии, а Тиссаферну отдал сатрапию Писсуфна (Ctes. Persica. F. 15, § 53).

Вышесказанным и ограничивается наша информация о вступлении Тиссаферна в должность сатрапа. Некоторые исследователи считают, что Тиссаферн был направлен царем на подавление восстания, поскольку он был выходцем из персидской знати, имевшей имущественные владения на территории Малой Азии. В частности, Д. Льюис пишет, что сатрап имел наследственные владения в Малой Азии[47]. В самом деле, Ксенофонт отмечает, что имение Тиссаферна в 397 г. находилось в Карии (Hell. III. 2. 12)[48]. Это была та область Малой Азии, где в 413 г. укрепился новый мятежник Аморг, незаконнорожденный сын Писсуфна; но тот факт, что именно Тиссаферн получил царский приказ разгромить восставших – Писсуфна и Аморга (см. Thuc. VIII. 5. 5), может объясняться не только тем, что в Карии находились имущественные владения сатрапа. В период восстания Аморга Тиссаферн определенно занимал уже ответственную должность сатрапа Сард, т.е. в его компетенцию входила борьба с мятежниками в его сатрапии, куда в то время и входила Кария[49]. К тому же это «имение» могло появиться у Тиссаферна и после его назначения сатрапом. Нельзя считать также вполне очевидной и взаимосвязь между участием Тиссаферна в подавлении мятежа сатрапа Писсуфна и наличием

---

[46] Одни исследователи справедливо относят мятеж Писсуфна к первым годам правления Дария II – к 421 или 420 г. (Beloch 1927a, 377; Schaefer 1940, 1580; 1950, 1808; Wade-Gery 1958, 222; Westlake 1977, 321; Lewis 1977, 80–81). Другие датируют это событие более поздним временем, пытаясь связать его с мятежом Аморга в Карии (Olmstead 1950, 358 ff.; Eddy 1973, 257; Balcer 1993b, 85). Однако, учитывая последовательность изложения событий Ктесием Книдским (Persica. F. 15, § 52–53), последняя датировка представляется маловероятной.

[47] Lewis 1977, 84. Н. Секунда (1991, 90) связывает направление царем Тиссаферна и Спифрадата против Писсуфна с наличем у них имущественных владений в Малой Азии, в частности, в Карии и Геллеспонтской Фригии.

[48] С. Ружичка (1992, 13) называет имение Тиссаферна «наследственным» (hereditary estate).

[49] Одна статья союзного спартано-персидского договора 412 г. до н.э., согласованного Тиссаферном, содержала обещание спартанской стороны сражаться против отложившихся от персидского царя (*Thuc.* VIII. 18. 3). Несомненно, актуальность этой статьи была обусловлена мятежом Аморга в Карии (Lewis 1977, 91; Kagan 1987, 48). Трудно точно определить, начал ли Аморг новое восстание или продолжил сопротивление даже после разгрома своего отца Писсуфна. Афинский оратор Андокид (III. 29), упоминая об афинской военной помощи Аморгу, называет его «царским рабом» (т.е. подданным персидского монарха) и изгнанником (Рунг 2005, 23–36).

имения в Карии. Впрочем, не исключается возможность и того, что Тиссаферн получил имение в Карии одновременно с назначением его сатрапом в качестве награды за разгром Писсуфна или даже еще позднее[50]. Такое развитие событий вполне вероятно.

Итак, Тиссаферн впервые появляется в источниках применительно к концу 420-х годов до н.э. Надпись на стеле из Ксанфа ссылается на борьбу Тиссаферна против Аморга (TAM. I. 44. a 55: Humrkkã) во взаимодействии с ликийским династом, а греческая эпиграмма на той же самой стеле прославляет деяния этого местного правителя, упоминая, что он убил в некоей битве в день семь аркадских гоплитов и поставил Зевсу много трофеев (TAM. I. 44. c 29; ML. 93, 10–11). Вполне вероятно, что наемное войско Писсуфна могло включать в себя не только воинов из Афин во главе с Ликоном, которые предали своего командира и перешли на сторону царских военачальников (Ctes. Persica. F. 15. § 53), но и гоплитов из Аркадии (Thuc. III. 34. 2–3; VII. 28. 4). С учетом этого обстоятельства вполне можно допустить, что Аморг продолжал сопротивление персам после поражения своего отца Писсуфна до тех пор, пока окончательно не потерпел поражение весной 412 г. Что касается Тиссаферна, то он уже возглавлял сатрапию Лидию после своей победы над Писсуфном.

2. Назначение Тиссаферна караном в Малой Азии, 413 г.

Фукидид (VIII. 5. 5) называет Тиссаферна βασιλεῖ Δαρείῳ τῷ Ἀρταξέρξου στρατηγὸς τῶν κάτω; фраза στρατηγὸς τῶν κάτω вызвала дискуссию в историографии по вопросу о статусе Тиссаферна. Некоторые исследователи считают слово στρατηγός в данном контексте эквивалентом слова σατράπης[51], однако вполне можно согласиться с возражениями Э. Эндрюза на этот счет[52].

Более того, вполне очевидно, что Фукидид в этом пассаже говорит не о полномочиях Тиссаферна как сатрапа Лидии со столицей в Сардах, а как военачальника – стратега/карана. Но означало ли это, что он был назначен главнокомандующим военных сил в Малой Азии? По этому вопросу мнения исследователей существенно расходятся. Одни историки утвердительно говорят об этом[53], тогда как другие отрицают не только статус этого сатрапа как главнокомандующего, но и его должность карана.

Так, в частности, по мнению Э. Кина, Тиссаферн в указанный год еще не обладал высшим военным командованием в Малой Азии, а был только лишь сатрапом Лидии, и, таким образом, его должность в тот период не была эквивалентна той, которую получил позднее Кир Младший[54].

С. Хорнблауэр делает интересное предположение. Он справедливо полагает, что Тиссаферн стал сатрапом Лидии после разгрома мятежа Писсуфна в конце 420-х годов, а должность военачальника/карана получил лишь после вступления Персии

---

[50] Дж. Кук (1983, 208) допускает мысль, что имение в Карии, находившееся во владении Тиссаферна, могло быть конфисковано после смерти Аморга в 412 г. Об этом говорил и Г. Уэстлейк (1985, 44, n. 6).

[51] Keen 1993, 89; 1998b, 97

[52] Gomme, Andrewes, Dover 1981, 16. Э. Эндрюз (1961, 6, n. 13) подчеркивал, что Фукидид старался избегать слова «сатрап», поэтому в своем труде он употребляет его один раз.

[53] Balcer 1993b, 85.

[54] Keen 1993, 89, 93.

в Пелопоннесскую войну против Афин – незадолго до 412 г.[55] Со своей стороны заметим, что о положении Тиссаферна как главнокомандующего в Малой Азии свидетельствует не его должность стратега/карана, а описание сферы применения его полномочий – τῶν κάτω[56]. По представлениям Геродота, вся Азия (Ἀσίη πᾶσα: I. 105, 107, 108; ὅλη Ἀσίη: I. 192) делилась на две части: нижнюю (κάτω) (I. 72, 177) и верхнюю (ἄνω) (I. 95, 103; IV. 1), границей которых считалась река Галис (I. 103). Обращаясь к письму Дария I своему наместнику Гадату мы находим отражение этого деления Азии. Царь хвалит Гадата за то, что он выращивал деревья, привезенные из-за Евфрата, в частях, т.е. областях/странах Нижней Азии, – ἐπ[ὶ] τὰ κάτω τῆς Ἀσίας μέ[ρ]η (ML. 12). Заметим, что в письме говорится именно об областях Нижней Азии, что, возможно, соответствует полномочиям Гадата, который, по мнению ряда исследователей, был сатрапом в Ионии[57].

Но был ли статус Тиссаферна как στρατηγὸς τῶν κάτω идентичен статусу στρατηγὸς τῶν παραθαλασσίων ἀνθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ, которым обладал Гидарн (II), сын Гидарна (I)? Утвердительный ответ на этот вопрос предполагает описание Ксенофонтом статуса Кира Младшего: последний был назначен управляющим всей приморской областью (πάντων τῶν ἐπὶ θαλάττῃ) и нес с собою письмо с царской печатью, обращенное ко всем жителям приморской полосы – τοῖς κάτω πᾶσι.

Таким образом, если эти заключения верны, Тиссаферна можно считать главнокомандующим/караном в Малой Азии ввиду его статуса στρατηγὸς τῶν κάτω. Очевидно, Тиссаферн (как и позднее Кир Младший) совмещал должность сатрапа Лидии и карана и в последнем качестве он координировал военные операции в Малой Азии, осуществляя командование над силами из нескольких областей под своим контролем – Ионии, Лидии, Карии, а возможно, и Ликии[58]. Но контролировал ли Тиссаферн все области Западной Анатолии, или только некоторые из них? Ответ на этот вопрос предполагает выяснение характера взаимоотношений Тиссаферна с другим влиятельным малоазийским сатрапом – Фарнабазом, сыном Фарнака.

---

[55] Hornblower 2008, 768–769.

[56] Э. Эндрюз полагает, что τῶν κάτω означает «men by or near sea» и, таким образом, должно относиться к жителям прибрежных областей Малой Азии, или к войскам, расположенных там. Исследователь соотносит слова οἱ κάτω с παραθαλάσσιοι/ἐπιθαλάσσιοι ἄνθρωποι/ἄνδρες, а также с соответствующими древнеперсидскими параллелями (Gomme, Andrewes, Dover 1981, 15). С. Хорнблауэр переводит выражение στρατηγὸς τῶν κάτω как «general of the West» (с заметкой, что дословный перевод последнего слова – «of the men/things below»), и считает, что τῶν κάτω означает «on the coast» – «на побережье» (2008, 764, 766).

[57] Cousin, Dechamps 1889, 534, n. 1; Syll.[3] I, 22, n. 3 ; ML. 12; Hornblower 1982, 19, n. 109; Chaumont 1990, 588–590; Debord 1999, 118. К. Таплин, поддерживая мнение, что письмо Дария Гадату является поздней фальсификацией, замечает, что «географическая фразеология» τὰ κάτω τῆς Ἀσίας – чисто греческая (2009, 164, 166). Т. Пти отрицает существование отдельной сатрапии Ионии, независимой от Сард (1988, 309–312).

[58] По мнению же С. Хорнблауэра, «Тиссаферн в 413 г. был как территориальным сатрапом в Сардах, так и одновременно обладателем особого западного или прибрежного командования, но это его командование было ограничено главным образом греческими городами ионийского побережья, распространяясь, например, на Карию. Только годы спустя он получил должность "военачальник над всеми" с превосходством над Фарнабазом» (2008, 768). Фукидид упоминает некоторых подчиненных Тиссаферна – Стага (VIII. 16. 3), Тамоса – наместника Ионии (VIII. 31. 3), Арсака (VIII. 108. 4). Об этом см. Рунг 1997, 108–116. О том, что Кария входила в сферу компетенции Тиссаферна, говорит то, что именно этому сатрапу было поручено покончить с восстанием Аморга (*Thuc.* VIII. 5. 5).

Некоторые историки считают, что Тиссаферн и Фарнабаз, действовавшие независимо друг от друга, находились в равном положении[59]. История взаимодействия двух сатрапов показывает, что владения Фарнабаза явно не входили в сферу контроля Тиссаферна, а один сатрап в тот период еще не подчинялся другому сатрапу (так, можно предположить даже, что Фарнабаз, будучи сатрапом Геллеспонтской Фригии с центром в Даскилии, подобно Тиссаферну, одновременно являлся и военачальником/караном по отношению к своим подчиненным «наместникам» в других областях)[60].

ТИССАФЕРН, КИР МЛАДШИЙ И БОРЬБА ЗА САТРАПИИ

Кир, младший сын царя Дария II, прибыл в Малую Азию с целью заменить Тиссаферна на ключевых руководящих постах весной 408 г. Решение царя об отстранении этого сатрапа было принято, очевидно, с одной стороны, под воздействием спартанцев, ввиду неудачного предшествующего опыта взаимодействия с Тиссаферном, а с другой – вследствие интриг царицы Парисатиды, которая выдвижением любимого сына Кира хотела создать необходимые условия для его будущего наследования престола.

1. Тиссаферн и Кир Младший в 408/407–405/404 гг.

Кир сменил Тиссаферна как в должности сатрапа (Xen. Anab. I. 1. 1), так и в качестве военачальника/карана (Xen. Hell. I. 4. 3–4; Anab. I. 1. 2; 9, 7). Далее о сатрапии Кира Ксенофонт (Anab. I. 9. 7) пишет в одном месте более конкретно, и это его замечание требует некоторых комментариев: «...он [Кир] был отцом послан сатрапом Лидии, Великой Фригии и Каппадокии» (κατεπέμφθη ὑπὸ τοῦ πατρὸς σατράπης Λυδίας τε καὶ Φρυγίας τῆς μεγάλης καὶ Καππαδοκίας). Однако Плутарх (Artax. 2. 5; вероятно, на основании сообщения Ктесия Книдского: FGrH. 688. F. 17) называет Кира Λυδίας σατράπης καὶ τῶν ἐπὶ θαλάσσῃ στρατηγός. Означает ли сообщение Ксенофонта (Anab. I. 9. 7), как считают некоторые исследователи, что прежняя сатрапия в Сардах претерпела определенные изменения в своем административном устройстве, что она значительно преобразовалась путем интеграции в нее областей центральной части малоазийского полуострова (Великой Фригии и Каппадокии), составлявших ранее самостоятельные сатрапии[61]. По моему мнению, эта интерпретация не представляется вполне бесспорной.

К сожалению, источники не дают возможности далее конкретизировать вопрос об области/областях, находившихся под управлением Кира в 408–404 годах, однако

---

[59] По мнению Д.М. Льюиса (1977, 86), нельзя найти следов какого-либо подчинения Фарнабаза Тиссаферну в тот период. О независимых обращениях в Спарту двух сатрапов говорят Л. Митчелл (1997, 115) и Дж. Коквелл (2005, 153).

[60] Можно предположить, что Фарнабаз, будучи сатрапом Геллеспонтской Фригии с центром в Даскилии, подобно Тиссаферну, также являлся военачальником/караном по отношению к территории, включавшей в себя Эолиду под управлением дарданца Зения (*Xen.* Hell. III. 1. 10: ἡ δὲ Αἰολὶς αὕτη ἦν μεν Φαρναβάζου, ἐσατράπευε δ' αὐτῷ ταύτης τῆς χώρας... Ζῆνις Δαρδανεύς), Геллеспонтскую Фригию, Вифинию и Пафлагонию (*Xen.* Hell. IV. 1. 1–3). Только в начале Спартано-персидской войны 400–394 гг. Фарнабаз оказался в подчинении у Тиссаферна, о чем говорит Ксенофонт (Hell. III. 2. 13), замечая, что Тиссаферн был царем назначен στρατηγὸς τῶν πάντων.

[61] Так, С. Ружичка (1985, 204) замечает, что Кир стал сатрапом вновь сформированного административного округа, включавшего ранее отдельные сатрапии – Лидию, Великую Фригию и Каппадокию.

данные в отношении последующего периода позволяют пролить некоторый свет на эту проблему. После смерти царя Дария II и ареста Кира Младшего в Вавилоне (Xen. Anab. I. 1. 3; Plut. Artax. 3. 5; Ctes. FGrH. 688. F. 16, 59) Тиссаферн возвратил под свой контроль потерянные им владения, однако после освобождения царевич восстановил свое положение (хотя бы частично). Диодор же определяет статус Кира в 401 г. как ὁ τῶν ἐπὶ θαλάττης σατραπειῶν ἡγούμενος (XIV. 19. 2), – т.е. говорит об управлении им приморскими сатрапиями. Заметим, что о сатрапиях здесь говорится во множественном числе, и это не оговорка Диодора. Действительно, те области, которые, как свидетельствует Ксенофонт (Anab. I. 9. 7), входили в сатрапию Кира в 408/407 г., уже спустя несколько лет стали представлять собой отдельные сатрапии со своими наместниками[62]. Конечно, можно допустить, что после смерти Дария II и ареста Кира его прежняя «расширенная» сатрапия была вновь реорганизована, но лучше предположить иное: с самого своего назначения Кир управлял Лидией, Великой Фригией и Каппадокией не только как сатрап, но и как военачальник-каран[63].

---

[62] Эти сатрапы, вероятно, сначала были назначены царем Араксерксом II, затем заменены Киром, а потом, в свою очередь, некоторые из них вновь были смещены со своих должностей и заменены ставленниками царя и Тиссаферна. Кир Младший назначил сатрапом Ионии и Эолиды Тамоса (*Diod.* XIV. 19. 6; 35. 3), который уже со времени Пелопоннесской войны действовал на территории Ионии в качестве подчиненного Тиссаферну (*Thuc.* VIII. 81. 3), – позднее, после гибели Кира, он бежал в Египет (*Diod.* XIV. 35. 4). Вероятно, Кир назначил сатрапом Великой Фригии своего приближенного Ариея (*Xen.* Hell. I. 8. 5), который, примирившись с царем (*Xen.* Anab. II. 4. 9), сохранял эту должность еще в 395 г. (*Diod.* XIV. 80. 8; *Hell.* Oxy. 22. 3). Далее, Кир назначил Митридата сатрапом Каппадокии и Ликаонии (*Xen.* Anab. VII. 8. 25) – он, так же как и Арией, перешел на сторону царя (*Xen.* Anab. II. 5. 35; III. 3. 1–4, 4. 1–3). Сатрапом же Лидии он назначил некоего Артима (*Xen.* Anab. VII. 8. 25), о судьбе которого более ничего не известно.

[63] С. Хорнблауэр говорит об «аномальном положении» Кира в 407–401 годах как сатрапа Лидии, Великой Фригии и Каппадокии и повелителя тех, которые собираются в долине Кастола (1994, 52–53). Э. Кин замечает, что термин «сатрап» в греческих источниках означал должностных лиц более низкого ранга (officials of a lower rank), так что в случае Кира термин «сатрап» мог означать более высокую должность, чем обычно (more senior officer than usual) (1993, 91). Действительно, у греческих авторов слово σατράπης могло относится как к наместникам малоазийских сатрапий с центром в Сардах и в Даскилии (иногда определяемых как сатрапы Лидии и Геллеспонской Фригии), так и к наместникам областей, периодически бывших в подчинении у названных сатрапов, – правителям Ионии, Эолиды, Карии, Ликии, Пафлагонии, Великой Фригии, Каппадокии и др. Исследователи далеко не единодушны в интерпретации этих данных. Так, распространено мнение, что сатрапским статусом в Малой Азии обладали только царские наместники в Сардах и Даскилии; наместники же остальных областей считались «подчиненными» или «меньшими» сатрапами (субсатрапами или гипархами) и были подотчеты сатрапам. Наиболее подробно эта точка зрения проработана в диссертации М. Вайскопфа, который оперирует такими понятиями, как highest officers и lesser officers (1982, 5–13), и в статье К. Таплина (1987, 121), называющего подчиненных сатрапам термином hyparchs. Понятно, что такой подход имеет своей целью устранить все неопределенности и противоречия, которые встречаются в источниках. Однако деление сатрапов на «высших» и «низших» выглядит искусственным; разумнее предположить, что одни сатрапы руководили другими сатрапами на основании особых полномочий, предоставляемых царем, – к ним как раз и относится назначение сатрапа, «друга царя» или его родственника военачальником/караном над определенной территорией, с которой он собирал войска под командованием других сатрапов. Это вполне согласуется с нашим заключением о том, что одно и то же слово «каран» могло использоваться для

Но означали ли эти изменения, что Тиссаферн полностью был лишен сатрапии, как считают некоторые современные исследователи[64]? На этот счет в историографии высказываются разные суждения. По мнению некоторых историков, за Тиссаферном, после прибытия Кира в Малую Азию весной 408 г., осталась Кария, теперь отделенная от Лидии и преобразованная в самостоятельную сатрапию[65]. Какие основания для такого заключения? Во-первых, Кария отсутствует в числе упомянутых Ксенофонтом областей, входивших в сатрапию Кира; во-вторых, именно в Карии находилось личное имение Тиссаферна; в-третьих, нет основания говорить о том, что Кария оформилась в сатрапию под управлением сатрапа из местной династии (это произойдет только с назначением сатрапом Гекатомна около 392/1 г.[66]). По мнению же С. Ружички, Тиссаферн в 407 г. вообще не имел сатрапии, а входил в число близких советников Кира – был его φίλος; получил же сатрапию Карию он только после того, как Кир был взят под стражу в связи с обвинением в заговоре против царя Артаксеркса II в 403 г. Как считает исследователь, Кир, только что прибывший в Малую Азию и еще не посвященный во все аспекты местной политики и дипломатии, испытывал острую нужду в опытных советниках. Этим и объясняется то обстоятельство, что Тиссаферн первоначально предпринимал попытки направлять действия Кира в выгодное себе русло, намереваясь по-прежнему активно влиять на ситуацию[67]. И наконец, еще одно мнение высказал Э. Кин. Он вполне справедливо доказывает, что назначение сатрапом и караном Кира не привело к тому, что прежние сатрапы, теперь подчинявшиеся царевичу, потеряли свои должности, однако это наблюдение вполне справедливо по отношению к сатрапам Великой Фригии и Каппадокии, но не Лидии. Как считает исследователь, Тиссаферн все еще оставался при Кире Младшем сатрапом Лидии[68], однако на этот счет следует заметить, что резиденцией Кира также стали Сарды – прежняя резиденция Тиссаферна, и нет никаких оснований полагать, что Тиссаферн официально сохранял свои полномочия как сатрапа, пусть и менее влиятельного.

2. Тиссаферн и Кир Младший в 404/403–401 гг.

После своего возвращения в Малую Азию в 403 г. Кир Младший, вероятно, уже не обладал ни должностью сатрапа, ни должностью военачальника/карана в Малой Азии: эти должности по-прежнему принадлежали Тиссаферну[69]. Этим, в частности, и объясняется то обстоятельство, что Кир попытался принудительно

обозначения как военачальника вообще, так и главнокомандующего – в частности (различия между ними могли быть только в определении царем их полномочий).

[64] См. Hornblower 1982, 33.

[65] Lewis 1977, 119, n. 78; Olmstead 1950, 369; Andrewes 1971, 208; Hamilton 1979, 101–102.

[66] Hornblower 1982, 33–35; Ruzicka 1992, 17; Konuk 2009, 357.

[67] Ruzicka 1985, 204; 1992, 12–13.

[68] Keen 1993, 88–95.

[69] По мнению С. Ружички (1985, 205), было бы странно, если бы царевич вовсе не понес никакого наказания за заговор против своего брата. И этим наказанием, как считает исследователь, скорее всего, могло быть лишение Кира сатрапии. Наконец, возвращение Кира в Малую Азию произошло по инициативе царицы Парисатиды (*Ctes.* Persica. F. 16. § 59; *Xen.* Anab. I. 1. 3; *Plut.* Artax. 3. 5), а не самого царя. Далее, существуют основания полагать, что Кир мог добиваться расширения подконтрольных себе областей, что привело его к военному столкновению с Тиссаферном.

лишить Тиссаферна части его владений. Прежде всего, на сторону Кира перешли города Ионии, о чем прямо свидетельствует Ксенофонт (Anab. I. 1. 6): «Ионийские города первоначально некогда были отданы царем Тиссаферну (ἦσαν αἱ Ἰωνικαὶ πόλεις Τισσαφέρνους τὸ ἀρχαῖον ἐκ βασιλέως δεδομέναι), но в это время все они, кроме Милета, перешли на сторону Кира (τότε δε ἀφειστήκεσαν πρὸς Κῦρον πᾶσαι πλὴν Μιλήτου)».

Это сообщение Ксенофонта, несомненно, может относиться к тем событиям, которые произошли в первые годы царствования Артаксеркса II – в 404 или 403 г. Историк, правда, не называет по имени персидского царя, а слово τὸ ἀρχαῖον весьма неопределенно указывает на то время, когда царь передал Тиссаферну управление над греческими городами Ионии[70]. Однако существуют основания полагать, что ионийские греческие города (αἱ Ἰωνικαὶ πόλεις) перед тем, как они были отданы царем Тиссаферну, входили в сферу управления Кира как карана[71]; следовательно, передача царем этих городов от одного сатрапа к другому могла иметь место только при определенных обстоятельствах, из которых наиболее уместным в данном случае выглядит пребывание Кира под стражей в Вавилоне. Вообще же после ареста Кира Тиссаферн мог получить назад свою прежнюю сатрапию, которую он потерял по решению Дария II в 408 г. Между тем известно, что во время восстания Кир контролировал не только сатрапию Лидию, но и другие области.

Обратимся к сообщениям Диодора. Историк (XIV. 19. 6) в отношении Кира в одном месте сообщает: «В Лидии и Фригии он поставил правителями персов, своих родственников, в Ионии, Эолиде и прилегающих местах – Тамоса, бывшего его верным другом», а в других местах он говорит, что Кир Младший θαλ᾽ ττης | ρχε σατραπειCν (Diod. XIV. 19. 2; 26. 4)[72]. Наконец, уже после своего рассказа о сражении при Кунаксе в 401 г. и гибели Кира Диодор (XIV. 35. 1–3) замечает: «Артаксеркс, царь Азии, после войны с Киром послал Тиссаферна принять все приморские сатрапии. Вследствие этого сатрапы и города, помогавшие Киру, пребывали в большой тревоге, как бы их не наказали за то, что они совершили преступление по отношению к царю. Все прочие сатрапы, направив послов к Тиссаферну, угождали ему и тем самым налаживали отношения с ним». Именно статус Тиссаферна после поражения Кира имеет в виду Ксенофонт, когда пишет, что он «был назначен сатрапом не только тех областей, в которых он начальствовал прежде, но и тех, где начальником прежде был Кир» (Hell. III. 1. 3); не только получил область Кира, но

---

[70] Некоторые исследователи, однако, считали, что Тиссаферн получил Ионию в дополнение к сатрапии Карии еще в 407 г. (Judeich 1892, 40–41; Beloch 1927b, 135–139; Schaefer 1940, 1591). По мнению Э. Эндрюза, фраза Ксенофонта τὸ ἀρχαῖον ἐκ βασιλέως может только означать назначение, сделанное Артаксерксом непосредственно после своего восшествия (1977, 208, n. 8).

[71] Впрочем, Д.М. Льюис отмечает, что города Ионии не были частью административных сатрапий Персидской державы: эти города подчинялись сначала Киру, а затем Тиссаферну не как сатрапам, а как частным лицам и считались автономными по отношению к царю. Однако царь, как считает исследователь, все же поддерживал притязания на доходы с них (Lewis 1977, 122). Подобной точки зрения в отношении статуса ионийцев придерживается и С. Хорнблауэр: «Тиссаферн получил их (города. – *Э.Р.*) точно так же, как Фемистокл получил свои малоазийские города после Греко-персидских войн, то есть в результате формального пожалования царя, которое не имеет ничего общего с сатрапскими назначениями» (1982, 33–34).

[72] С. Ружичка (1985, 205–206) считает эти заявления Диодора невнимательным повторением сообщения о более раннем статусе Кира.

и сохранил свою собственную область (Xen. Anab. II. 5. 11)[73]. А то, что во власти Тиссаферна во время конфликта с Киром оставались какие-то области (скорее всего это были Кария и Ликия), свидетельствует тот факт, что он был одним из четырех царских военачальников в сражении при Кунаксе в 401 г. и под его командованием, по оценкам Ксенофонта (Anab. I. 7. 11), находилось 300 000 человек (хотя цифра и завышена и отражает скорее не реальное, а штатное количество войска, то, которое приказывал собрать царь для войны).

Таким образом, Тиссаферн (за услуги царю) не только полностью восстановил свое прежнее положение, которое он имел до прибытия Кира Младшего в Малую Азию в 408 г., но еще более укрепил и расширил свою власть. Он снова стал сатрапом Лидии, но теперь в дополнение к Ионии, Карии, Ликии он получил Великую Фригию и, возможно, Каппадокию, совмещая полномочия сатрапа и военачальника/карана. В конечном итоге пиком его политической карьеры стало назначение его военачальником/караном над малоазийскими сатрапиями (Xen. Hell. III. 2. 13: στρατηγὸς τῶν πάντων) в период спартано-персидского конфликта.

Конец Тиссаферна

О гибели Тиссаферна существуют сообщения нескольких античных авторов, которые рассказывают об этом с разной степенью подробности. Ксенофонт (Hell. III. 4. 25), например, излагает события предельно кратко. Он связывает конец этого сатрапа непосредственно с поражением персов в битве при Сардах со спартанским царем Агесилаем (весной 395 г.).

Историк сообщает следующее: «Во время этой битвы Тиссаферн находился в Сардах, почему персы и обвиняли его в том, что он их предал. Сам царь персов признавал, что Тиссаферн повинен в его неудачах, и послал Тифравста с приказанием отрубить голову Тиссаферну» (перевод С.Я. Лурье)[74].

Собственно говоря, версия о якобы имевшем место предательстве Тиссаферна сообщается и другими античными авторами, даже без прямой связи с последним эпизодом его жизни – поражением при Сардах. Такую трактовку можно обнаружить у Юстина и в более заостренном виде у Корнелия Непота.

Юстин отмечает, что Фарнабаз обвинял Тиссаферна перед Артаксерксом в том, что тот содержал спартанцев на царские средства, путем подкупов добился от спартанцев затягивания войны и не вел активных боевых действий (Iust. VI. 1. 5–6). Корнелий Непот же передает рассказ о том, что Тиссаферн изменил царю и заключил союз со спартанцами (ex intimis regis ab amicitia eius defecerat et cum

---

[73] С. Хорнблауэр интерпретирует эту фразу Ксенофонта следующим образом: Тиссаферн после смерти Кира получил назад ту сатрапию, которую он имел до 407 г. и которой управлял Кир с 407 по 401 г. (1982, 33).

[74] Между тем, Оксиринхский историк (XV. 1) и Диодор Сицилийский (XIV. 80. 5) сообщают, что Тиссаферн лично руководил персидской армией в сражении при Сардах. Г. Уэстлейк (1981, 268) пытается объяснить это противоречие с данными Ксенофонта, предположив, что сатрап находился в Сардах, когда битва началась, но затем, услышав о происходящем, он поспешил на помощь к своим войскам и присутствовал при их отступлении с поля битвы. Между тем, это не единственная нестыковка в различных описаниях античных авторов битвы при Сардах, о чем, например, ведется довольно интенсивная дискуссия в историографии (см. Grenfell, Hunt 1908, 152–153; Cornelius 1933, 29–31; Bruce 1967, 150–156; Nellen 1972, 45–54; Anderson 1974, 27–53; Gray 1979, 183–200; DeVoto 1988, 41–53; Wylie 1992, 118–130).

Lacedaemoniis coierat societatem) (Nep. Conon. 2–3). Этот рассказ, таким образом, еще более отражает некий «персидский взгляд» на развитие событий и выявляет негативное отношение к сатрапу в среде окружения персидского царя (рассказ мог быть, вероятно, почерпнут из труда Динона Колофонского по истории Персии, сведениям которого, как пишет сам Корнелий Непот, он доверял больше всего: Nep. Conon. 5).

Плутарх же (Artax. 23), в свою очередь, возлагает вину в окончательной дискредитации Тиссаферна на царицу-мать Парисатиду, которая не могла простить тому предательство ее сына Кира Младшего: «Чиня грекам бесчисленные обиды и притеснения, Артаксеркс доставил им радость лишь однажды – когда казнил Тиссаферна, заклятого их врага. Казнил же его царь после того, как Парисатида искусно увеличила бремя и прежде лежавших на нем обвинений». Рассматриваемые вместе с сообщением Ксенофонта (Hell. III. 4. 25) эти сведения, очевидно, верно могут отражать те интриги и «закулисную политику», жертвой которых стал Тиссаферн. Впрочем, далеко не все современные исследователи соглашаются с античными авторами при выяснении причин гибели Тиссаферна, как в связи с предлагаемыми версиями, так и в расстановке акцентов. Так, в частности, Г. Уэстлейк полагает, что тайный заговор против Тиссаферна был необходим потому, что существовали серьезные сомнения в сохранении верности царю этим сатрапом после его смещения с должности[75]; кроме того, исследователи доказывали на основании рассмотрения хронологии битвы при Сардах, что казнь Тиссаферна не могла быть прямым следствием его недавнего поражения[76].

В заключение приведем полностью сообщение о гибели Тиссаферна. Об этом подробно рассказывает Полиен (VII. 16. 1), в общих чертах пишет также Оксиринхский историк (текст сохранился фрагментарно: Hell. Oxy. XVI. 1–2) и более сжато – Диодор Сицилийский (XIV. 80. 6–8).

Полиен сообщает: «Артаксеркс для ареста Тиссаферна послал Тифравста, с двумя письмами: одно было к самому Тиссаферну о войне против эллинов, поручая ему все дела, другое же к Ариэю, чтобы он вместе с Тифравстом арестовал его. Ариэй же, прочитав письмо в Колоссах во Фригии, призвал Тиссаферна, будто бы им вместе нужно было посовещаться и о прочих делах и об эллинах. Он же, ни о чем не подозревая, оставил лагерь в Сардах, сам, придя с тремястами отборными аркадянами и милетянами, остановился у Ариэя; уже около купальни, имея акинак, оставил его. Ариэй же с помощью слуг схватил его и, заключив в крытую повозку, избил его, затем передал Тифравсту, чтобы он вез свергнутого. Он же вплоть до Келен заключенного вез, здесь же, отрубив ему голову, отправил ее царю. Царь же

---

[75] Westlake 1981, 274 ff. Причем обстоятельства казни Тиссаферна отдаленно напоминают обстоятельства умерщвления другого видного персидского сатрапа, Оройта, по приказу Дария I, как их излагает Геродот (III. 127–128). Иногда исследователи всерьез предпочитают говорить о мятеже Оройта против царя (Briant 2002, 122), однако «отец истории» вполне определенно называет причину столь изощренной расправы с ним: «Послать тотчас войско против сатрапа царю казалось неудобным, так как брожение в стране еще не улеглось, и сам он недавно вступил на престол. К тому же Дарий знал, что у Оройта большая военная сила: у сатрапа лично была тысяча персидских телохранителей, а в его сатрапию входили Фригийская, Лидийская и Ионийская области». Что касается Тиссаферна, то в источниках ничего не говорится о каком-либо его личном конфликте с царем, однако довольно высокое положение этого сатрапа должно было, несомненно, вызывать опасения в связи с его возможным сопротивлением при попытке его ареста.

[76] Beloch 1927b, 46, Anm. 1; Lewis 1977, 142, n. 47.

послал ее матери Парисатиде, которая более всего старалась отомстить Тиссаферну за смерть Кира».

Итак, исследование происхождения и политической карьеры Тиссаферна позволило нам, во-первых, сделать подробный экскурс в историю знатной древнеперсидской семьи Гидарнидов, а во-вторых, рассмотреть некоторые аспекты, связанные с функционированием администрации Ахеменидов в малоазийских сатрапиях Персидской империи. Комплексный анализ материала не подтверждает (но и не опровергает) реконструкцию Р. Шмиттом и некоторыми другими историками генеалогии Тиссаферна: Гидарн (I) – Гидарн (II) – Гидарн (III) – Тиссаферн. Тем не менее, следует объяснить причины назначения Тиссаферна одним из малоазийских сатрапов. Понятно, что, в отличие, например, от Фарнабаза, его предки не были сатрапами в Малой Азии; даже Гидарн (II), пребывание которого в Малой Азии отмечает Геродот, едва ли занимал там должность сатрапа, а скорее всего был царским представителем (хилиархом), выполнявшим какое-то особое поручение Ксеркса. Потомственные владения Гидарнидов лежали далее на востоке, скорее всего в Мидии. Однако следует учитывать, что для высших персидских сановников, коими и были сатрапы, мобильность в пределах империи была обычным делом и цари периодически перемещали их из одной сатрапии в другую – с востока на запад и с запада на восток. Причинами этих перемещений, как можно предположить, были и поощрения тех или иных вельмож (как в случае с Тиссаферном, который получил Лидию в качестве награды за участие в разгроме восстания Писсуфна), и стремление поместить нелояльного сатрапа в чуждую ему социальную среду, тем самым лишив его политической поддержки в случае мятежа, как это было бы в «отеческой сатрапии». Безусловно, у царя могли быть и другие мотивы при назначении на должность своих сановников.

Что касается собственно Тиссаферна, то после назначения на должность сатрапа Лидии в конце 420-х годов он получил дополнительные полномочия военачальника/карана в Малой Азии (особенно в условиях вступления персов в Пелопоннесскую войну на стороне Спарты), которыми он обладал до тех пор, пока не был заменен на всех своих постах сыном царя Дария II Киром Младшим. После поражения мятежа Кира Младшего Тиссаферн был восстановлен во всех должностях и получил еще большие полномочия, став фактически главнокомандующим/караном над всеми малоазийскими сатрапами в условиях спартано-персидской войны. В этот период Тиссаферн находился на пике своей военно-политической карьеры, после чего последовало падение – поражение при Сардах от спартанского царя Агесилая и насильственная гибель по приказу персидского царя Артаксеркса II в 395 г.

Литература

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. 1980: Культура и экономика древнего Ирана. М.

Рунг Э.В. 1997: К вопросу о статусе Ионии в системе сатрапий Персидской державы в конце V – начале IV в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. М., 108–116.

Рунг Э.В. 1999: Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна // Античность: события и исследователи. Межвуз. сб. Казань, 60–67.

Рунг Э.В. 2005: Афины и мятеж Аморга // SH. 5, 23–36.

Рунг Э.В. 2008: Греция и Ахеменидская держава. История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. СПб.

Anderson J.K. 1974: The Battle of Sardis in 395 B.C. // CSCA. 7, 27–53.

Andrewes A. 1961: Thucydides and the Persians // Historia. 10, 1–18.

Andrewes A. 1971: Two Notes on Lysander // Phoenix. 25, 206–226.

Bakir T. 2001: Die Satrapie in Daskyleion // Achaemenid Anatolia. Proceedings of the First International Symposium on Anatolia in the Achaemenid Period, Bandirma 15–18 August 1997 / T. Bakir (ed.). Leiden, 169–180.

Balcer J.M. 1993a: A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble c. 550–450 B.C. Lewiston.

Balcer J.M. 1993b: The Ancient Persian Satrapies and Satraps in Western Anatolia // AMI. 26, 81–90.

Barkworth P.R. 1993: The Organization of Xerxes' Army // IA. 27, 149–167.

Beloch K.J. 1927a: Griechische Geschichte. 2. 1. B.–Lpz.

Beloch K.J. 1927b: Griechische Geschichte. 2. 2. B.–Lpz.

Bowie A.M. 2007: Herodotus. Histories. Book VIII. Cambr.

Briant P. 1994: Sources Greco-hellénistiques, institutions perses et institutions macedoniennes: Continuités, changements et bricolages // Achaemenid History. VIII. Continuity and Change / H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt, M.C. Root (eds). Leiden, 283–310.

Briant P. 2002: From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire / Trans. by P.T. Daniels. Winona Lake (Indiana).

Bruce I.A.F. 1967: An Historical Commentary on the «Hellenica Oxyrhynchia». Cambr.

Bryce T.R. 1986: The Lycians. 1. Copenhagen.

Cartledge P. 1979: Sparta and Laconia. A Regional History. L.

Cawkwell G.L. 2005: The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxf.

Chaumont M.-L. 1990: Un nouveau gouverneur de Sardes achemenide d'après une inscription recemnement decouverte // Syria. 67, 579–608.

Childs W.A.P. 1981: Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Re-Examined // ASt. 31, 55–80.

Collins A.W. 2001: The Office of Chiliarch under Alexander and the Successors // Phoenix. 55, 259–283.

Cook J.M. 1983: The Persian Empire. L.

Cook J.M. 1985: The Rise of the Achaemenids and the Establishment of Their Empire // CHI. 2, 200–291.

Cornelius F. 1933: Die Schlacht bei Sardis // Klio. 26, 29–31.

Cousin G., Deschamps G. 1889: Lettre de Darius, fils d'Hystaspes // BCH, 529–542.

Dandamaev M.A., Lukonin V.G. 2004: The Culture and Social Institutions of Ancient Iran / Trans. by Ph.L. Kohl, D.J. Dadson. Cambr.

Debord P. 1999: L'Asie Mineure au IV siècle (412–323 a.C.). Pouvoirs et jeux politiques. Bordeaux.

DeVoto J.G. 1988: Agesilaos and Tissaphernes near Sardis // Hermes 116, 41–53.

Eddy S.K. 1973: The Cold War between Athens and Persia ca. 448–412 B.C. // CPh. 63, 241–258.

Garrison M.B., Root M.C. 2001: Seals on the Persepolis Fortification Tablets. 1. 1. Chicago.

Gray V.J. 1979: Two Different Approaches to the Battle of Sardis in 395 B.C.: Xenophon, Hellenica 3, 4, 20–24 and Hellenica Oxyrhynchia 11(6), 4–6 // CSCA. 12, 183–200.

Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. 1981: A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. Oxf.

Grenfell B.P., Hunt A.S. 1908: The Oxyrhynchus Papyri. 5. L.

Hamilton C.D. 1979: Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War. New York–Ithaca.

Hegyi D. 1985: Die Formen und Auswirkungen der griechisch-persischen Beziehungen im 5 Jahrhundert v.u. Z. // Kultur und Fortschritt in der Blütezeit der greichischen Polis. B., 109–118.

Hofstetter J. 1972: Zu den griechischen Gesandschaften nach Persien // Beitrage zur Achämenidengeschichte / G. Walser (Hrsg.) / Historia. Einzelschriften. 18. Wiesbaden.

Hornblower S. 1982: Mausolus. Oxf.

Hornblower S. 1994: Persia // CAH^2. 6, 45–96.

Hornblower S. 2008: A Commentary on Thucydides. 3. Oxf.

Hyland J.O. 2005: Tissaphernes and the Achaemenid Empire in Thucydides and Xenophon. Diss. Univ. of Chicago.

Hyland J.O. 2008: Thucydides' Portrait of Tissaphernes Reexamined // Persian Responses: Political and Cultural Interaction With(in) the Achaemenid Empire / C.J. Tuplin (ed.). Swansea, 1–25.

Judeich W. 1892: Kleinasiatische Studien. Untersuchungen zu griechisch-persischen Geschichte des IV Jahrhunderts v.Ch. Marburg.

Justi F. 1895: Iranisches Namenbuch. Marburg.

Kagan D. 1987: The Fall of the Athenian Empire. N.Y.

Keaveney A. 2003: The Life and Journey of Athenian Statesman Themistocles (524–460 B.C.?) as a Refugee in Persia. Lewiston–Queenston–Lampeter.

Keaveney A. 2010: The Chiliarch and the Person of the King // Der Achämenidenhof – The Achaemenid Court. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen». Landgut Castelen bei Basel, 23.–25. Mai 2007 / B. Jacobs, R. Rollinger (Hrsg.). Wiesbaden, 499–508.

Keen A.G. 1993: Persian *Karanoi* and their Relationship to the Satrapal System // Ancient History in a Modern University. Proceedings of a Conference Held at Macquarie University, 8–13 July, 1993. 1, 89–95.

Keen A.G. 1998a: Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c 545–362 B.C. Leiden.

Keen A.G. 1998b: Persian Policy in the Aegean, 412–386 B.C. // JAC. 13, 93–110.

Kent R. 1950: Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven.

Kienast D. 1973: Presbeia (Πρεσβεία), griechisches Gesandschaftswesen // RE. 13, 499–628.

Klinkott H. 2001: Yauna – Die Griechen aus persischer Sicht? // Anatolien in Lichte kultureller Wechselwirkungen. Akkulturationsphänomene in Kleinasien und seinen Nachbarregionen während des 2. und 1. Jahrtausends v. Chr. / H. Klinkott (Hrsg.). Tübingen, 107–148.

Klinkott H. 2005: Der Satrap. Ein achaemenidischer Amsträger und seine Handlungsspielräume. Frankfurt-am-Main.

Konuk K. 2009: The Coinage of Hyssaldomos, Dynast of Mylasa // Zurück zum Gegenstand. Festschrift für A.E. Furtwängler. Bd 2. Halle (Saale), 357–363.

Kuhrt A. 2007: The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. Oxf.

Lewis D.M. 1977: Sparta and Persia. Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen. Leiden.

Lewis D.M. 1997: Persians in Herodotus // *Lewis D.M.* Selected Papers in Greek and Near Eastern History. Oxf., 345–361.

Mayrhofer M. 1979: Iranisches Personennamenbuch. 1. 2. Die Altiranischen Namen. Wien.

Meeus A. 2009: Some Institutional Problems Concerning the Succession to Alexander the Great: Prostasia and Chiliarchy // Historia. 58, 287–310.

Melchert H.C. 1993: The Lycian Lexicon. 2nd ed. Chapell Hill.

Missiou A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation // CQ. 43. 3, 377–391.

Mitchell L.G. 1997: Greek Bearing Gifts. The Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 BC. Cambr.

Mørkholm O., Neumann G. 1978: Die lykischen Münzlegenden // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in. Göttingen. Phil.-hist. Kl. 1, 1–38.

Murray O. 1966: Ο ΑΡΧΑΙΟΣ ΔΑΣΜΟΣ // Historia. 15, 142–156.

Nellen D. 1972: Zur Darstellung der Schlacht bei Sardes in den Quellen // AS. 3, 45–54.

Nichols A. 2008: The Complete Fragments of Ctesias of Cnidus: Translation and Commentary with an Introduction. Diss. Univ. of Florida.

Olmstead A.T. 1950: The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago.

Petit T. 1981: Tissapherne ou les misadventures d'une ambition. Mémoire, présenté en vue de l'obtention du titre de licencié en histoire. Univ. de Liége.

Petit T. 1983: ΚΑΡΑΝΟΣ. Etude d'une function militaire sous la dynastie perse achéménide // LEC. 51, 35–45.

Petit T. 1988: À propos des «satrapies» ionienne et carienne // BCH. 112, 307–322.

Petit T. 1990: Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xèrxes Ier. P.

Ruzicka S. 1985: Cyrus and Tissaphernes, 407–401 B.C. // CJ. 80, 204–211.

Ruzicka S. 1992: Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman. OK.

Sancisi-Weerdenburg H. 2001a: The Problem of the Yaunā // Achaemenid Anatolia. Proceedings of the First International Symposium on Anatolia in the Achaemenid Period, Bandirma 15–18 August 1997 / T. Bakir (ed.). Leiden, 1–11.

Sancisi-Weerdenburg H. 2001b: Yaunā by the Sea and across the Sea // Ancient Perceptions of Greek Ethnicity / I. Malkin (ed.). Cambr. (Mass.), 323–346.

Schaefer H. 1940. Tissaphernes // RE. Suppl. 4, 1579–1599.

Schaefer H. 1950: Pissuthnes // RE. Hlbd 40, 1807–1809.

Schmitt R. 1972: Die achämenidische Satrapie «tayaiy drayahyā» // Historia. 21, 522–527.

Schmitt R. 2004: Hydarnes (1–4) // EnIr. 12.

Seager R., Tuplin C.J. 1980: The Freedom of the Greeks of Asia: on the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan // JHS. 100, 141–154.

Sealey R. 1976a: A History of the Greek City-States, ca. 700–338 B.C. Berkeley.
Sealey R. 1976b: The Pit and the Well: The Persian Heralds of 481 B.C. // CJ. 72, 13–20.
Sekunda N. 1988a: Achaemenid Military Terminology // AMI. 21, 69–77.
Sekunda N. 1988b: Persian Settlement in Hellespontine Phrygia // Achaemenid History III: Method and Theory. Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop / A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds.). Leiden, 175–195.
Sekunda N. 1991: Achaemenid Settlement in Caria, Lycia and Greater Phrygia // Achaemenid History. VI. Asia Minor and Egypt: Old Cultures in a New Empire. Proceedings of the Groningen 1988 Achaemenid History Workshop / A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds). Leiden, 83–143.
Tavernier J. 2007: Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.). Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts. Leuven.
Treten D. 1991: Κάρανος = κύριος // Glotta. 69, 173–174.
Tuplin C.J. 1987: The Administration of the Achaemenid Empire // Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires / I. Carradice (ed.). Oxf., 109–166.
Tuplin C.J. 2007: A Foreigner's Perspective: Xenophon in Anatolia // The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth-Fourth Centuries B.C.). Papers Presented at the International Workshop Istanbul 20—21 May 2005 / I. Delemen (ed.). Ankara.
Tuplin C.J. 2009: The Gadatas Letter // Greek History and Epigraphy: Essays in Honor of P.J. Rhodes / L.G. Mitchell, L. Rubinstein (eds). Swansea, 155–184.
Wade-Gery H.T. 1958: Essays in Greek History. Oxf.
Walser G. 1984: Hellas und Iran. Studien zu den griechisch-persischen Beziehungen vor Alexander. Darmstadt.
Weiskopf M.N. 1982: Achaemenid Systems of Governing in Anatolia. Diss. Berkeley.
Westlake H.D. 1977: Athens and Amorges // Phoenix. 31, 319–329.
Westlake H.D. 1981: Decline and Fall of Tissaphernes // Historia. 30, 257–279.
Westlake H.D. 1985: Tissaphernes in Thucydides // CQ. 35, 43–54.
Wiesehöfer J. 1980: Die «Freunde» und «Wohltater» des Grosskönigs // Studia Iranica. 9, 7–21.
Wiesehöfer J. 1994: Das Frühe Persien. Geschichte eines antiken Weltreichs. Zürich–München.
Wiesehöfer J. 1996: Ancient Persia from 550 B.C. to 650 A.D. / Trans. By A. Azodi. L.
Wylie G. 1992: Agesilaus and the Battle of Sardis // Klio. 74, 118–130.

TISSAPHERNES AND THE HYDARNIDS IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL HISTORY OF THE ACHAEMENIDIAN POWER

E.V. Rung

The key aspects of the political carrier of the famous Persian satrap Tissaphernes are considered in the article. The first part is devoted to the study of Tissaphernes' origin and family. It is assumed that he belonged to the family of Hydarnids and his prominent ancestors were among the political elite of the Persian Empire in the late 6th and early 5th century BC. The author comes to the conclusion that Tissaphernes had not been connected with Asia Minor before his appointment by King Darius II as the satrap of Sparda ca 420s (though his alleged grandfather Hydarnes II had temporarily resided there as Xerxes' general). The beginning and the further development of Thissaphernes' carrier are also analysed, especially his status during the activities of Cyrus the Younger in Asia Minor. The article ends with the detailed account of the circumstances of Tissaphernes' death in 395.

© 2012 г.

Р. В. Лапырёнок

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМЕ ЦЕНЗА 125/124 гг. до н.э.: СТАРЫЕ–НОВЫЕ РЕШЕНИЯ[1]

В статье анализируются возможные решения проблемы ценза 125/124 г. до н.э. на основе материалов зарубежной историографии. После выхода в свет «Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14» П. Бранта господствует мнение, что объектом римского ценза являлось все взрослое мужское гражданское население, включая cives sine suffragio, libertini и proletarii. В качестве противовеса данной гипотезе выступает точка зрения немецкого ученого Э. фон Херцога, который находил в этих списках только римских adsidui. На основе критического анализа данных концепций предпринимается попытка реконструкции ценза 125/124 г. до н.э.

Ключевые слова: ценз, assidui, proletarii, capite censi, leges agrariae, Гракхи, tributum.

Среди множества исторических вопросов, связанных с гракханским движением, проблема ценза 125/124 гг. до н.э. занимает особое место. Это определяется не только ее фундаментальным значением для реконструкции социально-политической истории Поздней республики, но и фактическим отсутствием источников. Из числа последних мы располагаем лишь данными о количестве граждан, зафиксированном по результатам этого ценза. Это количество увеличилось на 75 913 человек, причем объяснением причин этого «демографического бума» эпитоматор Ливия себя не утруждает. Такое значительное увеличение числа римских граждан тем более удивительно, если принять во внимание тот факт, что данные предыдущих переписей населения свидетельствуют преимущественно о тенденции совершенно противоположного характера[2]. Именно данное обстоятельство, а также его возможная связь с деятельностью гракханской аграрной комиссии предопределили повышенный интерес со стороны исследователей к цензу 125/124 гг. до н.э. Фундаментальное значение вышеозначенной проблемы заключается в ценности исторической информации, которая может стать достоянием науки в случае ее решения. Это относится, например, к демографическому развитию Рима и Италии, принципам комплектования списков римских граждан в период Республики, организации взаимоотношений с союзниками, а также многим другим вопросам исторического развития римского государства.

Лапырёнок Роман Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Рейнского университета им. Фридриха-Вильгельма (Бонн).

[1] Данная работа основывается на материалах докладов, представленных на кафедре истории древнего мира Рейнского университета им. Фридриха Вильгельма (Бонн, 11 января 2011 г.) и XVII Сергеевских чтениях (МГУ им. М.В. Ломоносова, 3 февраля 2011 г.). Автор выражает глубокую признательность за ценные рекомендации и техническую поддержку к.и.н. А.В. Мосолкину (Москва), к.ф.н. В.М. Иванову (Иркутск), а также В.М. Киндрату (Иркутск).

[2] См. приложение; например, в период с 163 г. по 146 г. до н.э., а также с 141 г. по 130 г. до н.э.

Итак, по результатам ценза 125/124 гг. до н.э. число римских граждан увеличилось на 75 913 человек[3]. Возможные решения данной проблемы были предложены еще в XIX в. Наиболее популярным из них долгое время оставалась точка зрения, которая связывала означенное увеличение числа граждан с деятельностью аграрной комиссии. Речь в данном случае идет о римлянах, которые получили земельные наделы на основании lex Sempronia agraria. Этой точки зрения придерживался, в частности, Т. Моммзен[4], а позднее и такие известные специалисты в области истории позднереспубликанского Рима, как Д. Эрл и П. Брант[5].

Данное решение, впрочем, несмотря на всю свою привлекательность, имеет многие слабые стороны. Й. Мольтхаген, например, указывал на то, что результаты ценза 131/130 гг. до. н.э. лишь немногим отличаются от данных 136/135 гг. до н.э.[6] Разница составляет всего 890 граждан. Учитывая тот факт, что в 129 г. до н.э. аграрная комиссия потеряла ius iudicandi[7], т.е. право определять, какие земли имели частный статус, а какие являлись частью фонда ager occupatorius, и на этой основе проводить limitatio, можно и нужно предположить, что наибольшую активность вышеозначенная комиссия проявляла в 133–130 гг. н.э., что подтверждается данными археологии. Речь в данном случае идет о termini Gracchani, на 8 из которых (из 12 найденных) зафиксированы имена Гая Гракха, Аппия Клавдия и П. Лициния Красса Муциана, руководивших работой комиссии именно в данный период[8]. Если в указанный промежуток времени зафиксировано лишь незначительное увеличение числа граждан, то остается только усомниться в том, что деятельность аграрной комиссии после лишения ее ius iudicandi могла таким значительным образом повлиять на данные ценза 125/124 гг. до н.э.[9]

Главный же аргумент против такого объяснения увеличения числа граждан по результатам означенного ценза мы находим в эпиграфическом lex agraria 111 г. до н.э.[10] В восьмой строке, после вводной части и перечисления категорий земли,

---

[3] См. приложение.

[4] Mommsen 1857, 96.

[5] Earl 1963, 35; Brunt 1971, 78. См. также Bourne 1952, 182; Göhler 1939, 140 f.; Nissen 1902, 30; данной точки зрения придерживается в своих ранних работах и Ю. Белох (1880, 82).

[6] Molthagen 1973, 444 f.

[7] *App.* B.C. I. 19; Schol. Bob. 118 Stangl (к *Cic.* Mil. 8); *Liv.* Per. 59. См. также Badian 1958, 175 f.; Bauman 1979, 408; Carcopino 1928, 89 ff.; Cardinali 1965, 186–191; Caspari 1913, 185 f.; Earl 1963, 35; Gargola 1997, 563; 2008, 509; Hermon 1982, 259; Hinrichs 1957, 93 f.; 1966, 256, Howarth Randall 1999, 292; Lea Beness 2005, 38 f.; Molthagen 1973, 430 f.; Mommsen 1857, 96 ff.; Mouritsen 2008, 472; Richardson 1980, 9; Roselaar 2010, 240 f.; Schneider 1974, 292; 1977, 69; Schur 1942, 28 f.; Shochat 1970, 41 ff.; Stockton 1979, 92 f.; Toynbee 1965. II, 548 f.; Worthington 1989, 254 f.

[8] Degrassi 467–475. Из 12 найденных на территории Италии termini Gracchani 10 (467–473) датируются 133–129 гг. до н.э. (т.е. до того времени, когда аграрная комиссия потеряла ius iudicandi, так как и на тех двух, на которых зафиксированы имена М. Фульвия Флакка, Гая Гракха и Г. Папирия Карбона, мы находим IIIvire(i) a(gris). i(udicandis). a(dsignandis)), один отделял владения гракханских колонистов от veteres possessores (f(undus). p(ossessoris). vet(eris) (CIL I². 645)), а последний был восстановлен М. Теренцием Варроном Лукуллом (474) на основании постановления сената в ager Gallicus. Тринадцатый (согласно Degrassi 475) был найден в римской Африке, но вызывал и вызывает большие сомнения по поводу отношения к аграрной комиссии (см. дискуссию: Badian 1972, 704 ff.; Carcopino 1928, 163 ff.; Cichorius 1922, 113; Johannsen 1971, 86 f.; Molthagen 1973, 437 f.).

[9] Molthagen 1973, 444 f.

[10] CIL I². 585; Mommsen 1905, 65–146.

которые по этому закону приобретают статус ager privatus, говорится о том, что цензор должен внести новые agri privati в следующий ценз[11]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что деятельность аграрной комиссии никоим образом не могла повлиять на результаты переписи населения 125/124 гг. до н.э. Тот факт, что при проведении ценза учитывались только земли, имеющие статус ager privatus, не подлежит никакому сомнению. В этом случае наука располагает всеми необходимыми доказательствами[12].

За последние 10 лет, в значительной степени благодаря деятельности центра по исследованию земельных отношений и демографии Поздней республики, возглавляемого известным нидерландским антиковедом Л. де Лигтом, было опубликовано большое количество работ по юридическому статусу земельных наделов, которые римские граждане получили по lex Sempronia agraria. В первую очередь, конечно, это относится к работам самого Л. де Лигта[13]. В одной из статей, опубликованных в Athenaeum, он выступает с критикой в адрес точки зрения, представленной главным образом в работах известного специалиста в области римского права М. Казера, которая определяет в качестве статуса земельных наделов по lex Sempronia agraria известный из lex agraria 111 г. до н.э., а точнее, в его так сказать «африканской» части, ager privatus vectigalisque[14]. По его мнению, гракханские наделы имели статус possessio perpetua[15]. Это, в частности, подтверждается тем, что только после издания lex agraria 111 г. до н.э. они получают статус ager privatus и вносятся на основе этого в ценз[16]. Проблема, впрочем, заключается в том, что в 19-й строке закона мы находим следующее: quei ager locus aedificium publicus populi Romani in terra Italia P. Muucio L. Calpurnio cos. fuit, quod eius ex lege plebeive sci[to exve h. l. privatum factum est eritve][17]. Здесь совершенно отчетливо говорится о том, что какая-то или какие-то категории ager publicus получили статус ager privatus еще до 111 г. до н.э. Данное обстоятельство заставило Л. де Лигта, а также его коллег по проекту изменить мнение. В 2007 г. нидерландский ученый публикует еще одну статью о статусе гракханских земельных наделов и решает вопрос в пользу теории, им самим до того критикуемой. То есть в пользу ager privatus vectigalisque[18]. Эта точка зрения представлена также и в диссертации одной из его учениц С.Т. Розелар, опубликованной в 2010 г.[19] Согласно Аппиану, одна из категорий ager publicus, представленных в lex Sempronia agraria, действительно получила

---

[11] CIL I². 585, 8. См. Lintott 1992, 210 f.

[12] *Cic.* Flac. 32. 80: Illud quaero sintne ista praedia censui censendo, habeant ius civile, sint necne sint mancipi, subsignari apud aerarium aut apud censorem possint? Schol. Bob. Flac. 80 (Stangl p. 106): Praedia autem quae iure legitimo non habentur neque aput aerarium subsignari neque aput censorem possunt. *Festus* 50 L: Censui censendo agri proprie appellantur, qui et emi et venire iure civili possunt.

[13] De Ligt 2000, 377–391; 2001a, 121–144; 2001b, 182–217; 2004, 725–757; 2007, 87–98; 2008a ; 2008b, 139–187.

[14] Kaser 1942, 1–81; 1971, 405. Данная точка зрения развивается в следующих работах: De Martino 1956, 555–579; Johannsen 1971, 210 f., 256; De Ligt 2007, 94; Richardson 1980, 6; Roselaar 2010, 233 f.

[15] De Ligt 2001a, 129 f., 144.

[16] CIL I². 585, 8. См. дискуссию: Bernstein 1978, 128 ff.; Hinrichs 1966, 267; Johannsen 1971, 226 f.; Lintott 1992, 210 f.

[17] CIL I². 585, 19.

[18] De Ligt 2007, 94. См. также Burdese 1952, 84 f.; Johannsen 1971, 210 f.; Kaser 1942, 10, 15–19 ; Roselaar 2010, 233 f.; Zancan 1935, 90 ff.

[19] Roselaar 2010, 233 f.

статус ager privatus еще до 111 г. до н.э., но речь в данном случае идет о событиях, последовавших за гибелью Гая Гракха[20]. Единства мнений, впрочем, относительно данного вопроса наблюдать не приходится. Некоторые исследователи видят здесь veteres possessores, некоторые гракханских колонистов[21]. Но о какой тогда категории идет речь в lex agraria 111 г. до н. э?

Эту категорию мы находим в 4-й строке закона: de eo agro loco quei ager locus ei, quei agrum privatum in publicum commutavit, pro eo agro loco a IIIviro datus commutatus redditus est...[22] Здесь упоминаются владельцы земельных участков, изначально имевших статус ager privatus. Владельцы этих участков уступали их аграрной комиссии и получали компенсацию из фонда ager publicus. Компенсированные земельные участки должны были, несомненно, получить статус ager privatus, что, судя по всему, и предусматривалось аграрным законом Тиберия Гракха[23]. Это, видимо, и есть искомая категория, получившая статус ager privatus уже на основе lex Sempronia agraria. Таким образом, аргументация Л. де Лигта выглядит теперь не столь привлекательной. Тот факт, что статус ager privatus vectigalisque встречается только в «африканской» части lex agraria 111 г. до н.э.[24] также заставляет усомниться в его универсальности, как это сделал М. Кроуфорд[25].

Статус ager privatus земельные участки гракханских колонистов могли гипотетически получить в соответствии с одним из двух законов, которые передает Аппиан, рассказывая о событиях 20-х годов II в. до н.э. Однако реконструкция 15–17 строк аграрного закона 111 до н.э. Э. Линтотта исключает такую возможность совершенно: статус ager privatus земельные участки гракханских колонистов получают только в 111 до н.э. Таким образом, результаты деятельности аграрной комиссии следует искать в цензе 110/109 гг. до н.э., так как статус ager privatus вышеназванные земельные наделы гракханских колонистов получают только в соответствии с lex agraria 111 г. до н.э.[26] Проблема заключается в том, что данных

---

[20] *App.* B.C. I. 27. См. о трех законах у Аппиана: Carcopino 1928, 261 ff.; Cardinali 1965, 196–212; Caspari 1913, 184–198; Dal Cason 1985, 183 f.; De Ligt 2001a, 133 ff.; Gargola 1997, 546–580; Hermon 1992, 98 f.; Johannsen 1971, 61–93; Kornemann 1903, 52 f.; Lintott 1992, 282 ff.; Meister 1974, 86–97; Muñiz Coello 2003, 472; Triebel 1980, 204–209; Willcock 1982, 474 f.

[21] Э. Линтотт в комментарии к lex agraria 111 г. до н.э. предложил новое решение проблемы трех аграрных законов Аппиана. На основе анализа 15–17 линий закона он пришел к выводу, что статус ager privatus земельные наделы гракханских колонистов получили только после вступления в силу аграрного закона 111 г. до н.э. (Lintott 1992, 218 ff.). Это означает, что два первых аграрных закона, которые мы находим у Аппиана, касались исключительно veteres possessores. Данное открытие (Л. де Лигт отзывается о нем в восторженных тонах и называет «a brilliant discovery» (2001a, 138) стало поворотным пунктом в исследовании аграрного закона Тиберия Гракха. Э. Линтотт поставил под сомнение точку зрения тех исследований, которые видели в земельных наделах гракханских колонистов agri privati vectigalisque. Contra: Johannsen 1971, 256.

[22] CIL I². 585, 4. О юридических трудностях, возникавших в ходе работы аграрной комиссии, и переселении части veteres possessores сообщает Аппиан (B.C. I. 18). См. Hinrichs 1966, 266; см. также дискуссию в комментарии Э. Линтотта (1992, 207).

[23] *App.* B.C. I. 18. Если даже и не предусматривалось изначально, то в ходе работы аграрной комиссии стало актуальным.

[24] CIL I². 585, 43–95.

[25] Crawford 1996, 171.

[26] Или же вносятся в ценз только на основании этого закона.

ценза 110/109 гг. до н.э. у нас попросту нет. Итак, одним возможным решением меньше.

Представленная выше реконструкция отнюдь не противоречит классической модели, согласно которой главной целью аграрной реформы Тиберия Гракха являлось решение проблемы воинского набора посредством укрепления позиций мелкого землевладения. Тот факт, что римские граждане не вносились в ценз непосредственно после получения земельных участков, свидетельствует о «перспективной» направленности lex Sempronia agraria. Опыт земельной программы первой половины II в. до н.э., когда ветераны и колонисты[27] получали наделы со статусом agri privati, заставил реформаторов сделать определенные выводы. Данная форма решения аграрного вопроса не могла придать стабильность мелкому землевладению. Жители колоний нередко продавали полученные участки и возвращались в Рим, пополняя тем самым ряды городского плебса[28]. Подобное развитие событий во второй половине II в. до н.э., судя по всему, перестало быть редкостью. Участники программы должны были по замыслу автора (или авторов) lex Sempronia agraria «закрепиться» на новых местах жительства, создавая основу для стабильного развития Республики в будущем. Нельзя исключать также и содержания в тексте закона 133 г. до н.э. пункта о возможном изменении юридического статуса земельных участков по прошествии определенного промежутка времени[29].

В другой реконструкции, представленной Ю. Белохом, мы встречаем гораздо более радикальное решение проблемы ценза 125/124 гг. до н.э. Он сомневается в достоверности его результатов и видит здесь ошибку эпитоматора или переписчика и предлагает другую цифру, равную 294 736[30]. Эта интерпретация не находит сегодня поддержки в работах историков граккханского движения, так как имеет еще больше слабых сторон, чем предыдущая. Во-первых, данные следующего ценза, то есть 115/4 гг. до н.э., представляют сопоставимое число граждан, так что сомнения, следуя логике Ю. Белоха, были бы и здесь уместны. То есть уже как минимум два ценза можно признать недостоверными, тогда как о I веке до н.э., от которого осталось всего два, не считая тех, что были проведены Августом, и говорить не приходится. Причем эти два ценза I в. до н.э. еще более «странные» с точки зрения цифр. В принципе, с помощью подобного решения можно оспорить данные практически каждой переписи населения II в. до н.э., но вопрос в том, поможет ли это разрешить исследуемые исторические проблемы и насколько это оправдано с точки зрения методологии.

Наибольшей же популярностью в данном вопросе сейчас пользуются точки зрения Л. де Лигта, объясняющего увеличение числа граждан в 125/124 г. до н.э. естественным приростом свободного населения во II в. до н.э.[31] и Э. Ло Кашио[32],

---

[27] В колониях как римского, так и латинского права.

[28] Подобное развитие событий известно не только для колоний латинского права, но также и для колоний civium Romanorum, как это было, например, в случае с Сипонтом и Буксентом (*Liv.* XXXIX. 23. 3).

[29] См. lex Iulia agraria: *App.* B.C. III. 5. 24.

[30] Beloch 1886, 342; в этом ему следует итальянский ученый П. Фраккаро (Fraccaro 1957 II, 100 f.). Шестью годами ранее (1880, 82) Ю. Белох связывает увеличение числа граждан по итогам ценза 125/124 гг. до н.э. с деятельностью аграрной комиссии.

[31] De Ligt 2004, 725–756. См. ниже P.S.

[32] Lo Cascio 2008, 253. Эта гипотеза интересна еще и по той причине, что отсутствие во время ценза как минимум не приветствовалось (*Liv.* I. 44. 1–2: censu perfecto quem maturauerat metu legis de incensis latae cum uinculorum minis mortisque, edixit ut omnes ciues Romani,

считающего это следствием специфики работы римских цензоров, которые раньше по непонятным причинам отказывались записывать пролетариев в число граждан. Обе представленные реконструкции базируются на мнении, согласно которому римские цензоры вносили в списки, представленные у Ливия и других авторов, все гражданское мужское население, не взирая на принадлежность к пяти имущественным классам, т.е. и пролетариев в том числе.

Э. Габба объяснил данные ценза 125/124 гг. до н.э. возможным снижением ценза для 5-го класса до 1500 ассов, которое произошло предположительно после переписи населения 131/130 гг. до н.э., а точнее в 130–129 гг. до н.э.[33] В качестве объекта римского ценза в данном случае выступали только adsidui, т. е. граждане, принадлежавшие к пяти имущественным классам, которые платили трибут (до 167 г. до н.э.) и несли службу в легионах[34]. Пролетарии же, которые при обычных условиях не должны были нести военную службу и не платили трибут, не учитывались цензорами при составлении отчета[35].

В качестве главного аргумента в пользу данной гипотезы здесь выступают данные о необходимом имущественном цензе для 5-го класса, которые мы находим у Ливия, Полибия и Цицерона. У Ливия этот ценз равен 11 тысяч ассов[36], у Полибия – 4 тысячи[37], у Цицерона же 1500 ассов[38]. В источниках, к сожалению, нет информации относительно того, когда и вследствие каких причин произошли указанные изменения. Э. Габба предположил, что первое из снижений ценза имело место во время II Пунической войны, когда после катастрофических потерь первых лет римляне нуждались в солдатах для легионов, которые в соответствии с за-

---

equites peditesque, in suis quisque centuriis, in campo Martio prima luce adessent).

[33] Gabba 1976, 6 f. В данном вопросе он опирается на мнение Э. фон Херцога (1965. I, 105 f., 459), считавшего, что только представители пяти римских имущественных классов учитывались при составлении ценза. Последний, впрочем, придерживается точки зрения, согласно которой увеличение числа граждан по итогам ценза 125/124 гг. до н.э. было связано с деятельностью гракханской аграрной комиссии (Herzog 1965. I, 459); см. дискуссию: Nicolet 1967, 216.

[34] Gabba 1976, 3 f.; *contra*: Bringmann 1985, 29 f.; Brunt 1971 24 f.; De Ligt 2004, 738 ff.; 2008a, 126; Erdkamp 1998, 289; Hin 2008, 234 f. Lo Cascio 2008, 246 ff.; Northwood 2008, 258 ff.; Scheidel 2008, 22 f.; Suolahti 1963, 34 f.

[35] Gabba 1976, 4.

[36] *Liv.* I. 43. 7–8: quinta classis aucta; centuriae triginta factae; fundas lapidesque missiles hi secum gerebant; [in] his accensi cornicines tubicinesque in duas centurias distributi; undecim milibus haec classis censebatur. Ср. с данными Дионисия Галикарнасского (IV. 17. 2), который называет сумму в 12500 ассов: τὴν δέ πέμπτην μοῖραν, οἷς ἐντὸς εἴκοσι καὶ πέντε μνῶν ἄχρι δώδεκα καὶ ἡμίσους μνῶν ὁ βίος ἦν, εἰς τριάκοντα συνέταξε λόχους. См. также Thomsen 1980, 146 ff.; Toynbee 1965. I, 513 f.

[37] *Polyb.* VI. 19. 2–3: τοὺς δέ πεζοὺς ἓξ καὶ (δέκα) δεῖ στρατείας τελεῖν κατ' ἀνάγκην ἐν τοῖς τετταράκοντα καὶ ἓξ ἔτεσιν ἀπὸ γενεᾶς πλὴν τῶν ὑπὸ τὰς τετρακοσίας δραχμὰς τετιμημένων.

[38] *Cic.* Rep. II. 40: In quo etiam verbis ac nominibus ipsis fuit diligens; qui cum locupletis assiduos appellasset ab asse dando, eos, qui aut non plus mille quingentos aeris aut omnino nihil in suum censum praeter caput attulissent, proletarios nominavit, ut ex iis quasi proles, id est quasi progenies civitatis, expectari videretur.

коном должны были иметь ценз как минимум 5-го класса[39]. Второе же произошло в 130–129 гг. до н.э., в период борьбы сената с гракханцами[40].

Проблема заключается в том, что мы не знаем, действительно ли только adsidui или же все мужское гражданское население, включая пролетариев, должны были вноситься в списки римских цензоров. Мы не знаем также, оставались ли принципы комплектования неизменными на протяжении всего республиканского времени. В настоящий момент, главным образом благодаря П. Бранту и его классическому труду «Italian manpower 225 B.C. – A.D. 14», господствует точка зрения, согласно которой данные римских переписей населения отражают все взрослое мужское гражданское население, включая cives sine suffragio, libertini и proletarii[41]. Причем П. Брант использует данную формулу при реконструкции демографического развития с 225 г. до н.э. до 14 г. н.э., а это предполагает, что все это время критерии подсчета оставались неизменными. Но если обратить внимание на результаты цензов II в. до н.э. и сравнить их с данными переписей населения при Августе, то мы получим уже значительную разницу. 4 млн 63 тысячи граждан в 28 г. до н.э. при Августе и 300 тысяч – 400 тысяч во второй половине II в. до н.э.

Даже с учетом включения в число граждан общин sine suffragio[42] и большой части союзников в соответствии с lex Iulia[43] и lex Papiria Plautia[44] после Союзнической войны разница между этими цифрами кажется нереальной. П. Брант, впрочем, предположил, что Август из соображений пропаганды (т.е. чтобы обозначить и продемонстрировать успехи своего правления) внес в ценз жен и детей римских граждан, но подтверждения этому в источниках мы не находим. Эта, в некотором смысле экстравагантная, гипотеза не нашла широкой поддержки в среде специалистов[45]. Сомнительно, что Август мог решиться на столь радикальный шаг даже с учетом всей его привлекательности с точки зрения пропаганды.

На первый взгляд само определение capite censi свидетельствует о том, что пролетарии должны были вноситься в списки граждан, составляемые римскими

---

[39] Gabba 1976, 5 f.; Gagniart 2008, 81; Toynbee 1965 II, 89; Э. Ло Кашио связывает это снижение с денежной реформой (1988, 302). Данная точка зрения представлена также в работах Г. Маттингли (1939, 99–107) и Д. Разбоуна (1993, 121–152). Речь в данном случае идет о введении нового стандарта для бронзовой монеты, т.е. так называемого «легкого» асса. Главной целью этой реформы было увеличение числа adsidui, в которых нуждалась римская армия после катастрофических потерь первых лет Ганнибаловой войны. Если относительно первого снижения ценза аргументация вышеозначенных исследователей выглядит достаточно убедительной, то в случае со вторым ей со всей очевидностью недостает поддержки со стороны хронологии (см. критику данной точки зрения: De Ligt 2008a, 125 f.).

[40] Gabba 1976, 6 f.; De Ligt 2008a, 126; Gagniart 2008, 91; Molthagen 1973, 445; Nicolet 1979, 305; Shochat 1980, 9 ff.; contra: Lo Cascio 2008, 237.

[41] Brunt 1971, 24 f.; De Ligt 2004, 738 ff.; 2008, 126; Göhler 1939, 140 f.; Lo Cascio 2008, 246 ff.; Morley 2001, 50; Scheidel 2004, 1 f. С. Хин (2008, 234 f.) считает, что только мужское население sui iuris подлежало цензу.

[42] Brunt 1971, 20.

[43] *Cic.* Balb. 8. 21; *Gell.* Noct. Att. IV. 4. 3; *Vell.* II. 16; *App.* B.C. I. 49.

[44] *Cic.* Arch. 4. 7; *App.* B.C. I. 53; Schol. Bob. 175 (Stangl.)

[45] Brunt 1971, 120 (в этом он следует Ю. Белоху: 1903, 482). За редким исключением: Hin 2008, 218 ff. Т. Франк (1930, 313 f.; 1933, 21 f., 40) считал, что до 332 (330/329 или 329) гг. до н.э. в ценз включали всё гражданское население Рима, включая женщин и детей. Данные же ценза 28 г. до н.э. представляют все гражданское мужское население (Frank 1924, 340). См. критику этой точки зрения у Э. Ло Кашио (1994, 23–40) и А. Тойнби (1965. I, 445 ff.).

цензорами. Этот аргумент считается наиболее весомым из тех, что приводят обычно сторонники этой точки зрения[46]. При ближайшем рассмотрении в его незыблемости можно легко усомниться. Само по себе определение capite censi не производит впечатление официального. Кроме того, в источниках оно встречается не так часто, если не сказать редко. Впервые capite censi упоминаются в Bellum Iugurthinum Саллюстия, когда последний рассказывает о решении Гая Мария привлечь к службе в легионах пролетариев[47]. Причем речь в данном случае идет об авторе из второй половины I в. до н.э. Тит Ливий не использует указанное определение ни в рассказе о реформе Сервия Туллия, ни в последующих книгах. У Цицерона мы его также не находим[48].

Все, что известно о capite censi, относится уже к более позднему времени: несколько раз их упоминают Валерий Максим[49], Авл Геллий[50] и Флор[51]. Интересно, что А. Геллий, рассказывая о происхождении обоих понятий (proletarii и capite censi), в случае с proletarius обращается к законам XII таблиц[52], тогда как при объяснении capite censi ссылается на Bellum Iugurthinum Саллюстия[53]. В 12 таблицах proletarius является юридической категорией, противоположной adsiduus. Вне всякого сомнения, это понятие имеет более древнее происхождение и являлось в республиканское время официальным обозначением для малоимущих. Таким образом, capite censi появляются в источниках только со второй половины I в. до н.э., причем не известно, было ли это официальное определение для малоимущих или же речь здесь идет о неологизме за авторством Саллюстия[54].

---

[46] Brunt 1971, 24; De Ligt 2008a, 126 ff.

[47] *Sall.* Iug. 86. 2–3: ipse (C. Marius. – *R.L.*) interea milites scribere, non more maiorum neque ex classibus, sed uti lubido quoiusque erat, capite censos plerosque. См. Kubitchek 1899, 1521–1523.

[48] В приведенной в прим. 36 цитате из De re publica (*Cic.* Rep. II. 40) определение capite censi напрямую не упоминается. Данное обстоятельство, впрочем, нисколько не смущает П. Бранта (1971, 22), который использует эту цитату как аргумент в своей реконструкции, хотя здесь Цицерон говорит не о capite censi, а о proletarii.

[49] *Val. Max.* II. 3. 1: Laudanda etiam populi uerecundia est, qui inpigre se laboribus et periculis militiae offerendo dabat operam ne imperatoribus capite censos sacramento rogare esset necesse, quorum nimia inopia suspecta erat, ideoque his publica arma non committebant.

[50] *Gell.* Noct. Att. XVI. 10. 10. Здесь Авл Геллий говорит о proletarii и capite censi как о различных категориях ценза (речь в данном случае идет скорее всего об ошибке римского автора, так как нигде в других источниках этого разграничения мы не встречаем; см. Gargola 1989, 234; Rich 1987, 307; Zuhold 1979, 466); *Gell.* Noct. Att. XVI. 10. 11–12.

[51] *Flor.* I. 36. 42: postremo Marius auctis admodum copiis, cum pro obscuritate generis sui capite censos sacramento adegisset, iam fusum et saucium regem adortus, non facilius tamen vicit quam si integrum ac recentem.

[52] *Gell.* Noct. Att. XVI. 10. 6–7: Nam Q. Ennius uerbum hoc ex duodecim tabulis uestris accepit, in quibus, si recte commemini, ita scriptum est: «Adsiduo uindex adsiduus esto. Proletario ciui quis uolet uindex esto». Petimus igitur, ne annalem nunc Q. Ennii, sed duodecim tabulas legi arbitrere et, quid sit in ea lege «proletarius ciuis», interpretere.

[53] *Gell.* Noct. Att. XVI. 10. 16: Verba autem Sallusti in historia Iugurthina de C. Mario consule et de capite censis haec sunt: «Ipse interea milites scribere non more maiorum nec ex classibus, sed ut libido cuiusque erat, capite censos plerosque».

[54] М.О.Б. Каспари (1913, 197) считал, что вышеозначенное определение для малоимущих появляется только в период Империи. Употребление capite censi Саллюстием является, впрочем, достаточно весомым аргументом в пользу того, что оно было известно, по крайней мере, во второй половине I в. до н.э.

При этом нельзя исключать возможности того, что означенное определение могло появиться после так называемой реформы Гая Мария, когда пролетарии получили доступ к службе в легионах[55]. Если это действительно произошло после 107 г. до н.э. и лишь тогда цензоры стали заносить в список граждан пролетариев, то в то время, когда Саллюстий работал над Bellum Iugurthinum, capite censi могли уже быть если не официальным, то, по меньшей мере, распространенным определением для вышеупомянутой группы населения. Но в любом случае приведенный выше аргумент не выглядит неоспоримым.

Тит Ливий, комментируя итоги первого ценза, проведенного, по его словам, Сервием Туллием, приводит формулу, с которой Фабий Пиктор вводит данные первой переписи населения Рима: adicit scriptorum antiquissimus Fabius Pictor, eorum, qui arma ferre possent, eum numerum fuisse[56]. Здесь подразумеваются, конечно, только военнообязанные граждане, а пролетарии, как известно, при нормальных условиях к числу таковых не относились[57]. Только во время II Пунической войны, после катастрофических потерь первых лет, пролетарии были допущены к службе на флоте, но данная ситуация относится несомненно к числу исключений. П. Брант, впрочем, отвечает на это следующим аргументом: в вышеприведенной цитате речь идет о «тех, кто в состоянии нести оружие», а в соответствии с тем, что пролетарии по своим физическим данным несомненно могли нести оружие, данное обстоятельство отнюдь не исключает их из числа граждан, подлежащих цензу[58].

Оставляя этот высоконаучный аргумент без комментария, напомним, что Август, согласно П. Бранту, во время проведения ценза 28 г. до н.э. записал в число граждан женщин и детей гражданского происхождения[59]. Не меньше вопросов

---

[55] Wiseman 1969, 61. Несмотря на то, что и после означенной реформы римские военачальники предпочитали набирать в легионы adsidui, а пролетарии были востребованы преимущественно в период гражданских войн (Brunt 1962, 75; Smith 1958, 44 ff.), сам прецедент, созданный Марием, должен был, несомненно, повлиять на процедуру ценза.

[56] *Liv.* I. 44. 2; см. дискуссию: Frank 1930, 313 f.; 1933, 21 f.; Thomsen 1980, 209 f. Приведенная выше формула свидетельствует о том, что изначально важнейшей (если не единственной) задачей римского ценза являлась перепись военнообязанных граждан, которые на основе имущественного состояния могли обеспечить себя военной амуницией для службы в легионах. Tributum (на регулярной основе (*Liv.* IV. 60. 6–8) был введен скорее всего в одно время со stipendium (*Liv.* IV. 59. 11) т.е. (согласно Ливию) в конце V в. до н.э. (Дионисий Галикарнасский (V. 47. 1) говорит об использовании средств, полученных от трибута, для снаряжения воинов, а не выплаты stipendium). Несмотря на то что у Ливия мы находим упоминания трибута и в более «ранних» книгах (*Liv.* II. 9. 6; 23. 5; *Dion. Hal.* V. 20. 1; здесь Дионисий Галикарнасский, впрочем, связывает введение трибута с Сервием Туллием), эти случаи, видимо, относятся к числу «локальных». Эти два принципа (воинский набор и tributum) остались основой римского ценза, по меньшей мере, до 167 г. до н.э. См. дискуссию по поводу времени введения stipendium и tributum: Erdkamp 2008, 105 f.; Mommsen 1952, 230 f.; Northwood 2008, 265 ff.; Sumner 1970, 73 f.; Schwann 1939, 7 f.

[57] См. о процедуре ценза у Варрона: *Varro* L.L. VI. 86–93. Т. Моммзен (879, 404; а вслед за ним и Г. Ниссен: 1902, 112 f.) считал, что данные республиканских цензов составлены на основе так называемых tabulae iuniorum. Seniores при нормальных условиях не должны были служить в легионах, вследствие чего их число не учитывалось римскими цензорами. Т. Моммзен не учел, впрочем, то обстоятельство, что seniores обязаны были платить tributum. Это обстоятельство делало их присутствие в цензорских списках обязательным. В источниках данная гипотеза не находит достаточной поддержки. См. Brunt 1971, 21.

[58] Brunt 1971, 22.

[59] В этом он следует Ю. Белоху (1903, 489). Последний делает подобное предположение

вызывает его позиция относительно cives sine suffragio[60]. При определении критериев ценза он говорит о том, что cives sine suffragio входили в число категорий населения, подлежащих переписи и внесению в списки римских граждан. Это относится ко всему периоду с 225 г. до н.э. по 14 г. н.э.[61] Этот вывод он делает на основе одного известного пассажа из второй книги «Всеобщей истории» Полибия, где последний рассказывает о количестве войск, которые римляне и их союзники имели в распоряжении перед походом Ганнибала (а точнее, в 225 г. до н.э.)[62]. Здесь греческий историк называет единую цифру для римлян и кампанцев, на основе чего П. Брант и приходит к вышеозначенному выводу[63]. Когда Полибий работал над своей «Всеобщей историей», кампанцы, судя по всему, уже действительно проходили процедуру регистрации в Риме[64]. Вполне возможно, что он, памятуя о решении сената 189 г. до н.э., мог просто перенести реалии своего времени на события более раннего периода. По крайней мере, военный потенциал других общин sine suffragio историк представляет отдельно[65]. Подтверждение тому, что cives sine suffragio изначально не подлежали римскому цензу, мы находим в рассказе Ливия о событиях 188 г. до н.э.[66] Согласно этому пассажу, жители Арпина, Формий и Фунд, которые также относились к их числу, впервые были зарегистрированы в Риме только после плебисцита Валерия, т.е. в 188 г. до н.э.

У Полибия обьектом для римского ценза является τὸ σύμπαν πλῆθος τῶν δυναμένων ὅπλα βαστάζειν (II. 24. 16.). В вышеозначенном пассаже о военном потенциале римлян число последних практически совпадает с данными ценза 234 г. до н.э. Полибий говорит о 250 тысячах пехоты и 23 тысячах конницы[67]. С большой долей вероятности можно говорить о том, что для Полибия объектом ценза являлись только военнообязанные граждане, то есть adsidui. Дальнейшее тому подтверждение мы находим у Тита Ливия, а точнее в его рассказе о цензе 204 г. до н.э.[68] Здесь он совершенно конкретно определяет критерии, на которых основывается римский ценз в данный период времени. Это numerus militum и tributum. И то и другое исключает возможность прямого участия пролетариев в процедуре ценза.

Реконструкция П. Бранта предполагает отсутствие каких-либо изменений как в процедуре ценза, так и в критериях, которыми руководствовались римские цензоры при его составлении, на протяжении почти 250 лет. Но тот же Тит Ливий, рассказывая о первом римском цензе, отчетливо дает понять, что такие измене-

---

на основе сообщения Плиния (XXXIII. 16). Здесь вышеназванных исследователей смущают capita liberorum. См. также Frank 1933, 21 f.

[60] См. к проблеме: Mouritsen 2007; 141–158.

[61] Brunt 1971, 24 f.

[62] *Polyb.* II. 24. 10–17.

[63] Brunt 1971, 20 f.

[64] *Liv.* XXXVIII. 28. 4: Campani, ubi censerentur, senatum consuluerunt; decretum, uti Romae censerentur. *Vell.* I. 14. 3; см. Toynbee 1965. I, 457.

[65] *Polyb.* II. 24. 10.

[66] *Liv.* XXXVIII. 36. 9–10: rogatio perlata est, ut in Aemilia tribu Formiani et Fundani, in Cornelia Arpinates ferrent; atque in his tribubus tum primum ex Ualerio plebiscito censi sunt; *Vell.* I. 14. 3.

[67] *Polyb.* II. 24. 14: Ῥωμαίων δέ καὶ Καμπανῶν ἡ πληθὺς πεζῶν μέν εἰς εἴκοσι καὶ πέντε κατελέχθησαν μυριάδες, ἱππέων δ' ἐπὶ ταῖς δύο μυριάσιν ἐπῆσαν ἔτι τρεῖς χιλιάδες.

[68] *Liv.* XXIX. 37. 6–8: duodecim deinde coloniarum, quod nunquam antea factum erat, deferentibus ipsarum coloniarum censoribus censum acceperunt ut quantum numero militum, quantum pecunia ualerent in publicis tabulis monumenta exstarent.

ния имелись[69]. Он призывает читателей-современников не удивляться тому, что известная им всем процедура выглядела ранее несколько иначе. Хотя речь здесь идет не о категориях населения, подлежавших цензу, но подобное развитие событий исключать нельзя. Со времени учреждения ценза римское общество пережило значительные социальные изменения, что отразилось на развитии всех его институтов. Это развитие затронуло и римский ценз. Изначально в нем учитывались только военнообязанные граждане, разделенные на имущественные и возрастные классы[70], в обязанности которых входила также выплата трибута. Последний был отменен после III Македонской войны, вследствие чего исчезло первое препятствие на пути пролетариев в римский ценз[71]. Второе и последнее стало неактуальным после так называемой военной реформы Гая Мария. Именно с этого момента цензоры начинают вносить малоимущих граждан в ценз и именно тогда появляется новое, неофициальное определение для этой группы населения – capite censi. Этим обстоятельством объясняется также и то «брутальное» различие между цензами II и конца I в. до н.э., а отнюдь не «ленностью» или «непрофессионализмом» римских цензоров, как это пытается представить Э. Ло Кашио[72].

Таким образом, единственным возможным решением для проблемы ценза 125/124 г. до н.э. следует признать снижение имущественного ценза для 5-го класса, как это предлагали Э. Габба и Й. Мольтхаген.

Политические успехи, достигнутые сенатом в начале 20-х годов I в. до н.э., позволили ему предпринять новое наступление на позиции сторонников аграрной реформы. Проблему воинского набора нужно было разрешить так, чтобы не возникало угрозы для имущественных интересов римских и италийских собственников. Сенат нашел альтернативный способ, благодаря которому антигракханская коалиция надеялась ликвидировать поле деятельности для оппозиционеров. Если римской армии не доставало assidui, то наиболее безболезненным (и логичным) в данном случае решением представлялось, конечно, снижение ценза для этой категории граждан.

Эта мера фактически поставила под сомнение целесообразность преобразований, задуманных Тиберием Гракхом. Число римлян, имеющих право нести службу в армии, увеличилось почти на 80 тысяч. В результате проведения цензовой реформы не наносилось вреда имущественным интересам состоятельных граждан и италиков, вследствие чего не нарушалось социальное равновесие, которое было однажды поставлено под сомнение в результате деятельности Тиберия Гракха.

P. S.

Последние 10 лет в исследовании гракханского движения ознаменовались попытками отдельных специалистов поставить под сомнение традиционную картину социального кризиса в Риме II в. до н.э. Среди них наибольший интерес представляет концепция нидерландского ученого Л. де Лигта[73]. На основе изучения данных римских цензов он приходит к выводу, что ни о каком перманентном сокращении числа гражданского населения во II в. до н.э. не может быть и речи. Напротив, первые десятилетия после Ганнибаловой войны были ознаменованы его относитель-

---

[69] *Liv.* I. 43. 12: nec mirari oportet hunc ordinem, qui nunc est post expletas quinque et triginta tribus duplicato earum numero centuriis iuniorum seniorumque, ad institutam ab Ser. Tullio summam non convenire.

[70] Iuniores и seniores.

[71] *Plin.* XXXIII. 56; *Plut.* Aem. 38; *Val. Max.* IV. 3. 8.

[72] Lo Cascio 2008, 253.

[73] De Ligt 2004, 725–757; 2008a, 114–131.

ным увеличением. Это обстоятельство позволяет Л. де Лигту сделать заключение, согласно которому наряду с сокращением числа граждан непосредственно перед аграрной реформой Тиберия Гракха, имелись периоды, отмеченные естественным приростом населения. При помощи данного наблюдения он и пытается объяснить результаты ценза 125/124 гг. до н.э. Его реконструкция базируется при этом на мнении, согласно которому римские цензоры вносили в списки, представленные у Ливия и других авторов, все гражданское мужское население, невзирая на принадлежность к пяти имущественным классам, т.е. и пролетариев в том числе.

Если мы не будем принимать во внимание колониальную программу первой половины II в. до н.э., то аргументация Л. де Лигта может действительно показаться достаточно убедительной. Период естественного прироста (с 194/193 по 164/163 г. до н.э.) хронологически удивительным образом совпадает с вышеозначенной программой. Хотя точное число граждан, получивших земельные наделы, как, впрочем, и самих колоний, нам не известно; считается, что в ней было задействовано около 100 тысяч граждан, латинов и италиков[74]. По завершении колониальной программы число граждан вновь приобретает негативную динамику. Если римский ценз отображает только число adsidui, то вопрос о «естественном приросте населения» в данный период времени теряет свою научную актуальность. Колонисты (гражданского происхождения и в колониях civium Romanorum) получали земельные наделы со статусом ager privatus, что предполагало их занесение в ценз.

Кроме того, известно, что в то же самое время права римского гражданства получают отдельные общины из числа municipia sine suffragio[75]. Неменьшее влияние на результаты ценза оказывала и внутрииталийская миграция. Ее масштабы можно легко оценить на основе сообщений Ливия об изгнании латинов из Рима[76]. Этим обстоятельствам Л. де Лигт не уделяет ни малейшего внимания.

Самым же весомым аргументом против его концепции остаются сведения источников, которые в один голос говорят о демографическом кризисе. Если источники Аппиана и Плутарха можно гипотетически заподозрить в «гракханстве», то подобная процедура в отношении Квинта Цецилия Метелла Македонского представляется совершенно невозможной[77].

Приложение

Данные римских цензов (234–28 гг. до н.э.)

234/3 гг. до н.э.	270 713	Liv. Per. XX
209/8 гг. до н.э.	137 108	Liv. XXVII. 36
204/3 гг. до н.э.	214 000	Liv. XXIX. 37
194/3 гг. до н.э.	143 704	Liv. XXXV. 9
189/8 гг. до н.э.	258 318	Liv. XXXVIII. 36
179/8 гг. до н.э.	258 794	Liv. Per. XLI

[74] *Liv.* XXXIV. 45; XXXIX. 44, 55; XL. 29; XLI. 13; *Vell.* I. 14–15. См. к проблеме: Gabba 1989, 213 ff.; Galsterer 1976, 46 ff.; MacKendrick 1954, 212 ff., 239 f.; Salmon 1936, 47–67; 1970, 97 ff.; Stockton 1979, 213 ff.

[75] См. прим. 63.

[76] *Liv.* XXXIX. 3; XLI. 8–9. См. к проблеме: Coşcun 2009.

[77] *Liv.* Per. LIX: Q. Metellus censor censuit, ut cogerentur omnes ducere uxores liberorum creandorum causa...; *Gell.* I. 6. 3: ...Q. Metellum censorem, cui consilium esset ad uxores ducendas populum hortari...

174/3 гг. до н.э.	269 015	Liv. XLII. 10
169/8 гг. до н.э.	312 805	Liv. Per. XLV
164/3 гг. до н.э.	337 022	Liv. Per. XLVI
159/8 гг. до н.э.	328 316	Liv. Per. XLVII
154/3 гг. до н.э.	324 000	Liv. Per. XLVIII
147/6 гг. до н.э.	322 000	Eusebius Arm. Ol. 158. 3
142/1 гг. до н.э.	327 442	Liv. Per. LIV
136/5 гг. до н.э.	317 933	Liv. Per. LVI
131/0 гг. до н.э.	318 823	Liv. Per. LIX
125/4 гг. до н.э.	394 736	Liv. Per. LX
115/4 гг. до н.э.	394 336	Liv. Per. LXIII
86/5 гг. до н.э.	463 000	Hieronymus, Ol. 173. 4
70/69 гг. до н.э.	910 000	Phlegon fr. 12. 6
28 г. до н.э.	4 063 000	Res gestae 8. 2

Литература

Badian E. 1972: Tiberius Gracchus and the beginning of the Roman revolution' // ANRW. 1.1, 668–731.

Bauman R.A. 1979: The Gracchan agrarian commission: four questions // Historia. 28, 385–408.

Beloch J. 1880: Der Italische Bund unter Roms Hegemonie. Lpz.

Beloch J. 1886: Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. Lpz.

Beloch J. 1903: Die Bevölkerung Italiens im Altertum // Klio. 3, 471–490.

Bernstein A.H. 1978: Tiberius Sempronius Gracchus: Tradition and Apostasy. Ithaca (N.Y.).

Bourne F.C. 1951/2: The Roman Republican census and census statistics // CW. 45, 129–135.

Bringmann K. 1985. Die Agrarreform des Tiberius Gracchus: Legende und Wirklichkeit // Frankfurter Historische Vorträge. 10, 7–28.

Brunt P.A. 1962: The army and the land in the Roman revolution // JRS. 52, 69–86.

Brunt P.A. 1971: Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14. Oxf.

Burdese A. 1952: Studi sull'*ager publicus*. Torino.

Carcopino J. 1967: Autour des Gracques. P.

Cardinali G. 1965: Studi graccani. Roma.

Caspari M.O.B. 1913: On some problems of Roman agrarian history // Klio. 13, 184–198.

Cichorius C. 1922: Römische Studien. Historisches, Epigraphisches, Literargeschichtliches aus Vier Jahrhunderten Roms. B.–Lpz.

Coşcun A. 2009: Bürgerrechtsentzug oder Fremdenausweisung? // Hermes 101. Stuttgart.

Crawford M.H. 1996: Roman Statutes. L.

De Ligt L. 2000: Studies in legal and agrarian history II: tenancy under the Republic // Athenaeum. 88, 377–391.

De Ligt L. 2001a: Studies in legal and agrarian history III: Appian and the *Lex Thoria* // Athenaeum. 89, 121–144.

De Ligt L. 2001b: Studies in legal and agrarian history IV: Roman Africa in 111 B.C. // Mnemosyne. 54, 182–217.

De Ligt L. 2004: Poverty and Demography: The Case of the Gracchan Land Reforms // Mnemosyne. 57, 725–757.

De Ligt L. 2007: The problem of *ager privatus vectigalisque* in the epigraphic *Lex agraria* // Epigraphica. 69, 87–98.

De Ligt L. 2008a: Roman Manpower and Recruitment // A Companion to the Roman Army / P. Erdkamp (ed.) Oxf., 114–131.

De Ligt L. 2008b: The Population of Cisalpine Gaul in the Time of Augustus // People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC–AD 14 / L. De Ligt, S.J. Northwood (eds.). Mnemosyne Suppl. 303. Leiden, 139–187.

De Martino F. 1956: *Ager privatus vectigalisque* // Studi in onore di Pietro de Francisci. Milano, 555–579.

Earl D. 1963: Tiberius Gracchus. A Study in Politics // Collection Latomus 66. Bruxelles.

Erdkamp P. 1998: Hunger and Sword. Warfare and food supply in Roman Republican wars (264 – 30 B.C.). Amsterdam.

Erdkamp P. 2008: War and State Formation in the Roman Republic // A Companion to the Roman Army / P. Erdkamp (ed.). Oxf., 96–113.

Fraccaro P. 1947: Assegnazioni agrarie e censimenti romani // Scritti in onore di Contardo Ferrini. Milano, 262–274 (Opuscula II, 87–102).

Fraccaro P. 1957: Opuscula I–II. Pavia.

Frank T. 1924: Roman Census Statistics from 225 B.C. to 28 B.C. // CPh. 19, 329–341.

Frank T. 1930: Roman Census Statistics from 508 to 225 B.C. // AJPh. 51. 4, 313–324.

Frank T. 1933: An Economic Survey to Ancient Rome. Vol. I. Oxf.

Gabba E. 1949: Le origini dell'esercito professionale in Roma // Athenaeum. N.S. 27, 173–209.

Gabba E. 1952: Ancora sulle cifre die censimenti // Athenaeum. N.S. 30, 161–173.

Gabba E. 1976: Republican Rome, the Army and the Allies. Oxf.

Gabba E. 1989: Rome and Italy in the second century B.C. // CAH. VIII, 197–243.

Gagniart 2008: The Late Republican Army (146–30 BC) // A Companion to the Roman Army / P. Erdkamp (ed.). Oxf., 81–95.

Galsterer H. 1976: Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien // Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. 68. München.

Gargola D. 1989: Aulus Gellius and the Property Qualifications of the *Proletarii* and the *Capite Censi* // CPh. 84. 3, 231–234.

Gargola D. 1997: Appian and the Aftermath of the Gracchan Reform // AJPh. 118. 4, 555–581.

Gargola D. 2008: The Gracchan Reform and Appian's Representation of an Agrarian Crisis // People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC–AD 14 / L. De Ligt, S.J. Northwood (eds.). Mnemosyne. Suppl. 303. Leiden, 487–519.

Göhler 1939: Rom und Italien. Breslau.

Hermon E. 1982: Le Programme agraire de Caius Gracchus // Athenaeum. 60, 258–72.

Herzog von E. 1965: Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd I. Abt. I. Aalen.

Hin S. 2008: Counting Romans // People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC–AD 14 / L. De Ligt, S.J. Northwood (eds.). Mnemosyne. Suppl. 303. Leiden, 187–239.

Hinrichs F.T. 1957: Die Ansiedlungsgesetze und Landaweisungen im letzten Jahrhundert der römischen Republik. Diss. Heidelberg.

Hinrichts F.T. 1966: Die *lex agraria* des Jahres 111 v. Chr. // ZRG. 83, 252–307.

Howarth Randall S. 1999: Rome, the Italians, and the Land // Historia. 48. 3, 282–300.

Johannsen K. 1971: Die *Lex agraria* des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. München.

Kaser M. 1971: Das römische Privatrecht // Handbuch der Altertumswissenschaft. X. 3. 3. 1. München.

Kaser M. 1942: Die Typen der römischen Bodenrechte in der späteren Republik // ZRG. 62, 1–81.

Kornemann E. 1903: Zur Geschichte der Gracchenzeit // Klio. Beiheft 1. Lpz.

Kubitchek W. 1899: *Capite censi* // RE III, 1521–1523.

Lea Beness J. 2005: Scipio Aemilianus and the Crisis of 129 B.C. // Historia. 54, 37–48.

Lintott A. 1992: Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambr.

Lo Cascio E. 1988: Ancora sui censi minimi delle cinque classe «serviane» // Athenaeum. 66, 273–302.

Lo Cascio E. 2008: Roman Census Figures in the Second Century BC and the Property Qualifications of the Fifth Class // People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14 / L. De Ligt, S.J. Northwood (eds.). Mnemosyne. Suppl. 303. Leiden, 239–257.

Lo Cascio E. 1994: The Size of the Roman Population: Beloch and the Meaning of the Augustan Census Figures // JRS. 84, 23–40.

Mackendrick P. 1954: Cicero, Livy and Roman Colonization // Athenaeum. N. S. 32, 201–249.

Mattingly H. 1937: The Property Qualifications of the Roman Classes // JRS. 27. 1, 99–107.

Meister K. 1974: Die Aufhebung der Gracchischen Agrarreform // Historia. 23, 86–97.

Molthagen J. 1973: Die Durchführung der gracchischen Agrarreform // Historia. 22, 423–458.

Mommsen Th. 1857: Römische Geschichte. Bd II. B.

Mommsen Th. 1879: Römische Forschungen. Bd II. B.

Mommsen Th. 1905: Juristische Schriften I. B.

Mommsen Th. 1952: Römisches Staatsrecht. Bd III. 1. Tübingen.

Morley N. 2001: The Transformation of Italy, 225–28 B.C. // JRS. 91, 50–62.

Mouritsen H. 2007: The *civitas sine suffragio*: Ancient Concepts and Modern Ideology // Historia. 56, 141–158.

Mouritsen H. 2008: The Gracchi, the Latins and the Italian Allies // People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC–AD 14 / L. De Ligt, S.J. Northwood (eds.). Mnemosyne. Suppl. 303. Leiden, 471–487.

Muñiz Coello J. 2003: La Italia de la reforma agraria de Cesar. Casos cotidianos // Athenaeum. 91, 469–487.
Nicolet C. 1967: Les Gracques. Crise agraire et revolution a Rome. P.
Nicolet C. 1979: Rome et la conquête du monde méditerranéen. Vol. I. P.
Nissen H. 1902: Italische Landeskunde. Bd II. 1. B.
Northwood S. 2008: Census and tributum // People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14 / L. De Ligt, S.J. Northwood (eds.). Mnemosyne. Suppl. 303. Leiden, 257–269.
Rathbone D. 1993: The census qualifications of the *assidui* and the *prima classis* // *De agricultura*: in memoriam Pieter Willem De Neeve. Amsterdam, 121–152.
Rich J.W. 1983: The Supposed Roman Manpower Shortage of the Later Second Century B.C. // Historia 32, 287–331.
Richardson J.S. 1980: The Ownership of Roman Land: Tiberius Gracchus and the Italians // JRS. 70. 1–11.
Roselaar S.T. 2009: References to Gracchan Activity in the Liber Coloniarum // Historia. 58, 198–214.
Roselaar S.T. 2010: Public land in the Roman Republic. A social and economic history of *Ager Publicus*, 396–89 BC. Oxford.
Salmon E.T. 1936: Roman Colonization from the Second Punic War to the Gracchi // JRS. 26. 1, 47–67.
Salmon E.T. 1970: Roman Colonization under Republic. Ithaca, N. Y.
Scheidel W. 2004: Human Mobility in Roman Italy, I: The Free Population // JRS. 94, 1–26.
Scheidel W. 2008: Roman Population Size: the Logic of Debate // People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC–AD 14 / L. De Ligt, S.J. Northwood (eds.). Mnemosyne. Suppl. 303. Leiden, 17–71.
Schneider H. 1974: Wirtschaft und Politik. Erlangen.
Schneider H. 1977: Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Krise und Niedergang einer antiken Republik. Köln.
Schur W. 1942: Das Zeitalter des Marius und Sulla // Klio. 46. Lpz.
Schwann W. 1939: Tributum und Tributus // RE. VII. A 1, 3–78.
Shochat Y. 1970: The *Lex agraria* of 133 b.c. and the Italian allies // Athenaeum. 48, 25–45.
Shochat Y. 1980: Recruitment and the Programme of Tiberius Gracchus. Bruxelles.
Smith R.E. 1958: Service in the Post-Marian Roman Army. Oxf.
Stockton D. 1979: The Gracchi. Oxf.
Sumner G.V. 1970: The Legion and the Centuriate Organization // JRS. 60, 67–78.
Suolahti J. 1963: The Roman censors. A study on social structure. Helsinki.
Thomsen R. 1980: King Servius Tullius. Kopenhagen.
Toynbee A.J. 1965: Hannibal's Legacy: The Hannibalic War's Effects on Roman Life. Vol. I–II. L.
Triebel C.A.M. 1980: Ackergesetze und politische Reformen. Eine Studie zur römischen Innenpolitik. Bonn.
Willcock J.S.M. 1982: The *lex Thoria* and Cicero, Brutus 136 // CQ. 32, 474–475.
Wiseman T.P. 1969: The Census in the First Century B.C. // JRS. 59. 1/2, 59–75.
Worthington I. 1989: The Death of Scipio Aemilianus // Hermes. 117, 253–256.
Zancan L. 1935: *Ager publicus*: ricerche di storia e di diritto romano. Padova.

FOREIGN HISTORIOGRAPHY ON THE PROBLEM OF THE CENSUS OF 125/124 BC: NEW AND/OR OLD SOLUTIONS

R.V. Lapyrenok

The author analyses possible solutions of the problem connected with the census of 125/124 BC, which were suggested in western historiography. They were mostly put forward in the 19th century and still remain plausible, since there is no decisive arguments in favour of any of them. The question of the criteria used for enlisting citizens cited by Roman authors is among the central ones. After the publication of P. Brunt's «Italian Manpower 225 BC–AD 14» the prevailing opinion is that Roman census registered all the male population *sui generis*, including *cives sine suffragio*, *libertini* and *proletarii*. This point of view was challenged by E. Herzog who found only Roman *assidui* in the lists. The author undertakes a critical analysis of both opinions as well as of the arguments supporting them and tries to reconstruct the census of 125/124 BC.

© 2012 г.

Н. А. Фролова, М. Г. Абрамзон

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (Коллекция Н.Н. Грандмезона)*

В коллекции античных монет Н.Н. Грандмезона, подаренной Историческому музею в 1989 г., входит 230 монет Херсонеса. Самыми ранними являются серебряные дидрахма и диобол одного типа, новая датировка которых вызвала дискуссию. Монеты с именами магистратов III–II вв. до н.э., как и медные монеты с датами (I в. н.э.), дают возможность дополнить историю монетного дела античного Херсонеса.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, монетные типы, систематизация, классификация, хронология, археология, коллекция, Н.Н. Грандмезон.

В 1989 г. известный отечественный собиратель Н.Н. Грандмезон (г. Севастополь) подарил Отделу нумизматики ГИМ свою крупную, замечательную коллекцию монет Боспора и античных городов Северного Причерноморья – Керкенитиды, Феодосии, Ольвии, Херсонеса. Коллекция Херсонеса включала 210 серебряных и медных монет и 17 свинцовых тессер античного Херсонеса, среди которых имеются редкие и даже уникальные экземпляры[1]. Отдельные херсонесские монеты и тессеры из этой коллекции были изданы самим Н.Н. Грандмезоном[2], часть ранних монет и тессер была опубликована С.А. Коваленко[3]. Н.Н. Грандмезон несомненно внес большой вклад в изучение монетного дела Херсонеса будучи автором целого ряда статей по различным аспектам херсонесской чеканки[4]. В своих исследованиях коллекционер-исследователь опирался прежде всего на труды А.Л. Бертье-Делагарда и А.Н. Зографа.

Фролова Нина Андреевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела нумизматики Государственного Исторического музея.

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Магнитогорского государственного университета.

* Каталог античных монет Херсонеса Таврического будет опубликован в ВДИ № 2.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-0100159а).

[2] Grandmezon 1977, 155–161; Грандмезон 1978, 41–46; 1983а, 108–110; 1987, 38–40; 1990, 57–59.

[3] Kovalenko 2002, 33–58; 2008.

[4] Grandmezon 1977, 155–161; Грандмезон 1978, 41–46; 1982, 34–41; 1983б, 167–169; 1983а, 108–110; 1987, 38–40; 1987б, 57–59.

Самыми ранними и самыми ценными херсонесскими монетами из коллекции Н.Н. Грандмезона являются две уникальные серебряные монеты, датируемые 390–370 гг. до н.э. Одна из них – крупная монета весом 6.78 г типа «голова Девы в кекрифале влево – рыба, палица вправо, ХЕР» (табл. I, *1*)[5]. Н.Н. Грандмезон, опубликовавший впервые данную монету, считал, что это дидрахма, опираясь на мнение А.Н. Зографа о том, что первые херсонесские монеты чеканились по облегченной персидской системе, называемой теперь хиосской (родосской), в которой вес драхмы составлял 3.88 г[6]. На эту же редчайшую монету (без ссылки на ее первую публикацию) обращает внимание и С.А. Коваленко в своей статье[7]. Он также указывает, что она соответствует дидрахме родосского стандарта (вес драхмы 3.90 г). Что касается датировки первых выпусков серебряных херсонесских монет, то, сопоставляя ее с драхмой, опубликованной Е.Я. Туровским[8], он отмечает по поводу последней, что «показательны неправильная, бобовидная форма монетного кружка и грубоватый стиль изображения л.с. рассматриваемой херсонесской монеты, более характерные для чеканки конца V в. до н.э.»[9]. При этом дидрахму из коллекции Н.Н. Грандмезона (также имеющую бобовидную форму. – *Н.Ф., М.А.*) он относит ко второй серии и датирует ее 400–390 гг.[10] Однако в своей монографии он определяет ее номинал как октобол и в одном месте датирует ее концом V в. до н.э.[11], в другом – 400–390 гг. до н.э.[12] В текстовой части этой работы С.А. Коваленко датирует первую серию херсонесского серебра и меди концом V в. до н.э.[13] или помещает ее в период, который определяет как время «на исходе V в. до н.э.»[14]. Однако в другой части работы – в описании первой серии составленного им каталога – уже нет упоминания о датировке V в. до н.э., а сама первая серия, куда входят дидрахма и диобол того же типа из коллекции Н.Н. Грандмезона, датируется им 400–390 гг. до н.э.[15]

Вторая ранняя серебряная монета из коллекции Н.Н. Грандмезона – это диобол (табл. I, *2*) того же типа, что и дидрахма, вес 1.78 г. Он также был впервые опубликован самим собирателем и назван оболом[16]. С.А. Коваленко публикует еще один подобный экземпляр диобола, который он датирует 400–390 гг. до н.э.[17]

Кроме серебряных монет в коллекцию входят также пять ранних медных монет того же типа, что и ранние серебряные, которые образуют одну серию монет с изображением на л.с. головы Девы влево и рыбы с палицей и ХЕР на обороте. Они также были изданы впервые самим Н.Н. Грандмезоном[18]. Самая крупная из

---

[5] Монета впервые была опубликована самим Н.Н. Грандмезоном в 1987 г., но вес был дан им неверно – 7.15 г. Проверка показала, что она весит 6.78 г.

[6] Грандмезон 1987б, 57–58, рис. 1, *1*.

[7] Коваленко 1999а, 114–115.

[8] Туровский 1997, 16, № 1.

[9] Коваленко 1999а, 115.

[10] Коваленко 1999а, табл. I, *13*.

[11] Kovalenko 2008, 67–68.

[12] Kovalenko 2008, 106.

[13] Kovalenko 2008, 25.

[14] Kovalenko 2008, 67.

[15] Kovalenko 2008, 106–107.

[16] Грандмезон 1987б, 57–58, рис. 1, *3*.

[17] Kovalenko 2008, 106–107, Taf. 1, *6/2*.

[18] Грандмезон 1987б, 57–58, рис. 1, *4–7*.

медных монет весом в 3.65 г (табл. I, *3*), которую Н.Н. Грандмезон считал халком[19], названа С.А. Коваленко трихалком[20]. Им учтено всего 9 экземпляров. Остальные 4 экземпляра с разбросом весов от 0.76 до 0.26 г (табл. I, *4–7*) отнесены им к гемихалкам[21]. Сам Н.Н. Грандмезон считал монету весом 0.76 г (в тексте 0.65 г) дилептоном[22]. В статье 1999 г. С.А. Коваленко выделял три номинала ранних медных монет: старший (вес 3.32–3.96 г), средний (0.60–0.76 г) и младший (0.26–0.46)[23]. В коллекции Н.Н. Грандмезона представлены все три номинала. С.А. Коваленко распределяет подобные монеты по номиналам на халк (0.84 г) и гемихалки (от 0.74 г до 0.60 и 0.43 г). Но, по сути дела, по весовым данным халк (0.84 г) не отличается от гемихалка (0.74 г).

В.А. Анохин[24] выделял среди номиналов ранних медных монет лепту, дилептон и халк. Вслед за ним Н.Н. Грандмезон отнес медные монеты с весами от 0.37 г до 0.26 г к самому мелкому номиналу – лепте, а серию номиналов самых первых выпусков определил как халк – дилептон – лепта[25].

Исследование ранних монет в коллекции Н.Н. Грандмезона заставляет нас вновь обратиться к вопросу о начальной дате херсонесской чеканки и проблемам хронологии самых ранних монет. Отметим, что эти вопросы стали предметом внимания начиная с середины XIX в.[26] А.П. Бертье-Делагард в двух статьях[27] рассмотрел основные вопросы монетного дела Херсонеса, в том числе монетные системы, по которым чеканились херсонесские монеты, и вопросы хронологии. Появление первых монет в Херсонесе он отнес ко второй половине IV в. до н.э. Изображение Девы на начальной группе серебра А.Л. Бертье-Делагард атрибутировал как Артемиду, а систему, по которой чеканились монеты, он считал финикийской. А.Н. Зограф, опираясь на предложенную Бертье-Делагардом и исправленную А.В. Орешниковым[28] периодизацию монетного дела Херсонеса, разделил его на периоды: *1)* автономия (ок. 390–110 гг. до н.э.); *2)* период боспорского влияния и первой элевтерии (ок. 110 г. до н.э. – 25/24 гг. до н.э.; *3)* «царствование Девы» (с 25/24 г. до н.э. до середины II в. н.э.); *4)* вторая элевтерия (140–280-е годы), полученная Херсонесом в начале правления Антонина Пия (ок. 140 г. н.э.). По хронологии А.Н. Зографа, чеканка античного Херсонеса продолжалась вплоть до правления Диоклетиана (284–305 гг.)[29].

Основа хронологии чеканки Херсонеса, разработанная А.Н. Зографом, остается в целом незыблемой до сих пор. Появление книги В.А. Анохина[30] принципиально ничего не изменило в схеме, предложенной А.Н. Зографом. Детально достижения В.А. Анохина были рассмотрены в рецензии на его труд, написанную Н.Н. Гранд-

---

[19] Грандмезон 1987б, рис. 1, *4*.
[20] Kovalenko 2008, 108, Taf. 1, *16*.
[21] Kovalenko 2008, 108–109.
[22] Грандмезон 1987б, 57–58, рис. 1, *5*.
[23] Коваленко 1999а, 115.
[24] Анохин 1977, 134–135.
[25] Грандмезон 1987б, 57–58, рис. 1, *6, 7*.
[26] Кёне 1857; Köhler 1850; Vacquier 1874; Sallet 1874, 17–32; Sallet 1877, 273–274; 1883; Бурачков 1884; Алексеев 1886, 19–69; D'Alexeieff 1876; Гиль 1891; 1896; Орешников 1884; 1887; 1890; 1891; 1913; 1922.
[27] Бертье-Делагард 1906а; 1906б.
[28] Орешников 1913, 25; 1922, 118.
[29] Зограф 1951, 146–160.
[30] Анохин 1977.

мезоном[31], который отметил, что книга В.А. Анохина – наиболее полное исследование монетного дела Херсонеса. В отличие от А.Н. Зографа В.А. Анохин выделил три периода в его развитии: *1)* период автономии или первой элевтерии (390–110 гг. до н.э.); *2)* период боспорского влияния (ок. 110 г. до н.э. – ок. 138 г. н.э.); *3)* «вторая элевтерия» (ок. 145–268 гг.). Как положительный момент Н.Н. Грандмезон отметил отдельную часть книги В.А. Анохина, посвященную чеканке средневекового Херсонеса (434 г. – начало XII в.). Рецензент обратил внимание на тот факт, что В.А. Анохин рассмотрел почти все известные типы монет античного Херсонеса, определил последовательность эмиссий и их даты. Из недостатков книги он отметил отсутствие описания свинцовых монет, а также крайне субъективное распределение монетных эмиссий Херсонеса по десятилетиям и оспорил немалую часть дат, предложенную В.А. Анохиным. Он предложил продолжать опираться на более широкие датировки А.Н. Зографа[32].

В 1997 г. появилась краткая, но емкая и доброжелательная рецензия на указанную монографию В.А. Анохина, опубликованная Е.Я. Туровским в его очерке о монетах независимого Херсонеса[33]. В результате своих исследований Н.Н. Грандмезон и Е.Я. Туровский предлагают датировать начало чеканки монет Херсонеса тем же временем, что и А.Н. Зограф. Н.Н. Грандмезон в специальной статье, посвященной первым монетам Херсонеса, подчеркивал то обстоятельство, что А.Л. Бертье-Делагард, А.Н. Зограф и В.А. Анохин датировали начало чеканки Херсонеса 390–370 гг. до н.э. [34] Эти первые серебряные и медные монеты имели одинаковые типы и чеканились, как считали А.Н. Зограф и Н.Н. Грандмезон, по хиосско-родосской системе, имея серебряные номиналы – дидрахму, драхму (3.88 г), гемидрахму (1.83 г), обол (1.3 г) и медные номиналы – халк, дилептон, лепту[35]. Эту же датировку, в принципе, поддерживает и Е.Я. Туровский. Две небольшие главы его книги посвящены данной проблеме: одна – «О начальной дате чеканки монеты в Херсонесе», другая – «О хронологии херсонесской меди IV в. до н.э.»[36].

В 1999 г. вышли две статьи С.А. Коваленко, в которых были предложены новые даты начала херсонесской чеканки. Автор утверждает, что настало время говорить об удревлении хронологии выпуска ранних серий херсонесских монет[37]. В основе его датировки лежит стилистический анализ женских голов на лицевых сторонах монет Нимфея, Лариссы, Синопы и мужской головы (Геракла) на монетах Гераклеи, которую он сравнивает с женской головой (Девы Парфенос) на самой ранней (по его мнению) серебряной монете Херсонеса (см. ниже). С.А. Коваленко считает, что наиболее ранние херсонесские выпуски серебряных и медных монет типа «голова Девы в кекрифале – рыба, палица, внизу ХЕР» имеют стилистическое сходство с изображением головы городской нимфы на монетах Нимфея, датируемых последней четвертью V в. до н.э. С.А. Коваленко утверждает также, что «прическа нимфейского божества воспроизводит все детали херсонесского типа и отличается только тем, что валик волос обрамляет не только лоб богини, выбиваясь из-под головной ленты, но и спускается ниже, на виски». Трактовка лица на монетах обоих

---

[31] Грандмезон 1983б, 167–170.
[32] Грандмезон 1982, 36–37.
[33] Туровский 1997.
[34] Грандмезон 1987б, 57.
[35] Грандмезон 1990, 57–59.
[36] Туровский 1997, 12–15.
[37] Коваленко 1999б, 202–210; Коваленко 1999а, 108–131.

городов практически идентична[38]. Автор статьи отмечает, что не может с уверенностью говорить о заимствовании херсонесскими резчиками профильного изображения богини из чеканки Нимфея, Лариссы или Синопы, хотя упомянутое выше совпадение деталей прически позволяет вроде бы отдать предпочтение Нимфею.

Заметим, что типы монет Нимфея не могут «воспроизводить» детали прически Девы с херсонесского типа, так как всеми исследователями признано, что Нимфей чеканил свои монеты в последней четверти V в. до н.э. Первые же эмиссии Херсонеса А.Л. Бертье-Делагард[39] и А.В. Орешников[40] датируют временем ок. 350 г. до н.э., А.Н. Зограф[41] – 390–370 гг. до н.э., Н.Н. Грандмезон[42] и В.А. Анохин[43] – 390–380 гг. до н.э., Е.Я. Туровский – 375–350 гг. до н.э. Самое главное в датировке ранних монет Херсонеса – отсутствие quadratum incusum, который имеется на монетах Нимфея.

Второй аргумент, приводимый С.А.Коваленко в качестве доказательства датировки эмиссий монет Херсонеса самым началом IV в. до н.э., – это серебряный херсонесский гемиобол из Британского музея типа «голова Девы в кекрифале влево, под ней рыба – палица, ХЕР»[44]. С.А. Коваленко в одной своей статье определяет изображение на его л.с. как голову Девы и рыбу[45]. В другой статье изображение рыбы на л.с. он ставит под вопросом. В общем издатели этой монеты расходятся во мнениях, что же изображено под головой Девы: сам М. Прайс не отметил присутствия изображения рыбы, а С.А. Коваленко его предполагает. М. Прайс датирует гемиобол 350–300 гг. до н.э., но С.А. Коваленко[46] не согласен с его датировкой и считает, что «голова Девы, помещенная на л.с. этой монеты, явно выполнена не совсем умелой рукой и несет черты, свойственные изображению Геракла на гераклейских гемиоболах конца V в. до н.э.»[47]. Поэтому он датирует гемиобол из Британского музея временем ближе к самому началу IV в. до н.э.[48]

Но признать, без всякого сомнения, что херсонесский гемиобол из Британского музея и гераклейский гемиобол аналогичны и одновременны, на наш взгляд, невозможно. Во-первых, на их лицевых сторонах помещены совершенно разные изображения: на херсонесской монете – Дева в кекрифале, на гераклейской – Геракл. Во-вторых, самое главное, на реверсе херсонесского гемиобола отсутствует вдавленный квадрат, свойственный монетам VI–V вв. до н.э., а на гераклейской он имеется, и внутри него помещен еще один, но плоский и маленький квадрат, по сторонам которого расположена надпись НРАКΛЕІА или НРАК. Таким образом, приведенное автором сравнение ранних херсонесского и гераклейского гемиоболов в качестве доказательства удревления даты начала эмиссий Херсонеса несостоятельно.

---

[38] Коваленко 1999а, 112.
[39] Бертье-Делагард 1906б, 233–234.
[40] Орешников 1913, 25.
[41] Зограф 1951, 146.
[42] Грандмезон 1987б, 57.
[43] Анохин 1977, 19–20.
[44] SNG BM 1993, pl. XXIX, *714*; Коваленко 1999а, табл. I, *10*.
[45] Коваленко 1999б, 204.
[46] Коваленко 1999а, 113.
[47] SNG BM 1993, № 1570–1572.
[48] Коваленко 1999а, 113–114.

С.А. Коваленко также отмечает, что изображение на вышеупомянутом херсонесском гемиоболе помещено во вдавленном кружке[49], что, по его мнению, придает ему архаичный облик. Но как указали еще А.Л. Бертье-Делагард и А.Н. Зограф, выпуклое изображение на л.с. и вдавленность кружка на обороте характерны для монет позднеклассического и эллинистического периодов и связаны с техникой чеканки монет в рассматриваемое время. А.Н. Зограф писал, что тип оборотной стороны на всех греческих монетах автономного периода помещается в слегка вдавленном поле. Что касается л.с., то на большинстве греческих монет автономного периода она в результате вогнутой, чашечкообразной формы нижнего штемпеля является выпуклой[50]. То же было отмечено и А.М. Гилевич при публикации клада, найденного в 1953 г. близ Севастополя на Куликовом поле[51]. Клад состоял из 45 монет одного типа – «Дева, поражающая лань – бодающий бык» с именами четырех магистратов: ΕΥΔΡΟΜΟΥ, ΔΙΑΓΟΡΑ, ΘΕΟΧΑΡΕ, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ. Почти на всех монетах можно проследить выпуклость л.с. и вогнутость о.с. На основе стилистических данных эти монеты датируются учеными 300–250 гг. до н.э. Следовательно, М. Прайс был прав, датируя херсонесский гемиобол 350–300 гг. до н.э.

То же самое явление выпуклости л.с. и вогнутости о.с. А.М. Гилевич отмечала и для монет типа «квадрига – воин, ХЕР» из клада из округи Страбонова Херсонеса[52]. Подобные явления говорят о том, что данные технические особенности чеканки монет существовали длительное время, и на этом основании монеты с выпуклостью л.с. и вдавленным кружком на о.с. нельзя считать синхронными монетам, имеющими quadratum incusum.

Для решения проблемы хронологии ранних херсонесских монет важное значение имеют сведения о находках иногородних монет в Херсонесе. В специальной статье, посвященной этому вопросу, А.М. Гилевич писала, что в Херсонесе были найдены иноземные монеты V–IV вв. до н.э. Это свидетельство торговых отношений Херсонеса в указанное время. Она отметила, что значение Херсонеса как торгового порта для IV в. до н.э. подкрепляется свидетельством Псевдо-Скилака[53]. Монеты других центров более раннего времени могли попасть в Херсонес и позже. Немаловажное значение имеет и наблюдение А.М. Гилевич об отсутствии среди находок в Херсонесе монет Гераклеи Понтийской автономного периода[54]. Отсюда встает вопрос: должны ли мы искать аналогии типам херсонесских монет с изображениями Девы среди гераклейских монет с изображением Геракла на л.с. и quadratum incusum на о.с., который отсутствует на херсонесских монетах? Известно, что за столько лет археологического исследования (около двух столетий) ни одной монеты Гераклеи Понтийского раннего периода не было найдено в Херсонесе. По сведениям А.М. Гилевич, только несколько монет Гераклеи императорского периода (III в. н.э.) происходят из раскопок Херсонеса[55]. Самыми ранними монетами, найденными в Херсонесе, являются ольвийские, которые датируются рубежом первой и второй четвертей – концом IV в. до н.э. Все остальные иноземные монеты относятся к IV–II вв. до н.э.

---

[49] Коваленко 1999а, 114.
[50] Зограф 1945, 9.
[51] Гилевич 1958, 138.
[52] Гилевич 1960, 169, рис. 1, *3, 5, 7.*
[53] Гилевич 1968, 35, прим. 31.
[54] Гилевич 1960, 51–62; 1968, 19, 25.
[55] Гилевич 1968, 50, № 1–6.

Обратим внимание на тезисы доклада М.И. Золотарева на конференции памяти П.О. Карышковского (1989 г.) [56]. Оказалось, что под общим названием о взаимоотношениях этих полисов речь идет только о находках ольвийских монет в Херсонесе. В тезисах нет каких-либо упоминаний о монетах Херсонеса V–II вв. до н.э., найденных в Ольвии. Хотелось бы заметить, как важно правильно аргументировать свои научные положения. В заглавии этих тезисов могли бы стоять слова «по данным находок ольвийских монет из Херсонеса». Но ценность этой работы М.Н. Золотарева заключается в том, что он прослеживает на ольвийском материале взаимоотношения Ольвии и Херсонеса с конца V до начала II в. до н.э. и делает вывод о том, что к концу II в. до н.э. они сходят на нет. Далее автор суммирует: «Анализ нумизматических находок не дает возможности подтвердить гипотезу А.Н. Щеглова о военном конфликте между Ольвией и Херсонесом во второй половине IV в. до н.э. из-за овладения территорией Северо-Западного Крыма. Гибель в пожаре ольвийского укрепления Панское I и утрата Ольвией контроля за землями Северо-Западного Крыма происходит не в результате военных действий между Херсонесом и Ольвией»[57]. Этот вывод интересен в связи с находкой медной монеты Лариссы на поселении Панское I, расположенном у Ярылгачской бухты на Тарханкутском полуострове Крыма[58]. На л.с. ее изображена голова в ¾ влево, на о.с. – конь вправо. П. Гарднер[59] датировал эти монеты 352–344 гг. до н.э., А.М. Гилевич – 390–344 гг. до н.э.[60] А.М. Гилевич предположила, что монета попала на поселение Панское I не позднее конца третьей четверти IV в. до н.э., а скорее всего, – около середины IV в. до н.э. Она также отмечала уникальность этой находки, поскольку это первая монета Лариссы, найденная не только на территории Северо-Западного Крыма, но и всего Северного Причерноморья[61]. Известны серебряные монеты Лариссы с изображением нимфы в ¾. Все исследователи – А.Л. Бертье-Делагард, А.Н. Зограф, А.М. Гилевич, В.А. Анохин, С.А. Коваленко, Е.Я. Туровский и др. – отмечают стилистическую близость с ними серебряных монет Херсонеса с головой Девы в ¾, датируемых 370-ми годами до н.э.

Между тем одним из аргументов идеи «удревления» хронологии выпуска ранних серий херсонесских монет С.А. Коваленко называет пересмотр датировки монет Лариссы с фасовыми изображениями головы на л.с. на основе данных кладов[62]. Критикуя Е.Я. Туровского, принявшего дату выпуска серебряных херсонесских монет с фасовыми изображениями головы богини временем около середины IV в. до н.э. [63], С.А. Коваленко предлагает относить их к первой четверти IV в. до н.э.[64]

Доказывая идею «удревления» хронологии выпуска ранних серий херсонесских монет, С.А. Коваленко обращается к монетам персидских сатрапов Киликии и отмечает, что мотив фасового изображения головы Геракла на гераклейских монетах заимствован с киликийского выпуска Фарнабаза, о чем говорит совпадение обоих изображений вплоть до мелких деталей. Наиболее обоснованная датировка этих

[56] Золотарев 1989, 30–31.
[57] Золотарев 1989, 31.
[58] Гилевич 1989, 19; 1996, 12.
[59] BMC VII, pl. VI, *11*.
[60] Гилевич 1989, 19.
[61] Гилевич 1989, 20.
[62] Martin 1983, 1–34.
[63] Туровский 1997, 52, № 22.
[64] Коваленко 1999а, 124–126.

статеров – 386–383 гг. до н.э.[65] и гераклейских монет соответственно рубежом 80–70-х годов IV в. до н.э. Херсонесская серия монет с фасовыми изображениями, учитывая ларисские аналогии, может датироваться 380–375 гг. до н.э.[66] Если А.Л. Бертье-Делагард и А.Н. Зограф нашли аналогию изображению городской богини Херсонеса – Девы в фас на монетах Лариссы и датировали их – А.Н. Зограф[67] – 370 г. до н.э., а А.Л. Бертье-Делагард[68] – 350–330 гг. до н.э., то зачем надо обращаться к монетам Киликии и Фарнабаза, а не к типологии монет непосредственно метрополии Херсонеса – Гераклеи? Но даже, если взять самую раннюю монету Фарнабаза – 386–383 гг. до н.э., то все равно это не рубеж V–IV вв. до н.э., когда, по мнению С.А. Коваленко[69], началась херсонесская чеканка. Эта дата никогда не предлагалась учеными, изучавшими монетное дело Херсонеса.

Таким образом, согласно точке зрения С.А. Коваленко, херсонесская чеканка началась ок. 400 г. до н.э., и самые ранние выпуски относятся к 400–390 гг. до н.э.

Для завершения обсуждения вопроса о начальной дате чеканки Херсонеса на рубеже V–IV вв. до н.э., предложенной С.А. Коваленко, обратим внимание на появление в научной литературе мнений об истории монетного дела Херсонеса, уже опирающихся на выводы С.А. Коваленко. Так, например, такой серьезный исследователь Херсонеса как М.И. Золатарев писал, что с установлением новой даты основания Херсонеса Таврического – 528 г. до н.э. [70], предположение о начале деятельности херсонесского монетного двора еще в конце V в. до н.э. выглядит достоверно и исторически оправдано[71]. Однако следует признать, что предположение о начальной дате чеканки Херсонеса в конце V – самом начале IV в. до н.э. не достоверно и нумизматически не оправдано. Свидетельством этому – самый главный аргумент самого С.А. Коваленко – упомянутый выше гемиобол из Британского музея без вдавленного квадрата на оборотной стороне, изданный М. Прайсом[72], который С.А. Коваленко считает самым ранним выпуском, с которого началась херсонесская чеканка, датируемая М. Прайсом 350–300 гг. Сам М.И. Золотарев в работе о коллекции В.Н. Орехова, высказав этот тезис, тем не менее оперирует традиционными датами А.Н. Зографа.

В коллекции Н.Н. Грандмезона представлено несколько других типов ранних медных монет Херсонеса: *1)* «голова Девы вправо – внутри венка палица, ХЕР» (табл. I, *8*); *2)* «голова Девы вправо – рыба, палица, внизу ХЕР» (табл. I, *9*); *3)* «голова Девы вправо – дельфин, внизу ХЕР» (табл. I, *10–11*); *3)* «букраний – рыба, палица, ХЕР» (табл. I, *12–15*); *4)* «канфар – палица, внизу ХЕР» (табл. I, *16*); *5)* «дельфин – палица, внизу ХЕР» (табл. I, *17*); *6)* «голова льва – звезда» (табл. I, *18–24*). М. Прайс суммарно датировал все эти мелкие номиналы, включая тип «голова льва – звезда» 350–300 гг. до н.э.[73] Ко второй половине IV в. до н.э. относил их и А.Н. Зограф[74].

---

[65] Moysey 1986, 15.
[66] Коваленко 1999а, 124–126.
[67] Зограф 1951, 146.
[68] Бертье-Делагард 1906б, 217–226, № 1–4, табл. I, *1–4*.
[69] Коваленко 1999а, 131.
[70] Виноградов, Золотарев 1998, 36–46.
[71] Золотарев, Кочеткова 1999, 8.
[72] SNG BM 1993, pl. XXIX, *714*.
[73] SNG BM 1993, № 710–732.
[74] Зограф 1951, 148, табл. XXXV, *12–15*.

Таблица I. Монеты из коллекции Н.Н. Грандмезона (ГИМ)

Ниже мы рассмотрим существующие точки зрения на датировки этих типов более подробно.

Среди медных монеты с букранием на л.с. и палицей и рыбой на о.с. из коллекции Н.Н. Грандмезона имеется редкий вариант типа, где надпись ХЕР расположена над палицей (табл. I, *12*). С.А. Коваленко отмечает всего три экземпляра этой разновидности[75], датируя тип 390–380 гг. до н.э.[76] Монеты с типом букрания С.А. Коваленко считает халками[77].

[75] Kovalenko 2008, 110–111, № 44/1–2, Taf. 2, *44–45*.
[76] Коваленко 1999а, табл. I, *14–15*.
[77] Kovalenko 2008, 110–111.

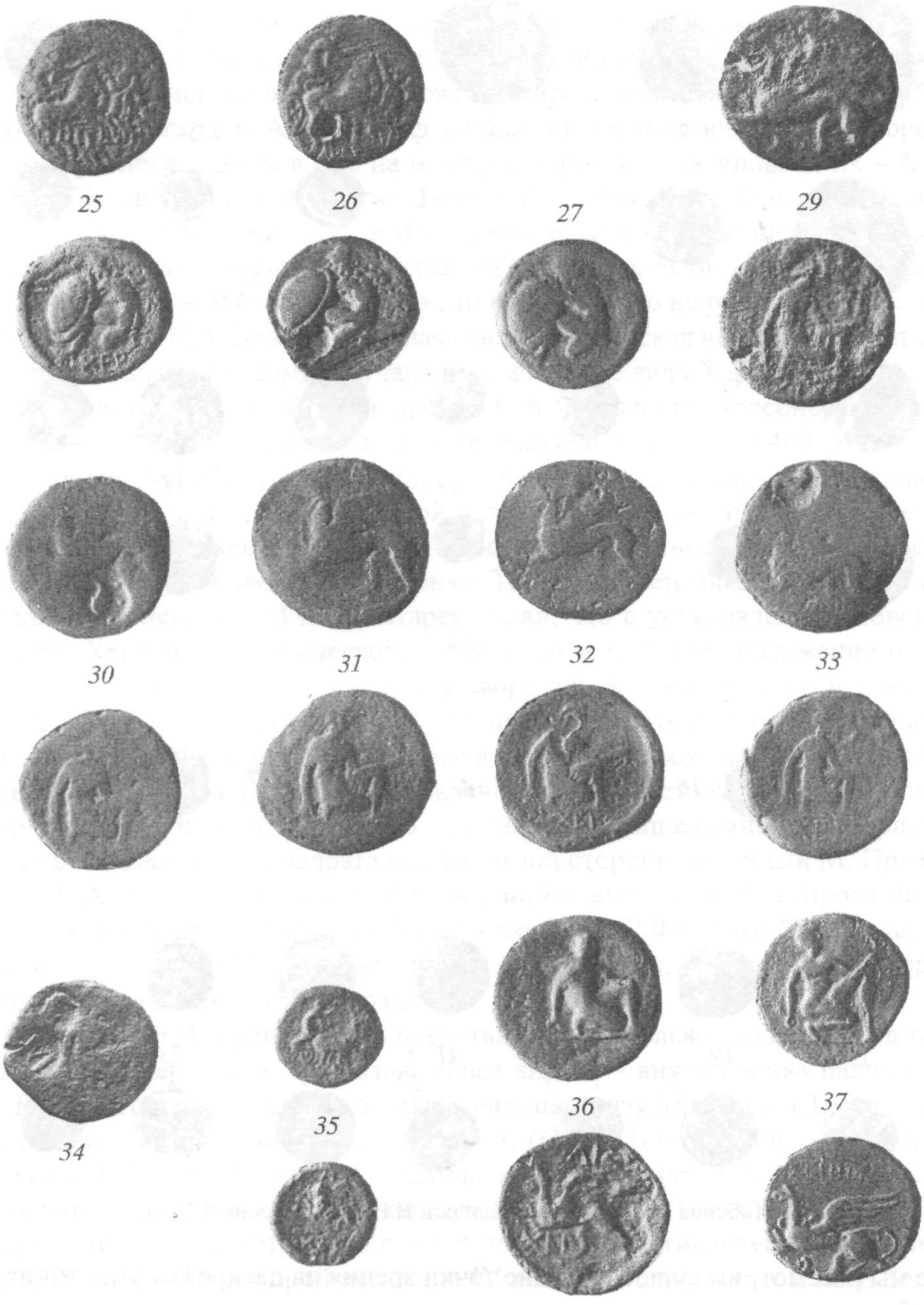

Таблица II

К ранним эмиссиям относится тип «голова Девы вправо – внутри венка палица, ХЕР» (табл. I, *8*). А.Н. Зограф[78] считал, что этот тип тождественен или примыкает к первым херсонесским драхмам и датировал его первой половиной IV в. до н.э. С.А Коваленко дает дату 375–370 гг. до н.э.[79] или 375–365 гг. до н.э., а

[78] Зограф 1951, 148, табл. XXXV, *3*.
[79] Коваленко 1999а, табл. II, *14*.

Таблица III

номинал определяет (с разбросом весов), по собранным им сведениям, от 2.50 г до 1.40 г[80].

К следующему выпуску относится монета типа «голова Девы в венке вправо – рыба и палица, ХЕР» (табл. I, *9*). А.Н. Зограф не подразделял монеты этого типа на разновидности, так как не руководствовался при их систематизации тем направлением, куда смотрит голова Девы – вправо или влево. С.А. Коваленко относит этот

[80] Kovalenko 2008, 129–130, № 238–264, Taf. 12, *238–245*; 13, *237–264*.

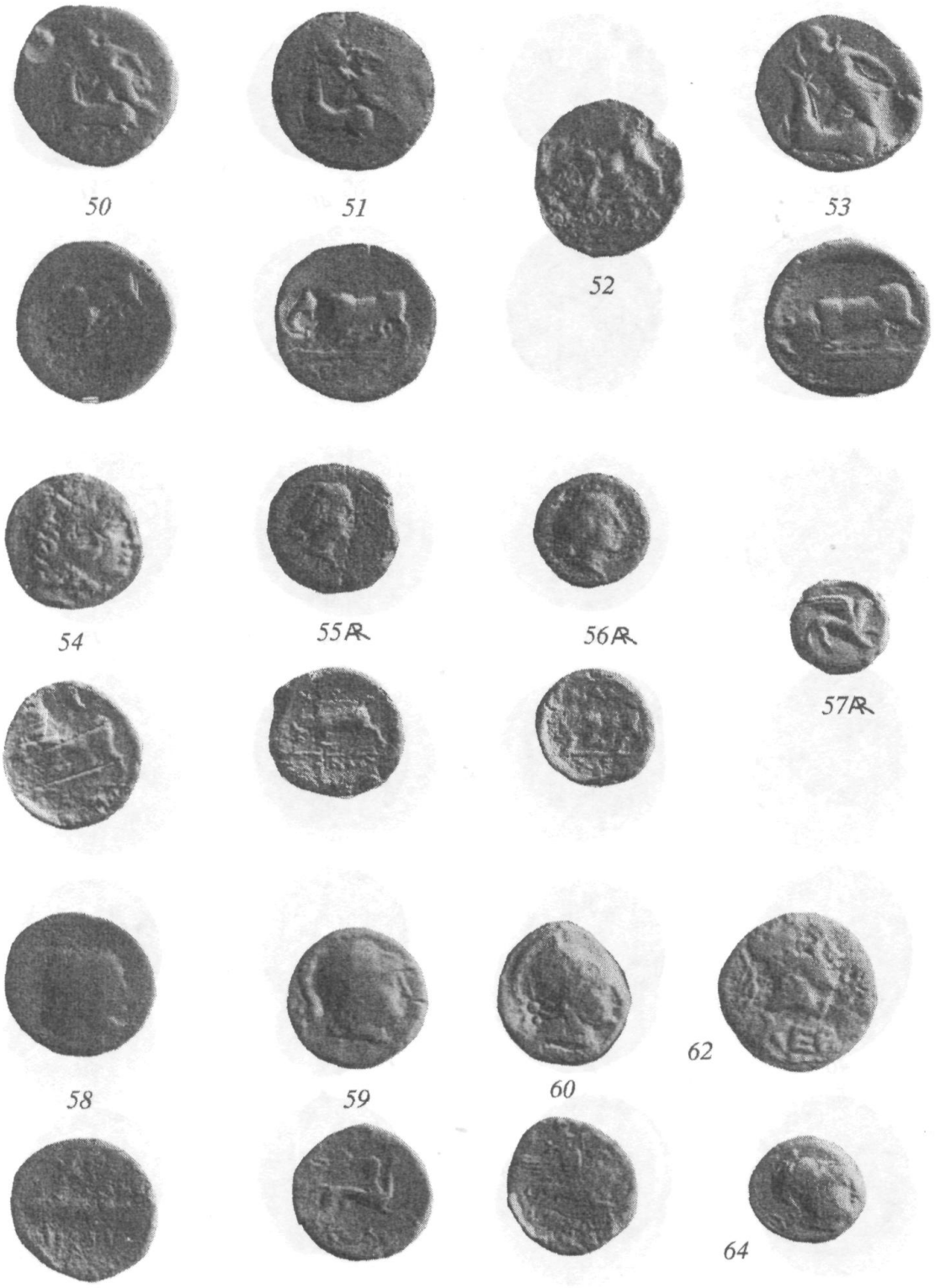

Таблица IV

выпуск к 400–390 гг. до н.э., помещая его в своем каталоге под № 27 с примечанием, что этот экземпляр плохой сохранности происходит из коллекции Н.Н. Грандмезона. Он упоминает № 14840 из коллекции Н.Н. Грандмезона дважды: *1)* 0.43 г, 10 мм; *2)* 0.38 г, 8 мм[81]. При проверке оказалось, что монета весит 0.40 г, диаметр 8 мм. Таким образом, это очень редкий тип, известный в единственном экземпляре.

[81] Kovalenko 2008, 108, № 27, Anm. 8, Taf. 3, *27*.

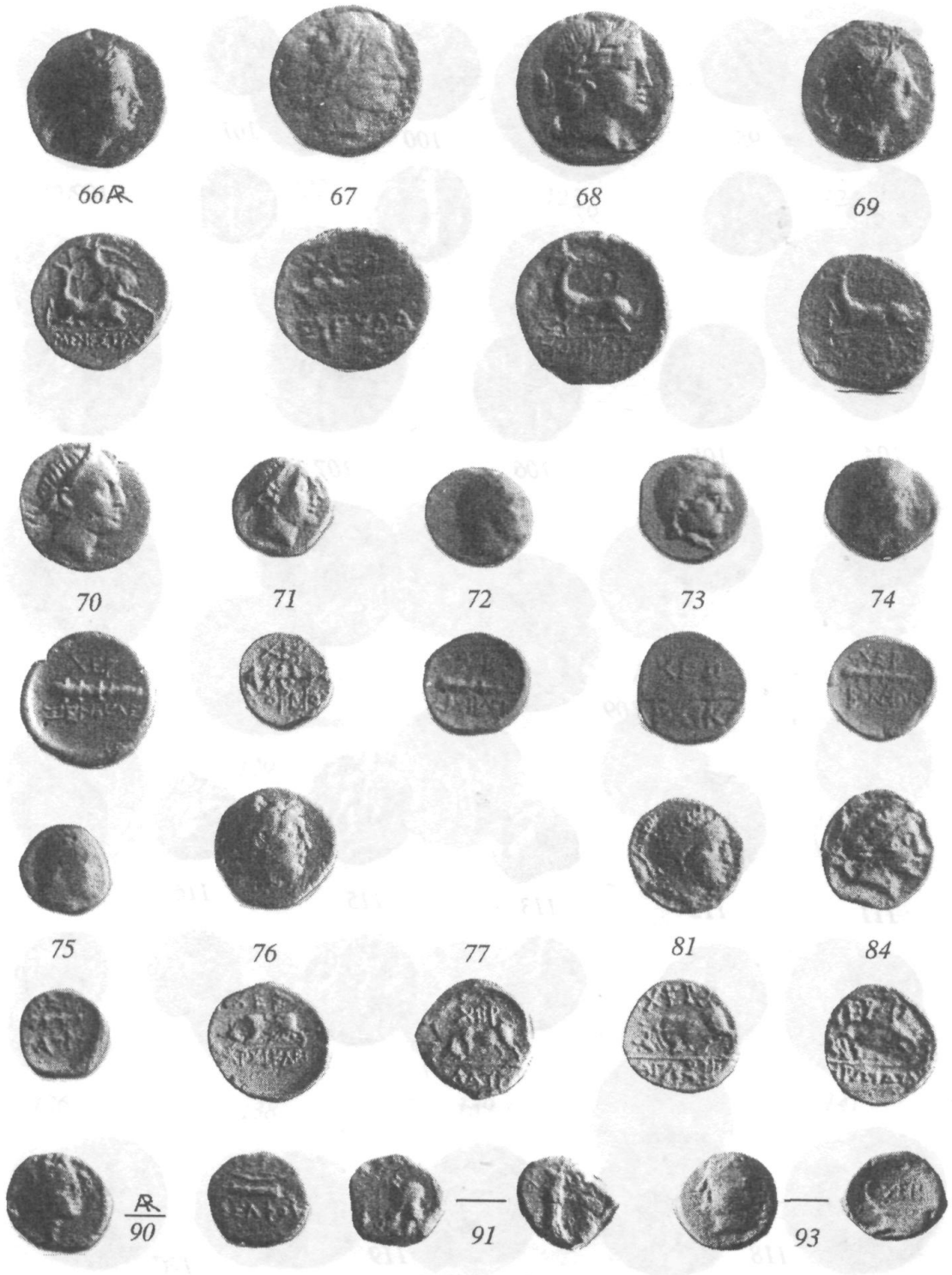

Таблица V

Интерес представляют также монеты типа «голова Девы в венке вправо – дельфин, ХЕР» (табл. I, *10–11*). Они принадлежат к начальному периоду чеканки Херсонеса. А.Н. Зограф относил их ко второй половине IV в. до н.э.[82], В.А. Анохин[83] – к первой четверти IV в. до н.э. С.А. Коваленко датирует их в одной работе 375–370 гг. [84], в другой – 390–385 г. до н.э. [85]

---

[82] Зограф 1951, 148.
[83] Анохин 1977, 135, № 17.
[84] Коваленко 1999а, табл. II, *16*.
[85] Kovalenko 2008, 114, № 94, 97, Taf. 5, *94, 97*.

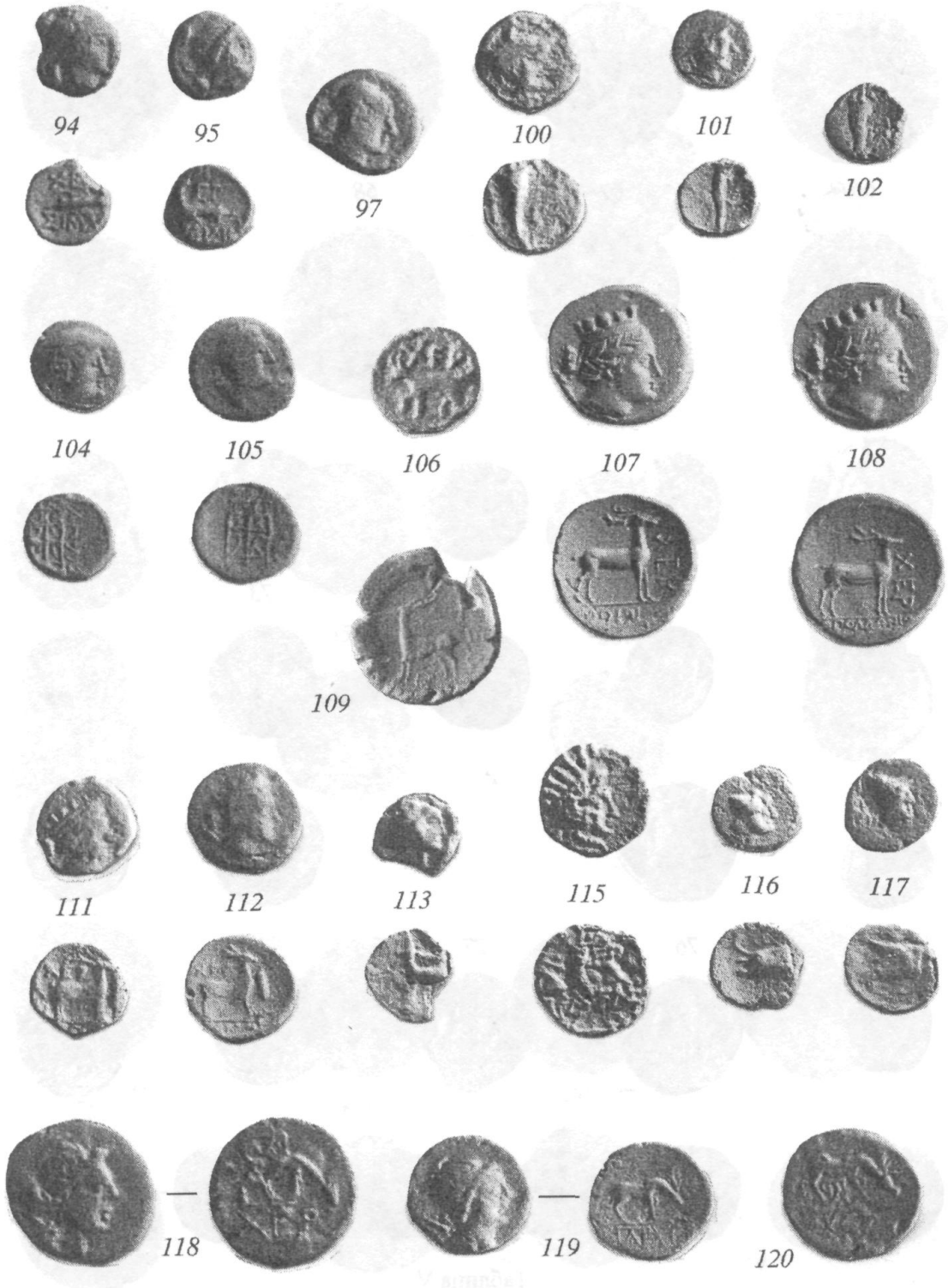

Таблица VI

Редкие монеты типа «канфар – палица внутри венка, ХЕР» (табл. I, *16*) отнесены А.Н. Зографом[86] и М. Прайсом[87] к 350–330 гг. до н.э., В.А. Анохиным – к 375–350 гг. до н.э. С.А. Коваленко в своем каталоге указывает 12 экземпляров этого типа и датирует выпуск 375–370 гг. до н.э.[88] или 375–365 гг. до н.э.[89]

---

[86] Зограф 1951, табл. XXXV, *14*.
[87] SNG BM 1993, № 716–718.
[88] Коваленко 1999а, табл. II, *16*.
[89] Kovalenko 2008, 129, № 233–237, Taf. 12, *233–237*.

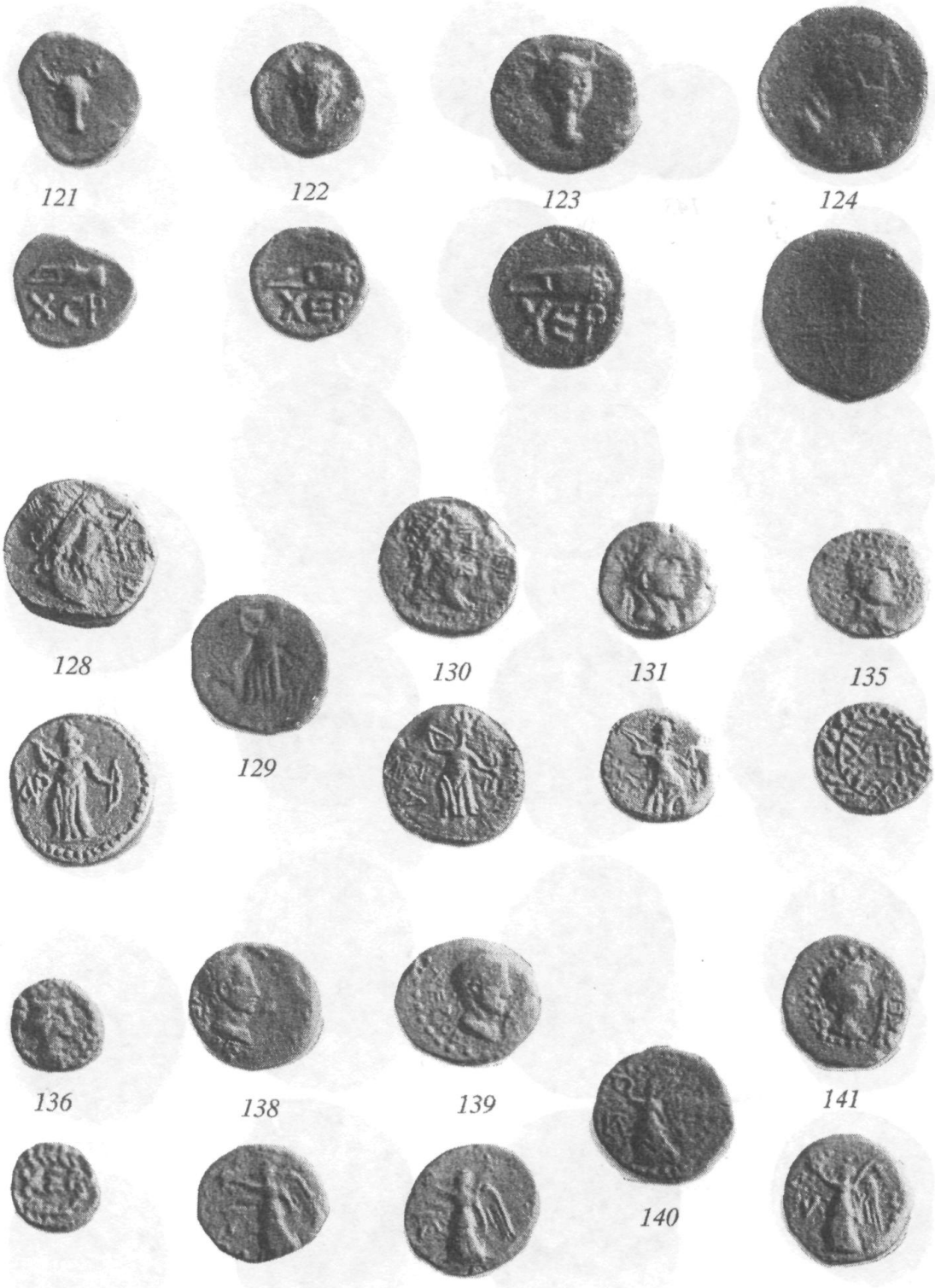

Таблица VII

Следующий тип, чекан которого А.Н. Зограф помещает во вторую половину IV в. до н.э., – «дельфин – палица, ХЕР» (табл. I, *17*) – известен в двух вариантах, отличающихся друг от друга направлением палицы влево или вправо и расположением надписи ХЕР – над палицей или под ней. С.А. Коваленко датирует этот тип 360–350 гг. до н.э. Обычный вариант, с расположением ХЕР под палицей, представлен в каталоге С.А. Коваленко более 20 экземплярами[90]. Монеты второго варианта известны всего в двух экземплярах, один из которых происходит из ГИМ. Все трое

[90] Kovalenko 2008, 135–136, № 308–329.

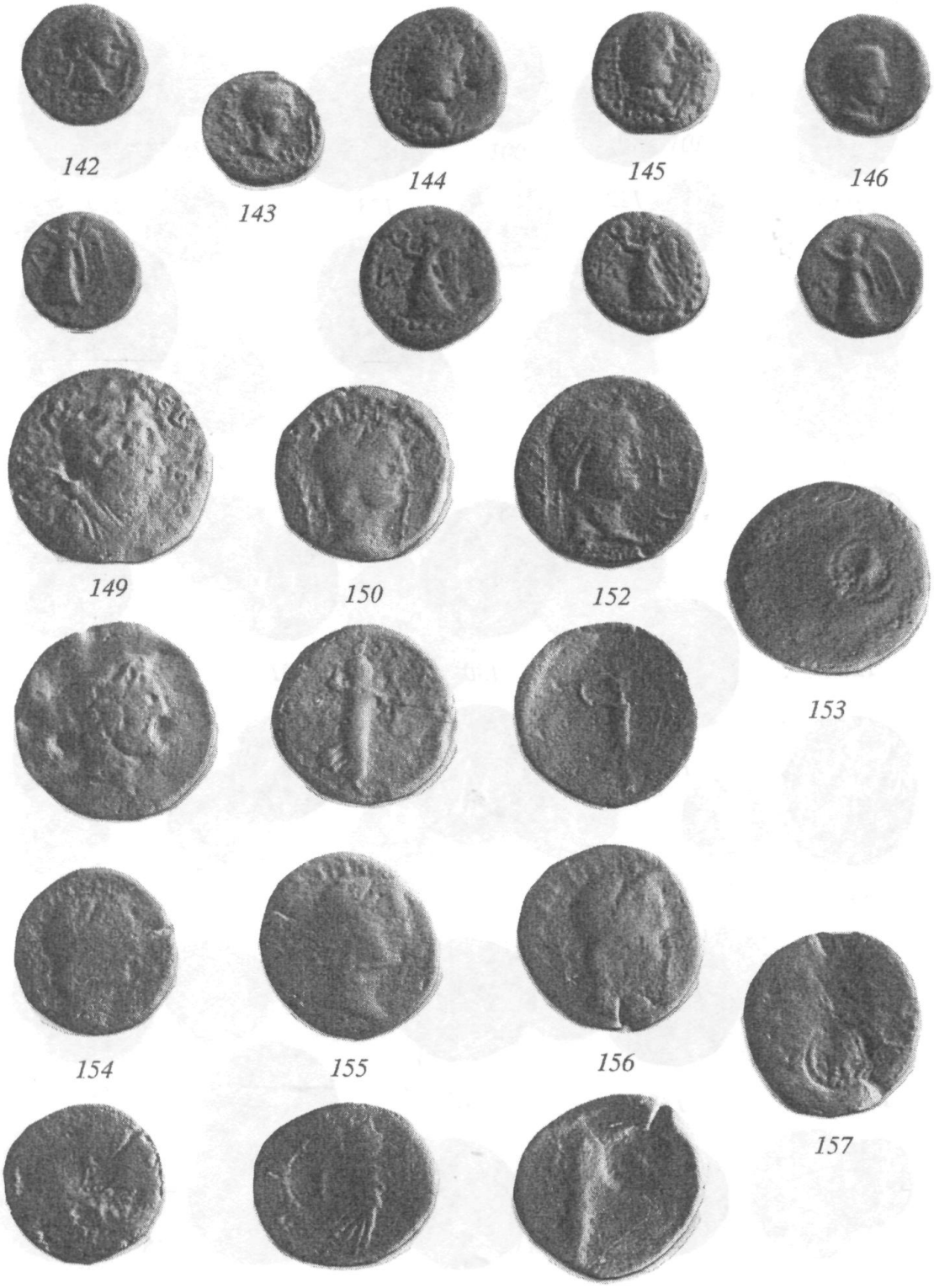

Таблица VIII

исследователей опубликовали этот редкий экземпляр без указания инвентарного номера хранения ГИМ или с несуществующим номером[91].

К середине IV в. до н.э. А.Н. Зограф относил тип с изображением на л.с. головы льва (влево или вправо) и звезды (пяти- или шестиконечной)», между лучами которой помещена легенда из букв ХЕР, ХЕРП, точек или черточек. Н.Н. Гранд-

[91] Туровский 1997, 52, № 19; Анохин 1977, табл. I, *21*; Kovalenko 2008, 134, № 306, Taf. 16.

Таблица IX

мезон, издавая экземпляры из своей коллекции, отмечал, что еще Х. Гиль описал 14 разновидностей этих монет[92]. В коллекции Н.Н. Грандмезона представлены экземпляры со звездой с пятью лучами (табл. I, *19*), шестью лучами (табл. I, *20–21*), шестью лучами и надписью Х – Е – Р – П (табл. I, *21–23*), а также с головой льва,

[92] Гиль 1896, табл. VIII, *3*; Грандмезон 1983а, 108–110, рис. 1, *2*.

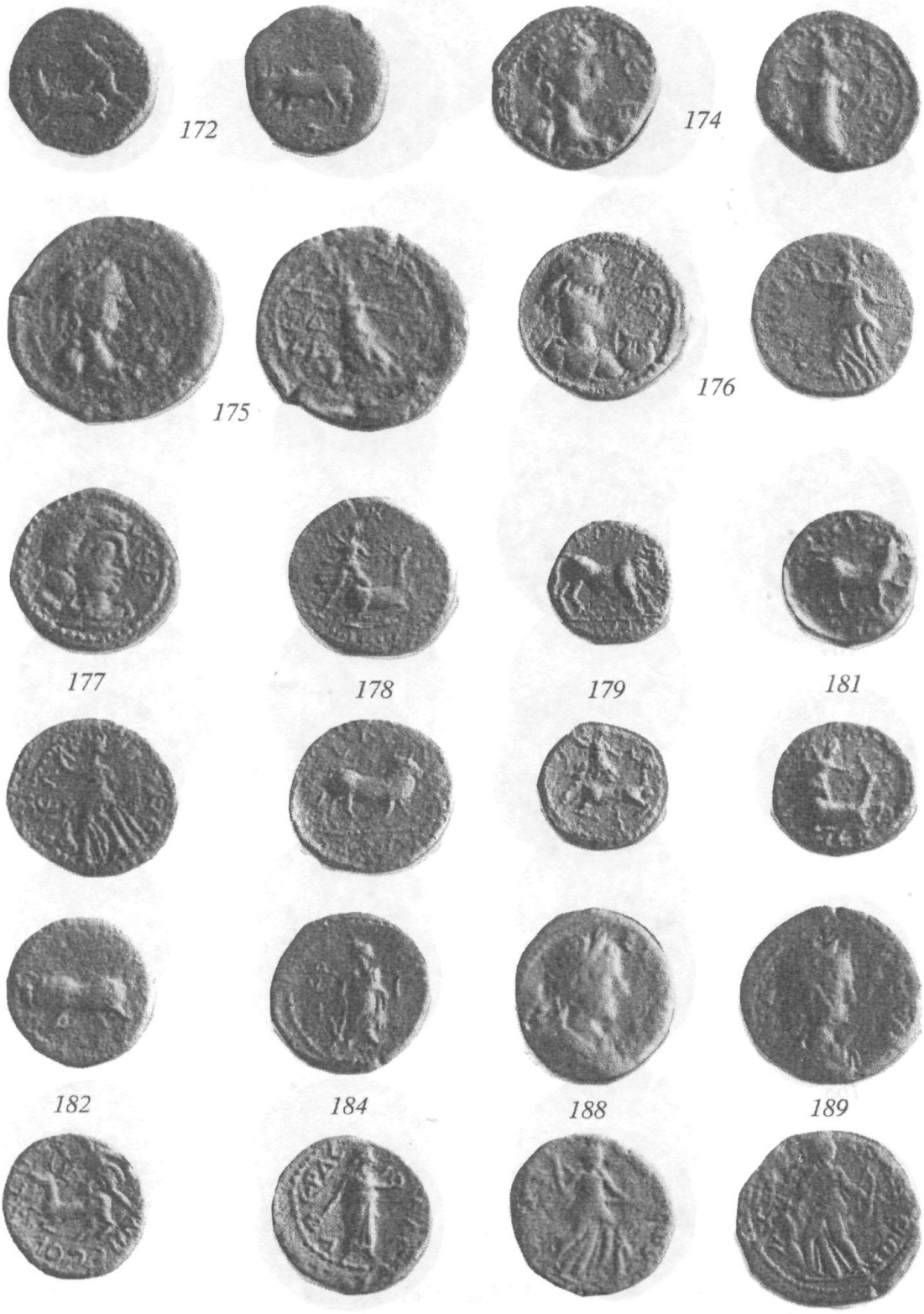

Таблица X

повернутой влево, и звездой с шестью лучами и легендой Х – Е – Ь или Х – Е (табл. I, *18*).

В каталоге С.А. Коваленко разновидности этого типа не выделены, поскольку автор разбирал монеты по штемпелям аверса и реверса и распределил их по шести эмиссиям, давая общую дату чеканки монет этого типа – 385–380 гг. до н.э. [93],

[93] Kovalenko 2008, 115–126.

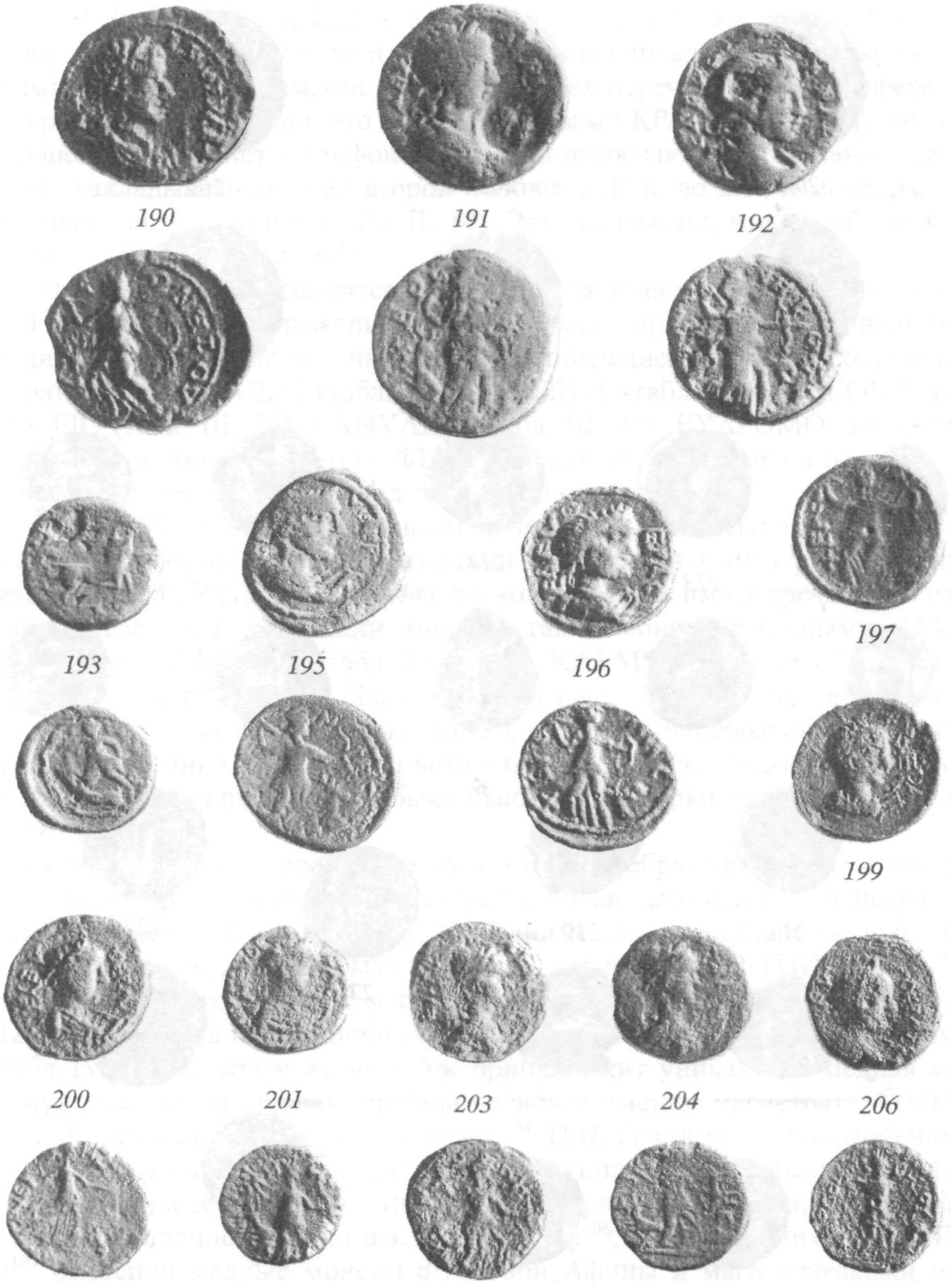

Таблица XI

углубив время по сравнению с В.А. Анохиным – 364–350 гг. до н.э.[94] К сожалению, даты, которыми оперируют авторы с точностью до года, остаются до сих пор ничем не обоснованными. С.А. Коваленко усмотрел в этом типе типологическое и стилистическое сходство с пантикапейскими выпусками со львом и предложил датировать этот тип 80-ми годами IV в. до н.э.[95] Еще дальше пошел М.Н. Золотарев, который, развивая эту идею С.А. Коваленко, заявил, «что это единственный

[94] Анохин 1977, 136.
[95] Коваленко 1999а, 123.

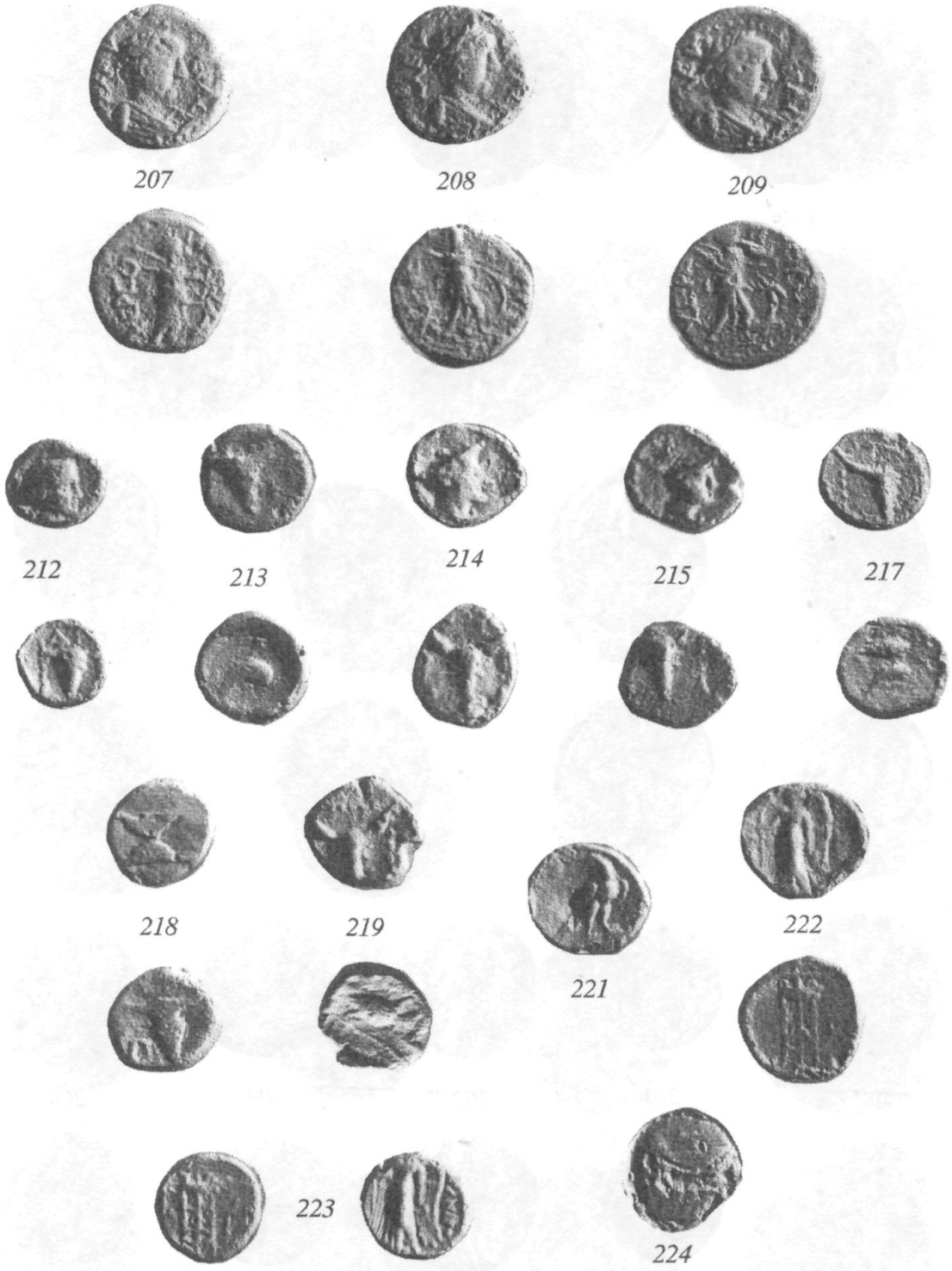

Таблица XII

случай заимствования боспорских монетных типов херсонесскими монетариями» и даже связал появление этого типа с боспоро-феодосийским конфликтом в первой четверти IV в. до н.э. [96]!

К 340–330 гг. до н.э. относятся, по мнению А.Н. Зографа[97], монеты с изображением на л.с. грифона, а на о.с. преклоненной Девы с магистратскими именами КРА, АРІ, ПА. В коллекции Н.Н. Грандмезона представлены все такие монеты: ПА

[96] Золотарев, Кочеткова 1999, 8.
[97] Зограф 1951, 148.

(табл. II, *29–30*); APΙ (табл. II, *31*); KPA (табл. II, *32–33*). Эту группу А.Н. Зограф датировал 30-ми годами IV в. до н.э. А.М. Гилевич считала, что монеты этого типа с буквами ПА являются самыми ранними из трех перечисленных дифферентов[98], а Н.Н. Грандмезон[99] доказал, что монеты с буквами KPA были самыми поздними. На большей части монет с грифоном и Девой встречаются надчеканки: дельфин в кружке, накладывавшийся во второй половине III в. до н.э., и монограмма ⍓, характерная для II в. до н.э. (табл. II, *34*). Это показывает, что подобные монеты обращались длительное время[100].

К концу IV в. до н.э. относится вторая группа монет с грифоном и Девой, на которой те же самые изображения меняются местами: коленопреклоненная Дева переходит на аверс, а грифон – на реверс[101]. В последнем случае их сопровождают магистратские имена AIΣXI (табл. II, *36*), IΣTIHIX (табл. II, *37*), ΘEOΠ (табл. III, *38*), IΣTIEIO (табл. III, *39*), BAΘYΛΛO (табл. III, *40*), EYΔPOMO (табл. III, *42*). Известны также имена XOPEIO и ΦIΛIΣTI и монеты этого типа и без имен магистратов, но в коллекции Н.Н. Грандмезона они отсутствуют.

Около 300–250 гг. до н.э. были выпущены медные монеты типа «Дева, поражающая оленя – бодающий бык» с именами магистратов. Самые ранние из них – с именем EYΔPOMOY (табл. III, *43–44*), поскольку это же имя встречается и на типе «грифон – Дева»[102]. В коллекции имеются также монеты с именами: ΔIAГOPA (табл. III, *45–46*), ΣIPIΣKOY (табл. III, *47–48*), KΛEMYTAΔA (табл. III, *49*; IV, *50–51*) и ΘEOXAPE (табл. IV, *52*). Часть их имеет на л.с. или о.с. стороне надчеканку в виде дельфина. Н.Н. Грандмезон отмечал, что клеймо «дельфин» известно и на монетах, выпущенных в последней четверти III в. до н.э., следовательно, монеты типа «Дева, поражающая оленя – бык» были контрамаркированы не ранее конца столетия[103].

С середины III в. в Херсонесе выпускаются серебряные монеты с изображениями головы Геракла или Девы на аверсе и бодающего быка и магистратскими именами на реверсе. В коллекции Н.Н. Грандмезона представлены драхма типа «голова Геракла – бодающий бык» с именем магистрата ΠPΩTIΠΠOY (табл. IV, *54*); гемидрахмы этого же типа с магистатскими именами ΞANΘOY (табл. IV, *55*) и NANΩ (табл. IV, *56*), а также диобол типа «грифон вправо – лук в горите» с именем NA (табл. IV, *57*). К этому же времени принадлежит уникальная медная монета типа «мужская голова вправо – палица влево» с именем магистрата АПОЛЛА» (табл. IV, *58*), изданная самим собирателем[104]. Н.Н. Грандмезон обратил внимание на то, что с этим именем известны тридрахмы типа «голова Геракла – бодающий бык»[105]. Он считал ее мелким номиналом этой серии, предположительно оболом.

Ко второй половине III в. до н.э. А.Н. Зограф[106], а вслед за ним и Н.Н. Грандмезон[107] относили медные монеты с головой Афины и магистратскими именами HPAKΛEIOY (табл. IV, *59–60*) и АПОЛЛОДΩРОУ (каталог, № 61), которые

---

[98] Гилевич 1974, 7, прим. 30.
[99] Грандмезон 1982, 39.
[100] Грандмезон 1983а, 108–109, рис. 1, *3*.
[101] Зограф 1951, 148.
[102] Анохин 1977, табл. V, *76, 77*.
[103] Грандмезон 1982, 35.
[104] Грандмезон 1987б, 58, рис. 1, *8*.
[105] Анохин 1977, табл. VII, *98*, VIII, *111*.
[106] Зограф 1951, 150.
[107] Грандмезон 1987а, 38–40, рис. 1, *1–8*.

В.А. Анохин без всяких доказательств датировал 180–170 гг. до н.э.[108] Н.Н. Грандмезон опубликовал монеты с головой Афины из своей коллекции, среди которых имеется два уникальных экземпляра типа «голова Афины – Ника»: тетрахалк с именем ΗΡΑΚΛΕΙΟΥ (табл. IV, *62*) и мелкий номинал с именем ΗΡΩΔΟΤ (№ 65).

В публикуемой коллекции имеется редчайшая медная монета типа «голова Девы – палица вправо» с именем магистрата Эвридама – ΕΥΡΥΔΑ (табл. V, *67*). Она была опубликована впервые самим собирателем и датирована им концом III – началом II в. до н.э.[109] С именем ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ известны также драхмы[110] и гемидрахмы[111].

В последней четверти III в. до н.э. в Херсонесе чеканятся серебряные монеты типа «голова Девы – Дева, поражающая лань» с именем ΜΕΝΕΣΤΡΑ (табл. V, *66*). К ним примыкают медные монеты типа «голова Девы – лежащая лань влево; вверху – ΧΕΡ» с именами магистратов ΞΕΝΟΚΛΕ (табл. V, *68*) и ΧΟΡΕΙΟΥ (табл. V, *69*), которые А.Н. Зограф относил уже ко II в. до н.э.[112] С именами этих же и других магистратов выпускаются в начале II в. до н.э. медные монеты типа «мужская голова – палица, ΧΕΡ» с именами ΑΠΟΛΛ (в коллекции такой монеты нет), ΞΕΝΟΚΛΕΟ (табл. V, *70*), ΧΟΡΕΙΟΥ (табл. V, *71*), ΑΡΧΙΚΛΕΙ (табл. V, *72–73*), ΒΟΛΛΙΩΝ (табл. V, *74*), ΜΑΤΡ (табл. V, *75*).

Присутствие имен ΑΡΧΙΚΛΕΙΟ (табл. V, *76–77*), ΜΑΤΡ, ΜΑΤΡΟΔ (каталог, № 78–80) на медных монетах типа «голова Геракла – бодающий бык» подтверждает хронологическую последовательность эмиссий начала II в. до н.э. К этому же времени относятся и медные монеты типа «голова Девы – бодающий бык» с именами ΑΓΑΣΙΚΛ (табл. V, *81*) и ΗΡΩΙΔΥΑ (табл. V, *84*).

Последнее десятилетие II в. до н.э. в истории Херсонеса принято связывать с именем Митридата VI Евпатора, оказавшего городу помощь в борьбе со скифами[113]. С этого времени в истории Херсонеса начался выделенный А.В. Орешниковым и А.Н. Зографом период боспорского влияния и первой элевтерии. Помощь Митридата освободила Херсонес от угрозы скифов, но полис утратил свою самостоятельность, попав в подчинение царю Понта и Боспора. История взаимоотношений Херсонеса и Боспора наиболее полно отражена в статье С.Ю. Сапрыкина[114]. Самыми ранними выпусками этого периода из коллекции Н.Н. Грандмезона являются серебряные драхмы с головой Девы в башенной короне на аверсе и стоящим оленем на реверсе, с именами магистратов ΜΟΙΡΙΟΣ (табл. VI, *107*) и ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ (табл. VI, *108*). К ним примыкает редчайшая медная монета с головой Девы на аверсе (табл. VI, *109*), изданная самим собирателем. На реверсе изображен стоящий олень влево, справа от него – ΧΕΡ, слева – сокращенное магистратское имя ΜΟΙΡΙΟΣ, под оленем монограмма [115]. А.Н. Зограф отмечал, что олень в типологии Херсонеса получил новое значение как одна из эмблем Митридата VI и трактуется как пасущийся олень на тетрадрахмах этого царя[116]. За более

---

[108] Анохин 1977, табл. XI, *159–163*.

[109] Грандмезон 1983а, 108–109, рис. 1, *4*.

[110] Анохин 1977, № 134–135; SNG BM 1993, № 790.

[111] Анохин 1977, № 140. Одна монета имеется в основной коллекции ГМИИ, инв. № 28379.

[112] Зограф 1951, 150.

[113] Зограф 1951, 150.

[114] Сапрыкин 1987, 48–57.

[115] Грандмезон 1983а, 110, рис. 1, *7*.

[116] Зограф 1951, табл. XV, *6*.

раннюю дату (конец II в. до н.э.), а не за I в. до н.э., говорит и эллинистическая фактура этих монет с легкой выпуклостью аверса и вдавленностью реверса, со скошенным и заостренным краем[117]. Одновременно выпускались мелкие медные монеты с головой Девы в башенной короне и стоящим оленем вправо, с именем магистрата АПОΛ (табл. VI, *111–113*).

К периоду боспорского влияния А.Н. Зограф[118] присоединял очень короткую первую элевтерию, полученную Херсонесом от Цезаря в 45 г. до н.э. и через несколько лет отнятую у него Марком Антонием. К митридатовской эпохе относятся типы «голова Девы – пасущийся олень, внизу ХЕР и монограммы , , или » (табл. VI, *118–120*) и «головы Диоскуров – прора» (табл. VI, *116–117*).

К началу второй четверти I в. до н.э. относятся тетрахалки типов «череп оленя в фас – лук и горит, ХЕР» (табл. VII, *121–123*) и «Дева – орел на молнии, ХЕР» (табл. VII, *124*). Последний мотив хорошо известен в нумизматике митридатовского времени как в Малой Азии, так и на Боспоре[119].

К первой элевтерии принадлежит ряд типов монет: «голова Зевса – Дева, монограмма » (табл. VII, *128*), «голова Херсонас – венок, в нем – ХЕР» (табл. VII, *135*), «голова Херсонас – Ника, знак » (табл. VII, *138–141*; VIII, *142–146*).

Датированные выпуски монет представлены в коллекции монетами с годами: ОΔ – 74 г. х.э. = 49/50 г. н.э. (табл. VII, *139*), ОЕ (?) – 75 г. х.э. = 50/51 г. н.э. (табл. VII, *140–141*), О – 76 г. х.э. = 51/52 г. н.э. (табл. VII, *138*), OZ (?) – 77 г. х.э. = 52/53 г. н.э. (?) (табл. VIII, *142*), НО – 78 г. х.э. = 53/54 г. н.э. (табл. VIII, *143*), ΔР – 104 г. х.э. = 79/80 г. н.э. (табл. VIII, *150*).

Из монет III в. н.э. в коллекции Н.Н. Грандмезона внимание привлекает очень редкий тетрассарий с боспорской надчеканкой в виде головы императора Септимия Севера (табл. XI, *191*), опубликованный самим коллекционером[120]. До сих пор был известен только один такой экземпляр, изданный К.В. Голенко[121].

Значительный интерес представляют 16 свинцовых тессер из коллекции Н.Н. Грандмезона (табл. XII, *212–224*). Они были опубликованы самим собирателем[122] и позднее С.А. Коваленко, составившим корпус херсонесских тессер[123]. Самыми ранними из них являются, очевидно, тессеры типа «голова Парфенос – букраний» с буквами IΣ и ΔI (табл. XII, *212*)[124]. Затем, по мнению С.А. Коваленко, следует выпуск типа «букраний – дельфин вправо» (табл. XII, *213*) – в коллекции Н.Н. Грандмезона имеется один экземпляр[125]. Наиболее многочисленным является выпуск «букраний – голова Гермеса в петасосе»[126]. Такие тессеры (табл. XII, *214–215*) известны еще по коллекции П.О. Бурачкова[127]. Их изучал М. Ростовцев[128] и Х. Гиль[129]. Следующий выпуск представлен тессерой типа «букраний – два дель-

---

[117] Зограф 1951, 151.
[118] Зограф 1951, 153.
[119] Зограф 1951, 152.
[120] Грандмезон 1983а, 110, рис. 1, *8*.
[121] Голенко 1956, 156, рис. 7.
[122] Грандмезон 1978, 41–46.
[123] Kovalenko 2002, 33–58.
[124] Грандмезон 1978, 45, № 12–13; Kovalenko 2002, 53, № 1/31–32, pl. 7.
[125] Грандмезон 1978, 45, № 7; Kovalenko 2002, 54, № 2/33, pl. 7.
[126] Грандмезон 1978, 45, № 1–2; Kovalenko 2002, 55, № 4/50–51.
[127] Бурачков 1884, табл. XV, *82*.
[128] Ростовцев 1903, 299.
[129] Гиль 1895, 15, табл. XX.

фина»(табл. XII, *217*). Имеется в коллекции и неизданный тип «два дельфина спиной к спине – букраний, буква П (?)» (табл. XII, *218*).

Далее следует выпуск тессер с букранием и монограммой [130]. В коллекции Н.Н. Грандмезона – один экземпляр. Довольно редко встречаются тессеры типа «букраний – краб, схвативший рыбу» (табл. XII, *219*)[131]. С.А. Коваленко отмечает три экземпляра, но ему не знаком экземпляр из коллекции Н.Н. Грандмезона[132]. Тессера типа «букраний – монограмма [] » из публикуемой коллекции известна в единственном экземпляре, изданном самим Н.Н. Грандмезоном[133] и переизданном С.А. Коваленко[134]. Очень редкой является тессера типа «букраний – лебедь, вверху ПА» (каталог, *227*). Один такой экземпляр был опубликован М. Ростовцевым в 1925 г., датировашим его II–I вв. до н.э.[135] Еще один экземпляр издан Е.Я. Туровским.

Тессера типа «голова Афины – орел» (табл. XII, *221*), изданная Грандмезоном[136], датируется приблизительно последней четвертью III в. или даже 225–180-ми годами до н.э.[137] В коллекции Н.Н. Грандмезона имеется два экземпляра тессер с Никой на аверсе и треножником на реверсе (табл. XII, *222–223*)[138]. Большую редкость представляет тессера с изображением колчана и лука (табл. XII, *224*): известно всего два экземпляра, один из которых издан Н.Н. Грандмезоном, другой – Е.Я. Туровским[139]. Прототипом этого мотива, по мнению С.А. Коваленко[140], могли служить серебряные монеты с именем магистрата YMNOY, выпущенные в последней четверти III в. до н.э.[141]

Ко времени Митридата VI Евпатора относится известная нам в единственном экземпляре тессера типа «пасущийся олень, звезда – рог изобилия» (каталог, *225*). Вторая тессера с изображением рога изобилия на реверсе и стертым аверсом (каталог, *226*) может принадлежать к типу «Ника – рог изобилия», который может быть датирован рубежом III–II вв. до н.э.[142]

Проблема, касающаяся свинцовых монетовидных знаков Херсонеса, имеет один важнейший аспект: являются ли они монетами или тессерами. М. Ростовцев определяет херсонесские тессеры как «монетообразные свинцы Херсонеса», но в конце признает, что имеет дело с настоящими мелкими разменными монетами разной стоимости, предназначенными для внутреннего обмена[143]. Эту точку зрения разделили Н.Н. Грандмезон[144] и Е.Я. Туровский[145]. А.Н. Зограф же считал, что свинец и олово в античной монетной технике не применялись и шли только на изготовление тессер, служивших марками для входа на зрелища и при бесплатном

---

[130] Грандмезон 1978, 45, № 19; Kovalenko 2002, 56, № 5/6.
[131] Грандмезон 1978, 45, № 18.
[132] Kovalenko 2002, 56, № 7/1–3.
[133] Грандмезон 1978, 45, № 16.
[134] Kovalenko 2002, 56, № 8/1.
[135] Ростовцев 1903, 229–301, № 182.
[136] Грандмезон 1987, 45, № 9.
[137] Туровский 1997, 29, 62; Kovalenko 2002, 37.
[138] Грандмезон 1987, 45, № 17.
[139] Грандмезон 1987, 45, № 15; Туровский 1997, № 201; Kovalenko 2002, 58, № 19/1.
[140] Kovalenko 2002, 37.
[141] Зограф 1951, табл. XXXVI, *4*; Анохин 1977, табл. X, *138*; SNG BM 1993, № 796–797.
[142] Kovalenko 2002, 38; 58, № 15/1; Туровский 1997, 63, № 187.
[143] Ростовцев 1903, 299–302.
[144] Грандмезон 1987, 41–44.
[145] Туровский 1997, 64–65.

распределении продовольствия, а также жетонами и другими видами денежных суррогатов[146]. К такому же выводу приходит и С.А. Коваленко, составивший целый корпус свинцовых тессер Херсонеса[147]. Мы придерживаемся того же мнения на сущность и назначение свинцовых тессер Херсонеса. Что касается их хронологии, то они датируются исследователями различными широкими временными периодами – от середины IV до I в. до н.э., либо III–II вв. до н.э.[148], либо II–I вв. до н.э.[149] Мы полагаем, что в основном они были выпущены в автономный период истории Херсонеса, во время экономического благополучия полиса – в III–II вв. до н.э.

Литература

Алексеев Г. 1886: Историко-нумизматическое исследование о херсонесской монете. СПб.

Анохин В.А. 1977: Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев.

Бертье-Делагард А.Л. 1906а: О значении монограмм и на монетах Херсонеса Таврического // Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества. Т. I. Вып. I. СПб., 51–79.

Бертье-Делагард А.Л. 1906б: Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. XXVI, 215–276.

Бурачков П.О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса.

Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. 1998: Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. IX. Севастополь, 36–46.

Гилевич А.М. 1958: Новый клад монет из окрестностей Херсонеса // СА. XXVIII, 136–139.

Гилевич А.М. 1960: Клад монет из округи Страбонова Херсонеса // СА. 4, 167–170.

Гилевич А.М. 1968: Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика / В.А. Анохин (ред.). Вып. 3, 3–61.

Гилевич А.М. 1974: Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет III в. до н.э. // НЭ. VIII, 3–16.

Гилевич А.М. 1989: Монета Лариссы из поселения Панское I // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов конференции памяти П.О. Карышковского. 9–11 марта 1989 г. / А.В. Гудкова (ред.). Одесса, 19–20.

Гилевич А.М. 1996: Особенности денежного рынка поселения Панское I (Северо-Западный Крым) в IV–III вв. до н.э. // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / А.С. Беляков (ред.). М., 12.

Гиль Х.Х. 1891: Новые приобретения моего собрания // ЗРАО. V. Отдельный оттиск, 1–18.

Гиль Х.Х. 1895: Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. // ЗРАО. VII. Отдельный оттиск, 1–15.

Голенко К.В. 1956: Херсонесская монета с боспорской надчеканкой // КСИИМК. 63, 156–157.

Голенко К.В. 1967: Несколько малоизвестных монет Херсонеса // ВДИ. 2. 171–174.

Грандмезон Н.Н. 1978: Свинцовые монеты Херсонеса // НЭ. XII, 41–46.

Грандмезон Н.Н. 1982: Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья / В.Л. Янин (ред.). Киев, 34–41.

Грандмезон Н.Н. 1983а: Неопубликованные монеты античного Херсонеса // КСИА. 174, 108–110.

Грандмезон Н.Н. 1983б: Рец. на: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977 // ВДИ. 2, 167–169.

Грандмезон Н.Н. 1987: Монеты Херсонеса с головой Афины // КСИА. 191, 38–40.

Грандмезон Н.Н. 1990: Первые монеты Херсонеса // КСИА. 197, 57–59.

Зограф А.Н. 1945: К технике чеканки сицилийских монет V в. до н.э. // Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа / А.Н. Зограф (ред.). Т. I. Л., 1–16.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты (Материалы и исследования по археологии СССР, 16). М.–Л.

Золотарев М.Н. 1989: Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V–II вв. до н.э. по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов конференции памяти П.О. Карышковского. 9–11 марта 1989 г. / А.В. Гудкова (ред.). Одесса, 30–31.

Золотарев М.И., Кочеткова Е.М. 1999: Монеты Херсонеса Таврического. Севастополь.

---

[146] Зограф 1951, 25.

[147] Kovalenko 2002, 39–52.

[148] Туровский 1997, 64–65.

[149] Грандмезон 1987, 43.

Кёне Б.В. 1857: Описание музеума покойного князя В.В. Кочубея. Т. I. СПб.

Коваленко С.А. 1999а: О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. XVI, 108–131.

Коваленко С.А. 1999б: Рец. на: *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997 // РА. 3, 202–210.

Орешников А.В. 1884: Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М.

Орешников А.В. 1887: Каталог собрания гр. А.С. Уварова. Вып. VII. М.

Орешников А.В. 1890: Описание монет, найденных в Херсонесе в 1888–1889 гг. // МАР. VII, 32–46.

Орешников А.В. 1891: Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету. М.

Орешников А.В. 1913: Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // Нумизматический сборник. II, 1–48.

Орешников А.В. 1922: О монетных магистратах Херсонеса. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. II, 113–138.

Ростовцев М.И. 1903: Римские свинцовые тессеры. СПб.

Сапрыкин С.Ю. 1987: Асандр и Херсонес. К вопросу о достоверности легенды о Гикии // СА. 1, 48–57.

Туровский Е.Я. 1997: Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь.

D'Alexeieff G. 1876: Statèred'or inédit de Chersonèse Taurique. Prague.

BMC VII – *Gardner P.* British Museum Catalogue of Greek Coins. Vol. VII. Thessaly to Aetolia. L., 1883.

Grandmezon N.N. 1977: The Use of Leaded Copper Alloys in the Greek and Byzantine Periods in the Tauric Chersonese // NC. 17, 155–161.

Köhler H.K. 1850: Description des médailles Chersonesus, ville de la Chersonèse Taurique // Serapis. II.

Kovalenko S.A. 2002: Struck Lead Pieces from Tauric Chersonesos: Coins or Tesserae // NC. 162, 33–58.

Kovalenko S.A. 2008: Die Spatklassische Münzprägung von Chersonesos Taurica. B.

Martin T.R. 1983: The Chronology of the Fourth-Century BC Facing-Head Silver Coinage of Larissa // ANSMN. 28, 1–34.

Moysey R.A. 1986: The Silver Stater Issues of Pharnabazos and Datames from the Mint of Tarsus and Cilicia // ANSMN. 31.

Sallet A. von. 1874: Die Münzen von Chersonesus in der Krim // ZfN. I, 17–32.

Sallet A. von. 1877: Ein Goldstater der taurischen Chersonesus // ZfN. IV, 273–274.

Sallet A. von. 1883: Jahreszahlen auf Münzen der taurischen Chersonesus // ZfN. X, 143–173.

SNG BM 1993: *Price M.* Sylloge Numorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Pt I. The Black Sea. L., 1993.

Vacquier P. 1874: Notice sur une monnaie inédite à l'effigie d'Alexandre le Grand de la ville de Chersonèse. Moscou.

ANCIENT COINS OF CHERSONESUS TAURICA IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM OF RUSSIA

(Collection of N.N. Grandemaison)

N.A. Frolova, M.G. Abramzon

In 1989 a collection of ancient coins from Chersonesus Taurica, which formerly belonged to N.N. Grandemaison (Sevastopol, Crimea) was added to the numismatic collection of the State Historical Museum. The collection includes rare silver coins, among them a drachma and its fractions with the head of Parthenos turned left, a club, a fish and the abbreviated name of the city ΧΕΡ (№ 1, 2). According to A.N. Zograf, the coins must be dated to 390-370 BC. The rare copper coins of the same type (№ 4–6) belong to the same period. The collection also includes copper coins extremely poorly represented in museum collections, such as the following types: dolphin–club (№ 8), kantharos–club (№ 9), *biga* – lion with a spear (No 35, ca. 340s BC), Athena–Nike with the magistrates' names (dated to the 250–200 BC), Apollo–tripod, etc. Especially interesting are the copper coins with dates, which make it possible to revise the problem of relations between Chersonesus, Bosporus and Rome.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 2012 г.

В.А. Якобсон

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ БЮРОКРАТИИ

Статья в обобщенном виде рассматривает феномен бюрократии в связи с развитием институтов государственности и права в древности.

Ключевые слова: бюрократия, государство, законы, право, цивилизация.

Проблема бюрократии в древности до сих пор не привлекала особого внимания историков древности (кроме историков Китая), хотя существование бюрократии во всех, за немногими исключениями, древних обществах никогда не подвергалось сомнению. В иных случаях, однако, наличие ее даже подчеркивалось, но лишь тогда, когда речь шла о причиняемом бюрократией вреде (особенно часто в этой связи упоминается царство III династии Ура, существовавшее в Месопотамии во второй половине III тыс. до н.э.). Слабый интерес к истории бюрократии объясняется, по всей вероятности, тем, что в наше время это слово стало ругательным, поскольку во всем мире оно ассоциируется с бездеятельностью, прикрываемой симуляцией бурной деятельности, а также с неквалифицированностью и повальной коррупцией. Такое, конечно, встречалось и встречается во все времена, но в подавляющем большинстве древних обществ чиновник (а это наше слово было бы тогда синонимом слов «грамотей», «писец») был важным, влиятельным и уважаемым членом общества. Да и в наше время нормальное функционирование общества невозможно без квалифицированной, сознающей свою ответственность и добросовестной бюрократии, хотя очень может быть, что уже в недалеком будущем ее роль или во всяком случае наибольшую по объему часть этой роли возьмут на себя информационные системы. Тогда бюрократия будет вспоминаться почти исключительно в пежоративном смысле, и такое «понижение» испытали и теперь испытывают многие некогда весьма уважаемые слова и понятия. Генрих Гейне отмечал, например, что с течением времени сильно упала репутация ослов: «Некогда слово “осел” было почетным званием – оно означало, примерно, “надворный советник”, “барон”, “доктор философии” – Иаков сравнивает с ним своего сына Иссахара, Гомер сравнивает с ним своего героя Аякса, а теперь с ним сравнивают господина фон...» (*Heinrich Heine*. Ideen – Das Buch Le Grand. Kap. XIII). В древности же роль бюрократии была чрезвычайно важной. Отнюдь не будет пре-

Якобсон Владимир Аронович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

увеличением сказать, что она и ее достижения сыграли, может быть, важнейшую роль в развитии человеческой культуры вообще, а в частности – и в переходе от первобытности к классовому обществу и государству, и в дальнейшем развитии общества и государства. Подробнее эту роль я попытаюсь осветить ниже, в соответствующих разделах предлагаемой работы. Но прежде всего будут рассмотрены общие вопросы, связанные с генезисом и ролью бюрократии на ранней стадии истории человечества.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ГРАМОТЕИ

I

В последнее время большое внимание историков привлекают вопросы об «альтернативных» формах развития человеческого общества и об их сравнительной «эффективности», о том, является ли государство «неизбежным». Литература по этим проблемам уже весьма обширна, и обсуждать ее здесь вряд ли уместно. Достаточно упомянуть два коллективных труда, подготовленных группой российских и зарубежных исследователей[1]. Обе книги (вторая из них превышает первую по объему в несколько раз) содержат множество оригинальных идей и весьма обширную библиографию. Они убедительно показывают множественность первоначальных путей к возникновению государственности. Хуже обстоит дело с альтернативами государству и аналогами государства. Приведенные в качестве возможных альтернатив вождество (неуклюжий термин, неудачная калька с английского chiefdom, но другого в русском языке пока нет; впрочем, некоторые авторы пишут просто «чифдом»), родоплеменная организация, союз племен и вольное горское общество как-то не убеждают. Все они должны скорее рассматриваться как архаические предшественники государства, далеко не всегда превращавшиеся в него. Сомнительна также и предполагаемая авторами аналогия между горскими вольными обществами и античным полисом.

Эти горские общества – весьма экзотические образования, возникшие и существовавшие в специфических природных и этнокультурных условиях, из которых обязательными являются отсутствие по соседству достаточно сильного государства и наличие четких и трудно проходимых естественных границ между территориями этих обществ. При невыполнении хотя бы одного из этих условий возникает обычное большое государство, норовящее в дальнейшем стать империей, вроде, например, Урарту, подчинившего себе почти все Армянское нагорье, или Мидийского царства в Западном Иране. Оба эти царства возникли при неизвестных обстоятельствах и неизвестно в точности когда из рыхлого конгломерата независимых поселений (видимо, населенных не только урартами и мидянами). При выполнении обоих условий становятся возможными сохранение разных языков в соседних аулах и, даже при поддержании добрососедских и союзнических отношений, очень стойкое сознание своей особости, отдельности, независимости: «Велик, богат аул Джемат, // он никому не платит дани. // Его стена – ручной булат, // его мечеть – на поле брани...» (М.Ю. Лермонтов, поэма «Хаджи Абрек»). Но еще за два с половиной тысячелетия до Лермонтова ассирийский царь Саргон II написал в знаменитом ныне «Письме к богу Ашшуру» (I, 66) о походе на Урарту, т.е. на Армянское нагорье: «А люди, обитающие в этих (горных. – *В.Я.*) поселениях, на

---

[1] Альтернативные пути 1995; The Early State 2004. Ср. также более раннее издание: Архаическое общество 1991. Обсуждение этого сборника см. Восток. 1993. 5, 185–209; 1995. 5, 211–220.

свою силу полагаются и не знают над собой владычества...». Такое самосознание сохраняется в ряде мест очень долго. Примерно такова по сей день обстановка в Дагестане, где можно встретить недалеко друг от друга несколько разноязычных аулов. «Недалеко» может означать иной раз «в пределах видимости», но на практике пройти туда прямиком, как правило, невозможно, а обход препятствий может оказаться очень длинным, непростым и даже небезопасным. В каждом из этих аулов могут быть свой язык, свои сказки, иногда даже свой эпос. Свой этикет (особенно для женщин), поскольку там живут мусульмане, христиане и иудеи (таты), разные кулинарные привычки... Иначе говоря, в каждом – своя культура. И все это – при почти одинаковых жилищах и методах ведения хозяйства, ибо то и другое здесь определяется ландшафтом и древними обычаями.

В Западной Европе, с учетом всех исторических и культурных различий, примером такой ситуации может служить конфедеративная Швейцария, горная страна, где на совсем небольшой территории стойко сохраняются двадцать два суверенных кантона, две долго бывшие непримиримыми врагами ветви христианства (протестантизм и католичество) и четыре официальных языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский) наряду со значительным количеством постоянно живущих там иностранцев с их собственными языками – при соответствующих литературах и диалектах и при отсутствии постоянной армии. Но все это – при четком и твердом сознании единства, общей родины и общих ценностей.

В одном отношении сходство вышеупомянутого аула Джемат (неважно, придуманного Лермонтовым или реально существовавшего) с античной Спартой несомненно имеет место: знаменитый греческий полис не имел укреплений, оборонительной стены, ибо сооружение такой стены спартиаты полагали ниже своего достоинства и были уверены, что их боевой строй – самая надежная стена. Но тем не менее греки считали себя единым этносом, состоящим из суверенных полисов, имели общий пантеон, общие святилища (были членами Дельфийской амфиктионии), проводили Олимпийские игры, во время которых соблюдали олимпийский мир и т.д. Одним словом, они обладали четким сознанием культурного и языкового единства и все вместе противопоставляли себя варварам (т.е. негрекам: первоначально это слово не было ругательным), что, впрочем, не мешало им вести между собой жестокие войны. Вопрос о том, являлся ли античный полис настоящим государством, до сих пор вызывает дискуссии. Автор этой работы принадлежит к числу тех, кто считает полис государством[2]. Ведь и сами греки считали полис государством, как у других народов, только лучше[3]. Причина существующих недоразумений состоит, видимо, в очень распространенном ныне смешении формы *общественного устройства* с формой *государства* (современная Англия, например, представляет собой демократическое общество и монархическое государство), а также в отсутствии общепринятого определения государства.

---

[2] Мои взгляды на государство изложены в статье: Якобсон 1989, а также во вступительном и заключительном докладах на дискуссии «Проблемы истории государства и права на древнем Востоке» (материалы дискуссии опубликованы в журнале «Народы Азии и Африки». 1984. № 2, 88–110 и № 3, 62–87 и в нескольких более поздних работах: Якобсон 1997, 5–15; вводные главы к трудам История Востока 1997, 14–25 и История древнего Востока 2004, 34–56.

[3] Обстоятельный анализ возникновения греческого полиса см. Фролов 1988. Идеологические и культурные перемены, связанные с возникновением полиса, проанализированы в книге: Зайцев 1985.

Что касается первого пункта, отметим, что, хотя и вольные горские общества, и полисы, и многие другие древние и средневековые общества являются, как правило, аристократическими или демократическими республиками, идеологические различия между ними очень велики. Именно эти различия сделали столь ожесточенными войны между Афинами и Спартой. Да и не все полисы были вполне республиками, в той же Спарте, например, имелись наследственные цари, хотя их роль была большей частью декоративной или ритуальной. И вообще не следует забывать, что все греческие полисы имели весьма различные внутренние устройства, и разных магистратов. Достаточно напомнить, что именно таковы были крупнейшие и важнейшие полисы Греции – Афины, Спарта, Коринф и Фивы. Но все полисы были, по крайней мере идеологически, общинами равных, добровольно подчинявшихся законам и правилам и не имевших над собой никакого начальства, кроме как на войне (да и военачальника по окончании войны можно было потребовать к ответу). Там имелась аристократия, но лишь как пережиток далекой древности, без каких-либо особых прав и привилегий (в Риме, как известно, граждане делились на сословия с разными политическими правами, вследствие чего политическая история Рима сильно отличалась от афинской, ср., например, борьбу между патрициями и плебеями).

Бюрократия в полисе действительно, в силу этих причин, почти не заметна, но она, разумеется, существовала, хотя и в скромных масштабах, а ее власть была очень ограниченной. Магистраты полиса имели, разумеется, секретарей, но эти обязанности исполняли, как правило, рабы или вольноотпущенники, т.е. неграждане, из них в основном состояла даже императорская администрация в Риме. А в Афинах полицейскими были наемники-скифы, дабы, опять-таки, не ставить одних граждан над другими. Уникальность полиса более подробно рассмотрена мною в работе «Государство как социальная организация...» (см. прим. 2). Там же сделана попытка дать определение государства. Отмечено, в частности, что государство есть такая форма общественного устройства, которая наилучшим образом отвечает задачам управления обществом, ставшим слишком большим и сложным для традиционных, основанных на обычае и моральном авторитете вождей способов управления, и имеет для этого аппарат, который состоит из специализированных учреждений, в свою очередь комплектуемых из специалистов. Ответ же на вопрос, неизбежно ли возникновение государства, дала сама история: все другие («альтернативные», «аналогичные» государству) формы общественного устройства не выдержали конкуренции и если и существуют еще кое-где, то лишь как своего рода или как самые настоящие резервации. История возникновения и торжества государства очень похожа на историю появления и торжества Homo Sapiens Sapiens: теперь уже ясно, что обе эти истории представляют собой не прямые дороги, но сложные переплетения маршрутов, почти все из которых, кроме одного, оказались в обоих случаях тупиковыми. Изучать их необходимо, но считать их «альтернативными» не следует, они не одинаково эффективны. И решающую роль в формировании государства сыграла бюрократия. Поэтому именно бюрократия, а не Людовик XIV, имеет, как ей не без основания кажется, право заявлять: государство – это я! Не следует только забывать, что она часто злоупотребляет этим правом и все более склонна действительно отождествлять себя с государством, из чего проистекало и, вероятно, еще проистечет множество бед.

Посмотрим же теперь, в чем именно состояли реальные заслуги бюрократии в древности. Для этого необходимо сначала выяснить причины возникновения бюрократии и законы ее развития, а также особенности этого развития в различных

цивилизациях. Мы все (особенно старшее поколение) сильно ушиблены убогой советской разновидностью марксизма, вследствие чего наши историки не любят «теоретизирования». А в последнее время в нашей стране обходятся и вообще без теорий, заменяя их языческим поклонением идолу «державности». Но наука без теории невозможна, история же, будучи одной из самых древних наук, есть, тем не менее, «наука, переживающая детство, – как все науки, чьим предметом является человеческий дух, этот запоздалый гость в области рационального познания. Или, лучше сказать: состарившаяся, прозябавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям, наиболее непосредственно доступным, как серьезное аналитическое занятие, история еще совсем молода... В некоторых важных проблемах своего метода она пока еще только начинает что-то нащупывать»[4]. Я не очень люблю цитаты, потому что был перекормлен ими в молодости. Но эти слова знаменитого французского историка не привести не могу, поскольку они наилучшим образом выражают то, что я хотел сказать. А предлагаемая мною работа и есть попытка нащупать еще кое-что.

II

Прежде всего следует рассмотреть вопрос о функциях государства и о роли бюрократии в выполнении этих функций, а также и в появлении целого ряда новых и очень важных достижений культуры. При этом я намерен предложить на рассмотрение читателей свое понимание широко употребляемых терминов, имеющих у разных авторов существенно разное значение, хотя все эти авторы не затрудняют себя какими-либо определениями. Определение одного из таких терминов – «государство» – частично уже дано выше, а за ним последуют еще некоторые.

Согласно господствовавшей у нас еще недавно марксистской (а точнее упрощенно марксистской) точке зрения, государство представляет собой всего лишь механизм классового господства. Любовь к «простым и ясным» ответам на очень сложные вопросы сохранилась у нас и теперь, только место упрощенного марксизма, похоже, занимают сейчас (особенно у журналистов, не к ночи будь помянуты) еще более простые теории Л. Гумилева[5]. В действительности же функции государства многочисленны и разнообразны, а главное – имеют существенно различное значение в разные времена и в разных государствах. Для нашей темы важно отметить, что усложнение хозяйства и общества ведет к разделению труда и появлению все новых профессий, в том числе и профессии управителя. Первоначально и затем в течение очень длительного времени (вплоть до второй половины XIX в.) представители этой профессии рекрутировались просто из образованных и одаренных от природы людей, и лишь затем возникла профессия менеджера, для которой необходимо учиться специально.

На древнем Востоке, т.е. в начале истории, управителями, как уже сказано, были грамотеи. И подобно тому, что рассказывается в архаических мифах о некоторых самых древних богах, они «породили себя сами». Главными достижениями первых цивилизаций являются изобретение письменности и организованного коллективного труда – два изобретения, составляющие основу этих и всех дальнейших

---

[4] Блок 1986, 11. Оригинал этой книги был издан в 1949 г. во Франции, а написана она была в 1941 г. Но ситуация с тех пор почти не изменилась.

[5] Это вовсе не преувеличение. Автор собственными глазами видел однажды на историческом(!) факультете Петербургского университета объявление о конференции «Учение(!) Л. Гумилева и современность».

цивилизаций[6]. Первоначальные цели изобретения письменности были в разных цивилизациях различными. Самой ранней письменностью следует, видимо, считать месопотамскую. От нее, скорее всего, происходит письменность древнеегипетская, или обе они происходят от некоего общего предка. Эти две письменности практически одинаковы по внутреннему устройству: обе они состоят из словесных или понятийных знаков (логограмм и идеограмм), фонетических (слоговых) знаков и детерминативов, указывающих на класс понятий, к которому принадлежит данное сочетание знаков. Других письменностей, столь же или почти столь же древних и устроенных таким же образом, не существует, кроме хеттской иероглифической, возникшей гораздо позднее и явно подражавшей двум названным выше (благодаря этому ее и удалось очень быстро расшифровать), да еще, может быть, не расшифрованных пока староэламской и древнеиндийской. Но клинопись и египетская иероглифика сильно различаются по форме, что объясняется, скорее всего, различием языков и материалов для письма, а также возникшими и развивавшимися в дальнейшем местными традициями (в частности, скорописью, превратившей конкретные рисуночные знаки в абстрактные и, разумеется, разные). Уже самые ранние дошедшие до нас образцы этих письменностей свидетельствуют о хорошей школьной выучке и очень похожи друг на друга. Иначе говоря, за ними стоят уже достаточно долгая традиция, поколения нещадно поротых школяров, канцелярия, пользовавшаяся, по всей вероятности, писчими материалами, которые не могли сохраниться. Возможно, это были кожа, ткань, дощечки, пальмовые листья и их черенки, восковые таблички, одним словом, нечто подверженное быстрому гниению.

Месопотамская письменность (клинопись) возникла для целей хозяйственного учета и контроля, т.е. для бухгалтерии. Египетская письменность, насколько возможно об этом судить, применялась первоначально для мемориальных повествовательных надписей, хотя, может быть, и для канцелярии тоже. Более поздняя китайская письменность (надписи на гадательных костях) была изобретена в качестве особого способа дивинации, обращения к оракулу. Назначение древнейших индийских надписей (Мохенджо-Даро и Хараппа) пока еще не ясно, поскольку эти надписи, как уже сказано, остаются не дешифрованными, но необходимо помнить, что все эти надписи – на печатях, т.е., скорее всего, тоже принадлежат к области бюрократии. Наконец, первая чисто фонетическая (западносемитская) письменность, предок почти всех позднейших буквенных и слоговых алфавитов, была изобретена, как полагают исследователи, для купеческой переписки[7], т.е. первоначально была чем-то вроде криптографии. Так или иначе, все первоначальные письменности были созданы для узкоспециальных целей, но их потенциальные возможности были очень скоро поняты и оценены грамотными людьми, и письменность стала универсальным способом фиксирования, накопления и распространения любой информации, в том числе и для целей управления. Идея письма и готовые системы письма поэтому легко заимствовались, а все позднейшие письменности создавались уже с учетом имеющегося опыта и для использования всех этих возможностей. В связи с этим можно даже предложить еще один способ периодизации истории – по способам накопления, сбережения, обработки и распространения информации: речь (ей, по всей вероятности, предшествовало демонстративное поведение, как у пчел и муравьев, а потом и у животных, но об

[6] Подробнее об этом см. прим. 2.

[7] Ср., однако, Циркин 2005, 249–256.

этом мы ничего не знаем), письменность, книгопечатание, информатика (с учетом, разумеется, того, что каждый следующий способ не только не отменяет предыдущие, но включает их в себя)[8].

Благодаря изобретению письма человечество обрело бессмертную коллективную память с неограниченным объемом. Но письмо не только служило сохранению знаний и вообще культурных достижений (а также, разумеется, ошибок, заблуждений и предрассудков). Оно изменило сам характер мышления, вызвав экспоненциальный рост объема наличной информации, сделавший невозможным ее разумное использование и потребовавший, для начала, хотя бы ее систематизации[9]. Систематизированное знание – это и есть начало науки, и, следовательно, грамотеи-бюрократы были также создателями науки. Письменность предоставила возможность сделать и это, а благодаря систематизации – осознать в дальнейшем основные принципы и логику мышления, производить сложные математические выкладки, которые невозможно было бы выполнить «в уме», создавать совершенно новые произведения словесности – настоящую авторскую художественную литературу, хотя первоначально и без фиксации авторства и даже без представления о нем, и многое другое. Иначе говоря, грамотеи-бюрократы были также и первыми писателями – во всех смыслах этого слова. Художественная литература стала самостоятельной профессией лишь много веков спустя, а до тех пор была побочным занятием грамотеев. Необходимо заметить, что некоторые мудрецы древности порицали письменность за то, что она «подменяет мудрость знанием», и принципиально ею не пользовались. Интересно, что Сократ и Конфуций, бывшие почти современниками и жившие на противоположных краях тогдашнего цивилизованного мира, сознательно ничего не писали, заявляя, что они ничего не придумывают, а только передают, и потому их изречения и целые произведения известны лишь в пересказах их учеников и современников.

Но в истории, как и в физике, действуют своеобразные «законы сохранения», и потому за все приходится платить, выигрыш в одном неизбежно оплачивается потерями в другом, вот только выигрыш тут может быть больше или меньше потерь, т.е. исторические перемены не являются «играми с нулевой суммой». А это значит, что исторический прогресс все-таки существует, как, впрочем, и регресс. Письменность действительно понизила ценность некоторых умственных способностей (например, способности к механическому запоминанию, которая была вытеснена способностью к запоминанию логическому), подобно тому, как изобретения рычага и полиспаста в значительной степени обесценили богатырскую силу. Эту последнюю еще больше обесценило изобретение метательного, а затем огнестрельного оружия: «Господь сотворил людей разными, но полковник Кольт уравнял шансы» (реклама новоизобретенного револьвера). Но еще за многие тыся-

---

[8] См. подробнее: Якобсон 2009, 148–154.

[9] У Станислава Лема есть занятный рассказ о космическом разбойнике, грабившем межзвездных путников. Он был охоч не до золота и серебра, а до информации, ее он и отнимал. Разбойник был жестоко наказан двумя хитроумными путниками, которые подарили ему прибор, выдававший всю информацию, сколько ее есть во Вселенной. О том, что эта информация бессистемна, они коварно умолчали. До разбойника же слишком поздно дошло, что пользоваться этой информацией или хотя бы понимать ее невозможно, а на то, чтобы привести ее хоть в мало-мальский порядок, не хватит всего времени существования Вселенной. Лавина бессмысленной информации раздавила злодея. Как почти все смешные рассказы С. Лема, этот рассказ тоже оказывается, при ближайшем рассмотрении, не таким уж смешным…

чи лет до этого неведомый гений изобрел пращу, камнем из которой пастушок Давид сразил могучего Голиафа, продемонстрировав значение других, дотоле почти неизвестных или считавшихся второстепенными способностей – хладнокровия, глазомера, ловкости, быстроты, находчивости... Так же точно письменность, как и изобретения в области механики, а затем и в других областях техники и науки, потребовала и позволила обнаружить в человеке новые, доселе ему самому неизвестные способности, которые и дали ему возможность двигаться дальше.

Первые литературные произведения, как и все ранние достижения человеческого ума, были безымянными, хотя, разумеется, имели своих авторов. И эта безымянность, это отсутствие представления об авторстве были не случайны: любой культурно значимый текст (словесный, изобразительный, музыкальный и т.д.) представлял тогда собой своего рода послание от культуры к человеку, а поскольку самого понятия культуры еще не существовало, неизбежно воспринимался как послание от неких высших сил, даже если он был написан от первого лица. Поэтому, если автор и был известен (упомянут в тексте или в предании), он считался лишь посредником, передатчиком этого послания[10]. Исключение составляли только надписи правителей, они всегда были «подписаны», т.е. содержали имя и титул правителя, от имени которого был составлен текст. Это представление оказалось чрезвычайно прочным и сохранялось длительное время даже тогда, когда представление об индивидуальном авторстве уже прочно утвердилось. Поэтому даже Гораций в своем знаменитом «Памятнике» обосновывает свое право на бессмертную славу тем, что он «princeps aeolium carmen ad italos // deduxisse modos», т.е. «первым переложил эолийскую (т.е. греческую. – *В.Я.*) песнь на италийский лад». Библейские пророки тоже, как известно, говорили не от себя, а возвещали Слово Божие, и пророческий дар ниспосылался им обычно не за какие-либо заслуги, а просто так, ибо для библейских авторов любые человеческие заслуги – ничто перед величием и святостью Бога и его Слова[11].

В более поздние времена изменяются представления о личности и ее роли, поэты теперь уже говорят от себя, и соответственно Пушкин в своем «Памятнике» говорит об оригинальном творчестве как о личной заслуге, но достигнутой при помощи высших сил. Вот почему его «Пророк» начинается строками «Духовной жаждою томим, // в пустыне мрачной я влачился...»: пророк хочет возглашать истину, но ему необходимы полномочия и вдохновение[12]. За этим он и ушел в пустыню, для этого и послан был ему шестикрылый серафим. Перед нами – послание человека к культуре, и возникает оно (в Европе) на исходе Средних веков. В дальнейшем, со второй половины XIX в., авторы все чаще обходятся без полномочий и даже без вдохновения, а послания их все чаще адресованы не культуре, т.е. не всему обществу, а более или менее обширной группе возможных или уже имеющихся единомышленников. Отсюда огромное количество направлений, течений, школ

---

[10] Первым из ныне известных нам по имени поэтов древности была дочь месопотамского царя Саргона Аккадского (конец XXIV – начало XXIII в.) Энхедуана, верховная жрица и пророчица Сина, бога Луны.

[11] Ср. Am. 7, 14–15.

[12] Ныне почти все читатели А.С. Пушкина полагают, что пустыня – это бесплодное место. Еще сравнительно недавно все понимали, что пустыня – это *безлюдное,* неокультуренное место, где бродят дикие звери, непогребенные мертвецы и злые духи. Но там же можно встретить и доброе или по крайней мере благосклонное божество и получить от него благословение или даже откровение. Ср. Gen. 32, 24–32. Вспомним также, что старинное слово «пустынь» означает «монастырь», «скит».

и т.п., автор же начинает ощущать себя богом, по своему произволу созидающим и разрушающим миры. Но бог самодостаточен, особенно, разумеется, в тех культурах, где утвердился монотеизм. Отсюда и появление в европейской цивилизации (а теперь и в других) посланий самому себе – своего рода иероглифов, не понятных другим и не предназначенных для понимания, а только для сочувствия и попыток понять (абстрактная живопись, инсталляция, конкретная музыка, постмодернистская проза и т.п., где само слово «понять» приобретает иной смысл).

Дальше, как известно, последовали модернизм и постмодернизм. И можно полагать, что это было начало нового цикла или, вернее, нового витка спирали, на котором с человеком снова говорит культура, но теперь уже вся мировая культура. В своей нобелевской речи И. Бродский сказал, что творцом является не поэт, а язык, поэт же – только «орган» языка. Он сказал это не первым, первым, кажется, выразил эту мысль еще вождь французских символистов Малларме. Хотя язык не тождествен культуре, он лишь ее важная (если не важнейшая) составная часть, для поэта естественно их отождествлять. Мировая же культура есть в любом случае не только отбор, но и накопление. И накоплено в ней так много, что у читателя, слушателя или зрителя то и дело возникает ощущение déjà vu (déjà lu, déjà entendu). Быть оригинальным становится все труднее. Авторы реагируют на это либо раздражающим оригинальничанием, либо столь же раздражающей демонстрацией своей традиционности, либо, наконец, сознательным обыгрыванием этого самого déjà... Нынешняя мода на мифологичность, появление бесчисленных парафразов, пародий, стилизаций, «цитатность», центонность свидетельствует, видимо, именно об этом (я и сам тут грешен[13]). Так или иначе, обращение к мировой культуре становится уже не просто художественным приемом, но сознательно кладется в основу художественного и даже научного творчества. И началось это отнюдь не сегодня. Комментарии к «Улиссу» Д. Джойса, как уже давно отмечено, могут служить краткой энциклопедией мировой культуры. Можно составить довольно длинный список таких книг, но мне представляется несомненным, что культура вновь окликает нас, причем на сей раз – вся мировая культура.

Об истории, вероятно, следовало бы упомянуть еще раньше, чем о литературе, но и тогда я не избежал бы упреков. Ведь история, будучи наукой, является вместе с тем важной составной частью менталитета и даже основой самосознания не только отдельных лиц, но и целых народов и даже человечества в целом. Поэтому она неизбежно пребывает в центре внимания политики и политиков, а следовательно, и пропаганды. Неудивительно, что сохранять строгую объективность, основу любой науки, ей бывает очень трудно, а подчас и невозможно. Потому историки, работая с древними документами, всегда должны считаться с возможностью не только ошибок, но и прямых фальсификаций, причем отнюдь не всегда сознательных и злонамеренных. Начало письменной истории почти совпадает с началом самой письменности. Так, во всяком случае, обстоит дело в древней Месопотамии, где уже в Раннединастическом периоде возникают записи о деяниях правителей, компиляции хронологических записей, а позднее и плод систематизации (и фальсификации) имевшихся сведений – знаменитый Шумерский царский список, неизбежно упоминаемый ныне в любой работе, посвященной этому периоду. Еще позднее возникают так называемые Списки датировочных формул в Вавилонии. И все это, с учетом необходимых поправок и возможных ошибок, делает хроно-

[13] См. Свое чужое 2007, 56–57. Это – своего рода упражнение в реинкарнации, полезное, по моему мнению, для переводчика древней поэзии.

логию Месопотамии основой хронологии всего Ближнего Востока. Заслуга здесь опять-таки принадлежит бюрократам.

Что же касается деятельности в области управления, то она, в соответствии с основными функциями государства, подразделялась на следующие подобласти: *а*) поддержание общественного порядка, включая судебную и законодательную деятельность; *б*) регулирование экономической жизни, включая перераспределение прибавочного продукта; *в*) военная функция. В реальной действительности все эти функции тесно переплетены и в той или иной степени перекрывают друг друга. Так, законы и суд играют очень важную роль в хозяйственной жизни, а война довольно скоро тоже становится в некотором смысле хозяйственной деятельностью (войны ведутся ради добычи, захвата рабов и получения даней). Военное дело тесно соприкасается также и с административной деятельностью (подсчет и распределение трофеев и даней, устройство присоединяемых в результате войны территорий и управление ими, а позднее – имперская администрация, в древности здесь почти всегда были задействованы военные). Соотношение этих функций у разных государств различно и зависит от конкретных географических, политических, культурных и экономических условий. Фактически же роль государства, если сформулировать ее в обобщенном виде, та же самая, что у родоплеменных и общинных структур, и состоит она в поддержании гомеостаза данного общества. Коренным образом отличаются лишь методы осуществления этой роли.

Возвращаясь к роли культурных условий (культурных контактов), необходимо отметить, что благодаря таким контактам государство может возникнуть раньше, чем оно возникло бы в силу одного только внутреннего развития данного общества. Государство очень рано начинает осознаваться как культурная ценность, и этой ценностью народы сознательно стараются обзавестись. Учет этого фактора позволяет понять многие особенности государств, быстрее возникших и оформившихся благодаря силе примера, и, в частности, объясняет, почему так трудно на практике провести четкое различие между государством и вождеством (например, в современных африканских государствах, но еще больше – в обществах ранней древности и даже во вновь возникающих государствах на протяжении всей древности). Он же позволяет понять причины непрочности ряда государств и природу жестоких этнических распрей, проистекающих из широко распространившегося в XX в. (но ошибочного) убеждения, что лишь собственная и самостоятельно созданная государственность делает народ суверенным и равным другим народам. Наконец, им же объясняются давно уже отжившие свой век, но все еще упорно возобновляемые споры между «норманнистами» и «антинорманнистами» в нашей стране.

Государства древности породили бюрократию и сами были созданы ею. То же самое можно сказать о письменности, о литературе и о науке. Поскольку же именно бюрократия так или иначе включала в свои ряды всех или почти всех образованных людей, общекультурную роль бюрократии в древности невозможно переоценить.

III

К числу важнейших достижений бюрократии относится изобретение и совершенствование законов. Архаические общества управляются, как уже говорилось выше, силой обычая и авторитета харизматических вождей, а все основные правила общежития (они могут быть довольно многочисленными, сложными и жесткими, а не «простыми и ясными», вопреки тому, что думают об этом современные

последователи Ж.-Ж. Руссо) известны всем и понимаются единообразно. С усложнением общества и появлением групп с различными (иногда противоположными) интересами и даже мировоззрениями единообразие, а с ним и единомыслие неизбежно нарушаются. Выход из такого положения был найден в создании законов – четкого и не допускающего никаких кривотолков (в идеале, разумеется) изложения основных норм поведения, издаваемых государством и им же снабженных принудительной силой. Государство создает законы, но оно же и создается или по крайней мере оформляется ими.

Законы – это, в некотором роде, автопортрет государства, но автопортрет очень сильно идеализированный, показывающий государство таким, каким оно хочет быть и каким оно было бы при всеобщем неукоснительном, точном и добросовестном исполнении законов. Наличие государства можно констатировать там, где имеются законы, и первые законы, независимо от их размеров и содержания, могут рассматриваться как своего рода конституция новорожденного государства. Законы тоже можно рассматривать в качестве своего рода изобретений, ставших затем культурными ценностями и в качестве таковых распространившихся по всему цивилизованному миру: уже очень рано почти повсеместно возникает представление о «благозаконии», противопоставляемом тем народам, которые «не знают законов». Создатели же первых законов нередко превращались в мифических культурных героев. Распространяется не только сама идея законов, но нередко и их формулировки (приспособленные, разумеется, к конкретным условиям данного общества), и отношение к ним общества. Поэтому в ряде случаев первые законы могут быть еще достаточно примитивными (например, древнеримские «Законы двенадцати таблиц»), но могут быть и весьма совершенными. Китайские законы[14], например, совершенствовались очень быстро, они были впервые кодифицированы в эпоху Цинь и уже в Танскую эпоху достигли уровня самых крупных кодификаций[15] и впоследствии стали образцом для законов Японии и государства тангутов. Проследить здесь влияние других законодательств пока, как будто, не удается. В других случаях оно более заметно, например в «Сасанидском судебнике»[16], где некоторые места очень похожи на индийские дхармашастры. Берет ли это сходство свое начало из глубокой древности, сказать невозможно, поскольку свидетельства более ранних времен – юридические *наски* Авесты – не сохранились. Сходство вышеупомянутого «Судебника» с древнеиндийскими *дхармашастрами* было мною отмечено еще в 1984 г., но эта публикация не встретила с тех пор ни поддержки, ни критики.

В Древней Греции законодательству принадлежала важнейшая роль в оформлении полиса[17]. Существовало предание, что Солон, один из древнейших и самых знаменитых греческих законодателей, перед тем, как создать свои законы, путешествовал по свету, знакомясь с местными законами, и, в частности, посетил с этой целью Египет. Из самого Египта, впрочем, ранние законодательные тексты до нас не дошли, хотя предполагается (есть косвенные данные), что они существовали. Самые же первые известные нам законы (их наличие можно зафиксировать в древней Месопотамии, и подробнее о них будет рассказано в соответствующем разделе) создавались еще как бы ощупью, методом проб и ошибок. Но постепенно,

---

[14] См. Кычанов 1986.
[15] См. Рыбаков 1999–2008.
[16] См. Периханян 1983.
[17] См. Фролов 1988.

на протяжении всей древности бюрократией отрабатываются основные принципы права и законодательная техника, с помощью которых и появляются четко сформулированные и последовательно систематизированные законы и кодификации (последние могли быть также и частными). Появляется новая бюрократическая специализация – юристы, быстро занявшие во всех государствах весьма видное положение. В ряде случаев видные юристы, оставаясь частными лицами, получают от государства особые полномочия, именовавшиеся в Римской империи jus respondendi: они могли по запросу властей или даже частных лиц давать заключения по конкретным судебным делам или теоретическим правовым проблемам, и эти заключения имели обязательную силу для суда и для администрации. Этот метод создания и толкования правовых норм тоже быстро распространился и существует до сих пор в виде, например, *фетв* исламских улемов и раввинских *респонс*. Интересно, что, хотя суд намного старше, чем государство и право (он существовал, видимо, еще в первобытном обществе), в руки бюрократов он попал довольно поздно. Суд еще со времен первобытности был одной из тех прерогатив общины, за которую она держалась особенно упорно и которая перешла в руки государства лишь после долгой и упорной борьбы. Да и то не совсем и не навсегда: суд присяжных, получающий, несмотря на сопротивление бюрократии, все большее распространение, возрождает эту прерогативу общины (общества), в том числе и в нашей стране.

Этот краткий обзор основных направлений деятельности бюрократии в древности должен был бы стать введением к серии написанных специалистами очерков, посвященных конкретным культурам и эпохам, для чего, собственно, первоначально и создавался. Но пока это не получается, а одному человеку это не под силу (учебники по истории государства и права написаны, как правило, авторами, не имеющими прямого доступа к древним текстам, а ведь любой перевод с древнего мертвого языка, напомню, есть уже интерпретация). Следует еще раз подчеркнуть, что роль бюрократии в истории до сих пор еще не стала в отечественной науке предметом подробного исследования. Единственной (и очень хорошей) монографией, посвященной этой проблеме, совсем еще недавно была работа М.А. Дандамаева[18]. Но последователи у него появились только теперь, а пока что бюрократия привлекала лишь внимание журналистов. Хотелось бы надеяться, что эта проблема привлечет внимание историков и широкой публики и послужит началом дальнейших исследований.

IV

Слово «бюрократия» – греко-французский гибрид сравнительно недавнего происхождения, означающий «власть (государственных) учреждений» или, буквально, «власть канцелярского стола». Если следовать этой этимологии, начало бюрократии связано с началом письменности и, следовательно, с Ближним Востоком, где, как полагает большинство исследователей, и возникла первая в истории человечества настоящая письменность. О письменности в Месопотамии и о фазах ее развития подробно рассказано в недавно опубликованной во Франции книге[19], хотя о бюрократии там рассказано очень мало. Книга содержит зато грандиозную библиографию, знакомство с которой, как обычно, навевает на российского читателя грустную мысль: чего только у нас нет... И этой книги нет, и того журнала

[18] См. Дандамаев 1983.

[19] Charpin 2008. Русский перевод см. Шарпен 2009.

нет... Те перечисленные в ней работы, с которыми удалось познакомиться, показывают, что бюрократия намного старше, чем считалось до сих пор, и это нашло свое отражение в обобщающих работах последних лет[20]. Теперь мы вынуждены признать, что начало бюрократии уходит в доисторические времена, т.е. в эпоху, когда еще не существовало ни государства, ни письменности, но общество было уже гораздо более сложным, чем мы полагали еще совсем недавно. В сложно устроенном, да еще и крайне зависимом от международной торговли обществе древней Месопотамии учет и контроль – основные функции бюрократии – вызывают бюрократию к жизни и способствуют ее усилению. Главным средством учета и контроля является, конечно же, письменность, поэтому учетчики и контролеры (еще не бюрократы в строгом смысле этого слова) ее и создают, не понимая, как и во многих других случаях, как повлияет на все будущие времена это их изобретение. Рассмотрим эти события, очень важные для будущего всего человечества, несколько более подробно.

Из Месопотамии же до нас дошли и самые древние писаные законы, уже много лет являющиеся предметом занятий ассириологов и историков права[21]. Эти законы составляют самый большой корпус законодательных памятников до древнекитайского и римского права. Они дошли до нас в разной степени сохранности, многократно переводились на современные языки и комментировались, но до сих пор остаются предметом жарких дискуссий. Литература, запечатлевшая эти дискуссии, огромна и продолжает расти[22]. Из самого названия указанной выше работы видно, что даже сущность этих текстов не ясна до сих пор. Были ли это настоящие кодексы законов или примитивные «судебники», или даже вообще не юридические справочники, а сообщения богам и потомкам о том, какими мудрыми были их составители? Ведь очевидны их неполнота, их казуистичность, отсутствие у авторов этих текстов умения давать четкие формулировки... Однако для правильного ответа на все эти вопросы и даже для правильного формулирования самих вопросов необходимо учесть, что мы имеем дело с дотеоретической стадией развития права и что месопотамские юристы и вообще месопотамские грамотеи не питали склонности к теоретизированию.

Первыми в истории человечества теоретиками права были римские юристы, читавшие Платона и Аристотеля, хорошо знакомые с формальной логикой и с формулированием абстрактных понятий. Но ведь они и жили на многие сотни лет позднее. Месопотамские юристы делали свою работу «ощупью», как и месопотамские математики, таким же способом, не доказывая никаких теорем, нашедшие алгоритм решения квадратного уравнения. Они не знали азбучных для нынешних юристов требований к тексту закона, а тем более – к тексту кодекса законов, таких, как исчерпывающая полнота, систематичность и логика изложения, четкие и непротиворечивые термины, четкое формулирование всех положений и многое другое. Они полагали, что многие вещи «сами собой разумеются» или уже установлены обычаем, они не умели формулировать абстрактные юридические понятия, такие, например, как правоспособность, дееспособность, собственность, владение и т.п., не умели систематизировать правовые нормы. Если учесть все это, приходится

---

[20] См. Якобсон 2004, 34–56. См. также Edzard 2004; Selz 2005.

[21] Roth 1995.

[22] Здесь достаточно будет назвать одну работу очень авторитетного исследователя, содержащую также обширную библиографию (более новые работы будут названы по мере надобности): Renger 1994, 27–59.

признать, что они, тем не менее, достигли грандиозных успехов, и очень жаль, что мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем, как они это сделали и кто это сделал. Ясно только, что над такими текстами, как Законы Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) и среднеассирийские законы (XIII в. до н.э.)[23], работали целые команды искушенных правоведов, обладавших притом своей собственной методикой систематизации (с нашей точки зрения – наивной, но по-своему последовательной) и собственными взглядами на те или иные правовые коллизии[24].

Дошедшие до нас тексты законов и своеобразных учебников по составлению юридических документов охватывают период времени от III династии Ура до Нововавилонского периода и позволяют воочию увидеть развитие законодательной техники. Месопотамские бюрократы показали здесь себя с самой лучшей стороны. Наиболее общеизвестным деянием Хаммурапи являются его знаменитые Законы, окончательный вариант которых появился уже в конце его царствования. Они были широко известны и популярны на протяжении всей истории древней Месопотамии, считались образцом законодательства, и поэтому их переписывали вплоть до времени Парфянского царства. До нас дошло несколько десятков более или менее полных списков этого текста, среди которых центральное место занимает хранящаяся ныне в Лувре диоритовая стела с текстом Законов и изображением Хаммурапи перед богом Солнца и правосудия Шамашем. Текст написан древним уже во времена Хаммурапи типом клинописи, чем и подчеркивается вечный смысл этих Законов, а хорошие писцы умели читать очень древние уже в те времена тексты и писать столь же древними знаками. Такие же стелы были установлены по приказу Хаммурапи во всех крупных городах Вавилонского царства.

Луврская стела была увезена в качестве трофея эламитами в столицу Элама Сузы несколько веков спустя, во время одного из их набегов на Вавилонию. Там ее и нашли более ста лет назад французские археологи, а вскоре состоялась и публикация текста. Хотя о существовании этих Законов было известно и раньше благодаря обнаруженным табличкам, содержащим отрывки Законов, теперь в распоряжении ученых оказался почти полный их текст. К сожалению, часть текста стелы была стесана эламитами, вероятно, чтобы сделать на этом месте победную надпись, но своего намерения они почему-то не выполнили. Утраченный кусок текста удалось частично восполнить благодаря вновь находимым табличкам с фрагментами Законов. Эта работа продолжается, но полностью восстановить текст пока не удалось. Продолжается и работа по изучению и интерпретации Законов Хаммурапи, идут дискуссии о назначении этого текста и даже о том, действительно ли это законы или что-то другое. Разногласия в значительной степени объясняются особенностями текста Законов Хаммурапи: отсутствием в них ряда, казалось бы, обязательных положений, непривычной для современного юриста структурой Законов, их казуистичностью, отсутствием четкой формулировки общих принципов и т.д. Тем не менее можно считать, что Законы Хаммурапи представляют собой свод реально действовавших законов. А все недоумения объясняются тем, что мы здесь имеем дело, как уже сказано выше, с дотеоретической стадией развития права, когда еще не сформулированы его общие принципы и основные понятия. Кажущаяся неполнота объясняется тем, что многие вопросы решались не по закону, а по обычаю, а казуистичность может быть вызвана неумением вавилонян формулировать

---

[23] Русские переводы см. Дьяконов 1952, 3, 197–303; 4, 205–320.

[24] Новые переводы этих текстов, выполненные автором данной статьи, а также его комментарии к ним публиковались неоднократно.

абстрактные понятия (впервые, как уже сказано выше, это было сделано философами и законоведами античности).

Вместе с тем в Законах Хаммурапи обнаруживается четкая, хотя и совершенно отличная от принятой в наше время систематизация норм: они располагаются друг за другом по ассоциативному принципу. Текст Законов четко разделяется на три части. Первая из них – пролог, написанный нарочито архаическим языком и высоким стилем, напоминая скорее стихи. Здесь рассказывается о том, как великие боги во главе с Ану (отцом богов) и Эллилем (Энлилем, царем богов) вручили вавилонскому богу Мардуку «эллильство», т.е. верховную власть и навечно водворили для него царственность в Вавилоне (до этого царственность, как рассказывается в «Царском списке», время от времени перемещалась из одного города в другой). Затем они «назвали по имени», т.е. вызвали к жизни Хаммурапи, дабы он облагодетельствовал «черноголовых» (общее самоназвание шумеров и аккадцев). Далее перечисляются титулы, эпитеты и похвальные свойства Хаммурапи, облагодетельствованные им города и их боги-покровители, чью благосклонность он себе обеспечил заботой об их храмах. Перечень городов, куда попали все сколько-нибудь значительные в то время города Месопотамии, позволяет датировать окончательный текст Законов временем после завершения завоевательных войн Хаммурапи, т.е. последними годами его царствования. Хаммурапи при этом тщательно избегает каких-либо намеков на личную связь с каким-либо городом, кроме Вавилона, подчеркивая этим особое положение Вавилона и свое положение в качестве царя всей страны, царя Вавилонии, а не только Вавилона. В действительности, конечно, все это еще должно было устояться, должны были произойти соответствующие перемены в общественной психологии. До нас дошло письмо царя Мари, еще сохранявшего независимость, к Хаммурапи, только что завоевавшему Эшнунну: «Если граждане Эшнунны примут тебя, царствуй сам над ними, если не примут, поставь на царствование над ними одного из своих *мадарумов* (придворный чин. – *В.Я.*)»[25]. Таким образом, по-прежнему существует, по крайней мере в еще не забытом древнем обычае, право горожан «принимать» или «не принимать» царя, и об этом праве города вспоминали еще не раз в дальнейшем, что причиняло царям серьезные неприятности.

После пролога следует текст собственно законов, в оригинале делящийся лишь на строки и столбцы (колонки), как это обычно для клинописных текстов. Первый их издатель и переводчик через тысячи лет разделил эту часть текста на 282 пронумерованных «параграфа», как это принято в современных законодательных текстах. Хотя это деление не всегда удачно и к тому же является неоправданной модернизацией древнего памятника, оно стало традиционным и удобно для ссылок на текст, подобно изданиям Библии, оригинал которой тоже не содержит нумерации строк. Следует также помнить, что древнее право не знало деления на гражданское, уголовное, процессуальное и т.д. Тем не менее современный исследователь вынужден, описывая древнее право, использовать современную терминологию, о которой древние не имели ни малейшего представления, и это создает известные трудности для переводчика и для комментатора. С учетом всего сказанного можно, как и было предложено мною[26], разделить текст собственно законов на следующие части: 1. Основные принципы отправления правосудия (§ 1–5); 2. Охрана собственности царя, храмов, общинников и царских людей (§ 6–25);

---

[25] Dossin 1972, 53–63.

[26] См. История древнего мира 1989, 99–108.

3. Охрана имущества, получаемого за службу (§ 26–41); 4. Операции с недвижимым имуществом и правонарушения в этой области (§ 42–88); 5. Торговые и другие коммерческие операции и правонарушения в этой области (§ 89–126); 6. Семейное право (§ 127–195); 7. Преступления против личности (§ 196–214); 8. Движимое имущество и личный наем, а также правонарушения в этой области (§ 215–282).

Далее следует эпилог, объясняющий цели законодателя: «Дабы сильный не притеснял слабого, дабы сироте и вдове была оказываема справедливость...». Затем говорится, что человек, имеющий судебную тяжбу, может прийти к Стеле законов, потребовать, чтобы ему прочитали их текст, и найти нужный ему закон. Завершается Эпилог благословениями тому будущему правителю, который будет свято соблюдать эти Законы, и проклятиями тому, кто от них отступит.

Из текста Законов видно, что вавилонское общество делится на три сословия: свободных полноправных общинников (*авилум*), царских людей (*мушкенум*) и рабов (*вардум*). Слово «авилум» означает «человек» и происходит от общесемитского корня со значением «родич», «свой». Оно может употребляться также в значении «человек вообще, человеческое существо» и в значении «порядочный» или «знатный человек». Такой разброс значений иногда затрудняет понимание того или иного текста. Слово «вардум» означает «низведенный» (Месопотамия лежала ниже окружающих ее стран), т.е. «чужак», захваченный в плен чужестранец. Так же, впрочем, назывались и долговые рабы-соплеменники. Слово «мушкенум» означает «падающий ниц», т.е. «бьющий челом», прибегающий к покровительству царя и соответственно состоящий на царской службе. Положение этих людей было весьма различным: высшие слои царских людей были одновременно и авилумами, общинниками, имели наследственные и пожалованные царем земли, а низшие имели только маленькие служебные наделы или только натуральные пайки и, сохраняя личную свободу, на практике мало чем отличались от рабов.

Таким образом, между гражданским полноправием и рабством существовали многочисленные переходные ступени. Жизнь, честь и личная неприкосновенность мушкенума оценивались законом «дешевле», чем жизнь и честь авилума, но зато имущество мушкенума охранялось более строго: ведь оно было имуществом царя. Ряды мушкенумов пополнялись за счет людей, по тем или иным причинам «выпавших» из общины, например, вынужденных из-за долгов продать свой надел общинной земли. Замечательно, что это слово, как полагают, через посредство арабского языка вошло, почти не изменившись, в итальянский и французский языки, где и пребывает по сей день в значении «мелочный» < «бедняк», «бедняга». Служебный надел был чаще всего неотчуждаемым (например, у воинов-*редум*), а в некоторых случаях его можно было продать, но покупатель должен был принять на себя связанные с этим наделом обязанности. Что же касается рабов, то их положение ухудшилось по сравнению с предыдущим тысячелетием, но и теперь рабы сохраняют некоторые остатки правоспособности. Раб дворца или мушкенума мог вступить в брак со свободной женщиной, и дети от этого брака считались свободными – вопреки древнему обычаю, согласно которому ребенок от смешанного брака наследовал худшее из состояний своих родителей. Своих детей от рабыни-наложницы господин мог признать своими законными детьми со всеми правами, но и в любом случае после смерти господина такие дети и их мать получали свободу. Раб, оскорбивший авилума (или просто «человека»?) или оспаривавший свое рабское состояние, подлежал не произвольной расправе, но наказанию по закону. Долговое рабство и заложничество было ограничено сроком в три года, и это пра-

вило реально действовало. Наконец, рабы тогда еще не носили, как правило, знаков рабства, их накладывали только на строптивых и склонных к побегу рабов.

Должничество и долговая кабала были большим социальным злом. Товарно-денежные отношения в старовавилонское время были уже развиты довольно сильно, однако наличные «деньги», т.е. медь, серебро и тем более золото, найти было нередко затруднительно и приходилось искать кредитора. Кредиторами чаще всего были купцы, торговые агенты государства (*тамкары*), которые были государственными служащими, но одновременно вели различного рода коммерческие дела на свои собственные средства и на средства компаньонов. В каждом крупном городе существовали объединения таких купцов, именовавшиеся *карум* (пристань). Это были органы купеческого самоуправления, имевшие большое влияние в городах, а одновременно и своего рода центральные конторы, ведавшие взаимными расчетами между купцами и осуществлявшие безналичные платежи и переводы денежных средств. Тамкары занимались также откупом налогов и ростовщичеством. Поэтому слово «тамкар» и стало нарицательным для обозначения заимодавца, кем бы он ни был в действительности. Займы могли выдаваться в рост или без роста. Законы Хаммурапи устанавливают предельный размер роста в одну треть для займов натурой и одну пятую для денежных займов, в обоих случаях – независимо от срока. Устанавливаются также и некоторые льготы для должников.

Судебный процесс в Вавилонии был устным и состязательным. Дело возбуждалось по требованию заинтересованной стороны, и каждая сторона должна была сама доказывать свои утверждения. Основными доказательствами были документы и свидетельские показания, а также клятва во имя бога или царя и, наконец, ордалия – испытание рекой (существовали и другие виды ордалий, но о них, как, впрочем, и об испытании рекой, мы ничего не знаем). Протоколы судебных процессов не велись, но некоторые важнейшие их этапы (например, принесение клятвы сторонами или свидетелями) могли фиксироваться письменно. Судьями были представители общины, а суд над царскими людьми осуществляли царские чиновники. В случае необходимости дело могли рассматривать и смешанные составы суда. Вынесенное судебное решение считалось окончательным и подлежало немедленному исполнению. Известны случаи наказания за сутяжничество. Царь, вопреки широко распространенному мнению, не был «верховным судьей», никогда не пересматривал судебные решения, а лишь следил за правильным и своевременным отправлением правосудия.

Древняя Месопотамия, т.е. территория между реками Тигр и Евфрат, более или менее соответствующая территории нынешнего государства Ирак, заселялась оседлыми земледельцами (особенно в южной ее части) сравнительно поздно, ибо являлась местом весьма неприветливым. Совершенно плоская (кроме северо-западной части) равнина, образованная речными наносами, была прорезана руслами двух великих рек, часто менявших свое течение и оставлявших ответвления или старицы. Весной эти реки разливались сокрушительными наводнениями, становившимися еще более страшными, если южный ветер нагонял воду из Персидского залива. Недаром самый старый и самый подробный миф о Потопе дошел до нас из Месопотамии. Реки эти не впадали тогда в Персидский залив единым руслом, как ныне, а имели отдельные устья. Сам же залив был тогда гораздо более обширным и простирался на север примерно на полторы-две сотни километров дальше, чем сейчас (за прошедшие тысячелетия его отодвинули к югу и соединили Тигр и Евфрат в общее русло речные наносы). Основная часть равнины была занята озерами, болотами, кустарниками и мелколесьем, а в северо-западной части – степью.

Все эти местности изобиловали москитами, разносившими болотную лихорадку, а также очень опасными животными – ядовитыми змеями, львами, леопардами, дикими быками. Так что первые поселенцы пришли сюда, как и в долины других великих рек субтропического и умеренного климата, скорее всего, не от хорошей жизни. Но земля в Месопотамии была исключительно плодородной при условии регулярного искусственного орошения, а на севере можно было обходиться даже и без него.

Эти две части Месопотамии (граница между ними проходит примерно по широте Багдада) историки часто называют Вавилонией (юг) и Ассирией (север), не смущаясь даже явной анахроничностью таких названий для периода старше II тыс. до н.э. Искусственное орошение в Месопотамии, в силу особенностей здешних рек и в отличие от Египта, требовало очень больших трудовых затрат, четкого планирования и постоянного надзора, малейший недосмотр мог погубить урожай на огромной площади, почему Законы Хаммурапи и предусматривают крайне суровые наказания за недостаточно тщательный уход за каналами, плотинами и водохранилищами. А сознательное их повреждение было делом почти немыслимым и потому в этих законах даже не упоминается, как и умышленное убийство или черная магия: все эти преступления карались на основе обычая, и по поводу таких злодеяний существовало полное единство мнений, в Законах же говорится лишь о ложном обвинении в убийстве или колдовстве. Планирование ирригационных работ, а также надзор и уход за сооружениями и требовали соответствующей организации, т.е. некоего бюрократического аппарата.

Но была у Месопотамии еще одна очень важная особенность, тоже делавшая необходимым возникновение и развитие бюрократии. В отличие от всех других древнейших культур Месопотамия не имела на своей территории или поблизости от нее никаких полезных ископаемых, кроме глины и битума, ни металлов, ни строительного или поделочного камня, ни строительного или поделочного леса (в том числе дерева, пригодного для изготовления луков), ни даже достаточного количества дров, чтобы делать обожженные кирпичи в сколько-нибудь значительном количестве. Все это необходимо было импортировать, а такой масштабный импорт в индивидуальном порядке, разумеется, невозможен, он, по определению, должен быть централизованным (оптовым). А следовательно, централизованным (и оптовым) должен быть и экспорт, которым оплачивается этот импорт. Иными словами, необходимы были крупное товарное производство, поддерживаемое притоком продукции мелких производств, вывоз этих товаров и сбыт их в других странах, закупка товаров для импорта, ввоз их в Месопотамию и перераспределение их в различных слоях населения. Все это требовало разветвленной организации или множества взаимодействующих организаций и привлечения туда людей не только деловых и грамотных, но и отважных, ибо ремесло странствующего купца было тогда, вероятно, не менее опасным, чем ремесло воина. Поэтому не стоит удивляться превращению, например, Ашшура из города купцов в город грозных завоевателей, наводивших ужас на весь Ближний Восток. Именно такие люди и начали именно тогда создавать ту экономическую и культурную глобализацию, по поводу которой идут такие ожесточенные дискуссии сегодня.

Участники этих дискуссий (и те, которые «за», и те, которые «против») не всегда отдают себе отчет в том, что глобализация, т.е. развитие и оптимизация экономических и культурных взаимоотношений, есть столь же необходимый атрибут рода человеческого, как прямохождение, мышление, орудия, речь, письменность (со всеми приносимыми ими благами и бедствиями)... Ведь даже во времена палео-

лита и тем более неолита камень, пригодный для изготовления орудий (это были прежде всего кремень и обсидиан, т.е. вулканические и горные породы), имелся далеко не везде и не имелся именно там, где первобытному человеку было всего удобнее жить, охотиться и собирать съедобные растения. Так что для его приобретения необходима была торговля (обмен). Медь (самородная или в виде достаточно богатой руды) встречается куда реже, чем такие камни, а пригодные для тогдашних примитивных методов разработки месторождения олова, без которого невозможно изготовление бронзы, на Земле можно сосчитать по пальцам одной руки, почему уже в ранней древности торговые пути этих металлов простирались на огромные расстояния по суше и по морю. Не надо только представлять себе караваны, отправлявшиеся за тысячи километров: у них не было бы никаких шансов дойти до цели и еще меньше шансов вернуться живыми с товарами. Торговля была посреднической, товары проходили через множество рук, и дороги купцов были соответственно гораздо более короткими, но все равно очень опасными. Наконец, необходимо напомнить, что усложняющееся общество, точнее его верхушка, нуждались, помимо абсолютно незаменимых металлов и рядовых товаров, также и в престижных товарах для личного потребления и для отправления религиозных культов, а золото и серебро, будучи носителями престижа, являлись также и универсальным средством обмена, т.е. мировыми деньгами (еще одно важнейшее изобретение, видимо, все тех же грамотеев!).

Посредством международной торговли в Месопотамию поступали золото и сердолик из Индии, олово и лазурит из Афганистана, древесина из Ирана и, позднее, из Сирии и Ливана, серебро, свинец и, возможно, метеоритное железо из Малой Азии, медь из Омана и, позднее, с Кипра транзитом через Финикию. Все эти товары проходили через множество посредников, но и сами месопотамские купцы совершали довольно далекие путешествия – вряд ли, впрочем, в Афганистан или тем более в Индию, во всяком случае не по суше (однако шумерские эпические поэмы упоминают о взаимосвязях с Араттой – таинственным городом, который, как полагают исследователи, реально существовал где-то на крайнем юго-востоке Ирана или даже на крайнем северо-западе Индии[27]). Необходимо также отметить, что наряду с торговлей существенное количество товаров обменивалось в качестве дипломатических даров. Тот вызывающий недоумение факт, что Египет упоминается в клинописных источниках лишь с XIV в. до н.э., объясняется, скорее всего, тем, что Египет долгое время почти не вел внешней торговли и почти не расширял свою территорию, имея практически все нужное на своей территории или рядом с ней, правда, кроме олова и серебра. Вероятно, именно поэтому Египет вступил в бронзовый век намного позже других ближневосточных культур. Но, надо заметить, Египет появляется в вышеупомянутых источниках не как новость, а как нечто вполне известное и привычное. А шумерские купцы, которые были служащими правителя или храма, делились на сухопутных (они назывались dam-gàr, это шумерское слово было заимствованием из аккадского языка и означало «торговец» или скорее «негоциант», а в аккадском также «заимодавец», «кредитор») и купцов-мореплавателей (ga-eš, этимология этого слова неизвестна, оно, в свою очередь, было заимствовано из шумерского в аккадский). Состоя на службе и отчитываясь

[27] Недавно, впрочем, появилась книга (Mittelmayer 2009), где весьма убедительно доказывается, что Аратта – это столица соседнего Элама Суза. Мне и самому всегда казалось, что путешествие каравана или даже военного отряда через весь Иран и благополучное его возвращение в середине III тыс. до н.э. – дело очень мало вероятное.

перед правителем и храмом, т.е. принадлежа к бюрократии, они, тем не менее, вели свои дела на свой страх и риск[28].

Но так обстояло дело в Раннединастический период, от которого до нас дошли письменные документы. Для более раннего периода (Урук IV), где мы можем опираться лишь на археологию, были недавно обнаружены удивительные находки, определенно принадлежащие к месопотамской культуре, но расположенные в Иране, Сирии, Финикии, Малой Азии и даже Нильской дельте поселения, которые ныне считаются торговыми колониями Месопотамии (или непосредственно Урука)[29]. Иногда говорят даже о доисторической «империи Урука». Так или иначе, создание столь многочисленных и нередко довольно значительных по размерам поселений так далеко от «метрополии» несомненно говорит о высоком уровне организации и, следовательно, о существовании бюрократии. О том же самом свидетельствует повсеместное и практически одновременное их исчезновение: большая часть из них была покинута населением, и лишь немногие носят следы нападения извне. Иначе говоря, похоже, имела место одновременная «эвакуация» по приказу из некоего центра. При этом не существует никаких археологических данных из собственно Месопотамии, которые позволяли бы думать о каком-то внутреннем кризисе, приведшем к свертыванию внешней торговли. Остается, следовательно, предполагать, что произошли какие-то крупные изменения в направлениях торговых путей или в организации торговли[30], например, переход от прямых контактов к посреднической торговле. Нам же необходимо еще раз подчеркнуть: все это вместе взятое свидетельствует о существовании сложно организованного общества и бюрократии (аппарата управления) до изобретения письма. Но вместе с тем мы имеем возможность проследить само возникновение письма, причины его возникновения и этапы его развития.

Главной причиной этого феномена была в Месопотамии очень рано возникшая необходимость организованного перераспределения производимых и импортируемых продуктов и сырья и проистекающая отсюда потребность в учете и контроле, а также в создании средств для предотвращения возможных (уже тогда) злоупотреблений. Единственным таким средством была фиксация тем или иным надежным и не допускающим несанкционированных «поправок» способом количества, качества и наименований учитываемых ценностей, а также и имен лиц, ответственных за те или иные конкретные трансакции. Решением второй из этих задач явилось изобретение личных печатей сначала в виде каменных штемпелей, а затем в виде каменных же цилиндриков, на боковой поверхности которых вырезались углубленные зеркальные изображения (иногда целые сцены) и символы, а позднее и письменные знаки, в том числе имя и титул обладателя этой печати. Прокатывая такой цилиндрик по сырой глине или размягченному воску, получали выпуклое изображение в нормальном ракурсе[31]. Такую цилиндрическую печать просверлива-

---

[28] Подробно все это рассмотрено в еще не опубликованной магистерской работе Р. Орешко, выполненной в 2006 г. на кафедре истории древнего Востока Восточного ф-та СПб ГУ.

[29] Подробнее об этом см. Nissen 1995, 473–490. Статья содержит также обширную библиографию.

[30] Подробнее см. Algaze 1903.

[31] Интересно, что на египетских печатях вырезались не имена их обладателей, а названия их учреждений, чем и подчеркивалось, что это – именно государственная, а не личная печать. Это, в свою очередь, говорит о более важной роли государства в Египте. См. Богданов 2009, 18–45 (с обширной библиографией). И.В. Богданову я сердечно благодарен также за консультации.

ли вдоль оси цилиндра и пропускали через отверстие шнурок, чтобы должностное лицо могло носить свою печать на шее как знак своей должности, как «факсимиле» своей «подписи», как украшение и, вероятно, как амулет. А иной раз даже и как оружие: увесистый камень на прочном шнурке можно было, в случае надобности, использовать как кистень. Именно так, по преданию, был убит своими вельможами один из царей Аккада (III тыс. до н.э.). Размеры, качество работы мастера-резчика и ценность материала такой печати тоже были своего рода знаками различия, а менее важные лица пользовались «ширпотребом» – небольшими, простенькими печатями из дешевого, мягкого камня. Материалом же, на котором фиксировалась отчетная информация, было единственное имевшееся в Месопотамии в изобилии полезное ископаемое – глина. Этот материал был очень дешевым и не боялся ни огня, ни гниения, чем и объясняется огромное и непрерывно растущее вследствие легальных и, к сожалению, нелегальных раскопок количество дошедших до нас клинописных текстов. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, возможно, что все это возникло первоначально в Эламе, т.е. в Юго-Западном Иране, в стране, принадлежавшей к тому же самому культурному кругу. Не исключено, что вопрос о приоритете будет еще пересматриваться на основе новых археологических находок, но в реальной действительности он не имел никакого практического значения, поскольку первоначально этот способ хранения информации, как уже указано выше, никак или почти никак не зависел от конкретного языка и очень скоро стал применяться на Ближнем Востоке повсеместно[32], а впоследствии даже и в Египте. Здесь клинописная писцовая школа существовала в амарнскую эпоху при Ведомстве иностранных дел.

В самом кратком описании первые памятники бухгалтерского учета представляли собой сделанные из глины или иногда из мягкого камня схематические изображения или символы предметов учета – крупного и мелкого скота (одну голову или, символически, некоторое определенное число голов скота), сосудов или иных вместилищ (керамических изделий, бурдюков или корзин определенного типа и объема, содержащих установленное количество определенного жидкого или сыпучего продукта). Иначе говоря, это были, в некотором смысле, именованные числа, только обозначавшие не объем сосуда, а его содержимое и количество этого содержимого (объем, а не вес, даже если речь шла о зерне). В современной науке эти изображения и символы называются «жетонами» (tokens). Жетоны, относящиеся к одной хозяйственной операции, помещали внутрь глиняного шара («буллы»), а для сохранности содержимого на поверхности буллы прокатывали цилиндрические печати всех контрагентов данной операции или только главного ответственного лица. Печати применялись также для опечатывания складских помещений, сосудов и плетеных корзин. Понятно, что пересчитать содержащиеся в булле жетоны без разрушения самой буллы и оттисков печатей на ней было невозможно, поэтому реальный пересчет производился лишь в особых случаях (при ревизии?), а для текущего учета на поверхности буллы рисовали, вернее, процарапывали на сырой глине изображения жетонов в соответствующем количестве; позднее были изобретены абстрактные знаки для цифр. Этими цифрами записывали необходимые числа, пользуясь позиционной десяти-шестидесятеричной системой, но еще без нуля. Такая позиционная система записи чисел долгое время оставалась единственной в своем роде и наиболее совершенной до появления новой десятеричной

[32] Подробно об этом см. Englund 1998, 15–236.

системы (тоже без нуля), которую превзошли только индусы, придумав нуль тысячелетия спустя. Превращение символических рисунков в настоящую письменность заняло еще много времени. Видимо, было замечено, что рисунки на поверхности буллы делают жетоны излишними, а если обходиться одними рисунками, то удобнее наносить их на плоскую поверхность. Так появилась табличка. И рисунок оказалось гораздо удобнее и быстрее не процарапывать на глине, а составлять его из штрихов, получающихся при нажиме ребром наклонной трехгранной палочки на поверхность таблички. Эти вдавленные штрихи имели форму клинышков разной длины и ориентации, а различные комбинации из таких клинышков заменили рисунки. С течением времени эти комбинации становились все более простыми и абстрактными, не имеющими, в конце концов, ничего общего с изображением. Детали этого процесса остаются до сих пор предметом споров, но исследовательница, изложившая первоначальную общую схему, вокруг которой и идут споры, конечно заслуживает признательности[33].

Применительно к нашей конкретной теме нас больше всего интересует внутренняя история этой письменности. Многое здесь более или менее ясно. На первых порах, как уже сказано выше, это нарождающееся письмо почти никак не зависело от реального языка. Но, например, если возникла надобность указывать в документе имена и должности, а также удостоверяемые этим документом действия, т.е. записать глагол в соответствии с видом, временем, лицом и числом и вообще правильно указать подлежащие (род, число, падеж) и сказуемые, а также и прочие члены предложения и части речи, то задача, на первый взгляд, является для большинства языков неразрешимой. Не поможет даже сильное увеличение количества используемых знаков: необходимые для этого суффиксы и префиксы, а впоследствии также инфиксы изобразить символически невозможно (понятно, что все это не относится к так называемым аналитическим языкам, например к китайскому). Гениальным выходом из положения было использование «ребусного принципа». В шумерском языке очень много односложных слов-омонимов, которые, весьма вероятно, различались по тональности, как в китайском языке. Первоначальные знаки могли придумать и носители какого-либо другого языка, но «ребусный принцип» можно с успехом применять только в шумерском. Иначе говоря, можно понимать знак не как слово, а как абстрактный комплекс фонем, обозначающий любое слово, более или менее созвучное тому, которое этот знак первоначально изображал (т.е. любой омоним), или как часть слова – слог либо сходно звучащий грамматический формант (суффикс или как префикс). Таким же способом можно, в принципе, написать любое слово, имеющее более одного слога или обозначающее абстрактное понятие, которое невозможно или очень трудно изобразить графически.

Для большей ясности была также придумана система детерминативов – знаков, определяющих класс понятий, к которому относится отмеченное детерминативом слово (детерминативы пишутся перед определяемым словом или – реже – после него). Все это дало возможность приспособить клинопись к другим языкам, для которых клинописные знаки используются в основном как слоговые и значительно реже – как смысловые или словесные (идеограммы). Клинописью писали, кроме шумерского, на аккадском (он стал также своего рода международным дипломатическим, а может быть, и не только дипломатическим языком в Передней Азии), урартском, хаттском (протохеттском), хеттском, хурритском, эблаитском и элам-

[33] См. Schmandt-Besserat 1992.

ском языках. Почти все эти языки, за исключением аккадского и эблаитского, а также хурритского и урартского, не родственны между собой, т.е. принадлежат к разным языковым семьям. Фонетические различия этих языков создавали, конечно, затруднения, но зато и увеличивали возможности «ребусного» использования знаков клинописи в качестве слоговых. В конечном счете возникла система клинописи из примерно шести сотен знаков, каждый из которых имел до десятка (а нередко и более) словесных (идеографических) и слоговых (фонетических) значений. Если учесть, что до изобретения словоразделов древние так и не додумались и что читать такие тексты методом простого перебора всех возможных значений каждого знака и всех их возможных сочетаний означало бы безнадежно застрять на первых же знаках (два таких знака могут теоретически вместе позволять сотню или больше прочтений), то нельзя не восхититься работой древних писцов (т.е. бюрократов) над орфографическими принципами и правилами, которые и делают чтение и однозначное понимание клинописи возможным. Правила и принципы эти, равно как и стилистика, неукоснительно соблюдались на огромных территориях Ближнего Востока практически повсеместно и почти до самого конца клинописной культуры (в качестве отрицательного примера можно привести разве что захолустную хурритоязычную Аррапху, откуда до нас дошли тексты на очень плохом аккадском языке, естественно, очень трудные для понимания). А если правила и менялись, то практически одновременно повсюду, где бытовал данный язык. Таким образом, приходится признать, что были (где?) некие «центры писцовой премудрости», пользовавшиеся непререкаемым авторитетом без всякой политической власти, и повсеместно существовали школы (даже в самых ранних клинописных памятниках, как уже сказано выше, отчетливо заметны далеко зашедшая стандартизация и жесткая выучка), а также некая солидарность образованных людей, их общая идеология, общий письменный этикет (правописание, стилистика и тематика) и общий фольклор, так сказать, для внутреннего употребления. Например, увещевания, адресованные нерадивым школярам в Египте и в Шумере, нередко совпадают почти дословно, однако не имеют аналогов за пределами Ближнего Востока. К сожалению, мы почти ничего не знаем о том, как все это реально жило и функционировало. Как и по другим отраслям знания, не существовали или до нас не дошли никакие теоретические трактаты по грамматике, стилистике и правописанию, одни только практические пособия, но кто-то же их составлял и распространял... Авторы этих пособий нам неизвестны, как неизвестны и города, где они жили и работали, но сами пособия копировались и дополнялись затем на протяжении тысячелетий и дошли до нас от всех периодов истории древней Месопотамии. Они предназначались для нужд школьного обучения, и самые ранние из них представляли собой списки слов и образцы правильного написания этих слов, а также стилистические образцы (например, письмовники). Сами слова относились к различным предметам, явлениям и понятиям, например: Списки чинов, должностей и профессий; Список металлов; Список разновидностей дерева; Список видов скота; Список видов рыб; Список птиц; Список растений; Список сосудов; Список географических названий и т.п., включая Список богов и Список храмов. Принципы составления этих Списков не всегда понятны, и, по мнению Г. Зельца[34], совокупность Списков выражает собой древнейшие представления о миропорядке и, тем самым, важнейшие стороны культуры.

[34] Selz 2005, 27.

К этим текстам примыкают школьные таблички – упражнения в копировании прописей и письме под диктовку. Они показывают также, что уже имелись представления о каллиграфии: письмо должно быть не только понятным, но и красивым. Дошедшие до нас в довольно значительном количестве деловые документы позволяют заключить, что уже складываются стандартные формуляры различных видов документов, что уже существуют сложные системы стандартных мер и весов (пока еще различные в разных общинах и государствах) и способы датировки документов, например, по годам правления местного правителя, по важнейшему событию года или по имени чиновника-эпонима, чему способствует существование довольно сложного солнечно-лунного календаря с применением «високосных» месяцев для компенсации неизбежно возникающего расхождения с реальностью, и все перечисленное – тоже достижения бюрократии. Разумеется, такой календарь тоже изобрели грамотеи.

Что же касается Списка чинов и должностей, то он зафиксировал самоназвания, которыми бюрократы обозначают сами себя. Список этот длинен и разнообразен, все предлагаемые в наше время переводы этих названий более или менее условны. Но о них можно сказать следующее: 1. Семантика этих титулов (в тех случаях, когда она понятна) сводится чаще всего к значениям типа «смотритель», «надзиратель», «надсмотрщик», «инспектор», но иногда и просто «начальник»; 2. В составных (т.е. состоящих из нескольких знаков) идеограммах, обозначающих эти слова, часто содержится знак с семантикой «палка» и «бить». Этот знак – его фонетическое (слоговое) значение «па» – содержится даже и в титуле правителя города-государства *энси*, почему его и читали раньше как *патеси*. Ранговые значения всех этих титулов (кроме нескольких самых высоких) установить пока (а скорее всего, и вообще) не представляется возможным. По этой причине невозможно также определить cursus honorum или, попросту говоря, карьеру того или иного конкретного лица, тем более, что один и тот же человек мог иметь несколько должностей и соответственно титулов.

Но есть титул, не содержащий вышеуказанных семантик и графических компонентов, собственно, даже не титул, а функция, как полагают многие исследователи, и он представляется несколько загадочным. Это – шумерское maškim, этимология его непонятна, аккадское соответствие – rābiṣu со значениями, судя по контекстам, «помощник», «заместитель», «представитель», «наблюдатель» и даже «адвокат» (на английский его обычно переводят термином с очень расплывчатым значением: the commissioner). Встречается он в разные времена и в самых разнообразных контекстах, и в чем именно состоит его функция, пока непонятно. Но похоже, что функция этого человека в ряде случаев состоит в удостоверении тех или иных фактов, т.е. сильно напоминает роль нотариуса или по меньшей мере заслуживающего особого доверия свидетеля (т.е. опять-таки семантически связана с глаголом «смотреть», хотя из известных значений соответствующего аккадского корня сюда подходит только значение «подстерегать»). Не случайно этим же словом обозначается некая разновидность злых демонов, но так же называют и неких демонов-покровителей. В чем именно состоит злотворная или благотворная деятельность этих демонов, неясно, но можно предположить, что речь идет о демоне-свидетеле или скорее соглядатае. Интересно и загадочно также слово, стоящее в начале Списка – nám-éšda. Предположительно оно переводится как «king(ship)», но встречается лишь в самых ранних текстах и лишь однажды – в тексте, относящемся ко II тыс.

до н.э.[35] Возможны и другие прочтения, но убедительная этимология не получается. Может быть, за этими знаками скрывается титул вождя, место которого занимают впоследствии *энси* и *лугаль*. Но важнее всего тот факт, что список различного рода администраторов существует еще до того, как возникает государство. Он и создан был для этих администраторов как пособие для составления документов и, разумеется, для нужд школы.

Как уже было сказано в начале данной статьи, возникновение бюрократии – неизбежный и необходимый феномен общества, превращающегося в государство и уже ставшего государством. В истории, как и в физике (и это тоже было отмечено), выигрыш в одном означает неизбежную потерю в другом, и все дело в том, каково соотношение выигрыша и потери. В истории, однако, бюрократия вынуждена бороться сама с собой, чтобы если не устранить, то хотя бы минимизировать потери. И делать это она может только бюрократическими средствами и методами.

V

Два главных зла, приносимых бюрократией, это, во-первых, ее непомерный рост, вызывающий рост общественных расходов на ее содержание, а во-вторых, засилье бюрократии и связанные с этим злоупотребления. Документы Раннединастического периода Шумера содержат интересные сведения обо всем вышеперечисленном, дошедшие до нас из крупного номового государства на крайнем юго-востоке Месопотамии – Лагаша (необходимо иметь в виду, что другие номовые государства этого периода месопотамской истории могли быть и, скорее всего, были устроены иначе, хотя это обстоятельство часто оставляют без внимания). Последним раннединастическим правителем этого государства был некто Уруинимгина (другие возможные чтения этого имени – Урукагина, Ирикагина и Ириинимгина)[36]. Этот человек, похоже, не принадлежал к правящей династии и пришел к власти вопреки уже сложившемуся обычаю наследования власти по отцовской линии, воспользовавшись древним обычаем избрания правителя народным собранием. На следующий год он провел в Лагаше реформы, о которых и рассказал в своих надписях[37]. Важно подчеркнуть, что подобные реформы проводились и раньше (например, Энметеной), но сведения о них очень скудны. Однако из этого как раз и следует, что предыдущие реформы были неэффективны. Как показала дальнейшая история Месопотамии, и все последующие реформы этого рода тоже оказались неэффективными, однако имели очень важные последствия.

По своей форме текст «Реформ Уруинимгины» в значительной степени повторяет строительные надписи, но по содержанию сильно от них отличается. Уруинимгина сообщает, что, следуя повелению верховного бога своего нома Нингирсу, он принял меры к устранению злоупотреблений и вообще к тому, чтобы богатый не притеснял бедного, а сильный – слабого, и чтобы сирота и вдова не были отданы во власть важных персон. Этот лейтмотив защиты слабых от сильных повторяется затем в различных вариантах на протяжении многих веков и получает дальнейшее развитие в египетских текстах и в речах библейских пророков. Шумерские тексты этого времени очень трудны для понимания, но текст «Реформ» принадлежит к числу самых трудных. Поэтому перечень злоупотреблений и принятых контрмер не полностью понятен. Но можно с уверенностью утверждать, что почти все пе-

---

[35] См. Wilcke 2007, 19.

[36] Основные издания текстов из раннединастического Лагаша: Bauer 1972; Steible 1982.

[37] Steible 1982, 266–324.

речисленные злоупотребления исходят от властей (в том числе высших) и от чиновников всех рангов. Предшествующие правители присоединили к своим хозяйствам хозяйства богов (т.е. храмов): поля, рабочий скот и инвентарь. Чиновники же (очевидно, подражая правителю) распоряжаются вверенным им имуществом как своим собственным. Кроме того, они превышают свои полномочия, безмерно увеличивают обычные поборы, в том числе расходы на погребение[38], взимая их деньгами, а не натурой (что создает большие трудности для небогатых людей) и принуждают своих подчиненных уступать начальству свое имущество за бесценок. Особо упоминаются бесчинства *машкимов* (см. выше), а также нарушения некоторых моральных норм(?) и преступления: двоемужество(?)[39], воровство, побои, заточение в тюрьму (произвольное?) и т.п.

Все эти злоупотребления Уруинимгина отменяет, восстанавливая, таким образом, прежний, правильный порядок. Поэтому, хотя в современной науке рассматриваемый текст носит название «Реформы Уруинимгины», речь в нем идет о реставрации старых порядков. Родоплеменной строй еще живет в сознании и даже в подсознании рядовых общинников, бюрократии и самого правителя и проявляется в виде попыток возвращения «прежних справедливых порядков». Это можно увидеть и в других обществах, принадлежащих к совсем иным культурам, например, в истории братьев Гракхов в Древнем Риме. Их тоже называют в учебниках реформаторами, чуть ли не революционерами, но в действительности и они были реставраторами. И, как все реставраторы, потерпели неудачу. Подобного рода акты, хотя и не столь всеобъемлющие, издавались месопотамскими правителями на протяжении всей дальнейшей истории древней Месопотамии. По-шумерски они назывались ama-r gi («возвращение к матери», т.е. «возвращение к началу», «возвращение в первоначальное состояние»), а по-аккадски – andurārum («освобождение»), а также mīšarum («исправление», «восстановление», «правда», «справедливость»). Согласно этим актам, долговые рабы получали свободу, аннулировались займы в рост, а проданные земли возвращались к прежним владельцам. Иногда устанавливались и другие виды «освобождения», например освобождение от уплаты пошлин.

Все эти акты имели общее официальное название «Установление справедливости» (точнее было бы сказать «восстановление») и издавались каждым царем при восшествии на престол, а затем, по мере надобности, раз в семь–десять лет. Все это очень похоже на библейские «юбилейные годы», с той лишь разницей, что библейские «юбилеи» происходили регулярно каждые семь лет. Еще раз отметим: поскольку надобность в восстановлении справедливости возникала снова и снова, эффективность этих указов была, следовательно, очень мала и в любом случае недолговечна. К тому же другие месопотамские бюрократы или во всяком случае сведущие люди начали изобретать хитроумные способы нейтрализации всех этих законодательных мероприятий. Например, при выдаче займа его оформляли как заем без роста (его называли «благодеяние», и такие займы не аннулировались), но в долговой расписке записывали сумму, на одну пятую большую, чем реально выданная, т.е., скажем, вместо реально полученных должником пяти денежных

---

[38] Возможно, однако, что речь идет о борьбе с чрезмерными расходами на погребение – феномене, имевшем широкое распространение в архаических обществах. О ранней Месопотамии см. Cohen 2005 и мою рецензию на эту книгу: ВДИ. 2009. № 3, 216–218.

[39] По поводу этого пункта дебаты продолжаются. Наиболее вероятным представляется толкование, согласно которому речь идет о запрете вдовам вступать в новый брак (т.е. о защите интересов детей от первого брака). Но есть и веские возражения.

единиц писали шесть (одна пятая – нормальный тогда размер роста для денежных займов, а для займов натурой – одна треть). Эти ухищрения были скоро замечены и запрещены под страхом сурового наказания, но попробуй, докажи... Однако среди сохранившихся долговых расписок «без роста» имеется подозрительно много сумм, кратных шести, т.е. почти наверняка подложных.

Все древние общества вели отчаянную борьбу с величайшим общественным злом – долговой кабалой. Все они в этой борьбе потерпели сокрушительное поражение, кроме античных полисов Греции и Италии, которым удалось-таки долговую кабалу запретить. К числу тех, кому это не удалось, принадлежит и Месопотамия. Но необходимость постоянного переписывания «Указов о справедливости» с учетом сохранения их основных принципов и необходимость откликаться на злобу дня позволили месопотамским бюрократам-правоведам создать первые на земле (во всяком случае первые из дошедших до нас) законодательные системы[40]. Их трудно сравнивать с вышеупомянутыми «Указами», ибо последних до нас дошло по понятным причинам очень мало: их действие ограничивалось небольшим сроком, а потому и копий этих текстов существовало с самого начала немного, да и те сильно повреждены. Мы располагаем лишь тремя плохо сохранившимися экземплярами трех «Указов», относящихся к Старовавилонскому периоду[41]. По своему содержанию они совпадают лишь частично, из чего следует сделать вывод, что «Указы» откликаются как на перманентные проблемы общества и экономических отношений, так и на конкретную злобу дня (например, в связи с накопившимися недоимками по платежам в пользу государства). Можно полагать, что государственная бюрократия при подготовке очередных «Восстановлений справедливости» все глубже вникала в беспокоящие государство проблемы и одновременно отрабатывала юридические формулы для документов и законов. Форма документов и употребляемый при их составлении словарь терминов все больше стандартизируются, что, между прочим, помогает современным исследователям (и, вероятно, помогало древним писцам) понимать во многих случаях содержание даже и поврежденных документов. Но, пожалуй, самым крупным достижением месопотамской (да и вообще древней) бюрократии было изобретение и совершенствование законов.

БЮРОКРАТЫ И КУЛЬТУРА

I

Необходимо иметь в виду, что мы не можем определенно указать рубеж, отделяющий вождество (или вообще догосударственный период) от государства, да такого рубежа почти никогда и не было, переход был, как правило, постепенным и занимал длительный период времени. В качестве некоей условной границы можно указать лишь возникновение законодательства, поскольку выше было уже отмечено, что появление писаного права, заменяющего или дополняющего обычай, можно рассматривать в некотором смысле как конституцию новорожденного государства[42].

---

[40] См. A History 2003.

[41] Эдикт царя Самсуилуны (седьмой царь I Вавилонской династии, 1749–1712 гг. до н.э.): Kraus 1984, 152–157; эдикт царя Абиэшуха (восьмой царь I Вавилонской династии, 1711–1684 гг. до н.э.): Kraus 1984, 160–163; эдикт царя Аммицадуки (десятый царь I Вавилонской династии, 1646–1626 гг. до н.э.): Kraus 1984, 168–163.

[42] Проблемам возникновения государства и законодательства посвящены следующие работы автора данной статьи: Якобсон 1989; 1997; Jakobson 1993.

Государство, т.е. совершенно новый тип организации общества, должно рассматриваться как человеческое изобретение, сделанное, как и все предшествующие, методом проб и ошибок, ощупью, подобно другим великим изобретениям, которые превратили в свое время некую популяцию гоминидов в общества людей: изготовление каменных орудий, керамики, использование огня, ткачество. Это изобретение, как и все последующие, начиная с письменности, заимствовалось другими обществами, почему мы и предлагаем делить государства древности на первичные (возникшие в результате внутреннего развития) и вторичные (возникшие не только в результате внутреннего развития, но и в результате заимствования идеи государства у соседей). Это разделение не является оценочным (т.е., к сведению «антинорманниастов», не подразумевает «второсортности» вторичного государства), но важно в методологическом отношении: вторичные государства ничуть не хуже первичных, но имеют свои особенности, которые, как уже сказано выше, необходимо учитывать. Необходимо также учитывать, что государство, как человеческое изобретение, есть явление культуры и потому неизбежно противостоит общине, которая есть прямое продолжение стаи, т.е. явление природы (социологам следовало бы учитывать эти различия). Примерно так же социальные различия (культура) противостоят отношениям физического доминирования (природа) и берут верх над ними (т.е. власть достается не самому сильному, а самому популярному, самому харизматичному или имеющему особые права), а брак и парная семья (со всеми относящимися сюда обычаями и законами, т.е. культурой) берут верх над такими же отношениями в области размножения.

Можно было бы привести еще много примеров, но, обобщив их, следует отметить, что во всех подобных случаях речь идет о конфликтах между культурой с ее писаными и неписаными правилами поведения и природой с ее инстинктами. С самого начала человечества люди были озабочены этой проблемой (если даже еще не умели ее сформулировать), а в государстве, где социальные различия становятся еще более наглядными, несогласованность инстинктов, интересов и моральных норм внушает менеджменту общества еще большее беспокойство. Выход, как уже отмечено выше и что я хотел бы еще раз подчеркнуть, был найден в формулировании и наделении принудительной силой некоего минимального и не допускающего никаких кривотолков (создатели первых законов, конечно, и не подозревали, что кривотолками будут промышлять сами законники) набора правил общежития. При этом необходимо помнить, что с течением времени изменялись сами представления о человеческой личности, об индивидуальности и ее взаимоотношениях с родом, племенем и государством, о вине и ответственности. Выработка представления о человеческой личности была очень медленной и заняла основную часть того времени, которое мы именуем древностью.

Понятие об индивидуальной вине и индивидуальной ответственности, столь привычное и естественное для нас сегодня, первоначально отсутствовало, поскольку отсутствовало само понятие индивидуальности, и человек рассматривался как неотъемлемая составная часть рода и племени. Из такого представления и проистекает обычай кровной мести: первоначально исходят из того, что преступление наносит ущерб всему роду, всему племени пострадавшего, и ответственность за него лежит на всем роде и всем племени того, кто был непосредственным действующим лицом. И совершить месть может и должен любой член пострадавшего рода или племени, а направлена эта месть может быть на любого представителя рода или племени, к которому принадлежит виновный, но чем выше обществен-

ное положение этого представителя, тем лучше. В усложнившемся обществе, где представления о должном и недолжном спорны и неоднозначны, кровная месть может тянуться бесконечно долго – вплоть до взаимного истребления втянутых в нее родов или племен. Древние бюрократы-законники, опираясь на новые представления о личности, и вырабатывают это новое представление о вине, а затем и понятие индивидуальной вины и индивидуальной ответственности. Согласно этому новому понятию, отвечать за преступление должны прямые и косвенные виновники преступления, но не их родичи. Сама же ответственность должна быть соразмерна вине. Поэтому сначала вводится наказание в виде выкупа, т.е. материального возмещения, а затем – наказание по принципу талиона: «равным за равное» (библейское «око за око и зуб за зуб»). Такое наказание более всего соответствовало тогдашним представлениям о справедливости. И оно впервые в истории появляется, насколько можно судить по дошедшим до нас письменным памятникам, именно в месопотамском законодательстве. Очень возможно, что и это изобретение было позднее позаимствовано соседними культурами и в дальнейшем разошлось по всему свету.

В основе месопотамского законодательства лежали два очень важных понятия – kittum и mīšarum, которые обычно переводят как «правда» и «справедливость». В действительности первое из них означает «правильный мировой порядок», а второе – «выпрямление», «исправление» (нарушений этого порядка). Эти два понятия персонифицировались в виде божеств, состоящих в свите бога Шамаша – бога Солнца и правосудия, судии богов и людей. Соблюдение и неукоснительное исполнение mīšarum считалось первейшей обязанностью царя, неисполнение этой обязанности должно было навлечь погибель на него самого и на его страну. Именно этим термином и назывались те «Указы о (восстановлении) справедливости», о которых шла речь выше.

Что же касается среднеассирийских законов, то они, скорее всего, представляют собой ученую компиляцию, составленную в качестве пособия для судей (одна из табличек этого текста была найдена в башне крепостной стены Ашшура, где, вероятно, заседал суд). В отличие от Законов Хаммурапи эти законы систематизированы по главным субъектам правонарушения. Дошедшие до нас 14 табличек и фрагментов разной сохранности принято обозначать латинскими буквами от A до O. Датируются они XIV–XIII вв. до н.э., хотя сам текст, видимо, несколько старше. Своеобразие среднеассирийских законов состоит прежде всего в совершенно ином, чем в Законах Хаммурапи, принципе систематизации норм. Своеобразие этих законов состоит также и в очень широком применении публичных наказаний – порки и «царской работы», т.е. своего рода каторжных работ, а также крупных денежных штрафов. Такая система наказаний намного опережала свое время. С другой стороны, эти законы имели и архаические черты, например, в них предусматривалась выдача убийцы «хозяину дома», т.е. главе семьи убитого. «Хозяин дома» может поступить с убийцей по своему усмотрению: убить, превратить в раба или взять выкуп и отпустить. Такое смешение черт сравнительно высокого развития и архаики характерно для всего среднеассирийского общества. Ассирия была богатой страной с развитыми товарно-денежными отношениями. При этом была широко распространена долговая кабала с очень суровыми условиями: не выкупленный в срок заложник считался «купленным за полную цену». С ним можно было обращаться как с рабом, подвергать его телесным наказаниям и продать в другую страну. Вообще положение рабов было, видимо, более тяжким, чем в Вавилонии, хотя устанавливается весьма несложная процедура превращения рабыни-наложницы в

законную супругу и узаконения прижитых с нею детей. Существует «большая семья», и власть домовладыки над своими домочадцами, включая жену, практически неограниченна. Он может отдавать их в залог или продавать, подвергать телесным наказаниям и даже наносить им увечья. Прелюбодеяние, совершенное замужней женщиной, мог покарать смертью сам муж, как и покарать ее сообщника, если застал их на месте преступления. Если же дело решал суд, на прелюбодея налагалось такое же наказание, как то, которому пожелал подвергнуть неверную жену оскорбленный муж. Со своей согрешившей незамужней дочерью домовладыка мог поступить «как ему угодно». Юридически самостоятельной могла стать лишь женщина, чей муж умер, и у которой нет никаких близких родичей мужского пола, пусть даже малолетних. В противном случае она остается под их патриархальной властью. Замужняя женщина вне дома обязана была закрывать лицо покрывалом, в то время как вавилонянки лица не закрывали. Но рабыням и блудницам в Ассирии запрещалось носить покрывало под страхом тяжкого наказания, а всякий человек, узнавший о таком преступлении, обязан был донести об этом властям (недонесение сурово каралось). В ассирийском судопроизводстве широко применялись ордалия (испытание водой и клятва). Отказ от ордалии считался признанием вины. Налагаемые согласно среднеассирийским законам наказания чрезвычайно суровы и исходят, хотя и не столь последовательно, как Законы Хаммурапи, из принципа талиона.

Даже столь краткое знакомство всего с двумя законодательными текстами позволяет сделать вывод, что в месопотамии существовало несколько весьма сильных юридических школ. К сожалению, у нас нет пока возможности сравнивать месопотамские законы с какими-либо другими законами ближневосточной цивилизации за исключением хеттских законов (египетские законы, как уже отмечено выше, нам пока не известны, кроме очень поздних). Вопрос о возможном влиянии месопотамских законов на юридические школы более позднего времени и о степени этого влияния пока еще даже не ставился, хотя очень интересные и вполне очевидные сходства и даже совпадения (в том числе и текстуальные, например, с текстами Библии) заставляют об этом задуматься.

II

Именно на древнем Востоке впервые возникли все существующие до сих пор формы политической организации: гражданская община, государство и его основные типы (государство-город, территориальное государство, империя), формы правления (республика и монархия). Там же появились и существующие до сих пор формы общественного сознания, в том числе религиозные и философские учения.

Итак, цивилизации – это особые типы культуры значительных человеческих масс на значительных пространствах[43], возникшие при выходе из первобытности и существующие до сих пор. Каждая цивилизация охватывает собой многочисленные этносы и этнические общности, имеющие, как правило, разное происхождение и говорящие на разных языках, а также и многочисленные государства. Государства же эти охватывают на первых порах либо часть этноса, либо целый этнический и культурный регион (территориальное государство), либо являются полиэтничными с одним господствующим, но составляющим меньшинство

[43] Подробнее об этом см. литературу, указанную в прим. 1.

этносом (империя). Основной тип государства для ранней древности – номовое государство (город-государство). Оно охватывает территорию одной гражданской общины, состоящую из одного (реже двух–трех) городских центров и сельскохозяйственной округи. Городом мы будем называть населенный пункт со свободным населением, где осуществляется концентрация, перераспределение и реализация прибавочного продукта[44]. Город, следовательно, появляется только вместе с цивилизацией и с государством. Прочие его функции (религиозный центр, культурный центр, административный центр, торгово-ремесленный центр) проистекают из названной выше основной функции. Номовое государство всегда имеет небольшие размеры и совпадает с гражданской общиной, хотя предшествующие государству союзы племен могут быть весьма обширными.

Новорожденное государство нуждается в непрерывном увеличении объема используемого для его нужд прибавочного продукта. Между тем после резкого первоначального скачка производительности труда благодаря освоению ирригационного земледелия, производительность труда в дальнейшем почти не растет вплоть до I тыс. до н.э., когда было освоено производство железа. Более того, она снижается из-за истощения и засоления орошаемых земель (Египет и здесь – исключение). Увеличивать поборы с трудового населения тоже оказывается невозможным, ибо оно и так получает лишь необходимый физиологический минимум средств существования. Наиболее простым и «естественным» выходом из положения является отнятие накопленного прибавочного продукта у соседнего города-государства, а также захват рабов – своего рода «концентрата» прибавочного продукта. Это можно осуществить только с помощью войны, и поэтому войны, которые ранее были лишь эпизодическими, становятся постоянным фактором жизни древнего общества, а вокруг городов появляются оборонительные стены. Можно даже сказать, что войны стали еще одним видом хозяйственной деятельности. Более надежным способом увеличения абсолютного объема прибавочного продукта является расширение территории государства и соответственно увеличение количества населения. Это достигается насильственным объединением нескольких (или многих) родственных по культуре и языку общин (номовых государств). Не следует упускать из виду в качестве побудительной причины завоевательных войн также и честолюбие правителей. Таким образом (а не из-за предполагавшейся ранее потребности в централизации оросительных систем) возникает территориальное государство. Был еще и третий способ увеличения объема прибавочного продукта – контроль над международной торговлей посредством контроля над торговыми путями и торговыми городами. Это, разумеется, тоже предполагало войну.

Попытки создания территориальных государств начинаются еще в III тыс. до н.э., но сразу же встречают упорное сопротивление со стороны городов-государств. Ведь каждое из таких номовых государств имело одинаковые права и основания стать метрополией и лишь силой удерживалось на положении провинции. Поэтому существование территориальных государств в III–II тыс. до н.э. – скорее исключение, чем правило. Особый случай – Древний Египет. Здесь особые географические условия (Египет представлял собой узенькую полоску обитаемой земли по берегам огромной реки, открывавшей путь через всю страну, а какие-либо естественные границы между общинами отсутствовали) очень рано привели к созданию мощного территориального государства в масштабе всей Нильской долины. Альтернативой этому было бы взаимное истребление первоначальных

[44] См. Большаков, Якобсон 1983.

номовых общин. С этим объяснением согласны далеко не все египтологи, но нелишне напомнить, что ослабление центральной власти и в Египте немедленно приводило к распаду государства на отдельные номы – почти всегда те же самые, т.е. номы оказываются прочнее централизованного государства. Следовательно, они и здесь «естественнее» и старше государства. Столь раннее появление этого сильно централизованного территориального государства (фактически – прыжок из первобытнообщинного строя: на это обстоятельство обратил мое внимание А.О. Большаков) было причиной ряда весьма своеобразных явлений в египетской культуре и в ментальности египтян (у народов других первичных цивилизаций этот путь занял тысячелетия, и они успели привыкнуть).

В I тыс. до н.э. начинаются попытки объединить все три способа увеличения прибавочного продукта, поступающего в распоряжение государства и его правящей верхушки. Так создаются государства, выходящие далеко за пределы одного этнокультурного региона, объединяющие в своем составе множество этносов, находящихся нередко на различных ступенях общественного развития. Это империи или мировые державы[45]. Составные части таких держав должны в идеале экономически дополнять друг друга, а имперский мир обеспечивает безопасность и устойчивость экономических связей. Империи, конечно, складываются стихийно, а внутренняя прочность их зависит от того, насколько удачно подобрались их составные части и насколько сильны внешние враги. Империя может, разумеется, погибнуть от внешнего нападения, но внутренний ее распад неизбежно начинается тогда, когда более или менее выравнивается уровень экономического и культурного развития ее составных частей. Тогда эти составные части из партнеров становятся соперниками, а правящая элита на местах перестает нуждаться в поддержке со стороны имперского центра, не хочет больше эту поддержку оплачивать и восстает против него. Имперские же власти без местной элиты обойтись не могут: во-первых, в метрополии просто не хватит дельных людей (т.е. способных бюрократов) для управления обширной империей, а во-вторых, «местные» всегда лучше разбираются в тонкостях менталитета и взаимоотношений между соплеменниками. Поэтому местную элиту стараются приручить, но рано или поздно она осознает свою унизительную «второсортность», особенно сильно – тогда, когда неизбежно и основательно приобщается к культуре метрополии (британские университеты воспитали индийских политических деятелей, которые и повели борьбу за независимость Индии). Местная элита рано или поздно начинает понимать, что она сама в состоянии управлять своим народом и будет делать это лучше, и что ей незачем делиться доходами с метрополией. Из империй древности такой «естественной смертью» умерла только Римская империя, разделившаяся на две части. От латинского слова imperium («верховная власть», «владычество») и вошло в европейскую культуру это наименование таких государств, хотя первые из них возникли намного раньше. Следует иметь в виду, что глава империи не обязательно носит императорский или иной монархический титул: в первой половине XX в. еще существовала Французская империя, глава которой был президентом Французской республики, а короли Англии носили императорский титул лишь в Индии.

Империи древности имели довольно сложную административную структуру. Они состояли из метрополии, т.е. территории того народа, который создал империю, и где находилась центральная администрация, а также провинций или областей, непосредственно подчиненных центральной администрации. Кроме этого, обычно

[45] См. Дьяконов, Якобсон 1982, 3–16. См. также Дьяконов 2009.

по окраинам империи располагались вассальные области (царства), где продолжали существовать традиционные местные органы власти. Эти области могли входить в состав провинций и фактически подчиняться наместникам провинций либо сохранять формальную самостоятельность, но находиться под контролем наместника ближайшей провинции. Империя обеспечивала своим провинциям и вассалам имперский мир, свободу торговли на огромных территориях и защиту от «варварской» периферии. Культура метрополии, если империя существовала достаточно долго, а ее правители вели разумную культурную политику, постепенно распространялась на всю имперскую территорию, образуя местные варианты этой культуры и обеспечивая, таким образом, определенную степень культурного единства. Имперские власти, как правило, вполне лояльно относились к местным религиозным культам, во всяком случае до победы догматических религий, для которых характерна религиозная нетерпимость; от имени имперских властей совершались жертвоприношения в местных храмах. Все это до поры до времени поддерживало известную заинтересованность населения в сохранении империи. И все это в принципе могло создать еще один вариант финала: если в империи успела образоваться единая культура с общим языком, охватывающая значительное большинство населения (насильственно сделать это, разумеется, невозможно), империя превращается в очень большое национальное государство.

Этому в мировой истории есть тоже всего один пример – Китай (поздняя Византия, потеряв все свои владения за пределами грекоязычной Малой Азии, тоже стала национальным государством, но уже не очень большим, хотя и продолжала по традиции именоваться империей). В Китае большое национальное государство сложилось еще во времена Старшей Хань (т.е. на рубеже нашей эры), и с тех пор Китай тоже продолжал именоваться империей тоже лишь по традиции. Именно благодаря такому переходу Китай – единственное в истории государство, существующее практически непрерывно почти три тысячелетия и сохранявшее в краткие периоды распада отчетливое сознание культурной и языковой общности. Разумеется, в Китае и теперь есть национальные меньшинства, и численность некоторых из них равна населению европейского государства средних размеров. Но даже все вместе эти меньшинства составляют лишь небольшую часть китайского народа. Все вышесказанное не отменяет простой, но часто игнорируемой истины: именно в империи, в государстве, где один народ владычествует над многими, впервые в человеческой истории возникает национальная рознь, вызываемая на одном полюсе чванством и жестокостью победителей, а на другом – комплексом неполноценности и жаждой мести у побежденных. Почти все империи (за исключением китайской) погибли именно из-за внутренних неурядиц, а вторжения извне, если они имели место, лишь сокращали агонию.

Ассирийская империя была первой в истории человечества империей. И развалилась она не по вине своей бюрократии. Бюрократия как раз справлялась со своей работой очень хорошо. В имперский период она состояла из двух видов грамотеев: традиционных знатоков клинописи, писавших на глиняных табличках, и арамейских писцов, пользовавшихся алфавитным письмом на папирусе или пергаменте (они изображены на ассирийских рельефах со свитками в руках). От первых до нас дошли грандиозные архивы, издание которых еще далеко от завершения, а в любой момент могут быть обнаружены новые клинописные тексты в непредсказуемом количестве. От вторых, по понятным причинам, не осталось, если говорить о древней Месопотамии, практически ничего, кроме нескольких очень интересных литературных текстов, найденных в Египте, и мы не в состоянии даже приблизительно

оценить размеры утрат. Ведь арамейский язык в более поздние времена долго был повседневным языком и lingua franca для многих народов на огромной территории от Средиземного моря до Индии, а одно время даже и до Китая. Именно на этом языке дошел до нас чрезвычайно интересный литературный памятник – поэма о братоубийственной войне между ассирийским царем (правильнее было бы сказать – императором) Ашшурбанапалом и его братом Шамашшумукином, вассальным царем Вавилонии[46]. Этот текст, написанный на арамейском языке египетским демотическим письмом (а это очень непросто) – одно из лучших доказательств международных связей грамотеев разных стран. Но в самой Ассирии арамейский язык в важных официальных текстах употреблялся, видимо, редко[47], а царские надписи из Ассирии на арамейском языке вообще неизвестны. Арамейский язык, подобно латыни, так и не смог (или не успел) стать связующим звеном для возникновения в Передней Азии единого этноса, хотя на этой колоссальной территории его знал, вероятно, любой образованный человек, и для различных народов он был lingua franca. Может быть, именно поэтому гибель Ассирийской империи и, в частности, очень быстрое падение ее главных городов – Ашшура и Ниневии – с их многочисленным населением и мощными укреплениями выглядит загадочно. Можно предложить лишь самые общие объяснения.

Политическая жизнь в Месопотамии постоянно осложнялась очень непростыми отношениями между царями и древними священными городами[48], т.е. между государством и общиной (см. выше). В общем и целом можно сказать, что благополучно царствовали и умирали своей смертью те цари, которые умели ладить с городскими общинами. Те же, которые этого не умели или не хотели, кончали плохо, и иной раз – вместе со своими царствами. Бюрократы (все образованные люди были бюрократами или жрецами) пытались вразумлять царей, но, похоже, безуспешно[49].

Первая в истории человечества империя, как и все последующие, складывалась стихийно, но ее составные части с самого начала оказались плохо совместимыми, а давление на ее границы извне – слишком сильным, не давшим ей даже стабилизироваться. По всем этим причинам не успели возникнуть прочные экономические связи, общая культура, общий язык и общее для всего ее населения сознание принадлежности к великой империи, то самое сознание, которое даже после распада единой Римской империи на Восточную и Западную и после утраты Восточной (Византийской) империей всех ее владений за пределами Западной Малой Азии заставляло грекоязычных византийцев по-прежнему называть себя «ромеями», т.е. римлянами. Похоже, что удивительно быстро павшие могучие ассирийские крепости, овладение которыми при нормальных обстоятельствах потребовало бы минимум трех или даже пяти-семи лет осады, просто некому было защищать. По тем же самым причинам недолго просуществовала и преемница Ассирийской империи – Вавилонская империя: Вавилон был взят персами без боя. Но Месопотамия продолжала оставаться важнейшей в экономическом (если и не всегда в политическом) отношении частью всех последующих ближневосточных империй от Персидской империи Ахеменидов до Турецкой, т.е. от Древности до Нового

[46] Steiner, Nims 1985, 73.

[47] До нас дошло клинописное письмо с выговором чиновнику, написавшему письмо к царю на арамейском языке. См. SAA XVII. 2003, 5.

[48] См. Якобсон 1989а, 17–37, с библиографией.

[49] Reiner 1982, 319–326.

времени включительно. Победа догматических религий (христианства и ислама) наряду с возникновением национальных государств сделала возникновение здесь культурного единства очень маловероятным.

А вот китайской бюрократии удалось даже создать религию, одержавшую в Китае полную победу. Чисто светскую поначалу философию Конфуция они превратили в очень своеобразную и очень терпимую религию – конфуцианство, и сами стали ее жрецами. В любой древней культуре имело место соперничество между родовой знатью, жречеством и служилой знатью (т.е. бюрократией). В Китае никогда не было влиятельного жречества, и совершенно мудрые мужи заполнили эту «вакансию». Удвоив таким образом свои силы и соответственно влияние, они затем упразднили родовую, да и наследственную служилую аристократию, заменив их меритократией, т.е., опять-таки, людьми из своих рядов. Все наследственные титулы были уничтожены, и даже сыновья императора должны были сдавать экзамены и начинать службу с самого начала. И только в Китае совершенномудрый муж обладал таким авторитетом, что мог прочитать нотацию самому Сыну Неба, и тот почти всегда смиренно ее выслушивал и даже принимал к сведению. Китайская культура обладает, сверх того, уникальной способностью «переваривать» другие культуры. Даже если в Китае возникала иноэтничная императорская династия (монгольская, киданьская, манчжурская), уже через два–три поколения эти императоры оказывались образцовыми китайцами: воспитателями наследников престола всегда были совершенномудрые мужи-конфуцианцы. Китайская культура – создание бюрократов со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Неудивительно поэтому, что единственную в последнее время подробную монографию о древней бюрократии написал китаист[50]. Как видно из приведенной ниже сноски, это – лишь начало работы. Жаль только, что упомянутая выше книга (ожидается, очевидно, и продолжение) очень уж безжалостна по отношению к тем несчастным, которые не знают ни китайского языка, ни китайской письменности.

III

Итак, цивилизация – это занимающая очень большую территорию совокупность однотипных культур, возникших при выходе из первобытности вокруг одного или нескольких первоначальных центров. Цивилизация объединяет множество различных этносов (они могут быть даже неродственными) и имеет свои отличительные признаки, являющиеся важнейшими составными частями ее менталитета и характерные именно для нее и только для нее. В двух предшествующих фразах содержатся термины «цивилизация», «культура» и «этнос», которые разными авторами употребляются в самых различных смыслах, что, разумеется, в науке недопустимо, но почему-то никого не беспокоит. Первые два термина употребляются то как синонимы, то в некотором, понятном только автору конкретного текста, иерархическом порядке без каких-либо объяснений («моя страна – цивилизация, а прочие – всего только культуры, да и то не все»). До сих пор со времен Шпенглера еще имеет хождение (особенно среди неспециалистов, но, к сожалению, не только среди них) представление о предопределенном и одинаковом для всех культур сроке существования и одинаковых стадиях последнего. «Цивилизацией» последователи Шпенглера именуют последнюю, предшествующую гибели стадию существования культуры. Вопиющее несоответствие этих надуманных построений элементарным

[50] Рыбаков 2009.

фактам истории при этом игнорируется или обходится столь же искусственным делением «слишком долгих» культур (древней Месопотамии, Древнего Египта, Китая, Индии) на две–три «отдельные» культуры. Термин «этнос» (народ) тоже не имеет четкого и общепринятого содержания, отчего и возникают жаркие споры (с участием носителей ученых степеней), например, о том, составляют ли русские, украинцы и белорусы единый народ или три разных народа. Осмеливаюсь предложить на рассмотрение коллег свое понимание этих терминов.

Наиболее правильно было бы сказать, что культура есть все то, что отличает людей от животных, но правила логики запрещают отрицательные определения. Поэтому скажем, что культура – это присущая данному человеку или человеческому коллективу исторически сложившаяся совокупность духовных и материальных ценностей, а также способов создания, хранения и распространения этих ценностей. И наследуется она не через гены, а только через социализацию, через воспитание. Что бы ни кричали расисты и националисты, культура не имеет никакого отношения к «крови». Национальность человека определяется его принадлежностью к определенной культуре, а из составных частей этой культуры – прежде всего к языку. Необходимо также учитывать, что понятие «культура» – не оценочное, т.е. то, что является нормальным в одной культуре, может считаться некультурным (но имеющим место), предосудительным или даже преступным в другой (многоженство, рабовладение, ростовщичество, наркотики, кровная месть, пьянство, похищение женщин и многое другое). И еще, необходимо понимать, что культура подобна живому организму и поэтому не может не изменяться, она должна своевременно отказываться от устаревших ценностей и принимать новые, а для этого – не замыкаться в себе, постоянно поддерживать контакты (диалоги) с другими культурами. Культура, утратившая традицию, теряет самостоятельность и перестает существовать, культура, замкнувшаяся в себе, неизбежно впадает в летаргию или в маразм (не знаю, что хуже). Но и неукоснительное соблюдение всей традиции привело бы к тому, что люди так и остались бы в раннем палеолите.

Культура – это неизбежные и бесконечные перемены, и различаются культуры прежде всего по стадиям развития. Но можно, видимо, отметить еще некоторые различия, интересные для историка. Применительно к древности можно, например, говорить о культурах интровертных (т.е. обращенных главным образом внутрь себя и почти не обращающих внимания на другие культуры) и культурах экстравертных, проявляющих активный интерес к «чужакам», даже и весьма отдаленным. Так, египтяне, в отличие от греков и финикийцев, почти не плавали по Средиземному морю, а китайцы не открыли Америку, хотя сделать это им было намного проще, чем испанцам (ходят слухи, что все-таки открыли, но однократный визит, даже если он и имел место, вряд ли следует считать открытием). Объясняется это, вероятно, существенными различиями в представлениях о мире и человечестве, а эти представления зависят от того, имеются ли поблизости другие столь же развитые культуры или только полупервобытные племена. В последнем случае возникает и крепко держится представление о себе как о единственной культуре или цивилизации (как бы это у них ни называлось) в мире, населенном варварами. Когда же выясняется, что это не так, менталитет уже сложился, и изменять его трудно и больно. Другим полезным способом классификации может быть разделение культур на культуры текстов и культуры правил. В первом из этих разделов культурно значимые тексты сохраняются неопределенно долго, даже тысячелетиями (дальневосточная цивилизация, цивилизация Южной Азии), а во втором из-за сравнительно частого изменения правил (эстетических принципов

и вкусов) тексты довольно быстро стареют и выходят из повседневного употребления (европейская цивилизация). Культуры первого раздела изменяются (развиваются) очень медленно, но почти не знают кризисов. Культуры второго раздела развиваются гораздо быстрее, но испытывают частые кризисы, которыми и являются перемены правил. В настоящее время почти все культуры мира стали или становятся культурами правил.

Что же касается понятия и термина «народ», то и здесь существует множество определений, где главные роли играют история, территория, генетика («кровь» – любимый довод шовинистов) и язык, на которых и строятся великодержавные и расистские спекуляции. Но все существующие и когда-либо существовавшие народы имеют смешанное происхождение, и все они являются пришельцами там, где теперь живут, а на одном языке могут говорить народы разных стран. Например, на немецком языке говорят немцы, австрийцы, швейцарцы немецкоязычных кантонов, и все они осознают себя отдельными народами. На английском языке говорят англичане и американцы – тоже разные народы, а переводы произведений американских писателей на немецкий язык в Германии обозначаются как «перевод с американского» (мой компьютер в этот момент запротестовал: в его словаре такого существительного нет...). Народ – это прежде всего самосознание, народ есть группа людей, сознающая себя таковым. Причины же, порождающие такое самосознание, могут быть весьма разнообразными, и мы даже сегодня можем наблюдать их действие. В России, например, о статусе народа подумывают казаки, поморы и кряшены – православные татары, сохранившие татарский язык и многие черты татарской культуры. Но лучше обратимся к тем случаям, когда результаты уже налицо. Когда английские (со значительной примесью голландских и французских) колонисты в принадлежавшей тогда Англии части Северной Америки провозгласили себя в конце XVIII в. народом Соединенных Штатов Америки, реакция английских властей была вполне однозначной: нет никакого народа Соединенных Штатов, есть мятежные подданные Его Британского Величества, коих надлежит образумить посредством пушек и виселиц. Исход этих разногласий известен: Британскому Величеству пришлось-таки признать новый народ. А через несколько десятков лет и Испанскому и Португальскому Величествам пришлось признавать новые народы Центральной и Южной Америки.

Здесь, пожалуй, пора остановиться на толковании применяемых в этой статье терминов. Для краткости я буду пояснять свою позицию тезисно, сводя обоснования к минимуму.

1. Народ (этнос) есть группа людей, считающая себя таковым. Это означает, что объективных причин или признаков, позволяющих определить ситуацию «снаружи», кроме упомянутого выше самосознания, не существует. Причин, породивших это самосознание, как уже сказано выше, может быть много, и они могут быть разнообразны. Все эти причины порождаются историей и являются культурными и психологическими. Нация же – явление политическое, и потому нация может состоять из нескольких и даже многих этносов (британская нация, состоящая из англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев, российская и американская нации, состоящие из множества народов, и т.д.). Новый народ может возникнуть в результате разделения народа-предшественника или в результате слияния двух или более таких предшественников. Любой из ныне существующих народов, как уже сказано, имеет смешанное происхождение, «чистокровных» народов не существует. Не существует также и «исторических прав» на какую-либо территорию, ибо все современные народы являются пришельцами там, где они теперь обитают. В наш

беспокойный век лучше всего придерживаться существующих границ, авось со временем поумнеем и научимся договариваться, а еще лучше – уничтожим любые проявления национализма.

2. Культура – это присущая данному народу исторически сложившаяся совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов их создания, сохранения и распространения. Она является тем, что отличает человека от животного и передается не через гены, а посредством воспитания. Понятие «ценность» имеет здесь необязательно положительный оттенок, поскольку в культуре могут долго сохраняться ценности, давно уже устаревшие и ставшие или всегда бывшие предосудительными для других культур и даже для других носителей данной культуры.

3. Основа культуры (но не обязательно ее исключительная характеристика) – это язык, нередко включающий в себя несколько диалектов. Степень различия между диалектами может быть весьма существенной даже вплоть до непонимания устной речи (как в китайском языке, но есть и немецкие диалекты, почти непонятные для большинства немцев). Различие между языком и диалектом определяется опять-таки самосознанием, а не степенью сходства: различия между русским, украинским и белорусскими языками например, не больше, а меньше, чем различия между баварским или тирольским диалектами и литературным немецким. И в Баварии есть сегодня немало людей, считающих, что баварцы – отдельный народ, но их (пока?) меньшинство.

4. Цивилизация, как уже сказано выше, есть конгломерат однотипных культур, возникших при выходе из неолита вокруг одного или нескольких первоначальных городских центров. Этносы, входящие в цивилизацию, имеют различное происхождение и разные (в том числе и неродственные) языки, но поддерживают между собой тесные (хотя и далеко не всегда мирные) отношения. Цивилизации поначалу географически изолированы друг от друга – серьезно, но не абсолютно (кроме цивилизации Центральной и Южной Америки, чем и объясняются многие особенности этой цивилизации, не знавшей влияния извне). Вплотную, и при том с глубокой древности, соприкасались лишь европейская цивилизация и цивилизация Ближнего Востока, и происходило это в Восточном Средиземноморье. Результатами этих контактов были столь интересные и важные явления, как предэллинизм, эллинизм, христианство и Римская империя. О более ранних проявлениях этого (единственно настоящего) евразийства известно очень мало. Но, может быть, не случайно поразительное сходство архитектоники двух важнейших эпосов этих двух цивилизаций – аккадского «Гильгамеша» со всеми его вариантами и греческого эпоса о Троянской войне. Оба они построены по присущей только им схеме: Подвиги – Скитания – Возвращение. Хотелось бы надеяться, что кто-нибудь из наших молодых ученых займется исследованием этих ранних контактов (сам я для этого недостаточно экипирован). Существовали и до сих пор существуют следующие цивилизации: ближневосточная (Передняя Азия и Северная Африка), европейская, Центральной и Южной Азии, Восточной Азии, Черной Африки (Африка к югу от Сахары). Не дожили до наших времен цивилизации доарийской Индии и Центральной и Южной Америки.

Менталитет европейской цивилизации определяется прежде всего идеологией полиса, видимо, очень рано и независимо возникшей на Балканах и на Апеннинском полуострове и вытеснившей царскую власть: такое резкое обличение самого института царской власти, как речь Терсита в «Илиаде», нигде больше в древности не встречается, хотя Гомеру Терсит отвратителен, да и само имя Терсита означает «Наглец». Для южноазиатской цивилизации характерно нигде более не

встречающееся представление о дхарме, сансаре и карме. Для дальневосточной цивилизации – представление о совершенномудром муже, знающем и неуклонно исполняющем свой долг. Для характеристики двух последних цивилизаций можно еще добавить, что в них человек, его поведение в определенном смысле важнее богов, хотя боги, конечно признаются и там. Цивилизация Черной Африки сохранила многие весьма архаичные черты. Особый интерес, по понятным причинам, представляет для нас ближневосточная цивилизация.

Цивилизации и даже их первоначальные центры, как уже сказано, включают в себя многие отличающиеся друг от друга этносы и соответственно многие различающиеся друг от друга и даже не родственные языки. Поэтому и особенности, объединяющие этносы в единую цивилизацию, могут и даже должны быть различными для отдельных цивилизаций, а цивилизационная общность, в отличие от общности этнической и культурной, осознается, как правило, довольно смутно, особенно в древности и в средневековье. Но и в Новое и Новейшее время это не очень просто, поскольку главным отличительным признаком является такая трудно определимая вещь, как менталитет. А он, в свою очередь, определяется многими историческими факторами, среди которых одним из важнейших является религия, несмотря даже на то, что в наше время роль религии уменьшается. О торжестве этических религий во времена поздней древности («Осевое время»[51]) известно всем, равно как всем известны существенные различия между этими религиями. Причины этих различий уходят, видимо, глубоко в раннюю древность, и мы пока еще не в состоянии сколько-нибудь внятно объяснить торжество именно этой религии, именно в этой цивилизации, например, почему именно в цивилизации Ближнего Востока возник и победил монотеизм, да еще во множестве разновидностей, а в других цивилизациях ничего подобного не произошло. Но некоторые детали этого процесса на Ближнем Востоке можно проследить, и они весьма интересны.

Как известно, именно здесь (и больше нигде) возникли представления о персонифицированном трансцендентном Добре и персонифицированном трансцендентном Зле, лежащие в основе трех таких религий, как (в хронологическом порядке) иудаизм, христианство и ислам. Но известны и возникшие там же такие религии, как зороастризм, манихейство и гностицизм, отличающиеся от перечисленных ранее лишь тем, что они сохранили ряд представлений, характерных для религий ранней древности наряду с заимствованиями (в двух последних) из эллинизма. Из всего этого следует, во-первых, что все вышеуказанные религии являются, по существу, дуалистическими (Ахура-мазда, добрый бог зороастрийцев, и их злой бог Андхра-манью являются даже братьями-близнецами) и могут называться монотеистическими лишь потому, что их приверженцы поклоняются только добрым богам и только их считают истинными и всесильными. А их противники считаются второстепенными и обречены на поражение. Конечная победа добра в этих учениях неизбежна, хотя и будет трудной и требует участия всех приверженцев добра. Прямым следствием таких представлений было возникновение эсхатологических представлений и соответствующей литературы – еще одной отличительной особенности ближневосточной цивилизации. Возможно, что начало этих представлений относится к гораздо более древним временам, чем перечисленные выше религии. Злые боги, боги зла, и повествования о торжестве зла (временном) известны на Ближнем Востоке гораздо раньше, чем перечисленные выше религии.

---

[51] Более подробно я писал об этом в: История Востока 1997, 578–587.

Это Сет в Египте и Эрра в Месопотамии. Обычно знаменитую «Поэму об Эрре»[52] связывают с нашествием арамеев, и я сам в комментарии к своему переводу этой поэмы придерживался такой точки зрения. Это нашествие было, конечно, серьезным бедствием, но никаких сведений об ужасах, хотя бы отдаленно напоминающих те, что описаны в поэме, в дошедших до нас документах не встречается. И, может быть, не случайно египтологи так и не сумели привязать страшные рассказы о постигших Египет бедствиях («Пророчества Ноферти», «Речения Ипусера»[53] и др.) к каким-либо реальным событиям в египетской истории или хотя бы приблизительно эти рассказы датировать. Скорее всего, это и есть самые ранние эсхатологии, видения перевернутого, разрушенного мира, описываемые иной раз в очень похожих выражениях на аккадском и на египетском языках. Очень рано возникает также и специфический для древнего Ближнего Востока, нигде больше не встречающийся жанр теодицеи, т.е. обсуждение вопроса о том, почему вообще существует зло, и как благие боги это допускают. Этот литературный жанр тоже представлен только на древнем Ближнем Востоке. В Месопотамии (где мы можем довольно подробно проследить зарождение и развитие этой литературы) это «Вавилонская теодицея»[54], ее прямой предшественник – «Невинный страдалец»[55], его предшественники – так называемые «Письма к богам» (самые ранние – еще на шумерском) и своего рода «контртеодицея» – «Диалог Господина с Рабом»[56]. Интересно, что все эти тексты кроме «Диалога» написаны от первого лица. В Библии – Книга Иова и Экклезиаст. «Диалог» и Экклезиаст разделяют 600–700 лет, а объединяет их едкий скепсис. Безымянный автор «Диалога» (этот жанр был широко распространен в литературе древней Месопотамии) гениально подобрал участников диалога. Раб, как известно, не может спорить со своим Господином, и он не спорит. Господин высказывает прямо противоположные намерения, и Раб каждый раз очень убедительно объясняет, почему именно так и надлежит поступить, т.е. показывает одинаковую бессмысленность любых поступков. А когда сбитый с толку господин спрашивает, как же все-таки надлежит поступить, Раб отвечает, что лучше всего – умереть. Господин в гневе заявляет, что сначала он убьет Раба, но тот объясняет, что не так уж важно, кто умрет первым. При этом Раб изъясняется пословицами, но на самом деле – как бы пословицами (во всяком случае их нет в дошедших до нас сборниках пословиц). Иначе говоря, он пародирует расхожую мудрость, с помощью которой можно доказать все, что угодно. Заодно он пародирует и тогдашнюю классическую литературу – знаменитое место из «Поэмы о Гильгамеше», где воспевается великий и вечный город Урук, – и объясняет, что нет вечных городов, и после смерти нет различия между злодеем и благодетелем. Так что еще более знаменитое Экклезиастово «Суета сует, все – суета» оказывается как бы (а может быть, и на самом деле) откликом на «Диалог Господина с Рабом». В Египте теодицеями являются «Беседа Разочарованного со своим *ка*», «Песнь ар-

---

[52] Перевод мой см. Я открою тебе 1981, 98–120. Эрра (этимология этого имени неизвестна) – бог чумы и всяческих бедствий, творящий зло просто от скуки.

[53] Эти тексты переводились на русский язык неоднократно. Им посвящено множество исследований, но их смысл и значение остаются неясными.

[54] Перевод И.С. Клочкова см. Я открою тебе 1981, 235–241.

[55] Мой комментированный перевод этого обширного и сравнительно хорошо сохранившегося текста опубликован в: Письменные памятники Востока. 2009. 2 (11), 66–79.

[56] Перевод мой, но тогда я еще не очень понимал смысл этого текста, см. Я открою тебе 1981, 204–208.

фиста» и «Красноречивый крестьянин»[57]. Обломок подобного же текста на аккадском языке дошел до нас из Угарита. Особенно интересно, что существуют почти буквально совпадающие отрывки из «Поэмы о Гильгамеше» (в старовавилонской версии), Экклезиаста и «Песни арфиста» – своеобразная проповедь гедонизма, а он, как известно, всегда живет рядом со скепсисом. Все перечисленное означает, что происходил не только обмен идеями, но даже и текстами. И похоже, что основным посредником здесь был аккадский язык. Особенно интересен в этом плане уже упомянутый выше текст на арамейском языке (нельзя исключить того, что он переведен с аккадского), написанный египетским демотическим письмом, найденный в Египте и повествующий о братоубийственной войне между ассирийским царем Ашшурбанапалом и его братом Шамашшумукином. Пожалуй, лучшего свидетельства широких культурных связей и почти невероятной эрудиции ближневосточных грамотеев не требуется. Но напомним еще, что аккадский был международным языком на Ближнем Востоке и что клинописные тексты на этом языке, особенно юридические и деловые документы, но также и литературные тексты были распространены здесь очень широко – от Египта (амарнский архив) до Малой Азии (архивы Хеттского царства). Существовал, например, хеттский вариант «Поэмы о Гильгамеше», но до нас дошли только его фрагменты, так что мы не знаем (пока?), насколько он совпадает с оригиналом.

Клинопись использовалась также для ряда других языков, и каждый писец, независимо от того, на каком языке он этой клинописью писал, обязательно знал (изучал в школе, где бывал жестоко порот за недостаток усердия или способностей) и аккадский, и шумерский язык. Поэтому нет причин удивляться поразительному сходству не просто мифологических сюжетов, но и мелких деталей в рассказе о Потопе в текстах из Месопотамии (аккадские «Поэма о Гильгамеше» и «Сказание об Атрахасисе») и из Палестины (Gen. 6:5–8:22). Хотя сам по себе миф о Потопе относится к мифологическим универсалиям, т.е. встречается у многих народов мира, в нашем случае полное совпадение мелких, необязательных деталей несомненно указывает на общий источник. Многочисленные словесные совпадения свидетельствуют о том, что в устном и письменном фольклоре существовали речения, ходившие по всему Ближнему Востоку и попадавшие в письменные тексты, из которых до нас дошла лишь небольшая часть – в основном те, которые переписывались особенно часто.

Главными хранителями и распространителями всей этой премудрости были грамотеи-бюрократы различных рангов, образовавшие в каждом государстве нечто вроде особого сословия, не зафиксированного, однако, ни законом, ни обычаем, и скрепленного только особым менталитетом. Этот менталитет нашел свое выражение в особом «внутреннем» фольклоре, не предназначенном и непонятном для непосвященных (т.е. неграмотных или всего только элементарно грамотных), поскольку требовал глубоких познаний. Частично он дошел до нас, и мы можем увидеть, что шумерский и египетский писец в почти одинаковых словах распекают своих непутевых сыновей-школяров за лень и разгильдяйство и объясняют им преимущества своей благородной профессии, а учителя этих школяров просто порют. Есть и очень своеобразная шумерская притча о жреце богини врачевания Гулы, который затеял посетить в Ниппуре вылеченного им пациента. В этом священном городе все жители изъясняются только по-шумерски (это, разумеется, лите-

[57] Все упомянутые здесь египетские тексты неоднократно переводились на русский язык.

ратурная условность), и когда он спрашивает, как найти такого-то, ему и отвечают по-шумерски (этот язык уже вышел тогда из бытового употребления). Но пришелец этого языка не понимает, вследствие чего горожане вынуждены переходить на понятный этому неучу (а еще жрец!) простонародный аккадский. В конце концов (текст, как всегда, поврежден на самом интересном месте) ниппурские школяры пинками выпроваживают невежду за городские ворота. В тексте специально отмечено, что он сочинен для школяров, очевидно, им в назидание[58].

Но, как уже сказано выше, главной особенностью ближневосточной цивилизации является монотеизм, и теперь следует коротко рассказать о его истоках, о ранних проявлениях тенденции к монотеизму.

Одно из таких проявлений общеизвестно. Это – знаменитая неудавшаяся реформа Эхнатона в Египте. О ней нынешние авторы всегда пишут как о некоей странности, чудачестве, называют Эхнатона «еретиком», «отступником». Эти анахронические эпитеты здесь совершенно не уместны хотя бы потому, что религии ранней древности не были догматическими, и по этой причине в них не могло быть ересей. В Месопотамии такой реформы не было, но следует внимательнее присмотреться к культу бога Ашшура. Он имеет ряд весьма интересных особенностей.

Неизвестна этимология имени Ашшур, несмотря на многие попытки ее выяснить. Неизвестна его «должность» или функция. Считается, что у него не было изображения, а только символы. У него не было семьи – ни родителей, ни супруги (до I тыс.), ни детей (лишь в последние века Ассирии он стал именоваться «отцом богов» – одним из эпитетов древнего верховного бога Эллиля). Его храм в Ашшуре назывался Эшарра (все храмы во всей Месопотамии имели шумерские имена), т.е. Храм вселенной или Храм мироздания (или что-то в этом роде). В этом же храме обитали, что уникально, и прочие боги, а находившееся там же собственное святилище Ашшура называлось Эхурсаггалькуркурра, т.е. Храм великой лесистой горы всех стран – здесь на Ашшура перенесен еще один эпитет Эллиля (Великая гора). Наконец, в отличие от других великих богов храм у Ашшура был только один, хотя однажды была предпринята попытка построить второй: царь Тукульти-Нинурта I (XIII в. до н.э.) первым из ассирийских царей решился построить себе новую резиденцию – Кар-Тукульти-Нинурта с храмом Ашшура. Может быть, именно поэтому этот царь был объявлен безумным и убит, а город был заброшен. А при Саргонидах была переписана знаменитая вавилонская поэма о сотворении мира *Энума элиш* («Когда вверху...»), и Ашшур занял в ней место Мардука в качестве царя богов и творца Вселенной. А кроме того, ему, как уже сказано, стали приписывать многие атрибуты Эллиля, верховного божества. Известно также, что во время коронационного обряда полагалось кричать «Ашшур – царь, такой-то (коронуемый) – наместник Ашшура». Наконец, ассириологам хорошо известно, что имя «Ашшур» пишется в клинописных текстах многими разными способами, что опять-таки уникально для имен богов. И поскольку это имя может означать бога, страну или город, при нем должны быть написаны соответствующие детерминативы, но это правило очень часто и бессистемно нарушалось, особенно в ранней Ассирии[59]. В целом можно сказать, что многое в образе бога Ашшура и его культе вызывает библейские коннотации. К этому можно добавить, что нечто похожее можно найти и у других месопотамских богов. Существует текст, датируемый VI в. до н.э., где

[58] См. Афанасьева 1997, 339–340.

[59] Galter 1996, 127–141.

все великие боги описаны как ипостаси или аватары бога Мардука[60]. Наконец, отмечены любопытные перемены в культе бога Ану, тоже в поздний период[61]. Все перечисленные выше работы, как видно даже из заглавий, не упоминают о монотеизме. Но есть и затрагивающая эту проблему работа[62] С. Парполы, хотя она посвящена почти исключительно философии, а не истории религии (у этого автора есть и другие подобные работы, например, о параллелях между ассирийскими религиозными представлениями и каббалой).

Для полноты картины, чтобы показать, что движение к монотеизму действительно охватило весь древний Ближний Восток, необходимо вспомнить о древней Сирии и Финикии. Освальд Лоретц посвятил этой проблеме обширную статью[63], в которой показал, что это явление имело место также и в Передней Азии и что в древности понятие «единобожие» первоначально не вполне совпадало по своему смыслу с более поздним богословским термином и даже со смыслом в разных местах Библии. Указанная работа содержит также весьма обширную библиографию, которая не слишком сильно увеличилась за прошедшее с тех пор время.

В заключение этого раздела я хотел бы заметить, что хотя сама идея о возможных движениях к монотеизму на древнем Ближнем Востоке не нова, я попытался рассмотреть это движение в более широком аспекте – именно как характерное для ближневосточной цивилизации в целом и возникшее трудами тогдашних грамотеев несмотря на различия в языках.

IV

Таковы в очень кратком изложении основные данные о роли бюрократии в древности. Я постарался показать важность этой темы и наметить ее основные теоретические аспекты. Бюрократия – это все-таки не ругательное слово, а одно из важнейших изобретений древности наряду с другими нематериальными, но определившими собой всю дальнейшую историю изобретениями – письменностью, торговлей, глобализацией, деньгами, государством, законами, литературой и многим другим. Все эти изобретения годятся для самого разнообразного применения, в том числе и для вредоносного, злого, и такими они остаются по сей день. Такова уж их природа: топор (одно из самых древних человеческих изобретений) всегда мог и по сей день может быть (1) инструментом дровосека, плотника или кораблестроителя, (2) оружием воина или разбойника и (3) орудием мясника или палача. А история нередко перепутывала и продолжает путать эти порядковые номера, равно как и порядковые номера функций других человеческих изобретений, ставя на первое место наиболее актуальную или просто наиболее заметную в тот или иной период функцию. Тем более это верно для изобретений, перечисленных в этой работе, их нередко употребляли и до сих пор употребляют во зло, но без них развитие человечества остановилось бы в палеолите. История многих из них в ее начальной стадии до сих пор остается мало или плохо понятной[64]. Именно поэтому все они заслуживают пристального внимания историка, особенно такого, который исходит из существования исторических закономерностей и старается эти закономерности выявить и понять. Теперь, правда, среди историков стало немодно

---

[60] Lambert 1975, 191–200.
[61] Oelsner 1994, 489–493.
[62] Parpola 2000, 165–209.
[63] Loretz 1995, 215–304.
[64] Особенно это относится к истории денег. См. Ratzel 1995.

заглядывать в другие области истории и вообще интересоваться ее теоретическими проблемами, и это – большая беда для нашей науки. Мое эссе и сам выбор именно этого жанра вызваны желанием сделать мою аргументацию доступной также и исследователям других отраслей древней истории. Отсюда же и повторы: я старался быть понятным, зная на собственном опыте, как трудно ориентироваться в «чужой епархии». Давайте же читать работы друг друга, и постараемся писать так, чтобы нас понимали не только ближайшие коллеги. И будем спорить. Как известно, другого способа породить истину не существует.

Литература

Альтернативные пути 1995: Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум / Н.Н. Крадин, В.А. Лынша (ред.). Владивосток.

Архаическое общество 1991: Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сборник научных трудов. Ч. 1–2. М.

Афанасьева В.К. 1997: От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.

Блок М. 1986: Апология истории или ремесло историка. М.

Богданов И.В. 2009: Египетская бюрократическая терминология на печатях // ВДИ. 3.

Большаков О.Г., Якобсон В.А. 1983: Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л.

Дандамаев М.А. 1983: Вавилонские писцы. М.

Дьяконов И.М. 1952: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 3, 197–303; 4, 205–320.

Дьяконов И.М. 2009: История Мидии / С.Р. Тохтасьев, В.А. Якобсон (ред.). СПб.

Дьяконов И.М., Якобсон В.А. 1982: «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. 2, 3–16.

Зайцев А.И. 1985: Культурный переворот в Древней Греции VII–V вв. до н.э. Л.

Истории Востока 1997: Истории Востока. Т. I. М.

История древнего Востока 2004: История древнего Востока. Т. 2. М.

История древнего мира 1989: История древнего мира. Ранняя древность. 3-е изд. исп. и доп. / И.М. Дьяконов (ред.). М.

Кычанов Е.И. 1986: Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.

Периханян А.Г. 1983: Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.

Рыбаков В.М. 1999–2008: Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). СПб.

Рыбаков В.М. 2009: Танская бюрократия. Ч. I. Генезис и структура. СПб.

Свое чужое 2007: Свое чужое. Поэзия востоковедов / М.А. Родионов, М.Н. Суворов (сост.). СПб.

Фролов Э.Д. 1988: Рождение греческого полиса. Л.

Циркин Ю.Б. 2005: Финикийское письмо: проблема происхождения. // *Эдубба* вечна и постоянна. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова. СПб.

Шарпен Д. 2009: Чтение и письмо в Вавилонии. М.

Якобсон В.А. 1989: Государство и социальная психология // ВДИ. 4.

Якобсон В.А. 1989а: Цари и города в древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.

Якобсон В.А. 1997: Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. 1.

Якобсон В.А. 2004: Предисловие // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.

Якобсон В.А. 2009: Проблемы периодизации древней истории // ВДИ. 3.

Я открою тебе 1981: Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии / В.К. Афанасьева, И.М. Дьяконов (сост. и ред.). М.

Algaze G. 1903: The Uruk World System: The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization. Chicago.

Bauer J. 1972: Fruehsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch (Studia Pohl. 9). Rome.

Charpin D. 2008: Lire et écrire à Babylone. Presses Universitaires de France.

Cohen A.C. 2005: Death Rituals, Ideology and the Development of Early Mesopotamian Kingship // Ancient Magic and Divination. Leiden–Boston.

Dossin G. 1972: Le *madarum* dans les «Archives royales de Mari» // RAI. 18. München.

The Early State 2004: The Early State, its Alternatives and Analogues / L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotayev (eds.). Volgograd.

Edzard D.O. 2004: Geschichte Mesopotamiens. Von den Sumerern bis zu Alexander dem Grossen. München.

Englund R.K. 1998: Texts from the Late Uruk Period // Mesopotamien. Spaeturuk-Zeit und Fruehdynastische Zeit. Annaeherungen. 1 / P. Attinger, M. Waefler (Hrsg.) (Orbis Biblicus et Orientalis. 160/161). Freiburg–Schweiz–Göttingen.

Galter H.D. 1996: Gott, König, Vaterland. Orthographisches zu Aššur in alassyrischer Zeit // WZKM. 86. 127–141.

A History 2003: A History of Ancient Near Eastern Law. Handbuch der Orientalistik / R. Westbook (Hrsg.). 1. Abt. Bd 72/1–2. Leiden.

Jakobson V.A. 1993: Ethics and Law in Ancient Mesopotamia (Shulmu. 4). Poznan.

Kraus F.R. 1984: Königliche Verfuegungen in altbabylonischer Zeit. (Studia et documenta ad jura orientis antiqui pertinentia. 11). Leiden.

Lambert W.G. 1975: The Historical Development of the Mesopotamian Pantheon: A Study of Sophisticated Politheism // Unity and Diversity / H. Goedicke, I.I.M. Robcris (eds.). Baltimore–London.

Loretz O. 1995: Die Enzigkeit Jahwes (Dtn 66, 4) in Licht des ugaritischen Baal-mythos. Das Argumentazionsmodell des altsyrisch-kanaanäischenund biblischen «Monotheismus» // Von Alter Orient Zum Alten Testament / M. Dietrich und O. Loretz (Hrgs.). Neukirchen Vluyn, 215–304.

Mittelmayer C. 2009: Enmerkara und der Herr von Arata. Ein ungleicher Wettstreit (Orbis Biblicus et Orientalis. 239). Göttingen.

Nissen H.J. 1995: Kulturelle und politische Vernetzungen in Vorderen Orient des 4. und 3. vorchristlichen Jahrtausends. / U. Finkbeiner, R. Dittmann, H. Hauptmann (Hrsg). Beitraege zur Kulturgeschichte Vorderasiens. Festschrift für R.V. Boehmer. Mainz.

Oelsner J. 1994: Henotheistische Tendenzen in der spätbabylonischen Religion? Gnosisforschung und Religionsgeschichte / H. Preißler, H. Seiwert (Hrsg.). Marburg.

Parpola S. 2000: Monotheism in Ancient Assyria // One God or Many? Concepts of Divinity in the Ancient World / B.N. Porter (ed.). Maine.

Ratzel G. 1995: Annäherungen aus ökonomischer, soziologischer und historischer Sicht / W. Schelkle, M. Nitsch (eds.). Marburg.

Reiner E. 1982: The Babilonian Fuerstenspiegel in Practice // Societies and Languages of the Ancient Near East (Studies in Honour of I.M. Diakonoff). Warminster.

Renger J. 1994: Noch einmal: was war der «Kodex» Hammurapi – ein erlassener Gesetz oder ein Rechtsbuch? // Rechtskodifizierung und soziale Normen im interkulturellen Vergleich / H.-J Gehrke (Hrsg.). Tübingen.

Roth M.T. 1995: Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor // Writings from Ancient World Society of Biblical Literature / P. Michalowski (ed.). Vol. 6. Atlantta (Georgia).

Schmandt-Besserat D. 1992: Before Writing. Vol. I–II. Austin.

Selz G.J. 2005: Sumerer und Akkader. Geschichte – Gesellschaft – Kultur. München.

Steible H. 1982: Die altsumerischen Bau- und Weihurkunden. Teil I: Inschriften aus Lagasch (FAOS. 5/1). Wiesbaden.

Steiner R.C., Nims C.F. 1985: Ashurbanipal and Shamash-Shum-ukin. A Tale of Two Brothers from the Aramaic Text in Demotic Script / Revue Biblique. 92.

Wilcke C. 2007: Early Ancient Near Eastern Law. A History of its Beginnings. The Early Dynastic and Sargonic Periods. Eisenbrauns. Winona Lake (Indiana).

AN INTRODUCTION TO THE HISTORY OF BUREAUCRACY

V.A. Jakobson

The paper presents an attempt to clarify the terminology used by historians in a vast variety of senses. The author puts forward a set of axioms and suggests a new approach to some historical phenomena and processes. He tries to get over the limits of narrow specialisation characteristic of the present day historiography.

© 2012 г.

Н. В. Александрова, М. А. Русанов

ЦАРИ И ЦАРСТВА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ В БУДДИЙСКОЙ СУТРЕ
(*Третья глава «Лалитавистары»*)

Статья посвящена источниковедческому исследованию одной из глав «Лалитавистары», махаянской сутры, излагающей историю жизни Будды. Авторы привлекают китайские переводы памятника, отражающие более ранние редакции сутры.

Ключевые слова: древняя Индия, буддизм, «Лалитавистара», царская власть, царь-чакравартин, история текста.

«Лалитавистара», важнейший памятник буддизма махаяны, относится к жанру сутры. Она строится как речь Будды, обращенная к собранию монахов, однако Учитель говорит не о вопросах доктрины или устройства общины, как в обычной сутре, а рассказывает историю своей жизни от схождения с неба Тушита[1] до первой проповеди в Оленьем Парке. Произведение разделено на 27 глав, каждая из которых включает в себя стихи и прозу. При этом зачастую о событии сначала рассказывается прозой, а затем стихами. Стихотворный текст обычно существенно короче прозаического. Бывает и так, что два рассказа противоречат друг другу в деталях.

Язык стихотворных и прозаических частей имеет существенные различия. Большинство стихов написано на так называемом буддийском гибридном санскрите, языке, совмещающем древнеиндийские и среднеиндийские особенности, тогда как проза в лингвистическом отношении может рассматриваться как классический санскрит с довольно редкими вкраплениями гибридных форм.

Языковые различия между разными частями памятника, несомненно, отражают сложный процесс его формирования, длившийся не одно столетие[2]. Разносторонний анализ буддийской терминологии текста привел японского ученого К. Окано к выводу о том, что «Лалитавистара» была создана около середины II в. н.э. сто-

---

Александрова Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Русанов Максим Альбертович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой истории и филологии Южной и Центральной Азии Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

[1] «Тушита» – tuṣita, букв. «удовлетворенный», в буддийской космогонии четвертый из шести разрядов богов, «живущих в [мире] желаний» (kāmāvacara); в махаяне божественный мир Тушита рассматривается как обитель бодхисаттв, ожидающих своего схождения на землю. Боги этого мира, как и жители земли, испытывают влечение к объектам чувств, но все их желания сразу же удовлетворяются. Бодхисаттва имеет заслуги, которые позволяют ему родиться в любом из более высоких миров, но их обитатели уже никогда не сойдут на землю. Стремясь стать буддой и указать всем существам путь к спасению, будущий бодхисаттва не поднимается выше мира Тушита.

[2] Как писал еще М. Винтерниц, многие из стихов «Лалитавистары» представляют собой «религиозные баллады», которые первоначально были самостоятельными текстами, имевшими хождение в устной форме (Winternitz 1977, 253). Создатели памятника собрали эти житийные стихи, расположив их в последовательности событий предания, и дополнили прозаическим повествованием.

ронником школы махасангхика, а затем отредактирована и переработана монахом, принадлежавшим к махаяне[3]. Верхняя граница датировки определяется благодаря тибетскому переводу, который был создан в первой четверти IX в. и почти полностью воспроизводит санскритский оригинал. Как продвигалась многовековая работа анонимных составителей и редакторов сутры, можно лишь догадываться, изучая санскритский памятник и выделяя в нем разнородные по стилю и языку фрагменты.

Конечно, историю сложения «Лалитавистары» вряд ли удастся восстановить полностью, но некоторые ее вехи могут быть выявлены. Эту возможность дают два перевода сутры, которые входят в состав китайского буддийского канона. Первый из них был выполнен Фа-ху в 308 г. и называется «Сутра всеобъемлющего сияния» (Т. 186), а второй сделан Дивакарой в 683 г. и озаглавлен «Пространная прекрасная сутра» (Т. 187). В отличие от тибетского перевода эти китайские тексты далеко не во всем совпадают с известной нам версией на санскрите. Наиболее значительные расхождения демонстрирует перевод Фа-ху. При передаче содержания санскритского сочинения на китайском языке неизбежно должна была изменяться структура фразы и стилистика (сокращались повторы, большие периоды делились на короткие фрагменты и т.д.), тем не менее полностью изъять эпизод из сакрального текста или добавить в него новый было бы недопустимым при той строгой процедуре перевода, которая существовала у буддистов Китая[4]. Единственным объяснением существенных расхождений между китайскими и санскритской версиями может быть то, что переводы основаны на других, более ранних, редакциях памятника.

Третья глава «Лалитавистары», озаглавленная «О чистоте рода», повествует о событиях, предшествующих земной жизни Бодхисаттвы. Пребывая в небесном мире Тушита, будущий Будда обозревает мир и выбирает место и время для своего предстоящего рождения. При чтении главы складывается впечатление, что она представляет собой конгломерат разных по характеру и происхождению фрагментов. Сопоставление ее с китайскими переводами обещает возможность проследить историю создания единого целого из отдельных частей.

Содержание главы представляет несомненный интерес для историка. Ее смысловым центром является обзор царских родов, существовавших в то время, когда родился основоположник буддизма. Из небольших характеристик царей и их государств складывается некая «политическая карта» древней Индии. Эту «историческую картину» предваряет рассказ о царе-чакравартине, дающий идеальный образ земного правителя с точки зрения буддийской доктрины. Восхваление царя Шуддходаны, завершающее главу, являет этот же идеал в конкретном воплощении. Иными словами, в этой части «Лалитавистары» содержатся сведения, которые могли бы представлять интерес для политической истории Индии. Встает вопрос о соотношении этих сведений с исторической реальностью какой-либо эпохи.

Единственный способ найти ответ – анализ структуры главы и выяснение истории ее формирования.

Текст главы «О чистоте рода» состоит из ясно различимых частей.

I. Вступление. Бодхисаттва, которому предстоит земное воплощение, возглавляет собрание богов и других бодхисаттв в небесном дворце.

II. Сообщение о богах, обучавших брахманов ведам.

III. Подробный рассказ о «семи сокровищах» царя-чакравартина.

---

[3] См. Jong 1997, 252–253.

[4] Hureau 2006, 88.

IV. Рассказ о нирване пратьекабудд.

V. «Четыре раздумья» Бодхисаттвы. Выбор времени, континента, страны и рода для предстоящего схождения на землю.

VI. Спор небожителей о том, какой из существующих царских родов достоин рождения в нем Бодхисаттвы.

VII. Обращение богов к Бодхисаттве и его речь о качествах царского рода, в котором может родиться будущий Будда, и о достоинствах женщины, которая может стать его матерью.

VIII. Речь богов, восхваляющих царя Шуддходану и царицу Майю.

IX. Стихотворное изложение содержания главы[5].

Такое выявление композиции важно, поскольку каждый из составляющих ее компонентов имеет свою историю в развитии буддийского предания, а их объединение в общую структуру и сформировало данную главу. Поэтому целесообразно рассмотреть каждую из выделенных частей по отдельности в сравнении с разновременными китайскими версиями.

Прежде всего необходимо отметить, что мы действительно имеем основания говорить о сложении третьей главы «Лалитавистары» в ходе эволюции памятника. Дело в том, что в первоначальном варианте такой главы не было. В китайском переводе IV в. глава «О чистоте рода» отсутствует, соответствующий материал изложен гораздо короче и составляет часть первой главы «Рассуждение о воплощении», тогда как в переводе VII в. она уже присутствует под названием «Наилучший род», хотя имеет ряд значительных отличий от санскритской версии.

Перейдем к последовательному рассмотрению частей текста.

I. Рассказ о собрании богов и бодхисаттв, открывающий повествование о выборе рода, во всех трех версиях строится по одной схеме: одинаковы не только последовательность действий персонажей, но и ряд характеризующих их эпитетов. Однако состав персонажей демонстрирует некоторые различия. Сам порядок их появления на собрании устанавливает иерархию небожителей, имеющую разное количество ступеней. Санскритская версия наиболее близка к раннему китайскому переводу, последовательность введения персонажей здесь следующая: (1) Бодхисаттва; (2) боги – «последователи той же Колесницы» (санскр.) и боги, «исповедующие Великую Колесницу» (кит.); (3) бодхисаттвы с богами, «в своих деяниях равными Бодхисаттве» (санскр.) и «милосердные», т.е. бодхисаттвы (кит.); (4) свита. В обеих версиях оговаривается отсутствие низших богов и апсар. В переводе VII в. боги не упоминаются, и иерархия становится трехступенчатой: (1) Бодхисаттва, (2) бодхисаттвы «той же Колесницы» и (3) свита.

Такой зачин сам по себе напоминает типичное начало сутры (в частности, и начало «Лалитавистары» с перечислением участников собрания в Джетаване), что и должно было способствовать выделению эпизода в отдельную главу (своего рода сутру внутри сутры).

II. Переходя к следующей части санскритского текста, нельзя не заметить очевидный сбой в изложении событий. За сообщением о прибытии небожителей во дворец, очевидно, должен следовать рассказ о беседе, ради которой они собрались. Вместо этого говорится о схождении богов Чистой Обители[6] на землю за 12 лет до

---

[5] Нумерация фрагментов текста соответствует нумерации, данной в переводах санскритского и китайских текстов, публикуемых в разделе «Приложение» (см. ниже с. 244–268).

[6] «Чистая Обитель» – śuddhāvāsa, букв. «имеющий чистую обитель», высший из четырех классов богов, «живущих в [мире] форм» (rūpāvacara).

рождения Бодхисаттвы. При этом остается неясным, как этот срок соотносится с описанным собранием: спускались ли божества на землю раньше или после него. Сказанное относится и к китайскому переводу VII в.

В раннем переводе этот фрагмент отсутствует, сразу за эпизодом прихода богов и бодхисаттв следует обсуждение места рождения будущего Будды. Это позволяет увидеть в сообщении о схождении богов интерполяцию, сделанную между IV и VII вв. Введение эпизода с богами, проповедующими веды в преддверии появления Бодхисаттвы, имело смысл в школах северного буддизма, постоянно контактировавших с брахманской традицией и индуизмом. Этот сюжет представляет ведийский канон как некое пророчество о грядущей проповеди истинной дхармы; таким образом священные книги брахманов становятся своего рода Ветхим Заветом буддизма.

III. Далее говорится, что Бодхисаттва сходит на землю как «великий муж» (mahāpuruṣa), перед которым открыты два пути. Он может стать царем-чакравартином или Буддой. Это утверждение в санскритском тексте сопровождается пространным описанием «семи сокровищ чакравартина». Оно присутствует только в санскритской версии, и обращение даже к позднему китайскому переводу показывает, что текст о «сокровищах» буквально разрывает стандартную формулировку, относящуюся к возможности двух путей. Высказывание в передаче Дивакары выглядит вполне логичным: «Если остается в доме, то становится совершенным царем-чакравартином. Если уходит из дома, то достигает состояния будды». Появление между этими двумя фразами длинного пассажа с очевидностью свидетельствует об интерполяции.

Среди перечисляемых только в санскритской сутре «сокровищ» особое внимание уделено «божественному колесу» как главному атрибуту чакравартина. Именно благодаря чудесному появлению колеса над дворцом царь узнает о своем предназначении и, следуя за движением колеса в разные стороны света, он получает власть над миром. При этом в рассказе об обретении первого «сокровища» бросается в глаза целый ряд странных несоответствий: «И тогда помазанный на царство царь-кшатрий, поместив верхнюю одежду на одно плечо и опершись правым коленом на землю, [коснувшись?] правой рукой, обратился с просьбой к этому божественному сокровищу-колесу и сказал так: “О владыка, вращай божественное сокровище-колесо в соответствии с дхармой, а не с адхармой”».

Во-первых, здесь происходит неожиданная смена временных форм глагола. О появлении колеса говорится в настоящем времени, но затем вводятся формы прошедшего времени: царь «обратился с просьбой» (prārthayat) к колесу и «сказал» (avocat). Создается впечатление, что перед нами не рассуждение о гипотетическом пути «великого мужа», а рассказ о каком-то царе из прошлого. Это наводит на мысль о возможном источнике заимствования. В палийском каноне имеется три описания сокровищ чакравартина, в «Балапандита-сутте» «Маджхима-никаи» и в двух суттах «Дигха-никаи»: «Махасудассана-сутте» и «Чаккаваттисиханада-сутте». При этом в сутте из «Маджхима-никаи» Будда рассказывает об уделе чакравартина как о наивысшем счастье в земном мире, и рассказ ведется в настоящем времени, тогда как в суттах из «Дигха-никаи» речь идет о двух конкретных царях прошлого – Махасудассане и Далханеми, и потому повествование строится на формах прошедшего времени. Вероятно, интерполяторы позаимствовали фрагмент из некоего источника, имевшего похожее содержание, возможно, из канона одной из школ северного буддизма, сохранив при этом временные формы исходного текста.

Во-вторых, само изложение действий царя также не вполне ясно. Что именно он делает правой рукой, если употреблен глагол prārthayat? Палийские тексты о чакравартине весьма близки друг другу, и проблемы с интерпретацией «руки» не возникает: «И вот, Ананда, царь Махасудассана, поднявшись с сиденья, поместив верхнюю одежду на одно плечо, взяв в левую руку золотой сосуд, правой рукой окропил сокровище-колесо» (DN. 17). Составитель критического текста «Лалитавистары» предположил, что на месте prārthayat «обратился с просьбой» могло стоять prāvartayat «повернул», хотя такой вариант не подтвержден ни одной рукописью. Тогда следует переводить: «Правой рукой повернул это божественное сокровище-колесо». Этот вариант соответствует продолжению рассказа – «божественное сокровище-колесо, приведенное во вращение помазанным на царство царем-кшатрием, благодаря магической силе как должно движется по воздуху на восток». Но совершенно непонятной остается реплика царя: «О владыка, вращай божественное сокровище-колесо в соответствии с дхармой, а не с адхармой». К кому она обращена? Кто тот «владыка» (bhaṭṭa), который должен вращать колесо? При чтении палийских текстов подобных вопросов не возникает. Во всех упомянутых суттах реплика чакравартина звучит одинаково: «Пусть вращается владыка сокровище-колесо, пусть побеждает владыка сокровище-колесо». Таким образом, здесь царь обращается к колесу. Однако санскритская фраза с каузативом глагола в императиве 2 л. (pravartayasva «вращай») читается как обращение царя к некоему находящемуся рядом персонажу. Ф. Веллер предполагал, что текст фрагмента искажен[7]. Маловероятно, чтобы подобное искажение возникло при переводе со среднеиндийского диалекта на санскрит. Скорее всего, в основе рассказа о чакравартине в «Лалитавистаре» лежит другой вариант сюжета, где присутствовало еще одно действующее лицо (жрец? божество?). Возможно, именно к этому неизвестному персонажу «обращался с просьбой» царь, произнося некую ритуальную формулу. В таком случае становятся понятными действия царя (перекладывание одежды на одно плечо, преклонение колена), соответствующие его роли просителя перед вышестоящим лицом. При заимствовании текста о чакравартине из предполагаемого постороннего источника составители памятника могли удалить упоминания об этом персонаже, сделав царя главной фигурой сакрального действия, но оставили ритуальную формулу неизменной. Некоторым подтверждением этой догадки может служить то, что эпизод поворачивания колеса чакравартином имеет несомненную параллель в эпизоде поворачивания колеса дхармы Буддой. При этом Будда соглашается совершить подобное действие лишь после просьбы Брахмы. Обращает на себя внимание и то, что поведение Брахмы (просителя), приближающегося к Будде (адресату просьбы), очень напоминает поведение чакравартина в нашем тексте: «Тогда Брахма Сахампати, поместив верхнюю одежду на одно плечо и опершись правым коленом на землю, сложил руки перед Господином и сказал Господину: "Пусть Господин проповедует дхарму, пусть Сугата проповедует дхарму..."»[8]. В палийской Винае Брахма не упоминает о колесе, но в варианте сюжета у Сюань-цзана колесо присутствует: «В прошлые времена, когда Татхагата только что обрел "плод Будды", великий царь дэвов Брахма на этом месте просил его повернуть колесо саддхармы (*мяо-фа лун* 妙法輪)»[9].

---

[7] Weller 1915, 16.

[8] Mahāvagga I. 5. 6.

[9] СВЕТА. 2006. Т. 2087, цз. 8.

Последовательность покорения сторон света (восток, юг, запад, север) и сопровождающие его беседы с царями о дхарме в «Лалитавистаре» и палийских суттах одинаковы. Многочисленные текстуальные совпадения свидетельствуют о том, что рассказы о чакравартине в северной и южной традициях восходят к одному источнику[10]. Это подтверждают и описания остальных шести сокровищ, где также совпадает порядок изложения и основные элементы сюжетов; кроме того, имеются нередкие случаи использования одинаковой лексики[11].

IV. Далее следует рассказ о пратьекабуддах, которые должны покинуть земной мир перед появлением Будды. Пратьекабудда Матанга в Раджагрихе и 500 пратьекабудд в окрестностях Варанаси достигают нирваны, сжигая свою плоть с помощью собственной «огненной сущности». Места, на которых остались их мощи, получили названия, связанные с этим событием.

Аналог этого эпизода есть в «Махавасту»[12]. Как последовательность событий, так и ряд ключевых терминов обоих текстов обнаруживают значительное сходство. В «Махавасту», однако, отсутствует нирвана Матанги. Говорится лишь, что боги за 12 лет до рождения Бодхисаттвы просят пратьекабудд «освободить буддхакшетру», после чего они уходят в нирвану. Затем сообщается, что 500 пратьекабудд, живших в окрестностях Варанаси, с помощью «огненной сущности сжигают мясо и кровь», а их мощи падают на землю.

В палийском каноне имеется рассказ о 500 пратьекабуддах, долгое время совершавших подвижничество на горе около Раджагрихи. Однажды они вошли в гору и исчезли в ней. Поэтому гора носит названия Исигили (от isī gilati «глотает риши»). Однако это событие не увязывается с рождением Бодхисаттвы (Majjhimanikāya. Isigilisutta). В длинном списке имен пратьекабудд в этой сутте есть и Матанга. В комментариях к «Типитаке» содержатся и рассказы о том, что боги сообщили Матанге о рождении Будды, после чего этот пратьекабудда отправился на гору и ушел из жизни[13]. Сходство эпизода в «Лалитавистаре» и «Махавасту» свидетельствует о несомненном заимствовании из общего источника. Сюжет о 500 пратьекабуддах в палийской сутте выглядит более архаичным, поскольку он еще не вписан в житие Будды.

Эпизод с самоуничтожением пратьекабудд отсутствует в раннем китайском переводе, но имеется в переводе VII в. Таким образом, этот фрагмент тоже представляет собой интерполяцию, но более раннюю, чем рассказ о чакравартине. В тексте Дивакары очевидна связь этого эпизода с предшествующим сообщением о богах, проповедовавших на земле «веда-шастру»: обе миссии богов происходят «за двенадцать лет до того, как Бодхисаттва по своему желанию низошел для рождения». Кроме того, в двух этих миссиях просматривается общий смысл: первая из них превращает брахманскую традицию в предвестие буддизма, а вторая делает то же самое с традицией подвижников (риши). В санскритской версии привнесенное

---

[10] Ср., например: śrutaṃ khalu mayā yasya kila rājñaḥ kṣatriyasya mūrdhābhiṣiktasya tad eva poṣadheyaṃ pañcadaśyāṃ śiraḥsnātasyopavāsoṣitasyopariprāsādatalagatasya stryāgāraparivṛtasya pūrvasyām diśi divyaṃ cakraratnaṃ prādurbhavati, sa bhavati rājā cakravartī (Lalitavistara) и sutaṃ kho pana metaṃ – yassa rañño khattiyasso muddhābhisittassa tadahuposathe pannarase sīsaṃ nhātassa uposathikassa uparipāsādavaragatassa dibbaṃ cakkaratanaṃ pātubhavati sahassāraṃ sanemikaṃ sanābhikaṃ sabbākāraparipūraṃ, so hoti rājā cakkavattī (Cakkavattisīhanādasutta).

[11] Во всех палийских суттах «сокровища» даются в том же порядке, что и в «Лалитавистаре»: колесо, слон, конь, драгоценный камень, жена, домохозяин, полководец.

[12] Mahāvastu 2003, vol. 1, 296–299.

[13] Malalasekera 1960, vol. 2, 599.

описание сокровищ чакравартина разрушило эту связь, и начальные слова эпизода («и вот, другие боги») не воспринимаются как логическое продолжение повествования.

Перевод Дивакары в целом близок к «Лалитавистаре». Однако при общем сходстве этих текстов существует и ряд отличий, которые следует отметить. Так, в китайском переводе отсутствует ключевое для понимания эпизода понятие «буддхакшетра»: согласно буддийской космологии, в одной буддхакшетре не может одновременно находиться несколько будд.

В китайском тексте перепутано место нахождения Ришипатаны, которая из Варанаси перенесена в Раджагриху. Возможно, это вызвано созвучием санскритских названий – ṛṣipadāni (Следы Риши) в Раджагрихе и ṛṣipatana (Падение Риши) в Варанаси.

Упомянутые места проживания пратьекабудд – важнейшие пункты буддийского паломничества, поскольку Будда неоднократно посещал Раджагриху и жил там в сезон дождей, а в Ришипатане, иначе называемой Мригадава, он произнес первую проповедь. Приведенные в главе этиологические сюжеты связывают традиционные названия святых мест с преданием о нисхождении Будды. С паломническим культом связана и тема мощей. Благодаря этим рассказам Раджагриха и Ришипатана в глазах буддийских пилигримов некоторым образом приравнивались к Кушинагаре, месту паринирваны, кремации и обретения мощей Будды, поскольку здесь тоже произошли подобные события.

V. Далее Бодхисаттва выбирает время, место, «континент» (dvīpa) и род для своего будущего рождения в земном мире. Этот эпизод, посвященный так называемым «четырем раздумьям», отсутствует в переводе IV в. Собравшиеся боги сразу начинают выбирать царский род, достойный рождения Бодхисаттвы. В переводе Дивакары эпизод присутствует и весьма схож с санскритской редакцией.

Сюжет о сознательном выборе места и времени рождения Бодхисаттвы не относится к первоначальному буддийскому преданию. Его нет в палийском каноне, но он представлен в постканонической литературе. При этом количество тем для размышления увеличивается. В «Нидана-катхе» перечислены «пять великих раздумий Бодхисаттвы» (pañcamahāvilokanāni) накануне его схождения на землю (время, континент, страна, мать, продолжительность жизни матери)[14]. Упоминание об этом есть и в комментарии к «Дхаммападе» (I. 8). В «Милинда-панхе» речь уже идет о «восьми раздумьях» (время, континент, страна, род, мать, возраст [матери], месяц [рождения], [время] ухода от мира)[15].

Интересен вариант этого сюжета в «Махавасту», частично совпадающий с текстом «Лалитавистары»: «Бодхисаттва во время схождения из дворца Тушита предавался четырем великим раздумьям – раздумью о времени, раздумью о месте, *раздумью о континенте, раздумью о роде. В двух родах рождаются бодхисаттвы – в роду кшатриев или в роду брахманов ...*»[16]. Здесь дан иной порядок тем (континент после места), что нарушает логику выбора – от общего к частному. Но более существенно то, что в дальнейшем тексте представлено только одно «раздумье» – о роде. Очевидно, что перечень «четырех раздумий» является в «Махавасту» интерполяцией и первоначально речь шла только о царском роде. Это соответствует раннему китайскому варианту «Лалитавистары». Показательно, что в «Буддхача-

[14] Nidāna-kathā 1880, 146–148.
[15] Milindapañho1928, 193.
[16] Mahāvastu 2003, vol. 2, 1.

рите» Ашвагхоши тема «раздумий» отсутствует, а рассказ о рождении Бодхисаттвы начинается с восхваления рода Шуддходаны.

Можно предположить следующую эволюцию предания. Первоначально имело место лишь восхваление рода царя шакьев. Затем в связи с разработкой сюжета о пребывании Бодхисаттвы в мире Тушита появилось «раздумье о роде», вобравшее в себя панегирик Шуддходане. Далее с развитием буддийской космогонии число «раздумий» было увеличено до четырех. И наконец из-за желания возвеличить роль матери будущего будды были выработаны варианты пяти и более тем для размышления.

VI. Следующая часть главы – обсуждение достоинств и недостатков существующих царских родов – присутствует в обоих китайских переводах, но список упоминаемых царств в раннем варианте более краткий. Подобная дискуссия о выборе рода для Бодхисаттвы имеется и в «Махавасту», однако она гораздо короче и включает только Раджагриху и Каушамби[17].

Обсуждение каждого рода строится по принципу, напоминающему амебейное пение: как диалог-спор двух сторон, представленных группами безымянных персонажей. Реплика первой стороны – восхваление рода, реплика второй – его поношение.

При этом реплики первой стороны содержательно почти не отличаются друг от друга (восхваление богатства и могущества), а в ряде случаев совпадают буквально. Так, характеристика рода Магадхи – «процветающий, богатый, благополучный, изобильный пищей» – повторяется и для родов Вамшараджи, Вайшали, Матхуры (эта формула встречается в санскритской буддийской литературе: «Mahāparinirvāṇa», «Divyāvadāna»[18]). В китайских текстах повторяющиеся формулы в восхвалениях отсутствуют, но по содержанию они также однообразны и близки к санскритской версии.

Реплики второй, возражающей стороны отличаются гораздо большим разнообразием и включают некоторые конкретные сведения, создающие сложности для интерпретации. Рассмотрим каждый из обсуждаемых родов по отдельности.

Первым упоминается род правителей Магадхи. Несколько характеристик этого царского рода в санскритском тексте вызывают недоумение. Почему сам род обозначен как «род Вайдеха в стране Магадхе» (vaidehakulaṃ magadheṣu janapadeṣu), если Видеха – это страна, граничащая с Магадхой на севере? Оба китайских перевода свидетельствуют о том, что такая формулировка присутствовала изначально. В связи с этим можно вспомнить, что важнейшего персонажа буддийского предания, царя Магадхи Аджаташатру, в палийском каноне именуют Vedehiputta, т.е. «сын женщины из Видехи». Это наименование выглядит несколько странным, так как имеются упоминания о том, что его мать происходила из Косалы, но оно встречается довольно часто[19]. При этом в качестве отца Бодхисаттвы мог выступать лишь Бимбисара (отец Аджаташатру), чему соответствует и текст из «Махавасту»: «Говорилось о Бимбисаре и прочих. Ты появись на свет в Раджагрихе. При тебе, поступающем правильно, множество людей придет на путь правильного поведения...»[20].

---

[17] Mahāvastu 2003, vol. 2, 1–2.
[18] Waldschmidt 1951, 102.
[19] Malalasekera 1960, vol. 2, 923.
[20] Mahāvastu 2003, vol. 2, 1–2.

Еще одна странная характеристика рода Магадхи – это aputra «лишенный сыновей» (так представлено в ряде рукописей и издании Р. Митры; С. Лефман дает apluta[21]), поскольку в буддийском предании ничего не сообщается о прерывании династии правителей Магадхи. Составитель критического текста К. Хокадзоно выбирает чтение apluta, отмечая при этом, что значение слова непонятно, а в тибетском переводе стоит rgod la «высокомерный», «высокомерие». В китайских переводах ничего не говорится об отсутствии в роду Магадхи сыновей, но упоминается (у Дивакары) его высокомерие. Таким образом, вероятно, в санскритском тексте мы имеем дело с искажением слова, произошедшим после создания всех имеющихся переводов.

В целом следует отметить, что осуждение рода Магадхи в санскритском памятнике выражено более мягко, чем в китайских. Так, в нем отсутствует упоминание жестокости рода, имеющееся в обоих переводах. Между тем подобная характеристика не лишена оснований: известно, что Бимбисара был заключен в тюрьму и убит по приказу Аджаташатру, который, в свою очередь, был убит собственным сыном Удайибхаддой, также впоследствии лишенным жизни по воле сына[22].

Вновь обращает на себя внимание уже отмечавшаяся близость некоторых деталей санскритского текста именно к раннему переводу. В обоих памятниках упоминается, что земли рода лишены садов и прудов. Правда, в «Лалитавистаре» речь идет лишь об «окрестных землях» (pradeśopacāra), а в переводе Фа-ху вся земля Магадхи объявлена «окраинной». Северная граница Магадхи проходила по Гангу. Эта обжитая часть страны вряд ли могла быть названа «окраинной» и лишенной «садов и прудов». Речь, вероятно, идет о южной границе, тянущейся в горах Виндхья, известных как территория густых и диких лесов. Эти леса Магадхи упоминаются в джатаках (№ 35, 116, 490). Что касается взгляда на всю Магадху как на «окраинные места» (邊境), то такое восприятие страны, где прошла большая часть жизни Будды, выглядит весьма странным для буддийского автора[23]. В индуистской литературе, напротив, подобное отношение к Магадхе было вполне обычным. Оно восходит еще ко временам брахман, где эта территория рассматривается как лишенная правильных ритуалов[24]. Негативное отношение к возникшей там империи Маурьев нашло выражение в эпосе[25]. Распространившиеся в ней шраманские религии лишь утвердили образ «нечистой» земли в глазах ортодоксальных брахманов. Не случайно в классической санскритской драматургии диалект магадхи (māgadhī) используется как язык персонажей низкого социального статуса. Можно предположить, что ранняя редакция, которой пользовался Фа-ху, отражала в критике Магадхи индуистские представления, а позднее формулировки были несколько смягчены.

Далее следует обсуждение рода Каушала, т.е. рода правителей Кошалы (Косалы). Во времена, когда разворачивались события легенды о Будде, это было крупное государство, расположенное к северу от долины Ганга. Столицей был город Шравасти, многократно упоминаемый в буддийском предании, где царь Кошалы Прасенаджит представлен как ученик Будды и покровитель общины. В «Самъют-

---

[21] Lalita-vistara 1958, 15.

[22] Schumann 2004, 3.

[23] Так, близкий по времени к Фа-ху китайский паломник Фа-сянь называет ту часть Индии, где проповедовал Будда, «срединной страной» (Александрова 2008, 73).

[24] Witzel 1997, 308.

[25] Васильков 2008, 271–272.

та-никае» палийского канона имеется целый раздел, посвященный беседам Прасенаджита с Буддой. Находившийся недалеко от Шравасти монастырь Джетавана был местом, где основатель буддизма провел немало времени и произнес много важных проповедей. В то же время сын Прасенаджита Видудабха – отрицательный персонаж предания, поскольку именно он уничтожил род шакьев.

Род Каушала осуждается в сутре прежде всего за его низкое происхождение и связанную с этим нечистоту (особенно резкая критика содержится в тексте Фа-ху). В основе этих обвинений – загадочное упоминание некоего Матанги. Род Косалы охарактеризован в санскритском тексте как mātaṅgacyutyupapanna, букв. «наделенный падением Матанги». Наличие транскрипций этого слова в китайских переводах свидетельствует о том, что фрагмент не является поздней интерполяцией. В то же время интерпретация китайских переводчиков не передает значение санскритского композита: слово cyuti «падение» у них не отражено, а upapanna передано как «происходит из» (Фа-ху: 從摩騰種來; Дивакара: 本是摩燈伽種), хотя это слово означает скорее «наделенный, обладающий чем-то». По-видимому, Дивакара и Фа-ху не понимали, о каком сюжете идет речь[26].

Слово mātaṅga имеет два значения – «слон» и «чандала, неприкасаемый», а также используется в качестве имени собственного. Имя Матанга встречается в буддийской литературе. Так, в собрание джатак входит «Матанга-джатака» (№ 497), где рассказывается о том, как Бодхисаттва был чандалой Матангой. Он полюбил дочь богатого купца, сумел добиться у родителей девушки согласия на брак, затем ушел в лес, обрел магические способности и стал риши. Даже в рассматриваемой здесь главе «Лалитавистары» упоминается пратьекабудда Матанга, о котором было сказано выше. Но ни один из этих персонажей не имеет отношения ни к царскому роду, ни к Кошале.

Единственный царь, к которому применяется слово mātaṅga, известен нам из санскритской буддийской литературы. Это mātaṅgarāja triśaṅku «Тришанку, царь *матангов*» (т.е. царь чандалов). Рассказы о нем содержатся в «Дивьявадане» и «Винае муласарвастивадинов», но сюжеты их различны. Согласно «Шардулакарнаавадане» (Divyāvadāna, № 33), этот царь, благодаря заслугам прошлых рождений полностью познавший веды и шастры, жил «на берегу Ганга». Он захотел найти жену для своего сына и выбрал дочь брахмана Пушкарасарина. Брахман счел его предложение оскорбительным, но, выслушав длинные речи Тришанку, убедился в его необыкновенной учености и мудрости и решил, что он достоин того, чтобы с ним породниться. В «Винае муласарвастивадинов» сообщается о царе матангов Тришанку, который правил в Калинге. Он был мудрецом-риши. Когда в Варанаси случилась засуха и голод, люди оттуда бежали в Калингу. По просьбе царя Брахмадатты Тришанку сделал так, что в Варанаси снова начались дожди[27].

Оба эти сюжета не связаны с Кошалой. Однако такую связь позволяют установить индуистские источники. В «Рамаяне» в рассказ о деяниях Вишвамитры введена история царя Тришанку из рода Икшваку, правившего в Айодхье (столице Кошалы). Этот правитель, возгордившись своей мудростью, праведностью и силой,

---

[26] Стоит отметить, что европейские переводчики, стремясь сделать свой текст понятным, также понимают upapanna как «происходящий из»: «ist von Mātaṅga (niederer) Herkunft» (Lefmann 1874, 17); «est issue de la race des Mātaṅgas (Parias)» (Foucaux 1884, 22); «dates its rise from the downfall of the Mātaṅgas» (Mitra 1998, 37); «is derived from the fallen Mātaṅga» (Goswami 2001, 25).

[27] Panglung 1981, 38.

попросил своего жреца Васиштху совершить такое жертвоприношение, которое дает возможность живым подняться на небеса. После отказа Васиштхи Тришанку обратился к его сыновьям. Его настойчивость привела к тому, что он был проклят и превращен в чандалу. Покинутый всеми советниками и приближенными царь получил помощь от Вишвамитры, согласившегося исполить желанное жертвоприношение. В результате этого ритуала Тришанку начал подниматься на небеса, но был сброшен Индрой и в конце концов превратился в одну из звезд[28]. История правителя Айодхьи Тришанку пересказывается и в пуранах[29]. Очень краткое ее изложение имеется в «Адипарве» «Махабхараты» (гл. 65), но здесь имя Тришанку отсутствует и царь именуется Матангой (mataṅga).

Весь приведенный материал свидетельствует о существовании некоего цикла фольклорных сюжетов о царе Тришанку/Матанге, вошедших и в буддийское предание, и в санскритский эпос. При этом в «Дивьявадане» и «Винае муласарвастивадинов» связанный с чандалами царь восхваляется за свою мудрость, что соответствует буддийской идее важности личных качеств вне зависимости от социального статуса. В индуистских же источниках он осуждается за заносчивость и высокомерие, приведшие к двум его «падениям»: метафорическому – из кшатриев в чандалы и реальному – из мира богов в пространство звездного неба. В «Лалитавистаре» Матанга упомянут как персонаж, порочащий царский род Кошалы. Таким образом, отношение к нему восходит к эпической традиции.

Следующий род, который обсуждается в рассматриваемой главе «Лалитавистары», это царский род Вамша (vaṃśa – в гибридном санскрите искажение слова vatsa[30]; на пали vaṃsa)[31]. Столицей царства Вамша / Ватса был Каушамби (Косамби).

Восхваление этого рода целиком шаблонно (ср. текст о роде Магадхи). Осуждение его во всех версиях включает упоминания о нечистоте рода, связанной с «рождением от чужих мужей» (санскрит), «подлым родом» матери (Дивакара) или «смешанными браками» (Фа-ху).

Хотя во всех трех текстах упоминается только название рода, речь явно идет о каком-то конкретном царе («этот царь», «царь этой страны»), против которого и направлено большинство обвинений. Параллельное место в эпизоде выбора рода в «Махавасту» дает имя этого правителя: «Царя ватсов зовут Удаяной. Появись на свет в Каушамби. При тебе, поступающем правильно, множество людей придет на путь правильного поведения»[32].

Царь Удаяна – герой несохранившегося пракритского романа «Брихаткатха» (сюжет известен по пяти поздним пересказам) и многих драматургических произведений. В этой литературе он выступает как герой-любовник, переживающий многочисленные приключения, и в то же время как идеальный царь, наделенный всеми достоинствами правителя. Однако в буддийском предании Удаяна (пали Удена) представлен как персонаж, нередко совершающий неблаговидные поступки (см., например, начало уже упоминавшейся «Матанга-джатаки»). Кроме того, для нашего фрагмента важно, что в буддийской литературе события, связанные с рож-

---

[28] Подробнее см. Rāmāyaṇa I. 57–59.

[29] Apte 1995, 485.

[30] Edgerton 1998, vol. 2, 466.

[31] В ряде рукописей искажение отсутствует и дана обычная санскритская форма vatsa (Hokazono 1994, 309).

[32] Mahāvastu 2003, vol. 2, 2.

дением Удаяны, свидетельствуют о нечистоте его матери. Согласно комментарию к палийской «Дхаммападе», мать будущего царя, будучи беременной, была похищена из дворца гигантской птицей и оказалась в лесу в Гималаях. Чтобы обеспечить себе и новорожденному ребенку средства к существованию, она соблазнила подвижника и сожительствовала с ним, пока мальчик не вырос[33]. Нарушение женщиной супружеской верности накладывает несмываемое пятно на весь ее род. В санскритских версиях «Брихаткатхи» говорится о том, что супруга царя была похищена гигантской птицей, а Удаяна родился и провел детство в обители великого подвижника Джамадагни, но эти события никак не связаны с недостойным поведением его матери[34]. Напротив, воспитание в ашраме лишь возвеличивает будущего царя.

Главный сюжет об Удаяне в индийской литературе – это женитьба на Васавадатте. Захваченный в плен царем Аванти Прадьётой, он встретил его дочь Васавадатту и совершил вместе с ней побег. В палийском рассказе героиню зовут Васуладатта, она становится тайной возлюбленной Удены еще до их побега и активно помогает ему обмануть отца[35]. Однако в буддийской литературе главным сюжетом, связанным с Удаяной, была история другой жены царя, в палийских источниках называемой Магандия, а в санскритских – Анупама. До брака с царем отец пытался отдать ее в жены самому Будде. Оскорбленная отказом женщина впоследствии старалась отомстить, используя положение царицы. Она предстает как однозначно отрицательный персонаж предания[36].

Что касается самого Удаяны (Удены), его образ в буддийской литературе, хоть и не столь идеален, как в индуистской, в целом положителен. Иногда он изображается как буддийский правитель, покровительствующий общине. Существует легенда о том, как по приказу этого царя еще при жизни Будды была изготовлена статуя Шакьямуни, ставшая чудотворной и считавшаяся образцом для последующих изображений[37]. В «Лалитавистаре» этот царь представлен иначе. Он придерживается осуждаемого буддизмом «учения об уничтожении». Основания для этого и ряда других обвинений остаются неясными. Про род Ватса говорится, что он «происходит от рожденного чужим мужчиной» (санскрит); это не имеет подтверждения у Дивакары, но перекликается с замечанием Фа-ху о «смешанных браках». Также непонятно упоминание Дивакары об «узурпации трона» родом матери. Таким образом, выраженное в нашем тексте резко отрицательное отношение к роду Ватса не опирается ни на одну из известных нам традиций.

Следующим обсуждается государство племени личчхавов, входивших в объединение вриджи (санскр. vṛji, пали vajji). Если в случае Каушамби предметом обсуждения является царский род, то теперь в санскритской версии сутры страна обозначена через ее столицу – Вайшали; род или конкретный царь не упоминаются вовсе. При обращении к китайским переводам сразу бросается в глаза, что перевод IV в. в этом отношении весьма близок к санскритскому тексту, тогда как в варианте VII в. речь идет не о городе, а о царе и его роде.

Восхваление Вайшали во всех версиях текста содержит упоминания о богатстве города, а также о его роскошной архитектуре и прекрасных садах и парках. Это согласуется с описаниями Вайшали в канонической и комментаторской палийской

---

[33] Burlingame 2005, pt I, 247–252.
[34] Lacôte 1908, 69.
[35] Burlingame 2005, pt I, 270–272.
[36] Burlingame 2005, pt I, 274–277.
[37] Александрова 2008, 257.

литературе, где перечисляются те же признаки процветания. Так, в Винае говорится, что город во времена Будды был богатым и многолюдным, в нем было множество высоких зданий, садов и водоемов[38].

В отличие от царств, о которых речь шла ранее, государство личчхавов имело республиканское устройство, и, очевидно, его критика в «Лалитавистаре» подразумевает эту особенность. В Вайшали регулярно созывались собрания, на которых обсуждались общественные дела. Такая «демократия», предполагающая отсутствие подчинения вышестоящим, могла рассматриваться как состояние общества, при котором каждый считает себя «царем», младшие не почитают старших и никто ни у кого не учится. Замечание из санскритского текста о том, что в Вайшали каждый думает: «Я царь, я царь!», основывается на традиционном представлении о множестве «царей» в этом городе. Согласно комментарию к «Дхаммападе» (XXI. 1), их было 7707 и каждый имел свой дворец[39], тогда как в «Махавасту» их число составляет «дважды 84 тысячи»[40].

С другой стороны, утверждения о неуважении к старшим и несправедливости по отношению друг к другу прямо противоречат характеристике вриджи в диалоге Будды и Ананды в начале «Махапаринирванасутры», где говорится, что процветание этого народа обусловлено его твердыми моральными принципами, включающими почитание старших, соблюдение древних обычаев и отсутствие раздоров[41]. Однако в палийском каноне можно найти и другой образ вриджи-личчхавов. В «Ангуттара-никае» есть сутта, в которой некий Маханама, обращаясь к Будде, порицает молодых личчхавов за их грубость, алчность, пристрастие к грабежу, дурное поведение с женщинами[42].

Таким образом, можно сделать вывод, что описание Вайшали опирается на буддийскую традицию, отраженную в палийских и санскритских памятниках.

Географическое название следующей страны не приводится ни в одном из рассматриваемых текстов. Речь идет о царстве Аванти, но оно обозначено через имя правителя Прадьёты (Фа-ху, по-видимому, ошибся, приняв имя царя за топоним – «страна Прадьёта»). Перевод VII в. лаконичнее санскритской версии, но по содержанию весьма близок к ней. В восхвалении Аванти не используется обычная формула, подчеркивающая процветание и богатство. Достоинством государства Прадьёты объявляется только его военная мощь. Недостатки же этого царского рода оказываются продолжением его достоинств: он осуждается за гневливость, жестокость (санскр.) или суровость (кит.), т.е. за качества, которые свойственны воинам.

Имя Прадьёты, отца Васавадатты (Васуладатты), мы уже упоминали в связи с его отношениями с Удаяной. Это еще один герой «Брихаткатхи», вошедший в буддийское предание. В комментарии к «Дхаммападе» этот царь за свой буйный нрав именуется Caṇḍapajjotta (санскр. Caṇḍapradyota – «гневливый Прадьёта»). Прозвище «гневливый» мотивируется рядом сюжетов. В палийской Винае рассказывается, как врач, давший царю необходимое, но неприятное лекарство, вынужден был бежать, спасаясь от ярости пациента[43]. Согласно китайской «Винае муласарвастивадинов», страдающий бессонницей Прадьёта имел обыкновение в третью

[38] Mahāvagga VIII. 1. 1.
[39] Burlingame 2005, pt III, 168.
[40] Mahāvastu 2003, vol. 1, 218.
[41] Waldschmidt 1951, 108–116.
[42] Aṅguttaranikāya III. V. VI. 58.
[43] Mahāvagga VIII. I. 23–29.

литературе, где перечисляются те же признаки процветания. Так, в Винае говорится, что город во времена Будды был богатым и многолюдным, в нем было множество высоких зданий, садов и водоемов[38].

В отличие от царств, о которых речь шла ранее, государство личчхавов имело республиканское устройство, и, очевидно, его критика в «Лалитавистаре» подразумевает эту особенность. В Вайшали регулярно созывались собрания, на которых обсуждались общественные дела. Такая «демократия», предполагающая отсутствие подчинения вышестоящим, могла рассматриваться как состояние общества, при котором каждый считает себя «царем», младшие не почитают старших и никто ни у кого не учится. Замечание из санскритского текста о том, что в Вайшали каждый думает: «Я царь, я царь!», основывается на традиционном представлении о множестве «царей» в этом городе. Согласно комментарию к «Дхаммападе» (XXI. 1), их было 7707 и каждый имел свой дворец[39], тогда как в «Махавасту» их число составляет «дважды 84 тысячи»[40].

С другой стороны, утверждения о неуважении к старшим и несправедливости по отношению друг к другу прямо противоречат характеристике вриджи в диалоге Будды и Ананды в начале «Махапаринирванасутры», где говорится, что процветание этого народа обусловлено его твердыми моральными принципами, включающими почитание старших, соблюдение древних обычаев и отсутствие раздоров[41]. Однако в палийском каноне можно найти и другой образ вриджи-личчхавов. В «Ангуттара-никае» есть сутта, в которой некий Маханама, обращаясь к Будде, порицает молодых личчхавов за их грубость, алчность, пристрастие к грабежу, дурное поведение с женщинами[42].

Таким образом, можно сделать вывод, что описание Вайшали опирается на буддийскую традицию, отраженную в палийских и санскритских памятниках.

Географическое название следующей страны не приводится ни в одном из рассматриваемых текстов. Речь идет о царстве Аванти, но оно обозначено через имя правителя Прадьёты (Фа-ху, по-видимому, ошибся, приняв имя царя за топоним – «страна Прадьёта»). Перевод VII в. лаконичнее санскритской версии, но по содержанию весьма близок к ней. В восхвалении Аванти не используется обычная формула, подчеркивающая процветание и богатство. Достоинством государства Прадьёты объявляется только его военная мощь. Недостатки же этого царского рода оказываются продолжением его достоинств: он осуждается за гневливость, жестокость (санскр.) или суровость (кит.), т.е. за качества, которые свойственны воинам.

Имя Прадьёты, отца Васавадатты (Васуладатты), мы уже упоминали в связи с его отношениями с Удаяной. Это еще один герой «Брихаткатхи», вошедший в буддийское предание. В комментарии к «Дхаммападе» этот царь за свой буйный нрав именуется Caṇḍapajjotta (санскр. Caṇḍapradyota – «гневливый Прадьёта»). Прозвище «гневливый» мотивируется рядом сюжетов. В палийской Винае рассказывается, как врач, давший царю необходимое, но неприятное лекарство, вынужден был бежать, спасаясь от ярости пациента[43]. Согласно китайской «Винае муласарвастивадинов», страдающий бессонницей Прадьёта имел обыкновение в третью

[38] Mahāvagga VIII. 1. 1.
[39] Burlingame 2005, pt III, 168.
[40] Mahāvastu 2003, vol. 1, 218.
[41] Waldschmidt 1951, 108–116.
[42] Aṅguttaranikāya III. V. VI. 58.
[43] Mahāvagga VIII. I. 23–29.

стражу ночи обходить своих слуг и тех, кто не откликался на третий призыв, он предавал казни[44]. Стоит отметить, что в кашмирских версиях «Брихаткатхи» этот правитель также назван Mahāsena «Имеющий великое войско» (Кшемендра) и Caṇḍamahāsena «Гневливый имеющий великое войско» (Сомадева)[45]. Все эти черты образа Прадьёты согласуются с его характеристикой в «Лалитавистаре». Даже упоминание о слонах в санскритской версии представляется неслучайным: среди главных сокровищ этого царя неизменно упоминаются чудесный слон Налагири, передвигавшийся с необыкновенной скоростью, и слониха Бхадравати (пали Бхаддаватика), на которой совершали побег как врач Дживака, так и пленник Удаяна[46].

Особняком стоит редакция Фа-ху. Вероятно, неправильное толкование имени собственного повлекло за собой и искажение дальнейшего текста. Те качества, которые характеризуют царя и его род, перенесены на всех жителей страны. Рассказ у Фа-ху более пространен и детализирован, что, надо полагать, отражает версию, которую использовал этот переводчик, где «насмешливость», «легкомыслие» и «заносчивость» могли также входить в число характеристик царя, а не народа Аванти.

Обсуждением «страны Прадьёты» заканчивается перечень царств в переводе IV в. Таким образом, можно считать, что дальнейший текст, посвященный Матхуре, Хастинапуре и Митхиле, представляет собой интерполяцию, сделанную ранее VII в., поскольку в переводе Дивакары этот фрагмент присутствует.

В санскритской «Лалитавистаре» восхваление Матхуры ограничивается обычной формулой о процветании и богатстве. Однако далее в отличие от сообщений о предыдущих странах приводится и название столицы (Матхура), и название страны (Шурасена), и имя правителя (Субаху). В китайском переводе Шурасена не упомянута, а восхваление отнесено не к городу, а к царю.

Появление Матхуры в перечне возможных мест рождения Боддхисаттвы не удивительно – начиная с кушанской эпохи этот город был важным центром буддийской культуры, о значении этого места для буддиста-паломника говорится в записках Фа-сяня и Сюань-цзана[47]. При этом имя царя – Субаху (subāhu) – вызывает недоумение. В словаре Малаласекеры не фигурирует какой-либо правитель Матхуры с таким именем. В словаре буддийского санскрита Эджертона наш контекст приводится в качестве единственного упоминания об этом царе[48]. Властитель Матхуры Субаху известен лишь из индуистской литературы. Согласно «Рамаяне», основателем города был брат Рамы Шатругхна. В конце жизни этот правитель отправился в Айодхью, разделив царство между двумя сыновьями, и Матхура досталась старшему сыну Субаху[49]. Передача власти Субаху – канонический элемент рамаитского сюжета, она упоминается и в «Рагхуванше» Калидасы[50], и в ряде анонимных переработок «Рамаяны»[51]. Но об обстоятельствах его правления в этих источниках ничего не сообщается. Порицание в «Лалитавистаре» Субаху как представителя «рода, придерживающегося ложных взглядов», вполне понятно. Род, связанный с Рамой, которому поклоняются вишнуиты, в буддийской среде, естественно,

---

[44] Lacôte 1908, 237.
[45] Lacôte 1908, 236.
[46] Mahāvagga VIII. I. 28; Burlingame 2005, pt I, 272–274.
[47] Александрова 2008, 123, 223.
[48] Edgerton 1998, vol. 2, 600.
[49] Rāmāyaṇa VII. 108. 9–11.
[50] Raghuvaṃśa 15. 36.
[51] См., например: Adhyātmarāmāyaṇa VII. 9. 21.

стражу ночи обходить своих слуг и тех, кто не откликался на третий призыв, он предавал казни[44]. Стоит отметить, что в кашмирских версиях «Брихаткатхи» этот правитель также назван Mahāsena «Имеющий великое войско» (Кшемендра) и Caṇḍamahāsena «Гневливый имеющий великое войско» (Сомадева)[45]. Все эти черты образа Прадьёты согласуются с его характеристикой в «Лалитавистаре». Даже упоминание о слонах в санскритской версии представляется неслучайным: среди главных сокровищ этого царя неизменно упоминаются чудесный слон Налагири, передвигавшийся с необыкновенной скоростью, и слониха Бхадравати (пали Бхаддаватика), на которой совершали побег как врач Дживака, так и пленник Удаяна[46].

Особняком стоит редакция Фа-ху. Вероятно, неправильное толкование имени собственного повлекло за собой и искажение дальнейшего текста. Те качества, которые характеризуют царя и его род, перенесены на всех жителей страны. Рассказ у Фа-ху более пространен и детализирован, что, надо полагать, отражает версию, которую использовал этот переводчик, где «насмешливость», «легкомыслие» и «заносчивость» могли также входить в число характеристик царя, а не народа Аванти.

Обсуждением «страны Прадьёты» заканчивается перечень царств в переводе IV в. Таким образом, можно считать, что дальнейший текст, посвященный Матхуре, Хастинапуре и Митхиле, представляет собой интерполяцию, сделанную ранее VII в., поскольку в переводе Дивакары этот фрагмент присутствует.

В санскритской «Лалитавистаре» восхваление Матхуры ограничивается обычной формулой о процветании и богатстве. Однако далее в отличие от сообщений о предыдущих странах приводится и название столицы (Матхура), и название страны (Шурасена), и имя правителя (Субаху). В китайском переводе Шурасена не упомянута, а восхваление отнесено не к городу, а к царю.

Появление Матхуры в перечне возможных мест рождения Боддхисаттвы не удивительно – начиная с кушанской эпохи этот город был важным центром буддийской культуры, о значении этого места для буддиста-паломника говорится в записках Фа-сяня и Сюань-цзана[47]. При этом имя царя – Субаху (subāhu) – вызывает недоумение. В словаре Малаласекеры не фигурирует какой-либо правитель Матхуры с таким именем. В словаре буддийского санскрита Эджертона наш контекст приводится в качестве единственного упоминания об этом царе[48]. Властитель Матхуры Субаху известен лишь из индуистской литературы. Согласно «Рамаяне», основателем города был брат Рамы Шатругхна. В конце жизни этот правитель отправился в Айодхью, разделив царство между двумя сыновьями, и Матхура досталась старшему сыну Субаху[49]. Передача власти Субаху – канонический элемент рамаитского сюжета, она упоминается и в «Рагхуванше» Калидасы[50], и в ряде анонимных переработок «Рамаяны»[51]. Но об обстоятельствах его правления в этих источниках ничего не сообщается. Порицание в «Лалитавистаре» Субаху как представителя «рода, придерживающегося ложных взглядов», вполне понятно. Род, связанный с Рамой, которому поклоняются вишнуиты, в буддийской среде, естественно,

---

[44] Lacôte 1908, 237.
[45] Lacôte 1908, 236.
[46] Mahāvagga VIII. I. 28; Burlingame 2005, pt I, 272–274.
[47] Александрова 2008, 123, 223.
[48] Edgerton 1998, vol. 2, 600.
[49] Rāmāyaṇa VII. 108. 9–11.
[50] Raghuvaṃśa 15. 36.
[51] См., например: Adhyātmarāmāyaṇa VII. 9. 21.

считался принадлежащим к чуждой традиции. Но сам Субаху, по-видимому, воспринимался как невыразительный персонаж, и потому в ряде рукописей имеется добавление, что этот правитель происходил из рода Кансы (kaṃsakulasya)[52]. Канса – важный персонаж сюжета о юности Кришны, изложенного в «Хариванша-пуране» и другой вишнуитской литературе. Этот демонический правитель Матхуры держал в заточении родителей Кришны и неоднократно пытался расправиться с ним самим. В конце концов, Кришна убил своего врага. Привязка Субаху к другому роду, связанному с мифологией Матхуры, отражает попытку анонимных редакторов памятника поместить этого неопределенного персонажа в более известный контекст.

Следующее царство также напрямую связано с индуистской традицией, но не с «Рамаяной», а с «Махабхаратой». Город Хастинапура был, по преданию, построен пятью сыновьями Панду – Пандавами.

Имя царя в санскритском тексте не названо, отмечена лишь его принадлежность к роду Пандавов. Знаменитый сюжет о рождении эпических героев от разных богов, делающем их самих полубогами, здесь остроумно переосмыслен как свидетельство нечистоты рода. Китайский переводчик как бы резюмирует повествование, передавая лишь основной смысл. Он опускает перечисление богов и героев, ограничиваясь лишь выводом об их внебрачном рождении. Кроме того, «царя Пандаву» Дивакара называет «евнухом»; возможно, это отголосок сюжета о Панду, который не мог приблизиться к своим женам в результате проклятия подвижника, что и стало причиной рождения сыновей от богов. Последним в перечне значится город Митхила, столица царства Видеха. Весь рассказ о Митхиле построен вокруг царя Сумитры. Это, пожалуй, самый загадочный персонаж из всей дискуссии о возможных местах рождения Бодхисаттвы. В палийском словаре Малаласекеры нет Сумитры, царя Митхилы. В словаре Эджертона в соответствующей статье дается ссылка только на нашу главу «Лалитавистары»[53]. Среди правителей с таким именем, упомянутых в «Махабхарате», ни один не связан с Митхилой[54]. Однако конкретность приведенных в главе сведений (многодетность, старость) заставляет предположить, что для составителей текста это была хорошо известная фигура. Кроме того, нельзя не заметить, что царь Митхилы – единственный персонаж, не подвергнутый осуждению и, более того, представленный как несомненный приверженец дхармы и праведник во всем фрагменте о царских родах.

Претендента на роль благочестивого правителя Митхилы можно обнаружить только в династийных списках пуран. Согласно «Матсья-пуране» и «Ваю-пуране», последнего царя из рода Икшваку звали Сумитра[55]. Этот царь был правителем Митхилы и умер примерно в то же время, когда родился Бодхисаттва[56]. Важно отметить, что к роду Икшваку пураны причисляют и правителя шакьев Шуддходану – это согласуется и с буддийскими представлениями[57]. Возможно, родство с Бодхисаттвой послужило причиной того, что этот правитель представлен как сторонник дхармы и поставлен последним в списке, предваряя восхваление Шуддходаны.

---

[52] Hokazono 1994, 311.

[53] Edgerton 1998, vol. 2, 601.

[54] Sörensen 1963, 657.

[55] Pargiter 1913, 12, 67.

[56] Kosambi 1955, 41; 1967, 35.

[57] См. неоднократные упоминания у Ашвагхоши (Aśvaghoṣa I. 1. 44; VII. 6; IX. 4; XII. 1; XIV. 92).

Можно добавить, что в джайнской традиции Сумитрой звали отца двадцатого тиртханкара Мунисувраты, современника событий «Рамаяны». Упоминание о нем появляется лишь в постканонической литературе (в «Кальпасутре» Бхадрабаху о родителях Мунисувраты не сказано ничего). По некоторым сведениям он был царем Митхилы[58], хотя в других источниках говорится, что он правил в Раджагрихе[59].

Это позволяет предположить присутствие в индийском предании образа некоего царя-мудреца по имени Сумитра, который не вошел в эпическую традицию, но был по-разному усвоен историографией пуран и агиографией буддистов и джайнов.

VII. В результате дискуссии о «выборе рода» боги обнаруживают свою неспособность определить идеальное царство и подходящий род для будущего Будды и обращаются за советом к самому Бодхисаттве.

Последние части прозаического текста главы выдержаны в ином стилистическом регистре. Рассказ о достоинствах рода и матери Бодхисаттвы построен как два длинных перечня хвалебных эпитетов. При этом нельзя не заметить, что текст не только изобилует тавтологиями («бывает раздающим обильную милостыню» и «бывает предан щедрости», «бывает неподвластным помрачению ума» и «бывает не подверженным помрачению ума»), но и содержит прямые повторы (род дважды назван «непоколебимым», дважды сказано, что он «вкушает наслаждения»). Но создается впечатление, что содержание конкретных «достоинств» здесь уходит на второй план. В перечнях важна именно формальная сторона: нарочитые и многократные повторы одной и той же конструкции (tat kulaṃ bhavati «тот род бывает»), включающие в себя более мелкие повторяющиеся единицы (kriyādhimuktaṃ… tyāgādhimuktaṃ… dānādhimuktaṃ), создают некий однообразный ритм. Звучание такого текста воспринимается слушателем как особо торжественное завершение повествования о том, как Бодхисаттва принял решение сойти на землю.

Перечни Дивакары также изобилуют тавтологиями и не свободны от повторов. Сопоставление с санскритским текстом показывает, что несмотря на сходство в общем порядке частей китайский вариант нельзя считать переводом. У Дивакары даны иные списки качеств рода и матери. Некоторые совпадающие «достоинства» (например, соблюдение обетов) присутствуют и в санскритском, и в китайском памятниках, но помещены в разные места списка. Однако при более пристальном рассмотрении можно заметить, что один блок в китайском перечне достоинств рода во многом совпадает с санскритским. В нумерованном списке Дивакары пункты с 36 по 61 содержат целый ряд близких по содержанию характеристик, расположенных в том же порядке, что и в индийской сутре, начиная со слов о неизменном мужестве и заканчивая упоминанием о «корнях благого». Это позволяет предположить существование некоторого первоначального более краткого списка, по-разному дополнявшегося в различных редакциях. Перечень достоинств матери, напротив, имеет весьма незначительное число соответствий. Это согласуется с тем фактом, что этот второй список отсутствует в раннем переводе.

Перечень Фа-ху также совпадает с санскритским лишь эпизодически. Однако и в нем есть небольшой фрагмент, близкий к санскритской редакции и версии Дивакары. Таблица подтверждает существование какого-то первоначального ядра восхваления рода, сохраненного во всех трех памятниках.

---

[58] Jain 2009, 87.

[59] Hemacandra 2001, 108–109.

САНСКРИТ	ДИВАКАРА	ФА-ХУ
В таком роду почитают матерей. В таком роду почитают отцов	50. Сыновья почитают отца и мать	50. Они чтут своих родителей
В таком роду почитают шраманов. В таком роду почитают брахманов	51. Преклоняются перед шраманами 52. Высоко ценят брахманов	51. Они почитают шраманов и брахманов
Такой род обладает многими сокровищницами, [полными] богатств и амбарами, [полными] зерна. Такой род бывает богатым многими драгоценностями в виде золота, золотых монет, жемчуга, золотой и серебряной [утвари и украшений]	53. В достатке обладают «семью сокровищами» 54. Обладают обильными урожаями хлебов	52. Они накопили большие богатства 53. В их сокровищницах много драгоценностей и зерна 54. Они полностью владеют «семью сокровищами»
Такой род владеет многочисленными [стадами] слонов, лошадей, буйволов, коров и баранов	55. Обладают несчетным числом слонов и коней	55. У них множество слонов и коней
Такой род [должен] иметь много рабынь, рабов, слуг и ремесленников	56. Обладают множеством слуг	56. Они не имеют себе равных 57. Рабов и прислуги у них так много, что им нет счета
Такой род бывает несокрушимым в бою. Такой род преуспевает во всем	57. Не считаются захватчиками 58. В начинаниях преуспевают	58. Они следуют выгоде и справедливости согласно своему желанию 59. Они неодолимы
Такой род бывает родом чакравартинов	59. Это род чакравартинов	–
К такому роду испытывают уважение благодаря накопленным им прежде корням благого	60. Их почитают накопившими корни добра в прежних поколениях 61. Все, что имеется в этом доме, произошло от корней добра, умноженных Бодхисаттвой	–

Расширение списков качеств рода и матери явно отражало стремление подчинить текст числовой символике, которая выявляется при сопоставлении с другими частями текста. В раннем переводе отсутствует указание точного числа рассмотренных богами родов, в то время как в санскритской сутре и версии Дивакары говорится, что боги обсудили 16 родов. Легко убедиться, что на самом деле были упомянуты только 8 царских родов. Столь очевидная «арифметическая ошибка» становится объяснимой, если вспомнить, что оба последующих перечня построены на числах, кратных восьми (64 качества рода и 32 качества матери). «Ошибочное» число родов дает возможность выстроить ряд, подчиненный удвоению: 8–16–32–64. Эта числовая последовательность согласуется и с основной темой главы о «четырех выборах». Кроме того, число 16 соответствует списку «16 великих стран» (soḷasa mahājanapadā), неоднократно приводимому в «Типитаке»[60], а также упоминанию того же числа стран (без перечня) в эпизоде выбора рода в «Махавасту»[61].

VIII. Прозаическая часть главы заканчивается восхвалением Шуддходаны и Майи, представляющим собой своего рода «ответ» на предшествующие списки

[60] Rhys Davids 1959, 12–15.
[61] Mahāvastu 2003, vol. 2, 2.

достоинств. При этом описание качеств царицы по объему текста значительно превосходит характеристику царя. Черты, отмеченные выше для списков достоинств, просматриваются и здесь: «портрет» Майи изобилует тавтологиями и включает прямые повторы (так, царица дважды названа «нелегкомысленной» – acapalā). Кроме того, в структуре этого текста различим некоторый план, который тем не менее несколько раз нарушается. Рассказ о Майе начинается с упоминания о ее юности и отсутствии у нее детей, далее говорится о ее красоте, затем перечисляются моральные качества, после этого речь идет о чертах лица (уши, волосы, лоб, брови), восхваляется голос царицы, далее снова превозносятся моральные качества, а затем сообщается о красоте отдельных частей тела, называемых в порядке движения сверху вниз, с головы до ног.

В переводе Дивакары многое близко к санскритскому варианту. Однако объемы текста, отведенного Шуддходане и Майе, в отличие от санскритской «Лалитавистары» приблизительно равны. Причина, как легко заметить, кроется в присутствии в санскритском описании Майи уже отмеченного последовательного перечисления частей тела. О том, что этот фрагмент является поздним добавлением, свидетельствует и его соответствие основному принципу описания женщин в классической санскритской литературе (кавье), где вместо цельного портрета героини автор описывал одну часть ее тела за другой, двигаясь сверху вниз.

Перевод Фа-ху демонстрирует серьезные расхождения как с санскритской, так и с поздней китайской версиями. Открывается текст восхвалением шакьев, а царь Шуддходана лишь упомянут в качестве их мудрого правителя. Таким образом, под родом здесь понимается не царский род, а все шакьи. В этой связи можно вспомнить, что имя Шуддходаны крайне редко встречается в палийском каноне. По-видимому, ранняя редакция «Лалитавистары» отражает тот этап формирования предания, когда образ царственного отца еще не играл важной роли. Причем, перечень добродетелей шакьев представляет их как неких «буддистов до Будды», хранящих «три сокровищницы» и следующих «одной колеснице». Описание же царицы сосредоточено почти исключительно на моральных качествах. При этом здесь говорится, что она была матерью Бодхисаттвы в пятистах рождениях, что повышает ее статус по сравнению с Шуддходаной.

IX. Заканчивается глава, как и большинство глав «Лалитавистары», стихотворным текстом, пересказывающим ее содержание. Стихи, как это нередко бывает в «Лалитавистаре», дают иную по сравнению с прозой версию легенды. Здесь отсутствует тема «четырех выборов». В прозаическом рассказе Фа-ху этой темы тоже нет, и это свидетельствует о том, что перед нами позднее добавление, которое редакторы памятника ввели в прозу, не меняя при этом стихотворного текста. Восхваление Майи в стихах также демонстрирует явную близость к прозе IV в.: ряд моральных качеств полностью совпадает, совпадает и упоминание о пятистах прошлых рождениях.

В санскритских стихах нет обсуждения царских родов, присутствующего во всех прозаических версиях. Нет здесь и обсуждения, как такового. Бодхисаттва сам обозревает Джамбудвипу и принимает решение, что только шакьи достойны стать родом, в котором он появится на свет. Однако последняя строфа (20) противоречит предыдущему тексту, поскольку в ней сказано, что царицу Майю описывали «боги и просветленные существа».

Сравнение трех вариантов стихотворного текста не оставляет сомнений в том, что оба китайских перевода сделаны с индийского оригинала, совпадающего с санскритскими гатхами, которыми мы располагаем, или очень близкого к ним. При этом наиболее близким к санскриту оказывается именно ранний перевод: каждая

из его 20 строф воспроизводит смысл соответствующей строфы «Лалитавистары». В поздней китайской версии наблюдаются некоторые расхождения с индийским вариантом, однако они незначительны.

Во вступительной части стихов у Фа-ху и у Дивакары (строфы 1–2) говорится, что боги сообща размышляли о надлежащем месте рождения Бодхисаттвы. Это соответствует прозаическому рассказу, но отличается от санскритской стихотворной версии, в которой размышлениям предается сам Бодхисаттва (строфа 2). Однако и здесь не обошлось без противоречий: в 18-й строфе Фа-ху мы встречаем формулировку «там следует мне (!) совершить нисхождение», что предполагает речь от лица Бодхисаттвы (как в санскритских стихах), а не богов. Можно предположить, что отмеченные противоречия внутри санскритской и ранней китайской версий свидетельствуют о существовании еще более ранней редакции, в которой Бодхисаттва сам описывал род шакьев. Тогда начало гатх было таким, как в санскритской сутре, а последняя строфа отсутствовала и была добавлена позднее, чтобы приблизить стихотворную версию к прозаической.

Теперь можно попытаться проследить эволюцию сюжета о пребывании Бодхисаттвы в мире богов Тушита, приведшую к формированию главы «О чистоте рода» в «Лалитавистаре». Выявляемые в стихотворном повествовании противоречия дают возможность предположить, что даже эта версия сюжета не является первоначальной. Гипотетическим началом предания о выборе рода можно считать речь Бодхисаттвы, восхваляющую шакьев и Майю. Стихи отражают наиболее ранний из сохранившихся вариантов рассказа. Он представляет собой пространное восхваление Майи, предваряемое восхвалением шакьев и Шуддходаны, в собрании богов.

Следующий этап развития сюжета отражен в переводе IV в. Здесь введен эпизод, в котором боги обсуждают пять царских родов и отвергают их все. Бодхисаттва перечисляет качества идеального рода. Остальная часть прозаического текста Фа-ху по содержанию близка к стихам: Бодхисаттва восхваляет шакьев и Майю.

Перевод VII в. демонстрирует существенную переработку предания. Вводится целый ряд новых эпизодов: сообщение о богах, сошедших на землю в преддверии явления Бодхисаттвы, сообщение о пратьекабуддах, покинувших земной мир, перекликающееся с «Махавасту» и текстами из комментария к палийскому канону. Выбор рода предваряется выбором времени, стороны света и страны, т.е. формулируется тема «четырех раздумий», являющаяся общей для текстов различных буддийских школ. Список царских родов увеличивается с пяти до восьми. К описанию идеального рода добавляется перечисление качеств идеальной матери. В последней части существенно возрастает роль царя Шуддходаны.

Санскритский текст содержит два важных дополнения: подробный рассказ о чакравартине и систематизированное описание внешности Майи. Тенденции, которые стоят за этими изменениями, различны. Текст о чакравартине представляет собой несомненное заимствование из канонической сутры и призван придать памятнику больший ореол сакральности. Описание Майи несет следы влияния санскритской поэтики и призвано приблизить произведение к эстетическим вкусам своего времени.

В то же время нельзя не отметить, что в ряде случаев было обнаружено сходство санскритского текста с ранним, а не с поздним китайским переводом (иерархия небожителей, собравшихся на совет, дискуссия о Магадхе и о царе ватсов). Это свидетельствует о сложном пути формирования сутры. Санскритский вариант, очевидно, восходит не к той редакции, с которой сделан перевод VII в., а к некоей иной версии, легшей в основу как известной нам «Лалитавистары», так и текста, отраженного в переводе Дивакары.

Теперь, когда процесс формирования главы в общих чертах выявлен, можно вернуться к вопросу о «политической карте», обрисованной в тексте памятника. Спор о царских родах содержит много материала, который выглядит как исторические реалии. Но если присмотреться к этому фрагменту главы внимательнее, нельзя не заметить, что эта «карта» описана весьма непоследовательно.

Пять царских родов, входивших в первоначальный вариант списка, обозначены различными способами: «род Вайдеха в стране Магадха» (род и страна), «род Каушала» (страна), «род царя вамша» (народ), «великий город Вайшали» (город), «род Прадьёты» (имя царя). Уже одно это наводит на мысль, что составители текста ориентировались на источники разного характера. Проведенный выше анализ показал, что описание Магадхи и Кошалы опирается преимущественно на индуистские источники, тогда как роды царя ватсов (вамша) и Прадьёты, а также город Вайшали описаны в соответствии с буддийской традицией. Таким образом, даже за первоначальным вариантом «карты» стояли не реалии какого-либо исторического времени, а образы, сформированные в разных литературных жанрах – в эпосе, буддийском каноне, буддийской постканонической обработке легенды об Удаяне.

Литературное происхождение еще ярче выражено в тексте о трех последних родах, добавленном между IV и VII вв. Описания этих родов построены более единообразно. Каждый раз называется главный город (Матхура, Хастинапура, Митхила). Во всех случаях речь идет о конкретных царях, названных поименно (Субаху, пятеро Пандавов, Сумитра). Источником всех трех описаний, как было показано, служит традиция эпоса и пуран.

«Географический обзор» Индии, представленный в «Лалитавистаре», изначально формировался как компиляция из различных литературных источников, не только буддийских. В дальнейшем его развитии индуистские источники явно преобладают.

Никак не связанные между собой предания – об Удаяне, Пандавах, Субаху и т.д. – помещены в контекст одного события, рождения Бодхисаттвы, и таким образом сделаны одновременными. Создатели главы как бы формировали свое историческое время, соединяя легенды о далеком прошлом с конкретным моментом зарождения буддизма. При этом вся общеиндийская традиция оказывалась лишь фоном для развертывания буддийского предания. Такая же картина представлена в «Винае муласарвастивадинов» (Pravrajyāvastu)[62]. Но для ее создания использован иной сюжетный ход: рассказывается, что одновременно со схождением Бодхисаттвы из мира Тушита на землю в четырех царских столицах родились наследники престола. В Раджагрихе родился Бимбисара, в Шравасти – Прасенаджит, в Удджаини – Прадьёта и в Каушамби – Удаяна. В этом случае «историческое время» также складывается из соединения преданий, приуроченных к событию рождения Будды.

Сообщения о богах, обучавших брахманов ведам перед рождением Бодхисаттвы, а также о пратьекабуддах, покидающих землю перед его появлением, выражают ту же идею центрального момента истории, в свете которого должно рассматриваться все предшествующее и последующее. Вставленный между этими двумя эпизодами фрагмент о сокровищах чакравартина также призван показать превосходство Будды над всеми легендарными, воспеваемыми в литературной традиции царями.

Глава «О чистоте рода», как явствует из представленного рассмотрения, являет собой создававшееся на протяжении веков собрание заимствований и интерполяций, своего рода «лоскутное одеяло», однако этот текст не лишен единства замыс-

[62] Mūlasarvāstivādavinayavastu 2000, vol. 2, 75.

ла, который с течением времени становился все более выраженным, приобретал законченное воплощение.

Литература

Александрова Н.В. 2008: Путь и текст. Китайские паломники в Индии. М.

Васильков Я.В. 2008: О значении «Махабхараты» для сравнительного эпосоведения // Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia. M., 262–274.

Aṅguttaranikāya 2006: The Book of the Gradual Sayings (Aṅguttara-nikāya) / Transl. by F.L. Woodland and E.M. Hare. Vol. 1–5. Delhi (1932[1]).

Apte V.S. 1995: The Practical Sanskrit-English Dictionary. Delhi.

Aśvaghoṣa 1995: Buddhacarita or the Acts of Buddha / Ed. and transl. by E.H. Johnston. Delhi (Lahore, 1936[1]).

Burlingame E.W. 2005: Buddhist Legends / Transl. From the Original Pali Text of the Dhammapada Commentary. Pt I–III. Delhi (1921[1]).

CBETA 2006: CBETA (邊境), Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection.

Edgerton F. 1998: Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. Vol. 1–2. Delhi.

Foucaux Ph. 1884: Le Lalita-vistara – Développement des jeux. T. 1. P.

Goswami B. 2001: Lalitavistara. English Translation with Notes Bijoya Goswami. Kolkata.

Hemacandra 2001: Triṣaṣṭiśalākāpuruṣacaritamahākāvyam. Pañcama-ṣaṣṭha-saptamaparvāṇi / śrīramaṇīkavijayajī Gaṇī & Vijayaśīlacandrasūri (eds.). Amadavada.

Hokazono K. 1994: Raritavisutara no kenkyū. Tokyo.

Hureau S. 2006: Preaching and Translating on poṣadha Days: Kumārajīva's Role in Adapting an Indian Ceremony to China // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. X, 87–119.

Jain A.K. 2009: Faith and Philosophy of Jainism. Delhi.

Jong J.W. de 1997: Recent Japanese Studies on the Lalitavistara // Indologica Taurinensia XXIII–XXIV. Torino, 247–256.

Kosambi D.D. 1955: The Basis of Ancient Indian History // JAOS. 75. 1, 35–45.

Kosambi D.D. 1967: The Vedic «Five Tribes» // JAOS. 87. 1, 33–39.

Lacôte F. 1908: Essai sur Guṇāḍhya et Bṛhatkathā. P.

Lalita-vistara 1958: Lalita-vistara / P.L. Vaidya (ed). Darbhanga.

Lefmann S. 1874: Lalita Vistara / Übersetzt von Salomon Lefmann. B.

Mahāvastu 2003: Mahāvastu avadāna. Vol. 1–2 / Dr. Bagchi & R. Basak (eds.). Darbhanga.

Malalasekera G.P. 1960: Dictionary of Pali Proper Names. Vol. 1–2. L.

Milindapañho 1928: The Milindapañho. The Pali Text / V. Trenckner (ed.). L.

Mitra R.L. 1998: The Lalita-Vistara. Memoirs of the Early Life of Sakya Sinha / Transl. by R.L. Mitra. Chs. 1–15. Delhi.

Mūlasarvāstivādavinayavastu 2000: Mūlasarvāstivādavinayavastu. Vol. 2 / Dr. S. Bagchi (ed.). Darbhanga.

Nidāna-kathā 1880: Buddhist Birth-Stories (Jataka Tales). The Commentarial Introduction Entitled Nidāna-kathā. The Story of the Lineage / Transl. by T.W. Rhys Davids. L.

Panglung J.L. 1981: Die Erzählstoffe des Mūlasarvāstivāda-Vinaya analysiert auf Grund der Tibetischen Übersetzung. Tokyo.

Pargiter F.E. 1913: The Purana Text of the Dynasties of the Kali Age. Oxf.

Raghuvaṃśa 1983: Raghuvaṃśa-mahākāvyam of Kālidāsa / Haragovinda Sastri (ed.). Varanasi.

Rhys Davids T.W. 1959: Buddhist India. Calcutta (L., 1903[1]).

Schumann H.W. 2004: The Historical Buddha. The Times, Life and Teachings of the Founder of Buddhism. Delhi.

Sörensen S. 1963: An Index to the Names in the Mahābhārata. Delhi (1904[1]).

Waldschmidt E. 1951: Das Mahāparinirvāṇasūtra. Teil II: Textbearbeitung: Vorgang 1–32. B.

Weller F. 1915: Zum Lalita Vistara. I. Über die Prosa des Lalita Vistara. Lpz.

Winternitz M. 1977: A History of Indian Literature. Vol. 2. Buddhist Literature and Jaina Literature / Transl. by S. Ketkar and S. Kohn. Delhi.

Witzel M. 1997: The Development of the Vedic Canon and its Schools: The Social and Political Milieu // Inside the Texts. Beyond the Texts. New Approaches to the Study of the Vedas (Harvard Oriental Series. Opera Minora. Vol. 2). Cambr., 257–345.

KINGS AND KINGDOMS OF ANCIENT INDIA IN A BUDDHIST SUTRA

(*The Third Chapter of the «Lalitavistara»*)

N.V. Aleksandrova, M.A. Rusanov

The authors explore the sources of a chapter from the «Lalitavistara», a Mahayana sutra narrating the life of Buddha. The analysed part of the sutra presents Buddhist concept of an ideal ruler and briefly describes the main kingdoms of ancient India. The question discussed is whether the text can be used as a historical source reflecting political reality. To answer this question, one has to trace the history of the text and to reveal the historical material used in it. For this purpose the authors explore Chinese translations of the «Lalitavistara» reflecting earlier versions of the sutra. They also publish Russian translation of all the texts concerned, because there has been neither any Russian translation of the «Lalitavistara» nor any translations of its Chinese versions in European languages.

© 2012 г.

Ю. Н. Кузьмин

КАЛЛИППА И БЕРОЯ[1]

В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского сохранилось сообщение о некой Каллиппе, бывшей наложнице (παλλακίς) последнего Антигонида Персея. В настоящей статье автор высказывает предположение о том, что Каллиппа, чья жизнь оказалась связанной с представителями двух царских династий – Антигонидов и Атталидов, происходила из знатной семьи Гиппостратов-Каллиппов, засвидетельствованной эпиграфическими источниками в македонском городе Береа в III–II вв. до н.э.

Ключевые слова: Македония, Береа, Каллиппа, Гиппостраты-Каллиппы, Персей, Антигониды, Афиней, Атталиды, Андриск.

Данная работа завершает «трилогию» о знатных семьях из г. Береа в Македонии в эпоху эллинизма. Первые две статьи были посвящены семьям, условно названным по наиболее распространенным в них именам Гарпалами-Полемеями и Балакрами-Пантавхами[2]. Их представители известны по наи-

Кузьмин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Самарского филиала Московского государственного педагогического университета.

[1] Я хотел бы выразить благодарность д.и.н. проф. О.Ю. Климову (кафедра истории Древней Греции и Рима СПбГУ), с которым мы обсуждали некоторые «пергамские аспекты» сюжетов, рассмотренных в данной работе, а также д-ру Э. Кэрни (Клемсон, США) и д-ру А. Татаки (Афины). Я признателен также всем друзьям и коллегам, участвовавшим в обсуждении доклада, посвященного вопросу о Каллиппе и ее возможных родственных связях, прочитанного на XVII Сергеевских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова (февраль 2011 г.). Разумеется, вся ответственность за представленные здесь выводы лежит только на авторе.

[2] Кузьмин 2008, 152–161; 2010, 135–140.

большему числу упоминаний в источниках и, соответственно, значимости – как в общественной жизни своего родного города, так и в общегосударственной администрации державы Антигонидов. Впрочем, в сообщениях ряда античных авторов и в надписях фиксируются имена еще нескольких жителей Берои эллинистической эпохи, определенно принадлежавших к местной аристократии. В интересующей нас здесь семье из Берои, которую можно уверенно проследить в нескольких поколениях, наиболее распространенными были «классические» аристократические имена Гиппострат и Каллипп.

В начале списка «гегемонов», сопровождающего письмо царя Антигона III Досона боттеатам и жителям Берои (август 223 г. до н.э.)[3], сразу после Полемея, сына Гарпала (представителя семьи Гарпалов-Полемеев), стоят имена Тимокла, сына Каллиппа (I), и Гиппострата, сына Каллиппа (I) (EKM I. 4 v. 11–12)[4]. Скорее всего, что это были братья, принадлежавшие к семье Гиппостратов-Каллиппов[5].

Несколько десятилетий спустя одним из должностных лиц, предложивших на утверждение народного собрания Берои закон о гимнасиархе и устав гимнасия (νόμος γυμνασιαρχικός), был Каллипп (II), сын Гиппострата (EKM I. 1a v. 4–5, 18). Без сомнений, в этом лице следует видеть сына упомянутого выше командира в армии Антигона Досона[6]. По мнению М. Хадзопулоса, Каллипп (II), сын Гиппострата, был политархом – одним из главных городских магистратов[7]; прежде считалось, что он мог занимать пост, связанный с руководством гимнасием[8]. Так или иначе, важная роль Каллиппа (II) в общественной жизни Берои несомненна.

Также было высказано предположение о тождественности Каллиппа (II), сына Гиппострата, с флотоводцем (praefectus classis) последнего Антигонида Персея (179–168 гг. до н.э.) Каллиппом (Callippus – Liv. XLIV. 28. 1)[9]. Данная идентификация стала одной из основ для датировки М. Хадзопулосом закона о гимнасиархе из Берои концом правления династии Антигонидов, так как Каллипп (II), сын Гиппострата, если он действительно был одним из царских навархов, без сомнения попадал в категорию лиц, подлежавших депортации в Италию после ликвидации

---

[3] Боттия (Боттиэя) – один из четырех военно-административных округов Македонского царства, в который входила и Береа (Hatzopoulos 1996, 231–260).

[4] Имя царя в надписи не сохранилось, так как верхняя часть стелы с началом письма повреждена, в его конце имеется лишь датировка – Ἔτους Ζ Γορπιαίου ΙΖ (7-го года, 17 *горпиэя* – EKM I. 4 v. 10). Однако издатели убедительно показали, что этот документ, начертание букв которого относится ко второй половине III в. до н.э., датирован царствованием именно Антигона III Досона (229–221 гг. до н.э.) и связан с Клеоменовой войной (229–222 гг. до н.э.) (Allamani-Souri, Voutiras 1996, 16–19; ср. Γουναροπούλου, Χατζόπουλου 1998, 97; SEG XLVI. 729; Tziafalias, Helly 2010, 106–107). Совсем недавно Б. Элли, один из издателей писем Антигона Досона из Перребии, предложил датировать его письмо в Берою не 223-м, а 222-м годом до н.э. (Tziafalias, Helly 2010, 95–96, 106–112). Однако это несомненно интересное предположение, основанное на попытке общей ревизии хронологии царствования Досона (с 230/229–222/221 гг. до н.э. на 229/228–221/200 гг. до н.э.), все же вызывает серьезные сомнения.

[5] Ср. Allamani-Souri, Voutiras 1996, 24.

[6] Ср. Gauthier, Hatzopoulos 1993, 40–41; Hatzopoulos 1996, 138; Allamani-Souri, Voutiras 1996, 24–25; Tataki 1999, 1117–1118.

[7] Gauthier, Hatzopoulos 1993, 43; ср. Paschidis 2006, 261.

[8] Tataki 1988, 424–425.

[9] Gauthier, Hatzopoulos 1993, 41; Hatzopoulos 1996, 138; Paschidis 2006, 261.

римлянами монархии в Македонии[10], и вряд ли он мог оставаться в Берое после 167 г. до н.э.[11]

Можно отметить, что если родственные связи между Гиппостратом, сыном Каллиппа (I) (EKM I. 4 – 223 г. до н.э.), и Каллиппом (II), сыном Гиппострата (EKM I. 1 – первая треть II в. до н.э.), не вызывают сомнений, то отождествление последнего с флотоводцем Персея, имя которого указано Ливием без патронимика и места происхождения, не может быть столь уверенным[12] – даже несмотря на то что П. Пасхидис, допуская подобную идентификацию, отметил редкость имени Каллипп в Македонии[13]. В царстве Антигонидов, помимо двух Каллиппов (деда и внука) из Берои и наварха Каллиппа в надписи первой трети II в. до н.э. из Амфиполя, засвидетельствован лишь еще один человек с таким именем – некий Каллипп, сын Менандра, бывший одним из ἐμπορίου ἐπιμεληταί[14].

После римского завоевания Македонии Гиппостраты-Каллиппы не прослеживаются в Берое[15], но в связи с этой семьей следует разобрать, как представляется, один весьма интересный сюжет.

Диодор, рассказывая о начальном этапе карьеры Андриска (Филиппа VI, Лжефилиппа) и его притязаниях на македонский трон[16], упоминает некую Каллиппу – бывшую наложницу (παλλακίς)[17] царя Персея, а впоследствии и Афинея Пергамского[18]. Идентификация Афинея как представителя династии Атталидов, самого

---

[10] О депортации римлянами македонской военно-политической элиты в Италию в 167 г. до н.э. см. Кузьмин 2010, 135–136; 2011.

[11] Gauthier, Hatzopoulos 1993, 41. В начале 168 г. до н.э. Каллипп вместе с Антенором командовал царской эскадрой, действовавшей в Эгейском море (*Liv.* XLIV. 28. 1). После битвы при Пидне (июнь 168 г. до н.э.) Антенор, находившийся в это время с эскадрой в районе Хиоса, отправился к Кассандрии (*Liv.* XLV. 10. 1), где, вероятно, он сдал корабли римлянам (Каллипп в связи с этим не упоминается).

[12] Ср. Tataki 1988, 425.

[13] Paschidis 2006, 261, 68.

[14] SEG XLVI. 720 (ср. LGPN IV. s.v. Κάλλιππος). Представляется, что М. Хадзопулос справедливо выступил против идентификации Каллиппа из Амфиполя с навархом Персея (Hatzopoulos 1996, 138).

[15] Наиболее вероятно, что νόμος γυμνασιαρχικός, одним из инициаторов принятия которого был Каллипп (II), сын Гиппострата, относится к концу царского времени, а не к «республиканскому периоду» (167–149 гг. до н.э.) (Gauthier, Hatzopoulos 1993, 35–41; Hatzopoulos 1996, 134–138; 2003, 31–36). Датировка этого важнейшего эпиграфического памятника является предметом долгой дискуссии (последние по времени ремарки обобщены в SEG LIV. 602; LV. 677bis).

[16] Об Андриске см. Wilcken 1894, 2141–2143; Cardinali 1911, 1–20; Мурыгина 1957, 69–84; MacKay 1965, 66–84; Helliesen 1986, 307–314; Rubinsohn 1988, 145–146; Rosen 1998, 117–130.

[17] Следует сделать замечание по поводу передачи термина παλλακίς как «наложница». В данном случае слово «наложница» не подразумевает заведомо приниженного статуса, подчеркивая лишь «нелегитимность» отношений (ср. LSJ[9] s.v. παλλακίς [II]: concubine, opp. lawful wife).

[18] *Diod.* XXXII. 15. 4–6: Ἔχων δὲ συνεργὸν Νικόλαόν τινα ψάλτην, Μακεδόνα τὸ γένος, ἐπύθετο παρ' αὐτοῦ παλλακίδα γεγενημένην Περσέως τοῦ βασιλέως ὄνομα Καλλίππαν συνοικεῖν Ἀθηναίῳ τῷ Περγαμηνῷ. πρὸς ταύτην οὖν διελθών, καὶ τραγῳδήσας τὴν ἑαυτοῦ πρὸς Περσέα συγγένεαν, εὐπόρησε παρ' αὐτῆς ἐφόδια καὶ στολὴν βασιλικὴν καὶ διάδημα καὶ δύο παῖδας πρὸς τὰς χρείας εὐθέτους· ἤκουσε δ' αὐτῆς ὅτι καὶ Τήρης ὁ βασιλεὺς τῶν Θρᾳκῶν ἔχει γυναῖκα Φιλίππου τοῦ βεβασιλευκότος θυγατέρα. ἀπὸ δὲ τούτων τῶν ἀφορμῶν μετεωρισθεὶς προῆγεν εἰς Θρᾴκην – «От своего сообщника арфиста Николая, македоняни-

младшего из четырех сыновей царя Аттала I (241–197 гг. до н.э.)[19], не должна вызывать сомнений[20].

Из сообщения Диодора (...συνοικεῖν Ἀθηναίῳ τῷ Περγαμηνῷ) не совсем ясно, стала ли Каллиппа женой Афинея или же просто сожительствовала с ним[21]. Можно отметить, что Диодор не называет Каллиппу γυνή Афинея, при этом четко обозначая ее статус при Персее как παλλακίς. Впрочем, фразеология Диодора не исключает того, что Каллиппа все же стала законной супругой Афинея[22].

Скорее всего, Каллиппа была македонянкой, – вероятно, женщиной знатного происхождения, на что вполне может указывать уже ее имя[23]. Время связи Каллиппы с Персеем неизвестно; она могла иметь место как до женитьбы последнего Антигонида на селевкидской царевне Лаодике ок. 178–177 гг. до н.э.[24], так и на протяжении этого брака.

Что же касается Афинея, то он, как один из командиров пергамского контингента, участвовал в третьей Македонской войне (Liv. XLII. 55. 7–8; 56. 5), в том числе и в битве при Пидне[25], а также сопровождал Эмилия Павла во время его поездки

на родом, <Андриск> узнал о том, что бывшая наложница царя Персея по имени Каллиппа живет с Афинеем Пергамским. Прибыв к ней, <Андриск> в трагических тонах рассказал о своем родстве с Персеем и получил от нее деньги на дорогу, царское одеяние и диадему, а также двух рабов, полезных в случае необходимости; услышал <от Каллиппы Андриск> и о том, что царь фракийцев Терес женат на дочери царствовавшего прежде Филиппа. Воодушевленный этим, отправлялся <Андриск> во Фракию».

[19] Из трех старших братьев Афинея – Эвмена, Аттала и Филетера – первые двое стали царями (Эвмен II и Аттал II). Об Афинее см., например: Wilcken 1896, 2024; Hopp 1977, 30.

[20] Ср. Cardinali 1911, 12, n. 2; Hopp 1977, 93–94, Anm. 187. Некоторые антиковеды называют Афинея просто жителем Пергама, не аргументируя, впрочем, свои сомнения по поводу его принадлежности к дому Атталидов (Niese 1903, 332, Anm. 3; Benecke 1930, 276).

[21] По мнению Д. Огдена, Каллиппа была именно женой Афинея (1999, 231, 239, 241).

[22] Ср. с терминологией Диодора по поводу матримониальной политики некоторых диадохов (*Diod.* XVIII. 18. 7; 23. 1; XIX. 59. 3).

[23] Каллиппа, о которой идет речь в данной работе, не включена в просопографический справочник А. Татаки о македонянах, засвидетельствованных вне пределов Македонии (Tataki 1998). В четвертом (Македония, Фракия, Северное Причерноморье) и пятом (Va – западное побережье Малой Азии) томах «Лексикона греческих личных имен» имя Καλλίππα(-η) отсутствует (оно засвидетельствовано в следующих томах: LGPN I [острова Эгеиды, Кипр, Киренаика], II [Аттика], IIIa [Пелопоннес, Западная Греция, Сицилия, Великая Греция], IIIb [Центральная Греция]).

[24] Лаодика была дочерью Селевка IV Филопатора (187–175 гг. до н.э.). О браке Персея и Лаодики см. Syll.[3] II. 639; *Polyb.* XXV. 4. 8–10; *Liv.* XLII. 12. 3; *App.* Mac. 11. 2; Saatsoglou-Paliadeli 2000, 387, 389–392 (ср. SEG L. 652); см. также Seibert 1967, 43–44; Ogden 1999, 187–188; Carney 2000, 195–197. Лаодика при неясных обстоятельствах вернулась в державу Селевкидов (возможно, после пленения ее вместе с Персеем и их детьми на Самофракии – *Plut.* Aem. 26. 4–6; лишь Зонара упоминает участие «жены» Персея в триумфе Эмилия Павла, но говорит о том, что позднее Персей жил под стражей в Альбе Фуцинской только с детьми и θεραπεία – *Zon.* IX. 24). Впоследствии Лаодика, судя по всему, стала супругой своего брата Деметрия I Сотера (162–150 гг. до н.э.) (Ogden 1999, 147; Carney 2000, 196–197; Hoover 2000, 106–110; Miron 2000, 47–48). Сомнения Дж. Хеллиэсен по поводу возвращения Лаодики на родину и ее брака с Деметрием малообоснованы (Helliesen 1980, 295–298).

[25] На участие Афинея в битве при Пидне указывает афинский декрет в честь Каллифана, сына Каллифана, принятый летом 168 г. до н.э., вскоре после «победы римлян в Македонии» (...[ν]ίκη Ρωμαίοις| ἐμ Μα[κ]εδ[ο]νίαι), о чем и сообщил афинянам чествуемый граж-

по Греции в 168 или 167 г. до н.э. (Liv. XLV. 27. 6). Связь Афинея с Каллиппой могла начаться именно в это время – вскоре после капитуляции Персея и крушения монархии Антигонидов. Таким образом, нет никаких оснований сомневаться в достоверности информации Диодора о Каллиппе и ее отношениях с Персеем, а впоследствии и с Афинеем[26].

Согласно Диодору, ок. 150–149 гг. до н.э. некий македонянин Николай, один из друзей Андриска, устроил ему встречу с Каллиппой[27], которая передала Андриску царское одеяние и диадему, а также какую-то сумму денег и двух рабов (Diod. XXXII. 15. 4–5). Важность этой акции, – можно сказать, фактического благословения на царствование – несомненна, хотя ее подоплека остается неизвестной, так как Диодор является единственным автором, сохранившим информацию о Каллиппе и ее контактах с Андриском. Также Каллиппа, видимо, рекомендовала Андриску обратиться за поддержкой к Тересу, одному из фракийских правителей, который был женат на сестре Персея, что Андриск и сделал (Diod. XXXII. 15. 5). Именно из Фракии при поддержке местных династов Андриск совершил вторжение в Македонию (Diod. XXXII. 15. 6–7; Zon. IX. 28).

Каллиппа, встречаясь с Андриском, действовала, видимо, как частное лицо[28], так как воссоздание македонской монархии не соответствовало интересам Атталидов и некоторое время спустя пергамский флот принял участие в войне римлян с Андриском, захватившим Македонию[29].

Британский антиковед Д. Огден допустил даже, что Каллиппа могла быть матерью претендента на македонский трон[30] (впрочем, царское или же простое происхождение Андриска – это предмет особой дискуссии; скорее всего, он все же не был Антигонидом[31]). Также Огден высказал мнение, что Каллиппа была гете-

---

данин – SEG XXV. 118 = ISE I. 35 v. 13–16: Ἐπει|δὴ Καλλιφάνης Φυλάσιος στρατευόμε|νος μετὰ Ῥωμαί[ων] καὶ τῶν [τ]οῦ βασιλέ|ως Ε[ὐ]μένους ἀδελφῶν Ἀττάλου καὶ Ἀθηναίου... – «Поскольку Каллифан из Филы, сражавшийся вместе с римлянами и братьями царя Эвмена Атталом и Афинеем...»; ср. Meritt 1936, 430; Hansen 1971, 119, n. 157; Hopp 1977, 30, Anm. 76.

[26] Несмотря на сомнения К. Розена по поводу достоверности традиции о происхождении и жизни Андриска до его вторжения в Македонию (Rosen 1998, 119–121), можно допустить, что в сюжете с Каллиппой источником Диодора была «История» Полибия (судя по фрагментам, Андриску была посвящена немалая часть XXXVI книги сочинения мегалопольского историка; ср. Walbank 1979, 651, 668–670). По поводу использования Диодором в XXXII книге своей «Исторической библиотеки», где и присутствует рассказ о Каллиппе, труда Полибия см. Walbank 1972, 179. О Полибии как источнике Диодора в целом см., например: Drews 1962, 384–385.

[27] Встреча состоялась явно на территории Пергамского царства, так как перед этим Диодор рассказывал о пребывании Андриска в Милете (*Diod.* XXXII. 15. 3), контролировавшегося в то время Атталидами.

[28] Ср. Hopp 1977, 94, Anm. 188. В частной переписке проф. О.Ю. Климов высказал предположение о том, что Каллиппа не могла действовать совершенно тайно и что Афиней и его царственный брат Аттал II все же были информированы о ее контактах с Андриском. Это вполне вероятно, но возможные сценарии развития событий, связанных со встречей Каллиппы и Андриска, будут не более чем логическими конструкциями.

[29] *Strabo* XIII. 4. 2; *Zon.* IX. 28; ср. Cardinali 1911, 17; MacKay 1965, 79–80; Hopp 1977, 95.

[30] Ogden 1999, 191–192, 232.

[31] Можно отметить, что сохранилась традиция, согласной которой Андриск был сыном Персея и его наложницы (например: *Liv.* Per. XLIX: «...ex paelice»). Однако сообщение Диодора, кажется, не дает оснований думать, что Андриск, обращаясь за поддержкой к

рой[32], но это предположение не имеет никаких оснований, так как его базой является только весьма уязвимая авторская концепция об экстраординарной роли гетер при эллинистических дворах, особенно якобы у Антигонидов[33].

В свете всего вышеизложенного возникает большой соблазн предположить, что Каллиппа, обладательница редкого в Македонии аристократического имени, в чей жизни сыграли роль представители двух царских династий – Антигонидов и Атталидов, – происходила из знатной семьи Гиппостратов-Каллиппов из Берои. Если эта догадка верна, то появляется еще один аргумент в пользу мнения Ч. Эдсона и его сторонников о тесной связи дома Антигонидов с Бероей и даже об их возможном происхождении из этого города[34]. В случае если Каллиппа действительно принадлежала к семье из Берои, то она вполне могла быть дочерью Гиппострата – командира в армии Антигона III Досона – и сестрой Каллиппа (II), одного из инициаторов принятия νόμος γυμνασιαρχικός.

Каллиппе, считал ее своей матерью (или что она признала его сыном). Представляется, что самый серьезный аргумент против мнения о царском происхождении Андриска связан со следующими обстоятельствами. Когда селевкидский царь Деметрий Сотер выдал римлянам Андриска, незадолго до этого объявившего о своем царском происхождении и претензиях на македонский трон (ок. 151 г. до н.э.), они, судя по всему, не поверили в то, что он мог быть настоящим Антигонидом. По решению сената (что явно подразумевает и проведение расследования) Андриск должен был поселиться в одном из италийских городов (...ἔν τινι πόλει τῶν κατὰ τὴν Ἰταλίαν), откуда он вскоре сбежал в Милет (*Diod.* XXXI. 40a; XXXII. 15. 1). Все это свидетельствует об отсутствии должного контроля, особенно если вспомнить условия содержания Персея в Альбе. По поводу различных версий возвращения Андриска из Италии см. Walbank 1979, 668; Rubinsohn 1988, 154, n. 66, 69. Некоторые антиковеды допускают, что Андриска могли освободить ок. 150 г. до н.э. вместе с греческими заложниками, интернированными в 167 г. до н.э., но это представляется маловероятным (ср. с терминологией Диодора и особенно Ливия по поводу именно тайного бегства Андриска – ὁ δὲ μετά τινα χρόνον διαδρὰς ἀπῆρεν εἰς Μίλητον [*Diod.* XXXII. 15. 1]; «clam profugisset» [*Liv.* Per. XLIX]).

[32] Ogden 1999, 192, 239.

[33] Критика концепции Д. Огдена: Ладынин, Габелко, Кузьмин 2009, 120–148 (особенно – с. 121, прим. 4; 139).

[34] Edson 1934, 213–246. Одной из основ теории Ч. Эдсона стала эпиграмма в честь Филиппа V (Anth. Pal. VI. 116), написанная его приближенным Самом, в которой царь прямо именуется «властителем Эмафии родом из Берои» (...Βεροιαίου κράντορος Ἡμαθίας). Эдсон обратил внимание и на то, что среди φίλοι последнего Антигонида Персея наиболее важную роль играли именно выходцы из Берои. Так, например, Гиппий, Пантавх и Мидон – все они были родом из этого города – неоднократно именуются Полибием и Ливием «первыми из друзей» Персея (*Polyb.* XXIX. 3. 3; Liv. XLII. 39. 7; XLIV. 23. 2; 45. 2). Также Эдсон придавал большое значение тому обстоятельству, что Пирр, заняв в 288 г. до н.э. Берою, вызвал деморализацию и дезертирство армии Деметрия Полиоркета (*Plut.* Demetr. 44. 5–11; Pyrrh. 11. 3–14). Можно добавить и еще один аргумент, свидетельствующий о внимании династии Антигонидов к Берое: благодаря надписи известно о посвящении Филиппом V портиков богине Афине в этом городе (EKM I. 17).

Семья гиппостратов-каллиппов из берои

№	Имя	Датировка	Источники
1	Κάλλιππος (I)	III в. до н.э.	EKM I. 4 v. 11–12
2	Ἱππόστρατος Καλλίππου (I)	7-й год царствования Антигона III Досона: 223 г. до н.э.	EKM I. 4 v. 11–12
3	Τιμοκλῆς Καλλίππου (I)	7-й год царствования Антигона III Досона: 223 г. до н.э.	EKM I. 4 v. 11
4	Κάλλιππος (II) Ἱππoστράτου	Первая треть II в. до н.э.	EKM I. 1 v. 4–5, 18; *Liv.* XLIV. 28. 1 (?)
(?)	Καλλίππα (Ἱππoστράτου?)	Первая половина II в. до н.э.	*Diod.* XXXII. 15. 4–5

Литература

Кузьмин Ю.Н. 2008: Македонская аристократическая семья из Берои // ВДИ. 3, 152–161.

Кузьмин Ю.Н. 2010: Пантавх, сын Балакра из Берои, и его семья // ВДИ. 3, 135–140.

Кузьмин Ю.Н. 2011: Macedonia capta: депортация македонской военно-политической элиты в Италию в 167 г. до н.э. // Studia historica. 11. М. (в печати).

Ладынин И.А., Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. 2009: Новая концепция династической истории эпохи эллинизма. Размышления по поводу монографии Д. Огдена (*Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London–Swansea, 1999) // AMA. 13, 120–148.

Мурыгина Н.Ф. 1957: Сопротивление фракийских племен римской агрессии и восстание Андриска // ВДИ. 2, 69–84.

Allamani-Souri V., Voutiras E. 1996: New Documents from the Sanctuary of Herakles Kynagidas at Beroia // Inscriptions of Macedonia. Third International Symposium on Macedonia / E. Voutiras (ed.). Thessaloniki, 13–39.

Benecke P.V.M. 1930: The Fall of the Macedonian Monarchy // CAH. VIII, 241–278.

Cardinali G. 1911: Lo Pseudo-Filippo // RFIC. 39, 1–20.

Carney E.D. 2000: Women and Monarchy in Macedonia. Norman (Oklahoma).

Drews R. 1962: Diodorus and His Sources // AJPh. 83. 4, 383–392.

Edson Ch.F. 1934: The Antigonids, Heracles and Beroea // HSCPh. 45, 213–246.

Gauthier Ph.L., Hatzopoulos M.B. 1993: La loi gymnasiarchique de Beroia. Athènes.

Hansen E.V. 1971: The Attalids of Pergamon. Ithaca–New York–London.

Hatzopoulos M.B. 1996: Macedonian Institutions under the Kings. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens.

Hatzopoulos M.B. 2003: Quaestiones Macedonicae: lois, décrets et épistates dans les cités macédoniennes // Τεκμήρια. 8. Θεσσαλονίκη, 27–60.

Helliesen J.M. 1980: A Note on Laodice Number Twenty // CJ. 75. 4, 295–298.

Helliesen J.M. 1986: Andriscus and the Revolt of the Macedonians, 149–148 B.C. // Ancient Macedonia–IV. Thessaloniki, 307–314 (*non vidi*).

Hoover O.D. 2000: A Dedication to Aphrodite Epekoos for Demetrius I Soter and his Family // ZPE. 131, 106–110.

Hopp J. 1977: Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München.

MacKay P.A. 1965: Studies in the History of Republican Macedonia, 168–146 B.C. Diss. Univ. of California, Berkeley.

Meritt B.D. 1936: Greek Inscriptions // Hesperia. 5. 3, 355–430.

Miron D. 2000: Transmitters and Representatives of Power: Royal Women in Ancient Macedonia // AS. 30, 35–52.

Niese B. 1903: Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. III. Von 188 bis 120 v. Chr. Gotha.

Ogden D. 1999: Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London–Swansea.

Paschidis P. 2006: The Interpenetration of Civic Elites and Court Elite in Macedonia // Rois, cites, necropoles. Institutions, rites et monuments en Macédoine / A.M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot (éds.). Athènes, 251–267.

Rosen K. 1998: Andriskos. Milesische Geschichten und makedonische Geschichte // Alexander der Grosse. Eine Welteroberung und ihr Hintergrund / W. Will (Hrsg.). Bonn, 117–130.

Rubinsohn W.Z. 1988: Macedonian Resistance to Roman Occupation in the Second Half of the Second Century B.C. // Forms of Control and Subordination in Antiquity / T. Yuge, M. Doi (eds.). Leiden etc., 141–158.

Saatsoglou-Paliadeli Ch. 2000: Queenly Appearances at Vergina-Aegae: Old and New Epigraphic and Literary Evidence // AA. 3, 387–403.

Seibert J. 1967: Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden.

Tataki A.B. 1988: Ancient Beroea. Prosopography and Society. Athens.

Tataki A.B. 1998: Macedonians Abroad: a Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia. Athens.

Tataki A.B. 1999: New Elements for the Society of Beroea // Ancient Macedonia–VI. 2. Thessaloniki, 1115–1125.

Tziafalias A., Helly B. 2010: Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn // Studi ellenistici. 24, 71–125.

Walbank F.W. 1972: Polybius. Berkeley.

Walbank F.W. 1979: A Historical Commentary on Polybius. III. Oxf.

Wilcken U. 1894: Andriskos (4) // RE. 1, 2141–2143.

Wilcken U. 1896: Athenaios (12) // RE. 2, 2024.

Γουναροπούλου Λ., Χατζόπουλος Μ.Β. 1998: Ἐπιγραφὲς Κάτω Μακεδονίας. Α΄. Ἐπιγραφὲς Βέροιας. Αθήνα.

KALLIPPA AND BEROIA

Yu.N. Kuzmin

Among the noble families from Beroia in Macedonia under the Antigonids epigraphic sources attest a family whose representatives bore the names Hippostratos and Kallippos (EKM I. 1, 4–5, 18; 4, 11–12).

From Diodorus we know about a certain Kallippa, former concubine (*pallakis*) of King Perseus; later she lived with Athenaios, an Attalid prince (Diod. 32. 15. 4–5), the youngest brother of kings Eumenes II and Attalos II. It is not known when Kallippa had a relationship with Perseus. It could have been before the marriage of the last Antigonid to the Seleucid princess Laodike (ca 178–177 BC.), during this marriage, or both.

Being one of the commanders of the contingent from Pergamon, Athenaios participated in the Third Macedonian War including the battle of Pydna (Liv. 42. 55. 7–8; 42. 56. 5; SEG XXV. 118 = = ISE I. 35, 13–16). The Attalid prince also accompanied Aemilius Paullus on his journey across Greece in 168 or 167 BC. (Liv. 44. 27. 6). The relationship between Athenaios and Kallippa could have begun at this time, shortly after Perseus' surrender and the fall of the Antigonid monarchy.

According to Diodorus, ca 150–149 BC. a certain Macedonian by name of Nikolaos, a friend of Andriskos, who claimed the Macedonian throne, arranged (obviously on the territory of the Attalid Kingdom) for him a meeting with Kallippa. She gave Andriskos the king's robe and the diadem, a sum of money as well as two slaves (Diod. 32. 15. 4–5).

It is quite plausible that Kallippa, who bore an aristocratic name rare for Macedonia (not attested in LGPN IV) and was during her life connected with representatives of two royal dynasties, Antigonids and Attalids, descended from a noble family of Hippostratoi-Kallippoi from Beroia. If this supposition is correct, there appears yet another argument in favour of C.F. Edson's theory of a close connection of the Antigonid royal house with Beroia.

© 2012 г.

А. К. Нефёдкин

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОЮЗНОЙ КАВАЛЕРИИ АХЕЙЦЕВ ФИЛОПЕМЕНОМ*

В 210–209 годах до н.э. гиппарх Ахейского союза Филопемен произвел реформирование конницы по македонскому образцу, о чем свидетельствуют описания маневров всадников у Полибия и Плутарха.

Ключевые слова: военная реформа, ахейцы, Филопемен.

Наряду с афинянином Ификратом и фиванцем Эпаминондом аркадец Филопемен (253–183 гг. до н.э.) должен считаться одним из наиболее значимых реформаторов военного дела древних греков, о деятельности которого нам известны некоторые подробности. Если реформирование Филопеменом пехоты заинтересовало исследователей и ему посвящено несколько специальных статей, то не менее важная для развития военной организации Ахейского союза реформа конницы не привлекла пристального внимания историков[1]. Данной реформе и посвящена настоящая статья, рассматривающая информацию источников о ней с целью пояснить ее содержание и выяснить вероятный образец, согласно которому было проведено реформирование.

Основные источники по теме – это рассказ Полибия в его фрагментах «Всеобщей истории» (X. 22. 6–24. 7) и пассаж в жизнеописании Плутарха (Philop. 7. 4–6), который, видимо, является сжатым пересказом несохранившейся биографии Филопемена, написанной Полибием (X. 20. 5–8). Упоминание у Павсания (VIII. 49. 7) и статья в словаре «Суда» (s. v. Φιλοποίμην), которые, впрочем, не добавляют ничего нового, но, с другой стороны, не противоречат уже известному, – также считаются восходящими к утраченному сочинению Полибия[2].

Филопемен происходил из знатной мегалопольской семьи и с детства посвятил себя изучению военного дела (Plut. Philop. 3–4). О его военном опыте известно, что до 30-летнего возраста он участвовал в походах на Лаконику (Plut. Philop. 4. 1), в 222 в. до н.э. – в битве при Селласии. Находясь в числе ахейских всадников в армии, возглавляемой Антигоном III Досоном, он без приказа увлек конницу в атаку, которая принесла победу союзной армии и македонскому царю. Затем он десять лет провел в войнах на Крите, которые, впрочем, мало что могли добавить к его кавалерийскому опыту из-за неразвитости конницы на острове. По возвращении с Крита, Филопемен был избран гиппархом Ахейского союза, т.е. на вторую после стратега по значимости должность в федерации. Будучи гиппархом в 210/209 г. до н.э., Филопемен провел интересующую нас реформу конницы союза[3].

Нефёдкин Александр Константинович – доктор исторических наук, заместитель главного редактора военно-исторического журнала «Para bellum» (Санкт-Петербург).

* Работа выполнена при поддержке Alexander von Humboldt-Stiftung.

[1] Anderson 1967, 104–106; Сизов 2001, 94–101; Williams 2004, 257–277.

[2] Hoffmann 1941, 77.

[3] Hoffmann 1941, 80; Walbank 1967, 225.

Полибий кратко резюмирует состояние ахейской конницы к этому времени и действия нового гиппарха: Филопемен «...нашел полное расстройство в отрядах конницы и упадок духа в воинах; но благодаря ему конница быстро поправилась и стала даже сильнее неприятельской. Филопемен достиг этого строгой дисциплиной и тем, что вдохнул в воинов жажду успеха» (Polyb. X. 22. 6–7; пер. Ф.Г. Мищенко; ср. Polyb. IV. 7. 7, 10. 9; Plut. Arat. 47. 4). Плутарх также кратко сообщает о деятельности Филопемена: «...он ездил по городам, старался в каждом юноше пробудить чувство честолюбия, наказывая тех, к кому надо было применять принудительные меры, устраивал учения, процессии, состязания в тех местах, где можно было рассчитывать на большое стечение зрителей. Действуя так, Филопемен в короткое время влил во всех изумительную силу и энергию» (Plut. Philop. 7. 5; пер. С.И. Соболевского).

Хотя описания эмоциональны и кажутся с первого взгляда слишком общими, но из них ясно, как Филопемен стал выполнять обязанности союзного гиппарха. Он начал посещать города, из которых велся набор войск в армию союза, и вызывал там на собеседование, видимо согласно существовавшим спискам-каталогам, тех, кто обязан был по цензу служить в коннице, персонально убеждал их идти на службу, накладывая в случае необходимости взыскания. Очевидно, гиппарх говорил призванным о почете и внешнем блеске службы в коннице, о том, что знатному человеку подобает сражаться именно в ней; Филопемен поощрял жажду юношей выделиться своей храбростью на глазах у сограждан, ведь в коннице можно легче отличиться, нежели в сплоченном строю фаланги, и больше возможностей получить награду и стать командиром. Тем самым в короткое время была укреплена дисциплина и поднят моральный дух воинов. В качестве тренировок Филопемен лично проводил упражнения со всадниками, устраивал процессии с участием конницы, вероятно, по случаю каких-либо празднеств, и, наконец, организовывал показательные бои, в которых конники, разделенные на две группы, занимались парадно-боевыми упражнениями (ср. Xen. Hipp. 3.10–13).

Полибий, сам занимавший позднее ту же должность гиппарха, со знанием дела конкретно описывает то, чему обучал гиппарх своих всадников: «Движения же, которые Филопемен считал пригодными ко всем обстоятельствам и которым должны были обучаться всадники, были такими: движения относительно коня: к поводу (ἐφ' ἡνίαν)[4], а затем – к копью (ἐπὶ δόρυ), а кроме того – возвращение (ἀναστροφή) и изменение (μεταβολή); относительно же улама (οὐλαμός) – разворот (ἐπιστροφή) и переворот (περισπασμός), а еще – оборот (ἐκπερισπασμός), а кроме того – выведение (ἐξαγωγή) на скорости по лохам и дилохиям (κατὰ λόχους καὶ διλοχίας) от каждого крыла, а иногда от центра; а затем с остановкой – стягивания в уламы, в илы и в гиппархии; а за этими упражнениями – вытягивания на каждом крыле или посредством введения (διὰ παρεμβολῆς) или посредством отведения (διὰ παραγωγῆς) от урагов (παρὰ τοὺς οὐραγούς). Движение согласно изгибу (κατὰ περίκλασιν) он не считал необходимым упражнением, поскольку расположение частей было почти как на маршах» (Polyb. X. 23. 1–6; перевод автора статьи).

И далее историк замечает: «...нужно было обучить воинов всем движениям, какие требуются при наступлении на врага и при отступлении, дабы воины умели сохранять при всей быстроте нападения целостность построения по шеренгам и рядам, а также чтобы уламы соблюдали интервалы; ибо нет ничего опаснее и гибельнее для конницы, как идти в дело расстроенными уламами» (Polyb. X. 23. 7–9; пер. Ф. Г. Мищенко с изменениями). Плутарх, очевидно, резюмируя описа-

[4] Разбор военных терминов, употребляемых Полибием, см. ниже в данной статье.

ние того же Полибия, отмечает, что Филопемен «...сделал всадников быстрыми и подвижными при выполнении как целым уламом разворотов и переворотов, так и в одиночку – разворотов и поворотов (πρός τε τὰς κατ' οὐλαμὸν ἐπιστροφὰς καὶ περισπασμοὺς καὶ τὰς καθ' ἵππον ἐπιστροφὰς καὶ κλίσεις); они достигли в этом такого совершенства, что целый отряд легкостью перестроения напоминал одно тело, движущееся по собственной воле» (Plut. Philop. 7. 6 ; пер. С.И. Соболевского с изменениями)[5].

Данное Полибием описание тренировки конницы Филопеменом – это наиболее подробный в сохранившийся античной литературе рассказ о тех маневрах, которые должны были производить всадники; ни Ксенофонт, ни Арриан не рассказывают об этом[6], хотя первый обрисовал тренировку афинской полисной конницы, а второй – военно-парадные упражнения римской имперской кавалерии (Xen. Hipp. 3; Arr. Tact. 34–43).

Понять упомянутые Полибием маневры помогают античные «Тактики» Асклепиодота, Элиана и Арриана, в своей основе, как традиционно считается, восходящие к несохранившемуся тактическому трактату того же Полибия[7]. Хотя используемые историком термины в этих «Тактиках» относятся к описанию движения фаланги, но вряд ли маневры конницы именовались иначе, о чем, в частности, свидетельствует идентичность названия поворота направо.

Если говорить в общих чертах, то всадники обычно обучались ездить сначала в одиночку, а затем поотрядно. Сперва учились ездить верхом, управлять конем, владеть оружием в индивидуальном порядке, как рекомендовал еще Ксенофонт (De re eq. 8–9, 11). Потом обучение производил командир подразделения. В XIX в. на первичное обучение кавалериста езде рекомендовалось отводить три-четыре месяца, после чего следовало повзводная тренировка[8].

Ясно, что ахейские всадники и так умели ездить верхом и их надо было сразу обучать именно военным упражнениям. Сначала командир тренировал ахейского всадника поворачивать на коне направо («к копью») и налево («к поводу»). Естественно, названия поворотов не случайны, ведь некоторые новобранцы могли путаться, где правая и левая сторона, поэтому-то легче было отдавать команду «к копью» (ἐπὶ δόρυ) – обычному оружию греческого всадника – и «к поводу» (ἐφ' ἡνίαν), который правши держали в левой руке. При одиночном обучении наездника «возвращением» (ἀναστροφή) именовался поворот обратно в исходное положение (Asclep. Tact. 10. 6; Ael. Tact. 25. 7; Arr. Tact. 21. 4), а «изменением» (μεταβολή) – поворот кругом на 180° (Asclep. Tact. 10. 3; Ael. Tact. 25. 2–3; Arr. Tact. 21. 2). В целом индивидуальное обучение включало лишь три элемента – повороты вправо-влево, возвращение из них в исходное положение и поворот кругом, без возврата в исходную позицию.

Далее шло повзводное обучение по отрядам-уламам. Повороты, выполняемые отрядами, частично напоминали индивидуальные: «разворот» (ἐπιστροφή) – поворот отряда на 90° (Asclep. Tact. 10. 4; Ael. Tact. 25. 5; Arr. Tact. 21. 3), «переворот» (περισπασμός) – на 180° (Asclep. Tact. 10. 7; Ael. Tact. 32. 9; Arr. Tact. 21. 4), «оборот» (ἐκπερισπασμός) – движение, состоящее из трех «разворотов», т.е. поворот на 270° (Asclep. Tact. 10. 8; Ael. Tact. 32. 9; Arr. Tact. 21. 5). Кроме поворотов, обучались всадники и маневрам. Первое, о чем рассказывает Полибий, – это «выведение» (ἐξαγωγή) по лохам и дилохиям. Данный термин «Тактики» не упоминают,

---

[5] Plutarque 1969, 137, n. 2.

[6] Walbank 1967, 225–227.

[7] Müller 1896, 1637–1641; Devine 1989, 32–33; 1995, 40–44.

[8] Нолан 1871, 129.

однако, судя по другим его упоминаниям у Полибия, слово обычно обозначает именно выход войск (Polyb. IV. 38. 9, 51. 9; V. 24. 4, 53. 7; VI. 31. 12; X. 11. 3; XI. 22. 2). Согласно «Тактикам», лох – это ряд воинов (Ael. Tact. 4. 1; Arr. Tact. 5. 4; ср. Asclep. Tact. 3. 4), а дилохия – два ряда (Asclep. Tact. 3. 4; Ael. Tact. 9. 1; Arr. Tact. 10. 1). Таким образом, сам маневр «выведения», видимо, состоял в том, что один или два ряда всадников выезжали из строя на скорости, видимо, скача галопом, после чего останавливались и, таким образом, указывали новое местоположение для построения всего отряда, который подстраивался за ними. Такое перестроение можно было начинать как с фланга, так и прямо из центра боевой линии, о чем упоминает Полибий. Крылья строя можно было вытягивать или посредством «введения» (διὰ παρεμβολῆς) – уплотнения рядов: задние воины в рядах проходили вперед и вставали в интервалы между впереди стоящими (Asclep. Tact. 6. 1; 10. 17; Ael. Tact. 31. 1; Arr. Tact. 26. 4), или же посредством «отведения» (διὰ παραγωγῆς) относительно замыкающих воинов-урагов. В военном смысле «отведение» – это движение отряда колонной, в которой ведущие «унтер-офицеры»-лохаги стояли справа или слева, или даже развернутым строем, ведомым либо лохагами, либо в перевернутом состоянии замыкающими урагами (Asclep. Tact. 11. 1; Ael. Tact. 36. 3; Arr. Tact. 28. 3). Видимо, в данном случае Полибий не использует данные слова как военные термины или же использует свою военную лексику, говоря, что строй конницы можно было удлинить, располагая новых всадников между рядами уже построенных конников, причем во втором случае уплотнение следовало провести всадниками, замыкающими ряд.

Движение «согласно изгибу» (κατὰ περίκλασιν)[9] – это выражение, видимо, не прижилось как военный термин (если оно таковым было) и не упоминается в «Тактиках». У самого Полибия слово περίκλασις в одном случае обозначает «впадину» (Polyb. III. 104. 4; ср. Plut. Tit. 8. 5), а в другом пассаже историк описывает образование римской пехотой атакующей колонны, к которой затем присоединялись части «согласно изгибу» (κατὰ περίκλασιν), т.е. путем поворачивания в строй (Polyb. XI. 23. 2). Вероятно, в этом смысле и надо рассматривать и маневр конницы: образование колонны путем присоединения отрядов из строя.

Наконец, Полибий отмечает, что после маневров всадники обучались самому бою: атакам и отходам – обычным действиям кавалерии на поле боя. Причем, очевидно, слово «наступление» (ἐπαγωγή) тут не является строгим военным термином, который в «Тактиках» обозначал движение отрядов колонной друг за другом (Asclep. Tact. 11. 2; Ael. Tact. 36. 2; Arr. Tact. 28. 1–2). Наступление и отход должны совершаться при скачке на большой скорости, вероятно в галопе. При этом требовалось сохранять строй по рядам и шеренгам и интервалы между отрядами, хотя, естественно, на более или менее длительном быстром аллюре строй обычно расстраивался, а отряд вытягивался в длину, сокращая интервалы между соседними подразделениями. Сам Полибий, передавая мнение Филопемена, которое историк явно поддерживает, заметил (Polyb. X. 23. 8): «...нет ничего опаснее и гибельнее для конницы, как идти в дело расстроенными уламами».

В общем, насколько можно понять словоупотребление Полибия в данном описании маневров, в параграфах 5–7 историк строго не придерживается той терминологии, которая позднее сохранилась в античных «Тактиках», используя, видимо, свою бытовую военную лексику. Фрагмент, тем не менее, имеет большое значение как информация, написанная военным-кавалеристом со знанием дела,

---

[9] Ср. перевод Ф.Г. Мищенко: «Образование боевой ломаной линии на флангах», перевод В. Патона (W.R. Paton): «deployment by wheeling».

именно поэтому автор и не пояснял наименования поворотов, которые казались ему и так понятными.

Уникально также упоминание Полибием организации и способа построения ахейской конницы (этот сюжет очень плохо известен и для других эллинистических кавалерий). Элементарной тактической единицей являлся улам. Можно полагать, что он соотносится с отрядом из 50 всадников, известным нам по Полибию (V. 91. 7). Стоит также вспомнить, что географ и историк III в. до н.э. Филостефан Киренский приписывал Ликургу разделение спартанской конницы на уламы численностью именно по 50 конников (Plut. Lyc. 23. 1), возводя, таким образом, появление более поздней тактической единицы к легендарной древности. Уламы объединялись в илы, численность которых нам не известна, но их можно сопоставить с отрядами в сто конников (Polyb. XXI. 3b. 2; Liv. XXIII. 14. 6, 18. 5; XXXVII. 20. 1; App. Syr. 125). Гиппархией – высшим тактическим соединением ахейской конницы – мог быть отряд в полтысячи всадников (Polyb. IV. 15. 3), что прямо соответствует древним «Тактикам» (Asclep. Tact. 7. 11; Ael. Tact. 20. 2; Arr. Tact. 18. 3).

Улам, в свою очередь, административно делился на ряды-лохи, в котором ураги замыкали ряд, а командиры-лохаги – возглавляли (Arr. Tact. 16. 10). В случае надобности маневры производились и дилохиями – прами рядов. Полибий не упомянул маневры по тетрархиям – подразделениям, состоявшим из двух дилохий и известным нам по «Тактикам» в качестве подразделений пешей фаланги (Asclep. Tact. 2. 8; Ael. Tact. 9. 2; Arr. Tact. 10. 1). Возможно, конечно, что подобных подразделений действительно не существовало в уламе, действовавшем как единое целое и не нуждавшемся в дальнейшем делении, но также вероятно, что Полибий просто не упомянул их.

Из вычислений самого Полибия в другом пассаже (XII. 18. 4) следует, что обычно всадники в боевом построении внутри отряда строились очень плотно, примерно по три фута по фронту (ок. 90 см), что давало возможность отряду маневрировать только совместно, а не конникам по отдельности (это прямо соответствовало построению кавалерии в XIX в.[10]). Но это построение для атаки, а не для маневра. Всадники в уламах строились по рядам и шеренгам, т.е. само построение было прямоугольным, каковое и считается «Тактиками» наиболее распространенным у греков (Ael. Tact. 18. 5; Arr. Tact. 16. 9). Филостефан отмечал, что спартанский улам также создавал квадратное построение (Plut. Lyc. 23. 1). Асклепиодот так описывает подобное построение илы согласно эллинистической тактической традиции, вероятно, восходящей к Полибию: «Квадратными строями пользовались персы, сицилийцы и эллины из-за того, что в них илы могли составлять шеренги вместе с рядами. Впрочем, эллины, изменяя илу на вытянутую по форме относительно количества всадников, придали ее внешности квадратный вид, ведь они строили шестнадцать человек по длине, а восемь – по ширине, но с удвоением интервалов вследствие величины коней; а некоторые, сделав утроение числа всадников в длину по отношению к глубине, создавали утроение интервала по глубине, чтобы опять вид всей илы был квадратным» (Asclep. Tact. 7. 4; ср. Ael. Tact. 18. 6–7; Arr. Tact. 16. 11–12).

В общем, идеальной глубиной для эллинистической кавалерии считалось, как и в фаланге, 8 шеренг, каждая из которых состояла из 16 или 24 рядов, т.е. из 128 или 192 всадников, – двух или трех теоретических ил в «Тактиках», по 64 всадника в каждой (Ael. Tact. 19. 10; 20. 2; Arr. Tact. 18. 2). Полибий замечает, подтверждая

[10] Нолан 1871, 199.

сведения Асклепиодота: «...наичаще конница выстраивается на случай действительного сражения по восемь человек в глубину; между илами необходимо оставлять интервалы, равные лицевой стороне отряда, которые дали бы возможность легко исполнять повороты и "перевороты"» (Polyb. XII. 18. 3; пер. Ф.Г. Мищенко с изменениями). «Стратегикон» Маврикия рекомендует строить в боевой линии хороших по своим боевым качествам всадников в пять шеренг, а слабых – в восемь-десять (Mauric. Strat. II. 5. 4–6), что, при сопоставлении, в частности, с ахейцами, косвенным образом свидетельствует об относительно невысоком качестве конницы последних.

В боевой линии уламы находились друг от друга в определенных интервалах, чтобы не мешать друг другу в маневрах. Полибий упоминает интервалы между «илами», которые в данном пассаже можно понимать как кавалерийские отряды вообще. Поскольку у ахейцев базовым тактическим подразделением был улам, то, скорее всего, и между уламами были подобные интервалы. Ведь собственно илы у ахейцев состояли, по крайней мере, из двух уламов, а тот же Полибий в «Тактике» считал базовой небольшую илу из 64 всадников (Ael. Tact. 19. 10). Военный теоретик первой половины XIX в. капитан Л. Нолан считал оптимальным интервал между эскадронами, развернутыми в боевую линию, равный четверти фронта эскадрона[11]. Маврикий (Strat. II. 12. 1) также рекомендует, чтобы между отрядами конницы не было больших интервалов. Интервалы как таковые были необходимы атакующим на скорости всадникам, чтобы не нарушить строй и не стеснить отряды, ведь при атаке на быстром аллюре строй конницы разваливался вширь, несмотря на все попытки его сохранить, что было трудно даже кавалерии XIX в., не говоря уже о наскоро обученной ахейской. Ведь в реальном бою «... исход кавалерийского столкновения предрешался... ударом на врага сомкнутой, слитой в одно целое массой всадников»[12]. В общем, больший интервал нужен хуже обученной коннице. Можно полагать, что и конница Полибия должна была строиться с интервалами в боевой линии для приближения к врагу с последующим расширением фронта строя или вообще для произведения метательного боя издали и затем поворота, отхода назад, приведения себя в порядок и последующей атаки.

Полибий так завершает свое описание реформирования Филопеменом конницы: «Когда всадники и апотелеи были обучены, Филопемен снова обходил города и наблюдал, во-первых, за тем, чтобы воины подчинялись своим начальникам в городах, во-вторых, чтобы и начальники отдавали точные и правильные приказания. Он был убежден, что для успеха войны нужнее всего искусство начальников отдельных частей. Покончив таким образом с подготовительными упражнениями, Филопемен стянул всадников из различных городов в одно место, велел исполнить все эти движения по его указаниям и самолично распоряжался построением» (Polyb. X. 23. 9–24. 1; пер. Ф.Г. Мищенко с изменениями).

Итак, начальное обучение маневрам по новой программе как рядовых всадников, так и их командиров, в частности городских апотелеев, происходило по отдельным полисам, куда прибывал гиппарх. После собеседований он собирал всадников, производил смотр, показывал новые упражнения и проводил их начальную тренировку. Естественно, и ранее все эти действия входили в обязанности начальника конницы, как показывают афинские параллели (Xen. Hipp. 1. 20), но при отсутствии дисциплины у ахейских конников общие маневры было

---

[11] Нолан 1871, 200, ср. 140–142, 143, прим. 1.

[12] Свечин 1927, 256.

сложно организовать. Затем Филопемен, объехав основные города, где набирались территориальные отряды, и обучив конников маневрам, предпринял новую инспекционную поездку по тем же городам. В ходе объезда он, очевидно, наблюдал, как всадники исполняют новые маневры и не путаются ли командиры в словах команд, отдают ли их ясно и правильно. Последнее было очень важно для слаженного одновременного произведения поворота всем отрядом, на что специально указывают «Тактики» (Asclep. Tact. 12. 11; Ael. Tact. 40; Arr. Tact. 31). Значение командиров при обучении было особенно велико: они и сами показывали упражнения и тренировали свои отряды на местах. Последним действием Филопемена, вероятно, следующей весной[13], был общий сбор всадников союза в одном месте, видимо, в поле, где гиппарх лично руководил всей конницей. Здесь, в первую очередь, организовывались полевые маневры по крупным подразделениям, илам и/или гиппархиям, тренировку которых невозможно было произвести в отдельных городах, где количество всадников не было столь значительно. Также для всего конного корпуса нужно было провести маневр свертывания в колонну и развертывания в боевую линию из нее и, конечно же, показательный встречный бой двух линий всадников.

В результате примерно за восемь месяцев деятельности в должности гиппарха (с осени 210 г. по лето 209 г. до н.э.) Филопемен достиг в тренировке конницы значительных успехов. Как кратко замечает Павсаний (VIII. 49. 7), Филопемен «...был выбран ахейцами начальником конницы и сделал их лучшими всадниками из всех эллинов» (пер. С.П. Кондратьева; ср. Suid. s.v. Φιλοποίμην). Вероятно, подобная оценка качеств реформированной конницы слишком обща и в целом завышена. Полибий (X. 22. 6) более скромно говорит о превосходстве конницы ахейцев над ее противниками, т.е., в первую очередь, над остальными пелопоннесцами (элейцами, спартанцами, мессенцами) и этолийцами, которые, впрочем, никогда не были сильны качеством линейной кавалерии.

Полибий, по крайней мере в сохранившихся фрагментах, не указывает на то, что Филопемен сам был автором неких новых видов упражнений и маневров, а рассказывает о его маневрах как о самых обычных у греков. Вполне можно полагать, что ахейский гиппарх взял уже существовавшие маневры у наиболее эффективных конниц Балкан, каковыми, в первую очередь, были в то время македонская и фессалийская[14]. Однако подробное описание маневров македонских и фессалийских всадников в источниках отсутствует, и мы не можем сопоставить данные сведения с маневрами, введенными Филопеменом[15]. Как отмечают Павсаний и «Суда», Филопемен тщательно изучал военные книги, в которых, по тактической традиции, должна была быть и информация о коннице (Paus. VIII. 49. 3; Suid. s.v. Φιλοποίμην; ср. Plut. Philop. 4. 7–9). Судя по сохранившимся сочинениям Асклепиодота, Элиана и Арриана, в тактических трактатах давались рекомендации для стандартной эллинистической кавалерии, вооруженной копьями, безотносительно этносов и государств.

В определенной мере сама биография ахейского стратега помогает ответить на вопрос об образце для его реформы. Филопемен имел возможность лично познакомиться с действиями македонской конницы в ходе кампании при Селласии. Десятилетие, проведенное затем в войнах на Крите, вряд ли много добавило к кавалерийскому опыту Филопемена – в конфликтах между островными полиса-

---

[13] Errington 1969, 54.

[14] Kromayer, Veith 1928, 138; Head 1982, 117.

[15] Об известных по источниках маневрах и построениях македонской фессалийской конницы см. Нефёдкин 2005, 3–14; 2007, 46–57.

ми конница не играла особой роли (Plut. Philop. 7. 2; Paus. VIII. 49. 7). Поэтому реформа Филопемена, вероятно, была проведена именно по образцу конницы Антигонидов, о чем напоминает тот факт, что в 207 г. до н.э. в руках у верхового Филопемена оказалось типичное македонское кавалерийское копье-ксистон (Plut. Philop. 10. 12), которое могло быть не только на вооружении военачальника, но и у других всадников. На образец для кавалерийской реформы намекает и реформирование Филопеменом тяжелой пехоты ахейцев именно по образцу македонских фалангитов в 208/207 г. до н.э. Да и информация «кавалерийских» глав в сохранившихся «Тактиках», базирующихся на более ранней военной письменной традиции, вполне укладывается в рамки данного предположения: тут, в частности, упоминаются особые построения, которые использовали фессалийская и македонская конницы (Asclep. Tact. 7; Ael. Tact. 18; Arr. Tact. 16), т.е. в общем рассказе трактатов о маневрах кавалерии имелись в виду именно они.

В целом реформа конницы Ахейского союза шла в русле общегреческого освоения передовых комплексов вооружения и новой тактики. В III в. до н.э. образцом для подражания являлась македонская военная машина, отдельные элементы которой как последнее слово военной техники заимствовались эллинами. В последней четверти III в. до н.э. греки Пелопоннеса переняли македонскую фалангу – наиболее прогрессивное для той эпохи военное формирование тяжелой пехоты, а наряду с ней ахейцы реформировали свою конницу в отряды копейщиков-ксистофоров, обученных и вооруженных по македонскому образцу. Лишь в середине II в. до н.э. в связи с успехами римского оружия в Восточном Средиземноморье началась романизация военного дела.

Литература

Нефёдкин А.К. 2005: Боевые порядки и тактика македонской кавалерии при Филиппе II // Актуальные победы всеобщей истории. Межвузовский сборник научных статей. Ростов-на-Дону. 4, 3–16.

Нефёдкин А.К. 2007: Фессалийская кавалерия в середине IV–II вв. до н.э. // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 2, 40–57.

Нолан Л.Э. 1871: История и тактика кавалерии // Военная библиотека. III, 1–293. СПб.

Свечин А.А. 1927: Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. I. М.–Л.

Сизов С.К. 2001: Военная организация и военная реформа в Ахейском и Беотийском союзах (III–II вв. до н.э.) // Античное общество-IV. Власть и общество в античности. СПб., 94–101.

Anderson J.K. 1967: Philopoemen's Reform of the Achaean Army // Classical Philology. 62. 2, 104–106.

Devine A.M. 1989: Aelian's Manual of Hellenistic Military Tactics // Ancient World. 19. 1–2, 31–64.

Devine A.M. 1995: Polybius' Lost Tactica: The Ultimate Source for the Tactical Manuals of Asclepiodotus, Aelian, and Arrian? // Ancient History Bulletin. 9. 1, 40–44.

Errington R.M. 1969: Philopoemen. Oxf.

Head D. 1982: Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea.

Hoffmann W. 1941: Philopoimen // RE. 39, 76–95.

Kromayer J., Veith G. 1928: Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer (Handbuch der Altertumswissenschaft, IV. 3. 2). München.

Müller K.K. 1896: Asklepioditos (10) // RE. I, 1637–1641.

Plutarque 1969: Vies. T. V: Aristide – Caton l'Ancien, Philopoemen – Flamininus / Texte établi et traduit par R. Flacelière, E. Chambry. P.

Walbank F.W. 1967: A Historical Commentary on Polybius. II. Oxf.

Williams M.F. 2004: Philopoemen's Special Forces: Peltasts and a New Kind of Greek Light-Armed Warfare (Livy 35. 27) // Historia. 53. 3, 257–277.

PHILOPOEMEN'S REFORM OF ACHAEAN CAVALRY

A.K. Nefedkin

The paper presents an analysis of the reform of Achaean cavalry by hipparch Philopoemen in 210/219 BC as described Polybius (10. 23) and Plutach (Philop. 7. 4–6). The main purpose is to explain training and manoeuvres of the cavalry described in Polybius' text. Philopoemen reformed the training practice and probably armaments of his cavalry according to the Macedonian pattern.

© 2012 г.

С. Ю. Сапрыкин, В. Н. Парфенов

ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ ЭНКОМИЯ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ: ДОМИЦИАН ИЛИ КОММОД?

(К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца)[1]

Статья является откликом на публикацию Г. Бауэрсока и К. Джоунса в журнале «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik» (№ 156, 2006, S. 117–128) – на их интерпретации и комментарии пантикапейского энкомия не известного по имени боспорского государственного и военного деятеля римской эпохи. В противовес точке зрения американских исследователей, которые относят надпись ко времени царя Савромата II, т.е. к концу II в. н.э., авторы статьи приводят новые аргументы в пользу датирования документа временем после смерти императора Домициана – правлением Савромата I. Кроме того, в статье приводится новое чтение некоторых строчек надписи по сохранившимся остаткам букв, не замеченным ранее, при первой ее публикации.

Ключевые слова: энкомий, аланы, Римская империя, Боспорское царство, Савромат I, император Домициан, император Коммод, тавры, скифы, Херсонес Таврический, хилиарх, Пантикапей, псеханы.

В 1985 г. на территории одного из некрополей Пантикапея (ныне железнодорожная станция Керчь-2) при прокладке траншеи была найдена сильно поврежденная мраморная плита с текстом греческой надписи, в которой сохранилось 47 строк. Место находки было обследовано научным сотрудником Кер-

Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Парфёнов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Саратовского технического университета.

[1] Некоторые положения этой статьи были изложены в докладе В.Н. Парфенова на X Жебелёвских чтениях в СПбГУ 30 октября 2008 г.

ченского музея С.А. Шестаковым, который не обнаружил ни других фрагментов, ни следов культурного слоя. Затем надписью начал заниматься Ю.Г. Виноградов. Он представил краткую информацию о ней и реконструировал ее текст[2], однако не успел подготовить полномасштабную научную публикацию этого замечательного исторического источника. С.Ю. Сапрыкин тогда же опубликовал[3] комментарий к этой надписи и воспроизвел ее в том виде, в каком она была восстановлена Ю.Г. Виноградовым, но с некоторыми поправками. Оба исследователя пришли к выводу, что плита представляет собой уцелевший фрагмент большого надгробного памятника с погребальной надписью, в которой подробно перечисляются заслуги похороненного с большими почестями крупного военного и политического деятеля Боспорского царства, бывшего в свое время воспитателем царя Савромата (в тексте надписи чествуемый сравнивается с кентавром Хироном, воспитавшим Ахилла). Его имя, к сожалению, не сохранилось. По своему характеру надпись представляет собой энкомий (ἐγκώμιον), точнее laudatio funebris, изобилующий пышными выражениями. Это могла быть речь, произнесенная на похоронах, и поэтому она выдержана в «азианском» стиле красноречия.

Пантикапейский энкомий представляет собой важный источник по военно-политической истории Боспорского царства, его взаимоотношениям с ближними и дальними соседями, включая Римскую империю. Неудивительно, что его публикация вызвала большой интерес в нашей стране и за рубежом: отклики появились буквально по горячим следам. В отечественной науке первым откликнулся А.Я. Тыжов: в статье, написанной по-латыни, он уточнил ряд дополнений в тексте энкомия, используя аналогии из произведений античных авторов. В стк. 2 в выражении [...ἀπὸ τῶν ἱ]ππέων ἐλείφ[θη...] он предполагает более справедливым восстанавливать предлог ὑπό или πρός; в стк. 3 предлагает заменить [...κατακόπτ]ων на [...διακόπτ]ων; в стк. 12 заменил глагол [ψυχαγω]γεῖ на [δημαγω]γεῖ; в сткк. 12–13 считает возможным читать: ...βασαν[ίζει τὸν ἄνθρωπον ὥστε οὗτος] ὀφθῆναι...; сткк. 17–18 реконструирует как ο[ὗτος δὲ τὰ μέλλοντα προι]δὼν ὑπέστρεψεν, а стк. 19 – как πίστ[εις τε θεῶν καὶ τὰ ὅρκια...][4]. Предложения А.Я. Тыжова, включая и более мелкие поправки, интересны и вполне приемлемы, но они касаются в основном дополнений утраченного текста, без конкретного обращения к остаткам букв на камне и не затрагивают проблему датировки и интерпретации надписи.

Определяющим и для установления даты документа и его интерпретации являются упоминания в тексте царя Савромата и римского императора, который, узнав о важных событиях в Боспорском царстве, предписал чествуемому прибыть к нему для подробного доклада, что и было сделано. Имя императора не указано, автор надписи ограничился лаконичной формулой Καῖσαρ ὁ τότε – «тогдашний Цезарь». Именно это привело к мысли, что анонимность императора следует объяснять damnatio memoriae и, таким образом, Καῖσαρ ὁ τότε – это Домициан, имя которого после его гибели было запрещено упоминать в официальных документах (Suet. Dom. 23). Следовательно, «керченский камень», как назвали эту надпись за рубежом, должен датироваться периодом с 96 по 123/4 г. н.э. Terminus post quem здесь – убийство и damnatio memoriae Домициана (18 сентября 96 г. н.э.), тогда как terminus ante quem – конец правления Савромата I, который в момент установки

[2] Виноградов, Шестаков 2005, 42–44.
[3] Сапрыкин 2005, 45–81.
[4] Tischow 2005, 275–279.

Рис. 1. Верхняя часть мраморной плиты с текстом энкомия (фото Р. Бэгналла, США)

памятника был еще действующим правителем: в тексте он назван ὁ νῦν δεσπότης βασιλεύς (стк. 14).

Однако в 2006 г. Х. Хайнен со ссылкой на тогда еще не опубликованную статью Г. Бауэрсока и К. Джоунса указал, что имеются основания для датировки энкомия временем Савромата II (173/174–210/211 гг. н.э.)[5]. В том же году статья американских исследователей вышла в свет; ее авторы поставили целью познакомить читателей, не владеющих русским языком, с этим важным документом, и высказали некоторые соображения по поводу его содержания[6]. Они полагают, что датировка монумента временем Савромата I – не единственно возможный вариант. Ко времени не ранее первого десятилетия III в. н.э. относят надпись вслед за Бауэрсоком, Джоунсом и Хайненом и некоторые отечественные исследователи[7]. Остановимся подробно на аргументации уважаемых коллег.

Г. Бауэрсок и К. Джоунс согласны с восстановлением Ю.Г. Виноградовым в стк. 1 причастия ...π]ειν̣ήσα[ς..., указывая на то, что по опубликованной фотографии надписи ничего разобрать невозможно. Они предположили, что с тех пор, как Виноградов видел камень, его верхняя часть исчезла. Однако нам известно, что эпиграфист работал только с той частью плиты, которая сохранилась до наших дней в том виде, в каком она запечатлена на фотографии. Верхняя часть камня была повреждена при выемке, и свежие сколы не позволили убедительно восстановить утраченный текст. В 2009 г. Г. Бауэрсок любезно предоставил С.Ю. Сапрыкину новые фотографии плиты с текстом энкомия, которые были сделаны в Керчи Р. Бэгналлом (рис. 1–2). Тогда же он познакомил его с письмом А. Ханиотису,

[5] Heinen 2006, 48 f.

[6] Bowersock, Jones 2006, 117–128; cf. Bull. épigr. 2007, 413.

[7] Ср. точку зрения А.И. Иванчика и В.А. Горончаровского (Горончаровский 2010, 291).

Рис. 2. Верхняя часть и середина плиты с текстом энкомия (фото Р. Бэгналла)

написанным им совместно с К. Джоунсом в связи с публикацией надписи в SEG. В нем они обращают его внимание на ряд собственных наблюдений и поправок к тексту, сделанных на основании этих исключительно четких фотографий. Там, в частности, указывается, что «...в стк. 1 с левой стороны должно было быть около 21–22 букв, при этом буква Σ читается совершенно четко. Слева от нее сохранились следы двух букв. Помимо *сигмы* слева заметны нижние окончания двух вертикальных гаст, которые могли принадлежать либо П либо Н, что вероятнее всего. Правее следы нижних окончаний А или Λ».

Изучив по фотографии Р. Бэгналла указанную строчку энкомия (рис. 1), мы пришли к выводу, что восстановление здесь слова ...π]ε̣ινήσα [ς... правильное (возможное ...ἐπ]ὶ νησι [άρχου...] вряд ли будет верным прочтением сохранившихся остатков слова, ибо в боспорской эпиграфике засвидетельствована только должность ἐπὶ νησσάρχηι[8] с диттографией, а следующая за *сигмой* буква, судя по окончанию левой гасты, очевидная А). Глагол πεινάω означает «голодать, быть голодным, страстно хотеть, жаждать», а в определенном контексте «нуждаться в чем-либо» (LSJ s.v.; ср. Xen. Cyr. VII. 5. 50: μετὰ τοῦτο Ὑρκάνιοι μὲν πρῶτοι φίλοι ἡμιν ἐγένοντο καὶ μάλα πεινῶσι συμμάχων – «но тут гирканцы первыми сделались нашими друзьями как раз тогда, когда мы крайне нуждались в союзниках»). Возможно, что в данной строке говорилось о чествуемом, который очень желал получить союзников в связи с предстоявшей битвой с аланами.

В таком случае совсем иначе следует воспринимать остатки стк. 2. Г. Бауэрсок и К. Джоунс в своей статье по этому поводу пишут: «...по фотографии видны только следы начальной буквы (вероятно *йоты*) и затем буквы ΠΠΕΩΝ со второй

[8] Кузнецов 2007, 230.

пи в лигатуре с *эпсилон*. Тщательно изложенное объяснение Сапрыкина, согласно которому чествуемый был лишен кавалерии в разгар сражения, представляется сделанным не к месту» (с. 120). В письме Ханиотису они отмечают следующее: «...после ἱππέων заметна прямая линия снизу, очевидно, от буквы *эпсилон*, *дельты* или *сигмы*. Затем пространство для одной или двух букв, после которого вполне вероятно дополнение ΕΙΦ. Это означает, что чтение Виноградова ἐλείφ[θη... может быть правильным».

Следует согласиться с уважаемыми оппонентами: предложенное одним из нас объяснение данной строки действительно было «не к месту». Тщательное изучение сохранившихся остатков букв показало, что слева от отчетливо читаемого ΠΠΕΩΝ имеется скол, а еще чуть левее видны нижние окончания двух букв: остатки вертикальной правой гасты Π, Μ или Ν, быть может, апицированное завершение Ι, Υ или Τ, а слева от него черточка, образующая угол с дугообразной линией, что очень напоминает левую горизонтальную гасту Ω. В таком случае в этом месте с некоторой долей вероятности можно прочитать ΤΩ, а лакуну между ними и окончанием слова на ΠΠΕΩΝ следует заполнить пятью-шестью буквами. Это дает возможность читать строку как ...]τ̣ῶ̣[ν Ἀγρι]ππέων или ...]τ̣ῶ̣[ν Γοργι]ππέων, после чего заметны остатки Δ (Ε или Σ здесь невозможны, их написание, особенно нижней гасты, совершенно иное, нежели то, что видно на камне; для *дельты* нижняя гаста вполне подходит, если сравнить с аналогичной буквой в других строчках). Затем следует скол, в который умещаются одна-две буквы, а сразу вслед за ним отчетливо читается ΕΙΦ (последняя буква сохранилась наполовину – это либо Ψ, либо Φ). Ю.Г. Виноградов реконструировал в этом месте ἐλείφ[θη..., однако не обратил внимания на то, что после сохранившейся вертикальной гасты от чуть выходящей за пределы строки Φ или Ψ на камне отчетливо заметна нижняя часть апицированной вертикальной гасты. Это могли быть остатки букв Τ, Ι или Υ, может быть, левая гаста от букв Η, Ν, Κ, Μ, но в любом случае восстановление здесь Θ невозможно (см. рис. 1–2). Мы предлагаем такую реконструкцию первых двух строчек надписи:

[.....μάλα πε]ι̣ν̣ήσα [ς συμμάχων?....]
[.....ἀπὸ] τ̣ῶ̣[ν Ἀγρι?]ππέων δ [ι]ε̃ι̣φ' ἡ̣[.....]

Перевод: «(...он, крайне) нуждаясь (в союзниках... получив их... от?) агриппейцев (вариант: Γοργι]ππέων, т.е. горгиппейцев), повел (...)».

В этой фразе логическое ударение и смысл приходятся на глагол διέπω – «вести», «направлять», который поставлен в достаточно редкой форме δ[ι]ε̃ι̣φ', т.е. в imperfectum ind. act. διεῖπε > διεῖφε > διεῖφ' по типу ἔπω > εἶπε > εἶφ' перед последующей гласной с густым придыханием. Поэтому мы предположительно предлагаем дополнить здесь ἡ̣[μερῶν ὀλίγων] – «в течение нескольких дней». О возможности восстановления в стк. 2 этникона «агриппейцы» или «горгиппейцы» мы высказывались и раньше, поскольку события, о которых повествует энкомий, происходили на азиатской стороне Керченского пролива. Участие в них расположенных тогда там крупных боспорских городов Фанагории (Агриппии) или Горгиппии, которым угрожали аланские вторжения, представляется вполне реальным [9].

---

[9] Сапрыкин 2005, 49. Такое дополнение, впрочем, остается всего лишь предположением ввиду сильной испорченности текста, поэтому и чтение [...ἰ]ππέων, предложенное Ю.Г. Виноградовым, остается в силе.

Г. Бауэрсок и К. Джоунс сначала полагали, что в конце стк. 3 следует читать MAN, а не MAIN, как у Ю.Г. Виноградова, однако в письме к Ханиотису признали, что все же после МА стоит *йота*, а букву *ню* следует дополнять предположительно, так как от нее осталась только одна гаста. Так что причастие μαιν[ομένῳ] представляется в данном случае уместным.

О сткк. 5–6 американские исследователи пишут буквально следующее: «...в словах после упоминания "прежнего Цезаря" μέγαν ἤκουεν ΚΑ... винительный падеж мужского рода должен представлять собой прямое дополнение после ἤκουεν или часть косвенной речи. Сапрыкин понимает это как "услышал о великом деянии", но это не согласуется с мужским родом дополнения, по крайней мере, πρᾶγμα или ἔργον при этом необходимы как дополнение. Хайнен в предположительной форме предложил, что КА в конце строки 6 может быть именем чествуемого, например Калликрат» (с. 121). Мы вынуждены признать, что *μέγαν* действительно является прямым дополнением и относится, вероятнее всего, к самому чествуемому, которого считали «великим» за совершенные деяния (ср. сткк. 20, 43). Поэтому данную фразу следует понимать как «и тогдашний цезарь, находясь... великого услышал и...». Однако предложение Хайнена неприемлемо: в энкомии имя чествуемого не названо, оно скорее всего фигурировало в начале надписи. Довольно часто греки в повествовательных надписях не повторяли ранее упоминавшееся в первых строках имя человека, заменяя его по обыкновению местоимением «он» или подразумевая его в повествовании о деяниях и заслугах. Личное имя могло появиться еще раз в конце текста надписи, где приводилось государственное решение о назначении почестей (см., например, ольвийскую надпись в честь Никирата, сына Папия (IOSPE I². 34), херсонесскую надпись в честь неизвестного гражданина (IOSPE I². 355) и многочисленные проксении римской эпохи). Так что конъектура κα[ι... в данном месте вполне уместна.

В сткк. 6/7 Г. Бауэрсок и К. Джоунс вместо слова α[ι]τίαν предлагают ἀ[ρ]γίαν, объясняя эту замену тем, что «по фотографии там слишком мало места для *йоты* перед приписанной *may*, да и сама *may* нечеткая». Такое чтение, по их мнению, предполагает обращение к каким-то «другим военачальникам, возможно, римским, которые были менее энергичными, нежели чествуемый» (с. 121). Не думаем, что боспорский официоз мог в то время столь нелестно отзываться о римских военных, обвиняя их в «бездействии» (пусть даже это было якобы вложено в уста римского императора). К тому же это не соответствует тому, что известно о римских войсках на Боспоре. В.М. Зубарь связывал их пребывание в Восточном Крыму с так называемой Боспорской войной, когда Савромат II, победив в 193 г. н.э. сираков, присоединил Таврику «по договору» (CIRB 1237). Зубарь опирался на надпись из Преслава, согласно которой в этой войне участвовали подразделения I Италийского легиона[10]. Однако такая датировка «Боспорской войны» оспаривается, ее относят к первой декаде III в. н.э., уже после гражданских войн в Риме[11]. К тому же нет никаких данных о том, что римские военнослужащие прибыли в Восточный Крым незадолго до 193 г. н.э. Ведь римляне могли действовать совместно с боспорцами, наступая на варваров из Юго-Западного Крыма, где стояли их войска, не вступая, таким образом, в пределы Боспорского царства. Римских войск на Боспоре после Клавдия не было по крайней мере до последней декады

[10] Зубарь 1998, 108, 109; 2003, 198.
[11] Сарновски 2005, 242–244.

II в. н.э., а скорее всего, до прихода к власти Северов (см. CIRB 691,726)[12]. Предложенное американскими исследователями чтение невозможно еще и потому, что на камне достаточно места для *йоты*, а *тау* вполне вписывается в лакуну.

Наши оппоненты указывают, что в сткк. 8/9 подлежащее «цезарь», который письмом пригласил чествуемого к себе (т.е. «к цезарю», как полагали Виноградов и Сапрыкин), «выглядит слишком натянутым» (с. 121). Вполне возможно, но подобная ситуация не может быть признана нереальной, ибо цезарь не назван по имени и сам текст надписи написан от третьего лица. Мы, впрочем, не исключаем, что под подлежащим в этой фразе имеется в виду боспорский царь, который пригласил чествуемого полководца к цезарю, прислав ему по этому поводу послание, как было принято в то время. Ведь римский император, согласно протоколу, должен был обратиться непосредственно к боспорскому царю, а не к его подданному (хотя последнее не является невероятным, ср., например, CIRB 58 – почетную боспорскую надпись 249 г. н.э. в честь Аврелия Родона, сына Лоллея, наместника царской резиденции, хилиарха, римского всадника, «известного августам»).

Г. Бауэрсок и К. Джоунс не принимают также трактовку сткк. 10/11: καὶ τοῖς Ἀλανῶν βασιλεῦσιν ὑπὲρ τῆς [αἰτίας ξημίαν δικαίαν? ἠξί]ωσεν ὁρίσαι – «и царям аланов за (вину их?) счел нужным определить (справедливое наказание?)». Они считают, что «...предлог ὑπὲρ едва ли может иметь такое значение», а смысл всей фразы был таким: «он согласился принять решение относительно царей аланов, касающееся...» (с. 121, 122). Предлог ὑπὲρ + gen. может переводиться и как «вследствие», «за», «из-за», и как «о»,«насчет» (LSJ, s.v.). При всех вариантах перевода решение императора касалось царей аланов по причине каких-то действий с их стороны, с точки зрения римлян неправомерных. Уважаемые коллеги справедливо отмечают (с. 122), что впервые аланы появляются в греческих и римских источниках в I в. н.э., но далее указывают, что «в I и раннем II в. н.э. они, согласно нашим источникам, еще не продвинулись западнее Северного Кавказа. Они только один раз появляются в эпиграфике Боспорского царства – в начале III в. н.э. (CIRB 1053: «Герак, сын Понтика, главный переводчик аланов»).

До появления энкомия аланы в боспорских надписях действительно были засвидетельствованы только в начале III в. н.э., но это не значит, что боспорцы не сталкивались с ними раньше. В 60-е годы нашей эры отдельные аланские племена появлялись в районе Дуная (Sen. Thyestes. 630), а в конце третьей четверти I в. н.э., согласно источникам Плиния Старшего, аланы обитали уже к северу от Дуная по соседству с роксоланами, которые раньше всех других сарматских племен появились в междуречье Дона и Днепра (Plin. IV. 80). В середине – второй половине I в. н.э. в Прикубанье, на Нижнем Дону и в степях между Доном и Днепром произошли серьезные изменения, вызванные передвижением различных кочевых племен сарматов. Новая этнополитическая ситуация отразилась на характере погребений в центральнокавказском регионе, Нижнем Подонье и Прикубанье. После походов прикубанских сарматов 72 г. н.э. в Закавказье на Кубани начинает складываться новый аланский многоплеменной союз, куда вошли сираки, меоты, носители подбойно-катакомбного обряда захоронения из степей Предкавказья, более мелкие северокавказские племена, пришельцы из Поволжья и Средней Азии (возможно, часть верхних аорсов). Территория этого союза охватывала Прикубанье, Восточную Меотиду, Нижний Дон, непосредственно соседствуя с Боспором. Есть мнение, что его основу составили сирако-меотские земли, а согласно другой точке

[12] Сапрыкин 2009, 333; Сапрыкин, Ермолин 2010, 81.

зрения, это были земли аорсов[13]. После ослабления сираков в результате боспоро-римской войны 45–49 гг. н.э. именно сираки и союзные им оседлые меоты попали в зависимость от новых пришельцев – сармато-аланов, а большая часть аорсов передвинулась на запад, в Нижнее Поднепровье и в междуречье Днепра и Дона. Вместе с ними в западном направлении двинулась и волна новых мигрантов из-за Волги, которых называли аланами. А.В. Симоненко связывает с ними ряд погребений знати в таврических степях, несколько таких памятников появляется и в Северо-Западном Причерноморье[14].

В этом регионе возникло политическое образование сарматов под названием Аорсия, царей которой греки и римляне называли «величайшими»[15]. Так или иначе, но изменение этнополитической карты Северного Причерноморья в середине – второй половине I в. н.э. связано с появлением в северочерноморском регионе новой волны сарматских племен – аланов. Миграции отдельных аланских племен под руководством вождей или «царей аланов», как их именует автор пантикапейского энкомия, не могли не затронуть Боспорское царство, по соседству с которым находилась область расселения аланов на Северном Кавказе. У Лукиана в диалоге «Токсарид», где были использованы различные источники по боспорской истории, в том числе и середины–второй половины II в. н.э.[16], довольно подробно говорится об аланах и Алании. Там, в частности, упоминаются аланские цари-соправители, братья царевны Мастиры, которая вышла замуж за боспорского царя. Согласно этому источнику, аланские цари, братья Мастиры, озабоченные внутриполитическим положением на Боспоре, пытались вмешиваться во внутридинастические распри боспорских правителей, очевидно, после смерти царя Риметалка (Luc. Tox. 51. 30–40). Эти свидетельства показывают, что со второй половины I в. н.э., но особенно во II в. н.э., аланы установили отношения с Боспорским царством, причем их вожди-цари преследовали при этом собственные интересы. Боспор же пристально следил за передвижениями аланских кочевников[17]. Так что нет никаких оснований отвергать возможность вторжения аланов и, очевидно, зависимых от них племен Прикубанья на территорию Боспорского государства в конце I в. н.э.

Сткк. 14/15: καὶ τὸν νῦν δεσπότην βασιλέα μ[έγαν Σαυρομάτην συναράμε]/νος καταλπὼν μείζονα, διὰ τῆς Ταυρικ[ῆς ἐστρατεύσατο ἐπὶ Σκύθας] – «и, (оказав содействие) нынешнему владыке Великому царю (Савромату), покинув более великого государя, (совершил военный поход на скифов) через Таврику». Трактовку и перевод этой фразы Сапрыкиным уважаемые оппоненты поняли неверно. Они пишут: «...συναίρομαι в медиальном залоге не может иметь прямое дополнение в винительном падеже в виде лица, которому оказана помощь, это требует исключительно дательного падежа. Более того, трудно понять, что означает "покинув более великого государя", хотя Сапрыкин понимает так, будто чествуемый служил при штабе Домициана, но теперь вернулся к своему прежнему месту службы к боспорскому царю. Это представляется невозможным эллиптически» (с. 123).

---

[13] Ждановский, Марченко 1988, 53–56; Туаллагов 2002, 33.

[14] Симоненко 1993, 112.

[15] Виноградов 1994, 167; Сидоренко 1996, 37.

[16] Сапрыкин 2011, 324–330.

[17] Берлизов 1990, 14; Яценко 1992, 48; 1993, 86; Габуев 1999, 17–19. С появлением аланов можно связать продвижение в середине I в. н.э. различных группировок сарматских племен на запад (Щукин 1994, 208–211), в частности, появление там аорсов с Северного Кавказа.

В связи с этим возникает вопрос – почему? Выражение «покинув цезаря» – обычный деепричастный оборот, который не подразумевает никакой службы чествуемого при штабе римского кесаря, а всего лишь показывает, что он, ранее вызванный к нему письмом царя, просто отбыл из его ставки и по приказу этого «более великого государя» (естественно в сравнении с боспорским царем, его вассалом, римский цезарь воспринимался как более великий) отправился с войском против таврических скифов. В надписи в соответствии с азианическим стилем восхваляются все правители – и римский император, и боспорский царь, и сам чествуемый. Глагол συναίρω в значении «оказывать помощь, содействовать, помогать» в медиальном залоге действительно требует дательного падежа, поэтому здесь, по-видимому, стояло participium medii от другого глагола, например, συναλλάσσω – «примирять кого-либо с кем-либо». Тогда получается более логическая последовательность событий: чествуемый, примирив с аланами (или с царями аланов) при содействии императора «нынешнего владыку Великого царя Савромата, покинув более великого государя (т.е. римского императора, к которому он прибыл ранее по его просьбе), совершил военный поход на скифов через Таврику».

Сткк. 16–18: τυνχάνοντι δ' αὐτῷ κατὰ τὴν Χερρόνησο[ν συνήντησαν? βασιλεῖς οἱ] / ἐπὶ τὴν 'Αλανῶν συνμαχίαν ἥκοντες, ο[ὓς αὐτὸς ἀπὸ τοιούτων ἐλπί]/δων ὑπέστρεψεν – «когда он достиг Херсонеса, (попались ему навстречу? цари, которые) пришли для заключения союза с аланами, которых (он от этих надежд) отвратил». Г. Бауэрсок и К. Джоунс по этому поводу пишут следующее: «...нет оснований думать, что цари сами прибыли к чествуемому, не является очевидным и смысл предлога ἐπὶ. Это не то же самое, что εἰς. Он должен предположительно означать "с целью" (for the purpose of), т.е. союз с аланами. Но если учесть, что у аланов было несколько вождей (βασιλεῖς), ссылка могла относиться к союзу аланских племен друг с другом. Более того, восстановление стк. 17 не совсем подходит: αὐτὸς не имеет видимых функций, и ὑπέστρεψεν не может означать "отвратить кого-либо от чего-либо", в прозе во все периоды ὑποστρέφω являлся непереходным глаголом и означал "возвращать", "поворачивать назад". *Омикрон* перед лакуной может быть ὁ [δὲ], впрочем, как и ο[ὓς..., и ΔΩΝ может быть последним слогом причастного аориста вроде [ὑπερι]δών» (с. 123).

Перевод фразы не означает, что цари сами пришли к чествуемому, из него следует, что они «попались ему навстречу», когда чествуемый двигался к Херсонесу. Предлог ἐπὶ, который имеет значение «для», разве не соответствует «for the purpose of»? Глагол ὑποστρέφω – «направлять» среди прочих значений может переводиться и как «менять мнение», «отказываться» (LSJ, s.v.; ср. Xen. Anab. II. 1.18 – Φαλῖνος δὲ ὑποστρέψας παρὰ τὴν δόξαν αὐτοῦ: «Фалин, отказавшись от такого решения...»). Хотя его значение «возвращать(ся)», «поворачивать(ся)», «вернуть назад» в данном случае также подходит, понимание фразы как ὁ [δὲ αὐτὸς... παρὰ τὴν δόξαν? ὑπερι]δών ὑπέστρεψεν, т.е. «он (сам... от этого намерения?) презрев его, отказался», более соответствует ситуации, изложенной в энкомии. Упрек в том, что местоимение αὐτὸς не имеет «видимых функций», при таком понимании текста теряет смысл, ибо его следует воспринимать в значении «сам», «лично», что и предлагалось ранее. Союз аланских царей или вождей друг с другом, на что указывают оппоненты, в этом контексте вряд ли уместен. Дело происходило где-то в районе Херсонеса Таврического, поэтому союза с аланами могли искать и греки, и тавро-скифы, и другие сарматские правители, например аорсы. К тому же

слово «цари» здесь дополнено и не может считаться достоверным. Но такой союз, по-видимому, был невыгоден Боспорскому царству.

Не выдерживает критики аргумент оппонентов, будто в сткк. 24/25 «οἶμαι понимается Сапрыкиным, очевидно, как инфинитив» (с. 123). В оригинале перевода данной строки энкомия стоит отчетливое «думаю». Невозможно также принять их поправку в стк. 46 [λε]λογισμένως вместо λογισμένος – на камне отчетливо читается *омикрон*, а не *омега*, которую резчик выписывал совершенно иначе.

Г. Бауэрсок и К. Джоунс не могли не пройти мимо упоминания в надписи племени псеханов. Их не устраивает предложенное в первой публикации понимание сткк. 27–29 [...]νον αὐτῷ προθεὶς μελέτην ἐπὶ Ψεχανοὺς. Они считают, что «...не все дополнения в сткк. 27 и 28 убедительны: особенно NON в начале строки 29 должно представлять существительное, управляемое προθεὶς. Объединяя вместе προθεὶς и μελέτην, Сапрыкин интерпретирует строку как "определив ему заботу по отношению к псеханам". Это определенно невозможно, поскольку μελέτη означает "практику", "упражнение", "обучение", а не "заботу", "озабоченность", и ἐπὶ с винительным падежом должно означать "против", "по отношению" (towards); более того, позиция αὐτῷ предполагает, что μελέτην уместно только с последующим дополнением слов, например, μελέτην ἐπὶ Ψεχανοὺς [ἐποιῆσατο], что вкладывает в μελέτη здесь его военный смысл... Подразумеваемый смысл здесь безусловно в том, что псеханы – народ, против которого либо чествуемый, либо сам царь, или они оба, предприняли военную кампанию» (с. 123,124). Далее они ссылаются на фрагментированную боспорскую надпись CIRB 1048, где говорится о заслугах некоего сына Диофанта из Пантикапея, которую связывают с военным походом Савромата I против псеханов, так как в ней в неопределенном контексте упомянуты эти самые псеханы. Не приводя никаких доказательств, американские ученые возражают против отождествления псеханов с псессами боспорских надписей времени Спартокидов и Аспурга[18].

Можно согласиться с тем, что в данном месте надписи перфект ὑφήγηται вряд ли возможен, так как все другие глаголы во фразе стоят в аористе. К тому же ко времени составления надписи чествуемый был уже мертв, а перфект предполагает продолжение действия и в настоящее время; αὐτῷ, скорее всего, действительно относится к предыдущему слову с окончанием ...]νον, а не к προθεὶς. Данная фраза была, по-видимому, построена несколько иначе, чем то, что предложил Ю.Г. Виноградов, и выглядела как ...μό]/νον αὐτῷ, προθεὶς μελέτην ἐπὶ Ψεχανοὺς [ποιεῖσθαι?]: «и не только... и воспитал, но и... только ему, определив, чтобы была осуществлена забота по отношению к псеханам». Ἐπί + асс. вполне соответствует «по отношению к» (towards), но весь смысл предложения упирается в значение μελέτην. Мы понимаем это слово в данном контексте как «заботу», «озабоченность», а не как «заботу о». Это означает, что чествуемый как человек, хорошо знавший состояние дел на азиатском Боспоре, внушил царю, которого учил достойным делам, озаботиться или заняться делами племени псеханов или областью их расселения. Вполне возможно, что эта забота была связана с практическими делами и выражалась в подготовке каких-то мероприятий, не обязательно обусловленных ведением военных действий против самих псеханов. Ведь первое значение μελέτη – «забота»,

[18] В этой связи считаем уместным напомнить уважаемым коллегам, что боспорский царь Аспург правил не с 16/17 по 30/31 г. н.э., как указывается в их статье, а значительно дольше – с 8 г. до н.э. по 13 г. н.э. как архонт и с 13/14 г. по 37 г. н.э. как царь всего Боспора (Сапрыкин 2002, 207 сл.).

«внимание». К тому же весь смысл энкомия сводится к тому, что чествуемый боспорский вельможа весьма дружелюбно и миролюбиво относился к варварскому окружению азиатского Боспора и местное население отвечало ему тем же.

Область расселения псеханов, как известно по надписям и Певтингеровой таблице, соответствует территории, которую ранее занимали псессы, о чем можно судить по данным эпиграфики и античной географической традиции[19]. За четыреста лет, которые разделяют упоминания о псессах и псеханах, обитавших в Восточной Меотиде, в этом регионе произошли серьезные изменения, вызванные приходом сарматов – аорсов и сираков, созданием сирако-меотского союза, боспоро–римской войной в середине I в. н.э. и появлением аланов, вытеснивших аорсов и потеснивших сирако-меотов. Так что изменение раннего этнического названия псессов на более поздний этноним «псеханы» могло быть вызвано ассимиляцией этого племени новыми пришлыми этносами и сопровождалось их передвижением в регион, отграничиваемый Доном, Меотидой, Северным Прикаспием и Рипейскими горами, т.е. тем районом, где в позднеримскую эпоху помещает народ Psaccani достаточно поздний источник – Tabula Peutingeriana и где располагает patria Psatiron = «страну Псою» Диодора Равеннский Аноним[20]. Не следует забывать, что, согласно энкомию, чествуемый боспорец хорошо знал истоки рек, очевидно, Кубани и Дона, и пользовался расположением к нему племен, обитавших в тех областях. Вкупе с упоминанием о псеханах, которые как раз и населяли эти земли и о которых он просил позаботиться боспорского царя Савромата, это дает основание предположить, что псеханы, соседствовавшие с аланами, полагались на помощь боспорской верхушки перед лицом угрозы со стороны этих племен. По-видимому, это было связано с тем, что ранее они входили в состав Боспорского государства под названием «псессы»[21] и ввиду этого традиционно рассчитывали на содействие его царя. Поэтому возражения по поводу невозможности отождествлять псеханов и псессов недостаточно убедительны.

Вызывает возражения и трактовка Г. Бауэрсоком и К. Джоунсом одной из наград, которой был удостоен чествуемый. В сткк. 36/37 первоиздатель восстановил στ[ρατοῦ ἀριστεῖ]/α χρύσεα. Уважаемые оппоненты в этой связи замечают: «...это должно означать нечто вроде “воинские золотые награды за доблесть”, но это кажется очень натянутым. Сапрыкин предложил στ[εφανηφορί]/α χρύσεα, понимая это как “право ношения золотого венка”... Но прилагательное “золотой” требует конкретного объекта, а не абстрактного права. Мы предварительно предлагаем στ[ρεπτόν] или στ[ρεπτά], за которым следовало другое существительное во множественном числе среднего рода, возможно, ψέλια» (с. 125, 126). Ссылаясь далее на мнение Х. Хайнена, указавшего им на статую боспорского вельможи конца II – начала III в. н.э. Неокла, сына Геродора (точнее – Мойродора. – *С.С., В.П.*)[22], на шее которого гривна с букранием, они полагают, что это был знак высокого социального положения либо военная награда. В качестве доказательства исследователи ссылаются на обычай варварских народов, в частности кельтов и степных племен, носить гривны, а также на манеру некоторых греков и римлян отмечать таким образом почетное положение в обществе и демонстрировать награду за воинские

---

[19] Сапрыкин 2006, 213–215; ср. Яйленко 1990, 216–228; 2010, 310 сл.

[20] Подосинов 2002, 354.

[21] С.Р. Тохтасьев полагает, что мы имеем право рассматривать этнический термин «псессы» как словообразовательный вариант «псеханы» и отождествлять оба народа (Тохтасьев 2010, 369–371; ср. Яйленко 1990, 225).

[22] Сапрыкин 1986, 65, 71.

доблести. Важным аргументом при этом служат для них ольвийские надписи, согласно которым местные стратеги посвящают золотой торквес – στρεπτὸν χρύσεον (IOSPE I². 80, 85, 91, 94 = HO 81).

Мы не можем согласиться с тем, что «право ношения золотого венка» – это абстракция, а не конкретный объект в виде награды. Такое право давалось за заслуги и доблесть, но оно выражалось в конкретном действии – увенчании и ношении на голове почетного венка из золота: ср. HO 28 – ἐστεφάνωκεν αὐτόν, στε[φανῶσαι αὐτοὺς χρυσῶι στεφάνωι]; 43 – στεφ[ανοῖ χρυσῷ στεφά]νῳ; особенно см. HO 80, 81: Ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος τοὺς καλῶς στρατηγήσαντας ἐτίμησεν χρυσῷ στεφάνῳ – «Совет и Народ почтил стратегов золотым венцом за прекрасное исполнение должности». Практически во всех почетных надписях упоминается данное властями почетное право носить не просто венок, а именно золотой венок как высшую награду. Вот почему абстрактным было бы просто данное чествуемому в энкомии военачальнику право ношения венка, а специальное указание, что это было право носить «золотой» венок, как раз и отличалось конкретикой.

Если заполнить лакуну словом στ[ρεπτόν] *vel* στ[ρεπτὰ ψέλι]/α χρύσεα, т.е. букв. «золотые ожерелья – браслеты»[23], то, согласно такому восстановлению, чествуемый, кроме torquis (гривна), был награжден еще и браслетами (armillae). Во второй половине I в. н.э. римская система военных наград состояла из десяти различных основных знаков отличия, которые давались в зависимости от ранга и чина награждаемого. Рядовые военнослужащие получали только торквесы, браслеты, фалеры, гражданские венки, причем последние могли получать также и офицеры, не имевшие право носить гривны и браслеты в качестве наград, ибо взамен их им давались vexilla и hastae[24]. Боспорская армия со времени Митридата Евпатора строилась по римскому образцу, по римскому порядку осуществлялось и награждение рядового и офицерского состава. Сказанное подтверждается изображениями военных на памятниках из городов Северного Причерноморья. На пантикапейском надгробном рельефе II–I вв. до н.э. в паре с супругой изображен военачальник в панцире и хитоне, подпоясанный двуполосным поясом с большой пряжкой, на плечах его плащ-гиматий. По сторонам от него vexilla и hastae, а на запястьях и предплечьях браслеты, – очевидно, его воинские награды. Голову умершего увенчивает венком, вероятно, богиня победы Ника, поскольку при жизни он был удостоен награждения венком за выдающиеся военные успехи. Статуя первых веков нашей эры из Тиры представляет явно не рядового военнослужащего в узорчатом панцире с рельефами, подпоясанного поясом с зооморфными мотивами, обутого в кожаные сапоги и держащего у левой ноги островерхий шлем. У него нет никакой гривны, нет и браслетов на руках, хотя само появление такой статуи означало, что военный заслужил ее постановку своими победами или высоким чином[25]. Эти памятники показывают эволюцию военных наград с эпохи позднего эллинизма до римского времени в соответствии с практикой награждения в римской армии и построенных по ее образцу воинских формированиях зависимых от Империи государств.

Чествуемый в энкомии деятель занимал исключительно командные должности, поэтому его награды соответствовали рангу высшего офицера. Награждение браслетами и гривной вряд ли соответствовало тогдашней практике поощрений во-

[23] Bowersock, Jones 2006, 125 f.
[24] Maxfield 1981, 213; Махлаюк 2006, 329.
[25] Соколов 1973, № 89, 173.

еннослужащих на командных должностях. Напротив, увенчание золотым венком вполне вписывалось в практику вручения наград офицерам.

Что касается горгиппийца Неокла, то не известно, получил ли он свой торквес в качестве военной награды или это был его родовой знак, предназначенный доказать его высокий социальный статус в боспорском обществе. Это мог быть и простой талисман, служивший его апотропеем-оберегом. Все, что мы знаем об этом деятеле, не предполагает возможности награждения его за воинскую доблесть: Неокл являлся «наместником Горгиппии» и синагогом в фиасе. Его сын Мойродор также был «наместником Горгиппии» и синагогом в фиасе навклеров в правление царя Савромата II (CIRB 1119, 1129, 1134)[26]. Поскольку гривна на шее этого боспорца вполне могла являться родовым знаком в семье Неокла и передаваться по наследству от отца к сыну, то приводить его статую как пример награждения торквесом за военные заслуги в высшей степени рискованно.

И, наконец, несколько слов об ольвийских надписях, которые якобы подтверждают возможность награждения почитаемого в энкомии боспорского деятеля золотой витой гривной. Все перечисленные уважаемыми оппонентами надписи (IOSPE I². 80, 85, 91, 94 = HO 81) свидетельствуют о посвящении коллегией стратегов римской Ольвии золотой гривны Аполлону Простату, верховному божеству полиса, его покровителю и защитнику, за благосостояние города, за мир и за их, стратегов, здоровье и мужество. Помимо гривны, ольвийские стратеги посвящали этому богу – покровителю их коллегии – золотые венки и статуэтку золотой Ники на серебряной подставке (HO 79, 80, 83). Следовательно золотое ожерелье, поднесенное в дар богу, было не военной наградой, а простым посвящением, сделанным по завершении исполнения должности. К тому же, как следует из надписей HO 80 и 81 о посвящении богу золотого венка и золотого ожерелья, стратеги были награждены за службу золотым венком, а не гривной. Можно ли на основании этих свидетельств и статуи Неокла точно датировать «керченский камень»? Нельзя не заметить: this seems very strained.

Все перечисленное – аргументы, связанные с прочтением надписи, которые лишь косвенно говорят в пользу истинной датировки энкомия. Если встать на позиции уважаемых коллег, то, действительно, Домициан – не единственный император, посмертно «удостоенный» damnatio memoriae: та же участь постигла и Коммода 31 декабря 192 г. н.э. (SHA. Comm. Ant. 17. 6; 19. 1; 20. 4–5; Aur. Vict. De Caes, 17.10; Eutrop. VIII.15)[27]. Однако в начале 195 г. н.э. это Senatusconsultum было отменено Септимием Севером и Коммод был обожествлен[28]. На этом основании Бауэрсок и Джоунс предлагают датировать энкомий из Пантикапея 194 или 195 годом н.э., т.е. годами damnatio memoriae Коммода. На первый взгляд их аргументация (с. 127) весьма убедительна: *1)* до конца II в. н.э. воинское звание «хилиарх», которое носил покойный, не засвидетельствовано ни разу, тогда как после этого хронологического рубежа оно в боспорской эпиграфике появляется пять раз (CIRB 36A, 53, 58, 984, 1049); *2)* аланы, с которыми имел дело чествуемый, упомянуты только в одной боспорской надписи начала III в. н.э. (208 г. н.э. – CIRB 1053); *3)* термин δεσπότης, фигурирующий в стк. 14 энкомия, до Савромата II не

[26] Сапрыкин 1986, 62–72; Смирнова 2001, 350–363.

[27] Rohden 1896, 2479.

[28] П. фон Роден (1896, 2479) датировал обожествление Коммода 197 г. н.э. Денарий в честь *consecratio* Коммода Г. Мэтингли и Э. Сайденхэм датируют 195–196 гг. н.э. (1936, 99 № 72[A]; ср. Cohen 1883, 234 f., № 61–62).

использовал ни один боспорский царь, тогда как в CIRB 1049 именно Савромат II носит титул «великий царь» и δεσπότης[29].

Нетрудно заметить, что эти три довода в пользу более поздней датировки надписи – argumenta e silentio, которые, если учесть фрагментарное состояние «каменного архива» Боспора, решающим доказательством служить не могут. К примеру, должность хилиарха имеет достаточно почтенную родословную, восходящую еще к Ахеменидам[30], поэтому непонятно, почему ее учреждение в Боспорском царстве следует относить к столь позднему времени. Термин δεσπότης в боспорской эпиграфике встречается еще в эпоху императора Адриана, правда, по отношению к самому римскому цезарю (CIRB 48). Наши оппоненты почему-то обошли вниманием тот факт, что сохранившаяся на камне титулатура с упоминанием мифических предков боспорского царя – ...τὸν ἀφ' Ἡρακλέους]/ καὶ Ποσειδῶνος γενόμενον – могла относиться исключительно к Савромату I. Савромат II не упоминал своих мифических предков, а его сын и преемник Рескупорид II указывал, что он «происходит от Геракла и Евмолпа, сына Посейдона» (CIRB 53). Напротив, отец Савромата I, царь Рескупорид I, отмечал свое родство как «потомок Эвмолпа, сына Посейдона, и Геракла» (надпись очень фрагментирована, более вероятен вариант: «происходящего от Посейдона и Геракла» (CIRB 980), а сам Савромат I величался «происходящим от Посейдона и Геракла» (CIRB 1048). Очевидно, что более ранний вариант титулатуры предусматривал указание на происхождение от Посейдона и Геракла (или от Геракла и Посейдона), а более поздний, датируемый концом II – началом III в. н.э., требовал упоминания Эвмолпа, сына Посейдона.

Обращает на себя внимание и то, что в энкомии упоминаются два взаимодополняющих друг друга термина – δεσπότης и κύριος. Последний встречается в боспорских надписях по отношению к императору Веспасиану (CIRB 1047) и в 179 г. н.э. в сочетании κυρίους βασιλεῖς (CIRB 1000). Но нигде, кроме как в пантикапейском энкомии, κύριος не употребляется применительно к конкретному боспорскому царю.

В качестве возможного основания для передатировки энкомия концом II в. н.э. Г. Бауэрсок и К. Джоунс приводят надпись 193 г. н.э. из Танаиса, в которой говорится о войне Савромата II с сираками и скифами и о подчинении Таврики по договору (CIRB 1237). Однако она не может служить доказательством связи этих событий с теми, о которых рассказывается в энкомии, так как в ней не упоминаются аланы. Американские ученые полагают, что разура в стк. 8 горгиппийской строительной надписи CIRB 1122 могла содержать имя римского императора как попечителя восстановления стен Горгиппии, стертое впоследствии по причине damnatio. Таким императором, по их мнению, мог быть либо Домициан (надпись сохранила имя царя Тиберия Юлия Савромата) либо Коммод. Однако еще издатели этого документа убедительно доказали, что он относится ко времени Савромата I (см. Comm. ad CIRB 1122. P. 655, 656). Но самое главное – в разуре надписи не могло стоять имя римского цезаря по той причине, что строительные работы велись при попечении местных властей, имя одного из представителей которых сохранилось на камне в предшествующей стк. 7, – это был Поф, сын (Фарнакиона?). Если бы в стк. 8 стояло имя римского императора, то оно вряд ли было бы проставлено после имени местного попечителя, а непременно фигурировало бы

[29] Ср. новую фанагорийскую надпись с такими же эпитетами Савромата II (Кузнецов 2006, 166–168).

[30] Brandis 1899, 2275.

перед именем боспорского царя. В этой строчке, согласно практике постановки строительных надписей, должны были стоять имена остальных попечителей из местной аристократии (ср. CIRB 1241,1243, 1245). Так что данный аргумент не может служить доказательством для передатировки энкомия временем правления Савромата II.

Не особенно весомым выглядит и второй тезис – аланы. Авторы статьи в ZPE стараются подкрепить его ссылкой на то, что Коммод, возможно, имел дело с аланами. Оказывается, речь идет о том, что в византийской эпитоме Диона Кассия сообщается о договоре между Коммодом и «другими» (οἱ ἄλλοι). Вместо οἱ ἄλλοι наши западные коллеги, со ссылкой на конъектуру Беккера, предлагают читать οἱ Ἀλανοί. Насколько солиден такой аргумент, судить читателю. Для большей объективности остановимся на этом сюжете подробнее.

В данном пассаже речь идет о том, что Коммод, завершая дунайские войны своего отца Марка Аврелия, заключил мир, наряду с прочими племенами, и с племенем буров (Buri или Burii античных авторов[31]): «Когда буры прислали послов, Коммод заключил с ними мир» (Ὅτι τοῖς Βούροις ὁ Κόμμοδος εἰρήνην ἔδωκε πρεσβεύσασι – Dio Cass. LXXII. 3. 1). Далее, после изложения предыстории этого мирного договора у Диона Кассия имеется принципиально важная для нас информация: τότε δέ, ἐπειδὴ ἐξετρυχώθησαν, συνελλάγη σφίσιν ὁμήρους λαβὼν καὶ αἰχμαλώτους παρά τε τῶν Βούρων πολλοὺς καὶ παρὰ *τῶν ἄλλων* μυρίους καὶ πεντακισχιλίους κομισάμενος καὶ ἀναγκάσας *τοὺς ἄλλους* ὁμόσαι ὥστε μητ' ἐνοικήσειν ποτε μητ' ἐννεμεῖν τεσσαράκοντα στάδια τῆς χώρας σφῶν τῆς πρὸς τῇ Δακίᾳ οὔσης – «Но потом, когда они оказались в достаточной степени измотаны, он примирился с ними, взяв заложников и получив назад множество пленных от буров и пятнадцать тысяч от *остальных*, и заставил *остальных* дать клятву в том, что они не будут селиться и пасти скот где-либо в пределах полосы шириной сорок стадиев вдоль границы с Дакией» (Dio Cass. LXXIII. 3. 2) (курсив наш. – *С.С., В.П.*).

Э. Кэри, издатель Диона Кассия в серии Loeb Classical Library, оговаривается, что текст в этом месте «возможно, испорчен», поэтому Беккер предлагает вместо ἄλλων и ἄλλους читать Ἀλανῶν и Ἀλανούς[32]. Однако никакой информации о контактах Рима с аланами при Коммоде (в отличие, кстати, от времени Флавиев) в других источниках нет[33], так что конъектура Беккера представляется неоправданной. Под «остальными» (οἱ ἄλλοι), очевидно, следует понимать группу более мелких племен, нежели тех варваров, которые являлись основными противниками римлян в этой войне. К тому же условие мирного договора, запрещавшее аланам появляться в приграничной с Дакией полосе, выглядит бессмысленным: сами же Бауэрсок и Джоунс полагают (со ссылкой на Tabula Peutingeriana и «Перипл Понта Эвксинского» Арриана), что эти племена в конце I в. н.э. кочевали к востоку от Азовского моря и контактов с Боспорским царством не имели[34] (хотя на самом деле, как показано выше, такие контакты имели место). К дунайским провинциям Рима, отстоящим от Восточной Меотиды на многие сотни стадиев, это должно относиться в значительно большей степени. С ними соседствовали другие сарматские племена, в основном аорсы и языги. Таким образом, в данном случае наши оппоненты противоречат сами себе.

---

[31] Brandis 1897, 1067.

[32] Cary1955 (repr.), 74 f.

[33] См. Tomaschek 1894, 1282 f.; Danoff 1964, 229.

[34] Bowersock, Jones 2006, 122.

В свое время М.И. Ростовцев отметил, что во множестве надписей, прославляющих военные успехи боспорских царей I–II вв. н.э., никакие войны между аланами и Боспорским царством не упоминаются. Но далее он весьма уместно замечает: «Отсутствие каких-либо прямых свидетельств о войнах между Боспором и аланами, в конце концов, может быть случайностью»[35]. Слова эти оказались пророческими, что и доказал энкомий из Пантикапея[36]. Таким образом, все три аргумента в пользу альтернативной его интерпретации выглядят не столь уж бесспорными.

Но можно ли в этом случае определить, кто скрывается за загадочным выражением «тогдашний Цезарь»? Как известно, при отсутствии в надписи точной даты, что наблюдается в большинстве случаев, надежной опорой является палеография. Видимо, не случайно Бауэрсок и Джоунс обходят этот вопрос, отмечая лишь необычную форму *пси* и указывая на «превосходный, четкий шрифт» надписи (с. 117). Один из авторов данной статьи, ссылаясь на работу А.И. Болтуновой и Т.Н. Книпович[37], убедительно доказывал, что по шрифту надпись относится к концу I – первой четверти II в. н.э.[38] Надо учесть, что сохранившиеся на плите примерно две трети первоначального текста – это далеко не вся надпись. Когда-то она являлась частью установленного на могиле триптиха, который, в свою очередь, был составной частью надгробного монумента – всего около 150 строк, как предполагает Х. Хайнен[39]. Мастер, получивший столь масштабный заказ, должен был работать с тем шрифтом, к которому привык. О срочности заказа и спешности исполнения свидетельствуют заметные в тексте исправления. Таким образом, шрифт laudatio funebris показывает, что надпись относится ко времени Савромата I и вряд ли позже.

Персонаж, которому посвящена надпись, получил письменное предписание (δι' ἐπιστολῆς) императора прибыть к нему для личного доклада о крупных военно-политических событиях на рубежах Боспорского царства. Создается впечатление, что сложившаяся тогда стратегическая ситуация серьезно задевала интересы не только Боспора, но и Рима, правитель которого хотел получить информацию из первых рук. Не известно, куда должен был направиться боспорский вельможа, но едва ли это был Рим: царь Савромат, его воспитанник, был еще слишком молод, а военно-политическая обстановка на рубежах государства отличалась, как свидетельствует надпись, такой напряженностью, что длительное отсутствие регента на родине исключалось. В надписи не сохранилось указания на местопребывание императора, но, судя по контексту, он находился вне Рима. Единственная параллель, которую можно здесь привести, – это путешествие в Рим царя Аспурга, основателя боспорской династии Тиберием Юлиев, *πρὸς τὸν Σεβαστὸν αὐτοκράτορα*[40]. Но в случае с Аспургом все ясно: ни Август в последние годы своего правления, ни Тиберий на всем протяжении своего принципата Италию не покидали. В энкомии же стоит причастие [δι]ά̣γων, относящееся к императору, – это все, что осталось от информации об императорской ставке: «Тогдашний Цезарь, пребывая...». Более чем вероятно, что речь идет о походной ставке главнокомандующего, в противном случае его местопребывание едва ли подчеркивалось бы. Эта ставка, скорее всего,

---

[35] Rostovtzeff 1936, 95 f.
[36] Сапрыкин 2005, 52 сл.
[37] Болтунова, Книпович 1962, 3–31.
[38] Сапрыкин 2005, 47.
[39] Heinen 2006, 49; ср. Сапрыкин 2005, 46.
[40] Одна из недавних реконструкций текста: Хайнен 2000, 289 сл.

находилась на дунайском театре военных действий, где достаточно долго пребывали и Домициан, и позднее Коммод.

Кто же из двух этих кандидатов больше подходит на роль императора, столь внимательно следившего за развитием событий в глубине варварских степей? Единственная внешнеполитическая акция Коммода, о которой известно, – это поспешное, если верить источникам, заключение мира с квадами, маркоманнами и их союзниками после смерти Марка Аврелия (Dio Cass. LXXIII. 2. 1–4; 3. 1–3; Herodian. I. 6. 8–9; SHA. Comm. 3. 5). Затем молодой император поспешил в Рим и до конца своего правления Италию не покидал[41].

При ближайшем рассмотрении вопрос о Коммоде оказывается не таким уж простым. У. Ример справедливо отметила, что «...Коммод, подобно Домициану, стал жертвой сенаторской историографии»[42]. Дион Кассий (в изложении Ксифилина, см. Dio Cass. LXXIII. 2. 2) сообщает об обстоятельствах заключения мира с маркоманнами: καὶ ἐξεργάσασθαι αὐτοὺς δυνάμενος ῥᾳδίως, μισόπονος δὲ δὴ ὢν καὶ πρὸς τὰς ἀστικὰς ῥᾳστώνας ἐπειγόμενος ἐσπείσατο αυτοῖς...– «хотя (Коммод) мог легко их уничтожить, но, так как он ненавидел труд и спешил к городскому комфорту, то заключил с ними мирный договор...». В том же духе выдержано сообщение Геродиана (I. 6. 8). Еще более категоричен биограф Коммода в SHA. Comm. 3. 5: Bellum etiam, quod pater paene confecerat, legibus hostium addictus remisit ac Romam reversus est – «От войны, которую отец почти завершил, он отказался, приняв условия врагов, и вернулся в Рим». Однако следы истинного положения дел сохранились у поздних авторов. По словам Евтропия (VIII. 15), «Луций Антонин Коммод... успешно воевал против германцев (contra Germanos feliciter... pugnavit). В том же духе высказывается и Аврелий Виктор (De Caes. 17. 2). Эпитоматор Диона Кассия, при всем негативном отношении к Коммоду, не скрывает, что мир с маркоманнами он заключил на более жестких условиях, чем те, которые предлагал противнику Марк Аврелий (Dio Cass. LXXIII. 2. 2–4). Красноречив даже сам факт, что между dies imperii Коммода и его отбытием в Рим прошло около полугода и, следовательно, ни о каком поспешном отъезде 19-летнего императора «навстречу столичным удовольствиям» не может быть и речи[43]. Таким образом, можно было бы предположить, что именно в период пребывания на дунайском театре военных действий он вызвал к себе боспорского вельможу. Но трудно вообразить, что Коммод проявил столь горячий интерес к событиям на далекой периферии античного мира и вызвал к себе для доклада отличившегося военачальника из далекого Боспора. В течение первых месяцев своего принципата у нового императора хватало более важных проблем.

Что же касается Домициана, то последний император династии Флавиев чуть ли не половину своего 15-летнего правления провел вне Рима, лично руководя военными кампаниями на Рейне и Дунае[44]. На дунайском фронте ему пришлось иметь дело не только с даками и германцами, но и с сарматами, кочевавшими на огромном пространстве от Дуная до Волги. И сарматы, и родственные им аланы к тому времени не раз доказывали, что далекая, казалось бы, от римских рубежей опасность вдруг становилась грозной реальностью, и тогда, как на основании пе-

---

[41] Halfmann 1986, 49; Potter David 2004, 87.

[42] Riemer 2006, 131.

[43] Riemer 2006, 128.

[44] См., к примеру: Halfmann 1986, 182 f.; Strobel 1989, 16–118.

чального римского опыта свидетельствовал Тацит (Hist. I. 79. 1–4), никакой пехотный строй не мог устоять перед их конной лавиной.

Домициан, который в 83–92 годах н.э. почти постоянно находился там, где происходили военные действия, просто обязан был прогнозировать развитие стратегической обстановки, чтобы наиболее эффективно использовать военные ресурсы Империи, которые, как вдруг оказалось, не были неисчерпаемыми. В постоянно изменявшейся ситуации в варварском хинтерланде Боспорское царство, бывшее тогда, по выражению М.И. Ростовцева, «форпостом римского мира и римской военной мощи, выдвинутым в мир северного иранства, государством-буфером, государством-разведчиком»[45], должно было играть исключительно важную роль. В этой связи кочевники северокавказских степей и Подонья не могли не вызывать настороженности в Риме, так как вместе с крымскими скифами они были наиболее опасными врагами Боспорского царства, проводившего проримскую политику на дальнем северо-востоке [46]. Обострение военной обстановки на дунайской границе Империи при Домициане потребовало от римлян поставить вопрос о выводе своих войск из Таврики и перенести центр тяжести в защите их интересов на боспорских владык. Поэтому вызов на доклад фактического правителя этого государства прекрасно вписывался в общий контекст политики Домициана на Дунае и свою роль в преодолении крупнейшего со времени Августа внешнеполитического кризиса полученная от него информация должна была сыграть.

Вывод из всего вышесказанного вполне однозначен: только Домициан мог быть Καῖσαρ ὁ τότε энкомия из Пантикапея, а сам энкомий датируется концом I в. н.э. и относится ко времени правления боспорского царя Савромата I.

Литература

Берлизов Н.Е. 1990: Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.

Болтунова А.И., Книпович Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–31.

Виноградов Ю.Г. 1994: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 2, 151–170.

Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. 2005:*Laudatio funebris* из Пантикапея // ВДИ. 2, 42–44.

Габуев Т.А. 1999: Ранняя история алан. Владикавказ.

Горончаровский В.А. 2010: К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // МНЕМОН. 9. СПб., 289–298.

Ждановский А.М., Марченко И.И. 1988: Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 42–56.

Зубарь В.М. 1998: Северный Понт и Римская империя. Киев.

Зубарь В.М. 2003: По поводу датировки надписи из Преслава с упоминанием Боспорской войны // БИ. 3, 198–203.

Кузнецов В.Д. 2006: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 155–172.

Кузнецов В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 227–243.

Махлаюк А.В. 2006: Солдаты Римской империи. Традиции воинской службы и воинская ментальность. СПб.

Подосинов А.В. 2002: Восточная Европа в римской картографической традиции. М.

Ростовцев М.И. 2003: Эллинство и иранство на юге России. 2-е изд. М.

Сапрыкин С.Ю. 1986: Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. 1, 62–75.

Сапрыкин С.Ю. 2002: Аспург, царь Боспора // ДБ. 5, 207–223.

[45] Ростовцев 2003, 116.

[46] Rostovtzeff 1936, 95.

Сапрыкин С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2, 45–81.

Сапрыкин С.Ю. 2006: Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). М., 171–242.

Сапрыкин С.Ю. 2009: Савромат II и фиасы Боспора // ДБ.13, 328–347.

Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А. 2010: Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 3, 72–84.

Сапрыкин С.Ю., 2011: Боспорские сюжеты в трактате Лукиана «Токсарид» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 324–330.

Сарновски Т. 2005: Боспорская война периода правления Септимия Севера в Риме и Савромата II на Боспоре. Проблема с нижнемезийской перспективой // Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Academie polonaise des sciences. Études et travaux. XX, 235–246.

Сидоренко В.А. 1996: Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // «Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии». V, 35–59.

Симоненко А.В. 1993: Сарматы Таврии. Киев.

Смирнова Н.В. 2001: Наместники Горгиппии // ДБ. 4, 350–363.

Соколов Г.И. 1973: Античное Причерноморье. Л.

Тохтасьев С.Р. 2010: Псессы и псеханы // Gaudeamus igitur. Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.). М., 364–372.

Туаллагов А.А. 2002: Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. (основные проблемы этногенеза и этнополитической истории). Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Владикавказ.

Хайнен Х. 2000: Два письма боспорского царя Аспурга (AE. 1994, 1538). Незамеченные поправки, предложенные Гюнтером Клаффенбахом, и дальнейшие наблюдения // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I. Казань, 278–291.

Щукин М.Б. 1994: На рубеже эр. СПб.

Яйленко В.П. 1990: Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / Т.В. Блаватская (ред.). М., 216–228.

Яйленко В.П. 2010: Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.

Яценко С.А. 1992: Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 48–50.

Яценко С.А. 1993: Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 6, 83–88.

Bowersock G.W., Jones C.P. 2006: A New Inscription from Panticapaeum // ZPE. 156, 117–128.

Brandis C. 1897: Buri // RE. 5, 1067.

Brandis C. 1899: Chiliarchos // RE. 3, 2275–2277.

Cary E. 1955 (repr.): Dio's Roman History with an English translation by E. Cary. Vol. IX. L.–Cambr. (Mass.).

Cohen H. 1883: Description historique des monnaies frappeés sous l'Empire Romain communemént appelées medailles imperiales. 2me éd. T. 3. P.–L.

Danoff Chr. 1964: Alani // KP. 1, 229.

Heinen H. 2006: Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Meinz–Stuttgart.

Halfmann H. 1986: Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich. Stuttgart.

Mattingly H., Sydenham E.A. 1936: The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. Part I. Pertinax to Geta. L.

Maxfield V.A. 1981: The Military Decorations of the Roman Army. L.

Potter David S. 2004: The Roman Empire at Bay. A.D. 180–395. L.–N.Y.

Riemer U. 2006: Die Römische Germanienpolitik. Von Caesar bis Commodus. Darmstadt.

Rohden P., von. 1896: Aurelius Commodus // RE. 2, 2476–2480.

Rostovtzeff M. 1936: The Sarmatae and Parthians // CAH. XI, 90–130.

Strobel K. 1989: Die Donaukriege Domitians. Bonn.

Tischow A. 2005: Ad laudationem funebrem in Panticapaeo repertam observationes quaedam // Hyperboreus. 11, 2, 275–279.

Tomaschek W.T. 1894: Alani // RE. 1, 1282 f.

ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ IN THE ENCOMIUM FROM PANTICAPAEUM: DOMITIAN OR COMMODUS?

(On Dating and Interpretation of an Epigraphic Encomium of a Bosporan Military Commander)

S.Yu. Saprykin, V.N. Parfenov

The authors analyse and comment on the arguments used by G. Bowersock and C. Jones for dating and interpreting an encomium of a Bosporan military commander and statesman whose name has not been preserved. The encomium was found at the necropolis of Panticapaeum and dated to the late 1st century AD or to the first years of the reign of Sauromates I. The main argument for this was the expression used in the inscription: «the then emperor» (ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ). The authors of the first publication of the monument believed that the words refer to Domitian, who after his death received a *damnatio memoriae* and thus could not be mentioned by name. However, according to the version of the American scholars, the encomium should be dated to the reign of Sauromates II (173–210 AD) and the expression in question must refer to Commodus, who was also subjected to *damnatio memoriae* in 192 AD. They put forward some arguments confirming this conclusion and refuting the arguments used by the authors of the first publication. The authors of the present paper critically review the commentaries made by the American colleagues and suggest a number of new variants of reconstruction. They come to the conclusion that there are no sufficient grounds for revising the date suggested earlier and that some obvious facts (paleography of the document, the political situation at the north-eastern borders of the Roman Empire, the terminology used in the text, etc.) speak strongly against the date of 194–195 AD.

© 2012 г.

А. Ю. Виноградов

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПАЛЕОГРАФИЕЙ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Статья посвящена неразработанной проблеме северопричерноморской эпиграфики – ранневизантийской палеографии региона. На основании всех известных памятников автор выделяет две региональные школы – херсонскую и боспорскую – и анализирует их эволюцию. Результаты анализа могут стать основанием для палеографической датировки новых надписей.

Ключевые слова: Эпиграфика, Херсонес, Боспор, поздняя античность, Византия, палеография.

Вопрос палеографии – один из самых сложных и малоизученных в византийской эпиграфике, особенно по сравнению с античной: лишь недавно стали появляться первые обобщающие работы, учитывающие, однако, лишь определенные регионы христианского мира[1]. Еще хуже дело обстоит с Се-

Виноградов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

[1] См. Morss 2003, 488–509. Уже много лет ожидается выход палеографического альбома по византийской эпиграфике под руководством Г. Велениса.

верным Причерноморьем: издатели надписей датировали их либо «на глазок», по интуиции (как В.В. Латышев), либо на основе случайно выбранных аналогий (как Э.И. Соломоник). На наш взгляд, необходимо выстроить некоторые принципы палеографической датировки для надписей региона IV–VII вв., основывающиеся на изучении локальной палеографии как цельной системы. Способов для выработки таких принципов существует, как кажется, лишь два.

Первый из них предполагает сравнение развития палеографии северопричерноморских надписей с эволюцией шрифта эпиграфических памятников в других областях Византии, прежде всего соседних. Однако здесь исследователя подстерегает первая существенная сложность. Дело в том, что соседние с Северным Причерноморьем регионы либо бедны точно датированными ранневизантийскими надписями, на основании которых можно было бы проследить эволюцию палеографии (случай Румынии или Фракии), либо корпусы местных надписей, лишенные иллюстраций, не позволяют судить об их палеографии (случай Понта). Если же палеографическая шкала и существует, пусть и для более отдаленных регионов (случай Сирии и Палестины[2]), то она демонстрирует зачастую одновременное сосуществование нескольких вариантов палеографии, связанных обычно с локальными эпиграфическими школами, что затрудняет датировку даже местных недатированных надписей, не говоря уже о сравнении с памятниками отдаленных регионов. Поэтому следует либо отказаться от попытки датировать северопричерноморские надписи, в подавляющем большинстве своем недатированные, посредством палеографии, либо искать для такой палеографической датировки какой-то иной критерий.

Таким вторым критерием может быть опора на немногочисленные датированные надписи самого региона[3]. Здесь, конечно, следует учитывать возможность одновременного сосуществования разных вариантов палеографии, что, несомненно, снижает точность наших выводов. Однако, как и в случае сиро-палестинского региона, это разнообразие может быть следствием функционирования нескольких локальных школ, каждая из которых может также развиваться во время своего существования.

Действительно, даже беглый взгляд на надписи региона заставляет признать, что в отношении ранневизантийского Северного Причерноморья невозможно говорить о единой школе палеографии – скорее речь должна идти о двух локальных традициях: херсонской и боспорской.

ХЕРСОН

Одной из главных проблем в изучении ранневизантийской палеографии Херсона является малое число датированных надписей[4]: № 4 (392–393 гг.), 5 (487–488 гг.), 6 (565–574 гг.) и 80 (350–355 гг. ?); сюда можно добавить № 164 с Мангупа (532–563 гг.) (рис. 1–4). Эти надписи в большинстве своем говорят о строительстве,

---

[2] См. Morss 2003, 507–508, fig. 2–3.

[3] Сразу оговоримся, что по двум причинам мы не разбираем специально палеографию граффити. С одной стороны, на них сильно воздействует курсивный унциал и особенно (позднее) минускул, что вырывает их из контекста локальной эпиграфической традиции. С другой стороны, граффити зачастую демонстрируют неумение резчика работать с лапидарным шрифтом, так что он пишет, «как умеет».

[4] О нумерации надписей см. прим. к Приложению 1. При указании дат обозначение н.э. (нашей эры) опускается.

Рис.1. Строительная надпись императора Феодосия. Херсон. НЗХТ. Эстампаж (№ 4)

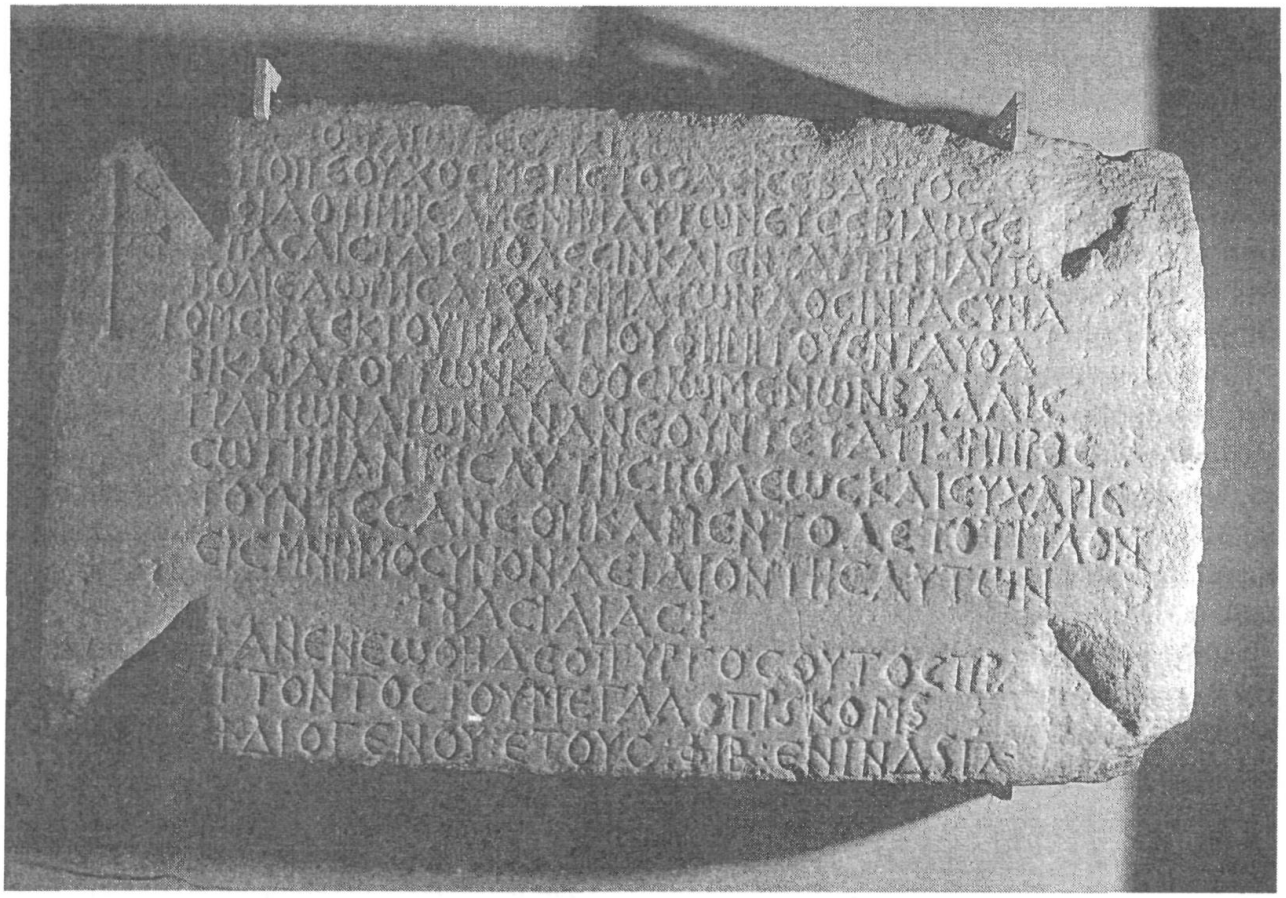

Рис. 2. Строительная надпись императора Зинона. Херсон. НЗХТ. Фото автора (№ 5)

предпринятом по инициативе столичных властей, и не всегда могут отражать локальную палеографическую традицию (хотя надпись № 5 поставлена от лица горожан). Однако другой опоры для исследования палеографии у нас, как было сказано выше, нет. Следует также отметить, что только надпись № 80 примыкает к позднеантичной эпиграфической традиции, в то время как следующая по дате надпись № 4 ей абсолютно чужда: буквы здесь неаккуратные, разной величины; строчные неровные; встречается множество орфографических ошибок.

Главным изменением в херсонской палеографии на протяжении IV–VII вв. представляется трансформация перекладины *альфы*: в 350–355 гг. она ломаная, в

392–488 гг. – горизонтальная или слегка наклонена влево, а в 533–574 гг. – снова ломаная. Сложнее вопрос о том, действительно ли прямая/наклонная перекладина *альфы* сменяет ломаную в конце IV в. Среди ранневизантийских надписей Херсона нет ни одной (за исключением № 20 (VII в. ?), где это объясняется во многом мозаическим характером надписи), где бы эти формы сосуществовали — это говорит скорее в пользу двух разных эпиграфических традиций. Надписи на штукатурке в склепах у Загородного храма, которые датируются IV–V вв. (№ 65, 82, 85), единодушно демонстрируют нам *альфу* с наклонной перекладиной или, как ее курсивный вариант, с петлей. Такие же формы *альфы* присутствуют и в надписи № 22, которая относится к храму № 36, построенному в конце IV в. Кроме того, надписям с такой *альфой* чужды прямоугольные формы *эпсилона* и *сигмы* (за исключением № 63). Таким образом, вполне вероятно, что смена форм *альфы* в локальной эпиграфической моде действительно происходит в конце IV столетия. Смена эта может быть обусловлена происходящим в это время укреплением власти империи в Херсоне и частичной сменой местного населения: согласно «Житиям епископов Херсонских», часть старого языческого населения оказалась за пределами города, в то время как в Херсоне были расселены 500 воинов из Константинополя[5].

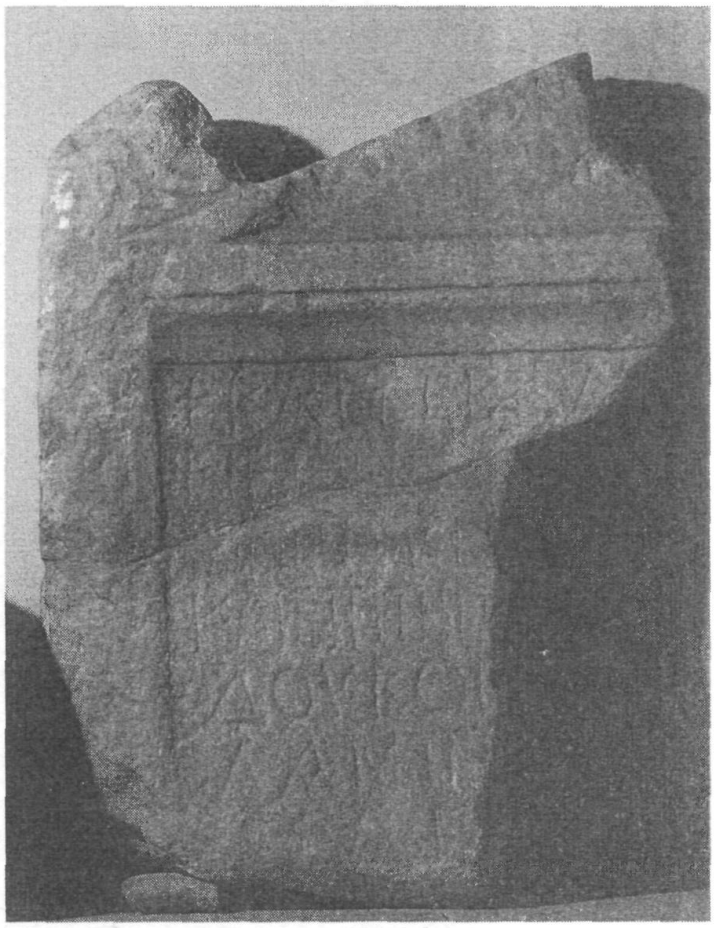

Рис. 3. Строительная надпись императора Юстина II. Херсон. НЗХТ. Фото автора (№ 6)

Это может служить основанием для датировки многих недатированных ранневизантийских надписей Херсона. К группе *альфы* с наклонной перекладиной (прямая – скорее исключение, известное только по № 5, 9), кроме вышеперечисленных, относятся № 25, 52, 61, 64, 63, 71, 81 и 101. Характерно, что в этой группе преобладают надгробия.

Другая проблема заключается в том, как определить, относится ли надпись с ломаной перекладиной *альфы* к IV или к VI–VII вв. В силу археологических и архитектурных датировок к первой группе возможно отнести № 56–58 и 76, а также, не исключено, № 44, в силу палеографии (позднеримская форма *беты*) – № 18. Вторая, для которой также характерны апексы, намного более многочисленна: это посвящения № 20, 23, 28, 32, 33 и, по всей вероятности, 22 и 24, надгробия № 60, 62, 71, 72 (впрочем, вероятно, относящееся к не херсонской традиции), 74, 75, 78,

[5] Подробнее см. в работе: Виноградов А.Ю. 2010.

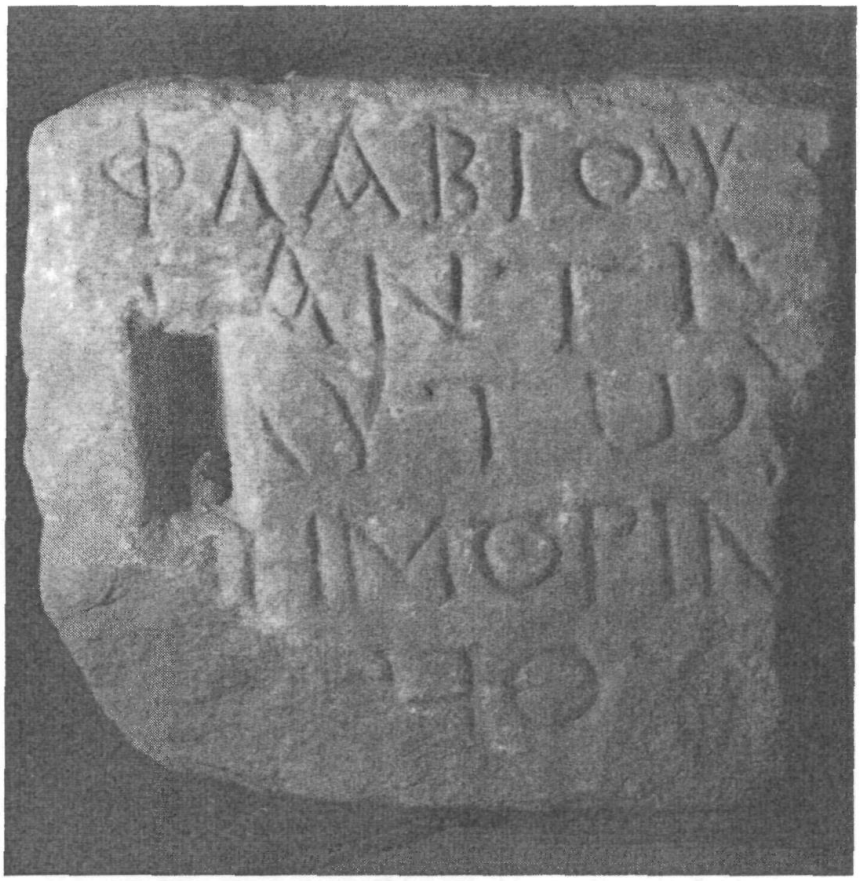

Рис. 4. Надгробие неизвестного. Херсон. НЗХТ. Фото автора (№ 80)

79, 77, а также № 39, 43, 104 и, вероятно, 105. Видимо, сюда же следует отнести № 19 и 27, а также № 215, происходящий, по всей видимости, из горного Крыма и использованный вторично в Бахчисарае[6]. Интересно, что *альфа* с ломаной перекладиной переживает в Херсоне «темные века» и появляется еще в начале X в. (№ 79).

Итак, основным эволюционирующим элементом в ранневизантийской палеографии Херсона оказывается форма *альфы*. Конечно, разные ее формы могли и сосуществовать во времени, однако то обстоятельство, что они не встречаются в пределах одной надписи, а также сравнительно небольшое число ранневизантийских надписей Херсона ставят под вопрос такую возможность и говорят скорее в пользу гипотезы об эволюции локальной палеографии.

БОСПОР

На Боспоре ситуация во многом схожа с херсонской. Здесь также мало датированных надписей: № 260 (323–324 гг. ?), 285 (437 г.), 251 (479–493 гг.), 299 (491–492 гг.), 298 (497–498 гг.); № 300 относится к концу V в. (рис. 5–9). Проблема палеографической датировки стоит здесь особо остро, так как большинство погребений, откуда происходят надписи, не датированы археологически. Так же, как и в Херсоне, присутствует четкое разделение на надписи с наклонной и с ломаной перекладиной *альфы* (единственное исключение с обеими форма-

[6] № 49 с нетипичными для Херсона прямоугольными формами букв следует, вероятно, приписать влиянию Боспора, особенно учитывая типичное для Боспора имя ее дедиканта – Трофим.

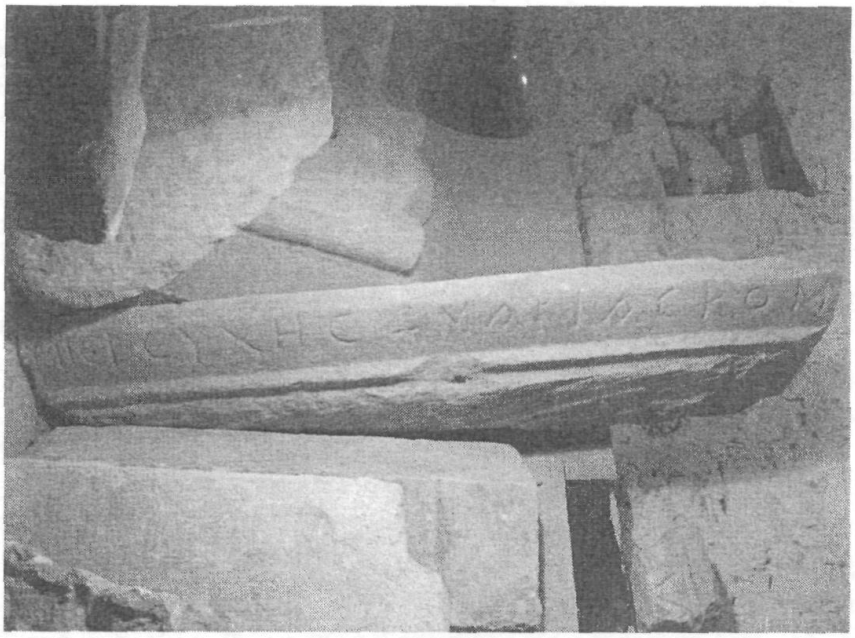

Рис. 5. Строительная надпись императора Юстиниана. Мангуп. НЗХТ. Фото автора (№ 164)

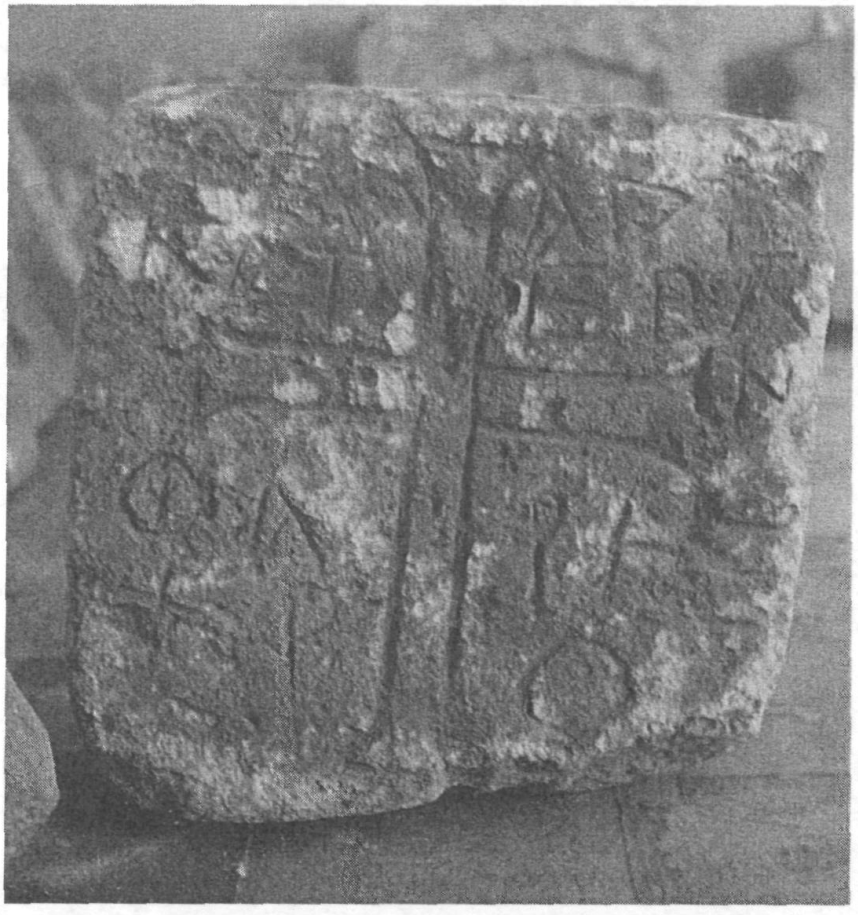

Рис. 6. Надгробие Ванфарикса (?). Керчь. КМЗ. Фото автора (№ 260)

ми – № 279). Однако число надписей с наклонной перекладиной на Боспоре много меньше: № 255, 260 и 277. Характерно, что на всех них округлые буквы (*эпсилон*, *тета*, *омикрон*, *сигма*) имеют прямоугольную форму. № 260 датируется, вероятно, 323–324 гг.; № 255 по археологическому контексту относится к IV в.; на № 277 *альфа* с ломаной перекладиной дописана позже. Из этого сле-

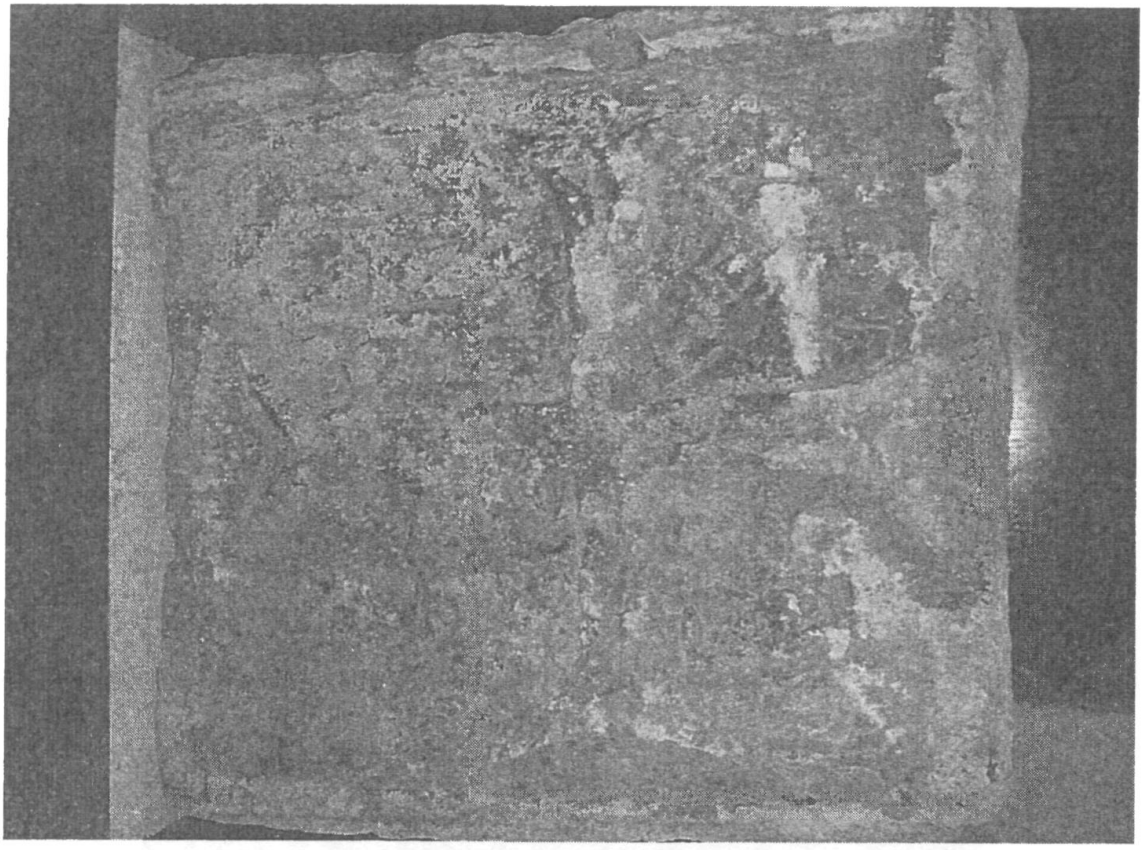

Рис. 7. Надгробие Евсевия. Керчь. КМЗ. Фото автора (№ 285)

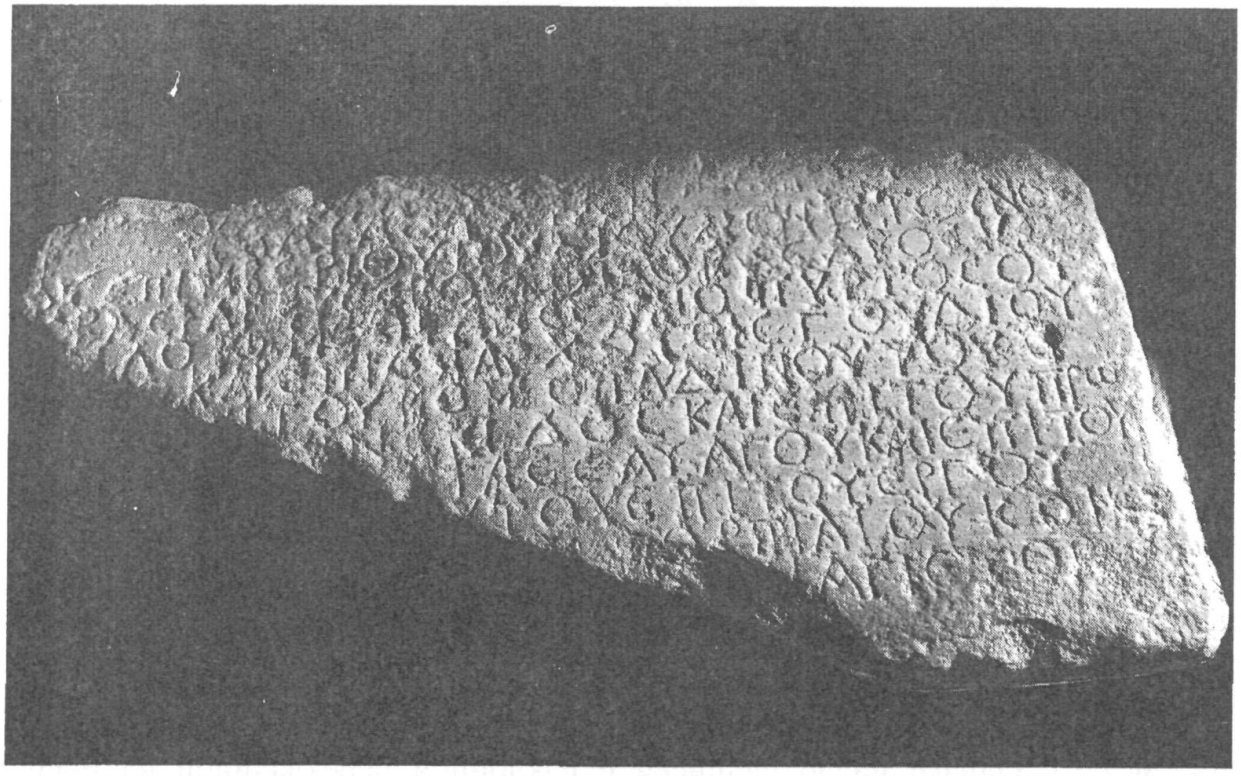

Рис. 8. Строительная надпись царя Тиберия Юлия Дойптуна. Керчь. ГЭ. Фото С. Р. Тохтасьева (№ 251)

Рис. 9. Надгробие Кириака (?). Керчь (?). КМЗ. Фото автора (№ 298)

дует, что форма *альфы* с наклонной перекладиной, как и в Херсоне, – очевидно, ранняя[7].

Группа надписей с ломаной перекладиной *альфы* намного многочисленнее и насчитывает 39 памятников. Все датированные надписи относятся к V в. Внутри этой группы по топографическому принципу могут быть выделены две подгруппы надгробий IV в. (все с Глинища): № 255, 268, 269 (сад Вёрле) и № 258, 266, 273, 275 (двор Бондаренко), причем в первой из них есть и одна надпись с наклонной перекладиной *альфы*. Между ними существует важное палеографическое различие: во второй подгруппе округлые буквы имеют и обычную, и прямоугольную форму, так же, как и в № 272, 279 и 296 из соседнего сада Чернявского. № 261 и 280, найденные вместе, там же, где и надписи первой подгруппы, отличаются, однако, от нее почти полностью округлыми формами букв (по одному случаю прямоугольного *эпсилона*), подобно второй подгруппе; № 257, напротив, отличают исключительно прямоугольные формы букв.

Итак, выделяются еще два типа палеографии: с исключительно прямоугольными и с округлыми и прямоугольными формами букв. К первому, кроме вышеуказанных № 257, 259, 268, 269, относятся также № 256, 262, 263, 264, 270, 281, 284, 292, 294 и, что самое важное, датированный № 285 (437 г.). В этой группе выделяется подгруппа с *дельтой* с удлиненной вверх правой диагональю: № 257, 259, 262, 263 и 281 (из второго типа такая черта отличает № 258 и 271). Второй тип оказывается несколько более локально ограничен: кроме описанных прежде № 258, 266, 271, 272, 273, 274, 275, 279 и 296 к нему принадлежат лишь соседний № 261 и 280, а

[7] Появление *альфы* с петлей, параллельно *альфе* с ломаной перекладиной, в № 299 и 300 следует объяснять курсивным характером письма на фоне господства последней формы.

также № 267 и 291 неизвестного происхождения – можно предположить, что все это надписи IV в. Промежуточный тип, с ромбовидными *тетой* и *омикроном*, представлен № 265 и 283.

Итак, развитие боспорской палеографии в IV–V вв. можно представить следующим образом (см. прил. 2). На первом этапе, в IV столетии, в надгробиях сосуществуют две манеры письма, каждая из которых по-своему использует эпиграфический шрифт официальных надписей, сохраняющий до конца V в. (№ 251 и 298, оба на мраморе) исключительно округлые формы букв: одна с наклонной перекладиной *альфы*, но полностью прямоугольными формами букв, другая с сохранением округлости и с ломаной перекладиной *альфы* (№ 261 и 267 отличает также *пи* с удлиненной перекладиной; ср. № 293). На втором этапе, также где-то в пределах IV в. (как показывает группа надгробий из сада Вёрле), на основе этих двух стилей рождается новое эпиграфическое койне: с прямоугольными формами букв и *альфой* с ломаной перекладиной. Однако параллельно ему, по крайней мере во второй половине V столетия, существуют и курсивный шрифт (№ 299 и 300), и традиция официальной эпиграфики. Именно к последней примыкают официальные надписи № 310 (незадолго до 491 г.) и 318 (478–479 гг.).

Нам практически неизвестны керченские надгробия VI в. К этому столетию с уверенностью может быть отнесено лишь надгробие № 254 (которое найдено в центре византийского города, около ранневизантийской базилики) и, возможно, № 263. Последняя надпись ставит исследователя перед некоторой дилеммой. С одной стороны, по своему облику (форма камня, шрифт) она полностью вписывается в эпиграфическое боспорское койне V в. С другой стороны, в ней присутствует датировка по индикту, типичная для Византийской империи, но не для позднеантичного Боспора. Появление такой датировки в Керчи возможно либо в случае привнесения сюда чужой эпиграфической традиции (что маловероятно, учитывая общий облик памятника), либо после установления на Боспоре прямого византийского управления, с его календарной системой. Обязательное присутствие индикта в эпиграфике империи подтверждают и две строительные надписи с азиатского Боспора: № 308 (548 г.?) и 309 (589–590 гг.).

В этой связи встает также вопрос о толковании *дельты* перед обломом предпоследней строки № 263. *Дельта* после имени усопшего не может быть сокращением слов δ(οῦλος τοῦ) [Θ(εοῦ)], как считал Блаватский. На наш взгляд, существует два возможных варианта ее понимания. С одной стороны, она может быть сокращением слова διάκονος[8]; если после *дельты* на обломанном правом рукаве стояла еще одна буква, то мы знаем и сокращение δι(άκονος)[9]. Другой вариант реконструкции – понимание *дельты* как части обозначения года по боспорской эре (с типичным обратным порядком цифр): справа остается место еще для одного знака, но, учитывая необходимость совпадения года со 2-м индиктом, остается лишь один вариант – последний месяц 804 года боспорской эры, т.е. октябрь 507 г. – сентябрь 508 г. до н.э. (индикт начинается с сентября).

Если в надписи действительно присутствовало число года (без уточняющего слова «год», как и в № 260), то именно такая реконструкция объяснит странную двойную датировку: как раз в начале VI в. Боспор переходит под прямое византийское управление, и здесь может появиться датировка по индикту, соседствующая еще со старой боспорской эрой. Действительно, последняя надпись, датированная лишь по боспорской эре (и выполненная шрифтом официальных позднебо-

[8] Ср., например: MAMA IV, 223; Reynolds 1960, 291.

[9] Ср., например: Şahin 1978, 45; MAMA III, 758.

спорских надписей), № 298, относится к 487–498 гг.[10] При этом Иоанн Малала (Chronographia 432) сообщает, что византийский гарнизон стоял в Воспоре-Пантикапее уже до 528 г. Два этих факта указывают на то, что переход Боспора под управление империи произошел где-то в первой четверти VI в.

Переход этот имел, по всей видимости, ощутимые последствия для боспорской эпиграфики. Надписи VI в. крайне малочисленны: две из них поставлены центральными имперскими властями (№ 308 и 309). Кроме них, до нас дошли только три надгробия: два керченских (№ 254 и 263) и № 314 из Гермонассы. Шрифт двух последних надписей не имеет генетической связи с боспорской палеографией IV–V вв., что указывает на пресечение старой локальной эпиграфической традиции где-то в самом начале VI в.

Приложение 1

Список цитируемых византийских надписей Херсона и Боспора[11]

4. IOSPE I^2, 450.
5. Сборник 7.
6. Соломоник 1986, 213–214, № 4, рис. 8.
9. Латышев 1907, 38, № 19.
18. Сборник 19; Латышев 1899, 23, 51, № 49.
19. Сборник 16.
20. Сборник 13.
22. Латышев 1912, 136.
23. Виноградов А.Ю. 2009, 236–240.
24. НЗХТ, инв. № 87/36504.
25. НЗХТ, инв. № 64/36504.
27. НЗХТ, инв. № 579/36588.
28. Сборник 17.
32. НЗХТ, инв. № 35119.
33. Сборник 18.
39. НЗХТ, инв. № 89/36504.
43. IOSPE I^2, 724.
44. Виноградов 2006, 291–293, № 3.
49. НЗХТ, инв. № 56/36504.
52. SEG XXXIX, 693.
56. Виноградов А.Ю. 2005.
57. Виноградов А.Ю. 2005.
58. Виноградов А.Ю. 2005, 91–93.
60. Латышев 1899, 49–50, № 46.
61. Сборник 24.
62. Латышев 1908, 28, № 22.
63. Латышев 1906, 123–124, № 38.
64. Vinogradov A. 2007, 263, № 12.
71. Латышев 1905, 109, № 20.
72. Латышев 1908, 30, № 24.
74. Латышев 1909, 46, № 7.
75. НЗХТ, инв. № 111/36504.
76. Латышев 1899, 46–49, № 45.

---

[10] Латышев 1904, 86, № 100; Виноградов Ю.Г. 1998, 243–244, № 6.

[11] Номера надписей соответствуют номерам подготовленного автором будущего тома IOSPE^3. Для изданных надписей дается лучшее издание, для неизданных – место хранения и инвентарный номер, для неизданных и несохранившихся – литература о них.

77. Виноградов А.Ю. 2009, 240–242.
78. Латышев 1908, 31, № 25.
79. Виноградов А.Ю. 2009, 242–244.
80. IOSPE I^2, 496.
81. Сборник 25.
82. Виноградов А.Ю. 2009, 231–233.
85. Виноградов А.Ю. 2009, 227–229.
101. Соломоник 1986, 217, № 8, рис. 13.
104. IOSPE I^2, 623.
105. НЗХТ, инв. № 34336.
164. Виноградов А.Ю. 2001.
215. Соломоник 1991, 174–175, № 2.
251. КБН 67.
254. Шкорпил 1912, 21, № 11.
255. Шкорпил 1898, 209–210, № 19.
256. Сборник 88.
257. Сборник 91a.
258. Латышев 1904, 86, № 100.
259. Марти 1913, 71, № 164.
260. Латышев 1905, 131–132, № 53.
261. Vinogradov A. 2007, 257, № 3.
262. Марти 1911, 4–5, № 1.
263. Блаватский 1956, 117.
264. Сборник 91.
265. Шкорпил 1914, № 12.
266. Латышев 1904, 88–89, № 104.
267. Сборник 89.
268. Шкорпил 1898, 207–208, № 17.
269. Шкорпил 1898, 208, № 18.
270. Латышев 1902, 48–50, № 15.
271. Шкорпил 1912, 18–20, № 9.
272. Сборник 91b.
273. Латышев 1904, 87–88, № 102.
274. Марти 1911, протоколы, 8–11, № 3.
275. Латышев 1904, 87, № 101.
277. Сборник 90.
279. Латышев 1904, 89–90, № 105, 106.
280. Шкорпил 1900, 59–60, № 2.
281. Марти 1911, 6–8, № 2.
283. Шкорпил 1912, 20–21, № 10.
284. Шкорпил 1900, 60, № 3.
285. Сборник 86.
291. Марти 1913, 66, № 142a.
292. Молев 1978, 132, № 2.
293. Сборник 92.
294. Шкорпил 1901, 70, № 10.
296. Латышев 1904, 88, № 103.
298. Виноградов Ю.Г. 1998, 243–244, № 6.
299. Кулаковский 1891, 4–23, табл. II–IV, B.
300. Кулаковский 1896, 61–67.
308. Сборник 98.
309. Сборник 99.
310. Vinogradov A. 2007, 261, № 7.
314. Сборник 101.
318. Vinogradov A. 2007, 261, № 6.

Топографическое и палеографическое распределение позднебоспорских надписей Керчи

Тип	I	II	IIa	III	IIIa	IV	IVa
палеография	*альфа* с наклонной перекладиной; прямоугольные буквы	*альфа* с ломаной перекладиной; округлые буквы	*альфа* с ломаной перекладиной и с петлей; округлые буквы	*альфа* с ломаной перекладиной; прямоугольные буквы	*альфа* с ломаной перекладиной; прямоугольные буквы; *дельта* с удлиненной вверх правой гастой	*альфа* с ломаной перекладиной; прямоугольные и округлые буквы	*альфа* с ломаной перекладиной; прямоугольные буквы; ромбовидные тета и омикрон
век	IV	IV	вторая половина V	V	V	V	V
Глинище				264 270			
сад Вёрле	255			268 269 284	257	261 280	
двор Иоханнюка	277						
сад Франчески					262		
сад Полтавского					281	274	
Александровское училище				294			
сад Колланджело (Братская ул., л. 13)							283
двор Бондаренко (Братская ул., д. 17)						258 273 275	
сад Чернявского (Братская ул., д. 19)						272 279 296	
Карантинной ул., д. 11						271	
г. Митридат, вершина							265
г. Митридат, сев. склон				256	263		
1-я Эспланадная ул., д. 3	260						
Госпитальная ул.			299 300				
2-й Нагорный пер.				292			
Керчь				285	259	267 291	

Литература

Блаватский В.Д. 1956: Раскопки Пантикапея в 1953 г. // КСИИМК. 63, 109–123.

Виноградов А.Ю. 2001: К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова (Херсонесский сборник, 11). Севастополь, 70–71.

Виноградов А.Ю. 2005: Херсонесский храм св. Петра и его эпиграфические памятники // Херсонесский сборник. 14, 91–93.

Виноградов А.Ю. 2009: Загородный крестообразный храм в Херсонесе и его надписи // Вопросы эпиграфики. 3, 226–249.

Виноградов А.Ю. 2010: «Миновала уже зима языческого безумия…» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.

Виноградов Ю.Г. 1998: Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1, 238–239.

Кулаковский Ю.А. 1891: Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 6.

Кулаковский Ю.А. 1896: Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 19.

Латышев В.В. 1899: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // МАР. 23.

Латышев В.В. 1902: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. // ИАК. 3, 21–57.

Латышев В.В. 1904: Эпиграфические находки 1901–1903 годов // ИАК. 10, 1–91.

Латышев В.В. 1905: Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 14, 94–137.

Латышев В.В. 1906: Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 18, 95–137.

Латышев В.В. 1907: Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 23, 28–48.

Латышев В.В. 1908: Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 27, 15–41.

Латышев В.В. 1909: Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 33, 41–49.

Латышев В.В. 1912: Заметки к Херсонесским надписям, изданным Р.Х. Лепером // ИАК. 45, 132–136.

Марти Ю.Ю. 1911: Три христианские надгробия, приобретенные для Мелек-Чесменского кургана в 1908 и 1909 г. // ЗООИД. 29, протоколы, 4–11.

Марти Ю.Ю. 1913: Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. 31, прил.

Молев Е.А. 1978: Новые эпиграфические находки из Керчи // ВДИ. 2, 130–134.

Сборник – *Латышев В.В.* 1896: Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.

Соломоник Э.И. 1986: Некоторые новые греческие надписи средневекового Крыма // ВВ. 47, 210–218.

Соломоник Э.И. 1991: Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. Киев, 172–178.

Шкорпил В.В. 1898: Камни с греческими надписями, поступившие в Мелек-Чесменский музей в 1896 г. // ЗООИД. 21, 192–210.

Шкорпил В.В. 1900: Три христианские надгробия // ЗООИД. 22, протоколы, 59–60.

Шкорпил В.В. 1901: Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1900 году // ЗООИД. 23, 62–73.

Шкорпил В.В. 1912: Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // ИАК. 45, 9–22.

Шкорпил В.В. 1914: Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. 54, 65–82.

Morss C. 2003: Byzantine Letters in Stone // Byzantion. 73/11, 488–509.

Reynolds J. 1960: The Christian Inscriptions of Cyrenaica // Journal of Theological Studies N.S. 11, 2, 284–294.

Şahin S. 1978: Bithynische Studien. Bonn (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. 7).

Vinogradov A. 2007: Von der antiken zur christlichen Koine: typische und untypische Inschriften des nördlichen Schwarzmeerraums // Une koiné pontique / Par A. Bresson, A. Ivanchik et J.-L. Ferrary. Bordeaux, 255–267.

SOME OBSERVATIONS ON THE PALEOGRAPHY OF EARLY BYZANTINE INSCRIPTIONS IN THE NORTH PONTIC AREA

A.Yu. Vinogradov

On the basis of various criteria and chronological data the author describes two local schools in early Byzantine stone carving – Chersonesian and Bosporan, and traces their evolution. The main developing element of early Byzantantine paleography in Chersonesus is alpha, whose crossbar is broken in the 4th and in the 6th–7th centuries and sloping in the late 4th–6th centuries. Two styles coexist on Bosporus in the 6th century: (1) all letter forms are rectangular, alpha having a sloping crossbar; (2) the letter forms preserve curved elements, alpha having a broken crossbar. Later in the 4th century a new koine develops from a combination of those two styles: its letter forms are rectangular, but alpha has a broken crossbar. But at least from the 5th century on a cursive script and a formal script consisting of rounded letter forms only are attested as well in the area. The results of the analysis can be used for dating of new-found inscriptions. In the supplement the author gives a full list of early Byzantine inscriptions from Chersonesus and Bosporus.

© 2012 г.

А. В. Короленков

CAEDES MARIANA И TABULAE SULLANAE: ТЕРРОР В РИМЕ в 88–81 гг. до н.э.

В статье проводится сравнительный анализ террора как политического средства во время гражданской войны и диктатуры Суллы (88–81 гг. до н.э.). Рассматриваются политические, процедурные, имущественные и иные аспекты террора.

Ключевые слова: гражданские войны в Риме, Марий, Сулла, террор, проскрипции.

Гражданские войны в Риме, как это и бывает во время смут, сопровождались массовым террором. Убийство Тиберия Гракха и многих его сторонников знаменовало собой начало не просто масштабного политического кризиса, а кровавой смуты, терзавшей Рим целое столетие. Но куда больше поразили современников и потомков расправы, совершенные во время гражданской войны 80-х годов (здесь и далее – до нашей эры). Именно они решающим образом повлияли на оценку Мария и, во многом, Суллы как в античной, так и (пусть в меньшей степени) в современной литературе. Однако сравнительного анализа между двумя этими феноменами в историографии, насколько мне известно, не проводилось. Задача настоящей статьи состоит в проведении такого анализа в отношении нескольких аспектов проблемы.

Короленков Антон Викторович – кандидат исторических наук, научный редактор редакции журнала «Новая и новейшая история».

ПРОЦЕДУРА

Диодор (XXXVIII. 4. 1) пишет, что в 87 г. марианцы перед вступлением в Рим приняли решение убить всех наиболее выдающихся из числа своих врагов (τοὺς ἐπιφανεστάτους τῶν ἐχθρῶν... πάντας ἀποκτείναι). По-видимому, речь шла о том, что у Мария, Цинны и их приверженцев были свои пожелания, и они обсуждали с товарищами, насколько допустимо их исполнение. Античные авторы не упоминают за редкими исключениями о каком-либо юридическом оформлении марианских репрессий[1]. А вот в методах проведения усматриваются некоторые общие черты: «Тотчас же рассыпались во все стороны сыщики и стали искать врагов Мария и Цинны из числа сенаторов и так называемых всадников. Когда погибали всадники, дело этим и кончалось. Зато головы сенаторов, все без исключения, выставлялись перед ораторской трибуной[2]. Во всем происходившем не видно было ни почтения к богам, ни боязни мести со стороны людей, ни страха перед мерзостью таких поступков. Мало было того, что поступки эти были дикие; с ними соединились и безнравственные картины. Сначала безжалостно людей убивали, затем перерезывали у убитых уже людей шеи и, в конце концов, выставляли жертвы напоказ <...>. Никому не разрешено было предавать погребению кого-либо из числа убитых; тела их растерзали птицы и псы. Безнаказанно убивали друг друга политические противники; другие были подвергнуты изгнанию, у третьих было конфисковано имущество, четвертые были смещены с занимаемых ими должностей»[3].

Традиция сохранила несколько ярких описаний творившихся расправ. Труп Цезаря Страбона протащили по улицам Рима до могилы Квинта Вария, обвинителем которого он, видимо, выступал в свое время, и надругались там над телом убитого[4]. Бебию и Нумиторию растерзали внутренности, волокли их крюками и затем растерзали в клочья[5]. Уверяли также, будто «Анхария, сенатора и бывшего претора, повалили наземь и пронзили мечами только потому, что Марий при встрече не ответил на его приветствие. С тех пор это стало служить как бы условным знаком: всех, кому Марий не отвечал на приветствие, убивали прямо на улицах, так что даже друзья, подходившие к Марию, чтобы поздороваться с ним, были полны смя-

---

[1] Упоминание об избиении марианцами «многих друзей Суллы» (πολλοὺς... τῶν Σύλλα φίλων) накануне взятия Рима его армией в 88 г., которое многие историки принимают без возражений (Инар 1997, 86; Weynand 1935, 1410; Keaveney 1983, 62), можно не рассматривать, поскольку оно содержится только у Плутарха (Sulla. 9. 1; Mar. 35. 7), а какие-либо имена отсутствуют (Carney 1961b, 101).

[2] Голову Антония Марий, как утверждают, ставил перед собой на пирах (inter epulas – *Val. Max.* IX. 2. 2; *Lucan.* Phars. II. 121–124; *Flor.* III. 21. 13), что вызывает очевидные параллели с судьбой другого великого оратора – Цицерона, убитого по приказу внука этого самого Антония. Впрочем, у Валерия Максима есть также рассказ о голове сенатора Цезетия Руфа, которую принесли триумвиру (IX. 5. 4), – сходство этих рассказов наводит на мысль на том, что они являются отголоском войны памфлетов между Октавианом и Антонием (Carney 1962, 325–326, n. 82).

[3] *App.* BC. I. 71. 330–331; 73. 338–339; пер. С.А. Жебелева.

[4] У Валерия Максима говорится о consularis et censorius (IX. 2. 2), которым был Луций Цезарь. Однако, как показал Г. Беннет, это, вероятно, ошибка, и подобная участь постигла его младшего брата – Цезаря Страбона (Bennett 1923, 26, n. 8; Carney 1962, 325–316, n. 75; Gruen 1968, 217, 220, 226).

[5] *Lucan.* Phars. II. 119–121 (только о Бебии); *Aug.* De civ. Dei. III. 27. Хотя и указывается, будто они умерли во время этих мучений, позволительно предположить, что сначала их все-таки убили.

тения и страха»[6]. Дион Кассий, наконец, уверял, будто Марий и его люди «ворвались в Город с остальными войсками во все ворота сразу; они заперли их, чтобы никто не мог уйти, а затем стали без разбора убивать всех, кто им ни встречался, но обращались со всеми как с врагами. Особенно старались они уничтожить тех, кто обладал каким-либо имуществом (τούς τι ἔχοντας... χρημάτων), ибо жаждали богатства. Они подвергали бесчестью детей и женщин, словно поработили чужеземный город. Головы выдающихся [граждан] выставляли на рострах» и т.д. «Резня (σφαγαὶ) продолжалась пять дней и такое же число ночей» (fr. 102. 8–9, 11).

Таким образом, вырисовывается следующая картина: шла резня, головы сенаторов выставляли на рострах, хоронить их запрещалось, имущество их конфисковывалось, жены и дети терпели насилие. Так ли это было на самом деле?

Прежде всего отметим, что в источниках указываются два случая, когда жертвы победителей все же были вызваны в суд[7], – это Луций Корнелий Мерула, заменивший Цинну, бежавшего из Рима после поражения в схватке с людьми Гнея Октавия, а также Квинт Лутаций Катул, коллега Мария по консулату 102 г.[8], который он получил при его явной поддержке и ответил на это столь же явной неблагодарностью[9]. Первого можно было обвинить в незаконном занятии консульской должности[10], а против второго, как полагают, поводов для обвинения и суда не имелось[11], разве что участие в посольстве к Метеллу Пию с просьбой поспешить под стены Рима, чтобы защитить его от Цинны[12]. Однако Аппиан, упоминая о выступлении Катула в поддержку декрета об изгнании Мария (BC. I. 74. 341), имел в виду не просто поведать об одном из примеров обоюдной вражды, но и назвать причину обвинения. А ведь соответствующее постановление являлось, в сущности, незаконным и повлекло за собой убийство плебейского трибуна (т.е. Публия Сульпиция), а потому имелись серьезные основания для вынесения смертного приговора[13]. По-видимому, Мерулу и Катула вызвали в суд по той простой причине, что для возбуждения против них обвинения имелись веские основания, чего нельзя как будто сказать о других жертвах террора[14]. Однако и этим двум рассчитывать на беспристрастный процесс явно не приходилось[15].

---

[6] *Plut.* Mar. 43. 5–6; пер. С.А. Ошерова. См. также *Flor.* III. 21. 16; *App.* BC. I. 73. 337. При этом Аппиан не пишет, будто после гибели Анхария стали убивать тех, на чьи приветствия Марий не отвечал, а Августин упоминает эту «технику опознания» жертв, не называя Анхария (De civ. Dei. III. 27).

[7] *App.* BC. I. 74. 341; *Diod.* XXXVIII. 4. 2–3; Schol. Bern. ad Lucan. II. 173.

[8] См. Broughton 1951–1952, II, 47 (Мерула); I, 567 (Катул).

[9] См. Badian 1957, 322–324; 1964, 153; 1962, 55.

[10] *App.* BC. I. 74. 341; Bennett 1923, 27; Bulst 1964, 317.

[11] Bennett 1923, 27; Gabba 1958, 201.

[12] *Gran. Lic.* 20 Fl.; Bulst 1964, 317.

[13] См. Короленков 2009, 223. Подобное обвинение влекло за собой процесс iudicium populi, на что указывает и описание Аппиана (BC. I. 74. 341; Gabba 1958, 201; Gruen 1968, 233; Lovano 2002, 49).

[14] Короленков 2009, 223. В принципе, как иногда полагают, могли быть выдвинуты обвинения и против Октавия, если бы его не убили в самом начале террора в порыве ярости (Lanzani 1915, 138–142; Badian 1962, 55). Сообщение Аппиана (BC. I. 71. 326) о гарантиях безопасности, якобы данных Октавию, по-видимому, является домыслом антимарианской традиции (Lanzani 1907, 98; Gabba 1958, 194; Carney 1961a, 65, n. 283) или, по крайней мере, здесь имеет место неточность в выражениях (Münzer 1937, 1817).

[15] *App.* I. 74. 341; Gabba 1958, 201; Gruen 1968, 233. Ф. Инар пишет о «пародии на правосудие» (Hinard 1985, 112).

Некоторая видимость законности была соблюдена и еще в одном отношении. В первый день седьмого консулата Мария состоялось несколько казней (Liv. Per. 80; Vell. Pat. II. 24. 2; Plut. Mar. 45. 3). Дело, вероятно, было не в том, что арпинат хотел столь экстравагантным способом «отпраздновать» вступление в должность, а в том, что 1 января утратили неприкосновенность магистраты минувшего года, и это облегчало с юридической точки зрения расправу над неугодными из их числа[16]. Правда, нет сведений о том, что предварительно был проведен суд – как и в случаях со многими другими жертвами террора (М. Антоний, Г. и Л. Цезари, отец и сын Крассы и др.).

Особого внимания заслуживает рассказ об убийстве Анхария, якобы положившем начало расправе со всеми, на чьи приветствия Марий не отвечал[17]. Т.Ф. Карни, изучив описание этого эпизода в источниках, пришел к таким выводам: Анхария привели на Капитолий для казни, но он, рассчитывая, что Марий во время жертвоприношения в день вступления в должность постарается избежать дурных знамений и дарует ему жизнь, обратился к нему, надеясь на пощаду. Однако Марий не ответил на приветствие Анхария, что означало для последнего смерть, которую он и встретил через несколько минут[18]. Убийства же тех, на чьи салютации арпинат не отвечал, – очевидный домысел.

И, наконец, вопрос о погребении жертв марианцев. В историографии, кажется, сведения о запрете на него не ставились под сомнение. Однако сложно представить, что кто-то специально следил за соблюдением этого запрета. Дело, скорее всего, в другом: тех, кого убивали на улице, подбирать до наступления ночи боялись, но даже после того как слуги уносили трупы, предать их погребению, которое соответствовало бы статусу погибших, было невозможно – опять-таки мешал страх (даже в отсутствие запретов). На то, что тела убитых все же не оставались без попечения, косвенно указывает упоминание могилы Катула (sepulcrum Catuli – Flor. III. 21. 26), пусть и не казненного, а покончившего с собой, но, бесспорно, одного из самых ненавистных Марию нобилей.

Последней вспышкой марианских репрессий стало убийство Сцеволы Понтифика, Домиция Агенобарба, Карбона Арвины, Публия Антистия[19]. Расправа была произведена, так сказать, в экстренном порядке – убийцы явились прямо в курию. Сцевола, согласно преданию, припал к священному пламени Весты и сгорел в нем[20]. Тела убитых сбросили в Тибр[21].

Теперь перейдем к сулланскому террору, который включал себя отнюдь не одни проскрипции. Первой репрессивной акцией будущего диктатора стало, если так можно выразиться, объявление вне закона Мария, Сульпиция и десяти их сторон-

---

[16] Lanzani 1907, 119–120; Bennett 1923, 38; Carney 1960, 383; 1961a, 70. Так, Антистий (см. ниже), скорее всего, был претором 87 г. (Carney 1960, 383, с ошибочной ссылкой на Броутона), а Луцилий – плебейским трибуном (Broughton 1951–1952, II, 47).

[17] Эту версию всерьез восприняли и некоторые историки XIX–XX вв.: Моммзен 1994, 228; Weynand 1935, 1418; Schur 1942, 140; Утченко 1969, 38.

[18] Carney 1960, 383. Менее убедительна версия Г. Беннета (1923, 27), согласно которой Марий приносил жертвы в честь своего возвращения.

[19] Из них трое – Сцевола, Карбон и Домиций – были родственниками видных деятелей режима (Hinard 2006, 254)!

[20] Лукан переносит убийство Сцеволы в 86 г. (II. 126–130; Rawson 1987, 170), очевидно, желая свести жертв марианского террора воедино.

[21] *App.* I. 88. 403–404; *Vell. Pat.* II. 26. 2–3; *Lucan.* Phars. II. 126–128; *Plut.* Pomp. 9. 4; *Flor.* III. 21. 21; *Oros.* V. 20. 4.

ников после взятия Рима в 88 г. Всякий мог убить их, а имущество их подлежало конфискации (App. BC. I. 60. 271; Diod. XXXVII. 29. 3). Уже Веллей Патеркул назвал это предвестием проскрипций (omen imminentis proscriptionis – II. 19. 1). И хотя тождества между ними и этим постановлением нет, значительное сходство налицо[22]. Но было два существенных различия: в масштабах (всего 12 человек)[23] и в исполнении – если в 82–81 годах репрессии коснулись не только тех, кто попал в проскрипции (см. ниже), то в 88 г. дело ограничилось убийством Сульпиция, остальным его товарищам, даже Марию, которого преследовали очень активно, удалось скрыться[24]. Однако это не отменяло незаконности решения сената, принятого под нажимом Суллы, – опальные лишались возможности защититься перед судом[25]. Важно также вслед за Веллеем Патеркулом (II. 19. 1) отметить, что именно с этого времени пошел обычай выставлять головы казненных врагов на рострах[26].

Иначе сложилась ситуация в 83–82 гг. Если в начале нового тура гражданской войны Сулла и его воины вели себя подчеркнуто миролюбиво, воздерживались от грабежей и убийств (Vell. Pat. II. 25. 1; Plut. Sulla. 27. 5), то после срыва переговоров со Сципионом под Теаном сулланская армия стала действовать беспощадно (App. BC. I. 86. 389). После битвы при Сакрипорте будущий диктатор приказал перебить пленных самнитов, хотя всего год назад они без боя пропустили его через свои земли[27]. Еще более кровавая бойня была учинена им после битвы при Коллинских воротах на Villa publica, где подверглись истреблению несколько тысяч сложивших оружие самнитов[28]. Та же участь постигла римских командиров в сенаторском ранге, самнитов и жителей Пренесты, оборонявших последнюю и также сдавшихся Сулле[29].

Расправа с самнитами выводит нас на начало проскрипций, поскольку знаменитая резня на Villa publica происходила, как показал Ф. Инар, во время того самого заседания сената в храме Беллоны, на котором было отвергнуто предложение Сул-

---

[22] Еремин 2004, 72–73. Автор указывает, что если в 88 г. решение было принято от имени сената (так в большинстве источников, см. Cagniart 1986, 323–324; Letzner 2000, 142, Anm. 153), то закон о проскрипциях в 82 г. утвердили комиции. Однако не исключено, что сначала решение могло быть принято сенатом, а затем голосование комиций придало ему силу закона, в источниках же сообщается либо о первом, либо о втором (Cagniart 1986, 324). Что же касается проскрипций, то здесь определенно имело место только голосование комиций (см. ниже).

[23] Keaveney 1983, 70; Letzner 2000, 142; Christ 2002, 81.

[24] А.В. Еремин (2004, 73) делает на этом основании сомнительный вывод, будто прав Веллей Патеркул (II. 19. 1), когда пишет, что речь шла только об изгнании, а не казни опальных. Однако такому заключению противоречат данные всех остальных авторов, пишущих об этом сюжете, а также судьба Сульпиция и Мария – последний спасся лишь чудом. В лучшем случае можно предполагать, что было принято негласное решение дать возможность их товарищам уйти в изгнание.

[25] См., например: Seager 1994, 171. К тому же Сулла объявил hostes publici своих личных врагов (Gaughan 2010, 128).

[26] Аппиан, следуя иной традиции, ошибочно утверждает, будто головы на рострах стали выставлять после убийства Октавия (BC. I. 71. 329; Bennett 1923, 27, n. 13).

[27] *Plut.* Sulla. 30. 2–4; *App.* BC. I. 87. 400; Salmon 1964, 73, 78: «Возможно, это было местью за аналогичные варварские акции, совершенные самнитами во время Союзнической войны в Венафре и Ноле и, несомненно, способствовало тому, чтобы подчеркнуть националистический аспект войны, который Сулла так стремился разрекламировать».

[28] *Plut.* Sulla. 30. 4; *App.* BC. I. 93. 432; *Vell. Pat.* II. 27. 4; *Liv.* Per. 88; *Flor.* III. 21. 23; *Dio Cass.* Fr. 109. 6–7; *Sen.* De clem. I. 12. 2; De vir. ill. 75. 9.

[29] *Plut.* Sulla. 32. 1; *App.* BC. I. 94. 436–438; *Val. Max.* IX. 2. 1.

лы по поводу списков опальных (Cic. Rosc. Am. 153)[30]. Тогда последний обратился к комициям, которые и утвердили его законопроект (App. BC. I. 95. 441–442).

«Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц[31], Сулла тотчас составил список из восьмидесяти имен. Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список еще двести двадцать человек, а на третий – опять по меньшей мере столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запамятовал, будут внесены в список в следующий раз. Тех, кто принял у себя или спас осужденного, Сулла тоже осудил, карой за человеколюбие назначив смерть и не делая исключения ни для брата, ни для сына, ни для отца. Зато тому, кто умертвит осужденного, он назначил награду за убийство – два таланта, даже если раб убьет господина, даже если сын – отца. Но самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации. Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии» (Plut. Sulla. 31. 5–9; пер. В.М. Смирина).

«Сулла, кажется, первый составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги – кто донесет, наказания – кто приговоренных укроет. Немного спустя он к проскрибированным сенаторам прибавил еще других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигли, – в домах, в закоулках, в храмах; некоторые в страхе бросались к Сулле и их избивали до смерти у ног его, других оттаскивали от него и топтали <...>. Были убиты, подверглись изгнанию, конфискации имущества, многие из числа тех италийцев, которые повиновались Карбону, Норбану, Марию или их подначальным командирам. По всей Италии учреждены были над этими лицами жестокие суды, причем выдвигались против них разнообразные обвинения. Их обвиняли или в том, что они были командирами, или в том, что служили в войске, или в том, что вносили деньги или оказывали другие услуги, или вообще в том, что они подавали советы, направленные против Суллы. Поводами к обвинению служили гостеприимство, дружба, дача или получение денег в ссуду. К суду привлекали даже за простую оказанную услугу или за компанию во время путешествия. И всего более свирепствовали против людей богатых» (App. BC. I. 95. 442–443; 96. 445–447). Завершиться проскрипции должны были 1 июня 81 г. (Cic. Rosc. Am. 128).

Процедура была различной: одних убивали на месте, других подвергали изощренным пыткам[32], наиболее известный случай – садистская расправа с Марием Гратидианом, которого провели по Городу, избивая розгами, а затем на могиле Катула-старшего ему выкололи глаза, отрезали уши, вырвали язык, перебили голени и лишь потом разрубили на куски, после чего Катилина принес его голову Сулле[33].

---

[30] Hinard 1985, 108–109, 115–116. А.В. Еремин (2004, 71) высказал то же мнение независимо от Ф. Инара.

[31] Это вполне естественно – ведь они были избраны при марианцах.

[32] *Plut.* Sulla. 31. 11–12 (Квинт Аврелий); *Oros.* V. 21. 4 (Лоллий; возможно, о нем же идет речь у Диодора: XXXVIII. 19; Hinard 1985, 367).

[33] Подборку источников см. Münzer 1930, 1827. А. Тейн видит в этой расправе антитезу почетной смерти (Thein 2002, 126–127). Гратидиан стал жертвой мести со стороны Катула-младшего, поскольку в свое время выдвинул обвинение против его отца, после чего тот покончил с собой (Carney 1962, 328; Hinard 1985, 112; Thein 2002, 126; Christ 2002, 113). Казнь на могиле Катула живо напоминает упоминавшуюся историю с Цезарем Страбоном (Carney 1962, 328), с той, однако, существенной разницей, что надругательствам подверглось лишь мертвое тело последнего, чего нельзя сказать о Гратидиане.

По-видимому, столь же жестокой казни подвергся вместе с ним и М. Плеторий (Val. Max. IX. 2. 1). Головы более знатных людей выставляли на форуме и/или у Сервилиева озера, прочих бросали в Тибр (Cic. Rosc. Am. 89; Lucan. Phars. II. 160–161, 210–220). Были казнены захваченные в плен вожди марианцев – Гай Каррина, Брут Дамасипп, Марций Цензорин, причем многие погибли уже за пределами Италии – так, Помпей, явно выполняя инструкции Суллы, приказал обезглавить Папирия Карбона, Валерия Сорана, возможно, Домиция Агенобарба[34]. Консуляр Гай Норбан бежал на Родос, но от местных властей потребовали его выдачи, и он покончил с собой на городской площади (App. BC. I. 91. 422; Liv. Per. 89) – пример, приводимый в подтверждение слов Саллюстия (Hist. II. 14), которые обычно относят к проскриптам: «стерты с лица земли» (orbe terrarun extorres). Сулла давал тем самым понять, что спасения от его мести нет нигде[35].

Впрочем, многим удалось выжить: как известно, не тронули консула 83 г. Луция Корнелия Сципиона Азиатского[36], доживавшего остаток своих дней в Массалии[37]. Многие, как Квинт Серторий, Марк Перперна, Марк Марий и другие, бежали. В живых остались Гней Децидий, Авл Требоний, Луций Цинна, Луций Фидустий – двое последних даже попали во вторые проскрипции, Фидустий погиб, судьба Цинны неясна[38].

Репрессии проводились, как показывает приведенный выше текст Аппиана, не только в отношении деятелей циннанской группировки, но и их сторонников в Италии или тех, кто таковыми объявлялся. Цицерон описывает одну такую расправу, совершенную в Ларине Альбием Оппиаником над его личными врагами – кваттуорвирами города (Cic. Cluent. 25). Ф. Инар указывает, что тот действовал не по собственному произволу, как это стремится изобразить Цицерон, а по приказу Суллы, а Аврии, входившие в число кваттуорвиров, были, видимо, представителями une famille marianiste[39]. Однако очень вероятно, что уговорил диктатора казнить этих людей сам Оппианик, тем более что речь шла о его врагах, и одним из новых кваттуорвиров стал он сам, а их приверженность делу марианцев – не более чем гипотеза, хотя и вероятная. Впрочем, как показывает пример убийства другого муниципала, Секста Росция Америйского[40], от расправы не были застрахованы даже

---

[34] См. Hinard 1985, 340–341, 363–364, 374, 387–390, 404–404 (с указанием источников). Ф. Мюнцер показал, что есть серьезные основания отдать предпочтения рассказу Валерия Максима (VI. 2. 8), а не Плутарха (Pomp. 12. 3) и Орозия (V. 21. 13), из которого следует, что Домиций не погиб в бою, а попал в плен и был казнен (Münzer 1905, 1327–1328).

[35] Hinard 1985, 79; Инар 1997, 286–287.

[36] *Cic.* Pro Sest. 7. Попытку доказать, что Сципион все же погиб (Mackay 2000, 201–202) подверг убедительной критике А. Кивни (2006, 112–114).

[37] Был внесен в первые же проскрипции (*Oros.* V. 21. 3).

[38] Hinard 1985, 129, 133, 343–344, 348–349, 353, 403, 457–458, 468–469. Это тот самый Цинна, вместо которого толпа по ошибке растерзала его «однофамильца». Плутарх (очень возможно, что вполне правильно) отождествляет последнего с поэтом-неотериком (см. *Plut.* Brut. 20.8–11; Mühll 1912, 225–226).

[39] Hinard 1985, 56, 335–336. К. Ланцани, признавая наличие личных мотивов у Оппианика, считает того главой просулланской группировки в Ларине (цит. по: Keaveney 2005, 210, n. 6; Кивни разделяет эту точку зрения). Это вполне возможно, однако не вполне ясно, стал он им до своего бегства в лагерь Метелла Пия или только по возвращении в Ларин.

[40] Правда, Цицерон (Rosc. Am. 15–16, 21) не говорит об этом прямо, а лишь стремится создать такое впечатление, указывая, что поведение Росция демонстрировало удовлетворение победой знати (magis ut exsultare victoria nobilitatis videretur quam timere ne quid ex ea calamitatis sibi accideret), и называя ревностным ее сторонником (homo stidiosissimus

вполне лояльные режиму люди. Правда, Росций не относился к числу проскриптов, но то, что убийцы рассчитывали (и не без основания) на безнаказанность, говорит о многом[41].

Если в рассказах о вторых проскрипциях достаточно много сюжетов о предательстве близких родственников, то в нашем случае их почти нет – разве что описание самого общего характера у Лукана убийств родителей детьми, братьев братьями, господ рабами (Phars. II. 148–151), которое носит явно риторический характер. Исключение составляет Катилина, которого обвиняли в убийстве мужа его сестры, всадника Кв. Цецилия (Q. Cic. Comm. pet. 9) и упомянутого выше Гратидиана, женатого на его сестре (Schol. Bern ad Lucan. Loc. cit.). Плутарх приписывает ему также убийство собственного брата (Sulla. 32. 3; Cic. 10. 3). Однако, учитывая молчание всех остальных источников на сей счет (особенно Цицерона и Саллюстия), исследователи предполагают, что под ἀδελφός Катилины подразумевается Цецилий[42]. Ливий (Per. 89) и Граний Лициниан (32Fl) также рассказывают о том, как жена не пустила в дом Папия Мутила (одного из вождей италийцев еще в Союзнической войне), сообщив мужу о том, что его включили в число проскриптов, после чего он покончил с собой, забрызгав кровью ее порог[43]. Однако это не убийство и не донос, а потому подтверждением слов Лукана названный эпизод не является.

Нельзя также не отметить, что нет никаких сведений об убийстве за укрывательство проскриптов, хотя за это, как уже упоминалось, и грозила смерть[44]. Правда, нет данных и о самом укрывательстве, но трудно представить, что ничего подобного не было (вспомним историю с Антонием, прятавшимся у своего клиента от марианцев[45], – о казни клиента, кстати, также умалчивается). Любопытной параллелью может служить история из времен вторых проскрипций, рассказанная Аппианом о жене Лигария, которая предлагала казнить ее за укрывательство мужа-проскрипта (тем не менее его нашли и убили) и уморила себя голодом, когда ей сохранили жизнь (BC. IV. 23).

---

nobilitatis). Это не удостоверяет приверженности последнего делу Суллы, однако его сторонником он и не назван (возможно, не без умысла), а потому А. Тейн (2002, 259) не совсем прав, утверждая, что оратор пытался его таковым лишь изобразить. Но, по крайней мере, в нейтральной позиции Росция по отношению к диктатору можно не сомневаться.

[41] А. Тейн (2002, 258) указывает на следующее противоречие: если Росций-старший попал в проскрипции хотя бы и задним числом, за что судить его сына? А если нет, почему последнего изгнали из имения, сами имения распродав? Возможно, убийцы надеялись внести Росция-отца в tabulae и узаконить распродажу задним числом, а когда это не удалось, в преступлении обвинили сына, чтобы избежать претензий на наследство с его стороны в дальнейшем.

[42] Marshall 1985, 128; Hinard 1985, 397; Keaveney 2005, 129. Правда, даже в новейшей литературе продолжает тиражироваться безо всяких оговорок версия об убийстве Катилиной брата: Циркин 2006, 219; Christ 2002, 117. Высказывались серьезные сомнения в причастности Катилины и к убийству Гратидиана (Marshall 1985, 128–133), которое на самом деле совершил Катул (Schol. Bern ad Lucan. II. 173). Весьма вероятно, что он, как это и сказано у Плутарха, отнес голову замученного Сулле, но не участвовал в самих пытках.

[43] *Liv.* Per. 89: itaque ipse se transfodit et sanguine suo fores uxoris respersit.

[44] П.Ф. Каньяр пишет, что жизнью и имуществом рисковали и те, кто укрывал опальных в 88 г. (Cagniart 1986, 334). Но это лишь предположение, прямых данных такого рода в источниках нет.

[45] См. *Plut.* Mar. 44. 1–2; *App.* BC. I. 72. 333.

Здесь мы переходим к вопросу о судьбе представительниц прекрасного пола во время террора. Только у Валерия Максима в самой общей форме говорится о том, что Сулла «обнажил меч также и против женщин»[46], однако опять-таки нет каких-либо конкретных примеров – как, кстати, и применительно к марианскому террору[47]. Судьба супруги Лигария показывает, что и во времена более жестоких расправ к женщинам во время гражданских войн проявляли снисхождение – в отличие от греков, у которых во время смут их не щадили, да и римлян времен Империи.

МАТЕРИАЛЬНАЯ СТОРОНА РЕПРЕССИЙ

В источниках нет сведений о наградах за убийства во время марианских расправ. Даже в рассказе о виноторговце, который, узнав об убежище Антония, поспешил к Марию, чтобы рассказать ему об этом, не упоминается ни о его расчетах на praemium, ни о ее вручении[48]. Конечно, награды могли быть, но это лишь предположение.

Сведения источников о конфискациях во время марианских расправ весьма туманны. Грабежи начались еще при вступлении отрядов Мария и Цинны в Рим[49], и здесь оснований сомневаться в данных источников нет[50]. Однако имели ли место юридически оформленные конфискации, вопрос спорный. Не приходится сомневаться, что такая мера была проведена в отношении Суллы (Plut. Sulla. 22. 2; App. BC. I. 73. 340; 77. 351; Mithr. 51. 204; Eutr. V. 7. 3). Однако когда Аппиан (BC. I. 73. 340) то же самое пишет о его друзьях, это вызывает серьезные сомнения. Прежде всего нужно отметить, что репрессии обрушились на врагов Цинны и Мария, а не друзей Суллы, которых в Риме, по сути, тогда не было[51]. Впрочем, это не мешает считать, что конфискации подвергалось имущество всех убитых и ушедших в изгнание независимо от их отношения к будущему диктатору[52]. Однако настораживает отсутствие каких-либо конкретных примеров, кроме Суллы, представляющего особый случай. Примечательно также, что Мария и Цинну обвиняли лишь в убийствах, а не в посягательстве на чужую собственность[53]. Грабежи, оче-

---

[46] *Val. Max.* IX. 2. 1: adversus mulieres quoque gladios destrinxit.

[47] Веллей Патеркул (II. 26. 3) сообщает о лишь самоубийстве Кальпурнии, жены Антистия, после умерщвления последнего марианцами. Впрочем, Плутарх относит ее гибель ко времени диктатуры Суллы, который заставил Помпея развестись с дочерью Антистия и Кальпурнии (Pomp. 9. 4).

[48] Плутарх называет виноторговца «нечестивым (ἀσεβὴς) и мерзким (μιαρὸς)» (Mar. 44. 3), но не алчным.

[49] По мнению М. Ловано, Аппиан пишет о конфискации имущества (Lovano 2002, 47), однако глагол διηρπάζετο означает разграбление, а не конфискацию.

[50] Lanzani 1915, 134; Carney 1961a, 66, n. 284. Однако когда В. Ине пишет еще и о разрушениях, это уже явно выходит за рамки источников (Ihne 1879, 358). То же самое касается и утверждения, будто Цинна и Марий поощряли грабежи (Циркин 2006, 54).

[51] Судя по всему, sullani на тот момент назывались те, кто находился непосредственно при Сулле (Badian 1962, 54–55; Seager 1994, 180). В историографии нередко говорится о репрессиях против друзей Суллы: Gabba 1958, 201; Van Ooteghem 1964, 316; Gaughan 2010, 131; Утченко 1969, 38; Циркин 2006, 54, хотя свидетельств, позволяющих считать их сторонниками будущего диктатора, очень мало (см. Keaveney 1984, 115–117).

[52] См. Bennett 1923, 29. Моммзен (1994, 228) пишет о крупномасштабных конфискациях и распродажах.

[53] В отношении Цинны на это указывает К.М. Балст (1964, 314).

видно, обогатили лишь тех, кто их непосредственно проводил, и, по словам Веллея Патеркула, в то время «...еще не нашлось такого, кто осмелился бы дарить имущество римского гражданина или имел бы смелость о том объявить»[54]. Валерий Максим указывает на «удивительное бескорыстие римского народа» (abstinentia populi Romani mirifica), который не стал грабить домов убитых марианцами, что, кстати, противопоставляется жестокости, но не алчности победителей (IV. 3. 14). Правда, Орозий называет консулов (очевидно, Цинну и Мария) auctores praedae (V. 19. 24)[55], то же сообщает о Марии Дион Кассий (см. выше), однако это авторы поздние, к тому же на их рассказах лежит печать риторики, что не позволяет принимать их полностью. Если же говорить о конфискации, то ей могло подвергнуться имущество изгнанников – таких, как Цецилий Корнут или Аппий Клавдий, лишенный циннанцами империя[56]. Хотя и это только догадка, она представляется более убедительной. Число таких лиц вряд ли было велико, среди них не было консуляров, к тому же, в отличие от бессудных расправ, publicatio bonorum в данном случае имела бы юридическое оформление. Так или иначе, представляется, что материальные стимулы если и играли какую-то роль во время марианских репрессий, то лишь самую незначительную.

Иначе обстояло дело в случае с Суллой[57]. Расправляясь со своими врагами, последний с самого начала решил воспользоваться этими стимулами, назначив награду за голову Мария и его товарищей[58]. Вернувшись в Рим весной 82 г., он распродал имущество своих врагов, объявленных hostes publici (App. BC. I. 89. 407). Но особенно важную роль материальный фактор сыграл во время проскрипций[59]. Как уже упоминалось, за голову проскрипта назначалась награда в два таланта, т.е. 12 000 денариев[60], или 48 000 сестерциев (Plut. Sulla. 31. 7)[61]. Что же касается распродажи имущества, на которой себе делали состояния как нобили вроде Марка Красса и Луция Агенобарба[62], так и люди более низкого звания (Беллиен, Лусций),

---

[54] *Vell. Pat.* II. 22. 5; пер. А.И. Немировского.

[55] В.М. Тюленев неправильно переводит это как «допустившие грабеж» (Павел Орозий 2002, 178).

[56] *Cic.* Dom. 83; Инар 1997, 202.

[57] На это различие уже указывалось в историографии: Thein 2002, 70, 102, n. 52.

[58] У Плутарха говорится о награде только за голову Мария (Sulla. 10. 2: Μαρίῳ δ'ἐπεκήρυξεν ἀργύριον). Весьма вероятно, однако, что ее назначили и за остальных. Помимо соображений здравого смысла за это говорят слова Валерия Максима (VI. 5. 7) о том, что Сулла отпустил на волю раба, выдавшего П. Сульпиция, дабы не нарушить собственный эдикт (ut fides edicti sui constaret) – т.е. обычного в таких случаях обещания свободы рабу и денежной награды свободному.

[59] Ф. Инар считает, что главным побуждением Суллы при введении проскрипций являлась месть, а не соображения материального характера, коль скоро имущество его врагов было уже распродано (Hinard 1985, 51). Сам тезис в целом возражений не вызывает, однако обоснование его весьма спорно: ведь из земельных владений его недругов можно было продать только те, которые находились под контролем сулланской армии, да и число проскриптов было наверняка во много раз больше, чем тех, чье имущество пустили с торгов весной 82 г.

[60] μυρίας δισχιλίας δραχμάς (Plut. Cato Min. 17. 5). В переводе С.П. Маркиша ошибочно говорится о 1200 драхм (Плутарх 1994, II, 232).

[61] В зависимости от того, как оценивать число проскриптов, на praemium убийцам должно было уйти от 25 до 72 млн. сестерциев из общей суммы в 350 млн. от продажи имущества жертв (Thein 2002, 102, n. 53).

[62] Об Агенобарбе сообщается, что он захватил земли убитого брата (Schol. Bern. ad Lucan. II. 151) – очевидно, Гнея (Rawson 1987, 174, где ошибочно указывается Сицилия

то этот вопрос исследован в историографии достаточно подробно, чтобы на нем останавливаться специально[63]. Таким образом, Сулла, думая о мести врагам, не забывал и о наградах друзьям, что и отразилось в его знаменитой эпитафии (Plut. Sulla. 38. 6). Проскрипции привели к заметным социальным сдвигам, чего никак нельзя сказать о репрессиях Мария, Цинны и их преемников.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ

В обоих случаях Аппиан говорит о сыщиках (ζητηταὶ), которые пускались по следу обреченных на расправу (BC. I. 71. 330; 95. 444), однако кем они были, гражданскими или военными, не уточняется. Когда речь заходит о конкретных случаях, картина следующая. Во время марианского террора исполнителями оказываются воины или их начальники, при этом сами они никакой инициативы, судя по источникам, не проявляли. Цензорин, если верить Аппиану (BC. I. 71. 327), лично отрубил голову Октавию (явно не без помощи сопровождавших его всадников). Антония убил военный трибун Анний, чьи воины, как известно, колебались (Plut. Mar. 44. 6–8; App. BC. I. 72. 334–335). Что же касается участия в убийствах бардиеев[64], «гвардии» Мария из числа примкнувших к нему рабов, то здесь имеется лишь рассказ об их расправе с Анхарием по знаку Мария и убийстве безымянных «многих» (πολλοὺς – Plut. Mar. 43. 4–5). Однако, как показано выше, Плутарх дал, по-видимому, сильно искаженное описание эпизода с Анхарием, а упоминание о «многих»[65] выглядит на этом фоне обычной риторической фигурой[66]. Вполне возможно, что сообщения о грабежах и насилиях, чинившихся бардиеями[67], соответствуют истине, но римлян, видимо, возмущали не столько их масштабы (здесь опять-таки можно подозревать преувеличение, тем более что соответствующие описания мы встречаем лишь у поздних авторов)[68], сколько само то, что бывшие рабы позволяют себе поднимать руку на римских граждан. Неудивительно, что именно они стали козлами отпущения, когда Цинна решил дать понять, что с террором покончено, и приказал Серторию перебить их[69].

как место гибели Гнея). Не остались в стороне и родственники Суллы. Его жену Метеллу Плиний Старший называет скупщицей имущества проскриптов (proscriptionum sectrix – NH. 36. 116).

[63] См. Hinard 1985, 195–204 со ссылками на источники и литературу.

[64] По одной версии, названы так по имени иллирийского племени бардиеев, из которого могли происходить многие из них (Schur 1942, 137, Anm. 2), по другой, это слово было взято так по аналогии с наименованием воинской обуви (Bennett 1923, 23, n. 112) – мрачный юмор полководца.

[65] Столь же туманные указания на это см. у Орозия (V. 19. 19), где идет речь ни много ни мало о plurimi consulares (!), и Эксуперанция (4. 28Z).

[66] Ф. Инар предполагает причастность бывших рабов (fugitivi) к убийству Бебия (Hinard, 1985, 337), однако это не более чем гипотеза.

[67] *Plut.* Mar. 44. 9–10; Sert. 5.7; *App.* BC. I. 74. 343; *Oros.* V. 19. 24.

[68] Между тем в историографии нередко без оговорок принимаются описания зверств бардиеев: Моммзен 1994, 228; Инар 1997, 198; Weynand 1935, 1418; Van Ooteghem 1964, 316. Э. Бэдиан приписывает им убийство Катула (на деле покончившего с собой!), Антония и двух Цезарей (Badian 1964, 153).

[69] *Plut.* Mar. 44. 10; Sert. 5. 7; *App.* BC. I. 74. 344; *Oros.* V. 19. 24; Exup. 4. 28Z. Орозий связывает избиение бардиеев (которые у него, правда, названы просто fugitivi) не с чинившимися ими насилиями, а с тем, что они не отдали консулам добычу (!). Ни он, ни

Что же касается проскрипций, то здесь круг исполнителей, а порой и инициаторов был шире, учитывая бóльшую масштабность сулланских репрессий. Конечно, именно присутствие армии, пусть и за пределами померия, делало возможным их осуществление[70]. По Орозию, инициатором введения проскрипций стал центурион-примипил Фуфидий – правда, речь шла об ограничении террора[71]. Несомненно, именно воины убивали пленных самнитов и жителей Пренесты, а также многих проскриптов (Дамасиппа, Цензорина, Карбона и др.). Однако контекст, в котором описывается гибель людей, подобных Аврелию и Лоллию, убитых едва ли не на форуме, подразумевает, что это вполне могли сделать и штатские. То же можно сказать и о сыщиках. Наконец, толпа зевак, которые необходимы для любого спектакля, коим проскрипции, несомненно, являлись[72], выступала в качестве зрителей. Хотя Плутарх (Sulla. 31. 5) и сообщает о всеобщем возмущении (ἀγανακτούντων δὲ πάντων) после публикации первого списка опальных, о каких-либо проявлениях его ничего не известно.

МАСШТАБЫ РЕПРЕССИЙ

Нам известны имена максимум 16 человек, погибших в 87–86 гг. от рук марианцев[73], а в 82 г. ими было убито всего четыре человека (см. выше). Конечно, кто-то наверняка пострадал во время грабежей, однако здесь трудно говорить сколь-либо конкретно, поскольку источники хранят на сей счет полное молчание[74]. В целом их данные, как отмечает Т.Ф. Карни, не дают оснований называть марианские репрессии 87–86 гг. резней (massacre)[75]. Еще менее это можно сказать об убийстве Сцеволы, Карбона, Агенобарба и Антистия в 82 г. Куда более кровавой была расправа с несколькими тысячами бардиеев[76], однако ее трудно считать актом политического террора.

В отношении сулланского террора следует заметить, что здесь необходимо учитывать не только проскриптов, но и жертв «неформальных» расправ. Это несколь-

---

Эксуперанций при этом имени Сертория не упоминают.

[70] Как и репрессий против Мария, Сульпиция и их товарищей в 88 г. (Gabba 1972, 795; Cagniart 1986, 333–335).

[71] *Plut.* Sulla. 31. 2–5; *Oros.* V. 21. 3 (дана неправильная форма имени – Фурсидий). В других случаях предложение ввести репрессии в какие-то рамки приписывается Гаю Метеллу (*Plut.* Sulla. 31. 2) или Катулу-младшему (V. 21. 2), в свое время, возможно, бывшему одним из тех, кто помог Афинам после их взятия Суллой избежать полного уничтожения (Keaveney 1984, 127–128; 2005, 126).

[72] «Это было ритуальное празднество с суровым смыслом драмы и трагедии» (Thein 2002, 126). См. также Hinard 1985, 122–124.

[73] См. Keaveney 1984, 115–117. Э. Бэдиан не включает в свой список Октавия, Мерулу и Фимбрию, в отношении которого, впрочем, возможна ошибка (Keaveney 1984, 116), а Лициния и Луцилия считает одним лицом (Badian 1957, 339–340, n. 177). Если вычесть двух последних, получаем 14 человек, о которых и пишут другие авторы (Carney 1961a, 67; Bulst 1964, 314).

[74] По мнению К.М. Балста (пожалуй, слишком уж оптимистичному), число жертв не могло намного превышать упомянутую цифру в 14 человек (Bulst 1964, 314).

[75] Carney 1961a, 66, n. 286. «Дух и методы сулланских проскрипций полностью отсутствовали» (Bennett 1923, 34).

[76] Э. Бэдиан пишет, что после этого Цинна, будто бы не склонный к убийствам, смог действовать законными методами (Badian 1964, 153). Не вполне понятно, однако, что исследователь имеет в виду.

ко тысяч самнитов[77], убитых после битв при Сакрипорте и у Коллинских ворот[78], а также взятия Пренесты, не считая самих пренестинцев – 5000, если верить Валерию Максиму (IX. 2. 1)[79]. Вполне вероятно, что какое-то число людей низкого звания было убито воинами по личным мотивам и не попало ни в какие списки. Конечно, Августин несколько преувеличивал, когда писал, что «в Риме всякий сторонник Суллы убивал кого хотел» (De civ. Dei. III. 28), ибо, конечно, простой воин или центурион вряд ли могли по собственному произволу убить сенатора. Но то, что обстановка массового террора порождала у победителей ощущение безнаказанности, сомнений не вызывает.

Что же касается проскриптов, то их общее число сообщает Валерий Максим – 4700 (IX. 2. 1)[80], среди них 40 сенаторов и 1600 всадников (App. BC. I. 95. 442)[81]. В первой проскрипции, согласно Плутарху (Sulla. 31. 5) и Орозию (V. 21. 3), было 80 имен[82]. Плутарх (loc. cit.) сообщает, что потом появилось еще два списка, в одном из которых насчитывалось 220 имен, в другом – не меньше (οὐκ ἐλάττους), т.е., надо полагать, больше. Этим, вероятно, и объясняется цифра в 500 имен, указанных, по Орозию, во второй проскрипции (V. 21. 4), т.е. в третьем списке оказалось не 220, а 260 имен. Однако оба автора пишут, что списки остались не закрытыми. В том, что они пополнялись, нет никаких сомнений (иначе на что рассчитывали бы убийцы Росция?), и это делает вполне возможной цифру в 4700 человек, приведенную Валерием Максимом.

Общее число жертв Суллы без учета погибших в боях Дионисий Галикарнасский определяет в 40 000 человек (V. 77. 5). Поскольку не внесенных в проскрипции никто не считал, то цифра эта является округленной и наверняка завышенной. Тем не менее, с учетом убитых пленных число жертв сулланского террора перевалливает далеко за 10 000. Несопоставимость с репрессиями марианского режима очевидна.

---

[77] Еще зимой 83/82 гг. Сулла вполне сознательно исключил самнитов из договора с италийскими народами, по которому признавал за последними права римского гражданства, дарованного им марианцами (*Liv.* Per. 89; Salmon 1964, 74–77).

[78] Число убитых после сражения при Сакрипорте неизвестно. Число жертв экзекуции после битвы при Коллинских воротах указывается по-разному: 3000 (*Oros.* V. 21. 1), 4000 (*Flor.* III. 21. 24), 6000 (*Plut.* Sulla. 30.2), 8000 (*Liv.* Per. 88). Очевидно, именно пленных самнитов имел в виду Августин, когда писал об истреблении по приказу Суллы 7000 человек на Марсовом поле (De civ. Dei. III. 28).

[79] Плутарх пишет о 12 000 (Sulla. 33. 1), однако речь идет явно о всех защитниках Пренесты, в том числе и римлян, которых Сулла, за исключением предводителей, пощадил (*App.* BC. I. 94. 438). По Диодору, с Марием в Пренесте находилось 15 000 человек (XXXVIII. 15).

[80] Ф. Инар выявил имена 75 проскриптов (Hinard 1985, 329–411).

[81] У Аппиана сообщается, что Сулла во время смуты убил (ἀνελόντα) и изгнал (σὺν τοῖς ἐξεληλαμένοις) 90 сенаторов и 2600 всадников (BC. I. 103. 482). С.Л. Утченко понимает эти слова так, что все названные лица погибли, причем во время проскрипций (1969, 43), хотя контекст пассажа подразумевает явно более широкие рамки (ἐν τῷδε τῷ πολέμῳ). А.В. Еремин (2004, 75) приводит также цифру в 3500 проскриптов у Ливия (Per. 89). Однако это результат использования неверного перевода (Ливий 1993, 581), тогда как в оригинале речь идет о 350 млн. сестерциев, вырученных с продажи имущества проскриптов (redactum est sestertium ter milies quingenties).

[82] Octoginta у Орозия (V. 21. 3) В.М. Тюленев переводит как «восемнадцать» (Павел Орозий 2002, 183).

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РЕПРЕССИВНЫХ АКЦИЙ МАРИАНЦЕВ И СУЛЛАНЦЕВ

Многие позднейшие авторы стремились изобразить обстановку тотального террора во время вступления армии Цинны и Мария в Рим, отчасти, под влиянием антимарианской традиции (в особенности записок Суллы), – из желания оправдать последующие проскрипции, отчасти из страсти к риторическим преувеличениям[83]. Эпитоматор Ливия пишет об истреблении всей знати, бывшей в Риме после битвы при Сакрипорте[84]. Флор (III. 21. 13) сравнивает поведение марианцев в Риме с тем, что творилось в поверженном Карфагене в 146 г. Дион Кассий рисует впечатляющую картину, когда ворота Города запирают и начинают убивать чуть ли не всех мужчин без разбора, а женщин и детей – бесчестить (fr. 102. 9)[85]. Валерий Максим (IV. 3. 14; V. 3. 3; VI. 9. 14) пишет о марианских и циннанских проскрипциях (!), утверждая, что злодеяния Мария заслуживают большего осуждения, чем победы – похвалы (IX. 2. 2)[86]. Евтропий доходит до того, что не только именует проскрипциями марианскую «чистку», но и не упоминает о сулланской (V. 7. 3), а Экусперанций уверяет, будто знать избивали по произволу беглых рабов (4. 28Z).

Это дало основание некоторым современным авторам утверждать, будто в римском обществе марианские репрессии оставили по себе худшую память, чем сулланские проскрипции, на искаженное восприятие которых к тому же повлияли куда более кровавые проскрипции второго триумвирата; царством террора были как раз они, а не репрессии Суллы. Именно события 87 и 82 годов, по мнению Ф. Инара, вспоминали, когда хотели создать образ гражданской войны[87]. Однако здесь необходимо различать, о каком времени и о каких кругах идет речь. Саллюстий осуждал проскрипции, которые из наказания виновных превратились в разгул произвола (Cat. 51. 32–34). Цицерон, когда началась гражданская война, с неудовольствием писал о том, что Помпей «сулльстует и проскрипствует» (sullaturit animus eius et poscripturit), и ставил Суллу в один ряд с Марием и Цинной, считая, что они побеждали в гражданской войне, пожалуй, по праву, но ничего не было страшнее их победы (sed quid eorum victoria crudelius, quid funestius? – Att. IX. 10. 6). Страх перед подражателями Суллы и проскрипциями сквозит и в другом письме (Att. IX. 11. 3). Эпитоматор Ливия писал о том, что Сулла запятнал прекраснейшую победу неслыханной жестокостью[88]. Признавал это и благосклонный к диктатору Веллей Патеркул (II. 25. 3). Сравнивая марианские и сулланские репрессии, он

---

[83] Bennett 1923, 24; Bulst 1964, 314; Lovano 2002, 46–47. Задачей Суллы и его сторонников помимо очернения противников было, несомненно, и оправдать последующие проскрипции (Van Ooteghem 1964, 317; Bulst 1964, 314).

[84] *Liv.* Per. 86: L. Damasippus praetor… omnem, quae in urbe erat, nobilitatem trucidavit. Тем не менее Н.В. Чеканова почти без оговорок принимает фантастическое сообщение эпитоматора (2005, 179), которое, как уже давно указывалось, не стоит понимать буквально (Bulst 1964, 327–328). В. Ине усматривает в этой расправе, которую он не без преувеличения называет reiche Nachlese, указание на то, что репрессии 87–86 гг. носили более ограниченный характер, чем считалось ранее (Ihne 1879, 362, Anm. 2). При правильности самого тезиса нельзя не отметить спорности такого аргумента.

[85] К.М. Балст допускает, что это описание восходит к мемуарам Суллы (Bulst 1964, 313–314), но речь может идти о любом антимарианском источнике, к тому же подвергшемся основательной риторической обработке.

[86] Образ Мария у Валерия Максима вообще весьма искажен (Carney 1964, 336).

[87] Инар 1997, 387, 390–391; см. также Thein 2002, 69, 125.

[88] *Liv.* Per. 88: pulcherrimam victoriam crudelitate, quanta in nullo hominum fuit, inquinavit.

недвусмысленно отдал сомнительную пальму первенства вторым: «Ничто не было бы более жестоким, чем эта победа (марианцев. – *А.К.*), не последуй за ней вскоре сулланская»[89].

Нельзя не отметить, что и здесь не обошлось и без преувеличений: Плутарх писал о всеобщем возмущении обнародованием tabulae, Дион Кассий рассказывал о том, как людей могли убить за неподобающее выражение лица при чтении проскрипций (fr. 107. 14–16), а Дионисий Галикарнасский довел число жертв Суллы до 40 тысяч (см. выше)[90]. Сюда же, видимо, можно отнести и упоминавшееся описание Луканом убийства родственников друг другом.

Почему же со временем все более стало выдвигаться на первый план обличение Мария? С самого начала сыграло свою роль то, что он и Цинна стали виновниками гибели нескольких консуляров, да еще вопреки воле сената, Сулла же при всей своей жестокости восстанавливал его власть. Впоследствии дала о себе знать и тяга риторов к exempla, а примеры, относившиеся к марианским репрессиям, были не только более впечатляющими (за исключением разве что казни Мария Гратидиана, вину за которую теперь обычно сваливали на Катилину), но и касались более знатных людей – возникали параллели с императорами-«тиранами». Наконец, страсть рядовых риторов к упрощению привела к окончательному окарикатуриванию истинной картины.

Итак, марианские и сулланские репрессии стали важным событием в жизни Рима. Хотя первые оказались куда менее масштабными, они произвели немалое впечатление, поскольку впервые подверглись казни столь высокородные люди, к тому же без ведома сената, которому пришлось закрыть глаза на происходящее[91]. В свою очередь эти убийства послужили обоснованием куда более жестоких проскрипций, которые явились важным нововведением в практике политических расправ и оставили глубокий след в жизни Рима, поскольку имели еще и важные экономические последствия, чего нельзя сказать о марианских репрессиях. К тому же, в отличие от последних, проскрипции получили юридическое оформление, что закрепляло их правовые последствия для потомков репрессированных. Параллельно с проскрипциями творились и «обычные» расправы над побежденными, призванные запугать выживших и сломить их волю. В первозданном виде сулланский порядок продержался всего несколько лет, в целом же, претерпев серьезные перемены, он просуществовал до второй гражданской войны. Однако в сознании римского общества надолго закрепился отрицательный образ Суллы – палача и тирана, и лишь по прошествии очень значительного времени основная критика за кровопролитие, сопровождавшее первую гражданскую войну в Риме, была перенесена на Мария.

---

[89] *Vell. Pat.* II. 22. 1: Nihil illa victoria fuisset crudelius, nisi mox Sullana esset secuta (цит. в пер. А.И. Немировского).

[90] Как предполагается, огромную роль в искажении картины проскрипций сыграла цезарианская пропаганда (Gabba 1972, 803).

[91] Ф. Инар ставит марианские репрессии в один ряд с проскрипциями второго триумвирата как пример «режима террора», призванного способствовать водворению нового порядка (Hinard 2006, 247), не упоминая при этом сулланскую «чистку». Между тем явно «выборочный» и кратковременный характер марианских убийств, которые невозможно всерьез считать «режимом терррора», заставляет думать, что на первом месте стояла всё-таки месть, да и Сулла, сам того не ведая, также создавал новый порядок.

Литература

Еремин А.В. 2004: Сулланские проскрипции // Ius antiquum. Древнее право. 2 (14), 69–78.

Инар Ф. 1997: Сулла. Ростов-на-Дону.

Короленков А.В. 2009: Марий и Катул: история взаимоотношений homo novus и vir nobilissimus // AMA. 13, 214–224.

Ливий 1993: *Тит Ливий.* История Рима от основания Города. Т. III. М.

Моммзен Т. 1994: История Рима. Т. II. СПб.

Павел Орозий 2002: История против язычников. Книги IV–V. СПб.

Плутарх 1994: Сравнительные жизнеописания. Т. II. М.

Утченко С.Л. 1969: Древний Рим: События. Люди. Идеи. М.

Циркин Ю.Б. 2006: Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб.

Чеканова Н.В. 2005: Римская диктатура последнего века Республики. СПб.

Badian E. 1957: Caepio and Norbanus. Notes on the Decade 100–90 B.C. // Historia. 6, 318–346.

Badian E. 1962: Waiting for Sulla // JRS. 52, 47–61.

Badian E. 1964: Marius and the Nobles // Durham University Journal. 36, 141–154.

Bennett H. 1923: Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 BC. Diss. PhD. Menasha.

Broughton T.R.S. 1951–1952: The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I–II. N.Y.

Bulst Ch.M. 1964: Cinnanum Tempus: A Reassessment of the Dominatio Cinnae // Historia. 13, 307–337.

Cagniart P.F. 1986 The Life and Career of Lucius Cornelius Sulla through his Consulship in 88 B.C. A Study in Character and Politics. Diss. PhD. Austin.

Carney T.F. 1960: The Death of Ancharius // Hermes. 88, 382–384.

Carney T.F. 1961a: A Biography of Marius. Assen.

Carney T.F. 1961b: The Flight and Exile of Marius // GR. 8, 98–121.

Carney T.F. 1962: The Picture of Marius in Valerius Maximus // RhM. 105, 289–337.

Christ K. 2002: Sulla. Eine römische Karriere. München.

Gabba E. 1958: Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 3–336.

Gabba E. 1972: Mario e Silla // ANRW. I. 1, 764–805.

Gaughan J.E. 2010: Murder was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. Austin.

Gruen E.S. 1968: Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. Cambr. (Mass.).

Hinard F. 1985: Les proscriptions de la Rome republicaine. Rome.

Hinard F. 2006: La terreur comme mode de gouvernement (au cours des guerres civiles du Ier siècle a.C. // *Terror et pavor.* Violenza, intimidazione, clandestinità nel mondo antico / G. Urso (ed.). Rome, 247–264.

Ihne W. 1879: Römische Geschichte. Bd V. Lpz.

Keaveney A. 1983: What happened in 88? // Eirene. 20, 53–86.

Keaveney A. 1984: Who were the Sullani? // Klio. 66, 114–150.

Keaveney A. 2005: Sulla: the Last Republican. L.–N.Y.

Keaveney A. 2006: The Exile of L. Cornelius Scipio Asiagenus // RhM. 149, 112–114.

Lanzani C. 1907: Storia interna di Roma negli anni 87–82 a.C. Parte prima: il VII consolato di Mario. Torino.

Lanzani C. 1915: Mario e Silla, storia della democrazia romana negli anni 87–82 a.C. Catania.

Letzner W. 2000: Lucius Cornelius Sulla: Versuch einer Biographie. Münster.

Lovano M. 2002: The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart.

Marshall B.A. 1985: Catilina and the Execution of M. Marius Gratidianus // CQ. 35, 124–133.

Mackay C.S. 2000: Sulla and the Monuments // Historia. 49, 161–210.

Mühll V. 1912: Helvius (11) // RE. Bd VII, 225–226.

Münzer F. 1905: Domitius (22) // RE. Bd V, 1327–1328.

Münzer F. 1930: Marius (42) // RE. Hlbd. 28, 1825–1827.

Münzer F. 1937: Octavius (20) // RE. Hlbd. 34, 1814–1818.

Rawson E. 1987: Sallust on the Eighties? // CQ. 37, 163–180.

Salmon E. 1964: Sulla redux // Athenaeum. 42, 60–79.

Schur W. 1942: Das Zeitalter des Marius und Sulla. Lpz.

Seager R. 1994: Sulla // CAH. 2nd ed. Vol. IX, 165–207.

Thein A.G. 2002: Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal. Diss. Ph.D. Univ. of Pennsylvania.

Van Ooteghem J. 1964: Caius Marius. Bruxelles.

Weynand R. 1935: Marius // RE. Splbd VI, 1363–1425.

CAEDES MARIANA AND *TABULAE SULLANAE*: 88–81 BC TERROR IN ROME

A.V. Korolenkov

The author compares punitive measures taken by Sulla and the Marians against Roman citizens in 88–81 BC. He points out that Marian repressions being rather limited in scale can hardly be qualified as terror. Unlike proscriptions, they did not imply confiscations and therefore had no economic consequences. The author calls in question the reliability of the accounts that a considerable number of former slaves (members of Marian troops) took part in the repressions of 87–86 and that it was prohibited to bury those who were killed in that period. He draws attention to the fact that neither Sulla nor his opponents took up arms against women, unlike the emperors who sometimes put to death women from the families under repressions. Marian repressions were rather small in scale, but they struck the society because of the high status of their victims, including several *consulares*. However, after Sulla's proscriptions his figure was strongly associated with violence, and it took a considerable time before Romans began to hold Marius responsible for the bloodshed of the 80s.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2012 г.

Ю.Б. ЦИРКИН. Испания от античности к средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История (Историческая библиотека), 2010. 456 с. ил.

Проблемы перехода от античности к средневековью относятся к числу фундаментальных вопросов исторического знания, в равной мере значимых как для антиковедов, так и для медиевистов. Как и любая переходная эпоха, период IV–VII веков неоднозначно воспринимается обоими профессиональными сообществами. То медиевисты[1], то антиковеды[2] выдвигают откровенные «претензии» на этот хронологический отрезок. И все же в последнее время как будто именно медиевисты чаще оказываются вынуждены «отступать» на рубеж каролингской эпохи как на начало средневековья[3]. Разумеется, в этих взаимных отступлениях и наступлениях нет ничего странного или негативного. Однако любое вторжение на «нейтральную полосу» переходной эпохи чревато серьезным риском и может привести к самому непредсказуемому результату.

Книга видного петербургского историка-антиковеда, профессора кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета Юлия Берковича Циркина обращает на себя внимание прежде всего смелостью автора в расширении области его научных интересов. Занимавшийся ранее столь отдаленной эпохой, как время финикийского присутствия в Испании, на рубеже 1990-х – 2000-х годов он выступил с обобщающей монографией по истории Пиренейского полуострова в древности, охватывающей и римский период, включая эпоху Поздней империи[4]. Далее последовала работа, хронологически переступившая традиционный «порог» древности и доведенная до каролингского периода[5]. И вот, наконец, новая книга – обобщающая монография по истории Испании, также доведенная до конца вестготского времени и мусульманского завоевания. О ней и пойдет речь ниже.

Следует отметить, что в отечественной историографии проблемы, связанные с испанской историей периода перехода от античности к средневековью, затрагивались в общих работах В.К. Пискорского и А.Е. Кудрявцева[6]. В середине XX в. появились и специальные монографические исследования вопроса. Пионерские для своего времени, они были созданы выдающимся отечественным медиевистом А.Р. Корсунским (1914–1980)[7]. Однако с момента выхода написанной им «Готской Испании» в 1969 г. прошла уже целая эпоха в историографии. Отсюда естественная потребность в обобщении накопленного с того времени материала, тем более что последние десятилетия знаменовали собой

---

[1] См., например: Kaplan et al. 1999; Collins 1999. Примеры классического подхода к проблеме см. Кенигсбергер 2001; Olson 2007.

[2] См., например: Sanz Serrano 2009 (подробнее об этой книге см. ниже).

[3] В испанской историографии такой подход, кажется, возобладал окончательно (см., например: Isla Frez 2002; Carrasco et al. 2002). В то же время французские испанисты, очевидно, пока еще сохраняют приверженность «классике» (см., например: Bonnassie, Guichard, Gerbet 2008; Рюкуа 2006).

[4] Циркин 2000.

[5] Циркин 2006.

[6] Пискорский 1902, 9–27; Кудрявцев 1937, 37–51 (последняя работа носит особенно выраженный компилятивный характер и изобилует грубыми фактическим ошибками). К этому следует добавить: Арский 1935; 1939; Грацианский 1960, – и получится практически полный перечень отечественных исследований, вышедших в свет ранее 1960-х годов, т.е. до появления статей и монографий А.Р. Корсунского.

[7] Корсунский 1969; Корсунский, Гюнтер 1984, а также цикл статей и раздел, написанный Корсунским в коллективной монографии «История крестьянства в Европе» (Корсунский 1985). Общую библиографию работ ученого см. Корсунский 1982.

настоящий переворот в испанистике, обусловленный, помимо всего прочего, демонтажем авторитаризма, интеграцией страны в европейские структуры и коренными реформами в сфере образования и науки.

Колоссальный шаг вперед сделали археология[8], текстология и палеография[9], следствием чего стало появление принципиально новых критических изданий абсолютного большинства текстов[10]. Не стояла на месте и эпиграфика[11]. В свою очередь, прогресс во всех этих областях дал колоссальный импульс собственно историческим исследованиям stricto sensu не только испанских, но и зарубежных (британских, французских и др.) антиковедов и медиевистов[12].

Говоря о месте своего исследования в историографическом контексте, Ю.Б. Циркин отмечает: «Из всего сказанного возникает, на наш взгляд, необходимость в новом, по сравнению со временем создания фундаментального исследования Корсунского этапе развития историографии, рассмотреть историю Испании, начиная с ее возрождения после кризиса III в. и кончая арабским завоеванием» (с. 13). Достижение такой цели можно было бы только приветствовать. К сожалению, эта задача осталась невыполненной.

Из числа привлеченной автором литературы лишь часть может быть отнесена к действительно новой (работы Х. Арсе, М. Казанского, Л.А. Гарсия-Морено, М. Куликовского и некоторых других). В остальном текст буквально зияет историографическими лакунами, которые можно перечислять достаточно долго. Назову лишь самые очевидные из них. Прежде всего, даже не упоминаются работы видного современного британского ученого Р. Коллинза[13]. То же касается фундаментального труда П. Лайнхена в части, посвященной историографии вестготского времени[14]. Применительно к французской национальной школе не учтены работы П. Казье, С. Тейе, С. Мартен и некоторые другие, в том числе – новые исследования дуайена сообщества французских испанистов Ж. Фонтена[15]. Что же касается исследователей вестготской эпохи, работающих непосредственно в Испании, то здесь лакуны перечислять можно достаточно долго. Укажу, в частности, на вышедшие в последние десятилетия работы С. Кастельяноса[16], И. Веласкес-Сориано[17], К. Петита[18], Д. Переса-Санчеса[19], Р. Гонсалеса-Салинеро[20], а также недавно умершего Х. Орландиса[21]. К сожалению, этим дело не ограничивается,

---

[8] Обилие материала не позволяет представить в одном примечании даже самые значимые публикации. Поэтому позволю себе ограничиться лишь отсылкой к главам 7 и 8 блестящей книги Р. Коллинза, содержащим специальный обзор результатов археологических исследований материалов вестготского времени (Collins 2005, 181–236).

[9] См., например: García López 1996; Díaz y Díaz 1976; Díaz y Díaz et al. 1999.

[10] В качестве примера достаточно перечислить хотя бы новейшие издания трудов Исидора Севильского: La «Renotatio Librorum Domini Isidori» de Braulio de Zaragoza (†651) / Introd., ed. crítica y trad. por J.C. Martín. Logroño, 2002; *Sancti Isidori Episcopi Hispalensis* De eccliesiasticis officiis / Ed. Ch.M. Lawson (Corpus Christianorum. Series Latina (далее –CCSL). T. CXIII). Turnholti, 1989; *San Isidoro de Sevilla*. Etimologias / Ed. bilingue preparada por J. Oroz Reta y Manuel y A. Marcos Casquero. T. 1–2. Madrid, 1993; *Isidoro de Sevilla*. Diferencias. Libro I / Introd., ed. crítica, trad. y notas por C. Codoñer. P., 1992; *Isidori Hispalensis* Liber Differentiarum [II] / Ed. M.A. Andrés Sans (CCSL T. CXIA). Turnhout, 2006; Las histórias de los Godos, Vandalos y Suevos da Isidoro De Sevilla / Estudio, ed. crítica y trad. por C. Rodríguez Alonso. León, 1975; *Isidorus Hispalensis*. Liber numerorum (Le livre des nombres) / Ed., trad. et comm. par J.-Y. Guillaumin. P., 2005; *Isidorus Hispalensis*. Sententiae / Cura et studio P. Cazier (CCSL T. CXI). Turnholti, 1997; *Isidori Hispalensis*. Versus / Cura et studio J.M. Sánchez Martín (CCSL T. CXIII A). Turnholti, 2000.

[11] В качестве примера ограничусь лишь указанием главных трудов И. Веласкес-Сориано, исследовавшей надписи на сланцевых табличках: Velázquez Soriano 1989; 2000; 2004.

[12] Библиографические сведения см. Ferreiro 1988; применительно к более позднему времени см., например: Collins 2005, 265–271.

[13] Collins 1983; 1989; 2004.

[14] Linehan 1993.

[15] Cazier 1994; Teillet 1984; Martin 2003; Fontaine 2000.

[16] См., например: Castellanos 1998.

[17] Velázquez Soriano 2005; 2003. См. также выше прим. 12.

[18] См., например: Petit 1985–1986; 1995.

[19] Pérez Sánchez 1989.

[20] González Salinero 2000.

[21] См. прежде всего: Orlandis, Ramos-Lissón 1986, а также: Orlandis 1992; 2003 и др. Общая работа Х. Орландиса, на которую Ю.Б. Циркин ссылается достаточно часто, опубликована еще в конце 1970-х годов (Orlandis 1977).

поскольку вне сферы внимания Ю.Б. Циркина остались и некоторые значимые работы более раннего времени, о чем подробнее будет сказано далее.

Обращая внимание на лакуны историографического плана, я далек от научного снобизма и отлично понимаю, сколь непростой задачей для российского ученого является учет всего круга новейшей зарубежной литературы по избранной им проблеме. Но в данном конкретном случае суть претензии вовсе не ограничивается простым отсутствием каких-либо имен и названий в библиографии (которая, кстати, в рецензируемой монографии в особый раздел не выделена). Дело в том, что без учета хотя бы самых главных (и не только новейших) исследований целый ряд научных проблем осмысляется явно недостаточно.

Перечислю лишь главные из них. Прежде всего, рассматривая во вводной части книги содержание понятия «поздняя древность», Ю.Б. Циркин, в конечном итоге, ограничивается лишь заявлением о том, что период испанской истории, хронологически ограниченный концом III и началом VIII в. н.э., должен быть отнесен не к средневековью, а к античности (с. 13). Пусть так, тем более что переходный характер эпохи признается и в зарубежной историографии[22]. Далее, однако, читатель имеет право ожидать обоснования этого основополагающего тезиса, для которого явно недостаточно десятка с небольшим страниц историографических замечаний во введении (да и сам автор монографии признает, что применительно к намеченной им проблематике «некоторая неопределенность существует до сих пор» – с. 13, прим. 18). Здесь бы и ожидать развернутого обзора явлений, относящихся к «поздней древности». Увы, в книге далее следует пространное изложение основных событий политической истории испанских провинций Империи IV – начала VIII в., которому из 14 глав книги посвящены не менее 10 (I–X, частично XIV). Лишь главы XI–XIII носят более или менее четко выраженный аналитический характер.

Тем не менее, содержащиеся в них выводы далеко не в полной мере удовлетворят специалиста. Прежде всего, потому что в силу недостаточного учета историографического контекста порой их содержание является откровенно устаревшим. Приведу лишь один пример. Черпая основные знания о Великом переселении народов из книги Л. Мюссе, изданной в оригинале еще в начале 1960-х годов[23], и игнорируя новейшую литературу вопроса, в том числе отечественную[24], Ю.Б. Циркин все отношения между Империей и ее варварской периферией в IV–V вв. (включая историю взаимоотношений центральной власти с народами-федератами, расселявшимися в границах Западной Империи в этот период) рассматривает в контексте представлений о «варварских завоеваниях» (с. 39 слл., 102, 129–130 и т.д.).

Между тем в современной литературе эта проблема трактуется принципиально по-иному. Не вдаваясь в детали, ограничусь краткой цитатой из монографии В.П. Будановой: «Массовое переселение германцев из Барбарикума в Римскую империю осознается ими как непреложный факт включения в огромную державу, обретения большинством племен определенной социальной ниши в римской государственной системе и создания "варварских королевств" различного типа»[25]. В современных работах на смену концепции «завоевания» давно уже пришли представления о постепенной интеграции варваров в позднеримский социум. В этом смысле *расселение* (именно так! курсив наш. – *О.А.*) племенных союзов по территории Западной империи являлось не началом, а наоборот, завершением этого длительного процесса. Более того, для целого ряда народов такое расселение было сугубо вынужденным и объяснялось прежде всего ролью гуннской военной опасности, заставлявшей искать спасения на римской территории[26]. С учетом сказанного, целый ряд германских народов оказываются не столько жестокими завоевателями, сколько жертвами обстоятельств, а исходящие от них грабежи римских земель – вынужденным пропитанием «с меча» в периоды, когда римские власти не выполняли своих обязательств перед ними как воинами-федератами Империи. Наконец, в пользу представления о расселении, а не о завоевании de facto говорит и целый ряд факторов, приводимых самим Ю.Б. Циркиным (см., например: с. 96, 98–100, 110–112, 119–120 и др.).

В свою очередь, недоучет значимости одних факторов ведет к передержкам в трактовке других. Так, без учета факта сознательной интеграции германцев в римский социум неправильно рассматривать процесс эволюции потестарных структур варваров (с. 106 слл., 175–176, 178–179). Возьму на себя ответственность утверждать, что никакого отдельного процесса генезиса государственности у германцев, помимо их интеграции в римскую социально-политическую систему, попросту не суще-

---

[22] См., например, материалы III Конгресса исследований по истории средневековья: De la Antigüedad... 1993.

[23] Мюссе 2006.

[24] См., например: Буданова 2000, 96–118.

[25] Буданова 2000, 109. О характере миграций варваров ср. Sanz Serrano 2009, 95–102.

[26] Уже в середине XX в. на этот фактор обращал внимание Э. Томпсон (Thompson 1948).

ствовало. Принимая на себя позднеримский военный ранг «reges», германские вожди вписывались в уже существующую систему власти, в дальнейшем постепенно аккумулируя в своих руках властные полномочия различных категорий римских должностных лиц, прежде всего префектов претория, как это видно в случае вестготских правителей середины – второй половины V в. Теодориха I (419–451), Торисмонда (451–453), Теодориха II (453–467) и Эвриха (467–484). Очевидной модернизацией являются рассуждения Ю.Б. Циркина о развитии системы «престолонаследия» у германцев (с. 109, 143, 156–157), «германском принципе выборности короля» (с. 213, 375) и некоторые другие. Не выдерживают критики важнейшие выводы об основных направлениях эволюции социальной организации варваров («свевские крестьяне» – с. 141, и т.п.).

Далее, недоучет результатов исследований предшественников приводит к очевидной узости выводов автора рецензируемой работы даже там, где основные особенности процессов, явлений и институтов прописываются им в целом верно. Это касается в частности характеристики основных направлений эволюции королевской власти в период VII – начала VIII в. С опорой лишь на содержание соответствующего раздела работы Х. Орландиса и еще более старой статьи А. Барберо[27] развернутый анализ означенной проблематики представляется явно невозможным. Необходим учет основополагающих, более поздних по времени издания работ хотя бы названных авторов (а в идеале – не только их одних), в полной мере определяющих феномен вестготской «политической теологии»[28].

Наконец, недооценка историографического контекста приводит к отсутствию в монографии не только корректных решений ряда научных проблем, но и самой их постановки. Причем порой это происходит даже применительно к случаям, когда такая постановка сыграла бы лишь на пользу аргументации концепции «поздней древности». Укажу лишь на главные из таких проблем. Так, говоря о кризисе римского муниципального строя, Ю.Б. Циркин не касается аспектов, связанных с эволюцией территориальной юрисдикции городских учреждений, с выходом хоры (territorium) из-под власти города и утратой городской общиной–civitas этой значимой черты учреждений полисного типа. Не исследуются судьбы античного культурного наследия в рассматриваемый период, в то время как в научной литературе этот вопрос разрабатывается достаточно активно, включая проблему постепенного исчезновения разговорного латинского языка[29].

Со значительными лакунами и ошибками представлена история права IV – начала VIII в. Приведу лишь несколько примеров, представляющихся мне наиболее показательными. Первый – анализ кодекса (или, точнее, эдикта) вестготского короля Эвриха (466–484), обнародованного около 476 г. Его содержание, частично сохранившееся в виде палимпсеста в рукописи Paris. Lat. 12161 из парижской Национальной библиотеки, является давним объектом научных споров. Главный из них касается вопроса о том, распространялось ли действие этого памятника права исключительно на готов[30], либо в равной степени как на варварское, так и на романское население, т.е. носило «территориальный» характер[31]. Уже ко времени А.Р. Корсунского сложилась обширная историография вопроса, которую подробно рассматривал советский исследователь[32]. Что же касается Ю.Б. Циркина, то он не сообщает даже о самом факте наличия такого рода дискуссии (с. 161; см. также с. 163). При этом автору рецензируемой книги осталось неизвестным наиболее новое на данный момент комментированное издание текста памятника, хорошо знакомое уже А.Р. Корсунскому[33].

Еще один пример подобного рода – сознательный отказ от использования такого важного памятника права вестготского времени, как Бревиарий Алариха II (506 г.)[34]. Между тем, развернутая характеристика исторических судеб целого ряда античных учреждений (прежде всего муниципальных) без учета его данных представляется полностью невозможной[35]. Наконец, весьма показательно

---

[27] Orlandis 1977; Barbero de Aguilera 1970.

[28] См., например, сборники статей: Orlandis 1962; 1976; 1992; 2003; Barbero de Aguilera 1992, а также обзор соборных постановлений по этой проблеме в кн.: Orlandis, Ramos-Lissón 1986, 163 ss. Подробнее об историографии проблемы см., например: Aurov 2006; Ауров 2007; 2008a; 2010a; 2010b.

[29] Подробнее см. Ауров 2008b. Проблемы эволюции разговорного латинского языка исследует И. Веласкес-Сориано (2004; 2003).

[30] См., например: Zeumer 1944, 64–68; Reinhart 1945, 704–711; Schultze 1943; Вольфрам 2003, 278–280; Guarino 1969, 611–612; Merêa 1948, 199–248; Sánchez-Albornoz 1976; D'Abadal 1960, 25–26; Thompson 2007, 76; King 1980; 1976, 6–7; 1988, 228–229; Collins 2005, 240–245.

[31] García Gallo 1936–1941; García Gallo, Merêa 1942–1943; D'Ors 1960; Gibert 1968, 11–13.

[32] Корсунский 1969, 6–10.

[33] D'Ors 1960. Перевод на русский язык см. Ауров 2007.

[34] В монографию вошла лишь краткая характеристика этого важнейшего памятника, заимствованная из литературы (с. 191–192).

[35] В качестве доказательства достаточно проглядеть ссылки на классическую работу К. Санчеса-

то, что все сведения, касающиеся римского права, Ю.Б. Циркин черпает из одного-единственного источника – справочника М. Бартошека[36]. Эта книга совсем неплоха. Но, во-первых, она отражает далеко не новейший этап в изучении римского права[37], а во-вторых, представляет собой не более чем справочник, информация которого не способна заменить обращение к специальной литературе.

Довольно поверхностно представлена история церковных учреждений в Испании IV – начала VIII в. И это применительно к государству вестготов, политический строй которого в толедский период порой (пусть недостаточно аргументировано, но и не без некоторых оснований) характеризуют едва ли не как «теократический»! Между тем, в рецензируемой монографии вообще не представлены такие значимые сюжеты, как античные истоки позднеримской церковной организации[38], причины и основные направления ее эволюции, появление «средневековых» черт в ее рамках (становление и возрастание роли сельских церковных приходов, рост численности и влияния монашества, появление епархий, не связанных с муниципальной организацией античного времени и проч.). Историография, связанная с этой проблематикой, колоссальна. Но практически вся она осталась «за кадром» рецензируемой монографии[39]. Отсюда значительное количество неточностей, заставляющее полагать, что Ю.Б. Циркин вообще весьма поверхностно знаком с историей западной церкви в рассматриваемый период.

Последнее, к сожалению, объясняется не только недостаточной проработкой литературы вопроса, но и довольно специфическим отношением к материалу источников. Есть все основания полагать, что автор, скажем так, не совсем точен, предупреждая читателя во вводной части книги, что «...в данной монографии источниковый и особенно историографический материал значительно расширен» (с. 13; имеется в виду: по сравнению с его предыдущей книгой). Об «историографическом материале» уже говорилось выше. То же можно сказать и об источниках, главным образом по истории церкви. Прежде всего, исследование церковной истории Испании IV – начала VIII в. не может происходить без учета постановлений церковных соборов. Однако автору они незнакомы вообще – ни в устаревшем ныне издании Х. Вивеса[40], ни в новом критическом издании, подготовленном о. Г. Мартинесом-Диэсом[41].

Заподозрить Ю.Б. Циркина в незнании самого факта существования хотя бы первого из этих изданий невозможно хотя бы потому, что с ним работал уже А.Р. Корсунский. Видимо, от использования этого материала исследователь отказался вполне сознательно, ограничившись лишь ссылками на выдержки из соборных постановлений, опубликованные в приложении к изданию вестготских законов К. Цеймера[42]. Это, однако, отнюдь не мешает ему рассуждать о соответствующих сюжетах, свободно заимствуя информацию на сей счет из литературы (см., например, с. 247–250, 288 и др.).

В ряде случаев незнание (или поверхностное знание) оригинального текста приводит к откровенным ошибкам, порой почти анекдотичного плана. Так, например, ссылаясь на Григория Турского (Hist. III. 30), Ю.Б. Циркин не только употребляет понятие «готская болезнь» применительно к характеристике нестабильности королевской власти у вестготов, данной средневековым писателем, но и приводит его латинский эквивалент, «morbus Gothorum», который затем неоднократно повторяет и на других страницах своей книги (с. 219, 283, 384 и др.). Однако легко проверить, что ни в одной из рукописей «Истории франков» никакой morbus Gothorum не фигурирует[43]: Григорий говорит об «ужасном обычае» (detestabilem consuetudinem). Ни о какой «готской болезни» нет речи и в пере-

---

Альборноса (1943).

[36] Бартошек 1989.

[37] Оригинальное чешское издание появилось еще в 1981 г.

[38] В отечественной литературе соответствующий круг проблем был впервые намечен еще в начале XX в.; см. Болотов 2002.

[39] Достаточно сказать, что автор незнаком даже с главным обобщающим трудом по истории испанской церкви: García Villoslada R. 1979.

[40] Concilios visigóticos... 1963.

[41] Речь идет о последних трех томах публикации Испанской канонической коллекции («Hispana»), содержащих постановления испанских соборов (предыдущие тома содержат вступительное исследование о. Г. Мартинеса-Диэса и каноны восточных и африканских соборов). См. Martínez Díez, Rodríguez (eds.) 1984; 1992; 2002.

[42] Lex Visigothorum / Ed. K. Zeumer // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio I. 1. Hannoverae–Lipsiae, 1902. P. 472–486.

[43] *Greg. Turon.* Hist. III. 30: Sumpserant enim Gothi hanc detestabilem consuetudinem, ut, si quis eis de regibus non placuisset, gladio eum adpeterent, et qui libuisset animo, hunc sibi statuerent regem – «Ведь готы усвоили ужасный обычай, что если кто-либо из королей им не нравился, они предавали его мечу и ставили королем другого, кто им по душе» (пер. В.Д. Савуковой).

сказе Псевдо-Фредегара, употребляющего в соответствующем месте слово vicium («порок», или «грех»)[44].

В другом месте явная торопливость приводит автора к совершенно детской ошибке: существительное 2-го склонения мужского рода vir, «муж» он путает при переводе кодификации королевских законов с существительным 3-го склонения женского рода vis, «сила». Так появляется выражение «мужи фиска» при переводе vires fisci (с. 352). Отмечу, что выражение «vires fisci», употребляющееся всегда во множественном числе как собирательное для обозначения должностных лиц фиска[45], встречается не только в кодификации законов вестготских королей[46], но и в позднеримском законодательстве, в частности в конституциях Кодекса Феодосия[47].

Пример того же рода – непонятный институт «графов общин». Именно так интерпретируется comes civitatis (с. 175–179) исходя из неверной трактовки значения термина «civitas», содержание которого деформируется, для того чтобы он вместился в прокрустово ложе авторской концепции (см. также с. 333). На самом же деле речь идет о комитах городов – должностных лицах, наделенных административными, фискальными, а иногда и военными функциями и представлявших в городах сначала императоров (в Испании комиты фигурируют с начала V в.), а затем варварских королей как фактических преемников власти последних[48].

Закончу этот печальный ряд фактом, представляющимся весьма показательным (но, увы, не последним в своем роде...). Вопреки утверждению Ю.Б. Циркина на с. 345, испанское слово «pizarras» означает вовсе не какие-то абстрактные «доски», а сланцевые таблички – отдельную категорию эпиграфических источников указанного времени, о самом существовании которой автор исследования, кажется, даже не подозревает[49]. Такие таблички широко применялись в процессе обучения, и содержание большинства из них представляет собой просто ученические упражнения (записи букв, цифр, псалмов и др.), хотя известны и тексты иного содержания, в частности – правового[50].

Примеры подобных неточностей не единичны. В совокупности они заставляют читателя вновь и вновь перепроверять авторские выводы, не имея возможности ничего a priori принять на веру. Но, очевидно, неспециалисту, не знакомому с источниками и историографией проблемы, это не под силу, а специалисту просто не нужно. Поэтому приходится констатировать, что в рассмотренной области до настоящего времени книги А.Р. Корсунского в отечественной историографии, пусть и устаревшие в целом ряде аспектов, остаются непревзойденными по своему научному уровню. Видимо, решение этой проблемы – дело будущего.

И последнее. Вне зависимости от написанного мною в настоящей рецензии, сделанного Ю.Б. Циркиным за прошедшие десятилетия более чем достаточно для того, чтобы с полным основанием считать его одним из крупнейших в России знатоков ранних периодов испанской истории.

Литература

Арский И.В. 1935: Последнее десятилетие истории визиготского государства в средневековых испанских хрониках VI–XII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 5–6. М.-Л., 55–75.

Арский И.В. 1939: Сельская община в готской Испании // Ученые записки ЛГУ. Сер. историческая. Вып. 4, 191–215.

---

[44] *Fredegar.* III. 42: Gothi vero iam olim habent vicium, cum rex eis non placeat, ab ipsis interficetur.

[45] Дословный перевод на русский язык невозможен. В своих собственных переводах как «Вестготской правды» («Книги приговоров»), так и «Кодекса Феодосия» мы использовали словосочетание «должностные лица фиска». Об употреблении именно vis, а не vir для обозначения должностных лиц фиска в Liber Iudiciorum (далее – LI) см., например: Köbler 1981.

[46] См., например: LI. II. 1. 8 (Chind., Ervig.); LI. V. 7. 15 (Chind.); LI. IX. 1. 21 (Nov.) (Egica), etc.

[47] См. например: CTh. VIII. 2. 5 (a. 401); IX. 8. 1 (a. 326?); IX. 21. 2 (a. 321); XI. 30. 34 (a. 364), etc.

[48] См., например, об этом: Ecudero 2003, 241–242.

[49] Собрания сланцевых табличек имеются в фондах всех крупнейших археологических музеев Центральной Испании. В частности, я имею в виду Национальный археологический музей (Мадрид), провинциальные музеи Саламанки, Авилы, Вальядолида и др.

[50] О табличках правового содержания см. Pérez-Prendes Muñoz-Arraco 2005. Основные исследования и новейшие публикации текстов табличек принадлежат видному испанскому филологу-классику и лингвисту Исабель Веласкес-Сориано (см. выше, прим. 11).

Ауров О.В. 2007: Фрагменты эдикта короля Эвриха: исследование и перевод // Ius antiquum. Древнее право. № 1 (19), 244–263.

Ауров О.В. 2008a: Культура Вестготского королевства // Centaurus/Кентавр. Studia classica et mediaevalia. Вып. 4. М., 279–316.

Ауров О.В. 2008b: О римских истоках идеала короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. // Centaurus/Кентавр. Studia classica et mediaevalia. Вып. 4. М., 86–115.

Ауров О.В. 2010a: Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 31. СПб., 73–103.

Ауров О.В. 2010b: *«Gladio vindice Leuuigildi»*: Король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Всеобщая история. № 18(61)/10, 33–51.

Бартошек М. 1989: Римское право: понятия, термины, определения. М.

Болотов В.В. 2002. Лекции по истории Древней Церкви // *Болотов В.В.* Церковно-исторические труды. Т. 3–4. М.

Буданова В.П. 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.

Вольфрам Х. 2003: Готы. М.

Грацианский Н.П. 1960: О разделах земель у бургундов и вестготов // *Грацианский Н.П.* Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. Сб. ст. М., 306–329.

Кенигсбергер Г. 2001: Средневековая Европа, 400–1500 годы. М.

Корсунский А.Р. 1969: Готская Испания. (Очерки социально-экономической и политической истории). М.

Корсунский А.Р. 1982: Научные труды А.Р. Корсунского / Сост. О.И. Варьяш, А.Е. Москаленко // Средние века. Вып. 45. М., 403–406.

Корсунский А.Р. 1985: Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 178–215.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984: Упадок и гибель Западной Римской империи и образование германских королевств. М.

Кудрявцев А.Е. 1937: История Испании в Средние века. Л.

Мюссе Л. 2006: Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.

Пискорский В.К. 1902: История Испании и Португалии. СПб.

Рюкуа А. 2006: Средневековая Испания. М. (фр. изд. – P., 2002).

Циркин Ю.Б. 2000: Римская Испания. М.

Циркин Ю.Б. 2006: Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.

Aurov O. 2006: Artifex legum: Ideal del rey-legislador en la España Visigoda a mediados del siglo VII // E-Legal History. 6 (www.iustel.com).

Barbero de Aguilera A. 1970: El pensamiento político visigodo y las primeras unciones regias en Europa Medieval // Hispania. 30, 245–326.

Barbero de Aguilera A. 1992: La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid.

Bonnassie P., Guichard P., Gerbet M.-C. 2008: Las Españas Medievales / Trad. del francés. Barcelona (фр. изд. – P., 1985).

Carrasco et al. 2002: *Carrasco J., Salrach J.M., Valdeón J., Viguera M.J.* História de las Españas Medievales. Barcelona.

Castellanos S. 1998: Poder social, aristocracias y hombre santo en la Hispaña Visigoda. La «Vita Aemiliani» de Braulio de Zaragoza. La Rioja.

Cazier P. 1994: Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne Catholique. P.

Collins R. 1983: Early Medieval Spain: Unity in Diversity, 400–1000. L.

Collins R. 1989: The Arab Conquest of Spain, 710–797. Oxf.–Cambr. (Mass.).

Collins R. 1999: Early Medieval Europe, 300–1000. Houndmills–New York.

Collins R. 2004: Visigothic Spain, 409–711. Malden (MA)–Oxford– Carlton.

Collins R. 2005: La España visigoda, 409–711. Barcelona.

Concilios visigóticos... 1963: Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por J. Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona–Madrid.

D'Abadal R. 1960: Del reino de Tolosa al reino de Toledo. Madrid.

De la Antigüedad... 1993: De la Antigüedad al Medievo. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales. Avila.

Díaz y Díaz M.C. 1976: De Isidoro al siglo XI. Ocho estudios sobre la vida literaria peninsular. Barcelona.

Díaz y Díaz et al. 1999: Corpus de códices visigóticos // Ed. por M. Díaz y Díaz, A.M. Mundó, J.M. Ruiz Asencio, B. Casado Quintanilla y E. Lecuona Ribot. T. 1–2. Madrid–Gran Canaria.

D'Ors A. 1960: El Código de Eurico / Ed. por A. d'Ors. (Estudios visigothicos. II). Roma–Madrid.

Ecudero J.A. 2003: Curso de história del derecho. Fuentes y instituciones político-administrativas. Madrid.

Ferreiro A. 1988: The Visigoths in Gaul and Spain, A.D. 418–711: A Bibliography. Leiden.

Fontaine J. 2000: Isidore de Séville. Genèse et originalité de la culture hispanique au temps des Wisigoths. Turnhout.

García Gallo A. 1936–1941: Nacionalidad y territorialidad del derecho en la época visigoda // AHDE. 13, 168–214.

García Gallo A., Merêa P. 1942–1943: Sobre la territorialidad de la legislación visigoda // AHDE. 14, 552–609.

García López Y. 1996: Estudios criticos y literarios sobre la «Lex Wisigothorum». Alcalá de Henares.

Gibert R. 1968: História general del derecho español. Granada.

González Salinero R. 2000: Las conversiones forzozas de los judíos en el reino visigodo. Roma.

Guarino A. 1969: Storia del diritto romano. Napoli.

García Villoslada R. 1979: História de la Iglesia en España / Dir. por R. García Villoslada. T. I. La Iglesia en la España romana y visigoda (siglos I–VIII). Madrid.

Isla Frez A. 2002: La Alta Edad Media. Siglos VIII–XI. Madrid.

Kaplan et al. 1994: *Kaplan M., Picard C., Zimmermann M.* Le Moyen Âge, IV-e – X-e siècles / Sous la dir. de M. Kaplan. P.

King P.D. 1976: Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambr.

King P.D. 1980: King Chindasvind and the First Territorial Law-code of the Visigothic Kingdom // Visigothic Spain: New Approaches / E. James (ed.). Oxf., 131–157.

King P.D. 1988: The Barbarian Kingdoms // Medieval Political Thought, c. 350 – c. 1450. Cambr., 123–153.

Köbler G. 1981: Wörterverzeichnis zu den Leges Visigothorum. Giessen–Lahn.

Linehan P. 1993: History and the Historians of Medieval Spain. Oxf.

Martin C. 2003. La géographie du pouvoir dans l'Espagne visigothique. Lille.

Martínez Díez G., Rodríguez F. (eds.) 1984; 1992; 2002: La colección canónica Hispana. Vol. 4: Concilios galos. Concilios hispanos: primera parte; Vol. 5: Concilios hispanos: segunda parte; Vol. 6: Concilios hispanos: tercera parte. Madrid.

Merêa P. 1948: Estudos de direito visigótico. Coimbra.

Olson L. 2007: The Early Middle Ages. The Birth of Europe. Houndmills–New York.

Orlandis J. 1962: El poder real y la sucesión al trono en la monarquia visigoda. (Estudios visigóticos. III). Roma–Madrid.

Orlandis J. 1976: La iglesia en España visigótica y medieval. Pamplona.

Orlandis J. 1977: Época visigoda. Madrid.

Orlandis J. 1992: Semblanzas visigodas. Madrid, 1992.

Orlandis J. 2003: Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid.

Orlandis J., Ramos-Lissón D. 1986: História de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona.

Pérez Sánchez D. 1989: El ejercito en la sociedad visigoda. Salamanca.

Pérez-Prendes Muñoz-Arraco J.M. 2005: Resonancias jurídicas en las pizarras visigóticas // En la pizarra: los últimos hispanorromanos en la Meseta. Exposición. Burgos, 127–141.

Petit C. 1985–1986: De negotiis causarum (I–II) //AHDE. 55, 151–251; 56, 5–165.

Petit C. 1995: Iustitia et Iudicium en el Reino de Toledo. Un estudio de teología jurídica visigoda // La Giustizia nell'alto medioevo (secoli V–VIII). Spoleto, 843–932.

Reinhart W. 1945: Sobre la territorialidad de los códigos visigodos // AHDE. 16, 704–711.

Sánchez-Albornoz C. 1943: Ruina y extinción del municipio romano y las instituciones que le reemplazan. Buenos Aires.

Sánchez-Albornoz C. 1976: Pervivencia y crisis de la tradición jurídica romana en la España visigoda // *Sánchez-Albornoz C.* Viejos y nuevos estudios sobre las instituciones medievales españolas. T. 2. Madrid, 1011–1065.

Sanz Serrano R. 2009: História de los godos. Una epopeya histórica de Escandinavia a Toledo. Madrid.

Schultze A. 1943. Über westgotisch-spanisches Eherecht, mit einem Exkurs: «Zur Geschichte der westgotischen Rechtsquellen» // Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-hist. Klasse. Bd 95. Teil 4, 105–130.

Teillet S. 1984: Des Goths à la nation gothique. P.

Thompson E.A. 1948: A History of Attila and the Huns. Oxf.

Thompson E.A. 2007: Los godos en España. Madrid.
Velázquez Soriano I. 1989: Las prizarras visigóticas: edición crítica y estudio. Murcia.
Velázquez Soriano I. 2000: Documentos de época visigoda escritos en pizzarra (siglos VI–VIII). T. 1–2. (Monumenta palaeographica Medii Aevi. Series hispanica). Turnhout.
Velázquez Soriano I. 2003: *Latine dicitur, vulgo vocant.* Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla. Logroño, 2003.
Velázquez Soriano I. 2004: Las pizarras visigodas: entre el latín y su disgregación. La lengua hablada en Hispania, siglos VI–VIII. Madrid.
Velázquez Soriano I. 2005: Hagiografía y culto de los santos en la Hispania Visigoda: Aproximación a sus manifestaciones literárias. (Cuadernos emeritenses, 32). Merida.
Zeumer K. 1944: História de la legislación visigoda / Trad. del alemán por C. Claveria. Barcelona.

О.В. Ауров
кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ

© 2012 г.

In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010. Ed. by L. Vagalinski and S. Rodway. Sofia: NOUS Publishers Ltd., 2010. 131 p.

Несколько последних десятилетий отмечены устойчивым ростом интереса представителей разных научных дисциплин и национальных историографий к различным аспектам истории балканских кельтов[1]. В этом контексте выход в свет рецензируемого сборника выглядит закономерным и ожидаемым: до сих пор не существовало специальных объемных исследований о кельтском государстве на территории современной Болгарии с центром в Тиле (Тилисе), являвшемся в некоторой степени связующим звеном между кельтами Европы и Азии.

Данная книга представляет собой публикацию (надо отметить, довольно оперативную) материалов совместного болгарско-валлийского коллоквиума, проведенного 8 мая 2010 г. в Софии. Сборник включает в себя восемь статей и снабжен многочисленными и весьма информативными картами и иллюстрациями. Несмотря на то что тема сборника довольно узка, авторы ни в коей мере не дублируют друг друга, чему способствуют не только несовпадение многих пунктов их концептуальных позиций (это видно из оживленной полемики, отраженной в некоторых статьях), но и разнообразие используемых ими методик. Необходимо подчеркнуть, что заявленная в заглавии книги междисциплинарность отнюдь не является декларативным лозунгом, приобретшим в последнее время значительную (а порой и явно чрезмерную) популярность в исследовании древности (как, впрочем, и других исторических периодов). Авторы составляющих книгу статей действительно активно и продуктивно используют самые разнообразные методы анализа источников различных категорий: письменной традиции (иногда – с элементами филологической и текстологической критики), топонимических данных, нумизматических и археологических материалов. При этом, что вполне закономерно, приоритет остается за использованием именно последних: ведь как раз они и составляют основу источникового корпуса по истории кельтов во Фракии, тогда как сообщения письменной традиции по данной теме (в сравнении хотя бы с информацией античных авторов о малоазийских галатах), к сожалению, крайне немногочисленны. Примечательно и то, что сборник является плодом совместного труда западно- и восточноевропейских ученых: тем самым он соединяет в себе методику и достижения как «чистой» кельтологии, так и фракологии (в ее преимущественно археологической составляющей). Наконец, выход в свет данного сборника особо актуален в свете недавнего появления работ «нигили-

[1] См., например, две новые и весьма основательные коллективные монографии: Celts on the Margin 2005; Kelten-Einfälle... 2007, а также полезный библиографический справочник: Falileyev, Emilov, Theodossiev 2010.

стического» направления, практически полностью отвергающих достоверность сведений о событиях на Балканах в первые десятилетия III в.[2] (здесь и далее все даты – до нашей эры).

В свете последнего обстоятельства закономерно, что открывает книгу работа теоретического характера – статья Саймона Родвэя «Кельтское – дефиниции, проблемы и противоречия» (с. 9–32). Автор активно включается в крайне актуальную для современной кельтологии дискуссиию о природе (а то и самом наличии) кельтской цивилизации и культуры, этничности и «кельтскости» вообще. Следует отметить, что данная статья не связана напрямую с тематикой сборника, однако она задает своего рода концептуальные ориентиры, которых придерживаются и другие авторы рецензируемой книги – уже применительно к более частному предмету; в этом контексте работа С. Родвэя отнюдь не воспринимается как некий «чужеродный элемент».

Автор дает глубокий обзор концептуальных противоречий между «ортодоксальными» кельтологами и «кельтоскептиками». Последние, в частности, устами своего представителя Дж. Коллиса заявляют, что не существовало кросс-европейского кельтского народа; не было также широко распространившегося кельтского искусства, общества или религии. С. Родвэй выявляет не только собственно научные, но и исторические, этнические, политические, культурологические истоки существующих сегодня противоречий в подходах к изучению кельтской истории, культуры и языка. Он привлекает широчайший круг материала, связанного с идентификацией, осознанием и изучением «кельтского» в различных государствах и в разные исторические периоды. В рамках данной рецензии, посвященной в первую очередь рассмотрению проблем, связанных с кельтским царством во Фракии, нет необходимости подробно излагать основные положения работы валлийского ученого, но его итоговые выводы, несомненно, заслуживают внимания. Он подчеркивает: «Совершенно определенно, что кельты были настоящей этнической группой в древнем мире» (с. 24). Указывая на относительную применимость определения «латенская культура» к собственно кельтам, он, тем не менее, подчеркивает, что «устранение слова "кельт" из словаря археологии железного века... чревато потерей видения истинных лингвистических и культурных связей...» (с. 25), и, наконец, предостерегает исследователей от предвзятых подходов, присущих «кельтоскептикам».

Диляна Ботева в статье «Античные историки о кельтском царстве в Юго-Восточной Фракии» (с. 33–50), в сущности, не ограничивается предметом, заявленным в заголовке, но представляет гораздо более широкую картину кельтских кампаний на Балканах. После краткого очерка состояния письменных источников по этой проблеме она отмечает, что «...цель этого исследования – прояснить разницу между данными, доступными нам из трудов древних авторов, и выводами, которые могут быть сделаны на их основе, тем самым показывая некоторые дальнейшие возможности для понимания сведений источников и восстановления исторических событий» (с. 34). Такой подход можно было бы безоговорочно приветствовать, если бы не два обстоятельства. Во-первых, автор без каких-либо пояснений ограничивает круг рассматриваемых ею авторов только лишь Полибием, Ливием, Трогом/Юстином и Павсанием; остается совершенно неясным, почему она игнорирует сочинения Диодора, Мемнона, Полиена, Аппиана[3], а также и другие источники, содержащие немало ценной информации[4]. Во-вторых, что даже более важно: болгарской исследовательнице, к сожалению, остался неизвестным опубликованный почти десять лет назад фундаментальный труд безвременно ушедшего австрийского ученого Курта Томашица[5], в котором точно такая же работа уже была проделана, – причем, надо признать, с гораздо большей полнотой и основательностью. Так что на принципиальную новизну работа Д. Ботевой уже априорно претендовать не может, хотя, конечно, некоторые ее предположения и выводы заслуживают внимания.

Д. Ботева последовательно анализирует данные четырех избранных ею авторов о тех или иных кельтских походах по следующей схеме: год, начальный пункт, предводитель, численность войска, цель, достижения, число выживших, дальнейшее направление движения и достижения на этой фазе кампании, итог. Это вполне обоснованно, хотя, на мой взгляд, логичнее было бы расположить раз-

---

[2] Džino 2007; наиболее яркий пример: Campbell 2009.

[3] С этим автором, впрочем, все сложнее: его рассказ о кельтском нашествии на Балканы содержит большое количество явных несообразностей и нередко удостаивается весьма нелестной оценки современных исследователей (см., например: Tomaschitz 2002, 107, Anm. 429; 113, Anm. 457).

[4] К числу таковых следует отнести, например, «Пророчества сивилл», где сообщается о совместном набеге галатов и дарданов на Грецию (III. 509–510), – насколько мне известно, этот пассаж вообще выпал из поля зрения специалистов.

[5] Tomaschitz 2002. Не ссылается Д. Ботева почему-то и на монографию К. Штробеля (Strobel 1996), которая на сегодняшний день является одним из наиболее солидных трудов по восточнокельтской проблематике. Вообще, следует отметить, что оба эти исследования из всех авторов книги использует только Ю. Эмилов.

бираемые ею фрагменты не по «персональному» списку, а в большем соответствии с хронологией событий (как это и сделано в труде К. Томашица).

Анализируя сообщения из IV книги Полибия, Д. Ботева – исходя из не вполне точного перевода У. Пейтона[6] – полагает, что галаты Комонтория, ставшего вскоре первым царем Тилийского царства, подошли к Геллеспонту в 278 г., но при этом считает единственно возможным вариант, при котором его отряды приняли непосредственное участие в походе Бренна на Грецию (хотя и не высказывается определенно о том, на какой именно стадии похода они «откололись» от войска Бренна, рассматривая три возможных варианта, – с. 35). Однако, как отмечает автор статьи, греческая кампания галатов завершилась полной неудачей и привела к тяжелым потерям; это делает маловероятным наличие у Комонтория значительных сил, – достаточных для того, чтобы подчинить фракийцев и основать собственное царство. Так что Д. Ботева, похоже, напрасно не уделяет внимания цитируемой ею (с. 35, прим. 12) фразе Ф.У. Уолбанка: «Люди Комонтория никогда не были в своем большинстве частью сил Бренна»[7] – именно такой вариант выглядит наиболее вероятным. Трактовка рассказа Полибия о дипломатическом вмешательстве галатского царя Кавара в ход войны между византийцами и Прусием I Вифинским (220 г.) не вызывает особых возражений: очевидно, в тот момент государство галатов было действительно еще довольно сильным и авторитетным.

Обращаясь затем к информации Ливия (XXXVIII. 16) о походе во Фракию галатов под руководством Л(е)о(н)нория и Лутария, позднее переправившихся в Азию, Д. Ботева исходит из крайне маловероятного, на мой взгляд, допущения о его очень раннем начале – в 279 или даже уже в 280 году, когда еще был жив и правил в Македонии Птолемей Керавн (с. 38, 47). Однако в это время Бренн, от войска которого, согласно Ливию, откололись в Дардании контингенты Лутария и Лонория, никак не мог быть руководителем общегалатского воинства. Поэтому сложно разделить вытекающую из названной датировки уверенность исследовательницы в том, что появление Лонория и Лутария у проливов предшествовало как разгрому Бренна у Дельф[8], так и прибытию войска Комонтория под стены Византия[9].

Рассмотрение сообщений Трога/Юстина Д. Ботева начинает с пассажей XXIV. 4. 5–6; 6. 1, которые, на ее взгляд, «...создают впечатление, что Бренн "(уже) совершил вторжение в Грецию" и только после этого "услышал об успехе своих соплеменников"» (с. 40). Далее эту мысль она, к сожалению, не развивает, хотя детальный анализ указанных пассажей в сопоставлении с другими данными, по моему мнению, может кардинально изменить наши представления о стратегической картине галатских походов (работа, посвященная этому сюжету, в настоящее время подготавливается мною к печати). Однако невозможно не согласиться с мнением исследовательницы о том, что Трог/Юстин явно преувеличивает, говоря о полном истреблении галатов после неудачи при Дельфах[10]. Заслуживает внимания попытка Д. Ботевой опровергнуть устоявшееся в историографии мнение о Лисимахии как о месте победе Антигона Гоната над галатами (с. 41–42), хотя здесь, но мой взгляд, требуется дополнительная аргументация. В то же время, предположение о переправе в Азию тех кельтов, кто уцелел после этого поражения, явно недостаточно обосновано: текст Трога/Юстина (XXV. 2. 7–8) не дает никаких оснований для такого заключения, так как в нем явно идет речь об общей панораме событий, да и достаточно подробный рассказ Полибия и Ливия не отводит места для подобного факта[11].

И, наконец, Павсаний. Рассматривая данные периэгета о «тройном походе» на Балканы, Д. Ботева присоединяется к мнению тех болгарских специалистов, кто указывает лишь на *намерение* Керефрия

---

[6] «These Gauls quitted their homes together with Brennus and his Gauls, and *after* (здесь и далее в тексте курсив наш. – *О.Г.*) escaping from the disaster at Delphi reached the Hellespont, where instead of crossing to Asia, they remained on the spot, as they took a fancy to the country near Byzantium» (Histories of Polybius 1992, 413). Однако в тексте Полибия слово «после» отсутствует.

[7] Walbank 1957, 449.

[8] Ср. Тачева 1997, 33; Theodossiev 2000, 81.

[9] Сообщения источников не противоречат тому, что Комонторий мог быть одним из «офицеров» Лонория и Лутария; см. об этом подробнее: Gabelko 2006, 225–226. Подобное мнение высказывал много ранее М. Домарадски (1984, 80–81), но Д. Ботева его никак не комментирует (см. с. 42, прим. 50).

[10] Правда, Д. Ботева не принимает во внимание тот факт, что поражение галатов Бренна не ограничивалось только лишь Дельфами: они были разгромлены также на обратном пути через Дарданию (*Diod.* XXII. 9. 3).

[11] Тем более сложно представить, как разбитые и дезорганизованные кельты смогли бы перейти в Азию, если их разгром Антигоном, согласно мнению Д. Ботевой, произошел в Западной Фракии. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что не вполне понятно, как кельты, согласно Юстину (XXV. 1. 3), могли угрожать Македонии, находясь у Лисимахии на берегу Пропонтиды.

вторгнуться во Фракию, но не на его осуществление, и вновь возвращается к своей мысли о том, что первый поход в этом направлении был осуществлен только Лонорием и Лутарием (с. 44). Исследовательницу приводит в затруднение фраза Павсания: οἱ δὲ αὖθις δὲ ἐς τὴν Ασίαν διαβαίνουσιν οἱ Κελτοί (X. 23. 14), которую она понимает так: «Кельты переправились *снова* в Азию» (с. 46)[12]. В такой трактовке, данный пассаж действительно трудно истолковать, однако если принять во внимание, что οἱ αὖθις – это субстантивированное наречие, то фраза принимает вполне однозначный смысл: в Азию переправились *остатки* кельтов, совершивших нашествие на Элладу[13].

Итоговая картина событий, согласно Д. Ботевой (с. 46–48), была примерно следующей. Кельтская активность во Фракии прошла четырьмя «волнами»: *1)* поход Камбавла, о котором упоминает Павсаний (его датировка остается неясной); *2)* кампания Лонория и Лутария – 280 или 279 г.; *3)* действия Комонтория (278 г.), приведшие к образованию Тилийского царства; *4)* переход через Фракию тех кельтов, кто уцелел после разгрома Антигоном Гонатом на их пути в Азию. Многие спорные места в этой реконструкции уже были указаны. Таким образом, следует признать, что концепция болгарской исследовательницы содержит некоторые интересные моменты, но не свободна и от ряда серьезных противоречий. Она оставляет немало возможностей для новых предположений.

В большинстве последующих статей основной акцент делается на археологических и нумизматических материалах. Камен Димитров начинает свою работу «Кельты, греки и фракийцы во Фракии в III в. до н.э. Взаимодействия в истории и культуре» (с. 51–66) с обзора существующих в историографии мнений относительно характера, глубины и продолжительности кельтского влияния во Фракии. Приводимый им очерк событий, связанных с кельтским вторжением на Балканы, разгромом галатов у Лисимахии Антигоном Гонатом и пропагандистскими «отголосками» этой победы, выраженными в нумизматических материалах (с. 52–53), не отличается особой оригинальностью и содержит некоторые неточности и спорные места[14]. Указывая далее, что и гетское царство, и государственные объединения, возглавляемые фракийскими династами и поддерживавшие отношения с Месамбрией и Аполлонией Понтийской, не были уничтожены кельтами, исследователь с относительной уверенностью говорит о гибели именно от их рук Пистироса, а что касается разрушения Севтополя – не высказывает определенного мнения: оно могло быть связано как с кельтами в 270-х годах, так и с кампанией Антиоха II во Фракии в середине III в.

Затем К. Димитров дает обзор монет, чеканившихся в Кабиле и связываемых с Каваром, а также письменных источников о взаимоотношениях кельтов и византийцев и надписей из западнопонтийских полисов, упоминающих о каких-то военных конфликтах. Все эти материалы, по его мнению, едва ли могут определенно свидетельствовать о жестком давлении, оказываемом кельтами на греческие города. Рассуждая после этого о локализации Тилийского царства, его границах и пределах влияния (с. 58–63), автор детально анализирует существующие в историографии точки зрения по этим вопросам. Он однозначно придерживается мнения о том, что центр кельтского государства находился не так далеко от Византия, а само оно было небольшим по размерам. Более того, монетная политика Кавара, по мнению ученого, свидетельствует о том, что он стремился проводить экономическую и идеологическую политику, типичную для большинства эллинистических правителей того времени (с. 62–63). Акцент на восприятии кельтами во Фракии эллинской культуры и религии не является абсолютно новым в историографии, чему К. Димитровым приведены конкретные примеры (с. 62), однако новые аргументы исследователя, несомненно, заслуживают внимания. Нельзя не отметить также, что в данной статье присутствует последовательная полемика с мнением М. Манова (см. далее).

Юлий Эмилов цель своего исследования «Античные тексты о галатской царской резиденции в Тилисе и контекст латенских находок во Фракии: переоценка» (с. 67–88) обозначил следующим образом: «критический пересмотр всех известных упоминаний названия местности Тилис писателями эллинистического, римского и позднеантичного периодов, которые фактически создают основу для

---

[12] К счастью, болгарская исследовательница не следует примеру Д.Р.Дж. Кэмпбелла, который на основе собственного превратного понимания этой фразы – «Кельты переправились *обратно* в Азию» (Celts crossed *back again* in Asia) – предлагает совершенно фантастические гипотезы о проживании части кельтов в Анатолии *до* описываемых событий (Campbell 2009, 273).

[13] Я искренне благодарю И.Е. Сурикова, оказавшего мне помощь в трактовке этой фразы.

[14] Автор с уверенностью говорит о том, что 9 тысяч кельтов под руководством Кидерия из числа разгромленных под Лисимахией были наняты на службу Антигоном Гонатом, ссылаясь при этом на Полибия и Диодора. Между тем, об этих событиях сообщает только Полиен (IV. 6. 17), а вероятность того, что эти кельты были «недобитками» из-под Лисимахии, выглядит небольшой, поскольку они выдвигали очень высокие требования, не соответствующие статусу только что побежденных, да и численность и боеспособность их были слишком велики для уцелевших после разгрома.

большинства современных предположений относительно локализации этой "резиденции"». Свой анализ он начинает с анализа «наследия Полибия», справедливо подчеркивая двусмысленность фразы о том, что галаты Комонтория «избежали гибели в Дельфах», хотя затем, как и Д. Ботева, склоняется к мнению о более позднем их появлении в окрестностях Византия, чем переход Леоннория и Лутария в Азию. Последующее изучение ряда ключевых пассажей IV книги «Всеобщей истории» приводит исследователя к заключению, что Полибий подразумевал под Тилисом именно царскую резиденцию (βασίλειον), расположенную относительно недалеко от Византия (с. 70).

Особое внимание привлекает следующий раздел работы Ю. Эмилова: «Тилены – потерянные и обнаруженные в переводе». Сопоставляя содержание параграфов 1–3 XXV книги «Эпитомы» Юстина с соответствующими им местами «Прологов» к труду Помпея Трога, автор совершенно обоснованно подчеркивает, что пассаж «Quas regiones Tyleni occuparunt» (Trog. Prol. 25) не находит никакого соответствия у Юстина, а это противоречит общему принципу соотношения между основным текстом и его сокращенным вариантом. Кроме того, Tyleni «Прологов» – результат исправления присутствующего в рукописях малопонятного felini; на это уже обращалось внимание ранее[15], но Ю. Эмилов идет дальше и предлагает трактовать felini как характеристику разбойников и грабителей, прилагаемую к Леоннорию и Лутарию, чьи имена в античной традиции, возможно, отождествлялись с хищниками[16]. Таким образом, принимаемый современными исследователями пассаж – «какие территории захватили тилены» – не имеет никакого реального исторического содержания. Данный ответственный вывод необходимо принимать во внимание в последующих исследованиях[17]. Столь же обоснованными выглядят сомнения автора относительно надежности свидетельства Стефана Византийского: «Тилис. Полис Фракии поблизости от Гема, склоняется – Тилиса. Этникон – тилиец, как "мемфиец"» (s.v. Τύλις). Он указывает на многочисленные искажения текста первоисточников как самим византийским автором, так и его эпитоматором, на неоднозначность употребления Стефаном термина «полис» и несовпадение его в данном случае с определением Тилиса как царской резиденции, данным Полибием, на отсутствие какого бы то ни было упоминания кельтов в связи с этим полисом и на крайнюю ненадежность географической привязки, выраженной словами «поблизости от Гема». Нельзя не отметить, что эту часть работы Ю. Эмилова отличает весьма тщательный анализ как историографии проблемы, так и текстов древних авторов.

Далее автор рассматривает три небольших археологических сюжета. Прежде всего, он показывает (с. 74–75), что при сегодняшнем состоянии изученности материальных свидетельств, вопреки мнению ряда исследователей, пока нет оснований говорить о существовании во Фракии латенской археологической культуры в полном смысле этого слова. Исходя из этого он предлагает собственную интерпретацию латенских материалов, происходящих из раскопок Севтополя и Филиппополя. Анализируя находки латенских фибул из Севтополя, он указывает на относительность их датировок, предлагавшихся прежними исследователями, что вряд ли позволяет предполагать разрушение одрисской столицы галатами в 270-х годах (с. 75–78). Столь же ненадежными он считает основания для постулирования тезиса о присутствии кельтов (захватчиков или наемников?) в округе совр. Казанлыка на основании находок здесь предметов кельтского вооружения. Наконец, суммируя данные о латенских вещах и деталях погребального обряда, выявленных в «захоронении воина из Филиппополя», исследователь также сомневается в возможности сколько-нибудь определенных заключений об этнической принадлежности погребенного и каких-либо ответственных исторических реконструкций на этой основе. Итоговый вывод автора таков: «Поиск стабильного политического единства фракийских галатов и кельтских анклавов в регионе на базе археологических находок, а не археологических кон-

---

[15] Tomashitz 2002, 140.

[16] Впервые эта идея была высказана Х.В. Парком: Parke, 1982; ср. Gabelko 2006, 216, 218; Габелко, Селиванова 2006, 123, 126. Интересное предположение Ю. Эмилова, однако, оставляет неясным, как соотнести возможные «волчьи» аллюзии на имя Лутария с определением felini; видимо, здесь можно говорить лишь об общем семантическом поле, но не о точном соответствии.

[17] Аргументация исследователя может быть дополнена: в пользу его предположения говорит то, что, как он сам доказывает, Тилис представлял собой царскую резиденцию, возможно, заново основанную Комонторием. Следовательно, слово Tyleni могло бы обозначать только ее жителей, но никак не всех галатов Комонтория в целом; в таком случае определение «тилийские галаты», нередко используемое в современной историографии (в том числе и авторами рецензируемого сборника) становится столь же бессмысленным, как, скажем, выражение «пеллейские македоняне» применительно к характеристике македонян в целом. Быть может, царство Комонтория и Кавара следует именовать «государством эгосагов» – переход этого кельтского племени в Азию в 218 г. (*Polyb.* V. 77. 2; 78. 6) небезосновательно связывается с кризисом царства Кавара (Домарадски 1984, 81, 87; ср. Tomaschitz 2002, 141, 177, Anm. 728).

текстов – это задача, подобная созданию новых исторических гипотез на скудных, противоречивых или обманчивых упоминаниях в письменных источниках» (с. 82). Несмотря на ярко выраженный скептический настрой исследователя, с его суждениями трудно не согласиться.

Статья Методи Манова названа «В поисках Тиле (Тилиса). Проблемы локализации» (с. 89–96). Автор считает, что существенно обновить наши представления в этом вопросе могут в первую очередь нумизматические материалы, обнаруженные в последние десятилетия. По его мнению, уверенность большинства современных исследователей в том, что политический центр фракийских галатов находился неподалеку от Византия, основанная на сообщении Полибия (IV. 46. 1–3)[18], является чрезмерной. Настаивает автор и на надежности сведений Полибия, Стефана Византийского («отлично информированного лексикографа», по его мнению, – ср. с только что приведенным мнением Ю. Эмилова) и Прокопия (De aed. IV. 11) относительно топонимов Τύλη, Τύλις, Τουλεοῦς (они, по его мнению, говорят об одном и том же населенном пункте). М. Манов указывает затем на широкое распространение кельтских монет и латенских находок в Центральной Фракии, в районе Севтополя и Кабиле, и предполагает, что кельты Комонтория[19], достигнув Севтополя, сместили правящую здесь фракийскую династию и, возможно, переименовали этот город в Тилис (с. 91) – идея нетривиальная, но явно слишком смелая (ср. с оценкой ее К. Димитровым – с. 54, 60). Затем, обобщая результаты своих предыдущих работ, исследователь предлагает следующую реконструкцию событий, происходивших во Фракии и кельтских владениях в середине III в. Главной причиной похода Антиоха II во Фракию[20] он считает возрастание агрессивности кельтского царства Кавара[21] (не упоминая, впрочем, что «по пути» в Центральную Фракию сирийский царь вел боевые действия против Византия – Memn. FGrHist. 434 F 15, а также фракийцев Кипселы – Polyaen. IV. 16; между тем, это практически наверняка были противники кельтов). В ходе боевых действий его стратег (?)[22] Адей захватил и разрушил Севтополь-Тилис, где он позднее чеканил собственную монету, а сам царь вытеснил Кавара из другого центра, Кабиле, в совр. Арковну, условно называемую М. Мановым «Тиле II». После же ухода селевкидских войск из Фракии и смерти Адея Кавар восстановил свое влияние в регионе, о чем свидетельствует продолжение его чекана (с. 91–95). Очевидно, в построениях М. Манова слишком много не только гипотетических, но и попросту недоказуемых предположений.

Лачезар Лазаров начинает свою статью «Тилитское государство кельтов во время Кавара» (с. 97–114) с изложения своей прежней точки зрения о существовании в правление Кавара и до него значительного кельтского государства в регионе Варны, Шумена, Бургаса и Сливена, распространившего свое влияние в глубь хинтерланда до совр. Арковны (автор предполагает, что ее древнее – кельтское? – название было Аркунис или Аркуния), поддерживающего определенный контроль над Одессосом, Месамбрией и Византием и взимающего с них дань. Эта концепция, по его мнению, получила в последующие годы новые подтверждения – как нумизматические, так и археологические. Он начинает с довольно подробного аналитического обзора монетного чекана Кавара (с. 97–105). Считая, что бронзовые монеты этого царя использовались исключительно в обращении внутри его государства, Л. Лазаров приводит обстоятельные данные об их распространении (с. 99, карта 2), которые, с его точки зрения, могут в определенной степени очертить границы царства. При этом он рассматривает различные варианты того, где именно мог находиться центр их чеканки – в Арковне (которую он считает наиболее вероятным «кандидатом» на роль политического центра галатов – ср. с. 102, 103), Кабиле или укрепленном центре около населенного пункта Ценино (с. 100–101, карты 3–5). Против локализации кельтского царства в Юго-Восточной Фракии, на взгляд автора, свидетельствует полное отсутствие здесь, наряду с монетами Кавара, латенских находок, резко контрастирующее с сотнями таковых из более северных районов современной Болгарии – округи Казанлыка и территорий по течению р. Камчия. Исходя из возможной локализации одного (главного?) политического центра кельтов в Арковне Л. Лазаров предпринимает попытку атрибутировать именно его чекану три типа

---

[18] Однако в трактовке этого сообщения автор допускает очевидную натяжку, указывая, будто бы Полибий говорит о том, что кельты Комонтория направились во Фракию *после разгрома при Лисимахии* (?!) (с. 89). Греческий историк, естественно, этого сражения вообще не упоминает и даже не подразумевает.

[19] Напомним – после жестокого поражения при Лисимахии!

[20] К сожалению, М. Манов (как, впрочем, и К. Димитров, также упоминающий эти события, – с. 61) не использует обстоятельную работу А. Аврама (Avram 2003), являющуюся, насколько мне известно, последним словом в исследовании данного сюжета.

[21] Трудно разделить уверенность автора в том, что этот царь уже правил в 250-х годах. Первое упоминание его относится к 220 году (*Polyb.* IV. 52. 1–2).

[22] Адей был фракийским династом, правившим где-то в районе Кипселы и вступившим в союз с Антиохом (Avram 2003, 1202, n. 55).

монет Кавара (с. 104). Проведенному исследователем нумизматическому анализу невозможно отказать в глубине и основательности.

Затем автор приводит пространные и снабженные иллюстрациями данные об археологических находках III в. из долины Камчии, главным образом из раскопок Арковны (с. 105–109). Это многочисленные латенские фибулы, кольца, браслеты, предметы вооружения, керамика. Концентрация их в данном регионе тоже, по мысли автора, свидетельствует против локализации Тилиса в Юго-Восточной Фракии, поблизости от Византия, которую Л. Лазаров считает явно предвзятой идеей – равно как и мнение о тяжелых политических и экономических последствиях утверждения кельтов во Фракии (разумеется, за вычетом непосредственно периода военных действий, что проявилось, к примеру, в разрушении Пистироса), против чего свидетельствует хотя бы факт процветания греческих полисов Западного Понта, находившихся под влиянием Кавара. С этим взглядом во многом можно согласиться, хотя мнение автора, будто «...кельтское царство в Восточной Фракии вскоре приобрело синкретический фрако-кельтский облик, который находился под сильным влиянием эллинистической культуры возле греческих полисов» (с. 110) все же воспринимается как некоторое преувеличение. В заключение Л. Лазаров еще раз очерчивает предполагаемые границы царства – вокруг Далгопола, Провадии, Смядово, Каспичана, Шумена, Айтоса, Карнобата, Сливена, частично – Ямбола; на западе оно достигало районов Велико Тырново и Казанлыка. На юге его владения простирались далее Кабиле и Аполлонии, при этом оно располагало своеобразным «коридором» к востоку от р. Тунджа, обеспечивающим доступ к Византию для получения дани. На севере же владения кельтов простирались в некоторых местах вплоть до Дуная. Историко-географической реконструкции, созданной Л. Лазаровым, нельзя отказать в продуманности и обстоятельности.

В небольшой статье Тотко Стоянова «Гробница Маль-Тепе в Мезеке и проблема кельтского царства в Юго-Восточной Фракии» (с. 115–120) основное внимание сконцентрировано на анализе известного памятника, который, главным образом из-за наличия в погребении фрагментов колесницы, традиционно и почти единодушно определяется как захоронение кельтского вождя или даже правителя Тилиса. Автор приводит аргументы в пользу того, что данный факт не следует считать достоверно доказанным по целому ряду причин. Во-первых, это отсутствие в погребении находок, надежно интерпретируемых как латенские: в частности, было показано, что металлические предметы, считавшиеся ранее частями декора колесницы, могут быть определены как украшения конской упряжи, типичной для фракийской традиции, а золотые бусы, чье кельтское происхождение предполагали некоторые исследователи, также находят надежные фракийские параллели. Во-вторых, бронзовую скульптуру вепря, являющуюся фрагментом скульптурной группы, изображающей охоту и опять-таки чаще всего относимой к кельтскому искусству, он поместил в круг памятников раннеэллинистического времени (ближайшая аналогия – погребение в Александрово, в 30 км к северо-западу от Мезека). Все это, с точки зрения исследователя, подтверждает мнение, – высказанное им ранее, – о том, что погребение в Мезеке представляет собой героон, сооруженный в честь стратега или эпистата Антигона Гоната во Фракии Адея[23]; соответственно, колесница из погребения может представлять собой трофей, захваченный в битве при Лисимахии. Соглашаясь с необходимостью более тщательного подбора аналогий материалам из Маль-Тепе, осуществленного Т. Стояновым, необходимо высказать определенные сомнения в конкретно-исторической трактовке им погребения. Оснований для нее пока что, как кажется, не хватает: нам ничего не известно ни об участии Адея в этом сражении, ни о наличии колесниц у кельтов под Лисимахией, да и находится последняя от Маль-Тепе довольно далеко. Учитывая преобладание в гробнице собственно фракийских материалов, кажется более обоснованным вернуться к более осторожной точке зрения М. Домарадского: в Маль-Тепе мог быть похоронен фракийский правитель, а колесница представляла собой военный трофей или почетный дар, – возможно, от какого-то кельтского вождя[24].

Завершает сборник статья Александра Фалилеева «Древние топонимы Восточных Балкан: к определению кельтских ареалов» (с. 121–129). Санкт-петербургский лингвист-кельтолог, ныне работающий в Уэльсе, давно и плодотворно занимается данной проблематикой[25], причем его исследования отличает взвешенный и осторожный подход к определению «удельного веса» кельтского элемента без стремления его чрезмерно преувеличить. Характеризуя Восточные Балканы как регион с особо сложной и многосоставной топонимией, исследователь приводит несколько конкретных примеров того, как те или иные топонимы могут быть трактованы исходя из различных представлений об их этнической принадлежности (с. 122). Далее автор подчеркивает, что на Восточных Балканах, в отличие от многих других регионов, топонимы (предположительно) кельтского происхождения, несмотря на

[23] Stoyanov 2005.

[24] Домарадски 1984, 126.

[25] См. его недавнюю монографию: Falileyev 2007.

отсутствие точной локализации многих из них, в целом образуют территориальные группы, иногда коррелирующие с этническими названиями. Это обстоятельство, будучи дополнено археологическими материалами (прежде всего наличием поселений и, в меньшей степени, латенских артефактов), позволяет в перспективе надеяться на решение задачи по локализации кельтского государства во Фракии и его столицы.

А. Фалилеев затем переходит к анализу конкретных топонимов, для которых в историографии нередко постулируется кельтское происхождение (с. 123–127). Не вдаваясь в детали проведенного им исследования, необходимо отметить, что оно строится на широком привлечении разнообразных аналогий и солидной историографической базе; при этом автор оправданно избегает категоричных выводов. Итог таков: топонимы Арковна и Карпудемум вряд ли связаны с кельтами (ср. с мнением Л. Лазарова), тогда как названия Казибона, Голóе, Оркелис, Валла, скорее всего, имеют именно кельтские корни. Что же касается топонимов Римезика и самого имени кельтской столицы, Тилис, то вопрос об их происхождении пока следует оставить открытым. Несмотря на отсутствие окончательных выводов, автор заключает, что полученные данные позволяют предполагать расположение кельтского царства, в соответствии с информацией Полибия, в Юго-Восточной Фракии; в то же время нельзя исключать существования каких-то кельтских анклавов в других частях Фракии (с. 127–128). Это заключение, вне всякого сомнения, следует учитывать всем будущим исследователям темы.

Итак, следует резюмировать, что авторам сборника не удалось прийти к полному единству мнений по целому ряду принципиально важных вопросов – о самой локализации кельтского государства во Фракии, о надежности интерпретации тех или иных материалов как кельтских, о достоверности античной письменной традиции и лингвистических свидетельств относительно кельтов на Балканах и т.д. Это, однако, со всей очевидностью – именно тот случай, когда отрицательный результат тоже важен и полезен. Отчетливо определившаяся в большинстве работ сборника тенденция более взвешенно и критически подходить к масштабам и значению кельтского присутствия во Фракии ни в коей мере не может быть расценена как проявление «кельтоскептических» настроений, а напротив, является результатом углубленного анализа всего комплекса доступных источников и поэтому, как представляется, даст новые важные импульсы разработке кельтско-фракийской проблематики. В частности, может быть предложена гипотеза относительно причин несовпадения данных Полибия о локализации Тилиса неподалеку от Византия и массовой концентрации латенских материалов в районе, обозначенном как место нахождения царства Кавара Л. Лазаровым. Представляется далеко не случайным, что само существование Тилиса по данным античных источников выглядит довольно эфемерным: можно предположить, что он, будучи царской резиденцией, возможно, одного лишь Комонтория, совершавшего грабительские набеги и взимавшего дань с Византия, существовал недолго и поэтому не успел оставить никаких значимых материальных следов. Затем в какой-то момент (в результате похода Антиоха II во Фракию?) рыхлое квазигосударственное объединение кельтов перемещается на север, где, налаживая более конструктивные связи с греческими городами, достигает кратковременного экономического и политического расцвета при Каваре. Но как называлась столица фракийских кельтов в этом регионе, в таком случае остается неизвестным; введение вслед за М. Мановым термина «Тиле II» не представляется удачным.

К числу недостатков сборника следует отнести некоторый разнобой в статьях в оформлении ссылок на античные источники и библиографию, а если выйти за пределы анализа его содержания и обратиться к форме, – также и тот обидный факт, что при в целом неплохом полиграфическом уровне книга буквально распадается в руках после того, как ее несколько раз пролистаешь. Все вышесказанное, однако, дает основание заключить, что рецензируемый сборник, несмотря на отдельные спорные места и недостатки и неодинаковый уровень включенных в него статей, в целом представляет собой существенный вклад в изучение целого ряда чрезвычайно актуальных и интересных вопросов истории и археологии восточных кельтов, рассматриваемых в контексте политической истории эллинистического мира III века.

Литература

Габелко О.Л., Селиванова Л.Л. 2006: «Оракул Фаэннис» (Zosim. II. 36–37) и переход галатов в Азию // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). М., 110–148.

Домарадски М. 1984: Келтите на Балканския полуостров IV–I в. пр. н.е. София.

Тачева М. 1997: История на българските земи в древността през елинистическата и римската епоха. Второ дополнено издание. София.

Avram A. 2003: Antiochos II Théos, Ptolémée II Philadelphe et la mer Noire // Comptes-rendus des séances de l'année. Académie des inscriptions et belles-lettres. 3, 1181–1213.

Kelten-Einfälle... 2007: Kelten-Einfälle an der Donau. Akten des IV Symposiums deutschsprahiger Keltologinnen und Keltologen. Linz–Donau, 17.–21. Juli 2005 / H. Birkhan, H. Taubler (Hrsg.). Wien.

Campbell D.R.J. 2009. The So-Called Galatae, Celts and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the Attack on Delphi in 280–279 BC. Diss. Leicester.

Celts on the Margin 2005: Celts on the Margin. Studies in European Cultural Interaction 7th Century BC – 1st Century AD, Dedicated to Zenon Woznák / H. Dobrzańska, V. Megaw, P. Poleska (eds.). Kraków.

Džino D. 2007: The Celts in Illyricum – Whoever they May Be: the Hybridization and Construction of Identities in South-Eastern Europe in the Forth and Third Centuries BC // Opuscula archaeologica. 31, 49–68.

Falileyev 2007: Celtic Dacia. Personal Names, Place-Names and Ethnic Names of Celtic Origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwith.

Falileyev A., Emilov J., Theodossiev N. 2010: Celtic Bulgaria. Sofia.

Gabelko O.L. 2006: «Phaennis' Oracle» (Zosim. II. 36–37) and the Galatians' Passage to Asia Minor // «Troianer sind wir gewesen» – Migrationen in der antiken Welt / E. Olshausen, H. Sonnabend (Hrsg.) Stuttgart, 211–228.

Histories of Polybius 1992: The Histories of Polybius / Transl. by W.R. Paton. Vol. 2. Cambr. (Mass.) – L.

Parke H.W. 1982: The Attribution of the Oracles in Zosimus, *New History* 2. 37 // CQ. 32, 441–444.

Stoyanov T. 2005: The Mal-tepe Complex at Mezek. The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of M. Domaradzki. Oxf., 123–128.

Strobel K. 1996: Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien. I. B.

Theodossiev N. 2000: North-Western Thrace from the Fifth to the First Centuries BC. Oxf.

Tomaschitz K. 2002: Die Wanderungen der Kelten in der antiken literarischen Überlieferung. Wien.

Walbank F.W. 1957: A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxf.

О.Л. Габелко,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
Казанского (Приволжского) федерального университета

© 2012 г.

A.M. ECKSTEIN. Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. XI, 439 p.

Римский империализм и, в частности, римская экспансия в Восточном Средиземноморье в последней трети III – первой трети II в. до н.э. всегда привлекали внимание наиболее значительных историков античности и подверглись всестороннему изучению в науке XIX–XX веков[1].

Теодор Моммзен стоит у истоков теории так называемого «оборонительного империализма». Долгое время эта теория господствовала в историографии. По мнению немецкого историка, Рим в это время «вовсе не стремился к владычеству над государствами Средиземного моря и желал только одного – иметь в Африке и Греции безопасных соседей»[2].

[1] Упомянем лишь наиболее влиятельные из многочисленных работ на эту тему: Mommsen 1854–1856; Frank 1914; De Sanctis 1907–1923; Holleaux 1935; Badian 1968; Harris 1979. В отечественной историографии теме римского империализма были специально посвящены следующие монографии: Ростовцев 1918; Кащеев 1993.

[2] Mommsen 1854 (цит. по рус. изд.: Моммзен 1994, I, 547).

Накануне Первой мировой войны эта точка зрения была поддержана видным американским антиковедом Т. Франком, который одним из первых провел столь популярную в наши дни параллель между Римом и современными ему США. Т. Франк писал о «мягком империализме» и скорее оборонительной, чем наступательной тактике римской экспансии[3].

Ситуация начала существенно меняться лишь после Второй мировой войны, главным образом, с выходом в свет книги Э. Бэдиана, который, признавая отсутствие территориальных претензий римлян на греческом Востоке, тем не менее писал о так называемом «гегемонистском империализме» Рима в отношении государств Восточного Средиземноморья в рассматриваемую эпоху[4].

Однако настоящим переломом в представлениях о характере римского империализма стал выход книги У. Харриса «Война и империализм в республиканском Риме 327–70 гг. до н.э.» (1979), в которой доказывается, что римская внешняя политика в период Республики была последовательно агрессивной и что сенат постоянно и намеренно стремился к войне[5]. В своем труде У. Харрис показывает Рим «международным хищником» античного мира, исключительная агрессивность которого была обусловлена воинственными представлениями римской аристократии о путях достижения личного престижа и славы. Американский историк считает, что в Риме вовсе не было «всеобщего нежелания» отторгать территории других государств и все случаи отказа римлян от аннексии можно объяснить частными обстоятельствами[6].

Книга У. Харриса оказала весьма глубокое воздействие на всю последующую зарубежную историографию проблемы римского империализма. Подход У. Харриса получил признание таких крупных западных специалистов в этой области, как Дж. Норт, К. Раафлауб и Н. Розенстейн[7], благодаря чему теория «оборонительного империализма» была на какое-то время практически полностью отвергнута. В новейшей западной литературе последователями идей У. Харриса являются П.С. Дероу и Э. Эрксин[8].

Вместе с тем, именно в последние годы тема римского империализма вновь вызвала живой интерес в зарубежной историографии во многом благодаря выходу двух монографий на эту тему американского историка, профессора Мэрилендского университета (США) Артура Экстейна, который попытался оспорить утвердившуюся точку зрения У. Харриса и вернуться в некоторых вопросах к позициям Т. Моммзена и М. Олло.

А. Экстейн – автор четырех монографий и пятидесяти специальных статей по разным темам, а также соавтор в нескольких коллективных изданиях. Его первая книга «Сенат и полководец: индивидуальное принятие решений и римские иностранные дела» (Senate and General: Individual Decision-Making and Roman Foreign Relations, 264–194 B.C.; 1987) посвящена проблеме принятия дипломатических решений римскими военачальниками. Во второй книге «Моральные взгляды в "Истории" Полибия» (Moral Vision in the Histories of Polybius; 1995) была представлена достаточно оригинальная интерпретация взглядов Полибия на мораль в контексте международной анархии.

Две последующие книги были написаны как междисциплинарные исследования с применением к эллинистическо-римскому миру системного подхода современной теории международных отношений. Обе они привлекли особое внимание исследователей, занимающихся проблемами римского империализма. Первая из них, «Средиземноморская анархия, межгосударственная война и возвышение Рима» (2006), является в значительной степени общим методологическим введением к дальнейшим исследованиям. В начале этой работы обосновываются возможность и продуктивность применения так называемой «реалистской парадигмы» (Realist paradigm), выработанной в рамках современной теории международных отношений, к эллинистическо-римской и шире – античной действительности[9]. В дальнейшем дается общий обзор истории международных отношений в античном мире в V–III вв. до н.э.[10], и доказывается типический характер внешней политики Рима в рамках «межго-

---

[3] Frank 1914, 356. Схожие позиции в первой половине XX в. высказывали итальянский антиковед Г. де Санктис и французский историк М. Олло, а во второй половине XX в. Ф. Уолбэнк: De Sanctis 1923, IV (1); Holleaux 1935, 175; Walbank 1967, 105.

[4] Badian 1968, 4. Подробнее о дискуссии 1960–70-х годов в зарубежной историографии о характере римского империализма см., например, Gruen 1984, 98–382.

[5] Harris 1979, 2 ff.

[6] Harris 1979, 131–132, 158–162.

[7] North 1981; Raaflaub 1996; Rosenstein 1999, 193–205.

[8] Derow 2003; Erksine 2010, 36–47.

[9] Eckstein 2006, 1–36.

[10] Eckstein 2006, 36–180.

сударственной анархии» (interstate anarchy), которая, по мнению автора, характеризовала систему международных отношений древнего мира вплоть до конца III в. до н.э.[11]

Вторая книга, которая здесь рецензируется, посвящена более конкретному сюжету и поэтому представляет больший интерес для историка-антиковеда. Книга состоит из трех частей: первая из них посвящена первым контактам Рима с греческим Востоком (230–205 гг. до н.э.), вторая – тому периоду (205–200 гг. до н.э.), который автор обозначает термином «кризис перестановки сил» (power-transition crisis)[12], связанный с ослаблением Птолемеевского Египта и крушением прежде существовавшей триполярной системы отношений на эллинистическом Востоке; наконец, в третьей части рассматривается так называемая «война за гегемонию» и установление Римом «иерархии» в межгосударственной системе Средиземноморья.

По мнению А. Экстейна, объяснить военное столкновение Рима с эллинистическими державами Антигонидов и Селевкидов на рубеже III–II вв. до н.э. может помочь так называемая «реалистская парадигма»[13].

В основе этого подхода к изучению международных отношений лежит определенная система взглядов, получившая название теории политического реализма. Одним из самых авторитетных представителей ее в 30-е и особенно в послевоенные 40-е годы XX в. был Г. Моргентау. Центральными для этой теории являются «понятие интереса, определенного в терминах власти» и связанные с ним понятия баланса сил, геополитической стратегии и так далее.

Одним из исходных для политического реализма является положение об анархической природе международных отношений, основные действующие лица которых – «территориально-организованные единицы» (в древности – города-государства или династические монархии, в современном мире – национальные государства). Из международной анархии возможны два выхода: разработка международного права в результате добровольного соглашения государств (нечто подобное, по мнению А. Экстейна, произошло в современном мире), либо переход от анархии к строгой иерархии, в которой одно-единственное государство устанавливает правила игры для всех остальных (именно таким видит автор выход античного мира из межгосударственной анархии)[14].

В рамках «межгосударственной анархии» (interstate anarchy) война является обычным средством разрешения конфликта. А. Экстейн справедливо подчеркивает, что государства Средиземноморского мира в древности были вовлечены в постоянные войны, а в условиях слабого развития античной дипломатии избежать их было подчас практически невозможно. Грубое поведение античных государств по отношению друг к другу происходило не столько от их жадности и стремления к экспансии, сколько от страха за свою безопасность и стремления к самосохранению. Исходя из этого тезиса Рим, по мнению А. Экстейна, отнюдь не был «патологически» агрессивным и воинственным в рамках данной системы государств, поскольку, следуя «принципу подобия», он не мог позволить себе проводить политику отличную от политики других международных игроков[15].

Одной из черт, характеризующих систему «межгосударственной анархии», является так называемая «дипломатия принуждения» (compellence diplomacy) – понятие, которое А. Экстейн также довольно широко использует в рамках своего исследования. Под этим термином понимается такая модель дипломатических отношений, которая основана исключительно на угрозе применения силы и не предусматривает возможности компромисса. Подобный тип дипломатических акций некоторыми авторами считался характерным особенно для Рима, однако А. Экстейн доказывает, что это была общераспространенная модель дипломатии в рамках средиземноморской системы государств[16].

Первые значительные внешнеполитические шаги римлян в Восточном Средиземноморье (первая и вторая Иллирийские войны) рассматриваются во II главе книги. Основной причиной обоих конфликтов автор считает пиратство в Адриатике, которое затрагивало торговые интересы римских союзников на юге Италии и в Сицилии (в частности, Тарента и Сиракуз). А. Экстейн подчеркивает: римское вмешательство сопровождалось просьбами со стороны греческих купцов об обеспечении безопасности торговли, и добавляет – у Рима отсутствовали территориальные притязания к прави-

---

[11] Eckstein 2006, 181–316.

[12] Данный термин является одним из ключевых для А. Экстейна и требует особого пояснения. Автор понимает под ним «...внезапное ослабление возможностей одного или нескольких ключевых игроков международной системы и/или внезапный рост возможностей одного или нескольких из остальных игроков системы» – Eckstein 2008, 20 (здесь и далее пер. наш. – *А.В.*).

[13] Eckstein 2008, 7.

[14] Eckstein 2008, 7–8.

[15] Eckstein 2008, 9–13.

[16] Eckstein 2008, 14–16.

телям Иллирии. Итогом военных конфликтов он считает установление неформальной «дружбы» *между Римом и приморскими греческими городами*[17].

Вместе с тем, А. Экстейн признает, что это римское вмешательство в иллирийские дела было классической империалистической акцией. Однако он также отмечает факт вывода войск из стратегически-важных пунктов после завершения конфликта и объясняет это решение отсутствием серьезных римских интересов в данном регионе[18].

Упоминание в договоре между Филиппом V и Ганнибалом семи городов Адриатического побережья как якобы находящихся под властью римлян (Polyb. 7.9.13) А. Экстейн считает не более чем антиримской пропагандой[19]. Думается, что это не так: все же маловероятно, чтобы в тексте договора, по всей видимости, довольно точно передаваемого Полибием, присутствовали пропагандистские мотивы, если учесть, что этот договор имел характер пакта о ненападении и дальнейшем разделе сфер *влияния между Македонией и Карфагеном. Решение римлян атаковать Деметрия Фаросского в 219 г.* до н.э. А. Экстейн объясняет ухудшением геополитического положения республики накануне второй Пунической войны и желанием обеспечить римскую безопасность в Адриатике. В то же время А. Экстейн отвергает точку зрения М. Олло, который утверждал, что это событие было частью начинавшейся борьбы Рима и Македонии[20].

Таким образом, римское участие в обоих иллирийских конфликтах объясняется не агрессивными мотивами, а напротив, – стремлением защититься от потенциальной угрозы и обеспечить безопасность торговли в Адриатике. И все же подобная мысль, которая претендует на демонстрацию «реальных целей» римской политики, является ничуть не менее спорной, чем оспариваемая А. Экстейном позиция У. Харриса. Декларируемое отсутствие серьезных римских интересов в Адриатике как раз *и подчеркивает агрессивность римской политики, поскольку лишь агрессивное государство склонно* применять силу в тех случаях, когда его интересам всерьез никто не угрожает.

В III главе А. Экстейн переходит к рассмотрению того конфликта, который в историографии получил название первой Македонской войны. В этой главе анализируется идея Полибия о прогрессирующей взаимосвязи двух частей Средиземноморья (συμπλοκή), началом которой греческий историк считал заключение летом 217 г. мира между Филиппом и Этолийским союзом, когда уроженец Навпакта Агелай заявил о «тучах, сгущающихся на западе и надвинувшихся теперь на Элладу» (Polyb. 5. 104. 1–11). Греческий автор писал об этих событиях спустя полвека, и вряд ли современники столь же глубоко оценили важность этого события. Впрочем, А. Экстейну близка эта мысль греческого историка, поскольку, согласно его собственной гипотезе, в результате последовавшего «кризиса перестановки сил» две средиземноморские субсистемы государств (западная и восточная) оказались объединены в единую систему, что и было ознаменовано участием Рима в разрешении этого кризиса[21].

А. Экстейн отвергает точку зрения М. Олло и солидарного с ним У. Харриса, что после первой Македонской войны римляне точно знали о скором вступлении в борьбу на Востоке и использовали *нападение Филиппа в качестве повода для мести*[22]. Подобная макиавеллистская стратегия, по справедливому мнению А. Экстейна, была невозможна для римского правительства, которое в тот момент подвергалось одному внешнеполитическому кризису за другим[23].

Теперь самое время подойти к ключевым для всей книги главам, в которых высказывается основная гипотеза исследования. А. Экстейн предполагает, что в 207 г. до н.э. в связи с ослаблением и постепенным упадком Птолемеевского Египта, где в это время разгорелось широкомасштабное движение местного населения против центральной власти, а вскоре последовала смерть Птолемея IV, оставившего государство малолетнему наследнику, триполярная система международных отношений, существовавшая в эллинистическом мире в условиях межгосударственной анархии, оказалась в состоянии «кризиса перестановки сил». Именно этот кризис, а не исключительная агрессивность римского империализма и был причиной того, что римляне впервые с большими силами решили включиться в восточно-средиземноморскую политику в 200 г. до н.э.[24]

Доказательству этой гипотезы посвящены IV, V и VI главы книги. Одним из основных аргументов, которые использует А. Экстейн, является наличие договора, заключенного, по всей видимости, зимой 203/202 гг. до н.э. между царями Филиппом V и Антиохом III о совместных действиях по

---

[17] Eckstein 2008, 29–43.
[18] Eckstein 2008, 42 (об империализме), 53 (об отсутствии интересов).
[19] Eckstein 2008, 55.
[20] Eckstein 2008, 62–64; точка зрения М. Олло: Holleaux 1935, 131–146.
[21] Eckstein 2008, 224–225.
[22] Holleaux 1935, 286–297; Harris 1979, 207–209.
[23] Eckstein 2008, 114.
[24] Eckstein 2008, 124.

разделу Птолемеевского Египта (Polyb. 3. 2. 8, 15. 20, 16. 1. 8–9; Liv. 31. 14. 5; Justin. 30. 2. 8). Существование этого договора было поставлено под сомнение в историографии[25]. Американский историк Р. Эррингтон в свое время предположил, что Полибий неправильно истолковал соглашение между Филиппом V и Селевкидским полководцем Зевксисом, касавшееся совместных действий против Родоса и Пергама[26].

А. Экстейн настаивает на существовании формального договора и подвергает критике предположение Р. Эррингтона, справедливо замечая, что любой эллинистический монарх даже исключительно из соображений престижа не стал бы вступать в дипломатические отношения с кем-либо, кроме как с равным себе по положению. Помимо этого общего утверждения автор приводит ряд вновь обнаруженных эпиграфических свидетельств в пользу существования договора[27].

В наиболее подробном рассказе о договоре Полибий говорит о том, что Τύχη (Судьба) ниспослала римлян на обоих царей, а их подлые замыслы против других обратила на них самих, как они того заслужили (Polyb. 15. 20). Этот пассаж о вмешательстве Τύχη зачастую и рассматривали как признак недостоверности фрагмента, однако А. Экстейн убедительно показывает, что у Полибия идея вмешательства Τύχη в наиболее важные исторические события встречается не раз и весьма органична для его мировоззрения[28].

Рассмотрение последовавших событий также приводит автора к выводу не только о существовании договора царей, но и начале действий по его реализации в 202–201 гг. до н.э. (захват Филиппом главной морской базы Птолемеев в Эгеиде Самоса, города Милета и некоторых других менее значительных пунктов, а также наступление Антиоха на Келесирию, Финикию и Иудею)[29].

Существование договора царей действительно весьма вероятно, однако нет никаких свидетельств того, что в нем были оговорены характер совместных действий двух держав или условия раздела Египта. Все это сохраняет подозрения в том, что договор мог носить достаточно условный характер и в таком случае не должен был оказать решающего воздействия на ход событий в Восточном Средиземноморье. Думается, что А. Экстейн в данном случае несколько преувеличивает реальную угрозу этого договора для остальных участников международной системы эллинистического Востока.

Дипломатической реакции греческих государств «второго разряда» на заключение договора между царями посвящена V глава книги. В этой главе А. Экстейн использует понятие «дипломатической революции» для характеристики событий, происходивших на греческом Востоке в последние годы III в. до н.э. «Дипломатической революцией» он считает достаточно радикальную смену внешнеполитического курса всех тех государств системы, которым этот пакт потенциально угрожал[30].

В отношении Родоса аргументация А. Экстейна, основанная на кратком сохранившемся отрывке Полибия (18. 41а) и более пространном изложении Ливия (33.20), представляется убедительной. В частности, довольно красноречив тот факт, что родосцы, которые первоначально предъявили ультиматум Антиоху, опасаясь его соединения с Филиппом, немедленно отказались от намерения выступать с флотом против Антиоха, когда узнали о поражении при Киноскефалах (Liv. 33. 20. 2–10).

Что касается Пергама, то и здесь автор справедливо отмечает, что союз с Родосом против Филиппа был для пергамского царя Аттала I пересмотром прежней внешнеполитической линии, в рамках которой Родос являлся основным соперником Пергама в Эгеиде и на малоазийском побережье. В этом же ряду стоит и Египет, который, судя по всему, вел тайные переговоры с Филиппом о заключении с ним союза, а также – династического брака между Птолемеем V и одной из дочерей Филиппа (Polyb. 15. 25. 13; 16. 22. 16). Однако после того как стало известно о договоре Филиппа с Антиохом, Египет резко изменил свою политику и отправил посольство в Рим с просьбой выступить в его защиту[31].

Ключевым итогом «дипломатической революции» было, по мнению А. Экстейна, одновременное обращение в Рим посольств от четырех или пяти эллинистических государств (Родоса, Пергама, Египта и Афин, а возможно, и Этолийского союза) с просьбами о защите от Филиппа и Антиоха. Объясняя, почему они поступили именно так, А. Экстейн ссылается на крупнейшего теоретика так называемой «неореалистской парадигмы» К. Уолца, писавшего: «Встречаются государства, формирующие балансы сил, вне зависимости – хотят они этого или нет»[32].

---

[25] Badian 1964, 135, n. 3; Harris 1979, 312, n. 2.
[26] Errington 1971, 336–354 (это предположение основано на: *Polyb.* 16. 1. 8–9).
[27] Eckstein 2008, 169–172, 177–178.
[28] Eckstein 2008, 135–137.
[29] Eckstein 2008, 150–180.
[30] Eckstein 2008, 181–184.
[31] Eckstein 2008, 143–144, 201–206.
[32] Waltz 1979, 125.

Думается, в данном вопросе автор все же чересчур усложняет побудительные мотивы эллинистических государств к тем или иным внешнеполитическим акциям. Например, нет необходимости дополнительно объяснять отказ Родоса от так называемой «политики следования за сильным» (возможности вступить в союз с Филиппом и Антиохом и воспользоваться плодами этого союза) неким общим для всего греческого мира идеалом чести, определявшим границы достойного и недостойного поведения в международных делах[33], поскольку вполне убедительным и достаточным мотивом являются опасения родосцев за свою будущую судьбу в рамках нового миропорядка.

В главе VI рассматриваются причины, побудившие Рим вмешаться в восточно-средиземноморские дела в 201 г. до н.э. В данном контексте А. Экстейн снова подчеркивает необходимость системного (или даже «многоуровневого анализа») и опасность «историографии, сосредоточенной лишь на внутренних факторах»[34].

У. Харрис в своей книге настаивал на том, что частота военных конфликтов с участием римлян во многом определялась тем, что для любого римского политика началом его политической карьеры была военная служба, а политический авторитет добывался главным образом на поле боя[35]. А. Экстейн оспаривает это соображение на том основании, что именно выработанный в течение столетий милитаризм и воинственный этос римской аристократии позволили Риму выжить в условиях анархического окружения. Впрочем, в то же время А. Экстейн подчеркивает «функциональную схожесть» всех государств эллинистической системы[36].

Возникает явное противоречие: если настаивать на утверждении об общей для всех государств античного Средиземноморья агрессивности и воинственности, то можно ли говорить об этих чертах как об особенных и предоставивших преимущество именно Риму?

Еще один термин, введенный в научный оборот современным французским исследователем П. Вейном как раз по отношению к Риму[37], А. Экстейн использует для определения природы римской внешней политики: «рутинный империализм» (the imperialism of routine). Он также применяет этот термин, характеризуя все эллинистические государства и подразумевая при этом их постоянное стремление к увеличению собственной власти и влияния и к контролю за международным окружением[38].

По вопросу о непосредственных причинах римского вмешательства в восточные дела в 201 г. до н.э. позиция А. Экстейна достаточно ясна, даже будучи окруженной целым веером понятий и концептуальных разработок политологов: «дипломатический катализатор»[39] (diplomatic catalyst; посольства греческих государств в Рим), принятие решения исходя из «наихудшего сценария» (worst-case scenario; например, соединение ресурсов Египта и Сирии давало возможность Антиоху содержать армию не менее чем в 150 000 человек, что вдвое превышало римские силы, участвовавшие в Каннском сражении)[40] вследствие «принципа неопределенности» (the uncertainty principle; расширительно говоря, невозможность реально оценить угрозу вследствие недостатка информации). Безусловно, А. Экстейн стремится если не оправдать полностью римское вмешательство в дела Восточного Средиземноморья, то показать, сколькими внешними обстоятельствами оно было продиктовано. Подобная позиция все же страдает односторонностью, поскольку практически исключает из рассмотрения внутренние побудительные стимулы к внешней агрессии не только всей римской аристократии, но и отдельных ее представителей, зачастую принимавших судьбоносные военно-политические решения на местах.

VII и VIII главы книги посвящены так называемой «системной войне за гегемонию» (в историографической традиции – это вторая Македонская и Сирийская войны 200–188 гг. до н.э.)[41].

---

[33] Eckstein 2008, 219–220.

[34] Eckstein 2008, 230–231.

[35] Harris 1979, 10–41.

[36] Eckstein 2008, 232.

[37] Veyne 1975, 794.

[38] Eckstein 2008, 237.

[39] «Информация или событие, которое трансформирует представление элиты о значимости принятия внешнеполитического решения, так что возможная цена и риски бездействия внезапно оказываются более серьезными, чем возможная цена и риски активного вмешательства» – Lebow 2001, 614.

[40] «Недоверие по отношению к мотивам и побуждениям других государств в условиях межгосударственной анархии, связанное с неопределенностью информации о реальных возможностях и ресурсах других государств и о собственных реальных возможностях и ресурсах в сравнении с ними» – Morgenthau 1973, 208.

[41] «Борьба за лидерство и контроль над всей системой, в ходе которой создается (правда, только после широкомасштабного насилия) новая межгосударственная структура, которая в большей степе-

В результате этой войны и по условиям Апамейского мира 188 г. до н.э. две региональные субсистемы античного Средиземноморья образовали единую «однополярную» систему, в рамках которой Рим остался единственной сверхдержавой на пространстве от Испании до Сирии[42].

Один из наиболее дискуссионных вопросов в пределах затронутой в этих главах темы – проблема Истмийской декларации «о свободе греков» 196 г. до н.э. А. Экстейн утверждает, что уход римлян после победы над Македонией не был выгоден для греков, поскольку на повестке дня еще была угроза со стороны Антиоха. Ливиево свидетельство (32. 21. 36) автор приводит в качестве доказательства того, что идея объявления эллинской свободы принадлежала не Титу Квинкцию Фламинину, которого он считает не более чем «восточным экспертом» римского правительства, а его греческому советнику, государственному деятелю Ахейского союза Аристену. Для римлян такой шаг был возможностью вывести войска с Балкан, не теряя престижа и сохраняя неформальное лидерство, однако этот вывод войск оказался их серьезной ошибкой, поскольку они фактически передали инициативу в руки Антиоха[43]. Подобная трактовка весьма сомнительна, хотя и не совсем неправдоподобна. Необходимо учитывать, что римляне, видимо, плохо понимали, что делать с Грецией после победы над Филиппом. Что же касается вопроса о том, кто был автором Истмийской декларации, то Полибий называет именно Фламинина (Polyb. 18. 45. 7–12).

В истории войны с Антиохом ключевые вопросы для А. Экстейна можно обозначить таким образом: почему две державы не смогли договориться и почему не была установлена биполярная система взаимоотношений? Как считает А. Экстейн, разногласия между Римом и Антиохом не были непреодолимы, а Рим тогда еще не помышлял о безраздельной гегемонии. А. Экстейн объясняет это закономерностью, которая была выявлена в трудах теоретиков международного права, а именно – неизбежностью стремления каждого из двух игроков в биполярной системе к получению «преимущества от баланса сил» (the better of the balance)[44].

В таких условиях «установленным уровнем ожиданий» для Антиоха было невмешательство римлян в дела Малой Азии и сохранение его собственного плацдарма в Европе (Фракия), а для Рима – очищение Антиохом Европы и право римлян вмешиваться в малоазийские дела. Таким образом, для обеих держав это был «спор, требующий разрешения», а в рамках античной «дипломатии принуждения» такой спор не мог быть разрешен иначе, как в ходе очередного витка «войны за гегемонию»[45].

Здесь А. Экстейн чересчур усложняет положение дел. Столкновение двух держав было неизбежно, и вторжение в Грецию было действительно начато Антиохом, однако Рим дал ему для этого повод, пытаясь вмешиваться в малоазийские дела царя и в ультимативном тоне требуя освободить Фракийский полуостров, который Антиох считал своей родовой собственностью. Именно Рим, выведя войска из Греции, спровоцировал Антиоха на вторжение, и думается, что римские сенаторы это прекрасно понимали.

В заключительной IX главе книги А. Экстейн рассматривает период от Апамейского мира (188 г. до н.э.) до начала войны с Персеем (170 г. до н.э.), когда, по его словам, «межгосударственная анархия» постепенно начинает замещаться «иерархией государств». А. Экстейн задается вопросом: какая же дефиниция более всего подходит для обозначения той ситуации, которая сложилась в Восточном Средиземноморье после 188 г. до н.э. и просуществовала до 170 г. до н.э.? Среди возможных видов «межгосударственной иерархии» американский политолог М. Дойл выделяет следующие: «формальная империя» (formal empire) и «неформальная империя» (informal empire)[46], «гегемония» (hegemony)[47], «сфера влияния» (sphere of influence)[48].

ни соответствует реальном балансу сил и возможностей в системе» – Eckstein 2008, 21 (со ссылкой на Gilpin 1981).

[42] Eckstein 2008, 275.

[43] Eckstein 2008, 283–302.

[44] «Каждая сторона стремится к созданию ситуации, в которой она обеспечила бы себе более выгодную стратегическую позицию, чем другая сторона» – Lowes Dickenson 1926, 4–7.

[45] Eckstein 2008, 308–321.

[46] «Эффективный контроль, формальный или неформальный, над подчиненным обществом со стороны имперского общества» – Doyle 1986, 30.

[47] «Ситуация при которой метрополия стремится контролировать внешнюю политику более слабых соседей постоянно, но еще не стремится контролировать их внутреннюю политику и структуры власти» – Doyle 1986,44.

[48] «Ситуация при которой метрополия стремится установить определенные ограничения в иностранных сношениях более слабых государств, но не вторгается в их внут-

А. Экстейн не считает правильным применять ни одно из этих понятий к отношениям Рима с государствами Восточного Средиземноморья между Сирийской и третьей Македонской войнами. Напротив, более «мягкая» дефиниция «асимметрия власти в ситуации однополярности» (asymmetry of power in unipolarity situation)[49], обозначающая начальную ступень на пути создания «иерархии государств», представляется ему подходящей. По мнению А. Экстейна, вплоть до 171 г. до н.э. существовал работающий modus vivendi (механизм сосуществования), основанный на римской однополярности и греческой независимости, хотя греческим государствам и не удалось уравновесить римское преобладание[50].

Подводя итоги, хотелось бы заметить, что целесообразность междисциплинарных исследований, подобных рецензируемой книге, не вызывает сомнений. Кроме того, колебание маятника в сторону ревизии господствовавших ранее взглядов У. Харриса, которые, в свою очередь, были ответом на длительный период невнимания исследователей к внутренним мотивам римской экспансии, представляется вполне закономерным. Однако в таком случае встает вполне резонный вопрос: насколько рецензируемая книга является данью переменам в политической атмосфере американского общества на рубеже XX–XXI вв. (в частности, успеху идеологии неоконсерваторов), а насколько – ответом ученого на господство одной из точек зрения на интересующую его проблему?

Ценность и одновременно слабость монографии А. Экстейна в том, что она является именно междисциплинарным исследованием, причем с чрезвычайно сильным акцентом на актуализацию выбранной для исследования темы антиковедения. Использование непростых политологических дефиниций и причудливых аналогий подчас вызывает у историка сомнения в убедительности подобной аргументации.

Последователями У. Харриса рецензируемая книга была воспринята как попытка возвращения к теории «оборонительного империализма», которая всегда опиралась отчасти на трактовку отдельных войн Рима и их результатов, отчасти – на отказ римлян от аннексии территорий в эту эпоху, а отчасти – и на их собственное представление о том, что они вели лишь справедливые войны[51].

А. Экстейн, разумеется, не стремился вернуть к жизни теорию Т. Моммзена и М. Олло, хотя отдельные ее положения действительно перекликаются с его собственными выводами и, особенно, с его идеей о том, что феномен римского империализма обязан своим происхождением некоей системной необходимости, а вовсе не сознательной воле Рима. Создание империи в отсутствие устойчивого стремления к этому со стороны государства, которое эту империю создает, кажется бессмысленным и даже парадоксальным. Объяснять политику римлян на Востоке на рубеже III–II вв. до н.э. главным образом системным императивом – значит, по меньшей мере, несколько упрощать ситуацию.

Вмешательство Рима в дела Восточного Средиземноморья было обусловлено в том числе и поведением самих греческих государств. В этой связи представляется уместным привести слова Э. Грюэна, которыми он заканчивает свое исследование истории римского завоевания на греческом Востоке: «Эллада, наконец, попала под римскую власть, но не вследствие того, что Рим экспортировал свое устройство на Восток, но потому, что греки постоянно втягивали уроженцев Запада в свою собственную организацию» Gruen 1984, 730.

В целом же значимость книги А. Экстейна для современных исследований римского империализма достаточно велика. Во-первых, несомненное значение имеет ревизия устоявшихся взглядов на проблему. Для конца 1970-х годов такую же роль сыграла книга У. Харриса, основные положения которой оспариваются автором рецензируемой монографии. Во-вторых, введение в научный оборот историков понятий из современной теории международных отношений, как показывает пример А. Экстейна, может быть весьма плодотворным и даже полезным. В то же время, подчас автор увлекается подобными понятийными изысками, которые не всегда способны отразить всю сложность и противоречивость тех или иных исторических событий.

реннюю политику и не стремится постоянно контролировать их внешнюю политику» – Doyle 1986, 44 .

[49] «Ситуация обладания сверхдержавой превосходящим и несопоставимым влиянием на более слабые государства, благодаря чему она получает особые права и привилегии в отсутствие противодействующей державы» – Donnelly 2006, 144.

[50] Eckstein 2008, 361–381.

[51] Erksine 2010, 38–39.

Литература

Кащеев В.И. 1993: Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М.

Моммзен Т. 1994, I: История Рима. Т. I / А.Б. Егоров (отв. ред.). СПб.

Ростовцев М. 1918: Рождение Римской империи. Пг.

Badian E. 1968: Roman Imperialism in the Late Republic. Ithaca.

Derow P.S. 2003: The Arrival of Rome: From the Illyrian Wars to the Fall of Macedon // A Companion to Hellenistic World / A. Erksine (ed.). Oxf., 51–70.

De Sanctis G. 1907–1923: Storia dei Romani. 4 vols. Torino.

Donnelly J. 2006: Sovereign Inequalities and Hierarchy in Anarchy: American Power and International Society // EJIR. 12, 70–139.

Doyle M. 1986: Empires. Ithaca–New York.

Eckstein A. 2006: Mediterranean Anarchy, Interstate War and the Rise of Rome. Berkeley–Los Angeles.

Eckstein A. 2008: Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxf.

Erksine A. 2010: Roman Imperialism. Edinburgh.

Errington R.M. 1971: The Alleged Syro-Macedonian Pact and the Origins of the Second Macedonian War // Athenaeum. 49, 336–354.

Gilpin R. 1981: War and Change in World Politics. Cambr.

Gruen E.S. 1984: The Hellenistic World and the Coming of Rome. 2 vols. Berkeley–Los Angeles.

Harris W.V. 1979: War and Imperialism in Republican Rome: 327–70 B.C. Oxf.

Holleaux M. 1935: Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle avant J.-C. (273–205). P.

Frank T. 1914: Roman Imperialism. N.Y.

Lebow R.N. 2001: Contingency, Catalysis and International System Change // PSQ. 105, 591–616.

Lowes Dickenson G. 1926: The International Anarchy, 1904–1914. N.Y.

Mommsen T. 1854–1856: Römische Geschichte. 3 Bd. Lpz.

Morgenthau H.J. 1948: Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y.

North J. 1981: The Development of Roman Imperialism // JRS. 71, 1–9.

Raaflaub K.R. 1996: Born to be Wolves? Origins of Roman Imperialism // Transitions to Empire: Essays in Greco-Roman History, 360–146 BC in Honor of E. Badian / R.W. Wallace, E.V. Harris (eds.). Norman, 273–314.

Rosenstein N. 1999: Republican Rome // War and Society in the Ancient and Medieval Worlds: Asia, the Mediterranean, Europe and Mesoamerica / K.R. Raaflaub, N. Rosenstein (eds.). Cambr., 193–205.

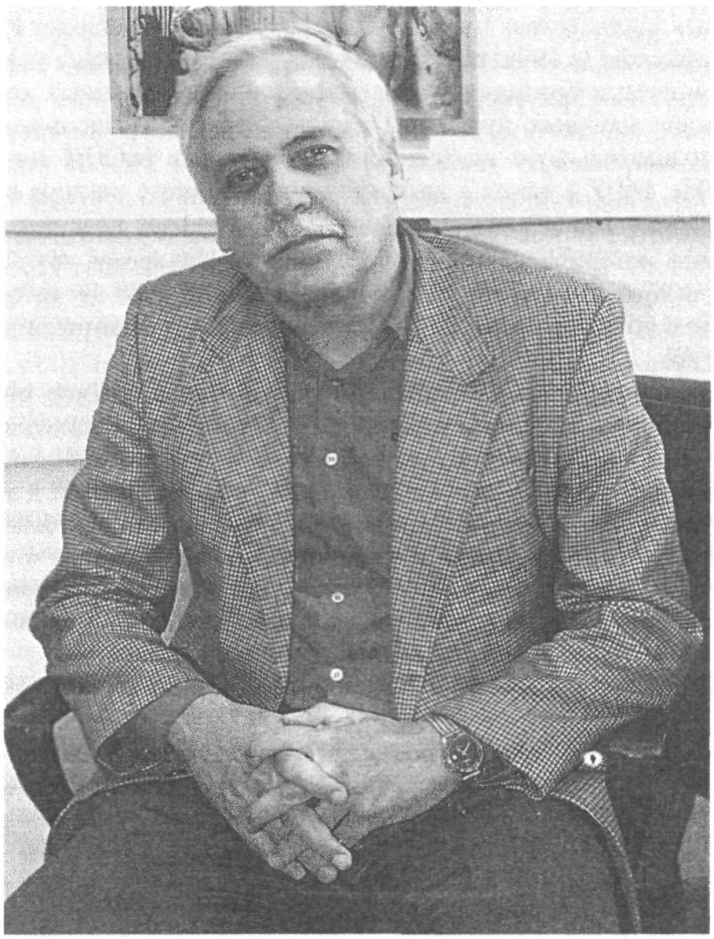
Veyne P. 1975: Y a-t'il eu un impérialisme romain? // MEFRA. 85, 793–855.

Walbank F.W. 1967: Philip V of Macedon. Cambr.

Waltz K.N. 1979: Theory of International Politics. N.Y.

А.В. Васильев,
аспирант кафедры истории Древней Греции и Рима
Санкт-Петербургского государственного университета

К 60-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА САПРЫКИНА

26 октября 2011 г. исполнилось 60 лет Сергею Юрьевичу Сапрыкину – известному историку античности, доктору исторических наук, профессору, ведущему научному сотруднику Института всеобщей истории РАН, с 2009 г. заведующему кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, выпускником которого он является.

Научная деятельность С.Ю. Сапрыкина с 1981 г. неразрывно связана с сектором истории древнего мира (ныне – Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций) ИВИ РАН, где происходило его профессиональное становление как одного из ведущих отечественных антиковедов. За это время он опубликовал более 200 работ, в том числе 7 монографий, по истории Причерноморья, которые снискали широкую известность у отечественной и зарубежной научной аудитории. Исследования С.Ю. Сапрыкина обнимают обширный круг разнообразных проблем – от греческой эпиграфики («Граффити и дипинти хоры античного Боспора», совместно с А.А. Масленниковым, Симферополь–Керчь, 2007) и культуры («Религия и культы Понта эллинистического и римского времени», Москва–Тула, 2009) до политической и экономической истории («Боспорское царство на рубеже двух эпох», М., 2002; «Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье», М., 1996; «Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху», М., 2005 и др.). Однако в конечном счете все они вписываются в важнейшее и перспективное направление науки о древности –

исследование Причерноморья как единого макрорегиона античного мира, – в разработку которого С.Ю. Сапрыкин внес существенный вклад.

Весьма значительна роль С.Ю. Сапрыкина в «Вестнике древней истории», на страницах которого в течение многих лет выходят его многочисленные статьи, публикации памятников, рецензии. Сергей Юрьевич – член редколлегии ВДИ, в 1994–2009 гг. был также его ответственным секретарем. К работе в журнале он относится очень серьезно, неизменно демонстрируя научную требовательность, тщательность и аккуратность. С.Ю. Сапрыкин также входит в редакционные советы и редколлегии других известных научных периодических изданий, в том числе «Вестника Московского университета» (серия «История»), «Трудов исторического факультета МГУ», ежегодников «Древности Боспора», «Вопросы эпиграфики», «Аристей».

Плодотворные научные контакты связывают Сергея Юрьевича со многими коллегами в России и за рубежом, с ведущими специалистами по истории Причерноморья и эллинистического мира в Великобритании, Дании, Франции, США, Германии и других странах. С.Ю. Сапрыкин состоит в международных научных сообществах (по исторической географии «Эрнст Кирстен», Международной ассоциации эпиграфистов), в 1999–2003 и 2004–2007 годах принимал участие в международных научных проектах, курируемых Британской академией и Фондом научных исследований Дании.

С самого начала своего научного пути С.Ю. Сапрыкин вел и продолжает вести интенсивную и разностороннюю преподавательскую деятельность – сначала в МОПИ им. Н.К. Крупской (1977–1981), позднее в ГАУГНе, МГУ, а также в качестве приглашенного лектора в университете г. Орхус (Дания). Основными предметами его общих и специальных курсов являлись античная археология и эпиграфика, нумизматика, историческая география. В настоящее время, возглавляя кафедру истории древнего мира исторического факультета МГУ, он ведет общий курс по истории древней Греции, а также специальные курсы по истории древнего Причерноморья в эллинистическую эпоху, введению в античную историю и др.

Сергея Юрьевича трудно назвать «кабинетным» ученым: он в течение многих лет участвовал в археологических экспедициях – в организованной МГУ Гераклейской археологической экспедиции, раскопках в Херсонесе, на Тамани. Именно полевой опыт, умение работать с археологическими материалами позволяют ему комбинировать в работе разные виды источников и открывает возможность исследовать малоизученные проблемы древней истории, высказывая оригинальные мысли и идеи.

Юбиляр – не только блестящий ученый с исключительно обширными и глубокими познаниями в области древней истории Причерноморья, всю жизнь посвятивший изучению любимого предмета. Сергей Юрьевич достойнейший, порядочный, доброжелательный и скромный человек, который снискал всеобщее уважение и любовь своих коллег, друзей, учеников.

Сердечно поздравляем Сергея Юрьевича с его юбилеем и желаем ему здоровья и новых творческих успехов!

Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН,
редколлегия и редакция «Вестника древней истории»,
кафедра истории древнего мира исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2012 г.

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ-III» В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (Москва, 1–2 апреля 2011 г.)

Ежегодный семинар, посвященный актуальным проблемам истории античного мира, состоялся на кафедре истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ 1–2 апреля 2011 г. Семинар продолжил традиции предыдущих, которые прошли в течение двух последних лет[1]. Как и прежде, основной целью устроителей семинара являлась организация диалога ведущих специалистов, чьи научные интересы сосредоточены в рамках многоаспектной, но тематически единой научной проблематики. Тема семинара 2011 г. – «Империя и христианство». Его участники затронули в своих выступлениях широкий диапазон проблем, связанных с политической, идеологической и правовой историей Римской империи начиная с эдикта Каракаллы 212 г. и включая период образования романо-варварских королевств. Докладчики рассмотрели многие актуальные вопросы истории античного христианства и церкви. Тот факт, что большинство поставленных на семинаре проблем не получили должного рассмотрения в отечественной историографии, обусловил особую актуальность совместной работы представителей разных университетов.

Открыли работу семинара *И.С. Смирнов*, директор ИВКА РГГУ, и *П.П. Шкаренков*, заведующий кафедрой истории древнего мира. С приветственным словом выступил ректор РГГУ, чл.-корр. РАН *Е.И. Пивовар*. На семинаре было представлено семь докладов, которые составили три научно-тематических блока. На утреннем заседании 1 апреля доклады были посвящены ключевым проблемам изучения идеологической жизни Поздней Римской империи, а также проблемам изучения, атрибуции и верификации правовых источников, имеющих основополагающее значение для изучения истории Империи IV–VI вв.

Открыла заседание секции *В.И. Уколова* (Москва), которая представила на суд аудитории доклад на тему «Время и история на исходе империи». В центре внимания доклада была философия истории Блаженного Августина, одного из главных христианских мыслителей на исходе античности. Докладчик отметила основные принципы расхождения в осмыслении времени на греческом Востоке и на латинском Западе. Тема трактата Августина «О граде Божием» – мир как история, в то время как в Ареопагитическом корпусе время мыслится как иерархия, соотнесенная с вечностью. В этом «христианском историзме» и «христианском структурализме» отразилось принципиальное различие между мироощущением и мироосмыслением двух ветвей христианства, в перспективе оформившихся как римо-католицизм и православие. Касаясь основных особенностей философии истории гиппонского епископа, В.И. Уколова отметила необходимость терминологического различения таких понятий, как aevum, под которым мыслится бесконечная продолжительность субстанций сотворенных, но обладающих определенным совершенством и поэтому практически неизменяемых (ангелы, небесные иерархии и т.д.), и saeculum, т.е. «век», «мировое время», своего рода временной континуум, в котором осуществляется взаимодействие Града Небесного и Града Земного. Показательно, что Августин пытается определить содержание времени не только через сравнение с вечностью, но и как бы изнутри, из собственного земного бытия: «Плохие времена, тяжелые времена – вот то, что люди не устают повторять, но давайте жить хорошо, и времена станут хорошими. Мы и есть времена: каковы мы, таковы и времена». Такой реализм вообще свойствен Августину наряду с глубокой философичностью.

Выступление *Е.В. Сильвестровой* (Москва) «Церковь и империя: XVI книга Кодекса Феодосия и ее место в структуре Кодекса» перенесло изучение позднеантичной идеологии в правовое русло и поставило задачу раскрыть правовые основы взаимоотношений Церкви и императорской власти. По-

[1] О них см. ВДИ. 2009. № 4. С. 259–261; 2010. № 4. С. 218–222.

дробному рассмотрению была подвергнута XVI книга Кодекса Феодосия, оценка места и значения которой в структуре Кодекса, по мысли докладчика, может позволить уяснить не только цели и задачи составителей Кодекса, но и оценить уровень их правовой культуры. XVI книгу нельзя рассматривать как некое в спешке составленное приложение, случайно помещенное в конце Кодекса, только на том основании, что в Кодексе Юстиниана материал, аналогичный текстам XVI книги Кодекса Феодосия, включен в первую книгу. Разное расположение сходного материала обусловлено не религиозной – или правовой – политикой императоров Феодосия II и Юстиниана I, а разными принципами составления Кодексов. XVI книга Кодекса Феодосия по своему содержанию и характеру вошедших в нее материалов не вступает в противоречие с другими «тематическими» книгами Кодекса, такими, к примеру, как XII книга. Если в XII книге содержатся нормы так называемого муниципального права, то в XVI книгу вошли, в основном, церковно-правовые нормы. В XVI книгу были включены «специальные» нормы, регулирующие специфические отношения, возникающие в связи с функционированием нового общественного института – христианской Церкви. «Общезначимые» нормы, касающиеся взаимодействия новых и традиционных социальных общностей, включены в первую часть Кодекса (а не в «приложения») в соответствии с устоявшейся системой организации материала юридического сочинения или законодательного свода.

Во второй половине дня 1 апреля были заслушаны два доклада, посвященные современным проблемам изучения античного христианства.

В докладе *Е.В. Сергеевой* (Великий Новгород) «Конфликт идентичностей в мученичестве святых Перпетуи и Фелицитаты» была рассмотрена с позиций исторической антропологии история Вибии Перпетуи, карфагенской мученицы 203 г. Эта история является одним из наиболее ярких примеров семейного конфликта, связанного с обращением одного из членов семьи в христианство. Центральное место в этом конфликте занимает конфронтация между Перпетуей и ее отцом; все остальные взаимоотношения в данной семье опосредованы их противостоянием. Религиозная идентичность дочери оказывается принципиально несовместима с традиционной архитектурой семейных отношений и воспринимается как вызов идее патернализма, игравшей принципиальную роль в римской общественной идеологии. В докладе затрагиваются проблемы трансляции элементов традиционной римской идеологии в новый религиозный контекст и реинтерпретации этих идей в современной историографии.

А.В. Муравьев (Москва), занимающийся проблемами истории христианского Востока в течение многих лет, выступил с докладом «От патронирования халкидонитов к религиозным репрессиям: церковная политика Юстина I и ее результаты на позднеантичном Ближнем Востоке». Докладчик поставил проблему «поворота» религиозной политики Юстина от зеноновского «энотизма» к жесткому религиозному подавлению религиозного инакомыслия к концу 518 г. В церковной историографии эти события нередко изображают однобоко как «возвращение к православию», однако очевидно, что массовые репрессии против антихалкидонитов в Сирии и Месопотамии, а также частично в Малой Азии, имели ряд особых причин и, главное, особые последствия. Фактически начав процесс подавления диакриноменского иночества в Сирии, Юстин заложил долговременную бомбу и заранее обрек на неудачу всю политику своего преемника Юстиниана I. Интересно, что репрессии отражены почти исключительно в антихалкидонитских источниках, таких, как Захарий Схоластик или Иоанн Эфесский. Однако и из этих источников, и из агиографических текстов вырисовывается картина массовой эмиграции монахов сперва в горные области Малой Азии, затем – на юго-восток и постепенно в лимитрофные зоны Империи.

Оживленную дискуссию вызвало выступление *Сергея Иванова* (Болгария), посвященное критике традиционного подхода в изучении доникейского христианства, предполагающего наличие некоего «здравого» ядра, унаследованного Церковью в дальнейшем, и различных отклонений от изначальной традиции, которые впоследствии оформились в виде осужденных церковным разумом ересей. Докладчик указал на неприемлемость отрицания христианской самоидентификации у членов ряда религиозно-идеологических образований (особенно гностиков) в угоду теологической интеллектуализации церковной истории. Основным критерием принадлежности к традиции и верности керигме следует считать не набор неких статичных вероучительных положений, а глубоко переживаемый личный опыт, выражающийся в полном изменении личности новообращенного (наиболее показательный пример в этом отношении – апостол Павел). Для описания природы (и возможной коррекции экспликаций) преддогматического христианства обычного человека того времени успешным может оказаться когнитивно-символический подход, адекватно учитывающий достижения как всех других широко распространенных концепций, так и новейшего развития методологических подходов трансперсональной психологии.

Доклады на семинаре 2 апреля были посвящены различным аспектам взаимоотношений Римской империи и варварской периферии. В докладе *И.А. Копылова* (Москва) «"Арианский фактор" во взаимоотношениях Рима и варварской периферии» особое внимание было заострено на временном промежутке, связанном с изданием императором Феодосием Великим конституции «cunctos populos», когда западное арианство, окончательно потеряв поддержку в лице проарианско настроенных представителей власти, в результате постепенной маргинализации сузилось до масштаба разрозненных

и довольно немногочисленных общин, представители которых всячески подчеркивали свою оппозиционность по отношению к Никейскому Символу Веры. В этот кризисный для западного арианства момент помощь пришла от готов и других варваров, чье численное присутствие в римской армии возрастало год от года. Причем здесь речь идет не только о варварах-федератах, но и о тех, кто находился на высших командных постах. Императорское антиеретическое законодательство их не касалось, стало быть, они могли оказывать вполне ощутимую поддержку арианским общинам. Готы, первыми обратившись в христианство арианского толка, позже стали распространителями арианства среди других германских племен. Договор 382 г. обозначил новый этап в развитии готско-варварских отношений в связи с тем, что переселение готов на земли левобережной Дакии, Мезии и Малой Скифии и автоматическое придание им статуса федератов сформировало полноценный и многослойный «живой щит» на северных рубежах Империи. Этот новый этап в готско-римских отношениях, который характеризовался все большим втягиванием готов в орбиту интересов Империи и все возраставшей культурной ассимиляцией, был ознаменован новым витком арианизации готов, обусловленной уже известными причинами. Усиливавшаяся романизация, тем не менее, нисколько не препятствовала стремлению быть отличными от основной массы населения. В этом отношении никейское христианство ассоциировалось у готов с Империей, которая противопоставляла варваров себе (можно вспомнить характерные антиварварские инвективы, встречавшиеся у Амвросия Медоланского, Сидония Аполлинария и других авторов), в то время как принадлежность к арианству, представлявшему собой миноритарную и преследуемую конфессию, позволяла культивировать в себе некую инаковость, и, по счастливому совпадению, это христианство уже было в них укоренено проповедью Ульфилы. В этом случае готское христианство аккумулировало в себе единство и борьбу противоположностей: с одной стороны, потребность в культурной ассимиляции, с другой – невольное осознание себя, т.е. варваров-федератов, людьми второго сорта, и, как следствие, неизбежными оказывались трения между слабороманизированными готами и уже давно и глубоко романизированным населением Паннонии и Мезии.

П.В. Шувалов (Санкт-Петербург) в докладе «Скифы, "светловолосые", авары и другие в "Стратегиконе" Псевдо-Маврикия» подверг скрупулезному источниковедческому анализу XI книгу «Стратегикона», выявив в нем несколько разновременных пластов. Первые три главы книги посвящены тому, как надо «приспосабливаться» на войне к персам, скифам и «белобрысым», при этом автор следует определенному заранее заданному алгоритму, воспроизводящему описание действий, которые полководец должен предпринять против врага. Пункты этого алгоритма распадаются на две логически связанные группы: описание врага и того, как к нему «приспосабливаться». Эта картина практически тотальной зависимости автора от пунктов некоего реконструированного вопросника требует четкого объяснения. Ясно, что материал, который использовал автор, был организован им самим или его предшественником в форме своего рода картотеки или анкеты. Вряд ли представляется возможным доказать, были ли автор текста и составитель некоего гипотетического каталога разными людьми или же это были лишь разные этапы обработки информации, проведенной одним человеком. В любом случае, однако, эту работу провел весьма педантичный человек, возможно, связанный с канцелярским делопроизводством. Поэтому можно предположить, что к созданию текста первых трех глав XI книги был причастен кто-нибудь из служащих канцелярии при одном из восточноримских магистров войск. Не исключено, что этот человек получил опыт боевых действий на Балканах, о чем свидетельствует несколько большее внимание автора книги к европейским варварам (скифам, «белобрысым», а также славянам), нежели к азиатским (нет упоминаний сарацинов, армян, иберов). Вероятно, мы здесь имеем редкую возможность заглянуть в недра делопроизводства военных канцелярий того времени. Не исключено, что эта картотека или анкета явилась следствием серьезной работы многих служащих военных канцелярий, обрабатывавших сведения, полученные от полководцев, пленных, перебежчиков, послов, купцов, агентов и т.д.

Большую помощь в проведении семинара оказала Научная библиотека РГГУ: при деятельной помощи ее сотрудников был подготовлен библиографический указатель литературы с подробной рубрикацией по ключевым проблемам истории поздней античности «Меню к посиделкам» (составители – П.П. Шкаренков, В.И. Уколова, И.А. Копылов, Н.Г. Костенко). В нем указаны издания и переводы источников, а также новинки зарубежной исследовательской литературы, которыми располагает библиотека РГГУ.

На заключительном заседании были подведены итоги семинара, обозначены наиболее актуальные и приоритетные проблемы в изучении истории Позднего Рима, варварской периферии и античного христианства. Говоря о перспективах дальнейшего развития отечественной историографии по заявленной на семинаре проблематике, все выступающие отметили актуальность прошедшего семинара и подчеркнули его практическую значимость.

И.А. Копылов,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

© 2012 г.

ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА КОРОТКИХ

(1950–2011)

16 октября 2011 г. ушла из жизни Людмила Михайловна Коротких – антиковед-испанист, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета.

Л.М. Коротких родилась в семье военнослужащего на Дальнем Востоке, но с 17 лет вся ее жизнь была связана с Воронежем. Она – выпускница исторического факультета Воронежского государственного университета (1974). С первого курса была увлечена и впоследствии всю жизнь предана истории античности и своему учителю, проф. А.И. Немировскому, памяти которого посвятила эссе, опубликованное к 90-летию ученого (ВДИ. 2010. № 2). Людмила Михайловна прошла специализацию, а затем и аспирантуру по кафедре истории древнего мира, защитив кандидатскую диссертацию по теме «Фокейская колонизация Испании. Эмпорион» (ЛГУ, 1982). На родной кафедре она и преподавала до последних дней своей жизни.

Объектом научных интересов Л.М. Коротких всегда была античная Испания. Ее первая работа, опубликованная в сборнике научных студенческих работ (1970), была посвящена анализу античной традиции о Балеарах. Позже вышла ее статья об Авиене и сложностях интерпретации его сведений об Испании (1978). С систематическим привлечением археологических источников была написана первая из опубликованных в ВДИ статей «Этнокультурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья: По материалам фокейской колонизации Испании» (1991. № 2). Для Людмилы Михайловны эта статья стала рубежной, ибо именно в ней она заявила о себе как об исследователе широкого профиля, продемонстрировав комплексный подход к вопросам истории древней Испании. С тех пор ключевая тема ее научных интересов – иберы и проблема их идентификации. Этой проблематике она посвятила более 40 работ, в том числе книгу «Древняя Иберия в античной традиции и археоло-

гии» (2002). Итогом исследования вопроса о том, насколько самобытными были иберы и насколько созданная ими цивилизация соответствовала шкале античных средиземноморских ценностей, стала докторская диссертация «Древняя история Пиренейского полуострова: формирование иберийской культуры» (МГГУ, 2002).

Л.М. Коротких, всегда с большим почтением относившаяся к трудам своих предшественников по испанским штудиям, специально занималась изучением испанской историографии античности. Результаты этой работы нашли отражение в серии выступлений на российско-испанских симпозиумах, на Сергеевских и Жебелевских чтениях, на авторско-читательских конференциях ВДИ, а также в ряде статей. Последняя из них – «"Иберийская проблема" и политическая ситуация в Испании в конце XIX–XX в.» (ВДИ. 2011. № 2). Организованность, начитанность, уверенное владение языками и стремление «во всем дойти до самой сути… до корней» позволили Людмиле Михайловне Коротких оставить собственный след в отечественной испанистике.

Отдельного внимания заслуживают работы Л.М. Коротких последнего десятилетия, в которых представлена история изучения античности и классических языков на историческом факультете Воронежского государственного университета – преемника Дерптского с его традиционным для немецкого университета интересом к классическим штудиям. Центральная публикация этого направления посвящена вкладу проф. А.И. Немировского в изучение истории древнего мира на созданной им кафедре истфака ВГУ и в подготовку специалистов в области античной истории.

Сама Людмила Михайловна была преподавателем по душе и по жизни. Ее приверженность педагогике сотрудничества, профессионализм, доброжелательность, справедливость и дипломатичность всегда давали результат и дарили обеим сторонам учебного и научно-исследовательского процесса радость общения и позитивный настрой. Л.М. Коротких стала инициатором возрождения Научного совета ВГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Всеобщая история» и его ученым секретарем. Нельзя не упомянуть и о том, что Л.М. Коротких основала социально-гуманитарный колледж «Номос» (1992) и была его бессменным и очень успешным директором. Для чтения лекций она приглашала профессоров ВГУ, открыла издательство, где регулярно печатается разнообразная, в том числе и научная литература.

У Людмилы Михайловны Коротких – большая, дружная, прекрасная семья, ее дом был всегда открыт для друзей, живущих как в Воронеже, так и в других городах и странах. Все мы надолго сохраним память о ней в своих сердцах.

Коллеги, друзья

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2012 г.

«ЛАЛИТАВИСТАРА» (ГЛАВА III) И ЕЕ КИТАЙСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Переводы с санскрита и китайского и комментарии
Н. В. Александровой, М. А. Русанова

Важнейшая сутра махаяны «Лалитавистара» представляет собой жизнеописание Будды. Этот памятник имеет сложную многовековую историю формирования. Основные этапы сложения сутры могут быть выявлены как на основании анализа структуры ее текста, так и с помощью сравнения санскритского варианта с китайскими переводами Дивакары (683 г.) и Фа-ху (308 г.). Третья глава санскритской «Лалитавистары» содержит рассказ о том, как будущий Будда, пребывая в небесном мире Тушита, выбирает место и время для своего схождения на землю. В этом повествовании интересен образ идеального буддийского царя и характеристики различных царств древней Индии. Истории формирования главы и установлению источников, использованных ее составителями, посвящена наша статья «Цари и царства древней Индии в буддийской сутре» (см. выше с. 126–147). Далее приводится полный перевод трех версий главы. Поскольку каждый фрагмент памятника анализируется в статье через сравнение санскритского текста с китайскими переводами, в публикации глава разделена на девять сегментов, и в каждом из них даются все имеющиеся версии. Предложенная в статье реконструкция истории сложения сюжета о «выборе рода» строится на переходе от более поздних версий к более ранним. Поэтому в публикуемом переводе после очередного фрагмента «Лалитавистары» дается сначала китайский вариант VII в., а затем IV в.

Перевод санскритского текста выполнен по критическому изданию: *Hokazono K.* Raritavisutara no kenkyū. Tokyo, 1994. Авторы выражают признательность Л.М. Ермаковой, предоставившей копию этой книги.

Использованные тексты Дивакары и Фа-ху находятся в электронной версии китайской Типитаки (Т. 187 и Т. 186): CBETA (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006-02.

ГЛАВА О ВЫБОРЕ РОДА

[I. Вступление]

ЛАЛИТАВИСТАРА

И вот Бодхисаттва, так побуждаемый дхармой и временем, вышел из великой *виманы*[1] и поднялся в великий дворец, именуемый Процветание Дхармы, где он обычно сидел и проповедовал дхарму богам [мира] Тушита. Поднявшись туда, он воссел на троне, [называемом] Благая Дхарма. И боги, равные по достоинству Бодхисаттве, последователи той же Колесницы, [что и он], тоже поднялись в тот дворец. И пришедшие с десяти сторон света бодхисаттвы, и боги, в своих деяниях равные Бодхисаттве, поднявшись во дворец, сели каждый на свой трон в соответствии со своим положением, сопровождаемые шестьюдесятью восемью тысячами миллионов человек свиты, единых [с ними] во взглядах, без апсар и без низших богов.

ДИВАКАРА

Будда возвестил *бхикшу*[2]: в то самое время, когда Бодхисаттва услышал такие гатхи, он поднялся с сиденья, направился в свой дворец, в зал собраний для проповеди дхармы, и воссел на «трон льва». Также и великие бодхисаттвы, которых было неизмеримое, безграничное множество, принадлежавшие к той же колеснице, обладавшие тем же поведением, все поднялись в зал дхармы и сели на «троны льва». Каждый имел 68 *коти* свиты, обступившей его со всех сторон.

ФА-ХУ

Тогда Будда возвестил *бхикшу*.

В то время Бодхисаттва, услышав звуки изысканной музыки и вознамерившись провозгласить слова дхармы, вышел в великий дворец, где был великий зал для проповедей, называемый Объяснение Дхармы, и, взойдя в этот зал для проповедей, воссел на «ложе льва»[3]. И боги, исповедующие «великую колесницу», соблюдающие благие деяния, а также милосердные [бодхисаттвы][4] вместе с ним взошли в этот великий зал проповедей; каждый проследовал на свое место, и они расселись по порядку. [При этом] было исключено все множество небесных дев и низших богов[5]. Также и все [его] последователи пришли на собор, и все это сообщество составляло шестьдесят шесть *коти*.

---

[1] «Вимана» (vimāna) – дворец бога, способный летать, повинуясь воле своего владельца; также это слово означает «дворец» и «храм».

[2] В тех случаях, когда в китайском тексте встречаются санскритские термины, переданные с помощью традиционной иероглифической транскрипции или перевода-кальки, мы сохраняем соответствующее санскритское слово. Поэтому слова, переданные по-русски в переводе санскритской главы, здесь могут быть оставлены без перевода. Приводим список этих слов: бхикшу (*бичу* 比丘 «монах»), бодхисаттва (*пути* 菩薩), гатхи (*цзи* 偈 «стихи»), коти (*цзюйчжи* 拘胝 «число 100 млн.»), шастра (*лунь* 論, трактат), махапуруша (*да-жэнь* 大人 «великий муж»), пратьекабудда (*пичжи-фо* 辟支佛), царь-чакравартин (*чжуань-лунь шэн-ван* 轉輪聖王), шарира (*шэли* 舍利 «мощи»), нирвана (*непань* 涅槃), кальпа (*цзе* 劫), дхарма (*фа* 法), брахман (*паньломэнь* 婆羅門), кшатрий (*шадили* 剎帝利), вайшья (*бишэ* 毘舍), шудра (*шоуто* 首陀), чандала (*чжаньтоло* 旃陀羅), риши (*сянь-жэнь* 仙人), бодхи (*пути* 菩提), шраман (*шамэнь* 沙門), асура (*асюло* 阿修羅), пошадха (*фуша* 弗沙), качилиндика (*цзялиньто* 迦隣陀).

[3] «Ложе льва» – *шицзы чуан* 師子床, соответствует санскр. siṃhāsana, так же, как *шицзы цзо* 師子座 в переводе VII в.

[4] Милосердные [бодхисаттвы] – *цычжэ* 慈者, соответствует *да пуса* 大菩薩 «великие бодхисатвы» в переводе VII в.

[5] Низшие боги – *тянь-цзы* 天子, соответствует санскр. devaputra.

[II. Сообщение о богах, обучавших брахманов Ведам]

ЛАЛИТАВИСТАРА

И вот, о монахи, [узнав], что через двенадцать лет Бодхисаттве надлежит спуститься в утробу матери, боги Чистой Обители, придя на Джамбудвипу[6] и под брахманским обличьем скрыв [свой] божественный облик, обучали брахманов Ведам.

ДИВАКАРА

За двенадцать лет до того, как Бодхисаттва по своему желанию низошел для рождения, боги Чистой Обители спустились в Джамбудвипу[7] и стали брахманами, проповедуя веда-шастру[8]. Когда эта шастра будет провозглашена, через двенадцать лет явится превосходнейший муж, который в облике белого слона войдет в чрево матери.

[III. Рассказ о «семи сокровищах» царя-чакравартина]

ЛАЛИТАВИСТАРА

Тот, кто так нисходит в утробу[9], бывает наделен тридцатью двумя признаками великого мужа, а у наделенного ими бывает два пути, третьего – нет. Если он живет в доме, то становится царем-чакравартином, завоевавшим землю[10], преданным дхарме царем дхармы, наделенным семью сокровищами. Ему принадлежат семь сокровищ. Это – сокровище-колесо, сокровище-слон, сокровище-конь, сокровище-жена, сокровище-драгоценный камень, сокровище-домохозяин, сокровище-полководец, вот такие семь.

Каким сокровищем-колесом бывает наделен царь-чакравартин? У помазанного на царство царя-кшатрия, [в день] *пошадха*[11] на пятнадцатый день [лунного месяца] омывшего голову, постившегося, взошедшего на крышу дворца, окруженного свитой женщин, с восточной стороны появляется божественное сокровище-колесо с тысячей спиц, ободом и

---

[6] Согласно буддийской космографии, земной мир состоит из четырех основных и восьми промежуточных континентов (dvīpa, букв. «остров»), расположенных в океане по четырем сторонам от горы Сумеру. Континент Джамбудвипа (jambudvīpa), на котором расположены Индия и весь наш мир, получил свое название от дерева Джамбу, растущего в недоступном для обычных людей месте за Гималаями (Васубандху 1994, 157–158).

[7] Джамбудвипа – здесь *Яньфу-ди* 閻浮地, далее также *Яньфути* 閻浮提, *Яньфу* 閻浮.

[8] Веда-шастра (*вэйто-лунь* 圍陀論) – по-видимому, обобщенный термин для ведийских текстов.

[9] «Так нисходит в утробу», т.е. самостоятельно выбирает время и место своего рождения, а также свою будущую мать.

[10] «Завоевавший землю» – caturantavijitavān (caturanta – букв. «четыре края», т.е. «вся земля»), в палийском каноне cāturanto постоянный эпитет чакравартина, а в комментариях вводится понятие cāturantacakkavatti «чакравартина, управляющего четырьмя континентами», стоящего выше dīpacakkavatti «чакравартина одного континента» и padesacakkavati «чакравартина одного места» (Malalasekera, vol. 2, 1343–1345). В изданиях Митры и Лефмана caturaṅgo vijitavān «имеющий (?) войско четырех видов, победоносный»; К. Хокадзоно исправил текст на основе тибетского перевода.

[11] «Пошадха» (poṣadha) – ведийское upavasatha, пали uposatha, posatha; первоначально «канун дня жертвоприношения сомы», в буддизме название дней, предшествующих возрастанию и убыванию луны, т.е. 1-го, 8-го, 15-го и 23-го дней лунного месяца. В эти дни буддисты-миряне брали обет соблюдать 8 «добродетелей» (śīla/sīla): не убивать, не брать того, что не дано, не прелюбодействовать, не лгать, воздерживаться от вина и веселья, не есть в неправильное время (после полудня), избегать развлечений, не использовать умащений и украшений (Rhys Davids, Stede 2003, 712, 708).

ступицей цвета золота, высотой в семь *тала*[12]. И увидев то божественное сокровище-колесо, помазанный на царство царь-кшатрий [думает] так: «Я слышал, если у помазанного на царство царя-кшатрия, [в день] *пошадха* на пятнадцатый день [лунного месяца] омывшего голову, постившегося, взошедшего на крышу дворца, окруженного свитой женщин, с восточной стороны появляется божественное сокровище-колесо, то он становится царем-чакравартином. Теперь я – царь-чакравартин; испытаю-ка я это божественное сокровище-колесо». И тогда помазанный на царство царь-кшатрий, поместив верхнюю одежду на одно плечо и опершись правым коленом на землю, [коснувшись колеса (?)] правой рукой, обратился с просьбой к этому божественному сокровищу-колесу и сказал так: «О владыка, вращай божественное сокровище-колесо в соответствии с дхармой, а не с адхармой»[13]. Тогда это божественное сокровище-колесо, приведенное во вращение помазанным на царство царем-кшатрием, благодаря магической силе движется как должно по воздуху на восток. А следом идет царь-чакравартин в сопровождении войска четырех видов. И там, где это божественное сокровище-колесо останавливается, помазанный на царство царь-кшатрий вместе с войском четырех видов делает привал. Тогда местные цари в восточной стороне света, взяв серебряные сосуды с золотым песком или взяв золотые сосуды с серебряным песком, выходят навстречу царю-чакравартину и говорят так: «Приди, господин! Добро пожаловать, господин! Принадлежит господину это царство, процветающее, богатое, безопасное, изобилующее пищей, населенное множеством людей. Царствуй, о господин, обретший свою державу»[14]. Когда сказано так, помазанный на царство царь-кшатрий говорит тем местным царям: «Почтенные, управляйте своими царствами в соответствии с дхармой, а не с адхармой. О почтенные, не убивайте живых существ, не берите того, что не дано, не совершайте дурного [во власти] желаний, не лгите и, чтобы не появилось в моей державе адхармы, не поощряйте тех, кто следует адхарме».

Так помазанный на царство царь-кшатрий покоряет восточную сторону света. Когда он покорил восточную сторону света, [сокровище-колесо] погружается в восточный океан и, погрузившись в восточный океан, преодолевает восточный океан. Преодолев восточный океан, благодаря магической силе по воздуху движется на юг. А следом идет царь-чакравартин в сопровождении войска четырех родов. Точно так же он покоряет и южную сторону света. Так же, как южную, он покоряет западную и северную стороны света. Когда он покорил северную сторону света, [сокровище-колесо] погружается в северный океан. Погрузившись, оно поднимается из северного океана. Поднявшись, оно благодаря магической силе как должно по воздуху прибывает в столицу и встает, невредимое, над воротами дворца. Таким сокровищем-колесом бывает наделен помазанный на царство царь-кшатрий.

Каким же сокровищем-слоном бывает наделен царь-чакравартин? У помазанного на царство царя-кшатрия так же, [как сокровище-колесо], появляется сокровище-слон. Весь белый, с хорошо сложенными семью частями тела, с золотым плюмажем, с золотым знаменем, с золотыми украшениями, покрытый золотой сеткой, обладающий магической силой, передвигающийся по воздуху, наделенный сверхъестественными качествами царь слонов по имени Бодхи. И когда помазанный на царство царь-кшатрий желает испытать это сокровище-слона, он на восходе солнца, поднявшись на это сокровище-слона, странствует по этой великой земле, [окруженной] рвом океана, опоясанной океаном, и, вернувшись в столицу, наслаждается правлением. Таким сокровищем-слоном бывает наделен царь-чакравартин.

Каким же сокровищем-конем бывает наделен царь-чакравартин? У помазанного на царство царя-кшатрия так же, [как сокровище-слон], появляется сокровище-конь. Весь

---

[12] «Тала» – tāla, пальмировая пальма (Borassus flabelliformis), это растение служило единицей измерения высоты (Monier-Williams 1993, 444; см. также Edgerton 1998, vol. 2, 252).

[13] Толкование этого неясного места см. выше с. 129–130.

[14] «Держава» – vijita, букв. «завоеванное», в качестве термина, обозначающего территорию, управляемую царем, встречается еще в эдиктах Ашоки.

вороной, с черной головой, с гривой, как [трава] *мунджа*[15], с чуткой мордой, с золотым знаменем, с золотыми украшениями, покрытый золотой сеткой, обладающий магической силой, передвигающийся по воздуху, наделенный сверхъестественными качествами царь коней по имени Балахака[16]. И когда помазанный на царство царь-кшатрий желает испытать это сокровище-коня, он на восходе солнца, поднявшись на это сокровище-коня, странствует по этой великой земле, [окруженной] рвом океана, опоясанной океаном и, вернувшись в столицу, наслаждается правлением. Таким сокровищем-конем бывает наделен царь-чакравартин.

Каким же сокровищем–драгоценным камнем бывает наделен царь-чакравартин? У помазанного на царство царя-кшатрия так же, [как сокровище-конь], появляется сокровище–драгоценный камень. Чистая, синяя ляпис-лазурь, восьмигранная, хорошо обработанная; от сияния этого сокровища–драгоценного камня весь дворец озаряется светом. И когда помазанный на царство царь-кшатрий желает испытать это сокровище–драгоценный камень, он ночью, в середине ночи среди непроглядной тьмы, подняв это сокровище–драгоценный камень на верхушке знамени, выходит в сад, чтобы как следует осмотреть [свои] земли. И благодаря сиянию этого сокровища–драгоценного камня все войско четырех родов озаряется светом на расстояние *йоджаны*[17]. И те люди, которые живут рядом с [местом] этого сокровища–драгоценного камня, озаренные его светом, видят друг друга, узнают друг друга, говорят друг другу: «Вставайте, добрые люди. Принимайтесь за работу. Начинайте торговлю. Кажется, на небе взошло солнце». Таким сокровищем–драгоценным камнем бывает наделен помазанный на царство царь-кшатрий.

Каким же сокровищем-женой бывает наделен царь-чакравартин? У помазанного на царство царя-кшатрия так же, [как сокровище–драгоценный камень], появляется сокровище-жена. Достойная [царя] женщина из варны кшатриев, не слишком высокая, не слишком маленькая, не слишком полная, не слишком худая, не слишком светлая, не слишком темная, приятная, привлекательная, красивая. Ото всех пор ее кожи веет ароматом сандала, а изо рта веет ароматом лотоса. [Она] приятна для прикосновения, словно тонкая ткань[18]; в холодную пору члены ее тела при прикосновении – теплые, в жаркую пору – прохладные. Даже в мыслях она не испытывает страсти ни к кому, кроме царя-чакравартина, что уж говорить о теле. Таким сокровищем-женой бывает наделен царь-чакравартин.

Каким же сокровищем-домохозяином бывает наделен царь-чакравартин? У помазанного на царство царя-кшатрия так же, [как сокровище-жена], появляется сокровище-домохозяин. Ученый, опытный, мудрый, обладающий божественным зрением. Этим божественным зрением он на расстояние *йоджаны* видит богатства, имеющие владельцев, и богатства, не имеющие владельцев. И с теми, которые не имеют владельцев, он делает то, что нужно сделать с помощью богатства для царя-чакравартина. Таким сокровищем-домохозяином бывает наделен царь-чакравартин.

---

[15] «Мунджа» (muñja) – Imperata cylindrica, высокая трава, произрастающая в заболоченных местах и по берегам рек, использовалась для изготовления шнуров и веревок, а также в ритуальных целях. В пуранической мифологии связана с Будхой, сыном Сомы и Тары (Gupta 1971, 59–60; см. также Корнеева 2007, 376).

[16] Балахака (bālāhaka) – имя коня, вероятно, связано с городом Балхом, столицей Греко-Бактрийского, а затем Кушанского царства. Кони из окрестностей этого города назывались bālhika и высоко ценились в Индии; см. также примечание к переводу Р.Л. Митры (Mitra 1998, 46).

[17] «Йоджана» (yojana) – мера длины, приблизительно равная 14 км.

[18] «Приятная для прикосновения, словно тонкая ткань» – kācilindikasukhasaṃsparśā, этим же эпитетом охарактеризован в шестой главе «Лалитавистары» дворец (ratnavyūha), в котором пребывает Бодхисаттва в утробе матери (см. Русанов 2008, 135); kācilindika – разновидность ткани, часто упоминаемая в буддийской литературе как образец мягкого и нежного материала (Edgerton 1998, vol. 2, 175).

Каким-же сокровищем-полководцем бывает наделен царь-чакравартин? У помазанного на царство царя-чакравартина так же, [как сокровище-домохозяин], появляется сокровище-полководец. Ученый, опытный, мудрый, [он], стоит царю-чакравартину только подумать, направляет войско туда, куда его следует направить. Таким сокровищем-полководцем бывает наделен царь-чакравартин.

Этими семью сокровищами бывает наделен чакравартин. Еще бывает у него тысяча сыновей – смелых, отважных, совершенных телом, сокрушающих вражеские войска. Он беспрепятственно правит всей этой великой землей, окруженной океаном, завоевав [ее] без насилия и оружия.

Если же он покинет дом ради жизни бродячего аскета, то станет Буддой, избавившимся от желаний и страстей, вождем, единственным богом, наставником богов и людей.

ДИВАКАРА

Этот муж, наделенный тридцатью двумя признаками *махапуруши*, имеет два предназначения. Если остается в доме, то становится совершенным царем-чакравартином. Если уходит из дома, то достигает состояния будды.

[IV. Рассказ о нирване пратьекабудд]

ЛАЛИТАВИСТАРА

И вот, другие боги пришли на Джамбудвипу и возвестили *пратьекабуддам*[19]: «Почтенные, покиньте [эту] *буддхакшетру*[20]. Здесь через двенадцать лет Бодхисаттва сойдет в утробу матери».

---

[19] «Пратьекабудда» – pratyekabuddha, букв. «отдельный будда», в буддийской философии этот термин обозначает человека, который достиг просветления сам, но живет в уединении и не проповедует учение другим людям; в отличие от будды пратьекабудда не обладает всеведением (EIPh. 2006, 200). Васубандху писал: «Пратьекабудды, или просветленные только для себя, – это те, кто достиг Просветления собственными усилиями, без [слушания] наставлений (...) В силу своей прежней привычки [к уединению] и преимущественной заинтересованности в отсутствии [какого-либо] беспокойства они не отваживаются посвятить себя делу объяснения другим глубокого Учения» (Васубандху 1994, 188). В одной из сутт палийского канона (Isigilisutta) сам Будда восхваляет пратьекабудд и называет их имена (Middle Length Sayings 2004, vol. 3, 110–113). Понятие «пратьекабудда» имеет долгую историю. Присутствие этого слова как в Типитаке (paccekabuddha), так и в каноне джайновшветамбаров (patteyabuddha), а также совпадение ряда имен пратьекабудд у буддистов и джайнов позволяет предположить, что данное понятие заимствовано обеими религиями у неизвестной нам древней секты. При этом сама концепция особого «просветления только для себя» складывалась постепенно, поскольку в Типитаке есть упоминания о пратьекабуддах, обучавших других людей, и лишь в комментарии к «Сутта-нипате» впервые высказывается мысль о невозможности такого обучения (подробнее см. Norman 1983).

[20] «Буддхакшетра» – buddhakṣetra, букв. «поле будды», базовое понятие буддийской космологии, обозначающее сферу влияния того или иного будды; источники тхеравады (например, Visuddhimagga XIII. 31) различают «сферу рождения» (jātikhetta) – 10 тысяч миров, в которых будда рождается, достигает просветления, учит и погружается в нирвану, «сферу авторитета» (āṇākhetta) – 100 миллиардов миров, в которых эффективны защитные формулы (paritta), данные буддой, и бесконечную «сферу знания» (visayakhetta), на которую простирается всеведение будды. В текстах тхеравады и сарвастивады подчеркивается невозможность появления двух будд одновременно, но, согласно космологии махаяны, вселенная состоит из бесчисленного количества миров и каждая группа миров (буддхакшетра) может иметь своего будду (подробнее см. Kloetzli 2007, 5–6, 56–57, 135–136; EB 2004, 186–187; Zhutayev 2010, 153–159).

В то время, о монахи, в великом городе Раджагрихе, на горе Голангулапаривартане[21] жил *пратьекабудда* по имени Матанга. Услышав эту речь, он, словно ком глины, отделился от скалы, пролетел по воздуху [расстояние] в семь *тала*, обрел огненную сущность[22] и, подобно метеору, угас[23]. А его желчь, флегма, сухожилия, кости, мясо и кровь полностью очистились благодаря огненной [сущности], и [его] чистые мощи[24] упали на землю. И сегодня те места называются – Следы Риши.

В то время, о монахи, в Варанаси, в Ришипатане, в Мригадаве жили пятьсот *пратьекабудд*. Они тоже, услышав эту речь, пролетели по воздуху [расстояние] в семь *тала*, обрели огненную сущность и, подобно метеорам, угасли. А их желчь, флегма, мясо, кости, сухожилия и кровь полностью очистились благодаря огненной [сущности], и их чистые мощи упали на землю. Там упали риши – вот с той поры и появилось название Ришипатана. И там безбоязненно обитали олени – так у Мригадавы и появилось название Мригадава[25].

ДИВАКАРА

И еще явилось божество, которое низошло в Джамбудвипу и возвестило *пратьекабуддам*, произнеся такую речь: «Почтенные! Вам следует покинуть эту землю. По какой причине? Через двенадцать лет явится Бодхисаттва, который низойдет [на землю] и чудесным образом войдет в чрево». В то время в городе Раджагрихе[26] на горе Вэйпань[27] жил *пратьекабудда* по имени Матанга[28]. Услышав эту речь и видя, что его тело похоже на ком земли, он поднялся с сиденья, вознесся в воздух на высоту семи деревьев *тала*[29], обратился в огненное тело и вошел в нирвану – лишь оставшиеся *шарира* выпали из воздуха вниз. Потому это место называется Ришипатана[30]. О *бхикшу*, в то время в стране Варанаси[31] пятьсот *практьекабудд*, услышав эту речь божества, таким же образом обратились в огненное тело и вошли в нирвану – лишь оставшиеся *шарира* выпали из воздуха вниз. И еще в прошлые времена был почтенный милосердный царь, который преподнес это место в дар стаду не знающих страха оленей, потому эта земля также называется Оленья Пустынь Риши[32].

---

[21] Голангулапаривартана – golāṅgulaparivartana, букв. «Кружение Обезьяны»; golāṅgula (пали gonaṅgula), букв. «с коровьим хвостом» – наименование породы обезьян (Edgerton 1998, vol. 2, 217).

[22] «Огненная сущность» (tejodhātu) – некая магическая субстанция, с помощью которой пратьекабудды сжигают свое тело, тем самым очищаясь от телесной нечистоты перед тем, как погрузиться в паринирвану (Edgerton 1998, vol. 2, 256).

[23] «Угас» – parinirvavau, терминологически «погрузился в паринирвану».

[24] «Мощи» – śarīrāṇi, это же слово используется для обозначения мощей Будды.

[25] Ришипатана (ṛṣipatana, букв. «падение риши») и Мригадава (mṛgadāva «олений парк») – два названия местности рядом с Варанаси, прославленной тем, что там Будда произнес свою первую проповедь (этому событию посвящена двадцать шестая глава «Лалитавистары»).

[26] Раджагриха – *Ван-шэ* 王舍.

[27] Гора Вэйпань (尾盤) – так передано санскритское название *golāṅgulaparivartana*, означающее «кружение [обезьяны] с коровьим хвостом». Китайский переводчик, по-видимому, воспринял слово *golāṅgula* («коровехвостая») не как «обезьяна», а буквально как «хвост» (*вэй* 尾); *parivartana* здесь передано усеченной транскрипцией *пань* 盤.

[28] Матанга – *модэн* 摩燈.

[29] Деревья тала (tāla, *доло-шу* 多羅樹), см. прим. 12.

[30] Ришипатана – *Сянь-жэнь-до-чу* 仙人墮處.

[31] Страна Варанаси – *Болонай-го* 波羅奈國; в китайской традиции название «страны» часто передается по названию главного города.

[32] Оленья Пустынь Риши – *Сянь-жэнь Лу-юань* 仙人鹿苑.

[V. «Четыре раздумья» Бодхисаттвы. Выбор времени, континента, страны и рода для предстоящего схождения на землю]

ЛАЛИТАВИСТАРА

И вот, о монахи, Бодхисаттва, пребывая в лучшем дворце [неба] Тушита, предавался четырем великим раздумьям. Каким четырем? Раздумью о времени, раздумью о континенте[33], раздумью о месте, раздумью о роде.

Почему, о монахи, Бодхисаттва предавался раздумью о времени? Бодхисаттва не сходит в утробу матери, когда мир только возник [или] в пору гибели живых существ[34], но когда появившийся мир прочен, [когда] познано рождение, познана старость, познана болезнь, познана смерть, тогда Бодхисаттва сходит в утробу матери.

Почему, о монахи, Бодхисаттва предавался раздумью о континенте? Бодхисаттвы не рождаются ни на промежуточных континентах[35], ни на Пурвавидехе, ни на Апарагодание, ни на Уттаракуру. Они рождаются на Джамбудвипе.

Почему, о монахи, Бодхисаттва предавался раздумью о месте? Бодхисаттвы не рождаются в пограничных странах, где люди вялы и глупы, бессловесны по природе, не способны понять смысл хороших и дурных речей. Бодхисаттвы рождаются только в центральных странах[36].

Почему, о монахи, Бодхисаттва предавался раздумью о роде? Бодхисаттвы не рождаются в низких родах: ни в роду чандалов, ни в роду изготовителей [вещей] из бамбука, ни в роду изготовителей колесниц, ни в роду *пуккаса*[37]. Они рождаются только в родах двух [варн]: в роду брахманов и в роду кшатриев. Когда в мире почитаются брахманы, тогда они рождаются в роду брахманов. Когда в мире почитаются кшатрии, тогда они рождаются в роду кшатриев. Теперь, о монахи, в мире почитаются кшатрии, поэтому бодхисаттвы рождаются в роду кшатриев. Вот почему Бодхисаттва, пребывая в лучшем дворце неба Тушита, предавался четырем великим раздумьям. Задумавшись об этом, он молчал.

---

[33] «Континент» (dvīpa) – согласно буддийской космографии, в океане с четырех сторон от мировой горы Сумеру расположены 4 континента – Джамбудвипа, Пурвавидеха, Годания (или Апарагодания) и Уттаракуру; см. подробнее (Васубандху 1994, 156–157).

[34] «В пору гибели живых существ» – sattvasaṃvartanīkālasamaye, такое толкование композита предложено Ф. Эджертоном (Edgerton 1998, vol. 2, 540); Фуко, следуя тибетскому переводу, переводил «lors du rassemblement des êtres» (Foucaux 1884, 21); в переводе С. Лефманна «zur Zeit da die Wesen sich bilden» (Lefmann 1874, 16); у Р. Митры: «after a change of creation» (Mitra 1998, 36) у Б. Госвами: «when there is a change among living beings» (Goswami 2001, 24).

[35] «Промежуточный континент» (pratyantadvīpa) – Васубандху писал: «Между ними (*континентами*) восемь промежуточных континентов: Деха, Видеха, Куру, Каурава, Чамара, Авара, Гатха и Уттарамантрина (...) Все они населены людьми. Некоторые считают, что один [промежуточный континент населен] ракшасами» (Васубандху 1994, 157).

[36] «В центральных местностях» (madhyameṣu janapadeṣu) – вероятно, имеется в виду Madhyadeṣa, территория между Гималаями и горами Виндхья, Панджабом и Бихаром (Mitra 1998, 49).

[37] «Пуккаса» – pukkasa, пали pukkusa, название низкой касты; согласно палийскому комментарию, представители этой касты «выметали цветы, оставшиеся в святилищах после совершения обрядов» (Malalasekera 1960, vol. 2, 214). Перечисленные названия родов частично совпадают со стандартным списком пяти «низких родов» из палийского канона: caṇḍālakula, nesādakula, veṇakula, rathakārakula, pukkusakula; см. например, в «Ангуттараникае» (II. 84) и «Маджхима-никае» (II. 152).

ДИВАКАРА

В то время как Бодхисаттва пребывал в небесном дворце, он, [сосредоточившись] на четырех мыслях, предавался глубокому размышлению. Первое размышление – о времени. Второе размышление – о стороне света. Третье размышление – о стране. Четвертое размышление – о роде. О *бхикшу*, по какой причине он размышлял о времени? Бодхисаттва не входит в утробу матери в начале кальпы, а лишь на исходе кальпы. В течение кальпы многочисленные существа уже обрели знание о том, что существуют старость, болезнь, смерть и страдание, и как раз в это время Бодхисаттва входит в утробу матери. По какой причине он размышлял о стороне света? Бодхисаттва не появляется ни на востоке в Видехе, ни на западе в Годание, ни на севере в Куру[38], ни в других окраинных землях, а появляется лишь на Джамбудвипе. Почему именно здесь? По той причине, что на Джамбудвипе люди обладают мудростью. По какой причине он размышлял о стране? Бодхисаттва не рождается в окраинных землях, поскольку в окраинных землях люди в большинстве глупы, не обладают врожденными способностями и, подобно бессловесным овцам, не способны понять различие между благими речами и неблагими. По этой причине Бодхисаттва рождается только в срединной стране. По какой причине он размышлял о роде? Бодхисаттва не рождается в домах чандалов, вайшьев и шудр. Из четырех варн[39] он [может родиться] только в двух: либо среди кшатриев, либо среди брахманов. В нынешнем мире кшатрии более почтенны, и по этой причине Бодхисаттва родится в доме кшатриев.

Размыслив так, он остался безмолвным.

[VI. Спор небожителей о том, какой из существующих царских родов достоин рождения в нем Бодхисаттвы]

[*Магадха*]

ЛАЛИТАВИСТАРА

И вот, о монахи, боги и бодхисаттвы спрашивали друг друга: «К матери какого облика и из какого сокровища среди родов отправится Бодхисаттва?» Тогда некоторые сказали: «Род Вайдеха в стране Магадхе процветающий, богатый, благополучный, изобильный пищей. Он достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]». Другие же говорили: «Этот [род] не достоин. Почему так? Ведь в нем мать не чиста и отец не чист, он не имеет сыновей, непостоянен, ненадежен, погружен в мелкие достоинства, но не затронут великими достоинствами; окрестные земли этого рода, словно пограничная горная деревня, не покрыты садами, озерами и прудами. Вот почему этот [род] не достоин».

ДИВАКАРА

В то время собравшиеся бодхисаттвы и боги все говорили друг другу: «Какая же страна ныне подойдет Бодхисаттве и в каком роду состоится его воплощение?»

Некоторые боги говорили: «В стране Магадхе[40] царь Вайдехи[41] могущественен и пребывает в полном расцвете. Можно получить рождение в этом [роду]». Другие же говорили:

---

[38] Китайский переводчик обыгрывает названия Пурвавидеха, Апарагодания, Уттаракуру, начальная часть которых означает стороны света, и в соответствии с этими названиями утверждает, что Бодхисаттва размышлял «о стороне света» (не «о континенте», как в санскритском тексте): «на востоке в Видехе» (Пурвавидеха) – *Дун-Фупоти* 東弗婆提, на западе в Годание (Апарагодания) – *Си-Цзюйени* 西瞿耶尼, на севере в Куру (Уттаракуру) – *Бэй-Юйчань* 北欝單.

[39] Четыре варны – *сы-син* 四姓 можно так перевести по контексту, поскольку далее речь идет о варнах кшатриев и брахманов.

[40] Магадха – *Моцзято* 摩伽陀.

[41] Вайдехи – *Битихэ* 毘提訶.

«Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? И отец, и мать этого царя были неправедны. Он высокомерен, крайне жесток, и добрых качеств у него ничтожно мало. У него нет великих благих деяний, и не следует родиться в этом [роду]».

И все вместе стали они рассуждать: «В каком же роду ныне предстоит родиться Бодхисаттве?»

ФА-ХУ

Некоторые сказали так: «Род Видеха[42] в стране Магадхе[43] – наиболее процветающий. Ныне Бодхисаттве следует на этой земле низойти в утробу матери». Другие же сказали так: «Бодхисаттве не следует родиться в этой стране, поскольку, хотя в роду Видеха семья матери добродетельна, однако бесчестный род отца – жесток, беспокоен и не способен [сдержать] жажды наслаждений. Скудные добродетели и заслуги этого рода недостаточны. В селениях, расположенных на землях этой страны, нет парков с хорошими водоемами для купания. К тому же эти места окраинные, они непригодны для рождения [Бодхисаттвы]».

[*Кошала*]

ЛАЛИТАВИСТАРА

А другие говорили: «Род Каушала[44] имеет множество слонов, множество слуг, множество богатств. Он достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]». Другие же говорили: «Этот [род] тоже не достоин. По какой причине? Ведь в роду Каушала случилось падение Матанги[45], [в нем] отец и мать нечисты, [он] склонен к низкому, неблагороден и не накопил бесчисленных богатств, драгоценностей и сокровищ. Вот почему этот [род] не достоин».

ДИВАКАРА

Некоторые боги говорили: «Царский род Каушала[46] – прославленный и выдающийся. Он обладает многими драгоценностями, слонами, конями, колесницами, чиновниками и слугами. Можно получить рождение в этом [роду]». Другие же говорили: «Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? Этот царь происходит из рода матанга[47]. Его отец и мать, а также все сородичи низменны, маловерны и скудны заслугами. Не следует родиться в этом [роду]».

ФА-ХУ

Некоторые держали такую речь: «[Царский] род великой страны Каушала[48] преисполнен величия. Сородичи их процветают. Бодхисаттве следует совершить нисхождение в этой стране». Другие же заявили: «Бодхисаттве не следует [совершать нисхождение здесь]. Потому что эти [правители] Каушалы происходят из рода матанга[49], а [лишь затем] появились

---

[42] Видеха – здесь *Вэйти* 維提.

[43] Магадха – здесь *Мохэ* 摩竭.

[44] Каушала (Kauśala, пали Kosala) – имя царского рода, правившего в государстве Кошала. Государство это было довольно могущественным во времена Будды и находилось под властью царя Прасенаджита, осуществлявшего правление в городе Шравасти. В Кошале Будда провел бóльшую часть своей жизни (Malalasekera 1960, vol. 1, 695–697).

[45] «Случилось падение Матанги» – mātaṅgacyutyupapanna, букв. «наделенный падением Матанги»; анализ этого сюжета см. выше с. 135–136.

[46] Каушала – *Цзяосало* 憍薩羅.

[47] Матанга – здесь *Модэнцзя* 摩燈伽.

[48] Каушала – здесь *Цзюйса* 拘薩.

[49] Матанга – *мотэн* 摩騰.

в этой стране. И род отца, и род матери неправедны, дурны, низкого рождения. Это не тот [род], где мог бы наслаждаться радостью Небесный Наставник. Удача и преуспевание их скудны, а происхождение низменно. Характер их неспокоен. Они не имеют редких и ценных сокровищ, а также изысканных яств, которыми можно было бы совершать подношения Совершенному. Садов и купален тоже чрезвычайно мало. Не следует унижать достоинства посещением этого захолустья».

[*Вамша/Ватса*]

ЛАЛИТАВИСТАРА

А другие говорили: «Род Вамшараджа процветающий, богатый, благополучный, изобильный пищей. Он достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]». Другие же говорили: «Этот [род] тоже не достоин. По какой причине? Ведь род Вамшараджа низок, жесток, не сияет духовным пылом, происходит от [предка], рожденного чужим мужчиной, не происходит от действия собственного духовного пыла отца и матери. К тому же царь из этого рода придерживается учения об уничтожении[50]. Вот почему этот [род] тоже не достоин».

ДИВАКАРА

Некоторые боги говорили: «Вот род царя ватсов[51] – известный и могущественный. Богатый, радостный, процветающий, благочинный, милостивый и щедрый. Можно получить рождение в этом [роду]». Другие же говорили: «Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? Этот царь зауряден, низок и не имеет великих достоинств. Он жесток и труслив. Его мать происходит из подлого рода, узурпировавшего трон. Не следует родиться в этом [роду]».

ФА-ХУ

Некоторые сказали еще: «У царя великой страны Вамша[52] и знать, и народ многочисленны, "пять злаков" дают обильные урожаи. Бодхисаттве следует совершить нисхождение именно в этой стране». Другие же сказали: «Бодхисаттве не следует [совершать нисхождение здесь]. И вот почему. Царь этой страны происходит от смешанного брака, он низкого происхождения. Он не обладает высокой добродетелью. На этой земле нет могущественных духов. Отец и мать не честны и не обрели положения властителей. По этой причине [Бодхисаттве] не следует родиться здесь».

[*Вайшали*]

ЛАЛИТАВИСТАРА

А другие говорили: «Великий город Вайшали[53] – процветающий, богатый, благополучный, изобилующий пищей, прекрасный, многолюдный, украшенный верандами, башенками, воротами, круглыми окнами, большими домами и строениями на плоских крышах дворцов, имеющий цветущие сады и подобный дворцам в городе богов. Он достоин того, чтобы Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]». Другие говорили: «Он тоже не достоин. По какой причине? Ведь [жители] несправедливы по отношению друг к другу, не следуют дхарме, не проявляют внимания к высшим и средним, к старым и старшим. Каждый думает: "Я царь, я царь!". [Никто] ни у кого не учится, не [следует своей] дхарме. Вот почему этот [город] тоже недостоин».

---

[50] «Учение об уничтожении» – ucchedavāda (EIPh. 2006, 37).

[51] Ватса – *Ду-цзы* 犢子.

[52] Вамша – здесь *Хэша* 和沙.

[53] Вайшали (Vaiśālī, пали Vesālī) – столица государства личчхавов.

ДИВАКАРА

Некоторые боги говорили: «Царь Вайшали[54] почтенен, богат, миролюбив и радостен. Он не имеет врагов, его народ многочислен. Его дворцовые палаты с парками, садами, рощами, родниками, цветами и плодами великолепны и прекрасны, словно небесные дворцы. Можно получить рождение в этом [роду]». Другие же говорили: «Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? Живущие в этой стране личчхавы[55] не почитают друг друга, а каждый уважает себя самого. По этой причине Бодхисаттве не следует родиться в этом [роду]».

ФА-ХУ

Некоторые сказали еще: «Вот превосходный великий город Вайшали[56]. Население его многочисленно, миролюбиво, богато, радостно и беспечно. Окна и двери у них покрыты резными узорами, а сторожевые башни пышно украшены и высоки. Среди водоемов для купания, в парках гуляют и веселятся мужчины и женщины. Жилища людей опрятны и правильны. Бодхисаттве следует совершить нисхождение именно на этой земле». Другие же сказали: «[Бодхисаттве] не следует ныне здесь [совершать нисхождение]. И вот почему. Народ этой земли склонен к спорам и раздорам. Они не следуют чистому поведению ни в доме, ни вне его. Они не исповедуют истинной дхармы, не различают праведного и дурного. Каждый почитает самого себя и говорит единственно о самом себе. Они не способны к получению знаний, не следуют дхарме, не обладают высокой добродетелью. Вот по этой причине не нужно унижаться [до рождения в этой стране]».

[*Аванти*]

ЛАЛИТАВИСТАРА

А другие говорили: «Род Прадьёты[57] имеет великое войско и множество слонов, [он] одержал победу над вражескими армиями. Он достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]». Другие же говорили: «Этот [род] тоже не достоин. По какой причине? Ведь они жестоки, непостоянны, гневливы, грубы, опрометчивы и неосмотрительны в делах. Вот почему этот [род] тоже не достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]».

ДИВАКАРА

Некоторые боги говорили: «Царь Прадьёта[58] обладает великим могуществом. Он предводительствует многочисленным войском и способен сокрушить врагов. Можно получить рождение в этом [роду]». Другие же говорили: «Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? Этот царь суров и не совершает благих деяний. По такой причине Бодхисаттве не следует родиться в этом [роду]».

ФА-ХУ

Некоторые говорили еще: «Вот страна Прадьёта[59]. [Ее царский] род весьма влиятелен и безгранично совершает благие деяния. Он – первейший в умении главенствовать[60]. Бодхисаттве следует совершить нисхождение именно в этой стране». Другие же заявили: «Здесь

---

[54] Вайшали – *Биели* 毘耶離.

[55] Личчхавы – *личэнь-цзы* 離車子.

[56] Вайшали – здесь *Вэйели* 維耶離.

[57] Прадьёта (Pradyota, пали Pajjota и Caṇḍappajjota) – царь государства Аванти со столицей Удджаини.

[58] Прадьёта – *Шэн-гуан* 勝光.

[59] Прадьёта – здесь *Пошу* 鑼樹.

[60] Здесь *у шоу* 無首 переведено по разночтению *юаньшоу* 元首.

также не следует [совершать нисхождение]. И вот почему. Жители этой земли упрямы и своенравны, в их поведении – ложь. По своему нраву они свирепы и жестоки, их трудно обратить [в истинную веру]. С виду они насмешливы, легкомысленны и заносчивы. Они не привержены совершению благих деяний. По этой причине не следует [Бодхисаттве] родиться здесь».

[Матхура]

ЛАЛИТАВИСТАРА

А другие говорили: «Город Матхура процветающий, богатый, благополучный, изобилующий пищей, многолюдный. [Матхура] – столица царя Субаху, правителя Шурасены. Она достойна того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в ней в утробе [матери]». Другие же говорили: «Она тоже не достойна. По какой причине? Ведь тот царь появился на свет в роду, придерживающемся ложных взглядов, он – царь нечестивых. Не подобает Бодхисаттве, переживающему последнее рождение, появляться в роду, придерживающемся ложных взглядов. Вот почему этот [город] тоже не достоин».

ДИВАКАРА

Некоторые боги говорили: «Царь города Матхура[61] по имени Субаху[62] – храбр, добродушен, богат и властен. Можно родиться в этом [роду]». Другие же говорили: «Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? Этот царь происходит из рода, который привержен ложным воззрениям, испорченного и не приверженного [истинному] пути. Не следует родиться в этом [роду]».

[Хастинапура]

ЛАЛИТАВИСТАРА

А другие говорили: «Царь великого города Хастинапуры – мужественный герой, рожденный в роду Пандавов, наделенный наилучшим обликом. Этот род сокрушителей вражеских войск достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]». Другие же говорили: «Этот [род] тоже не достоин. По какой причине? Ведь потомки рода Пандавов испортили свою родословную: Юдхиштхиру называют сыном Дхармы, Бхимасену – сыном Ваю, Арджуну – сыном Индры, а Накулу и Сахадеву – сыновьями Ашвинов. Вот почему и этот род не достоин того, чтобы этот Бодхисаттва в нем пребывал в утробе [матери]».

ДИВАКАРА

Некоторые боги говорили: «Царь Пандава[63], чья столица находится в Хастинапуре[64], усерден в делах, отважен, хорошего телосложения, благополучен. Облик его приятен, и он способен покорить врагов. Можно родиться в этом [роду]». Другие же говорили: «Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? Этот царь – евнух, и в роду его внесен беспорядок. Хотя в нем есть пятеро героев, все они не настоящие отпрыски [рода]. Не следует родиться в этом [роду]».

---

[61] Матхура – *Мотоуло* 摩偷羅.
[62] Субаху – *Шань-би* 善臂.
[63] Пандава – *Паньчапо* 般茶婆.
[64] Хастинапура – *Сян-чэн* 象城.

[*Митхила*]

ЛАЛИТАВИСТАРА

А другие говорили: «Вот прекраснейший город Митхила[65], где живет царь Митхилы – Сумитра. И этот царь, обладающий войском с множеством слонов, лошадей, колесниц и пеших воинов, имеющий много золота, драгоценных камней, жемчуга, ляпис-лазури, раковин, драгоценных камней, кораллов, золотых и серебряных предметов и утвари, наделенный мужеством и войском, непоколебимыми перед всеми соседними царями, имеет друзей и любит дхарму. Его род достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]». Другие же говорили: «Этот [род] тоже не достоин. По какой причине? Этот царь Сумитра обладает такими достоинствами, но он слишком стар и не способен породить потомство, и [у него уже] очень много сыновей. Вот почему этот [род] тоже не достоин того, чтобы этот Бодхисаттва пребывал в нем в утробе [матери]».

ДИВАКАРА

Некоторые боги говорили: «Город Митхила[66] – величественный и прекрасный. Его царь зовется Сумитра[67]. Он владычествует над царями, у него в достатке всего – слонов, коней и войска четырех видов. У него несметное число драгоценностей, и он страстно привержен благой дхарме. Можно родиться в этом [роду]». Другие же говорили: «Бодхисаттва не родится в этом [роду]. По какой причине? Этот царь, хотя и обладает такими прекрасными качествами, но возрастом стар и немощен, к тому же у него много сыновей. Не следует родиться в этом [роду]».

[VII. Обращение богов к Бодхисаттве и его речь о качествах идеального царского рода и о достоинствах царицы]

ЛАЛИТАВИСТАРА

Так те боги и бодхисаттвы в шестнадцати странах по всей Джамбудвипе рассмотрели все лучшие царские роды и у всех обнаружили недостатки. Среди них, погруженных в сосредоточенное раздумье, [был] бог по имени Джнянакетудхваджа, избавившийся от возвращений[68], твердо решивший [достичь] просветления в этой Великой Колеснице. Он обратился к этому великому собранию богов и бодхисаттв: «Подойдем, почтенные, к этому Бодхисаттве и спросим [у него самого], какими достоинствами бывает наделен род, в котором рождается бодхисаттва, переживающий последнее рождение». «Хорошо», – [ответили] они все и, сложив почтительно руки, подошли к Бодхисаттве и спросили: «О праведный муж, какими достоинствами наделен тот драгоценный камень среди родов, в котором рождается бодхисаттва, переживающий последнее рождение?»

Тогда Бодхисаттва, окинув взором это великое множество богов и бодхисаттв, сказал так: «Шестьюдесятью четырьмя качествами, о почтенные, бывает наделен род, в котором рождается бодхисаттва, переживающий последнее рождение. Какими шестьюдесятью четырьмя качествами? Вот какими: тот род бывает известным, тот род бывает выдающимся,

---

[65] Митхила (Mithilā) – столица государства Видеха.

[66] Митхила – *Митило* 彌梯羅.

[67] Сумитра – *Су-ю* 善友.

[68] «Избавившийся от возвращений» (avaivartika) – эпитет, применяемый к бодхисаттвам, либо к тем, кто окончательно утвердился на пути к просветлению и больше не вернется к земному существованию (Edgerton 1998, vol. 2, 79).

тот род не причиняет вреда достойным[69], тот род имеет [благородное] происхождение, тот род имеет [хорошую] *готру*, тот род имеет поколения мужей, тот род бывает непоколебимым, тот род имеет поколения прародителей, тот род имеет поколения благородных мужей, тот род имеет поколения известных мужей, тот род имеет поколения мужей, называемых великими владыками, тот род имеет много женщин, тот род имеет много мужчин, тот род бывает бесстрашным, тот род бывает неунывающим и непоколебимым, тот род бывает неалчным, тот род бывает добродетельным, тот род бывает мудрым, тот род бывает оберегаем министрами и вкушает наслаждения, тот род бывает занят полезными ремеслами и вкушает наслаждения, тот род бывает верен дружбе, тот род бывает не причиняющим вреда животным, тот род бывает благодарным, тот род бывает неподвластным прихотям, тот род бывает неподвластным гневу, тот род бывает неподвластным помрачению ума, тот род бывает неподвластным страху, тот род бывает остерегающимся осуждения, тот род бывает не подверженным помрачению ума, тот род бывает раздающим обильную милостыню, тот род бывает предан обетам, тот род бывает предан отречению, тот род бывает предан щедрости, тот род бывает отважным, тот род бывает неизменно мужественным, тот род бывает стойко мужественным, тот род бывает самым мужественным, тот род бывает почитающим риши, тот род бывает почитающим богов, тот род бывает почитающим святилища, тот род бывает почитающим предков, тот род бывает не упорствующим во вражде, тот род бывает восхваляемым в десяти сторонах света, тот род бывает обладающим множеством слуг, тот род бывает обладающим преданными слугами, тот род бывает обладающим непревзойденными слугами, тот род бывает старшим среди родов, тот род бывает лучшим среди родов, тот род бывает достигшим власти над родами, тот род бывает назван великим владыкой, тот род бывает чтущим матерей, тот род бывает чтущим отцов, тот род бывает предан шраманам, тот род бывает предан брахманам, тот род бывает обладающим домами, хранилищами и амбарами, где много сокровищ и зерна, тот род бывает обладающим множеством золота, драгоценных камней, жемчуга, золотых и серебряных предметов и утвари, тот род бывает обладающим множеством слонов, лошадей, верблюдов, коров и овец, тот род бывает обладающим множеством рабынь, рабов, ремесленников и работников, тот род бывает непобедим, тот род бывает преуспевающим во всем, тот род бывает происходящим от рода чакравартина, тот род бывает процветающим благодаря содействию прежних корней благого[70], тот род бывает возвеличен среди родов как род Бодхисаттвы, тот род бывает свободным от всех изъянов родословной в мире богов, смертных и Брахмы, среди существ со шраманами и брахманами. Этими шестьюдесятью четырьмя качествами, о почтенные, бывает наделен род, в котором появляется бодхисаттва, переживающий последнее рождение.

Тридцатью двумя достоинствами, о почтенные, бывает наделена та женщина, в чью утробу сходит бодхисаттва, переживающий последнее рождение. Какими тридцатью двумя? Бодхисаттва, переживающий последнее рождение, сходит в утробу известной женщины. Бодхисаттва, переживающий последнее рождение, сходит в утробу женщины благородной, безупречно благонравной, имеющей [хорошее] происхождение, принадлежащей к [хорошему] роду, красивой, имеющей [доброе] имя, имеющей [хороший] рост и телосложение, прежде не рожавшей, добродетельной, щедрой, улыбчивой, способной к обучению, умной, воспитанной, уверенной в себе, образованной, ученой, нелживой, нелукавой, негневливой, свободной от ревности, независтливой, непеременчивой, нелегкомысленной, неболтливой,

---

[69] «Не причиняет вреда достойным» – akṣudrānupaghāti, возможны различные интерпретации композита; Госвами переводит: «neither mean nor cruel» (Goswami 2001, 28), но, на наш взгляд, удачнее толкование Фуко: «ne frappe pas ceux qui ne sont pas méchants» (Foucaux 1884, 24).

[70] «Корни благого» (kuśalamūla) – общее наименование для трех буддийских добродетелей: alobha «отсутствие алчности», adveṣa «отсутствие вражды», amogha «отсутствие помрачения ума»; «прошлые корни благого» – хорошая карма, обретенная благодаря добродетельному образу жизни в прошлых рождениях.

любящей [проявлять] терпение, наделенной стыдливостью и застенчивостью, не склонной к страсти, вражде и помрачению ума, свободной от женских недостатков, преданной мужу, наделенной всеми достоинствами натуры. Почтенные, этими тридцатью двумя достоинствами должна обладать женщина, в чью утробу сходит бодхисаттва, переживающий свое последнее рождение.

Почтенные, бодхисаттва не сходит в утробу матери в темную половину месяца, но только в светлую половину[71], на пятнадцатый день [месяца], в полнолуние, когда соблюдается [пост] *пошадха*[72], бодхисаттва, переживающий свое последнее рождение, сходит в утробу матери».

ДИВАКАРА

И Будда возвестил *бхикшу*.

Бесчисленные бодхисаттвы и боги, последовательно обозрев могущественные, добродетельные, знаменитые, видные царские роды шестнадцати великих стран Джамбудвипы, не сочли возможным признать их подходящими для рождения Бодхисаттвы. Обсуждая это между собой, они так и не смогли узнать место рождения Бодхисаттвы. В то время среди собравшихся был один бог по имени Джняна[кету]дхваджа[73], который благородно вступил в Великую Колесницу и которому не предстояло возвращение. Он сообщил множеству богов: «Вы вместе с другими должны пойти к Бодхисаттве и спросить его, в каком месте он обычно рождается». И боги, собравшись вместе с другими, направились к Бодхисаттве и, представ перед ним, спросили: «Какой это должен быть род на Джамбудвипе и какими он должен обладать добродетелями, чтобы ему было назначено стать домом, в котором родится Бодхисаттва?»

Тогда Бодхисаттва возвестил богам.

«На Джамбудвипе есть знаменитый, видный род, наделенный шестьюдесятью четырьмя достоинствами, который станет домом, где Бодхисаттва обретет свое последнее рождение. Что называется шестьюдесятью четырьмя достоинствами? Первое – во всех землях своей страны он прославлен как честный род. Второе – он многими почитаем. Третье – в нем не рождаются от смешанных браков. Четвертое – люди его друг с другом почтительны. Пятое – сородичи его благополучны. Шестое – ни внутри, ни вне [рода] его не подозревают в пороках. Седьмое – он не имеет душевных изъянов. Восьмое – оба рода[74] высокочтимы. Девятое – оба рода достойны уважения. Десятое – оба рода имеют известность. Одиннадцатое – оба рода имеют добродетели. Двенадцатое – в этой семье много мужчин. Тринадцатое – на месте рождения [Бодхисаттвы] не ведают страха. Четырнадцатое – [там] нет пороков. Пятнадцатое – [там] почти нет страстных желаний. Шестнадцатое – [там] строго соблюдают обеты. Семнадцатое – [там] все наделены мудростью. Восемнадцатое – [там] все, что употребляют, приказывают прежде подвергнуть тщательному рассмотрению. Девятнадцатое – [там] все люди трудолюбивы. Двадцатое – [там] умирают тихой смертью прежде своих друзей. Двадцать первое – [там] не убивают живых существ. Двадцать второе – [там] не забывают о милосердии. Двадцать третье – [там] соблюдают этикет. Двадцать четвертое – [там], совершая поступки, руководствуются Учением. Двадцать пятое – [там] не знают сомнений. Двадцать шестое – [там] не опрометчивы в делах. Двадцать седьмое – [там] не скупы на вещи. Двадцать восьмое – [там] не совершают злодеяний. Двадцать девятое – [там] не бросают свои дела. Тридцатое – щедрость их велика. Тридцать первое – по характеру они решительны. Тридцать второе – они с добром и принимают, и отвергают. Тридцать третье – они совершают даяние с искренней радостью. Тридцать четвертое – в своих делах они проявляют себя как достойные мужи. Тридцать пятое – они

---

[71] Лунный месяц делился на две половины (pakṣa) – «темную», когда диск луны убывает, и «светлую», когда он возрастает.

[72] См. прим 11.

[73] Джняна[кету]дхваджа – *Чжи-чуан* 智幢.

[74] «Оба рода», т.е. род отца и род матери.

считаются совершающими безупречные деяния. Тридцать шестое – они непоколебимо мужественны и властны. Тридцать седьмое – они обладают огромной храбростью. Тридцать восьмое – они почитают риши. Тридцать девятое – они почитают богов. Сороковое – они почитают наставников в шастрах. Сорок первое – они почитают предков. Сорок второе – они никогда не питают ненависти. Сорок третье – они славятся на "десять сторон света"[75]. Сорок четвертое – они имеют великое окружение. Сорок пятое – они не изменяют дружбе. Сорок шестое – они имеют большое окружение. Сорок седьмое – они имеют могущественное окружение. Сорок восьмое – они не имеют порочного окружения. Сорок девятое – они могущественны и властны. Пятидесятое – у них сыновья почитают отца и мать. Пятьдесят первое – они преклоняются перед шраманами. Пятьдесят второе – они высоко ценят брахманов. Пятьдесят третье – они в достатке обладают "семью сокровищами"[76]. Пятьдесят четвертое – они обладают обильными урожаями зерна. Пятьдесят пятое – они обладают несчетным числом слонов и коней. Пятьдесят шестое – они обладают множеством слуг. Пятьдесят седьмое – они не считаются захватчиками. Пятьдесят восьмое – в своих начинаниях они преуспевают. Пятьдесят девятое – [их род] это род чакравартинов. Шестидесятое – их почитают накопившими корни благого в прежних поколениях. Шестьдесят первое – все, что имеется в этом доме, произошло от корней благого, умноженных бодхисаттвой. Шестьдесят второе – они не совершают ошибок. Шестьдесят третье – они не подвергаются осуждению и подозрению. Шестьдесят четвертое – в их доме в обычае кротость. Вот что называется шестьюдесятью четырьмя достоинствами. Если имеются перечисленные превосходные добродетели, то это способствует тому, что Бодхисаттва родится именно в этом доме.

Если [в роду] есть женщина, обладающая тридцатью двумя добродетелями, то именно она станет матерью Бодхисаттвы. Что называют тридцатью двумя добродетелями? Первое – ее имя прославлено. Второе – ею все восхищаются. Третье – она благочинна и беспорочна. Четвертое – она наделена [благоприятными] знаками. Пятое – она по врожденным свойствам почтенна. Шестое – она исключительно порядочна. Седьмое – ее имя и ее добродетель соответствуют друг другу. Восьмое – она не высокого и не низкого роста, не груба и не слишком нежна. Девятое – она прежде никогда не была беременна. Десятое – она исключительно строгих правил. Одиннадцатое – она по нраву не упряма. Двенадцатое – она лицом радостна. Тринадцатое – ее движения слаженны и достойны. Четырнадцатое – она понятлива и разумна. Пятнадцатое – она по характеру кротка. Шестнадцатое – она всегда безбоязненна. Семнадцатое – она осведомлена [обо всем] и ни о чем не забывает. Восемнадцатое – она мудра и величава. Девятнадцатое – она по нраву не льстива. Двадцатое – она не поддается обману. Двадцать первое – она никогда не гневается. Двадцать второе – она никогда не скупится. Двадцать третье – она по характеру не ревнива. Двадцать четвертое – она по характеру не вспыльчива. Двадцать пятое – облик ее сияет. Двадцать шестое – она лишена злословия. Двадцать седьмое – в занятиях она терпелива. Двадцать восьмое – она в полной мере стыдлива. Двадцать девятое – она презирает "три яда"[77]. Тридцатое – она лишена всех недостатков, свойственных женщинам. Тридцать первое – она почитает богов как полагается. Тридцать второе – она в полной мере обладает всеми [благоприятными]

---

[75] «Десять сторон света» (*ши фан* 十方) – четыре стороны света вместе с промежуточными, а также направлениями «вверх» и «вниз». Термин «десять сторон света» часто встречается в «Лалитавистаре», однако в той части текста, где представление о сторонах света выражено наиболее развернуто (глава VII, «шаги» в стороны света), Бодхисаттва совершает движение лишь на восток, юг, запад, север, «вверх» и «вниз».

[76] «Семь сокровищ» (*ци чжэнь* 七珍) – вместо перечня драгоценностей, имеющегося в соответствующем месте санскритской «Лалитавистары», здесь дается этот термин, означающий «семь драгоценных камней» (saptaratna): золото, серебро, ляпис-лазурь, горный хрусталь, агат, рубин, корнелиан (Soothill, Hodous 2005, 11–12).

[77] «Три яда» (*сань ду* 三毒) – страстные желания, гнев и невежество (Soothill, Hodous 2005, 69).

знаками. Вот то, что называется тридцатью двумя добродетелями. Если она полностью обладает именно такими превосходными добродетелями, только тогда и может стать матерью Бодхисаттвы. Бодхисаттва не входит в утробу в темную половину месяца. В светлую половину месяца, во время *пошадхи*, когда его мать держит очистительный пост – только тогда Бодхисаттва входит в утробу».

ФА-ХУ

И вот все бодхисаттвы и боги в совместном обсуждении рассмотрели царские роды великих стран Поднебесной – могущественные, почтенные, влиятельные. И все [роды], что были ими рассмотрены, они сочли неприемлемыми.

В то время среди собравшихся был один бог по имени Джнянакетудхваджа[78], следовавший по пути бодхисаттвы, достигший [степени] «невозвращения» и проповедовавший [учение] Большой Колесницы. И он обратился к бодхисаттвам и богам: «Святейшие! Следует вам всем отправиться к Бодхисаттве и расспросить его, в каком роду [он родится], и затем выяснить, каково место его последнего рождения, где ему следует совершить нисхождение в чрево [матери]». И все они, [почтительно] сложив руки, отправились к Бодхисаттве и, представ перед ним, стали вопрошать: «Хотим лишь доподлинно разузнать у Справедливейшего о Бодхисаттве, каково место последнего рождения [Бодхисаттвы], где ему предстоит совершить нисхождение, и какими должны быть заслуги рода, [в котором он родится]». И Бодхисаттва сообщил: «Род этой страны должен иметь шестьдесят добродетелей, чтобы он стал тем местом последнего рождения [Бодхисаттвы], где ему следует совершить нисхождение. Что называют шестьюдесятью [добродетелями]? Первое – земли этой страны обширны, а [царский] род – высокочтим. Второе – он всеми почитаем. Третье – в нем не родятся от смешанных браков. Четвертое – в нем рождаются сокровенным путем. Пятое – этот род честен. Шестое – мужчины и женщины [в этом роду] обладают подобающим поведением. Седьмое – они тверды в своих высоких устремлениях. Восьмое – их главные деяния – [деяния] достойных мужей. Девятое – они почитаются как совершающие наилучшие деяния. Десятое – их поведение решительно. Одиннадцатое – они порядочны и скромны. Двенадцатое – ими все восхищаются. Тринадцатое – в своих устремлениях они тверды. Четырнадцатое – они почитаемы повсюду. Пятнадцатое – в осуществлении своих намерений они не знают преград. Шестнадцатое – их женщины в поведении чисты. Семнадцатое – у них несметное число мужчин. Восемнадцатое – они от рождения не ведают страха. Девятнадцатое – у них нет ни скупости, ни зависти. Двадцатое – они мудры и проницательны. Двадцать первое – они в совершенстве владеют многими искусствами. Двадцать второе – они отринули "дурные пути"[79]. Двадцать третье – они вкушают все, что пожелают. Двадцать четвертое – они достигли настоящей власти. Двадцать пятое – у них много добрых друзей. Двадцать шестое – даже когда они окружены дикими тварями, те их не беспокоят и не причиняют им вреда. Двадцать седьмое – этот род отличается мягким обращением. Двадцать восьмое – они стремятся следовать добродетели. Двадцать девятое – у них нет алчности. Тридцатое – у них нет гневливости. Тридцать первое – они не таят в себе темных замыслов. Тридцать второе – в увеселениях они не доходят до безрассудства[80]. Тридцать третье – их благожелательность распространяется повсюду. Тридцать четвертое – они верны своему слову. Тридцать пятое – они с радостью совершают даяние. Тридцать шестое – если они "уходят из дома"[81], то с твердой решимостью. Тридцать седьмое – они отличаются необычайной силой. Тридцать восьмое – их происхождение превосходно. Тридцать девятое – нет никого, кто бы не почитал их. Сороковое – боги им покрови-

---

[78] Джнянакетудхваджа – *Чуан-ин* 幢英, соответствует *Чжичуан* 智幢 в переводе VII в.

[79] «Дурные пути» – *э-цюй* 惡趣, т.е. пути, ведущие к перерождению в виде животного, в виде преты и к попаданию в ад (Soothill, Hodous 2005, 372).

[80] Здесь *чжуан* 戇 переведено по разночтению *ган* 戇 «безрассудный».

[81] «уходят из дома», т.е. становятся монахами.

тельствуют. Сорок первое – им служат духи. Сорок второе – голодные демоны[82] отступают и трепещут перед ними. Сорок третье – они не питают ненависти. Сорок четвертое – они славятся на десять сторон света. Сорок пятое – их род первейший. Сорок шестое – они по натуре властны. Сорок седьмое – их окружение могущественно. Сорок восьмое – они не причиняют вреда своим близким. Сорок девятое – их родственный клан обладает превосходством. Пятидесятое – они чтут своих родителей. Пятьдесят первое – они почитают шраманов и брахманов. Пятьдесят второе – они накопили большие богатства. Пятьдесят третье – в их сокровищницах много драгоценностей и зерна. Пятьдесят четвертое – они полностью владеют "семью сокровищами". Пятьдесят пятое – у них множество слонов и коней. Пятьдесят шестое – они не имеют себе равных. Пятьдесят седьмое – рабов и прислуги у них так много, что им нет счета. Пятьдесят восьмое – они следуют выгоде и справедливости согласно своему желанию. Пятьдесят девятое – они неодолимы. Шестидесятое – они охватывают своими милостями все вокруг. Вот что считается шестьюдесятью [добродетелями]».

[VIII. Речь богов, восхваляющих царя Шуддходану и царицу Майю]

ЛАЛИТАВИСТАРА

И вот, те бодхисаттвы и те боги, услышав от Бодхисаттвы о чистоте рода и чистоте матери, задумались: «Какой из родов может быть наделен такими достоинствами, о которых поведал этот праведный муж?» У них, погруженных в раздумья, появилась такая мысль: «Ведь есть же род Шакья, процветающий, богатый, благополучный, изобилующий пищей, прекрасный, многолюдный. У царя Шуддходаны чистая мать, чистый отец и чистая жена, [его] богатство неистощимо, [он] благонравен, прислушивается к наставлениям, пылает духовным пылом заслуг, рожден в весьма почитаемом роду, возвеличен среди родов, как [принадлежащий] к роду чакравартина, владеет неисчислимыми богатствами, сокровищами и драгоценными камнями, внимателен к делам, свободен от неверных взглядов, единовластен на всей земле Шакьев, чтим, уважаем, добр к купцам, домохозяевам, министрам и членам собрания, красив, не слишком стар, не слишком молод, разумен, наделен всеми достоинствами, знает ремесла, знает [должное] время, знает себя, знает дхарму, знает сущность, знает [дела] мира, знает приметы, [он] – царь дхармы, правящий в соответствии с дхармой. [Его] жилище в великом городе Капилавасту, где у живых существ проросли корни благого[83]. Все, кто родился там, обладают таким же, как у него, характером. У царя Шуддходаны есть царица по имени Майя, дочь главы шакьев Супрабуддхи. Она молода и свежа, наделена юностью и красотой, не рожала прежде, не имеет ни сыновей, ни дочерей, прекрасна, словно нарисована на картине, привлекательна, словно божественная дева, украшена всеми украшениями, лишена недостатков, свойственных женщинам, правдива в речах, не резка, не груба, не легкомысленна, безупречна, сладкоголоса, как кукушка, не болтлива, ласкова, говорит приятно и сладостно, свободна от всякого гнева, неистовства, тщеславия, гордости и враждебности, неревнива, говорит своевременно, щедра, добродетельна, довольна мужем, предана мужу, свободна от мыслей о других мужчинах, имеет правильные нос, уши и голову, волосы, подобные [рою] лучших пчел, прекрасный лоб, прекрасные не нахмуренные брови и улыбчивое лицо, приветствует первой[84], говорит мягко и сладостно, способна к обучению, прямодушна, не коварна, не лукава, не лжива, наделена стыдливостью и скромностью, не легкомысленна, не ветрена, не многословна, не невоздержанна в речах, не склонна к страсти, вражде и помрачению ума, наделена терпением и добротой, сдержана в [движениях] рук, ног и глаз, имеет мягкие и нежные руки

---

[82] Голодные демоны – *э-гуй* 餓鬼, соответствует санскр. preta.

[83] См. прим. 70.

[84] «Приветствующая первой» (pūrvābhilāpinī) – эпитет, подчеркивающий воспитанность царицы.

и ноги, приятна для прикосновения, словно тонкая ткань[85], имеет глаза светлые, словно лепестки молодого лотоса, высокий румяный нос, гармоничные части тела, подобна древку знамени с радугой, хорошо сложена, имеет хорошо развитые главные и второстепенные части тела, безупречные части тела, губы, как [плоды] *бимба*[86], прекрасную внешность, стройную шею, хорошие украшения, глаза светлые, как цветущий жасмин, соразмерные плечи, стройные и красивые руки, талию, словно лук[87], ровные бока, глубокий пупок, округлые, широкие, нежные и упругие ягодицы, тело прочное, подобно алмазу[88], бедра ровные, как хоботы слонов, голени, как голени черной антилопы, [ладони] рук и [ступни] ног, словно окрашенные красным лаком, радует взоры [всего] мира, имеет безупречное зрение, чарующую и привлекательную внешность, превосходит [всех жен] красотой сокровища-жены, несравненна, обликом, словно сотворенным волшебством, соответствует имени Майя[89], сведуща в искусствах, пребывает во дворце великого царя Шуддходаны, сияя [красотой], словно апсара в Нандане[90] – она подходящая мать для Бодхисаттвы. Та чистота рода, о которой говорил Бодхисаттва, есть в роде шакьев и больше нигде».

ДИВАКАРА

И бодхисаттвы вместе с богами, услышав так о чистоте рода и о добродетелях отца и матери, подумали каждый сам про себя: «Кто же те, что обладают этими добродетелями?» И еще подумали так: «[Таков] только царь Шуддходана[91] из семьи шакьев[92], принадлежащий к знатному роду, превосходнейший, потомок царей-чакравартинов, который обладает многими городами и землями с многочисленным населением, миролюбивый, богатый, всесильный и радостный. Этот царь Шуддходана обликом благостен, черты лица его правильны, в проникновении в сокровенное он – первейший, он могуществен, наделен добродетелями, славен, велик, наделен заслугами, мудр, величав; все что им делается – непременно благо, и путем блага он преобразует нравы [людей]. Его семья чрезвычайно богата и обладает редчайшими драгоценностями; слонами, конями и "семью сокровищами" – всем этим они владеют в полной мере. Он глубоко постиг [учение] о плодах деяний, отринул все ложные воззрения. Среди потомков шакьев только ему покоряются как господину четыре стороны света и, глядя на него, радуются. Он умел в ремеслах, не стар и не юн, осведомлен в науках и осведомлен о временах года. Нет в мире таких установлений, в которых бы он не разбирался. Согласно дхарме он стал царем и в соответствии с дхармой правит подданными. Народ, населяющий его страну, издавна взращивает корни благого, и все единодушно служат ему как своему господину.

Супруга царя носит имя Майя[93], она дочь царя Супрабодхи[94]. Она молода, полностью наделена благими знаками. Она никогда прежде не была беременна. Она стройного сложения, она несравненна, и облик ее прекрасен, словно она нарисована на картине. Она не совершала проступков и произносимые ею слова искренни и прекрасны. Она уравновешенна, безупречна, лишена гневливости, а также не ревнива, говорит только вовремя,

---

[85] См. прим. 18.

[86] «Бимба» (bimba) – Momordica Monadelpha, растение с ярко-красными плодами, в поэзии постоянно упоминавшимися как объект сравнения для губ красавиц.

[87] Т.е. талия царицы Майи тонкая, как рукоять лука.

[88] «С телом прочным, подобно алмазу» – vajrasaṃhananakalpasadṛśagātrā, интересно отметить схожий эпитет в описании Ханумана в «Рамаяне» (I. 17. 16) – vajrasaṃhananopeta «наделенный прочностью алмаза».

[89] Майя – māyā, букв. «волшебство», «иллюзия».

[90] Нандана (nandana) – название одного из четырех парков рядом со столицей Шакры Вайджаянтой (см. Васубандху 1994, 165).

[91] Шуддходана – *Шутоутань* 輸頭檀.

[92] Шакьи – *ши* 釋.

[93] Майя – *Мое* 摩耶.

[94] Супрабодха – *Шань-цзюэ* 善覺.

радостна и милосердна, по характеру очень благочестива, постоянно находится со своим мужем и довольна им. Она не легкомысленна и душою незапятнанна. Члены ее соразмерны, брови высоко подняты и длинны, лоб широк и правилен, волосы ярки, пурпурно-черного цвета и похожи на черных пчел. Она говорит с улыбкой, и звуки речи ее нежны. Она все исполняет послушно, честно и не уклоняясь. Она не льстива, не склонна к обману, обладает скромностью, обладает стыдливостью. Нравом она спокойна, обликом чиста. Она презирает "три яда", сдержанна и терпелива. Она хорошо следит за [выражением] своего лица, а также за [движениями] рук и ног. [Кожа] ее тела нежна, словно ткань *качилиндика*. Ее глаза ясны, вытянуты и широко раскрыты, как молодые цветы лотоса, ее губы красивого красного цвета и подобны плодам бимба[95]. Ее шея подобна завитку раковины. Она прекрасна, как радуга. Она идеального роста, лицом и манерами благочинна. Ее плечи правильны, ее руки умеренно длинны. Члены ее тела округлы, а кожа яркого цвета и блестит. Она словно алмаз, который невозможно испортить. Она свободно владеет множеством искусств, и потому ее именуют Майя. Она постоянно пребывает в царском дворце, словно женщина-драгоценность, или как женщина-волшебство, и также подобна небесной деве, живущей в саду Нандана[96]. Наделенная этими многочисленными добродетелями, она может стать матерью Бодхисаттвы. Таковые добродетели присущи только роду шакьев, и никакому другому».

ФА-ХУ

Тогда все бодхисаттвы и боги, услышав об этих шестидесяти благородных качествах рода, в удовлетворении и великой радости познав его особые признаки, предстали перед Бодхисаттвой и спросили: «У какого же рода заслуги столь высоки, что соответствуют этим?» И Бодхисаттва сообщил: «Ныне этот род процветает. "Пять злаков" у него дают обильные урожаи, он мирно правит своим народом. Пребывающее в безграничной радости население многочисленно и накапливает множество добродетелей. Жители Капилавасту[97] послушны, младшие преемствуют старшим и, следуя друг за другом, хранят о них память. С глубоким чувством они оберегают "три сокровищницы". Питая отвращение к тому, что губительно и нечисто, они отринули все ложные воззрения. В единении шакьи уповают лишь на одну Колесницу[98]. Они почитают старших [по званию]. Служилые люди и высшие чиновники живут в мире и согласии, как одна семья. Их царь Шуддходана[99] по характеру человеколюбив и мудр, а царица славится красотой, она мягкого нрава, милосердна и чрезвычайно добра. Внешность ее трудно описать. Будучи не склонна к наслаждению, она не имеет потомства. Пресытившись мирской суетой, она не сворачивает с пути истины. Даже боги и небесные девы, глядя на нее, не могут налюбоваться, и нет среди женщин такой, что могла бы с таким радушием вести беседу. В ней от рождения нет никакой грубости, она лишена ненависти. Она не передает слухов во все стороны. Она с радостью совершает даяние. Она без небрежения соблюдает запреты. Она чтит своего мужа. Она все делает вовремя. Она не таит посторонних мыслей. Она постоянно предается благой медитации. Ее волосы с пурпурно-синим отливом. Ее лицо выражает радость. В ее характере – доброта и мягкость, в своем поведении она искренна и лишена льстивости. Она постоянно соблюдает стыдливость. Она серьезна, а не легкомысленна. Она презирает "три нечистоты"[100]. Она первейшая в способности к терпению. Ее руки и ноги нежны, словно цветы лотоса. Следя за своим разумом, речью и желаниями, она тверда, как алмаз. Как у яшмовой девы-сокровища, ее добродетель первозданно чиста. В течение

---

[95] Плод бимба – *пиньпо-го* 頻婆果.

[96] Сад Нандана – *Хуаньси-юань* 歡喜園.

[97] Капилавасту – здесь *Цзявэйловэй* 迦維羅衛.

[98] «Колесница» – имеется в виду «Великая Колесница», т.е. махаяна.

[99] Шуддходана – *Бай-цзин* 白淨.

[100] «Три нечистоты» – *сань гоу* 三垢, что соответствует *сань ду* 三毒 «три яда» в тексте VII в. (страсть, гнев, глупость – Soothill, Hodous 2005, 62, 69).

пятисот прежних рождений она становилась матерью Бодхисаттвы. Род шакьев ожидает [окончания] долгой, пустой ночи. [Бодхисаттве] следует совершить нисхождение именно в ее чрево».

[IX. Стихотворное изложение содержания главы]

ЛАЛИТАВИСТАРА

Об этом говорится так:

1. Во дворце Процветание Дхармы чистое существо, риши, окруженный богами, равными [ему] по достоинству, и прославленными бодхисаттвами, восседал на троне Благая Дхарма.

2. И сидя там, он размышлял: «Какой чистый и благой помыслами род подходит для рождения Бодхисаттвы? И где чистые умом мать и отец?»

3. Обозрев [континент], именуемый Джамбу, поняв, что все великие царские кшатрийские роды имеют недостатки, он увидел, что род шакьев лишен недостатков.

4. Шуддходана – благороден, [рожден] в царском роду, имеет безупречное имя в семье владык людей, благоденствует, богат и спокоен; он пользуется уважением и следует дхарме праведных.

5. И все другие живые существа в городе, носящем имя Капилы[101], чисты мыслями и следуют дхарме. Прекрасно украшенное садами, рощами и парками место рождения в [городе], носящем имя Капилы.

6. Все [жители] наделены силой великих воинов, обладают мощью нескольких слонов и достигли совершенства в искусстве [стрельбы] из лука, но не причиняют вреда другим ради [собственной] жизни.

7. Главная жена Шуддходаны, первая среди тысяч женщин, чарующая, словно образ, созданный волшебством, зовется царицей Майей.

8. Обликом она прекрасна, как божественная дева, члены ее хорошо развиты, а тело чистое и безупречное. Нет никого из богов и людей, кто, глядя на Майю, насытился бы [ее лицезрением].

9. Она не возбуждена страстью, не опорочена пороком, нежна и ласкова, искренна и обходительна в речах, не груба, не резка, дружелюбна, улыбчива и не хмурит бровей.

10. [Она] стыдлива, скромна, следует дхарме, не горделива, не упряма, не легкомысленна, не завистлива, не лукава, не лжива, привержена щедрости, настроена дружелюбно.

11. Она следит за своими поступками и не занимается бесполезными делами, придерживается правды, прекрасна телом и умом. Из женских недостатков, которых существует множество, у нее нет ни одного.

12. В мире людей, в мире гандхарвов и в мире богов нет девы, равной царице Майе, откуда уж превосходящая [ее]?! Именно она подходящая мать для великого риши!

13. Не менее чем в пятистах своих рождениях она была матерью Бодхисаттвы, отцом же всякий раз [становился] Шуддходана. Поэтому она – подходящая, обладающая [необходимыми] достоинствами мать.

14. Она верна своим обетам, словно подвижница. Она всегда следует обетам и руководствуется дхармой. С одобрения царя, получившая [от него] дар, она тридцать два месяца не предавалась любовным наслаждениям.

15. Во всяком месте, где она стоит, сидит или возлежит на ложе, а также на месте ее прогулок, – [все] бывает озарено ее сиянием, являющимся из-за благой кармы.

16. Нет такого бога, асура или человека, который мог бы смотреть [на нее] со страстью – все они, в поведении наделенные достоинствами благородных, видят в ней мать или дочь.

---

[101] «Город, носящий имя Капилы» – Капилавасту, город, где прошли детство и юность Готамы; по преданию, построен в том месте, где некогда была ашрама мудреца и подвижника Капилы. В буддийской археологии точное место нахождения Капилавасту остается предметом дискуссий: по мнению одних, это Тилауракот на территории Непала, тогда как другие связывают древнюю столицу шакьев с расположенной в Индии Пиправой (Vost 1906; Schumann 2004, 13–17).

17. Благодаря благим делам царицы Майи процветает великий царский род, и у царя растет слава и известность, не свойственная местным царям.

18. Поскольку Майя – подходящий сосуд [для Бодхисаттвы] и поскольку Благородное Существо сияет в высшей степени, эти двое [вместе] выглядят еще больше наделенными достоинствами: он – сын, а Майя – мать.

19. Нет другой женщины на Джамбудхвадже[102], которая могла бы вынашивать лучшего из людей, кроме царицы, наделенной высшими достоинствами, ведь у нее сила десяти тысяч слонов.

20. Так великие боги и просветленные существа, обладающие великой мудростью, описывали мать Майю, мол, она наделена достоинствами и достойна [выносить] потомка рода шакьев.

ДИВАКАРА

Об этом повествуют гатхи:

[1] Бодхисаттва, пребывая на [небесах] Тушита[103], воссел в зале собраний дхармы, // и многочисленные боги, принадлежащие к общей с ним колеснице, с почтением расположились вокруг него.

[2] Вместе стали они размышлять, каков наилучший род и каково место, в котором предстоит родиться Бодхисаттве, // и, обозрев по всей Джамбудвипе великие кланы царей-кшатриев,

[3] Сочли, что род шакьев – наиболее благородный и что в нем ему следует обрести свое воплощение – // в городе, называемом Капила[104], где издавна правили потомки царей-чакравартинов,

[4] Миролюбивые, не имеющие врагов, добром обращающие [в истинную веру] множество тех, кто ищет прибежища. // Их страна необычайно величественна, и десять тысяч родов радостно пребывают в ней,

[5] Почитая дхарму и следуя праведным, они едины в стремлениях со своим царем. // Его сородичи многочисленны и могущественны, силою подобны могучему слону,

[6] Или же нескольким слонам равны по своей силе. // Их воины многочисленны и искусны, при этом они не причиняют вреда живым существам.

[7] Супруга же их царя – первейшая среди тысячи жен, // достойнейшая, не имеющая себе равных – потому она именуется Майя.

[8] Обликом своим она краше небесной девы, все члены ее соразмерны; // боги, люди и асуры, глядя на нее, не могут насмотреться.

[9] Она предельно чиста, не совершает проступков, у нее нет порочных желаний. // Ее речь необычайно изысканна, правдива и при этом нежна.

[10] Тело ее постоянно благоухает чистотой и полностью лишено порочности. // Она улыбчива и никогда не хмурится, соблюдает дхарму, наделена стыдливостью.

[11] Она не надменна, не льстива, также не ревнива, // лишена всего греховного, старательно совершает благие дела, следует милосердию и усердна в даянии.

[12] Она всем своим существом выше свойственных женщинам недостатков, [известных] в мире, // среди богов и людей не может быть никого превыше ее.

[13] Наделенная [такими] достоинствами, она и должна зачать Великого Совершенного, // ведь уже в течение пятисот рождений она становилась матерью Бодхисаттвы,

[14] И ее царственный [супруг] также в течение многих рождений становился его отцом. // Мать по собственной воле соблюдала обет воздержания, проведя так тридцать два месяца.

---

[102] Джамбудхваджа – jambudhvaja, букв. «со знаменем [в виде дерева] джамбу» другое название для континента Джамбудвипа.

[103] Тушита – *Доушуай* 兜率.

[104] Капила – *Цзябило* 迦毘羅.

[15] Благодаря ее праведному поведению и накопленной ею великой добродетели тело ее постоянно излучает сияние, // и там, где царица пройдет или наступит – то место тем самым уже украшено.

[16] Боги, люди и асуры не смеют взирать на нее со страстным желанием, // все они почитают ее как мать или как сестру.

[17] Благодаря этой чистоте деяний, по своей великой праведности сравнимой с [праведностью] совершенных и святых[105], // царь мог стяжать широкую славу, и ему покорны все рассеянные [по земле цари][106].

[18] Ее добродетели полностью подходят для той, что станет матерью Бодхисаттвы, // и нет другой среди женщин, кто может стать матерью Будды.

[19] Многочисленные боги, обладающие великой добродетелью, и многомудрые бодхисаттвы // все преисполнились восхищения от добродетели матери, [в утробу которой] Бодхисаттве предстояло низойти для рождения.

ФА-ХУ

Об этом следующие гатхи:

[1] Чистейший, возлюбивший дхарму, воссел на «львиный трон» дхармы. // Боги сами окружили его, охваченные трепетом перед Бодхисаттвой.

[2] И повсюду в зале проповедей они повели обсуждение – какой же род достаточно мудр и добродетелен, // в котором следует Бодхисаттве совершить нисхождение, и какие отец и мать воистину праведны?

[3] Обозрев всю Поднебесную, великие роды князей и царей // все рассмотрев, они обнаружили, что род шакьев чист и не имеет изъянов.

[4] Царь Шуддходона – превосходный, не имеющий равных среди властителей, // преуспевающий, богатый, не имеющий пороков, постоянно с благоговением следует дхарме.

[5] Все идут к его покровительству, все восхищаются шакьей за его искренность и кротость. // В [городе], украшенном залами для проповедей и садами – в Капилавасту[107] следует [Бодхисаттве] совершить нисхождение.

[6] Здесь все [жители] обладают великой неодолимой силой, и сила их такова, как у тридцати двух слонов. // Безупречно владея [воинским] искусством, они не наносят вреда ни единому существу.

[7] У Шуддходаны, чуждого высокомерия, первейшего в трех тысячах миров, // в радости благоговеющего перед богами, есть супруга, именуемая безупречной Майей[108].

[8] Она воистину как небесная дева, образ ее превосходит всех своей чистотой. // И боги, и люди, глядя на нее, любуются и не могут наглядеться.

[9] В ней нет изъянов, словно в редкостном драгоценном камне, ее речь искренна, она нежна и ласкова. // Она тиха и спокойна, в ней нет ничего грубого, ее лицо радостно, и выражение его не меняется.

[10] Она следует дхарме, она стыдлива, она лишена высокомерия и не легкомысленна. // От нее не услышишь лести, она постоянно творит добро и раздает милостыню.

[11] [Разделяя] чистое и греховное, она следует «десяти добродетелям», она постоянно следит за телом и умом. // Преодолев свойственные мужчинам и женщинам пороки, она не обрела никаких недостатков.

[12] Она не стремится к славе среди людского мира, а также во дворцах нагов или в небесных мирах. // Нет никого, кто может превзойти ее, именно она достойна того, чтобы выносить в чреве Великого Мудреца.

[13] В течение пятисот прежних рождений она всегда становилась матерью Бодхисаттвы, // а царь Шуддходана непременно становился его отцом; потому именно здесь следует [Бодхисаттве] совершить достойное нисхождение.

---

[105] Совершенные и святые (*шэн-сянь* 聖賢), т.е. будды и бодхисаттвы.

[106] Рассеянные [по земле цари] – здесь *су-сань* 粟散 является сокращением от *су-сань ван* 粟散王 (Soothill, Hodous 2005, 385).

[107] Капилавасту – здесь *Цзявэй* 迦維, сокращение от *Цзявэйловэй* 迦維羅衛.

[108] Майя – здесь *Миао* 妙.

[14] Праведница, усердно исполняющая обеты, преисполненная почтения, она постоянно следует дхарме; // она долгое время соблюдала чистоту, в течение тридцати двух [месяцев] не предаваясь наслаждению.

[15] В своей стране куда бы она ни входила, где бы ни стояла, где бы ни возлежала на ложе или проходила, // повсюду озарены эти места, источая чистый свет благодаря уничтожению греховного.

[16] И боги, и духи, и люди не смеют испытывать к ней страсти; // глядя на нее, они не испытывают превосходства, наделенные праведным поведением, они смотрят на нее как на мать или дитя.

[17] Благодаря госпоже Майе, творившей чистые деяния, процветает царство, царь и его дворец, // и слава его, которой не наделены другие властители, распространяется повсюду.

[18] Поскольку царица – подходящий сосуд, благородное существо, обладающее наивысшим сиянием, // следует отправиться на эту благородную землю, и там следует мне совершить нисхождение.

[19] На небе и на земле нет другого существа, кто способен выносить в чреве Святейшего, // лишь только царица Майя, наделенная [такими] достоинствами, способна выполнить это предназначение.

[20] Так боги, собравшись на совет вместе с великими святыми и бодхисаттвами, обладающими чистотой и мудростью, // восхищенно описывали добродетели царицы, достойной родить потомка шакьев.

Литература

Васубандху 1994: Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Раздел третий. Учение о мире. СПб.

Корнеева Н.А. 2007: Вишну-смрити. М.

Русанов М.А. 2008: Бодхисаттва в утробе матери // Восток (Oriens). 4, 129–144.

CBETA 2006: CBETA (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association). Chinese Electronic Tripitaka Collection.

EB 2004: Encyclopedia of Buddhism. Vol. 1 / Robert E. Buswell (ed.). N.Y.

Edgerton F. 1998: Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. Vol. 1–2. Delhi.

EIPh. 2006: Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. VII / Karl H. Potter (ed). Delhi.

Foucaux Ph. 1884: Le Lalita-vistara – Développement des jeux. T. 1. P.

Goswami B. 2001: Lalitavistara. English Translation with Notes Bijoya Goswami. Kolkata.

Gupta Sh.M. 1971: Plants, Myths and Traditions in India. Leiden.

Hokazono K. 1994: Raritavisutara no kenkyū. Tokyo.

Kloetzli W.R. 2007: Buddhist Cosmology. Science and Theology in Images of Motion and Light. Delhi.

Lefmann S. 1874: Lalita Vistara / Übersetzt von Salomon Lefmann. B.

Malalasekera G.P. 1960: Dictionary of Pali Proper Names. Vol. 1–2. L.

Middle Length Sayings 2004: The Collection of the Middle Length Sayings (Majjhima-Nikāya) / Transl. by I.B. Horner. Vol. 1–3. Delhi (L., 1954[1]).

Mitra R.L. 1998: The Lalita-Vistara. Memoirs of the Early Life of Sakya Sinha / Transl. by R.L. Mitra. Chs. 1–15. Delhi.

Monier-Williams M. 1993: A Sanskrit-English Dictionary. Delhi.

Norman K.R. 1983: The Pratyeka-Buddha in Buddhism and Jainism // Buddhist Studies Ancient and Modern. L., 92–106.

Rhys Davids T.W., Stede W. 2003: Pali-English Dictionary. Delhi.

Schumann H.W. 2004: The Historical Buddha. The Times, Life and Teachings of the Founder of Buddhism. Delhi.

Soothill W.E., Hodous L. 2005: Dictionary of Chinese Buddhist Terms. Delhi (1937[1]).

Vost W. 1906: Identifications of the Region of Kapilavastu // Journal of Royal Asiatic Society. 38. 3, 553–580.

Zhutayev D. 2010: Sacred Topology of the Buddhist Universe: The *Buddhakṣetra* Concept in the Mahāsāṅghika-Lokottaravādin Tradition // Sacred Topology of Early Ireland and Ancient India. Religious Paradigm Shift (Journal of Indo-European Studies. Monograph Series, 57). Washington, 153–193.

СОДЕРЖАНИЕ

Ладынин И.А. (Москва) – «Стелы Сесостриса»: топос античной историографии и древнеегипетские реалии ... 3
Рунг Э.В. (Казань) – Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н.э. ... 16
Лапырёнок Р.В. (Бонн) – Зарубежная историография о проблеме ценза 125/124 г. до н.э.: старые–новые решения ... 40

ПУБЛИКАЦИИ

Фролова Н.А. (Москва), *Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск) – Античные монеты Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея (Коллекция Н.Н. Грандмезона) ... 55

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Якобсон В.А. (Санкт-Петербург) – Введение в историю бюрократии ... 81
Александрова Н.В., Русанов М.А. (Москва) – Цари и царства древней Индии в буддийской сутре (*Третья глава «Лалитавистары»*) ... 126
Кузьмин Ю.Н. (Самара) – Каллиппа и Бероя ... 147
Нефёдкин А.К. (Фрайбург) – Реформирование союзной кавалерии ахейцев Филопеменом ... 155
Сапрыкин С.Ю. (Москва), *Парфенов В.Н.* (Саратов) – ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (*К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца*) ... 163
Виноградов А.Ю. (Москва) – Наблюдения над палеографией ранневизантийских надписей Северного Причерноморья ... 182
Короленков А.В. (Москва) – Caedes Mariana и tabulae Sullanae: террор в Риме в 88–81 гг. до н.э. ... 195

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ауров О.В. (Москва) – Ю.Б. Циркин. Испания от античности к средневековью. СПб., 2010 212
Габелко О.Л. (Казань) – In Search of Celtic Tylis in Thrace (III c. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010. Ed. by L. Vagalinski and S. Rodway. Sofia, 2010 ... 220
Васильев А.В. (Санкт-Петербург) – A.M. Eckstein. Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxf., 2008 ... 228

PERSONALIA

К 60-летию Сергея Юрьевича Сапрыкина ... 237

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Копылов И.А. (Москва) – Научный семинар «Миусские античные посиделки-III» в Российском государственном гуманитарном университете (Москва, 1–2 апреля 2011 г.) ... 239

Людмила Михайловна Коротких (1950–2011) ... 242

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Лалитавистара» (глава III) и ее китайские переводы. Переводы с санскрита и китайского и комментарии *Н.В. Александровой, М.А. Русанова* (Москва) ... 244

CONTENTS

I.A. Ladynin (Moscow) – «The Arrows of Sesostris»: a *topos* of Ancient Historiography and the Reality of Ancient Egypt 3
E.V. Rung (Kazan) – Tissaphernes and the Hydarnids in the Context of the Political History of the Achaemenidian Power 16
R.V. Lapyrenok (Bonn) – Foreign Historiography on the Problem of the Census of 125/124 BC: New and/or Old Solutions 40

PUBLICATIONS

N.A. Frolova (Moscow), *M.G. Abramzon* (Magnitogorsk) – Ancient Coins of Chersonesus Taurica in the State Historical Museum of Russia (Collection of N.N. Grandemaison) 55

REPORTS AND COMMUNICATIONS

V.A. Jakobson (St. Petersburg) – An Introduction to the History of Bureaucracy 81
N.V. Aleksandrova, M.A. Rusanov (Moscow) – Kings and Kingdoms of Ancient India in a Buddhist Sutra (*The Third Chapter of the «Lalitavistara»*) 126
Yu.N. Kuzmin (Samara) – Kallippa and Beroia 147
A.K. Nefedkin (Freiburg) – Philopoemen's Reform of Achaean Cavalry 155
S.Yu. Saprykin (Moscow), *V.N. Parfenov* (Saratov) – ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ in the Encomium from Panticapaeum: Domitian or Commodus? (*On Dating and Interpretation of an Epigraphic Encomium of a Bosporan Military Commander*) 163
A.Yu. Vinogradov (Moscow) – Some Observations on the Paleography of Early Byzantine Inscriptions in the North Pontic Area 182
A.V. Korolenkov (Moscow) – *Caedes Mariana* and *tabulae Sullanae*: 88–81 BC Terror in Rome 195

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

O.V. Aurov (Moscow) – Yu.B. Tsirkin. Ispaniya ot antichnosti k srednevekoviyu. SPb., 2010 212
O.L. Gabelko (Kazan) – In Search of Celtic Tylis in Thrace (III c. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010. Ed. by L. Vagalinski and S. Rodway. Sofia, 2010 220
A.V. Vasil'ev (St. Petersburg) – A.M. Eckstein. Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxf., 2008 228

PERSONALIA

To the 60th Birthday of Sergey Yur'evich Saprykin 237

SCIENTIFIC EVENTS

I.A. Kopylov (Moscow) – Research Seminar «Classical Meetings at Miusskaya» at the Russian State University for the Humanities (Moscow, 1–2 April 2011) 239

Lyudmila Mikhajlovna Korotkikh (1950–2011) 242

SUPPLEMENT

The Lalitavistara (Chapter III) and its Chinese Versions. Translation from Sanskrit and Chinese and Commentary by *N.V. Aleksandrova, M.A. Rusanov* (Moscow) 244

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
ВВ	–	Византийский временник. Москва
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	–	Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург
ИАК	–	Известия Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИРАИМК	–	Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петроград
КБН	–	Корпус боспорских надписей. Под ред. В.В. Струве. Москва–Ленинград, 1965
КМЗ	–	Керченский музей-заповедник
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Ленинград
МАР	–	Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
НЗХТ	–	Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика. Москва
AA	–	Archäologischer Anzeiger. Berlin
AHDE	–	Anuario de História del Derecho Español. Madrid
AJPh	–	American Journal of Philology. Baltimore
AMI	–	Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
ANRW	–	Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin–New York, 1972–
ANSMN	–	American Numismatic Society Museum Notes. New York, 1946–1988
AS	–	Ancient Society. Leiden
ASt	–	Anatolian Studies. London
BAR	–	*Breasted J.H.* Ancient Records of Egypt. Vol.1–5. Chicago, 1927
BCH	–	Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CAH	–	The Cambridge Ancient History
CHI	–	Cambridge History of Iran. Vol .1. 1968–
CdÉ	–	Chronique d'Égypte. Bruxelles
CJ	–	Classical Journal. Ashland
CPh	–	Classical Philology. Chicago
CQ	–	Classical Quarterly. Oxford
CSCA	–	California Studies in Classical Antiquity. Los Angeles
EJIR	–	European Journal of International Relations
EKM	–	*Γουναροπούλου Λ., Χατζόπουλος Μ.Β.* Ἐπιγραφὲς κάτω Μακεδονίας. Τ. Α΄. Ἐπιγραφὲς Βέροιας. Ἀθήνα, 1998
EnIr	–	Encyclopaedia Iranica. Vol. 1–. London, 1985–
GG(SL)	–	*Gardiner A.H.* Egyptian Grammar. Oxford, 1957[3]. Signlist. P. 432–531
GR	–	Greece and Rome. Oxford
FGrH	–	Fragmente der griechischen Historiker. Hrsg. von F. Jacoby. Berlin–Leiden, 1923–1958
HSCPh	–	Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.)
IA	–	Iranica Antiqua. Leiden
IG[2]	–	Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I–II/III. Berlin, 1913–1924
IOSPE[2]	–	Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Editio altera. Ed. B. Latyšev. Petropoli, 1916
ISE	–	Iscrizioni storiche ellenistiche. Testo critico, traduzione e commento a cura di L. Moretti, F. Canali De Rossi. Vol. 1–3. Firenze–Roma, 1967–2006
JAC	–	Journal of Ancient Civilizations. Changchun
JEA	–	Journal of Egyptian Archaeology. London
JHS	–	Journal of Hellenic Studies. London
JNES	–	Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JRS	–	Journal of Roman Studies. London
KP	–	Der Kleine Pauly. Stuttgart

LÄ	–	Lexikon der Ägyptologie. Hrsg. von W. von Helck, E. Otto,W. Westendorf. Bd I–VI. Wiesbaden, 1972–1986
LEC	–	Études classiques. Paris
LGPN	–	A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford
LI	–	[Liber Iudiciorum] Leges Visigothorum. Ed. K. Zeumer. Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio. I. Berlioni, 1902
LSJ[9]	–	A Greek-English Lexicon. Comp. by H.G. Liddel, R. Scott, rev. by H.S. Jones. Repr. of 9th ed. Oxford, 1996
MAMA	–	Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Oxoniae, 1928
MEFRA	–	Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. Paris–Rome
ML	–	*Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth century BC. 2nd ed. Oxford, 1989
OGIS	–	*Dittenberger W.* Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. I–II. Leipzig, 1903–1905
PSQ	–	Political Science Quarterly. New York, 1886–
RE	–	*Pauly's* Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von *G. Wissowa*. Stuttgart, 1893–1972
RFIC	–	Rivista di filologia e di istruzione classica. Torino
RhM	–	Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main
SEG	–	Supplementum epigraphicum Graecum. Leiden–Amsterdam
Syll.[3]	–	Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. G. Dittenberger et al. Ed. 3. Vol. 1–4. Leipzig, 1915–1924
TAM	–	*Kalinka E.* Tituli Asiae Minoris. Vol. 1. Vindobonnae, 1901
Urk. IV	–	*Sethe K., Helck W.* Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig, 1906–1961
Wb.	–	*Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd I–V. Leipzig–Berlin, 1926–1953
ZÄS	–	Zeitschrift für ägyptische Spräche und Altertumskunde. Leipzig
ZfN	–	Zeitschrift für Numismatik. Berlin
ZPE	–	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
ZRG	–	Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtgeschichte. Weimar

Сдано в набор 07.10.2011 г. Подписано к печати 27.12.2011 г. Формат бумаги 70 × 100 1/16
Цифровая печать Усл.печ.л. 22.1 Усл.кр.-отт. 10.6 тыс. Уч.-изд.л. 25.6 Бум.л. 8.5
Тираж 476 экз. Зак. 2140

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука", Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН
Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099